

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук
Санкт-Петербургский филиал**

Сектор истории Академии наук и научных учреждений

На правах рукописи

Юсупова Татьяна Ивановна

**Советско-монгольское научное сотрудничество:
проблемы становления, развития и основные результаты
(1921–1961 гг.)**

Специальность: 07.00.10 – История науки и техники

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Монголия как объект изучения Академией наук в XVIII – начале XX в.	35
1.1. Становление монголоведения в Академии наук.....	35
1.2. Естественнонаучное изучение Монголии в XVIII – начале XX в.	56
1.3. Формирование и изучение монгольских естественнонаучных коллекций в Академии наук.....	74
Глава 2. Российская академия наук и Ученый комитет Монголии: поиск организационных форм и содержания сотрудничества (1921–1926)	89
2.1. Политические и научно-организационные предпосылки установления сотрудничества Академии наук и Ученого комитета	89
2.1.1. Политическая ситуация в Монголии: от феодально-теократической монархии к народной республике	90
2.1.2. Научно-организационные причины изучения Монголии Российской академией наук	102
2.2. Создание и деятельность Ученого комитета Монголии	118
2.2.1. Национальные особенности организации науки в Монголии.....	118
2.2.2. Деятельность ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано по его развитию	124
2.2.3. Международные контакты Ученого комитета Монголии и установление сотрудничества с Российской академией наук.....	132
2.3. Правительственный патронаж сотрудничества Российской академии наук / Академии наук СССР с Ученым комитетом Монголии.....	148
2.3.1. Комиссия СНК СССР по рассмотрению результатов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова: обсуждение методов и организационных форм изучения Монголии.....	148
2.3.2. Деятельность Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии).....	166
Глава 3. Монгольская комиссия АН СССР как координатор советско-монгольского научного сотрудничества (1927–1945)	181
3.1. «Встраивание» Комиссии по научному исследованию Монголии в структуру Академии наук СССР.....	181
3.2. Нормативно-правовое обеспечение работы советских ученых в Монголии и сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в 1925–1939 гг.	208
3.2.1. Нормативно-правовые акты, регламентирующие работу советских ученых в Монголии в 1924–1929 гг.	208
3.2.2. Договор Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР о совместных исследованиях в 1930–1934 гг.	218

3.2.3. Договор о сотрудничестве Академии наук СССР и Комитета наук МНР в 1935–1939 гг.	233
3.3. Деятельность Монгольской комиссии в условиях государственного администрирования Академии наук СССР и Комитета наук МНР, 1934–1945 гг.	239
3.3.1. Реорганизация Комитета наук МНР: изменение приоритетов, расширение задач.....	239
3.3.2. Изменение целей и задач советско-монгольского сотрудничества: от «абстрактной академичности» к развитию прикладных научных исследований	253
3.3.3. Научное сотрудничество в период международной напряженности и политических репрессий в СССР и МНР	285
3.4. Работа советских ученых в Комитете наук МНР в годы Великой Отечественной войны	304
Глава 4. Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР в условиях смены коммуникативной стратегии научных сообществ СССР и МНР (1945–1961)	328
4.1. Научно-организационные особенности и нормативная база сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР в послевоенных исторических реалиях.....	328
4.2. Советско-монгольский проект по подготовке «Истории МНР»	351
4.3. Взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук МНР по организации и проведению научных экспедиций	376
4.3.1. Монгольская историко-этнографическая экспедиция (1948–1949).....	377
4.3.2. Монгольская палеонтологическая экспедиция (1946–1949)	391
4.3.3. Монгольская сельскохозяйственная экспедиция (1947–1951).....	413
4.4. Упразднение Монгольской комиссии АН СССР	434
4.5. Развитие организационно-правового обеспечения, форм и содержания сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР.....	444
4.6. Создание Академии наук Монгольской Народной Республики	471
Заключение	494
Список сокращений	501
Список использованных источников и литературы	503
Приложение Список советских исследователей, направленных учреждениями АН СССР в Монголию в 1922–1961 гг.	550

Введение

Актуальность исследования. Географическое соседство и давние исторические связи между Россией и Монголией определяют взаимный интерес и побуждают к сотрудничеству в различных сферах, в том числе к тесному научному взаимодействию. Научные контакты между странами установились в начале 1920-х гг. и продолжают активно развиваться в настоящее время. Главными участниками этого процесса продолжительное время оставались Академия наук СССР и Академия наук МНР¹ (до 1961 г. – ее предшественник – Комитет наук (Ученый комитет) МНР)².

Однако до сих пор монгольское направление остается несколько в тени взаимодействия Академии наук с другими странами, прежде всего европейскими. Во многом это связано с имеющим место стереотипом восприятия научного сотрудничества с Комитетом наук (Ученым комитетом) как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс советских ученых и убеждением в превалировании его внешнеполитической значимости над содержательной стороной. Несомненно, советские ученые сыграли важную роль в развитии науки и исследовательских институтов в Монголии. В то же время архивные материалы свидетельствуют, что Монголия, ее природно-географические особенности, население и история представляли большой интерес для отечественных ученых. Сотрудничество с Комитетом наук (Ученым комитетом) дало им возможность реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие целого ряда естественнонаучных и

¹ МНР – Монгольская Народная Республика.

² В хронологических рамках исследования высшее научное учреждение МНР называлось (в принятом в литературе на русском языке переводе): Ученый комитет (1921–1930), Комитет наук (1930–1957), Комитет наук и высшего образования (1957–1961) МНР. В 1961 г. на его базе была создана Академия наук МНР, с 1992 г. – Монгольская академия наук (МАН).

гуманитарных направлений и ознаменовались крупными успехами советской науки.

В настоящее время складывается тенденция активного развития межгосударственных отношений России и Монголии после их некоторого охлаждения в конце XX – начале XXI в. на волне кардинальных перемен в политических и экономических системах двух стран. Вследствие этого наблюдается расширение и научных связей, увеличение числа их участников и дисциплинарных направлений. В условиях новых коммуникативных возможностей ведущих российских и монгольских научных учреждений осмысление истории сотрудничества Академии наук СССР и Академии наук МНР в период, когда формировались принципы и характер их взаимодействия, а также его анализ в широком социально-историческом контексте становятся особенно актуальными. Этот исторический опыт может быть полезен и важен для продолжения существующих и выстраивания новых конфигураций научных контактов между Россией и Монголией.

Степень разработанности темы исследования. Российско/советско-монгольскому научному сотрудничеству уже более девяноста лет. Однако, как показал анализ опубликованных материалов, история монгольского направления международного сотрудничества Академии наук СССР, в отличие от научных контактов с европейскими странами³, не являлась предметом самостоятельного

³ См., напр.: *Радовский М.И.* Из истории англо-русских научных связей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 216 с.; *Русско-французские научные связи / Отв. ред. А.П. Юшкевич.* Л.: Наука, 1968. 298 с.; *Русско-германские научные связи между Академией наук СССР и Академией наук ГДР. 1700–1974 / Под ред. П.Н. Поспелова, Г. Шееля.* М.: Наука, 1975. 295 с.; *Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э.И. Колчинский.* СПб.: Наука, 2001. 367 с.; *Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития / Отв. ред. Э.И. Колчинский, ред.-сост. Т.И. Юсупова.* СПб.: Нестор-История, 2005. 207 с.; *Юсупова Т.И., Конашев М.Б.* Русско-немецкие научные связи периода Веймарской республики: 1921–1933 гг. // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2006. № 2. С. 183–189; *Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. / Отв. ред. Э.И. Колчинский, А. Петрович.* СПб.: Нестор-История, 2009. 142 с.;

детального исследования. Не уделялось должного внимания научным связям и в литературе по истории межгосударственных отношений СССР и Монголии, частью которых они также являлись. В небольшом количестве исторических трудов, рассматривающих этот вопрос, в разной степени разработки нашли отражение только некоторые проблемы советско-монгольского научного сотрудничества, как правило, затрагивающие период после образования в 1961 г. Академии наук МНР. По теме диссертационного исследования первую историографическую группу составляют работы по истории Академии наук СССР и ее взаимодействию с высшим научным учреждением МНР. Для рассмотрения процесса формирования исследовательского интереса к Монголии в отдельную подгруппу выделены работы по истории отечественного монголоведения и его институционализации в системе Академии наук. К ним относятся труды и путевые заметки участников академических экспедиций XVIII в. Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа⁴, деятельность которых проходила на приграничных с Монголией территориях, а также сотрудников Российской духовной миссии в Пекине Н.Я. Бичурина (Иакинфа), Е.Ф. Тимковского, П. Кафарова (архимандрита Палладия). В этих публикациях содержатся первые описания географических особенностей Монголии, ее природы, истории, этнографии и языков монгольских народов⁵. Монгольская тематика во второй

Юсупова Т.И., Ащеулова Н.А. Российско-индийское научное сотрудничество в социолого-наукоеведческом аспекте // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 176–183; *Американцы – члены Императорской Академии наук / Отв. сост. Н.А. Сидоренко.* СПб.: Альфарет, 2010. 412 с.; *Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи / Ред.-сост. Г.И. Смагина.* Вып. 1–12. СПб.: Росток, 1998–2015.

⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1–3. М.: Восточная лит-ра, 1999–2005. 598 с.; [*Фишер И.Е.*] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1774; *Gmelin J.G.* Expedition ins unbekannte Sibirien. Jan Thorbecke Verlag, Sigmaringen, 1999; *Pallas P.S.* Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Bd. 1. SPb., 1776; Bd. 2. SPb., 1801.

⁵ См., напр.: *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Медич. департамента мин. внутр. дел, 1824; *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Записки о

половине XIX в. была продолжена в изданиях Русского географического общества (РГО). В отчеты знаменитых центральноазиатских экспедиций РГО под руководством Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, Г.Н. Потанина, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.К. Козлова⁶ и др. включены разносторонние сведения о Монголии и ее народах. Собранные в XVIII–XIX вв. исторические материалы, естественнонаучные, археологические и этнографические коллекции создали базу для развития монголоведения в Академии наук. Среди публикаций по дисциплинарной истории следует выделить монографию Д.Б. Улымжиева и коллективный труд «История отечественного востоковедения»⁷, в которых авторы рассматривают монголоведение в аспекте общей истории российского востоковедения и показывают его развитие в контексте внешнеполитических, практических и идеологических потребностей государства. Детальная история монголоведения в Академии наук представлена в обстоятельной статье И.И. Иориш в сборнике, посвященном Азиатскому музею АН и его преемнику –

Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Тт. 1–2. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828; *Палладий, архимандрит*. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. // Записки ИРГО по общей географии. Т. XXII. № 1. СПб., 1892.

⁶ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии. Т. 1–2. СПб., 1875–1876; *Певцов М.В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая / Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1883. Кн. 5. 355 с.; *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению РГО. Т. 1–4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881–1883; *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. 1, 2. СПб.: Тип. «Герольд», 1905–1906; *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Описание природы этих стран. СПб., 1914.

⁷ *Улымжиев Д.Б.* Монголоведение в России во второй половине XIX – первой половине XX в.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1997. 216 с.; Монголоведение // История отечественного востоковедения до середины XIX в. / Отв. ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М.: Наука, 1990. С. 275–284; Монголоведение // История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. / Ред. кол-я: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М.: Наука, 1997. С. 534–391.

Институту востоковедения АН СССР⁸. Дополняет это исследование работа А.Г. Сазыкина, посвященная описанию фонда монгольских рукописей в Институте востоковедения (сейчас Институт восточных рукописей РАН) и истории его формирования⁹. В вышеуказанных работах на большом архивном и литературном материале освещены основные события, персоналии, научная проблематика монголоведения с момента создания Академии наук в Санкт-Петербурге. Авторы также показали, что изучение собранных материалов и коллекций из Монголии способствовало формированию широкого круга специалистов по ее исследованию, активно начатому в 1920-х гг. в рамках взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР.

В литературе по истории Академии наук в первой половине XX в. взаимодействие с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР подробно не рассматривается; как правило, оно упоминается только как одно из направлений ее международных контактов¹⁰ и кратко отмечается его результативность и плодотворность в изучении природных ресурсов Монголии, истории и культуры ее народов¹¹. При этом само сотрудничество определяется как пример «международных научных отношений нового типа»¹², под которыми

⁸ *Иорши И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ред. кол-я А.П. Базиянц, Д.Е. Бертельс и др. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1972. С. 209–234.

⁹ *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1988. С. 6–27.

¹⁰ *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. С. 404; Материалы к истории Академии наук СССР (1917–1947) / Под ред. С.И. Вавилова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 38, 41, 49, 84, 90, 111, 331; *Летопись РАН. 1901–1934.* Т. 4. СПб.: Наука, 2007. С. 502, 504, 543, 572, 587 и далее.

¹¹ *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. Л.: Наука, 1982. С. 132–133; *Он же.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. Л.: Наука, 1997. С. 73.

¹² *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928–1932. М.: Наука, 1969. С. 135.

подразумевается оказание помощи монгольскому Комитету наук (Ученому комитету) по изучению страны и развитию его научно-исследовательской деятельности. В книгах по истории организации советской науки в качестве примера новой формы координации сотрудничества советских ученых с зарубежными партнерами отмечается факт создания в 1925 г. Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии, а в 1927 г. – Монгольской комиссии АН, однако ее деятельность не рассматривается¹³. Указанные работы позволяют в целом оценить место и значимость монгольского направления в структуре международных связей Академии наук в этот период.

Непосредственно к истории сотрудничества Академии наук с монгольским Комитетом наук (Ученым комитетом) первыми обратились советские ученые, которые продолжительное время работали в Монголии и сами участвовали в выстраивании научного взаимодействия. В обзорных статьях А.Д. Симукова, Э.М. Мурзаева, Н.П. Шастиной, опубликованных в период с 1929 по 1952 г.¹⁴, нашли отражение задачи и тематика совместных работ, а также история и проблемы развития первого монгольского научного учреждения. Ряд аспектов послевоенного советско-монгольского научного сотрудничества затронуты в статьях американского монголоведа Дж. Мэрфи, посвященных публикациям результатов Монгольской сельскохозяйственной экспедиции (1947–1951)¹⁵. Автор, отмечая ее значительные успехи в решении проблем повышения качества монгольского животноводства, в то же время обращает внимание на

¹³ *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. С. 210.

¹⁴ *Симуков А.Д.* Роль СССР в деле исследования Монголии // *Хозяйство Монголии*. 1929. № 5. С. 43–52; *Шастина Н.П.* История изучения Монгольской Народной Республики // *Монгольская Народная Республика* / Отв. ред. И.Я. Златкин. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–55; *Мурзаев Э.М.* Наука в Монгольской Народной Республике // *Труды Московского института востоковедения*. Сб. № 5. М.: МИВ, 1947. С. 313–326.

¹⁵ *Murphy G.* Recent Publications of the Mongolian Commission // *Far Eastern Survey*. 1956. Vol. 25. № 6 (June). P. 91–95; *Он же*. [Rev.:] *Zhivotnovodstvo Mongolskoi Narodnoi Respubliki* // *Pacific Affairs*. 1956. Vol. 29. № 1 (March). P. 80–82.

идеологическую составляющую в планировании исследований, их преимущественную ориентацию на выполнение решений партийных съездов Монгольской народно-революционной партии (МНРП).

Более детальное изучение советско-монгольского взаимодействия отечественные исследователи начали в конце 1970-х гг. Внимание к этой теме было связано с первыми юбилейными датами в истории Академии наук МНР, образованной в 1961 г. В сборниках, посвященных научному и культурному сотрудничеству СССР и МНР, публикациях Р.Л. Балдаева и Ш.Б. Чимитдоржиева в соответствии с нормами и оценками советской историографии кратко показаны основные события сотрудничества советских ученых с Комитетом наук (Ученым комитетом), ключевые исследования и их главные результаты¹⁶. Конкретно на взаимодействии академий наук СССР и МНР первым сфокусировал свое внимание И.Н. Киселев¹⁷. Он подробно рассмотрел нормативную базу сотрудничества и содержание межакадемических договоров в 1960–1970-х гг., а также достижения совместных советско-монгольских экспедиций, организованных в эти годы. И.А. Суринов хронологически продолжил разработку темы межакадемических научных связей до 1980 г.¹⁸ Ее расширение – научно-

¹⁶ Балдаев Р.Л. К вопросу о сотрудничестве СССР и МНР в области науки (1921–1940) // Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 19–43; Балдаев Р.Л., Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР // Там же. С. 132–160; Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество ученых СССР и МНР // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 2. С.175–180; Малакшанов К.Л. Развитие интеграционных связей в области науки между МНР и странами социалистического содружества // Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Тезисы докладов региональной конференции. Иркутск, 1982. С. 18–21.

¹⁷ Киселев И.Н. Советско-монгольское научное сотрудничество (на примере АН СССР и АН МНР) // 50 лет Народной революции в Монголии. М., 1971. С. 163–179; Он же. Сотрудничество с Академией наук МНР // Сотрудничество АН СССР с Академиями наук стран – членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974.

¹⁸ Суринов И.А. Сотрудничество Академии наук СССР и Академии наук МНР // Вестник АН СССР. 1981. № 6. С. 74–81.

техническое сотрудничество МНР с социалистическими странами (на двухсторонней и многосторонней основе) – в 1960-х – начале 1980-х гг. подробно рассмотрел В.В. Окнянский¹⁹. В его книге также анализируется роль внешнего фактора в формировании направлений и содержания научно-технического содействия МНР в развитии промышленности и интенсификации сельского хозяйства странами – членами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

По дисциплинарной истории научных связей следует отметить исследования Э.М. Мурзаева и Н.А. Маринова²⁰, в которых дан обстоятельный обзор географических и геологических работ в Монголии, показан вклад советских специалистов в географическое изучение страны и развитие геологической науки.

Необходимо отметить, что в работах, изданных до начала 1990-х гг., авторы не ставили своей задачей анализ контекста научного взаимодействия. К его изучению обратились только в конце 1990-х гг. Выявлению общих тенденций влияния политических, идеологических и социальных факторов на деятельность Академии наук способствовали исследования в жанре социальной истории науки отечественных и зарубежных ученых. Здесь в первую очередь следует отметить коллективные монографии Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН, написанные на обширном архивном материале²¹, а также публикации Н.Л. Кременцова, А.Б. Кожевникова, С.С. Илизарова и других авторов²², которые

¹⁹ Окнянский В.В. Научно-техническое сотрудничество МНР со странами – членами СЭВ. М.: Наука, 1984. 170 с.

²⁰ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Географгиз, 1948; Маринов Н.А. Роль русских и советских геологов в изучении геологии и полезных ископаемых Монголии. М.: Недра, 1981. 199 с.

²¹ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 2003. 1039 с.; Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках / Гл. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. 605 с.

²² Graham L. Science in Russia and Soviet Union. A Short History. Cambridge University Press, 1993. 128 p.; Kremenzov N. Stalinist Science. Princeton University Press, 1997. 371 p.; Kojevnikov A. The Phenomenon of Soviet Science // Osiris. 2008. № 23. P. 115–135; Илизаров С.С. Отдел науки

способствовали отходу от старых схем и оценочных суждений советской историографии при разработке заявленной в диссертационной работе проблемы.

В монографии диссертанта, посвященной созданию и деятельности Монгольской комиссии АН (1927–1953)²³, отражены причины ее создания, задачи, особенности координации научного сотрудничества Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета) с учетом влияния на организацию и проведение исследований социально-политических и идеологических факторов в СССР и в Монголии. Отдельные направления работы Комиссии (этнографические, геологические и экономические) проанализированы также с учетом внешних факторов в ряде статей В.В. Митина²⁴. Результатом дальнейшего углубления и изучения контактов Академии наук и Комитета наук стал сборник «Монгольско-российское научное сотрудничество»²⁵, подготовленный диссертантом вместе с коллегами из Института истории Академии наук Монголии. В статьях сборника на примере деятельности конкретных монгольских и российских ученых в 1920–1950-х гг. в Комитете наук (Ученом комитете)

ЦК ВКП(б) – КПСС: первое десятилетие // Архив истории науки и техники. Вып. III. М.: Наука, 2007. С. 82–112; *Соболев В.С.* Академия и власть (1918–1930) // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 2. С. 176–182; *Чумакова Т.В.* Комиссия по истории Академии наук (1938–1953): ее истоки и научная деятельность // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 27–43. Подробная библиография по этой проблеме приведена в: «Наука и кризисы» (СПб., 2003).

²³ *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.

²⁴ *Митин В.В.* Географические исследования в послевоенных планах Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2002. М.: Диполь-Т, 2002. С. 442–444; *Он же.* Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 193–195; *Он же.* Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–1930-е гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 34–40.

²⁵ Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост.: С. Чулуун, Т. Юсупова. Улан-Батор: Адмон, 2012. 180 с.

рассмотрены проблемы и специфика научного взаимодействия как отражения национальных особенностей развития науки и сложных социально-политических проблем государственного строительства в Монголии.

Во вторую историографическую группу выделена литература, освещающая деятельность Комитета наук (Ученого комитета) МНР. Следует отметить, что в отечественной историографии отсутствуют работы по истории Академии наук Монголии. В этой связи большое значение имеют исследования монгольских авторов. Здесь прежде всего следует отметить исторический обзор деятельности Академии наук МНР и событий, предшествовавших ее созданию, сделанный ее первым президентом – академиком Б. Ширендыбом, и коллективную монографию «История Академии наук Монголии»²⁶. В этих трудах уделено внимание основным моментам создания высшего монгольского научного учреждения и установления сотрудничества с Академией наук СССР, его участникам, нормативной базе, результатам за 20 лет (Б. Ширендыб) и 40 лет (Академийн түүх). В этой же группе литературы относятся труды о руководителях науки в Монголии. Особую ценность для данного диссертационного исследования имеют публикации о Ж.Ц. Жамцарано – ученом секретаре Ученого комитета в 1921–1930 гг. Он сыграл главную роль в создании Ученого комитета и установлении научных контактов с академическим сообществом СССР. Российские²⁷ и

²⁶ *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор: Правительственная типография, 1981. 114 с.; *Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б.* Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. Улаанбаатар, 2002. 285 с.

²⁷ *Улымжиев Д.Б., Цыцегма Ж.* Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 168 с.; *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // *Orient*. Альманах. Вып. 2–3. СПб.: Утпала, 1998. С. 5–55; Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность: Докл. и тез. науч. конф., посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. 192 с.; *Жамсраны Цэвээн (1880–1942).* Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 2010; *Юсупова Т.И.* Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2011. № 4. С. 189–202.

западные²⁸ исследователи высоко оценивают Ц.Ж. Жамцарано как одного из крупнейших монголоведов и одновременно отдают должное его общественной, политической и научно-организационной работе. Новый взгляд на деятельность другого организатора монгольской науки – председателя Комитета наук в 1932–1940 гг. Л. Дэндэва, представлен в работах С. Чулууна²⁹. На материалах монгольских архивов он показал, что Л. Дэндэв сыграл важную роль в развитии Комитета наук как научного института, сохранении исторических и культурных ценностей в трагические годы политических репрессий в стране, стремился поддерживать сотрудничество с Академией наук, много внимания уделял обучению молодых монголов в СССР.

Весьма ценная информация, способствующая пониманию специфики функционирования Комитета наук (Ученого комитета) в государственной системе МНР, а также дисциплинарной истории сотрудничества, содержится в публикациях советских ученых, много лет проработавших в Монголии, и в книгах и статьях зарубежных исследователей, которые контактировали с Комитетом наук (Ученым комитетом) во время пребывания в Улан-Баторе³⁰.

²⁸ См.: *Гольман М.И.* Ц.Ж. Жамцарано глазами западных монголоведов // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию Ц.Ж. Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. С. 81–83; *Ripen A.* Cyben Zamcaranovic Zamcarano (1880–1940) // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. Vol. 19. № 1/2. P. 126–144; *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. P. 87.

²⁹ *Чулуун С.* Лхамсурен Дэндэв и Комитет наук (1942–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар: Адмон, 2012. С. 50–63.

³⁰ *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1–3. Осака, 2007–2008; Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и для Монголии / Сост. *И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 404 с.; *Мурзаев Э.М.* Александр Николаевич Формозов // В сердце Азии. М.: Наука, 1990. С. 134–157; *Он же.* Иван Ефремович Ефремов // Там же. С. 48–57; *Калинина А.В.* Научная и педагогическая деятельность А.А. Юнатова в Монголии // *Ботанический журнал*. 1968. Т. 53. № 10. С. 1501–1503; *Карамышева З.В.* Александр Афанасьевич Юнатов и его работы в Монголии //

Интерес западных монголоведов к деятельности первого научного учреждения Монголии не выделялся в отдельное исследование. Этот вопрос затрагивался, как правило, в рамках общих проблем истории Монголии. Здесь особо следует отметить подробные сведения и статистические данные о работе Комитета наук (Ученого комитета), его персональном составе и основной деятельности в книге Р. Рупена «Монголия в XX веке»³¹. Одним из самых изученных сюжетов сотрудничества Ученого комитета с западноевропейскими научными учреждениями является история поездки монгольской молодежи для обучения в Германию и Францию в 1926–1929 гг. Детальное изучение этой «образовательной авантюры» провел С. Вольф³². В своей статье он подробно описал пребывание монгольских школьников и студентов в Германии и Франции, трудности, с которыми они столкнулись в новой для них культурной среде, реакцию европейского сообщества на их приезд, проследил судьбу всех учащихся. Вернувшиеся после обучения в Европе на родину молодые монголы в дальнейшем сыграли видную роль в деятельности образовательных и научных учреждений страны.

Растительность России. СПб., 2009. № 15. С. 97–112; *Алматов В.М.* Николай-Николас Поппе. Восточная лит-ра, 1996. 144 с.; Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975) / Сост. *А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк.* СПб.: Нестор-История, 2007. 134 с.; *Яцковская К.Н.* Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998) // *Mongolica*–IX. 2010. С. 127–135; *Ефремов И.А.* Дорога ветров (гобийские заметки). Изд. 2-е. М.: Географгиз, 1962. 384; *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Изд-во «Агни», 1994. 480 с.; *Andrews R.Ch.* The New Conquest of Central Asia. New York: The American Museum of Natural History in New York, 1932. 433 p.; *Haenish E.* Die Mongolei – Bilder aus alter und neuer Zeit // Der Orient in Deutscher Forschung. Vorträge der Berliner Orientalistentagung, Herbst, 1942. Leipzig: O. Harrassowitz, 1944. S. 126–136.

³¹ *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Bloomington: Indiana University Publications, 1964. P. 204–207, 221, 285–289 и др.

³² *Wolff S.* Mongolian Educational Venture in Western Europe (1926–1929) // The Mongolian Society Bulletin. 1970. № 9 (2). P. 40–100.

Третью группу литературы составляют исследования по истории Монголии в XX в. и советско-монгольским отношениям. Большое значение для выявления особенностей и общих тенденций в межгосударственном взаимодействии, необходимых для понимания политического контекста научного сотрудничества, имели совместные коллективные монографии «История советско-монгольских отношений» (1981), «История Монгольской Народной Республики» (1983)³³, а также «История Монголии. XX век» (2007)³⁴. В этих трудах общая оценка контактов Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета) представлена в рамках развития и укрепления культурных и научных связей СССР и МНР. Результаты смены ориентиров и переосмысления исторического развития Монголии и советско-монгольских отношений нашли свое отражение в монографиях Б.В. Базарова, Е.А. Белова, В.В. Грайворонского, Е.М. Даревской, Н.Е. Единарховой, Ю.В. Кузьмина, Е.И. Лиштованного, И.Ю. Морозовой, Ш.Б. Чимитдоржиева, Г.С. Яскиной³⁵ и в подготовленных совместно с

³³ История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Глав. ред.: Б.Д. Греков, Б. Ширендыб и др. М.: Главн. ред-я. восточ. лит-ры, 1983. 660 с.; История советско-монгольских отношений / Глав. ред. Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1981. 352 с.

³⁴ История Монголии. XX век / Отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

³⁵ *Базаров Б.В.* Монголо-российские отношения на современном этапе: К проблеме регионального взаимодействия во Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2005. 101 с.; *Грайворонский В.В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007. 254 с.; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1994. 397 с.; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. 250 с.; *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е годы XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. 232 с.; *Лиштованный Е.И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 173 с.; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 235 с.; *Яскина Г.С.* Монголия: смена модели общественного развития: политические и экономические реформы. М.: Наука, 1994. 363 с.; *Она*

монгольскими учеными сборниках «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке» (2001), «Вторая мировая война и Монголия» (2005), «Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние» (2008)³⁶. Для проведенного диссертационного исследования особо значимыми явились монографии С.К. Рощина и С.Г. Лузянина³⁷. Новые концепции в интерпретации событий внутри (С.К. Рощин) и вокруг (С.Г. Лузянин) Монголии базируются в этих трудах на детальной проработке большого массива ранее закрытых архивных материалов. Эти работы значительно дополняют общую картину формирования внутривосточного и международного положения Монголии в изучаемый период, показывают степень ее значимости во внешней политике СССР на Дальнем Востоке и роль СССР (позитивную и негативную) в ее политическом и экономическом развитии.

Для более полного и всестороннего представления исторических процессов в Монголии в хронологических рамках данного исследования привлекались работы зарубежных авторов. Прежде всего, это труды англо-американских исследователей О. Латтимора, Р. Рупена, Ч. Боудэна, Дж. Мэрфи, А. Кампи и немецкого монголоведа У. Баркмана³⁸, без которых сегодня невозможно

же. Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002. 363 с.; *Morozova I.* Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the 20th Century. Taylor & Francis, 2009.

³⁶ Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. 276 с.; Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние. Материалы международного круглого стола. Улан-Батор, 2008; Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор: Изд-во «Бэмби сан», 2005. 140 с.

³⁷ *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.; *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 268 с.

³⁸ *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. 238 p.; *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Indiana University, Bloomington, 1964. 510 p.; *Bawden Ch.* The Modern History of Mongolia. New York, 1968. Bpl. Routledge L., 1989. 615 p.; *Murphy G.G.* Soviet Mongolia: a study of the oldest political satellite. Berkeley: University of California Press, 1966. 210 p.; *Campi A., Baasan R.* The Impact of China and Russia on

обращение к вопросам государственного строительства в Монголии в первой половине XX в. и ее внешней политики. В публикациях этих авторов представлен отличный от советской историографии взгляд на политическую историю Монголии, ее социальное и экономическое развитие, проблемы советско-монгольских отношений. Эти работы являются важными историографическими компонентами для понимания восприятия Монголии международным сообществом и объективной оценки советско-монгольских отношений, значимой частью которых являлось взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР. Для характеристики международного статуса Монгольской Народной Республики О. Латтимор ввел понятие «сателлизма», под которым понимается форма выживания малой нации, чья территория служит буфером между двумя великими державами. Именно сателлизм, по мнению американского ученого, лежал в основе советско-монгольских отношений³⁹. Это определение прочно вошло в западную монголоведную литературу, хотя сам автор в 1962 г. внес коррективы в его использование для Монголии, полагая, что это понятие не является однозначно приемлемым для страны⁴⁰. Уже в перестроечное время монгольский историк и дипломат Б. Баабар в своей работе использовал определение МНР как «марионеточной республики» («Puppet

United States-Mongolian Political Relations in the Twentieth Century. The Edwin Mellen Press, 2009. 572 p.; *Barkmann U.* Geschichte der Mongolei oder die Mongolische Frage: die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn: Bouvier Verlag, 1999. 422 S. Ретроспективный анализ монголоведных исследований и публикаций по этой тематике в зарубежных странах представлен в трудах М.И. Гольмана: *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в. М.: ИВ АН СССР, 1988. 218 с.; *Он же.* Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е гг. – начало 90-х гг. XX в. М.: ИВ РАН, 2004. 333 с.; *Он же.* Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. 192 с.

³⁹ *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1955. P. 42.

⁴⁰ *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. P. 155–169.

Republic»)⁴¹, и хотя его книга носит весьма тенденциозный характер, она отражает появившийся в монгольской историографии критический подход к основной массе идеологически ангажированных «историй» Монголии, написанных в годы строительства социализма в стране. В приведенных публикациях информация о развитии науки в Монголии, ее научных учреждениях крайне скупа, однако изложение исторических событий с использованием отличных от советской историографии исследовательских подходов и архивных материалов из западных хранилищ позволяют воссоздать необходимые для изучения проблем развития советско-монгольского научного сотрудничества контексты.

Таким образом, проведенный анализ публикаций показывает, что в настоящее время многие вопросы истории советско-монгольского научного сотрудничества как части истории РАН и российско-монгольских межгосударственных отношений остаются еще недостаточно или совершенно не разработанными, как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В первую очередь это касается изучения становления, развития и основных результатов сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в период до образования Академии наук МНР в 1961 г., выявления его специфики и особенностей, анализа контекста. Создание такого обобщающего труда является важным для понимания последующих событий в научном взаимодействии СССР и МНР, России и Монголии и перспектив его дальнейшего развития. Данное диссертационное исследование предполагает восполнить существующую лакуну в истории российско-монгольских научных связей.

Объектом диссертационного исследования является научное сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, рассматриваемое в историческом, политическом и социально-экономическом контексте.

⁴¹ *Baabar B.* From world power to Soviet satellite: history of Mongolia. Cambridge: White Horse press, 1999. 448 p.

Предметом исследования служат цели, задачи, содержание и организационные формы научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, его нормативно-правовая база и основные результаты.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1961 г. Его начало связано с моментом создания первого научно-исследовательского учреждения Монголии – Ученого комитета (с 1930 г. – Комитет наук МНР). Другая крайняя дата – 1961 г. – определяется годом образования на базе Комитета наук Академии наук МНР, что ознаменовало завершение становления государственной системы организации науки в МНР. Одновременно взаимодействие Академии наук СССР с высшим монгольским научным учреждением из организационно обособленного стало одним из самостоятельных направлений международного сотрудничества Академии наук СССР, осуществляемым на основании межакадемических договоров и соглашений.

В данных хронологических рамках историю советско-монгольского сотрудничества можно разделить на три основных периода, рассмотрению которых посвящены отдельные главы. Первые два периода проходили в условиях непризнания международным сообществом независимости Монголии, что препятствовало развитию ее научных контактов с другими странами. Ограниченными были в эти годы, в силу целого ряда внешне- и внутривосточных причин, и международные связи Академии наук СССР. Первый период (1921–1926) характеризуется выработкой организационных форм и содержания научного сотрудничества между РАН / АН СССР и Ученым комитетом Монголии, для организации которого в 1925 г. была создана Комиссия по научному изучению Монголии при СНК СССР.

Во второй период (1927–1945) сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР проходило в рамках специальной академической Монгольской комиссии (1927–1953), деятельность которой, однако, по-прежнему осуществлялась под правительственным контролем. Такое обособление

монгольского направления международных связей Академии наук свидетельствовало об их значимости в системе межгосударственных отношений СССР и МНР. Работа советских ученых в Монголии строилась в соответствии с первым официальным договором между Академией наук СССР и Комитетом наук (Ученым комитетом МНР), подписанным в 1929 г., и носила характер преимущественно оказания помощи в исследовании Монголии, проводимом совместно с Комитетом наук (Ученым комитетом).

Главной особенностью третьего периода (1945–1961) явилось признание международным сообществом независимости МНР. Советско-монгольское научное сотрудничество в эти годы проходило в условиях постоянно расширяющихся международных контактов Комитета наук и Академии наук. Взаимодействие ученых СССР и МНР регулировалось локальными соглашениями по конкретным совместным проектам. Официальный договор о сотрудничестве был подписан в 1960 г.

Логика проведенного исследования потребовала выхода за указанные хронологические рамки для краткого анализа истории изучения Монголии в Академии наук в XVIII – начале XX в. и освещения политических событий в Монголии, приведших к подписанию в ноябре 1921 г. Советско-монгольского соглашения об установлении дружеских отношений.

Территориальные рамки исследования ограничиваются границами двух стран – участниц рассматриваемого научного сотрудничества: Монгольской Народной Республики, МНР (в 1921–1924 и с 1992 – Государство Монголия) и СССР.

Основной целью данной работы является создание обобщающего труда по истории научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР на основе всестороннего изучения его установления и развития с учетом социально-политических, экономических и идеологических условий, выявления главных результатов и их научно-прикладного значения.

Поставленная цель определила следующие основные взаимосвязанные **задачи исследования:**

- выявить и проанализировать архивные и опубликованные материалы по истории изучения Монголии Академией наук, осветить процесс формирования монгольских коллекций в академических учреждениях, определить научные направления и круг специалистов, осуществлявших исследование Монголии;
- проанализировать политические и научно-организационные причины установления взаимодействия Академии наук СССР и Ученого комитета МНР; выявить персональный вклад руководителей РАН / АН СССР и Ученого комитета МНР в дело организации сотрудничества и определение его конфигураций;
- рассмотреть деятельность Монгольской комиссии АН СССР и ее особенности как академического учреждения по координации сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, его характер, формы и научные направления;
- изучить и дать оценку существовавшей нормативно-правовой базы сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР;
- рассмотреть влияние, которое оказывали социально-экономические и политические условия и процесс государственного администрирования деятельности Академии наук СССР и Комитета наук МНР на содержание исследовательских программ и интенсивность их сотрудничества;
- показать значение вклада российских ученых в изучение Монголии и развитие ряда научных направлений в Комитете наук МНР, в подготовку национальных научных кадров;
- определить основные результаты советско-монгольского сотрудничества, показать их теоретическое и научно-практическое значение.

Источниковой базой настоящего диссертационного исследования стала совокупность опубликованных и неопубликованных документов, созданных в результате деятельности органов государственной власти и управления, Академии

наук СССР, Комитета наук (Ученого комитета) МНР и ряда других научных учреждений. В соответствии с задачами данной диссертационной работы история советско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг. рассматривалась, с одной стороны, в рамках истории Академии наук СССР и ее международной деятельности, а с другой – в рамках развития советско-монгольских межгосударственных отношений. Такой подход потребовал изучения и анализа большого массива материалов государственных и ведомственных архивов, где отложились документы по работе Академии наук СССР и контролировавших ее деятельность государственных учреждений. В ходе диссертационного исследования были изучены документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве РФ (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Архиве внешней политики РФ (АВП РФ), Архиве РАН и его Санкт-Петербургского филиала (СПФ АРАН), Архиве Русского географического общества (Архив РГО), архивах ряда академических учреждений (Архив востоковедов Института восточных рукописей (АВ ИВР) РАН, Архив Института археологии РАН, Архив Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Архив Института востоковедения (ИВ) РАН). Большое значение для проведенного исследования имели архивные материалы из Национального центрального архива (НЦА) Монголии в Улан-Баторе. Эти документы способствовали более полному отражению деятельности и роли Комитета наук (Ученого комитета) МНР в советско-монгольском научном сотрудничестве.

Совокупность использованных в диссертационной работе исторических источников можно условно подразделить на следующие основные группы: 1) официальные и нормативно-правовые документы; 2) научно-организационная документация (планы работ, объяснительные записки к ним, заявки на экспедиционные исследования, обоснование научных проектов, отчеты и др.); 3) делопроизводственная документация, в том числе служебная переписка;

4) материалы из личных фондов ученых, исследовательская или организационная деятельность которых была связана с Монголией.

При изучении истории советско-монгольского научного сотрудничества как части истории Академии наук СССР большое значение имели материалы ГАРФ (Ф. 5446. Оп. 37; Ф. 8429. Оп. 1–6; Ф. 2307. Оп. 2), отражающие функционирование Академии наук как государственного учреждения. Сюда входят документы директивных органов, переписка Отдела научных учреждений и Комиссии по содействию работам Академии наук при СНК СССР с АН СССР по утверждению планов и смет работ, отчетов, по получению разрешений на контакты с Комитетом наук (Ученым комитетом) и организацию совместных проектов. Среди использованных документов особенно информативными являются материалы, относящиеся к 1920-м – первой половине 1930-х гг. Здесь можно отметить выписки из протоколов заседаний СНК СССР, Совета по труду и обороне, Наркомфина и переписку управляющего делами Совнаркома Н.П. Горбунова с непременным секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом по вопросам организации изучения Монголии и взаимодействия с Ученым комитетом. Ценные сведения по этим же вопросам были выявлены также в РГАЭ (Ф. 4372. Оп. 1) и РГАСПИ (Ф. 17), а также в СПФ АРАН (Ф. 2). Корпус этих архивных источников позволил осветить общие тенденции влияния политических и идеологических факторов на сотрудничество Академии наук СССР с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР.

Среди документальных материалов ГАРФ, РГАЭ и АВП РФ были выявлены и изучены источники по истории Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг., в которых отражена также история создания в 1925 г. Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии) (вначале правительственной, а с 1927 г. – академической). Основной корпус неопубликованных источников по деятельности Монгольской комиссии находится в отдельно сформированном фонде академического архива. В СПФ АРАН хранятся материалы до середины 1941 г. (Ф. 339. Оп. 1–4), в Архиве РАН – материалы послевоенного периода, 1946–1952 гг. Содержание данного фонда

можно систематизировать следующим образом: директивы вышестоящих органов; протоколы заседаний, отчеты в разные инстанции о деятельности Комиссии; переписка с Комитетом наук (Ученым комитетом), с советскими научными учреждениями по организации экспедиций в Монголию, их планы, сметы, научные и финансовые отчеты, вопросы по издательской деятельности; документы по личному составу. Эти материалы позволили более объективно определить характер, формы и направления советско-монгольского научного сотрудничества, показать деятельность активных участников этого процесса. Информация о работе Монгольской комиссии имеется также в фонде Комиссии по научным экспедициям в СПФ АРАН (Ф. 38). Особый интерес вызывают документы по правовому оформлению деятельности советских ученых в Монголии: тексты договоров между Академией наук СССР и Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР: за 1926–1935 гг. в СПФ АРАН (Ф. 2 и 339); за 1948–1960 гг. в Архиве РАН (Ф. 2, 579, 681).

Документы из Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала вместе с информацией из архивов ряда академических учреждений дали возможность подробно рассмотреть историю организации экспедиций в Монголию в изучаемый в диссертационной работе период: Палеонтологической (Архив РАН. Ф. 1712), Историко-этнографической (Архив РАН. Ф. 2 и Архив института археологии), Сельскохозяйственной (Архив РАН. Ф. 339 и АВ ИВР РАН. Ф. 104). Для данного исследования были также привлечены архивные материалы о подготовке научного издания «Истории МНР» (Архив РАН. Ф. 2; Архив ИМБТ СО РАН; Архив ИВ РАН). Документы Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (Ф. 17), где принимались решения об этих научных проектах, способствовали выявлению политико-идеологического контекста их организации и проведения.

Достижение полноты реконструкции событий советско-монгольского сотрудничества и глубокий анализ его содержания был невозможен без документов НЦА Монголии (Ф. 23), в котором сосредоточены научно-организационные и делопроизводственные документы Комитета наук (Ученого комитета), в том числе, официальная и личная переписка руководителей Комитета

наук (Ученого комитета) с руководителями Академии наук и советскими учреждениями и учеными.

Фонды АВП РФ (Ф. 111 – Референтура по Монголии и Ф. 183 – Посольство СССР в Монголии) содержат политические и экономические отчеты и переписку сотрудников советского посольства в Монголии с Народным комиссариатом / Министерством иностранных дел (НКВД / МИД СССР) и Академией наук. В этих материалах имеется, в частности, политическая оценка исследовательской деятельности Академии наук СССР в Монголии. Эти материалы помогают более объективно определить значимость сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР и ее изменений в системе межгосударственных советско-монгольских отношений в разные периоды истории взаимоотношений двух стран в хронологических рамках данной работы.

При изучении ряда вопросов истории научного сотрудничества огромное значение имели материалы личных архивов ученых (переписка, дневники, научные материалы). Среди них хранящиеся в фондах СПФ АРАН материалы С.Ф. Ольденбурга (Ф. 208), Ф.И. Щербатского (Ф. 725); в фондах Архива РАН – В.Л. Комарова (Ф. 277), В.А. Обручева (Ф. 642), Б.Б. Плынова (Ф. 602) и др. Особую значимость для данной работы имела переписка Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом⁴². Вопросы, обсуждаемые между руководителями научных учреждений, практически определили основные принципы сотрудничества, которым российские ученые продолжают следовать и сегодня в своем взаимодействии с монгольскими коллегами.

В диссертационном исследовании были также широко использованы опубликованные источники. Их можно разделить на три основные группы. К первой группе следует отнести важные для понимания советско-монгольских межгосударственных отношений сборники партийно-государственных

⁴² Решетов А.М. О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // Orient. Альманах / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. Вып. 2–3. СПб.: Утпала, 1998. С. 56–89.

документов⁴³ и публикации, раскрывающие характер советско-монгольских политических, экономических и культурных взаимоотношений⁴⁴. Здесь следует отметить большую работу, которую провела совместная Российско-Монгольская комиссия по сотрудничеству в области архивов (создана в 1992 г.). С 1996 по 2009 г. ее со-руководителем с российской стороны был глава Федеральной архивной службы (с 2004 г. архивного агентства) России, член-корреспондент РАН В.П. Козлов. Комиссия занимается выявлением в российских и монгольских хранилищах документов по политической истории Монголии в XX в. и по истории межгосударственного сотрудничества Монголии и России в разных направлениях, а также их публикацией.

Во вторую группу мы включили материалы, отражающие непосредственно деятельность Академии наук СССР в Монголии и ее взаимодействие с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР. Это прежде всего годовые отчеты Академии наук⁴⁵. В них содержится подробный материал о деятельности Монгольской комиссии, ее экспедициях и их основных результатах. Для раскрытия темы исследования ценная информация о задачах и содержании сотрудничества, а

⁴³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. I. 1919–1929. Т. 2. 1930–1939. М.: РОССПЭН, 2000–2001; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. 340 с.; Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941 гг. / Гл. ред. В.А. Куманев. М.: Наука, 1992. 368 с.

⁴⁴ Монголын тухай БХК(б)Н-ын баримт бичигт (1920–1952). Баримтын эмхтгэл. I боть. 1920–1932. Улаанбаатар, 2002. (Монголия в документах ВКП(б). 1920–1952. Сборник документов. Т. I. 1920–1932); Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. Т. II. 1941–1974. М.; Улаанбаатар, 1975–1979; Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл. I боть. 1921–1960. (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). Улаанбаатар, 2000.

⁴⁵ Отчеты о деятельности АН СССР за 1923–1934 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1924–1935.

также участия Комитета наук (Ученого комитета) МНР в совместных работах была почерпнута в изданиях Монгольской комиссии⁴⁶.

В третью группу опубликованных источников выделены материалы личного характера: письма, дневники, воспоминания и мемуары исследователей, которые работали в Монголии⁴⁷. Существенное место среди них занимают дневники П.К. Козлова 1923–1926 гг. и сотрудников Ученого комитета С.А. Кондратьева и его жены М.И. Клягиной-Кондратьевой. Дневники П.К. Козлова помимо описания деятельности экспедиции содержат впечатления от встреч с советскими и монгольскими государственными деятелями, учеными, руководителями Академии наук и Ученого комитета. Дневники С.А. Кондратьева и М.И. Клягиной-Кондратьевой содержат сведения о работе Ученого комитета в 1920-х гг. Из послевоенных личных свидетельств сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР следует отметить переписку И.А. Ефремова⁴⁸. В письмах ученого содержатся сведения, значимые для понимания истории организации Монгольской палеонтологической экспедиции и ее взаимодействия с

⁴⁶ Северная Монголия. Вып. 1–3. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928; Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1–15. Л.: Изд-во АН СССР, 1929–1931; Труды Монгольской комиссии. Вып. 1–69. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1932–1957.

⁴⁷ Яцковская К.Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) // *Mongolica*–III. СПб., 1994. С. 23–25; Клягина-Кондратьева М.И. Дневниковые записи / Публ. К.Н. Яцковской // *Mongolica*–V. СПб., 2001. С. 124–156; Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой / Публ. К.Н. Яцковской // *Mongolica*–VII. СПб., 2007. С. 87–101; Клягина-Кондратьева М.И. Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангайн Сум, Хийдийн Судалгаа / Eds. S. Chuluun, T.I. Yusupova. Osaka, 2013; Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой / Публ. Т.И. Юсуповой // *Mongolica*–VII. СПб., 2007. С. 101–109; Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // *Избранные труды в 2-х томах. 2-е изд., перераб. Т. 2.* Новосибирск: Наука, СО, 1991. С. 121–151; Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев, отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003.

⁴⁸ Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Сост. Н.В. Бойко, отв. ред. П.К. Чудинов. М.: Наука, 1994.

Комитетом наук. Небольшая по объему, но важная информация о работе Комитета наук в 1950-х гг. почерпнута из автобиографий Б. Ширендыба и Ц. Дамдинсурэна⁴⁹.

Таким образом, проведенный обзор источников, ставших основой данного диссертационного исследования, дает возможность сделать вывод о том, что использованные материалы позволяют обеспечить объективное освещение научной проблемы в широком социально-историческом контексте.

Методологической основой диссертации являются базовые принципы исторического исследования: прежде всего научной объективности, историзма и системности. Принцип историзма предполагает рассмотрение исследуемых исторических событий и процессов в их взаимосвязи и развитии, а также условий этого развития; принцип объективности направлен на всесторонний анализ и оценку исторических фактов; системный подход позволяет выявить и связать воедино отдельные исторические события и процессы, проанализировать прямые и опосредованные связи между ними, что необходимо для комплексного подхода к решению поставленных задач. Для достижения цели исследования автор опирался также на следующие общеисторические методы: проблемно-хронологический, согласно которому описание событий осуществлялось во временной последовательности; историко-генетический, который позволил выявить причины установления и особенности сотрудничества между Академией наук СССР и Ученым комитетом (Комитетом наук) МНР; историко-сравнительный, позволивший сопоставить цели, задачи и характер сотрудничества со стороны как советских, так и монгольских исследователей и учреждений в разные временные периоды.

Определяющее значение для изучения развития советско-монгольского научного сотрудничества имели методы исследований в области социальной

⁴⁹ [Shirendev B.] Through the Ocean Waves: The Autobiography of Bazaryn Shirendev / Transl. by T. Onon. Bellingham, Washington: Western Washington University, 1997. 231 p.; Дамдинсурэн Ц. Биография трех поколений // Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения / Сост. А.Д. Цэндина. М.: Восточная лит-ра, 2008. С. 7–16.

истории науки (отношения науки и государства, науки и других социальных институтов, научная политика). Особенно продуктивным для данной диссертационной работы явился метод исследования индивидуального явления, или case study (в данном случае – монгольского направления международной деятельности Академии наук СССР) в рамках поликонтекстуального подхода, основанного на изучении большого массива архивных материалов, опубликованных источников и научных трудов, в том числе историографии советского периода.

Системный подход к изучению поставленных в работе задач, использованные методологические подходы и методы исследования способствовали глубокому и всестороннему рассмотрению истории становления и развития сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР как части истории Академии наук СССР и важной компоненты системы советско-монгольского международного сотрудничества.

Научная новизна диссертации определена ее основной целью и состоит в том, что впервые в историко-научном исследовании на основе большого массива исторических источников и опубликованных материалов проведен комплексный анализ истории становления и развития научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР – одного из немногих в указанные хронологические рамки направлений международной деятельности советской Академии наук. Большинство рассмотренных в диссертационной работе вопросов до сих пор не привлекали внимания ученых и оставались неизученными. В то же время ряд вопросов, поставленных в уже имеющейся историографии данной темы, был раскрыт, не избежав известного воздействия господствующих идеологических установок и стереотипов советского периода в истории России. В научный оборот введен большой массив новых архивных материалов из российских и монгольского архивов, которые позволили всесторонне подойти к анализу взаимодействия Академии наук СССР и Ученого комитета (Комитета наук) МНР. Их привлечение в значительной мере изменяет историографическую картину рассматриваемой научной проблемы и позволяет

объективнее определить воздействие социально-политических и идеологических факторов на характер и содержание советско-монгольского научного сотрудничества, вклад советских и монгольских исследователей в его развитие и основные результаты.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Интерес к Монголии начал складываться у российских ученых уже в первые десятилетия существования Санкт-Петербургской Академии наук. В дальнейшем накопленные в академических учреждениях материалы и коллекции из Монголии способствовали их устойчивому интересу к этому региону.
- Советско-монгольское научное сотрудничество было инициировано Ученым комитетом МНР и поддержано Академией наук СССР, заинтересованной в реализации имеющихся исследовательских программ по изучению Монголии. Важную роль в установлении и выработке конфигураций сотрудничества сыграли тесные личные связи неперменного секретаря Академии наук СССР С.Ф. Ольденбурга и Ученого комитета МНР Ц.Ж. Жамцарано.
- Создание Монгольской комиссии – специального учреждения для координации взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР, вначале в качестве правительственной, затем – академической структуры, – свидетельствовало о его важном месте в системе советско-монгольских межгосударственных отношений и международной деятельности Академии наук СССР, а также обособило монгольское направление от других международных научных связей Академии наук СССР.
- Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР носило взаимовыгодный характер и выстраивалось на основании норм международного права в рамках межгосударственных договоров и специальных соглашений между двумя научными учреждениями.

- На цели и интенсивность советско-монгольского сотрудничества в рамках Монгольской комиссии АН СССР оказывали влияние политическая ситуация внутри и вокруг МНР и процесс государственного регулирования деятельности Академии наук СССР и Комитета наук МНР, вовлечение их в решение прикладных задач хозяйственно-экономического развития Монголии.
- Характер сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР изменялся по мере развития научных институтов в Монголии и формирования национального научного сообщества: от изучения Монголии преимущественно силами советских ученых до совместных проектов, организованных на паритетных началах.
- В результате научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР были достигнуты важные результаты в развитии целого ряда естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, решены актуальные для хозяйственно-экономического развития МНР прикладные задачи, подготовлены кадровые и институциональные условия для создания Академии наук МНР.

Представленные положения соответствуют следующим пунктам Паспорта специальностей ВАК РФ 07.00.10: п. 1. «Исторический анализ становления и развития науки и техники»; п. 4. «Выявление и исторический анализ неизвестных ранее фактов и нововведений, представляющих научную и историческую ценность»; п. 5. «Обобщение историко-научного материала с целью воссоздания целостной картины становления и развития отдельных наук и отраслей научного знания»; п. 7. «Исследование основных тенденций и закономерностей становления и развития отдельных наук или отраслей научного знания».

Практическая значимость работы заключается в том, что содержащийся в ней фактический материал, основные положения и выводы могут найти применение (и уже применяются) при разработке учебных курсов по советско-монгольским отношениям и современной истории Монголии, спецкурсов по истории российской науки. Они также могут быть использованы при подготовке

отдельных научных трудов по истории Российской академии наук и ее международной деятельности, при разработке проблем социальной истории российской науки. Кроме того, результаты диссертационной работы активно используются в экспозиционной и экскурсионной работе мемориального музея П.К. Козлова, в исследованиях по истории изучения Центральной Азии российскими учеными.

Апробация работы. Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования отражены в докладах, представленных научной общественности на международных конференциях в 2002–2015 гг., в том числе на конгрессах монголоведов, конгрессах по истории науки, конференциях европейских историков науки и других международных конференциях (Монголия (Улан-Батор: 2002, 2005, 2006, 2008, 2011), Китай (Пекин: 2005, 2010), Австрия (Вена: 2008), Индия (Канпур: 2009), Испания (Барселона: 2010), Финляндия (Хельсинки: 2013)) и общероссийских конференциях и других научных мероприятиях (Санкт-Петербург, Москва, Казань, Новосибирск); обсуждались на заседании сектора истории Академии наук и научных учреждений СПбФ ИИЕТ РАН.

По теме исследования диссертант был руководителем научных проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): «Монгольская комиссия АН СССР. История создания и деятельности: 1925–1953 гг.» (проект № 02–03–18235а); «Экспедиционная деятельность Академии наук в 1917–1930 гг.: социально-политические, организационные и институциональные особенности» (проект № 08–03–00443а).

Содержание диссертационного исследования нашло отражение в одной монографии, двух публикаций источников (Дневников экспедиций П.К. Козлова), одна из них вышла в академической серии «Научное наследство» (Т. 30); трех сборниках, в которых диссертант являлся редактором-составителем и автором статей (два сборника подготовлены совместно с Институтом истории Монгольской академии наук и изданы – один в Монголии, другой в Японии); в 15 статьях, опубликованных в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК

России (одна из статей переведена на монгольский язык) и более чем в 30 других публикациях в отечественных и зарубежных изданиях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения – аннотированного списка исследователей, направленных учреждениями Академии наук СССР в Монголию в 1922–1961 гг. в рамках советско-монгольского сотрудничества.

Глава 1. Монголия как объект изучения Академией наук в XVIII – начале XX в.

В первой главе рассматривается история накопления знаний о Монголии⁵⁰ и процесс формирования монгольских коллекций в академических учреждениях начиная с XVIII в.; выявляются специалисты и приоритетные направления в изучении Монголии в Академии наук⁵¹, причины заинтересованности академического сообщества в исследовании Монголии в начале XX в.

§ 1.1. Становление монголоведения в Академии наук

В параграфе освещается история монголоведения в Санкт-Петербургской Академии наук и его основные направления; выявляются ученые, способствовавшие становлению и развитию академического монголоведения.

Монголоведение⁵² как научная дисциплина в Академии наук складывалась в рамках общего развития российского востоковедения, начало которому было

⁵⁰ Здесь и далее речь идет о территории Внешней Монголии (Северной Монголии, Халхи) – северной части исторической области Монголии, территории современного государства Монголия (с 1924 по 1992 – Монгольская Народная Республика, МНР; с 1992 – Монголия, *Монгол Улс*).

⁵¹ Здесь и далее имеется в виду Российская академия наук (РАН). В исследуемый период она имела официальные названия: Академия художеств и наук, Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, Императорская Санкт-Петербургская Академия наук (1724–1917); Российская академия наук (1917–1925, с 1991); Академия наук СССР (1925–1991).

⁵² По определению, данному Большой советской энциклопедией (БСЭ), монголоведение – комплекс научных дисциплин, изучающих историю, экономику, археологию, этнографию, язык и литературу монгольских народов (БСЭ / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд-е 3-е. Т. 16. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1974. С. 501).

положено уже в первые годы существования Академии наук⁵³. Еще в конце XVII в. необходимость знать языки и обычаи соседних народов, связанная с расширением границ Российского государства, создала потребность в материальной базе для подготовки тех, кто непосредственно работал в области отношений России со странами Востока, что способствовало собиранию книг на восточных языках, предметов культа и быта восточных народов⁵⁴. Потребность в их изучении сделала актуальным приглашение в Академию наук ученого-востоковеда. Этот вопрос в мае 1725 г. вынес на рассмотрение Конференции президент Академии наук Л.Л. Блюментрост⁵⁵. Профессор логики и метафизики Г.Б. Бильфингер предложил на эту должность «знатока восточных языков и древностей» из Кёнигсбергского университета, получившего степень магистра в

⁵³ История российского монголоведения рассмотрена в работах: Монголоведение // История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 275–284; *Иорши И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 209–234; *Евдокимова Т.Ю., Кульганек И.В.* Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете // *Mongolica*–VIII. СПб., 2008. С. 12–27; *Кульганек И.В.* Перспективы развития классического монголоведения в XXI в. // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения международного научного семинара. Казань: Алма Лит, 2006. С. 170–175; *Кульганек И.В.* Монгольский фольклор в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Восток. История и культура. Профессору Ю.А. Петросяну к 70-летию со дня рождения. СПб.: Наука, 2000. С. 83–100; *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 377 с.; *Улымжиев Д.Б.* Монголоведение в России во второй половине XIX – первой половине XX в.: Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 216 с.; *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1988. С. 6–27.

⁵⁴ *Эрлих В.А.* Русскоязычные издания XVIII в. о Востоке и российские немцы // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000. С. 167–173.

⁵⁵ *Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802 / Отв. ред. Н.И. Невская.* СПб.: Наука, 2000. С. 39.

Лейпцигском университете, Г.З. Байера (1694–1738). В приглашении, направленном Конференц-секретарем Академии Х. Гольдбахом ученому, отмечалось, что в Петербурге созданы прекрасные условия для научной работы⁵⁶. Г.З. Байер принял предложение, в начале 1726 г. прибыл в Россию и сразу же приступил к работе в Академии наук, где ему было присвоено звание профессора, вначале греческих и римских древностей (в 1725–1734 гг.), а затем — восточных древностей (в 1734–1737 гг.)⁵⁷. Он стал первым официальным востоковедом в составе Императорской Академии наук. Знание латинского, греческого, древнееврейского, сирийского, коптского, армянского языков предопределило широту его интересов. В России Г.З. Байер занялся также изучением санскрита, монгольского (калмыцкого), тангутского языков. Наибольший вклад Г.З. Байер внес в развитие китаеведения. До приезда в Петербург у него уже имелось несколько публикаций по этой проблематике, а в 1730 г. в типографии Академии наук были изданы два тома его труда «Китайский музей» (*Museum Sinicum*)⁵⁸, где Г.З. Байер попытался проанализировать структуру и особенности китайского языка. Несмотря на отдельные недостатки книги, отмеченные и самим автором, это была первая в Европе попытка изложения, можно сказать, «механизма функционирования» китайского языка⁵⁹.

⁵⁶ Там же. С. 44.

⁵⁷ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 14–15; Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 42–45, 47, 49, 52 и далее; С. 927; См. также: История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 51–52; Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук. Сборник статей. СПб.: Европейский Дом, 1996. 79 с.

⁵⁸ *Bayeri Th.S. Museum Sinicum. T. I. In auo Sinica Linguae et Litteraturae ratio explicatur. T. II. Lexicon Sinicum et Diatribas Sinicas comprelendit. Petropoli: Typographia Academiae Imperatoriae, 1730.*

⁵⁹ Эрлих В.А. Русскоязычные издания XVIII в. о Востоке и российские немцы // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 167–173.

Трудов, специально посвященных монгольской тематике, у Г.З. Байера нет, имеются лишь отдельные сведения о монгольской (мунгальской) письменности и одна из его публикаций посвящена тангутской, индийской и монгольской литературе⁶⁰. Однако, судя по протоколам академической Конференции, он обращался к проблеме монгольской письменности и грамматики. Результаты своей работы Г.З. Байер изложил в большом докладе, в котором на основе анализа монгольского шрифта предположил его родство с сирийским. Чтение доклада растянулось на два заседания, состоявшихся 1 и 4 декабря 1730 г.⁶¹

Обсуждение монгольской тематики продолжилось и на заседании Конференции 12 февраля 1731 г., где Г.З. Байер представил монгольский алфавит, полученный от генерал-фельдмаршала Я.В. Брюса, и провел сравнение с составленным им самим, продемонстрировав совпадения и различия между ними⁶². Среди документов архива Г.З. Байера, хранящегося в Институте восточных рукописей РАН, находятся материалы и о монгольских народах⁶³.

После смерти Г.З. Байера место академика-ориенталиста оставалось вакантным, а по Регламенту 1747 г. было исключено из академического штата, и только позднее, Уставом 1836 г. были введены два академических места «по истории и словесности азиатских народов»⁶⁴.

⁶⁰ *Bayeri Th.S. Elementa literaturae Brahmanicae Tanuanae Mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. III. SPb., 1732. С. 389–422; Т. IV. SPb., 1735. С. 289–245.*

⁶¹ *Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 96.* По мнению современных исследователей, монгольский шрифт заимствован из уйгурского письма, которое в свою очередь восходит к согдийскому, развившемуся из семитской (арамейской) письменности (см.: *Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1972. С. 18).*

⁶² *Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 98.*

⁶³ *Кульганек И.В., Попова И.Ф., Путинцева Н.Д. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН // Mongolica–VIII. СПб., 2008. С. 32–33.*

⁶⁴ *Регламент Академии наук 1803 г. // Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г.К. Скрыбин. М.: Наука, 1974. С. 103.*

Долгое время интересы Академии наук в области монголоведения в XVIII в. сводились к собиранию рукописей и ксилографов, основными «поставщиками» которых были сотрудники академических экспедиций⁶⁵. Историки российского монголоведения в этой связи отмечают, что одним из первых монгольские рукописи (хотя и немногочисленные) доставил в Петербург Д.Г. Мессершмидт (1685–1753)⁶⁶. По поручению Петра I он с 1720 по 1727 г. совершил путешествие по Сибири. В 1724 г. его маршрут проходил по Даурии, частично по северу Монголии и Забайкалью⁶⁷. Д.Г. Мессершмидт собрал обширные этнографические, ботанические, зоологические, геологические коллекции, среди которых были монгольские, тангутские, китайские предметы и рукописи. В поездке к озеру Далай-нор он пересек китайскую границу и около месяца провел на монгольской территории⁶⁸.

В дневниках путешественника содержатся ценные географические наблюдения, сделанные по маршруту следования, записи по истории, этнографии, археологии, лингвистике встреченных им народов. В частности, он провел сравнение одежды, внешности и языка бурят и калмыков и предположил их родство⁶⁹.

⁶⁵ История формирования монгольского фонда в Академии наук подробно рассмотрена в: *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988. С. 6–27.

⁶⁶ *Иориш И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1972. С. 210; *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

⁶⁷ *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Географиздат, 1948. С. 29.

⁶⁸ *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 82–117.

⁶⁹ *Титова З.Д.* Дневник Д.Г. Мессершмидта – ранний источник по изучению народов Сибири // Г.Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. С. 258.

Большее количество монгольских рукописей поступило от сотрудников последующих академических экспедиций. Так, участник Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) академик Г.Ф. Миллер (1705–1783)⁷⁰ доставил в Петербург разнообразные восточные, в том числе монгольские, рукописи, часть которых была из библиотеки буддийского монастыря Аблай⁷¹, расположенного в среднем течении Иртыша. Г.Ф. Миллера можно также назвать первым историком российско-монгольских отношений. В его капитальном труде «Описание сибирского царства»⁷², написанном на основе многочисленных документов, собранных в сибирских архивах, есть материалы по истории соседнего государства, а отношения с Монголией рассматриваются как «органическая часть истории Сибири»⁷³. В книге также содержится богатый материал об этногенезе монголов, расселении древних монгольских и тюркских племен и их общности происхождения, быте и хозяйственном укладе⁷⁴.

⁷⁰ О нем см., напр.: *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands (Herforder Forschungen). Frankfurt am Main: Lang, 2005; *Илизаров С.С.* Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М.: Изд-во «Янус-К», 2005. 95 с.; Г.Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. 512 с.

⁷¹ Рукописи из монастыря Аблай сейчас хранятся в Институте восточных рукописей РАН (*Кульганек И.В.* Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН // *Mongolica–VIII*. СПб., 2008. С. 28). Монастырь был построен в середине XVII в. ойратским князем Аблаем, однако просуществовал очень непродолжительное время: ойраты покинули эти места. Его обнаружили в 20-х гг. XVIII в. во время строительства новых пограничных укреплений. Заброшенный храм с библиотекой стоял нетронутым.

⁷² [Миллер Г.Ф.] Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1750. 457 с.; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.: Восточная лит-ра, 1999. 631 с.; Т. 2. М.: Восточная лит-ра, 2002. 798 с.; Т. 3. М.: Восточная лит-ра, 2005. 598 с.

⁷³ История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Гл. ред. А.П. Окладников, Ш. Бира. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1983. С. 57.

⁷⁴ *Балдаев Р.Л.* Исследования по этнографии Монголии (Архив восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. № 2204. Л. 4).

С именем Г.Ф. Миллера связано и формирование подлинно научного подхода к древностям, а также первые попытки классификации древних захоронений и систематизации описания археологического материала⁷⁵. Он одним из первых стал рассматривать извлекаемые из земли вещи в контексте истории. К его описаниям археологических находок обращались последующие поколения исследователей, в том числе академик В.В. Радлов при подготовке своей экспедиции в Монголию и при обработке собранного материала.

Вслед за Г.Ф. Миллером в Сибирь был командирован другой историк, И.Э. Фишер (1697–1771)⁷⁶. За время своей поездки (1740–1747 гг.) он собрал значительное количество лексических образцов из языков татар, монголов и других восточных народов. В Санкт-Петербурге он опубликовал статью «О народе и имени татарском, так же и о древних монгольцах и их языке»⁷⁷. Кроме того, И.Э. Фишеру было поручено составить по собранным Г.Ф. Миллером материалам и результатам своей поездки в Сибирь в 1740–1747 гг. сокращенную историю Сибири, в которой также нашли отражение материалы о монгольских народах и их истории⁷⁸.

Важное место в истории востоковедения занимает П.С. Паллас (1741–1811). К заслугам великого естествоиспытателя XVIII в. справедливо будет добавить лавры монголоведа и организатора монголоведных исследований. Во время

⁷⁵ Тихонов И.Л. Г.Ф. Миллер как археолог // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 84–96.

⁷⁶ Соболев В.С. И.Э. Фишер и изучение Сибири // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 293–296.

⁷⁷ Фишер И.Э. О народе и имени татарском, так же и о древних монгольцах и их языке // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Т. 2. С. 455–484.

⁷⁸ Fischer I.E. Sibirische Geschichte. Th. 1– 2. SPb.: Gedruckt bey der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1768. Русский перевод вышел в 1774 г.: [Фишер И.Э.] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1774. 631 с.; Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 69; Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 340, 368, 402, 404.

многолетней академической экспедиции (1768–1774 гг.) в Оренбургский край и Сибирь П.С. Паллас занимался не только изучением географическо-ботанических особенностей регионов, но и сбором сведений о народах, населяющих Россию и приграничные с ней территории, производимым как им самим лично, так и по его поручению другими лицами. В 1771–1772 гг. П.С. Паллас командировал сотрудника своей экспедиции академического студента (впоследствии академика) Н.П. Соколова (1748–1795) к границам Китая⁷⁹, в том числе в монастырь Аблай, где он пополнил собрание восточных рукописей. Сам П.С. Паллас также занимался их поиском по маршруту путешествия. Все собранные материалы были затем переданы в библиотеку Академии наук.

Говоря о вкладе П.С. Палласа в монголоведение, следует особо отметить, что именно по его рекомендации в 1773 г. в Академию наук был принят в качестве переводчика И. Иериг (Jaerig, Jährig; 17??–1795)⁸⁰. П.С. Паллас смог убедить руководство Академии, что такой специалист очень нужен для изучения и обработки все увеличивающегося собрания монгольских рукописей и предметов искусства. Библиотекарь Академии наук И. Бакмейстер, описывая в 1776 г. книжное собрание Академии, отметил, что библиотека «обильно снабжена тангутскими и монгольскими письменами, кои писаны золотом, серебром и чернилами; но за незнанием сих не имеем дальнейшего о них сведения»⁸¹. В этой же работе, в разделе «Этнографические коллекции», он сообщает о собрании 80 монгольских идолов. Они, по мнению автора, «как своею редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения особливо достойны примечания. <...> Сии суть те самые идолы, которых изображения аббат Шапе⁸² и

⁷⁹ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940. С. 98.

⁸⁰ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 608.

⁸¹ Цит. по: *Шафрановская Т.К.* Монголист XVIII в. Иоган Иериг // Страны и народы Востока. Вып. IV / Под ред. В.В. Струве и А.В. Королевой. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1965. С. 155.

⁸² Речь идет об аббате Шаппе д'Отероше (Chappe d'Auteroche, Jean, 1722–1769), французском астрономе и путешественнике.

господин профессор Паллас в описаниях путешествий своих впервые представили публике»⁸³.

И. Иерига можно назвать одним из первых монголистов в Академии наук. Он не только прекрасно знал разговорный монгольский язык, но и разбирал монгольскую письменность⁸⁴. И. Иериг составил и опубликовал первый список монгольских, тибетских и санскритских рукописей и ксилографов, находившихся в Академии наук⁸⁵. По мнению некоторых исследователей, И. Иериг был одним из первых европейцев, познакомившихся с монгольскими историческими рукописями в подлинниках⁸⁶. По поручению П.С. Паласа он занимался изучением монгольских, калмыцких и тангутских наречий и древних памятников в Астрахани, Оренбурге, Иркутске, в районе Гусиного озера, Удинска, Кяхты, откуда регулярно высылал в Академию наук отчеты, которые систематически зачитывались на заседаниях Конференции⁸⁷.

В Петербург И. Иериг вернулся в конце 1788 г., и в 1791 г. Академия наук за научные заслуги присудила ему пожизненную пенсию. После его смерти Конференция поручила пастору А. Гроту отредактировать составленную И. Иеригом «Историю монгольского народа». Ему помогали профессора В.Л. Крафт (1743–1814) и Ф.Т. Шуберт (1758–1825)⁸⁸. В этой работе содержались

⁸³ Цит. по: *Шафрановская Т.К.* Кунсткамера и Восток: Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.: Изд-во Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), 1993. Вып. 1. С. 97–98.

⁸⁴ *Шафрановская Т.К.* Монголист XVIII в. Иоган Иериг // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 156.

⁸⁵ Ueber die Mongolischen Bücher der hiesigen Academischen Bibliothek // Journal von Russland. 1796. Bd. II. Januar bis Junius. S. 122–144; 194–200.

⁸⁶ *Иорши И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 211.

⁸⁷ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 625, 628, 629, 642, 647, 649, 650, 651 и т. д.

⁸⁸ Там же. С. 881, 882, 884.

разнообразные сведения по истории и религии, о традициях и обычаях монголов, а также о монгольской системе знаний, в частности об астрономии. П.С. Паллас постоянно обращался к материалам И. Иерига и включил их в свою работу «Собрание исторических известий о монгольских народах», первый том которой вышел в 1776 г., а второй – в 1801 г.⁸⁹, уже после смерти И. Иерига. Этот труд стал, по мнению современных историков, «первым специальным исследованием, посвященным истории и этнографии монголов, преимущественно их западной ветви – ойратов»⁹⁰. Значение И. Иерига для развития классического монголоведения еще не до конца оценено и ждет своего исследователя. Все его рукописи научного значения в 1819 г. были переданы в Азиатский музей (сейчас – Институт восточных рукописей РАН), а деловая переписка И. Иерига с Академией хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁹¹.

Значительное количество материалов о народах Востока представлено в работе И.И. Георги (1729–1802) «Описание всех обитающих в Российском

⁸⁹ *Pallas P.S. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Bd. 1. SPb., 1776; Idem. Sammlung über den Götzendienst, die Geistlichkeit, Tempel und abergläubische Gebräuche der mongolischen Völkerschaften, hauptsächlich die aus dem Tybet abstammende Fabellerte und damit verknüpfte Hierarchie (Сведения о богослужении, светлых духах, храмах и суеверных обычаях монгольских народностей, главным образом в Тибете, и о теории происхождения сюжетов и связанной с этим иерархией). Bd. II. St. Petersburg: bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1801. 440 s. См.: Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1971. С. 149.*

⁹⁰ Цит. по: История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е., перераб. и доп. М., 1983. С. 58.

⁹¹ *Гнучина В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940. С. 99; Кульганек И.В., Попова И.Ф., Путинцева Н.Д. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН // Mongolica–VIII. СПб., 2008. С. 32–33; Сизова А.А. Коллекция И. Иерига в Институте восточных рукописей РАН // «З.К. Касьяненко – учитель и монголовед (посвящается 90-летию). Международная конференция 30 сентября – 1 октября 2015, Санкт-Петербург». СПб.: ИВР РАН, 2015. С. 37–38.*

государстве». В четвертой части этого труда подробно рассказано о монгольских народах: калмыках, бурятах (буреттах), монголах⁹².

Таким образом, трудами участников академических экспедиций XVIII в. были не только собраны богатые коллекции рукописей, произведений искусств, религиозной атрибутики и этнографических материалов, но и опубликованы первые исследования по проблемам языка, истории и этнографии монгольских народов.

Большое значение для развития классического монголоведения имели труды сотрудников Российской духовной миссии, открытой в Пекине в 1716 г.⁹³ Миссия имела тесные связи с Академией наук, а позже – с ее Азиатским музеем. Огромной заслугой членов Миссии являются переводы китайских источников по истории монголов. Первым ввел их в научный оборот Н.Я. Бичурин (Иакинф) (1777–1853). Из его монголоведческих трудов следует назвать «Историю первых четырех ханов из дома Чингисова» и «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (ч. 1 «Общий взгляд на Монголию в связи с прочими среднеазиатскими странами»), а также «Записки о Монголии» (1828), в которых содержатся исторические, этнографические, географические и др. сведения о стране, основанные на китайских источниках⁹⁴. Научные заслуги

⁹² *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. В 4-х частях. Часть четвертая. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованний козаков, так же История о Малой России и купно о Курландии и Литве. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1799. 385 с.

⁹³ *Шубина С.А.* Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. 25 с.

⁹⁴ [*Бичурин Н.Я. (Иакинф)*]. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом, с приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. 1–2. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828 613 с. (Книга состоит из 4-х частей: в Ч. 1 описан путь от Пекина до Калгана; в Ч. 2. содержится описание географического положения, политического устройства, этнографические и бытовые зарисовки; в Ч. 3. изложена история Монголии, в последней Ч. 4. рассказывается о

Н.Я. Бичурина были отмечены избранием в 1828 г. членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока.

«Открытие первостепенной важности»⁹⁵ для монгольской историографии сделал другой участник Духовной миссии – архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) (1817–1878). Он нашел в Пекине и перевел одну из самых значимых монгольских летописей – «Сокровенное сказание», историческое повествование о Чингисхане и его роде, написанное в середине XIII в.⁹⁶

Дальнейшее развитие классического монголоведения в России тесно связано с учреждением в 1818 г. в системе Академии наук Азиатского музея⁹⁷, который вскоре стал основным российским центром по собиранию, хранению и изучению восточных рукописей, в том числе монгольских.

Как уже отмечалось, долгое время в Академии наук отсутствовала должность востоковеда. Вопрос о ее введении в академический штат поставил М.В. Ломоносов в своем проекте реорганизации Академии наук, составленном в 1758–1759 гг. Он писал, что в Академии наук, учитывая

Монгольском уложении – своде административно-правовых норм); История первых четырех ханов из дома Чингисова [переведено с китайского монахом *Иакинфом*]. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 457 с.; Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1851; 2-е изд.: Т. 1–3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1953 и др. Подробно см.: *Шастина Н.П.* Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 181–197; *Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и его труды по монголоведению // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 50–61

⁹⁵ *Шастина Н.П.* История изучения Монгольской Народной Республики // Монгольская Народная Республика. Сб. ст. / Отв. ред. Н.Я. Златкин. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 23.

⁹⁶ *Кафаров П.* Старинное монгольское предание о Чингис-хане Юань-чао-би-ши (Сокровенное сказание о положении монгол). Пер. с кит. с прим. арх. Палладия на русский язык // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Тип. Б. Безобразова, 1866. С. 2–261.

⁹⁷ Подробно о деятельности Азиатского музея, о его становлении и развитии см., напр.: Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. 594 с.; *Попова И.Ф.* 190 лет Азиатскому музею – Институту востоковедения РАН // Письменные памятники Востока. 2008. № 1, весна – лето. С. 5–20.

близость России к восточным народам, необходимо иметь не только профессора восточных языков, но «целой Ориентальной академии быть бы полезно»⁹⁸. Однако тогда предложения М.В. Ломоносова руководством Академии приняты не были. Академики-«востоковеды» в ее составе появились только в 1833 г. По новому штату, введенному по указу президента Академии наук графа С.С. Уварова, предполагались академические должности по литературе и древностям Востока⁹⁹. Первым избранным ординарным академиком «по азиатским древностям» стал монголовед и тибетолог Я.И. Шмидт (1779–1847)¹⁰⁰.

Именно И.Я. Шмидт ввел изучение монгольской истории и филологии в число академических дисциплин и стал автором первой грамматики монгольского языка, прочитал и откомментировал письма ильханов, перевел на немецкий язык монгольскую летопись XVII в. «Эрдэнийн Товч» Саган Сэцэна, издал подлинный текст героического эпоса «Гэсэр» и его немецкий перевод, составил монгольско-немецко-русский словарь и выполнил ряд других работ¹⁰¹.

После его смерти достойного преемника на место востоковеда-монголоведа не нашлось, и центр лингвистических, литературных и исторических монголоведных исследований переместился в Казанский университет¹⁰². В 1804 г. был издан первый Примерный устав русских университетов, по которому в программу обучения было введено востоковедение. В Казанском университете в 1833 г. открылась кафедра монгольского языка, ее основателем и заведующим

⁹⁸ Цит. по: *Бертельс Д.Е.* Введение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 9.

⁹⁹ Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г.К. Скрябин. М.: Наука, 1974. С. 189.

¹⁰⁰ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1987. С. 177; Летопись Российской академии наук. Т. II. 1803–1860. / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2002. С. 143, 240.

¹⁰¹ О деятельности И.Я. Шмидта см.: *Раднаев В.Э.* Первый российский монголовед // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 12. С. 1131–1133; Летопись Российской академии наук. Т. II. 1803–1860. СПб., 2002. С. 208, 215, 216, 222, 244, 252, 256 и др.

¹⁰² *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998. 377 с.

стал О.М. Ковалевский (1801–1878), впоследствии ректор университета¹⁰³. Более двадцати лет О.М. Ковалевский возглавлял первую не только в России, но и в Европе кафедру монгольской словесности. Он стал автором классических работ в области монголоведения, совершил несколько экспедиций в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай (в 1828–1833), где собрал уникальную коллекцию рукописей, книг, этнографических материалов. Ученый сыграл особую роль в воспитании следующего поколения востоковедов-монголоведов, в том числе В.П. Васильева, К.Ф. Голстунского, В.Л. Котвича, А.М. Позднеева и др.¹⁰⁴

Во второй половине XIX в. интерес к монголоведным исследованиям в Санкт-Петербурге вновь стал активизироваться. Данное обстоятельство было связано с открытием в сентябре 1855 г. факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. В число пяти первоначально утвержденных разрядов входил и монголо-калмыцко-татарский (позднее реорганизованный в китайско-маньчжурско-монгольский), в составе которого была образована кафедра монгольского и калмыцкого языков. Кафедру возглавил А.В. Попов (1808–1880). В 1860 г. его сменил К.Ф. Голстунский (1831–1899). С именем последнего связано возрождение петербургской монголоведной школы. Он также является автором трехтомного монгольско-русского словаря, в котором была приведена также и буддийская терминология¹⁰⁵.

Расцвет монголоведения в Санкт-Петербурге был связан с именами В.В. Бартольда (1869–1930), В.Л. Котвича (1872–1944), А.М. Позднеева (1851–

¹⁰³ Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Науч. ред. Р.М. Валеев, отв. ред. И.В. Кульганек. Казань: Алма Лит, 2004. 288 с.; Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833) / Подг. к изд., вступ. ст. О.Н. Полянской. Улан-Удэ: Изд-е Бурятского гос. пед. ун-та, 2008. 228 с.

¹⁰⁴ Валеев Р.М. О.М. Ковалевский – основоположник российского научного монголоведения // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения. / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 257–267.

¹⁰⁵ Голстунский А.Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1–3. СПб.: Литограф. А. Иконникова, 1893–1895.

1920), Б.Я. Владимирцова (1884–1931), Н.Н. Поппе (1897–1991), А.Д. Руднева (1878–1958)¹⁰⁶. Причем университетские и академические монголоеды работали в тесном контакте, нередко одновременно и в Академии наук, и в университете (В.Л. Котвич и Б.Я. Владимирцов являлись сотрудниками Азиатского музея АН и университета, а приват-доцент университета А.Д. Руднев с 1913 по 1918 г. был правителем академической Канцелярии), поддерживая и развивая петербургское монголоведение.

В конце XIX в. кроме традиционных для российского классического монголоведения источниковедения, публикации памятников, филологии и медиевистики начали активно развиваться и другие его направления: археология и этнография. Большой интерес у Академии наук вызывали древние памятники на территории Монголии, сообщения о которых публиковались в отчетах сибирских краеведов, активно включившихся в изучение соседней страны при поддержке Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии и местных отделений Русского географического общества¹⁰⁷.

В 1891 г. для изучения памятников древней тюркской письменности, обнаруженных в 1889 г. сибирским исследователем Н.М. Ядринцевым (1842–1894) в бассейне р. Орхон, была организована Орхонская археологическая экспедиция Академии наук под руководством академика В.В. Радлова (1837–1918). В ее состав вошли также сибиряки Н.М. Ядринцев¹⁰⁸ и Д.А. Клеменц (1847–1914), в то время один из руководителей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (РГО). После завершения экспедиции

¹⁰⁶ Решетов А.М. А.Д. Руднев: жизнь и деятельность на родине и в эмиграции // *Altaica IX* / Ред.-сост. Е.В. Бойкова. М.: ИВ РАН, 2004. С. 133–164.

¹⁰⁷ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. С. 203–262; Лиштованный Е.И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 48–53.

¹⁰⁸ Ядринцев Н. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в южный Хангай в 1891 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 54 с. (Труды Орхонской экспедиции. Т. V).

В.В. Радлова по предложению Академии наук Д.А. Клеменц продолжил в 1892–1896 гг. начатые в Орхонской экспедиции работы¹⁰⁹.

Экспедиция В.В. Радлова дала обширный материал по истории орхонских турок¹¹⁰. Но самым важным результатом ее деятельности стал перевод и научный комментарий к орхонским надписям, а также составленный В.В. Радловым «Атлас древностей Монголии»¹¹¹ – уникальный каталог, в котором запечатлены все встреченные экспедицией археологические памятники, разного рода письма, архитектурные особенности монгольских монастырей и др. В обработке материалов экспедиции принимал участие академик В.П. Васильев (1818–1900)¹¹² и французский археолог Э. Шаванн (1865–1918)¹¹³.

Поручение Академии наук по сбору информации об имеющихся по пути древних памятниках принял на себя профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев, отправляясь в 1892 г. в Монголию по заданию министерства иностранных дел¹¹⁴. Основная задача его поездки состояла в сборе материалов, на основании которых было бы возможно составить «полное,

¹⁰⁹ *Клеменц Д.А.* Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. 76 с. (Труды Орхонской экспедиции. Т. II); *Он же.* Краткий отчет о путешествии по Монголии за 1894 г. // Известия Имп. Акад. наук. 1895. Т. 3. № 3. С. 261–274.

¹¹⁰ *Радлов В.В.* Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской АН экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. 112 с. (Труды Орхонской экспедиции. Т. I).

¹¹¹ [*Радлов В.В.*] Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии наук В.В. Радловым. Вып. 1 СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. 77 с. (Труды Орхонской экспедиции).

¹¹² *Васильев В.П.* Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабулгусуне. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. 36 с. (Труды Орхонской экспедиции. Т. III).

¹¹³ [*Chavannes E.*] Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentans Recueilles et Commentes par Edouard Chavannes. СПб., 1903. (Труды Орхонской экспедиции. Т. VI).

¹¹⁴ *Хохлов А.Н.* Поездка А.М. Позднеева в Китай в 1892–1893 гг. // Россия и Монголия в свете диалога Евразийских цивилизаций / Сост. В.В. Грайворонский, А.Д. Цендина. М.: ИВ РАН, 2002. С. 199–214.

систематическое описание быта этой страны и его населения»¹¹⁵. Предполагалось, что А.М. Позднеев подготовит по результатам поездки семь томов, шесть из которых, включающие описание маршрута, торговых связей России и Монголии, очерк политического устройства, истории ламаизма и этнографические материалы, издаст РГО, а седьмой том – исторические материалы – Академия наук. Но осуществить намеченные планы полностью не удалось, и РГО издало только первые два тома¹¹⁶.

На средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении археологическое изучение долины р. Орхон в 1912 г. проводил В.Л. Котвич (член-корреспондент РАН с 1923 г.). Правда, в качестве отчета об этой поездке он написал только краткий историко-политический очерк о Монголии¹¹⁷.

С Азиатским музеем сотрудничали бурятские ученые: Б.Б. Барадийн¹¹⁸, Ц.Ж. Жамцарано, Г.Ц. Цыбиков¹¹⁹. Все они учились в Санкт-Петербургском университете, имели тесные связи с российскими востоковедами, активно участвовали в экспедиционных исследованиях по поручениям различных научных обществ (РГО, Русского комитета для изучения Средней и Восточной

¹¹⁵ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892 и 1893 гг. Т. 1. Дневники и маршрут 1892 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. С. XXI.

¹¹⁶ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892 и 1893 гг. Т. 1. Дневники и маршрут 1892 г. СПб., 1896. Т. 2. Дневники и маршрут 1893 г. СПб.: ИРГО, Тип. Имп. Акад. наук, 1898.

¹¹⁷ Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1914. 44 с.

¹¹⁸ Заятуев Г.Н., Максанов С.А. Базар Барадийн (1878–1938) // Выдающиеся бурятские деятели (XVII в. – начало XX в.) / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 1994. С. 90–95.

¹¹⁹ Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. 240 с.; К столетию со дня рождения профессора Г.Ц. Цыбикова: Материалы научной конференции и статьи. / Гл. ред. А.П. Окладников. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. 192 с.

Азии, Этнографического отдела Русского музея) и Академии наук. Каждый из них внес существенный вклад в монголоведение, в изучение языка, истории, культуры, фольклора, в монгольское источниковедение. Ц.Ж. Жамцарано к тому же, как будет показано далее, принадлежит особая заслуга в установлении сотрудничества Монгольского ученого комитета и Российской академии наук.

Несмотря на кадровое расширение и активизацию монголоведческих исследований в первые десятилетия XX в., структурно в Азиатском музее оно не было выделено. Кабинет монголоведения был создан только в составе Института востоковедения АН СССР, образованного в 1930 г. Первым заведующим кабинета монголоведения стал Б.Я. Владимирцов¹²⁰, одна из самых значимых фигур в российском монголоведении того периода. Как писал академик В.М. Алексеев, это был «мировой ученый-монголист, за работами которого с вниманием следили и в Европе, и в Азии»¹²¹. Б.Я. Владимирцов много сделал для формирования национальных научных кадров в Монголии и Бурятии¹²². К его помощи и консультациям постоянно обращались Ц.Ж. Жамцарано и Б.Б. Барадийн как в научной, так и в организационной работе, налаживая деятельность Монгольского и Бурятского ученых комитетов.

В трудах Б.Я. Владимирцова рассматривались вопросы филологии, лингвистики, истории, этнографии, литературы, фольклора монгольских народов. Б.Я. Владимирцов является основоположником сравнительного изучения монгольских, тюркских и маньчжуро-тангутских языков. Как отмечает историк-

¹²⁰ О Б.Я. Владимирцове см., напр.: *Решетов А.М.* Этнография в кругу научных интересов академика Б.Я. Владимирцова // *Altaica VII* / Ред.-сост. Е.В. Бойкова. М.: ИВ РАН, 2002. С. 122–136; *Златкин И.Я.* Борис Яковлевич Владимирцов – историк // *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная лит-ра, 2002. С. 13–48.

¹²¹ *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1982. С. 43.

¹²² *Алексеев В.М.* Памяти академика Б.Я. Владимирцова // *Вестник Академии наук СССР*. 1931. № 8. С. 16; *Санжеев Г.Д.* Семь лет у Б.Я. Владимирцова // *Российское монголоведение*. Бюллетень IV. М.: ИВ РАН, 1996. С. 98–113.

востоковед И.И. Иориш, «его капитальный труд по сравнительной грамматике монгольского письменного языка и халхаского наречия знаменует собой целую эпоху в монгольском языкознании»¹²³. Труды Б.Я. Владимирцова по монгольской словесности предопределили последующее разделение филологических исследований на лингвистические, текстологические и литературоведческие, а монография «Общественный строй монголов»¹²⁴ сыграла важную роль в формировании новых подходов к изучению истории кочевых народов.

Особенность научного творчества Б.Я. Владимирцова состояла в том, что он не был «кабинетным ученым», постоянно проводил полевые исследования, неоднократно бывал в Монголии (в 1908 г. ездил в Западную Монголию, к дэрбэтам для изучения языка и фольклора, в 1911 г. – к баитам Западной Монголии, в 1913–1915 гг. посетил западную и северную Монголию) по поручению и на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении; в 1925 г. в рамках деятельности Монгольской комиссии СНК СССР обследовал районы Кентея и верхнего Керулена, в 1926 г. побывал в Улан-Баторе и в Учкоме и затем направился в Пекин. Итогом его поездок стал труд «Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия»¹²⁵ (1929).

Развитие идей петербургской монголоведной школы в 1920-х гг. продолжилось в трудах Н.Н. Поппе¹²⁶ – ученика Б.Я. Владимирцова, который начал работу в Азиатском музее с начала 1920-х гг., совмещая ее с преподавательской деятельностью в Петроградском университете. Областью его научных интересов являлись особенности и специфика халха-монгольского и

¹²³ *Иориш И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 215.

¹²⁴ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 233 с.

¹²⁵ *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-е Лен. вост. ин-та, 1929. 435 с.

¹²⁶ *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. М.: Восточная лит-ра, 1996. 144 с.

бурятского языков. С 1926 по 1932 г., семь лет подряд Н.Н. Поппе выезжал в экспедиции (командировался, так же как и Б.Я. Владимирцов, Монгольской комиссией СНК/АН СССР): три раза в Монголию (1926, 1927, 1929 гг.) и четыре раза в Бурятию (1928, 1930–1932 гг.). Материалы этих поездок вошли в его публикации 1920-х – 1930-х гг.¹²⁷

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. ряды петербургских монголоведов в Азиатском музее / Институте востоковедения АН пополнились не только выпускниками и сотрудниками университетских кафедр (С.А. Козин, М.И. Тубянский, А.И. Востриков, А.Я. Якубовский и др.), но и новых учебных заведений – Ленинградского института живых восточных языков / Ленинградского восточного института (В.А. Казакевич, А.Д. Калинин и др.), но и учеными, вынужденными по политическим мотивам уехать из Монголии в начале 1930-х гг. – Ц.Ж. Жамцарано, А.В. Бурдуковым, Н.П. Шастиной. Новые кадры не только развивали традиционные (источниковедение, медиевистика), но и привнесли новые направления в исследования: изучение фольклора, современной истории, экономики Монголии и др. Следует отметить, что, несмотря на политико-идеологическое давление в послереволюционный период, петербургское / ленинградское классическое монголоведение сумело сохранить свою основную особенность: проводить свои исследования прежде всего на основе тщательного изучения монгольских источников.

Таким образом, классическое монголоведение в Российской академии наук возникло из практических и государственных интересов и общественных

¹²⁷ *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 175 с.; *Он же.* Аларский говор. Ч. I. Л.: Изд-во АН СССР; Гос. ин-т культуры БМ АССР, 1930. 130 с., Ч. II. Л.: Изд-во АН СССР; Гос. ин-т культуры БМ АССР, 1931. 216 с.; Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 142 с.; *Он же.* Грамматика письменно-монгольского языка М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 196 с.; *Он же.* Грамматика бурят-монгольского языка М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с. и др.

потребностей, predeterminedенных географическим соседством с монгольскими народами. Источниковой базой для формирования и развития монголоведных исследований явились коллекции рукописей и книг, в собиране которых внесли свой вклад участники академических экспедиций XVIII в. Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И. Иериг и др., члены Российской духовной миссии в Пекине, российские путешественники-географы, послы и купцы. Кроме того Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, И. Иериг, П.С. Паллас, И.Г. Георги положили начало изучению истории, языка и этнографии монгольских народов.

В первые десятилетия XX в. в Академии наук, или в тесном сотрудничестве с ней, работали выдающиеся монголоведы Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, финский монголовед Г.И. Рамстедт. В своих исследованиях большое внимание истории и религии Монголии уделяли академики В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов, Ф.И. Щербатской. Развитию и активизации монголоведных исследований к началу 1920-х гг. способствовало одно из самых богатых мировых собраний монгольских источников, хранившееся в Азиатском музее. Сегодня в собрании Института восточных рукописей – преемника Азиатского музея – их насчитывается более 8 000 единиц¹²⁸.

Изученный материал позволяет сделать следующие выводы: основным направлением российского академического монголоведения первоначально являлось преимущественно изучение письменных монголоязычных памятников и их публикация, медиевистика и филология. Несколько позднее, в конце XIX в., начали развиваться археологические и этнографические исследования. В Азиатском музее АН была сформирована богатейшая источниковая база, для

¹²⁸ *Кульганек И.В.* Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН // *Mongolica–VIII*. СПб., 2008. С. 28. Для сравнения: в обзоре коллекций Азиатского музея, составленного Х.Д. Френком, указано, что в 1829 г. в собрание музея входило 180 единиц тибетских, монгольских и ойратских сочинений, а в 1833 г. – 207 единиц (*Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988. С. 11).

разработки которой требовались дальнейшие экспедиционные исследования, в частности для общения с носителями языка и выявления новых материалов.

§ 1.2. Естественнонаучное изучение Монголии в XVIII – начале XX в.

В параграфе прослеживаются пути формирования монгольских естественнонаучных коллекций в академических учреждениях; определяются основные направления естественнонаучного изучения Монголии, круг специалистов, осуществлявших исследования по данной тематике.

Параллельно с развитием классического монголоведения в Академии наук начиная с первых лет ее существования шло активное накопление естественнонаучных знаний о Монголии.

Расширяясь в восточном направлении, в первой четверти XVII в. границы Русского государства подошли к владениям монгольских ханов. Утилитарные потребности установления посольских и торговых отношений сделали актуальным не только изучение языка и этнических особенностей соседей, но и получение географических знаний о занимаемых ими территориях. Первыми источниками этих сведений стали послы и купцы. Но только начавшие завязываться российско-монгольские отношения в конце XVII в. были прерваны: в 1691 г. Монгольское ханство окончательно потеряло свою независимость, попало под власть маньчжурской династии Цин и, соответственно, политическая обстановка на Дальнем Востоке стала определяться в основном взаимоотношениями России и цинского Китая. Монгольский вопрос во внешней политике России на долгое время отошел на второй план¹²⁹. До конца XIX в.

¹²⁹ Подробно см.: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987; *Он же.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII – XVIII вв. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1978. 216 с.; *Шастина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958. 182 с.; *Слесарчук Г.И.* Из истории посольских отношений России с северо-

Монголия рассматривалась в России как окраина Китая, своего рода транзитная территория по пути в Пекин, что предопределило и приоритетность изучения именно Китая. Кроме того, познанию Монголии крайне препятствовала политика изоляции страны от внешнего мира, проводимая Цинской империей. До середины XIX в. она являлась практически закрытой территорией для иностранцев, в том числе и для русских.

Продолжительное время взаимоотношения России с Монголией ограничивались незначительными приграничными контактами, проездом курьеров генерал-губернатора Восточной Сибири, доставлявших корреспонденцию Сената в Пекинский Трибунал внешних сношений, и членов Русской духовной миссии, раз в десять лет пересекающих Монголию проездом в Пекин. Но это не означало, что Монголия была для российских ученых *terra incognita*. Академия наук принимала активное участие в организации сбора сведений о природе и народах Монголии и обработке полученной информации и привезенных коллекций.

История накопления знаний о Монголии и ее изучения учеными разных стран с XIII по XX вв. подробно рассмотрена одним из крупнейших знатоков географии этого региона Э.М. Мурзаевым (1908–1998)¹³⁰ и востоковедом Н.П. Шастиной (1898–1964)¹³¹. Мы, исходя из задач работы, остановимся лишь на исследованиях Монголии и приграничных с ней территорий России, проведенных или инициированных Академией наук и отдельными учеными, сотрудничавшими или позднее ставшими сотрудниками академических учреждений, где они продолжили изучение этой страны.

монгольскими ханами в 60 – 70-е годы XVII века // *Altaica I. М.*: ИВ АН СССР, 1984. С. 129–130.

¹³⁰ *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948. С. 30.

¹³¹ *Шастина Н.П.* История изучения Монгольской Народной Республики // *Монгольская Народная Республика. Сб. ст. М.*, 1952. С. 15–55.

В XVIII в. исследовательский интерес российских ученых к Монголии был обусловлен государственным заказом на получение знаний о природе, населении и хозяйстве различных «субъектов» империи и, в первую очередь, огромных и неосвоенных пространств Сибири, для проведения своеобразной инвентаризации «государственного домохозяйства»¹³².

Одним из первых такой заказ от Петра I получил, как было указано выше, уроженец г. Данцига, врач по образованию Д.Г. Мессершмидт¹³³, которому царь поручил отправиться в Сибирь «для физического ее описания», «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей», а попутно разных редкостей. Его маршрут проходил в том числе по приграничной реке Ульдзе, водораздельным горам между ней и рекой Онон и Забайкалью¹³⁴.

Д.Г. Мессершмидт собрал богатую коллекцию, в которую вошли биологические, геологические, этнографические материалы и рукописи. Как известно, судьба его коллекций, так же как его собственная, оказалась весьма драматичной. Большая часть коллекций погибла во время пожара в Кунсткамере в 1747 г., другая часть – во время кораблекрушения при возвращении Д.Г. Мессершмидта на родину. Но его труды не были забыты. Последующие исследователи Сибири использовали в своей научной работе путевые дневники Д.Г. Мессершмидта, содержащие много ценных сведений о посещенных местах. Небольшие отрывки из них были опубликованы П.С. Палласом и

¹³² *Бекасова А.В.* Изучение Российской империи экспедициями 1760–1780 гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13.

¹³³ *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.

¹³⁴ *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской народной республики. М.; Л., 1948. С. 29.

В.В. Радловым¹³⁵. Полностью дневники были изданы только в 1960-х гг., в Германии¹³⁶.

Первая научная систематизация знаний о территории, природе и населении Монголии связана с широкомасштабным изучением Сибири, начатым Второй Камчатской экспедицией в 1732–1743 гг. и академическими экспедициями 1768–1774 гг. Труды участников этих экспедиций – «Описание сибирского царства» Г.Ф. Миллера¹³⁷, «Сибирская история» И.Э. Фишера¹³⁸, «Сибирская флора» и

¹³⁵ Гнучина В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940. С. 28; Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 165–172; [Messrschmidt D.G.] Nachricht von D.G. Messrschmidt's Siebenjägigen Raise in Sibirien // Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. 1–7 / Hrsg. P.S. Pallas. Bd. 3. St. Petersburg; Leipzig: J. Z. Logan. S. 97–158 (См.: Савельева Е.А., Щербакова Т.П., Матвеева М.Н. Историческая тематика в академической периодике XVIII в. // Философский век. Альманах 11. Екатерина и ее время. Современный взгляд / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Центр истории идей, 1999. С. 177–297); Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. СПб.: Изд-е Имп. археологической комиссии, 1894. 168 с. (Материалы по археологии России. № 15).

¹³⁶ Messerschmidt D.G. Forschungsberichte durch Sibirien. 1720–1727 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Bd. 1–5. Berlin, 1962–1977. (**Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas** / Hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd. 8. Ts. 1–5).

¹³⁷ [Миллер Г.Ф.] Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Сочинено Г.Ф. Миллером. Книга первая. СПб., 1750; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2002; Т. 3. М., 2005.

¹³⁸ И.Е. Фишеру было поручено составить по собранным Г.Ф. Миллером материалам и результатам своей поездки в Сибирь в 1740–1747 гг. сокращенную историю Сибири: (Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940; Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 340, 368, 402. 404); Fisher I.E. Sibirische Geschihte. St. Petersburg, 1768. Русский перевод вышел в 1774 г.: Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.

этнографические материалы И.Г. Гмелина¹³⁹ – имели огромное значение для дальнейшего познания природы и населения сопредельных с Сибирью территорий.

В путевых заметках Г.Ф. Миллера и Г.И. Гмелина часто встречаются географические названия мест, граничащих с Монголией: речка Нерча, Нерчинск, Аргунский острог, река Онон, Удинск, и др.¹⁴⁰ Их дополняет перевод китайского источника «Описание путешествия, коим ездили китайские посланцы в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге», который выполнил по просьбе Г.Ф. Миллера состоящий в Академии наук в должности переводчика с восточных языков И.К. Россохин (1707(1717?)–1761). Г.Ф. Миллер дополнил комментарии, сделанные переводчиком, и опубликовал текст после смерти И.К. Россохина в «Ежемесячных сочинениях»¹⁴¹. Кроме географического описания Г.Ф. Миллер занимался также картографическими работами по маршруту своего следования: известно, что он составил (в 1735 г.) карту течения Иртыша и в соавторстве с И.Г. Гмелиным – карту течения Томи¹⁴².

¹³⁹ *Gmelin J.G.* Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae. Bd. 1–4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1747–1769; *Idem.* Expedition ins unbekante Sibirien / Hrsg., eingeleitet und erl. von D. Dahlmann. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 454 s.

¹⁴⁰ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. С. 64.

¹⁴¹ Описание путешествия, коим ездили китайские посланцы в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге / Пер. И.К. Россохина, комм. И.К. Россохина, Г.Ф. Миллера // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764. Июль. С. 3–48; Август. С. 99–150; Сентябрь. С. 195–234; Октябрь. С. 292–353; Ноябрь. С. 387–427. Как пишет в предисловии к публикации Г.Ф. Миллер, эта рукопись впервые была переведена иезуитом П. Гобилем на французский, а сам Г.Ф. Миллер перевел ее уже на немецкий и опубликовал в «Samlung Russischer Geschichte» (Т. 1). Но он считал, что французский перевод неполный и усомнился в его точности, поэтому обратился к И.К. Россохину, который, имея эту рукопись на маньчжурском и китайском языках, предпочел перевести с маньчжурского с некоторыми добавлениями из китайского источника (Там же. С. 3–4).

¹⁴² *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller als Geograph // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Bd. 20/2. Berlin, 1976. S. 43–59; *Idem.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783):

Географические знания о Монголии первой половины XVIII в. нашли свое отражение в изданном в 1745 г. Академией наук «Атласе Российском»¹⁴³. На карте № 17 «Иркуцкая провинция и море Байкал с вершиной реки Лены при том же части рек Аргуна и Амура с лежащими вокруг местами» была изображена и часть Северной Монголии, показаны основные реки этой части страны: Селенга, Орхон (с притоками Хара, Тола и др.), Онон, Кэрулен (Курулюн) и др., оз. Далай и Хэнтэйские горы (правда, не указано их название)¹⁴⁴.

Однако никто из сотрудников Академии наук в XVIII в. в Монголию так и не попал. Ближе всех к ее границе подошел П.С. Паллас во время экспедиции в Оренбургский край и Сибирь (1768–1774). Его маршрут по Южной Сибири в 1772 г. проходил через Красноярск, Иркутск и Кяхту. Естественноисторические коллекции П.С. Палласа дали богатый материал, дающий представление о природе пограничных с Россией районов Монголии. Написанные на их основе многочисленные научные труды П.С. Палласа внесли огромный вклад в развитие современного подхода к изучению флоры и фауны, географии и др. отраслей знания и до сих пор актуальны и востребованы¹⁴⁵.

Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands (Herforder Forschungen). Frankfurt am Main: Lang, 2005. 393 s.

¹⁴³ Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю, с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим обсервациям с приложенною притом Генеральною картою Великия сея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук. СПб.: Имп. Акад. наук, 1745. 11 с.: 20 л. карт.

¹⁴⁴ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948. С. 30.

¹⁴⁵ П.С. Паллас и его вклад в познание России. Сборник материалов Всероссийского симпозиума с международным участием 10–13 октября 2011 г. / Отв. ред. Г.А. Юргенсон. Чита: Изд-во «Поиск», 2011. 147 с. См. также: Юсупова Т.И. П.С. Паллас и его роль в развитии монголоведения в России // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII. Тезисы XXVII годичной конференции СПб Отделения национального комитета по истории и

Говоря о вкладе П.С. Палласа в изучение Монголии, следует упомянуть Н.П. Соколова (ординарный академик в 1787–1792 гг., почетный академик с 1792 г.), которому П.С. Паллас 1772 г. поручил пройти и описать маршрут вдоль российско-китайско-монгольской границы. Отчеты о его поездках П.С. Паллас широко использовал в работах, написанных по материалам экспедиции. Журнал наблюдений П.С. Соколова с отчетом о путешествии 1772 г. вдоль монгольской границы был передан в Географический департамент Академии наук «для усовершенствования географических карт» тех местностей, где прошел П.С. Соколов¹⁴⁶.

По предложению директора Академии наук С.Г. Домашнева П.С. Паллас в 1776 г. представил в Конференцию проект дальнейших экспедиционных исследований в азиатской части России. Указав ряд регионов Южной Сибири, он также признавал перспективным для более глубокого познания природы Забайкалья продолжение изучения монгольской территории «по Кяхтинской дороге вплоть до местожительства верховных правителей <...> монгольской орды, называемой Ургой». В числе прочего он отметил, что путешествие к монгольским пустыням, в числе прочего, «не останется без интересных ботанических открытий»¹⁴⁷.

Это пожелание великого естествоиспытателя удалось выполнить не сразу. Китай строго регламентировал присутствие иностранцев на своих территориях, к которым относилась также Монголия. Планировавшаяся в составе свиты российского посольства во главе с графом Ю.А. Головкиным «ученая экспедиция» в Китай в 1805 г. не состоялась. Церемониальные требования

философии науки и техники РАН (21–24 ноября 2006 г.) / Отв. ред. Э.И. Колчинский, ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб.: Политехника-сервис, 2006. С. 101–102.

¹⁴⁶ Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 617; *Сытин А.К.* Петр Симон Паллас – ботаник. М.: КМК Ltd, 1997. 338 с.; *Он же.* Первый исследователь горы Сохондо Никита Петрович Соколов // *Природа.* 1999. № 4. С. 42–53.

¹⁴⁷ Цит. по: *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.* / Сост. В.Ф. Гнучева. М.: Л., 1940. С. 134.

китайского правительства оказались унижительными и неприемлемыми для представителей Российской империи, и посольство вынуждено было вернуться обратно¹⁴⁸. Из посланных Академией наук лиц (астроном и геодезист, академик по математике Ф.И. Шуберт (1758–1825)¹⁴⁹, адъютант по ботанике И.И. Редовский (1775–1807)¹⁵⁰, адъютант по восточным языкам и словесности Ю. Клапрот (1783–1835), зоолог и врач М.И. Адамс (1780–1833?)) в Монголии, в Урге, где проходили переговоры с китайскими чиновниками, побывал лишь И.И. Редовский. Остальные исследователи ожидали их результатов в Иркутске. В Академию наук поступили естественнонаучные коллекции, собранные участниками несостоявшейся Китайской экспедиции в основном на приграничной с Монголией территории¹⁵¹.

Естественнонаучные заметки о Монголии содержатся также в трудах членов Русской духовной миссии в Пекине. В 1824 г. были опубликованы путевые дневники Е.Ф. Тимковского (1790–1875) «Путешествие в Китай через

¹⁴⁸ По пути в Китай, в Урге (столице Монголии – в то время части Цинской империи) во время торжественного обеда графу Ю.А. Головкину было предложено совершить обряд «коу-тоу» – 9 раз преклонить колена перед жертвенником, символизирующим китайского императора. Граф отказался совершать поклоны в отсутствие самого императора, посчитав это унижительным для достоинства Российской империи, которую он представлял.

¹⁴⁹ *Козырева М.* О путешествии академика Ф.И. Шуберта с посольством Ю.А. Головкина в Китай в 1805 г. (из воспоминаний Ф.Ф. Шуберта) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира / Отв. ред. Э.А. Тропп. Т. 3. СПб.: СПб НЦ РАН, 1999. С. 197–208.

¹⁵⁰ *Феклова Т.Ю.* Подготовка экспедиции И.И. Редовского на Камчатку в 1806 г. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXVII годичной конференции СПб Отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (21–24 ноября 2006 г.) / Отв. ред. Э.И. Колчинский, ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб.: Политехника-сервис, 2006. С. 92–93.

¹⁵¹ *Бретшнейдер Е.В.* О путях по Монголии // [Соч. Палладия, архимандрита]. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. С. 23–24; *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.* / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. С. 155–156; *Летопись Российской академии наук.* Т. II. 1803–1860. СПб., 2002. С. 32, 37, 38, 41, 46.

Монголию»¹⁵², сопровождавшего в качестве пристава десятую Духовную миссию из Кяхты в Пекин в 1820 г. и вернувшегося с девятой в 1821 г. Он старался подробно фиксировать географические названия и особенности пути, о чем можно судить по названиям разделов. Так, в частности, в первой части подробно описаны «Отправление миссии из Отечества. Переезд до города Урги в Монголии: описание река Иро, Шара, Баин», «Пребывание в Урге», «Монгольские заповедные рощи», «Продолжение пути до южных пределов Халхаского княжества».

В третьей части книги под названием «Возвращение в Россию и взгляд на Монголию» в первом разделе расписан обратный маршрут в Россию, а второй представляет собой краткий историко-этнографический и географический очерк о Монголии.

В 1828 г. были изданы двухтомные «Записки о Монголии» И. Бичурина¹⁵³. Бичурин писал в Предуведомлении к книге: «Мысль, что буду проезжать через такую отдаленную страну, которую хотя многие знают по описаниям, но не многие видели своими глазами, чрезвычайно восхищала меня, и я предположил по выезде из Кяхты за границу вести подробный путевой дневник. Мне хотелось описать проезжаемую страну с селениями и городами, состояние в одной годовых времен, произведения из трех царств природы и даже присовокупить к нему статистическое описание Монголии». И далее предупреждал читателя, что если он не будет внимательно читать все подробности путешествия и «не пожелает следовать» за автором записок «от станции до станции», то не получит «истинного понятия о пустынях Монголии, а без сего не в состоянии будет судить о племенах, вечно скитающихся по оным»¹⁵⁴. Первая часть книги содержит

¹⁵² *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Медич. департамента мин. внутр. дел, 1824.

¹⁵³ [Бичурин И.] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом с приложением карты Монголии и разных костюмов. Части 1–4. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828. 613 с.

¹⁵⁴ [Бичурин И.] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом с приложением карты Монголии и разных костюмов. Части 1–4. СПб., 1828. С. III–IV; VI–VII.

описание маршрута и некоторых географических особенностей проезжаемых мест, заметки о животном и растительном мире. Собственные наблюдения по дороге туда и обратно И. Бичурин дополнил знаниями, почерпнутыми из китайских источников во время пребывания в Пекине.

Вторая часть «Записок» носит название «Статистическое обозрение Монголии». Она содержит общую характеристику географического положения, климата, этнографические заметки, сведения о хозяйстве и административном управлении страны. В третьей части представлена краткая история монгольского ханства, а в четвертой – правовые особенности его управления Цинской империей.

Несколько позже, в 1892 г., вышли «Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.» архимандрита Палладия (П.И. Кафарова)¹⁵⁵, дополняющие новыми сведениями уже имеющиеся знания о Монголии.

Поскольку между Россией и Китаем не существовало дипломатических отношений, попасть на территории Поднебесной империи, в том числе и на монгольские земли, можно было только в составе Русской духовной миссии в Пекине, деятельность которой была официально разрешена цинскими властями. В 1830 г. Николай I разрешил Академии наук присоединить к очередной, одиннадцатой, Духовной миссии (ее состав менялся раз в 10 лет) своих специалистов¹⁵⁶. Командированные Академией наук астроном Г.А. Фус (1806–1854) и натуралист А.А. Бунге (1803–1890) прошли через Монголию и Ургу по тракту Кяхта – Пекин. Г.А. Фус определил координаты 35 географических пунктов, а А.А. Бунге собрал большую коллекцию монгольской флоры и описал монгольские степи в районе Калганского тракта¹⁵⁷. Монгольский гербарий

¹⁵⁵ [Соч. Палладия, архимандрита]. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. 238 с. (Записки ИРГО по общ. географии. Т. XXII. № 1).

¹⁵⁶ Летопись Российской академии наук. Т. II. 1803–1860. СПб., 2002. С. 214.

¹⁵⁷ Бретшнейдер Е.В. О путях по Монголии // [Соч. Палладия, архимандрита]. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия. СПб., 1892. С. 26–27;

А.А. Бунге долгое время являлся уникальным по количеству представленных растений из этого региона.

Большое значение для флористического изучения Монголии имели коллекции и труды одного из самых именитых ботаников XIX в. К.И. Максимовича (1827–1891). Хотя основное территориальное направление его научной деятельности – Япония и Дальневосточный регион, в ходе своего путешествия в Японию он собрал также коллекции на приграничных с Монголией территориях и издал справочник «Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана»¹⁵⁸.

К середине XIX в. обстановка в Центральноазиатском регионе резко изменилась. Ослабленный Опиумными войнами (1840–1842 и 1856–1860 гг.) и Тайпинским восстанием (1850–1864 гг.) Китай вынужден был пойти на уступки западным странам, заключив с ними неравноправные договоры, которые предоставляли европейцам многие преимущества и привилегии в стране. С Россией также был подписан целый ряд правовых документов (Кульджинский трактат 1851 г., Айгунский и Тяньцзинский договоры 1858 г., Пекинский договор 1860 г. и Торговые правила 1862 г.), закреплявших за ней ее территориальные претензии (часть бассейна рек Амура и Уссури) и регламентировавших (разрешавших и расширявших) торговлю русских с монголами¹⁵⁹.

Несмотря на то что маньчжурские власти не отказались от своей политики ограничения русского влияния в Монголии, в этот период российско-монгольские

Летопись Российской академии наук. Т. II. 1803–1860. СПб., 2002. С. 216, 218–220, 225, 229 и др.; *Bunge V. Barometrisches Nivellement und Naturgemalde der Chinesischen Mongolei, Mitgeteilt von A. v. Humboldt // Annalen der Erd, Volker- und Staatenkunde, herausgegeben von H. Berghaus. 10. Jahrgang. № 107. Berlin, 1834.*

¹⁵⁸ *Maximovicz C.J. Enumeratio planetarium in Mongolia: nec non adjacente parte Turkestanicae Sinensis lectarum. SBb., 1889. 138 p.*

¹⁵⁹ Подробно см.: *Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 460 с. (приведена библиография по этому вопросу); Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987.*

отношения продолжали развиваться. Важным шагом в этом направлении стало открытие в Урге в 1861 г. Российского консульства, которое более сорока пяти лет, с 1863 по 1911 г., возглавлял Я.П. Шишмарёв (1833–1915)¹⁶⁰. Он оказывал большое содействие всем российским исследователям и путешественникам, приезжавшим в Монголию. Я.П. Шишмарёв и сам занимался изучением страны, совершил несколько экспедиционных поездок, результаты которых были опубликованы в «Трудах» Сибирского отдела РГО¹⁶¹.

Особая роль в исследовании Монголии во второй половине XIX в. принадлежит, несомненно, Русскому географическому обществу. Знаменитые центральноазиатские экспедиции РГО под руководством Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, Н.Г. Потанина, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовского, П.К. Козлова и др.¹⁶² дали огромный естественнонаучный, этнографический и исторический материал о Монголии для учреждений Академии наук: Зоологического, Ботанического, Геологического и минералогического музеев (ГиММ)¹⁶³, Азиатского музея, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры).

¹⁶⁰ Андреев А.И. Я.П. Шишмарёв – дипломат, путешественник, исследователь Монголии. *Mongolica*–VI. СПб., 2003. С. 118–120; Единархова Н.Е. Яков Парфеньевич Шишмарёв – русский консул в Монголии // Сибирский архив. Научно-популярный историко-краеведческий сборник. Вып. 2 / Под ред. Н.К. Шестаковой. Иркутск, 2000. С. 11–32; Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарёва о 25-летней деятельности Ургинского консульства / Сост. Н.Е. Единархова. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2001. 119 с.

¹⁶¹ Шишмарёв Я.П. Поездка от города Урги на реку Онон // Записки СО ИРГО. Кн. 8. Иркутск, 1865. С. 138–148; Он же. Сведения о дархатах-урянях ведомства ургинского хутухты // Известия СО ИРГО. Т. 2. № 3. Иркутск, 1871. С. 38–43; Сведения о халхаских владениях // Известия СО ИРГО. Кн. VII. Иркутск, 1864. С. 55–90.

¹⁶² См.: Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. 1845–1945 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 263 с.; Мурзаев Э.М. Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет / Под. общ. ред. А.Г. Исаченко. М.: АО «Прогресс», 1995. С. 9–181.

¹⁶³ Геологический и минералогический музей им. Петра Великого существовал до 1925 г., когда произошло его разделение на Геологический музей и Минералогический музей.

Была собрана подробная информация о происхождении, расселении, численности, этническом составе, хозяйственном укладе, обычаях, обрядах, культуре и искусстве народов Монголии.

Большую исследовательскую работу в пограничных районах и в самой Монголии проводили Восточно-Сибирский отдел и Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела РГО¹⁶⁴. Их результаты нередко привлекали внимание Академии наук. Как уже говорилось, для изучения памятников древней тюркской письменности, обнаруженных в 1889 г. сибирским исследователем Н.М. Ядринцевым в бассейне р. Орхон, в 1891 г. была организована Орхонская археологическая экспедиция Академии наук под руководством академика В.В. Радлова. В состав экспедиции вошли Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц, а также топограф И.И. Щеглов и прикомандированный от Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада натуралист Н.П. Левин. Таким образом, экспедиция кроме исследования археологических памятников смогла выполнить целый ряд работ географического, картографического и естественноисторического характера: был собран гербарий для Ботанического сада, образцы горных пород и сведения для составления геологической карты местности, этнографические материалы и др.¹⁶⁵

В конце XIX в. усилиями ученых и путешественников разных стран было в основном завершено экстенсивно-описательное изучение Центральной Азии. Большинство коллекций, собранных в Монголии многочисленными российскими экспедициями, были сосредоточены в Азиатском, Ботаническом, Зоологическом, Геологическом и минералогическом музеях Академии наук. Эти коллекции способствовали формированию в России вообще и в Академии наук в частности специалистов различного профиля по изучению Монголии и дальнейшей

¹⁶⁴ Подробно см.: *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. С. 203–237.

¹⁶⁵ *Радлов В.В.* Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской АН экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона. СПб., 1892. С. II. (Труды Орхонской экспедиции. Т. I).

активизации и специализации исследовательской работы в Монголии. Инициировали и финансировали эти исследования наряду с Академией наук также и другие научные учреждения: РГО, его сибирские отделения, Геологический комитет, Минералогическое общество и др.

В 1892–1894 гг. в составе очередной Центральноазиатской экспедиции РГО под руководством Г.Н. Потанина работал геолог Иркутского горного управления В.А. Обручев (1863–1956, академик с 1929 г.). Он первым из российских ученых начал геологическое изучение Монголии¹⁶⁶. В одной из впадин пустыни Гоби по пути из Урги в Калган В.А. Обручев нашел осколки зубов третичного носорога, ставшие первой зарегистрированной окаменелостью из Монголии до работы Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории (American Museum of Natural History) под руководством Р.Ч. Эндрюса (1884–1960)¹⁶⁷. Эта находка опровергала гипотезу о покрытии большей части Гоби внутриматериковым третичным морем Ханхай, выдвинутую еще в 1870-х гг. немецким ученым Ф. Рихтгофеном¹⁶⁸. Но тогда В.А. Обручев не обратил должного внимания на продолжение исследований в Южной Гоби, и первые сенсационные находки скелетов динозавров здесь были сделаны экспедицией Р.Ч. Эндрюса, работавшей в Монголии и в северном Китае с 1922 по 1929 г.¹⁶⁹ Российские ученые смогли организовать палеонтологические работы в Монголии значительно позднее, лишь в 1946 г. (см. подпараграф 4.3.2).

¹⁶⁶ *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению ИРГО в 1892–1894 гг. Т. I–II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900–1901.

¹⁶⁷ Об этой находке В.А. Обручев впервые сообщил в статье: *Обручев В.А.* Краткий геологический очерк караванного пути от Кяхты до Калгана // Известия ИРГО. 1893. Т. XXIX. С. 398.

¹⁶⁸ *Мурзаев Э.М.* Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет. М., 1995. С. 84–85.

¹⁶⁹ *Andrews R. Ch.* The New Conquest of Central Asia. New York: The American Museum of Natural History, 1932. 678 p. Полевые исследования в Монголии экспедиция Р.Ч. Эндрюса проводила в 1922, 1923, 1925 гг.; и в 1928–1929 гг. – на территории Китая.

Геологическими исследованиями в Монголии в 1913–1914 гг. занимался профессор Томского технологического института М.А. Усов (1883–1939, академик с 1939 г.). По заданию золотопромышленного общества «Монголор» он изучал Кентейский хребет. М.А. Усов сделал первое орографическое описание этого горного хребта и составил его геологическую карту, описал минеральные источники, констатировал древнее оледенение, присутствующее в этой горной стране¹⁷⁰.

Профессор Томского университета ботаник и географ В.В. Сапожников (1861–1924) в 1905–1906 и 1908–1909 гг. провел подробное исследование Монгольского Алтая в истоках Иртыша и Кобдо. Его книга «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо»¹⁷¹ долгое время была одним из самых полных описаний западной части этой горной системы.

В Томске исследовательские работы в Монголии инициировало организованное в 1909 г. Томское общество изучения Сибири. На его средства в 1916 г. совершила свою первую экспедиционную поездку в Северо-Западную Монголию для сбора геологических и ботанических коллекций студентка Сибирских высших женских курсов М.Ф. Нейбург (1894–1962). С 1921 г. она являлась сотрудником Геологического отделения ГиММ, а в 1920-х гг. продолжила свои исследования в нескольких экспедициях Монгольской комиссии СНК / АН СССР¹⁷².

¹⁷⁰ Усов М.А. Район приисков общества Рудного дела Тушетуханского и Цэцэнханского аймаков в Монголии, его геологическое строение и условия его золотоносности. Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1914. 85 с.; *Он же*. Орография и геология Кентейского хребта в Монголии // Известия Геологического комитета. 1915. Т. 34. Вып. 8. С. 889–991.

¹⁷¹ Сапожников В.В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествия 1905–1909 гг. // Известия Томского ун-та. Томск: Типо-литогр. Сиб. тов-ва печатного дела, 1911. 408 с.

¹⁷² Нейбург М.Ф. Доклад о поездке в Северо-Западную Монголию в 1916 г. // Архив РАН. Ф. 690. Оп. 4. Д. 1.

В 1902 г. состоялась поездка в Тункинский край и на озеро Косогол будущего председателя (1930–1945) Монгольской комиссии АН, президента (в 1936–1945 гг.) Академии наук СССР, ботаника В.Л. Комарова (1869–1945). В отчете об этой интересной поездке имеются не только ботанические наблюдения, но и географические: описание рельефа местности, климата, населения и др.¹⁷³ Ученый много внимания уделял изучению Монголии, посвятив ей ряд работ, особенно в области систематики монгольской флоры и описания ботанических коллекций российских путешественников. Так, в 1905–1907 гг. В.Л. Комаров занимался изучением китайских и монгольских коллекций, переданных РГО в Санкт-Петербургский ботанический сад¹⁷⁴. К сожалению, незавершенным остался его труд «Флора Монголии», который несколько лет стоял в издательских планах Монгольской комиссии.

В 1903 г., еще будучи студентами Санкт-Петербургского университета, по заданию Минералогического общества начали свои исследования геологии Западной Монголии и Тувы И.П. Рачковский (1878–1961)¹⁷⁵ и А.И. Педашенко. Работа И.П. Рачковского, сотрудника ГММ Академии наук в Монголии и Туве, продолжалась более трех десятилетий. Он стал одним из активнейших

¹⁷³ *Комаров В.Л.* Поездка в Тункинский край и на оз. Косогол в 1902 г. // Известия ИРГО. 1905. Т. 41. Вып. 1. СПб., 1906. С. 23–154.

¹⁷⁴ См., напр.: *Комаров В.Л.* Введение к флорам Китая и Монголии // Труды Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада. Т. XXIX. Вып. 1. СПб.: Типо-литогр. Герольд, 1908. 176 с; Вып. 2. Монография рода *Saigana*. СПб.: Типо-литогр. Герольд, 1909. С. 177–388; *Он же.* Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию. Ч. 1. Маршруты Н.М. Пржевальского // Труды Главного Ботанического сада. 1920. Т. XXXIV. Вып. I. С. 1–192; Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию. Ч. 2. Маршруты Г.Н. Потанина (1876 – 1899) // Труды Главного Ботанического сада. 1928. Т. XXXIV. Вып. II. С. 201–404.

¹⁷⁵ *Мандрик М.В.* К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова, ред. Т.Ю. Гнатюк. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 122–137.

сотрудников Монгольской комиссии, ее ученым секретарем, затем заместителем председателя и главным координатором ее работы с Ученым комитетом Монголии.

В 1912 г. было начато изучение почв Монголии. Первые исследования провел по маршруту Кяхта – Урга¹⁷⁶ будущий академик (с 1935 г.) Л.И. Прасолов (1875–1954)¹⁷⁷. В 1924–1926 гг. почвенно-географические работы в Монголии продолжил Б.Б. Полынов (1877–1952, академик с 1946 г.), позднее принимавший деятельное участие в работе Монгольской комиссии.

В 1912–1914 гг. орнитолог и зоогеограф П.П. Сушкин (1868–1928), тогда профессор Харьковского университета, работая на Алтае, совершил несколько поездок в Северную Монголию для сбора материалов по зоогеографическому разделению Восточной Азии¹⁷⁸. Интерес П.П. Сушкина к Монголии не ослабевал и в дальнейшем, когда в 1921 г. он стал сотрудником Зоологического музея АН и ГИММ, а в 1923 г. – академиком. Он координировал работу зоологов в Монголии, проводимую в рамках деятельности Монгольской комиссии, а в 1925 г. был заместителем председателя Комиссии. В последние годы жизни П.П. Сушкин много времени отдавал палеонтологическим исследованиям. Его учениками в этой области были Ю.А. Орлов (1893–1966, академик с 1960 г.) и И.А. Ефремов (1907–1972) – руководители советской Палеонтологической экспедиции в Монголии в 1946–1949 гг.

¹⁷⁶ Урга – русифицированное название столицы Монголии (от *монг.* Өргөө – ставка, дворец); с ноября 1924 г. – Улан-Батор.

¹⁷⁷ Результаты исследования вошли в книгу: *Прасолов Л.И.* Южное Забайкалье. Почвенно-географический очерк. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 422 с. (Материалы ОКИСАР. Вып. 12. Серия Бурят-Монгольская).

¹⁷⁸ *Сушкин П.П.* Поездка в юго-восточную часть русского Алтая и Северо-Западную Монголию и заметки о птицах этой местности // Орнитологический вестник. Вып. 4. СПб., 1915. С. 273–289. Результаты поездки также вошли в книгу: *Сушкин П.П.* Список и распределение птиц русского Алтая и ближайших частей Северо-Западной Монголии с описанием новых и малоизвестных форм. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 81 с.

Первая мировая война снизила исследовательскую активность академических и сибирских научных учреждений. В предреволюционные годы можно отметить только несколько экспедиционных поездок. В 1915 г. орнитологические работы в Монголии проводил председатель Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения РГО и директор его музея А.Я. Тугаринов (1880–1948). В 1926 г. он стал сотрудником Зоологического музея АН и продолжил изучение птиц Монголии в рамках деятельности Монгольской комиссии¹⁷⁹.

В 1915–1916 гг. Селенгинскую Даурию, Забайкалье, Алтай посетил А.И. Ферсман; он занимался поиском алюминиевых руд, изучал пегматитовые жилы и связанные с ними месторождения драгоценных камней¹⁸⁰.

В 1916 и 1917 гг. в Северо-Западной Монголии и Урянхайском крае вновь работали И.П. Рачковский и А.И. Педашенко, командированные Геологическим комитетом по предложению В.И. Вернадского «с целью проведения рекогносцировочных работ для выработки плана систематического обследования», чтобы получить «общую геологическую картину строения Монголии и выделить районы, заслуживающие особенного внимания в отношении полезных ископаемых»¹⁸¹.

Таким образом, краткое перечисление проведенных российскими учеными экспедиционных исследований пограничных территорий Монголии показало, что

¹⁷⁹ *Тугаринов А.Я.* Материалы для орнитофауны Северо-Западной Монголии (хр. Танну-ола, оз. Убса-нур) // Орнитологический вестник. 1916. Вып. 2. С. 77–90; Вып. 3. С. 141–154; *Он же.* Северная Монголия и птицы этой страны // Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 145–236. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 3).

¹⁸⁰ *Перельман А.И.* Александр Евгеньевич Ферсман. Изд. 2, перераб. и доп. М.: Наука, 1983. 272 с.

¹⁸¹ Записка о плане экспедиции, 1921–1922 г. // ГАРФ. Ф. 5445. Оп. 37. Д. 10. Л. 79; СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 12. Л. 262.

основными направлениями ее естественнонаучного изучения к началу 1920-х гг. стали ботанические, зоологические, геологические, минералогические работы. Их инициировали и финансировали наряду с Академией наук также и другие научные учреждения (Геологический комитет, Минералогическое общество, РГО). В научном сообществе сложился круг авторитетных исследователей, деятельность которых была связана с Монголией или территориально, или в процессе изучения естественнонаучных коллекций, собранных на ее территории: почвоведы Б.Б. Полынов и Л.И. Прасолов, геологи В.А. Обручев, М.А. Усов, В.В. Сапожников, И.П. Рачковский, минералог А.Е. Ферсман, зоологи П.П. Сушкин, А.Я. Тугаринов, ботаники В.Л. Комаров и др. И хотя революционные события и Гражданская война в России, политические и военные потрясения в 1919–1921 гг. в Монголии приостановили деятельность российских ученых в этом регионе, как показали дальнейшие события, в научном сообществе сохранился глубокий интерес и стремление продолжить реализацию своих исследовательских программ на ее территории.

§ 1.3. Формирование и изучение монгольских естественнонаучных коллекций в Академии наук

В параграфе рассматривается роль центральноазиатских экспедиций РГО в накоплении монгольских естественнонаучных коллекций в академических учреждениях и вклад путешественника П.К. Козлова в их комплектование; выявляется круг специалистов, занимавшихся изучением и обработкой этих коллекций.

Огромное значение для формирования научных кадров по изучению Монголии сыграли естественнонаучные коллекции, привезенные в академические музеи российскими центральноазиатскими экспедициями конца XIX – начала XX в.. Особенно выделяются среди них по количеству привезенных для научных учреждений материалы большие рекогносцировочные экспедиции,

организованные РГО, которые возглавляли Н.М. Пржевальский (1849–1888), М.В. Певцов (1843–1902), Г.Н. Потанин (1825–1920), Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936)¹⁸², П.К. Козлов (1863–1935)¹⁸³.

Активизация исследовательских работ в Центральной Азии была связана с особым геополитическим интересом, который проявляли ведущие мировые державы к этой территории как к возможному рынку сбыта и источнику сырья. Решая чисто научные задачи, ученые в то же время способствовали усилению влияния своих государств в исследуемом регионе¹⁸⁴. Совпадение научных интересов с геополитическими государственными задачами обеспечивало российским путешественникам правительственную поддержку исследовательской деятельности в Центральной Азии. В связи с этим обстоятельством результаты их экспедиций имели не только научный, но и, как правило, большой общественный резонанс, что ускоряло процесс обработки и введения в научный оборот добытых

¹⁸² Н.М. Пржевальский совершил в 1867–1868 гг. Уссурийскую экспедицию и затем четыре центральноазиатских: в 1871–1873; 1876–1877; 1879–1881; 1883–1885 гг. М.В. Певцов в 1876 г. исследовал Джунгарию; в 1878–1879 – Монголию и северные провинции Китая; в 1889–1890 гг., после смерти Н.М. Пржевальского, возглавил Тибетскую экспедицию. Г.Н. Потанин в период с 1863 по 1895 г. совершил шесть экспедиций, две из которых, в 1876–1878 гг. и 1879–1880 гг., полностью работали на территории Монголии. Г.Е. Грумм-Гржимайло в 1889–1890 гг. совершил экспедицию в Западный Китай и в 1903–1914 гг. – ряд экспедиций по изучению Западной Монголии и Урянхайского края.

¹⁸³ Общий обзор деятельности этих путешественников см.: *Мурзаев Э.Н.* Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет / М., 1995. С. 52–99.

¹⁸⁴ В этот период активную исследовательскую работу в Центральной Азии проводили английский путешественник А. Стейн (1862–1943), американский ученый и дипломат У.В. Рокхилл (1854–1914), шведский путешественник Св. Гедин (1865–1952), немецкие исследователи А. Грюнведель (1856–1935), А. Тафель (1877–1935), А. фон Леккок (1860–1930), французские ориенталисты Э. Шаванн (1865–1918), П. Пелио (1878–1945) и др. См., напр.: *Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX и XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Под. ред. И.Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 11–39.

экспедициями коллекций. В свою очередь, осуществление этой работы способствовало формированию круга специалистов по изучению центральноазиатской, в том числе и монгольской флоры, фауны, геологии, проведению географических, метеорологических, а позднее и археологических исследований в этом регионе¹⁸⁵.

Если говорить о количественных результатах, то, например, зоологические сборы Н.М. Пржевальского, с которого началось широкомасштабное научное освоение Центральной Азии, характеризуют такие цифры: путешественник передал в Зоологический музей АН млекопитающих – более 700 экземпляров (115 видов); птиц – 5 000 экземпляров (425 видов); пресмыкающихся и земноводных – 2 000 экземпляров (50 видов); рыб – 643 экземпляров (75 видов)¹⁸⁶, собранных в ходе его четырех центральноазиатских экспедиций с 1871 по 1885 г., часть маршрутов которых проходила по разным районам Монголии.

Систематическое описание этих сборов по отдельным классам животных (кроме насекомых) было в основном осуществлено сотрудниками Зоологического музея, а результаты опубликованы в 1888–1912 гг. в серии выпусков под общим названием «Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии», куда также были включены ботанические и метеорологические материалы¹⁸⁷. Кроме того, во втором томе книги

¹⁸⁵ Так, напр., Н.М. Пржевальский согласился передать собираемые им гербарии в Санкт-Петербургский ботанический сад только при условии их немедленного описания и определения (*Кожевникова М.Н.* Значение ботанических результатов российских экспедиций (1870 – 1920-е годы) для проблемы ботанико-географического районирования Центральной Азии // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012 / Отв. ред. Ю.М. Батулин. Ч. II. М.: Янус-К, 2012. С. 880–883).

¹⁸⁶ Каталог зоологической коллекции, собранной Н.М. Пржевальским в Центральной Азии и поступившей в зоологический музей Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Акад. наук, 1887. 33 с.

¹⁸⁷ Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. СПб.: Тип. Акад. наук: Отдел Зоологический. Т. 1. Млекопитающие. Ч. 1. Вып. 1–9. Обработал *Е. Бихнер*.

Н.М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов» приведено описание герпетологической и ихтиологической коллекций, сделанных А.А. Штраухом (1832–1893) и К.Ф. Кесслером (1815–1881)¹⁸⁸.

В изучении и обработке коллекций Н.М. Пржевальского в разные годы принимали участие зоологи В.В. Заленский (1847–1918), Я.В. Бедряга (1864–?), Ф.Д. Плеске (1858–1932), Е.А. Бихнер (1861–1913), С.М. Герценштейн (1854–1894), В.Л. Бианки (1857–1920), А.П. Семенов-Тянь-Шанский (1866–1942), А.М. Никольский (1858–1942), К.А. Сатунин (1863–1915) и др.; ботаники К.И. Максимович, В.Л. Комаров, А.Ф. Баталин (1847–1896); геологи и минералоги А.А. Иностранцев (1843–1919), И.В. Мушкетов (1850–1902); метеоролог А.И. Воейков (1842–1916) и др.

Общее представление о ботанических центральноазиатских сборах можно составить, например, по таким данным: экспедиции Н.М. Пржевальского доставили в академические музеи 1 700 видов растений, Г.Н. Потанина – 3 400 видов (из них 500 видов дауро-монгольской флоры было привезено из последней экспедиции в 1899 г.), П.К. Козлова – более 2 000 видов. Кроме Г.Н. Потанина большие ботанические сборы из Монголии, ее южной и западной

СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1888–1894. 420 с.; Т. 1. Млекопитающие. Ч. 2. Копытные. Вып. 1. *Equus Przewalskii*. Обработал В. Заленский. СПб., 1902. С. 1–76; Т. II. Птицы. Вып. 1–3. Обработал Ф.Д. Плеске. СПб., 1889–1894. Вып. 4. Обработал В. Бианки. СПб., 1905. 360 с.; Т. III. Ч. 1. Земноводные и пресмыкающиеся. Вып. 1–4. Обработал А.В. Бедряга. СПб., 1898–1912. 769 с.; Т. III. Ч. 2. Рыбы. Вып. 1–3. Обработал С. Герценштейн. СПб., 1888–1891. 262 с.

Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел Ботанический. Т. I. *Flora Tangutica*. Вып. 1. Обработал К. Максимович. СПб., 1889. 138 с.; Т. II. Вып. 1. Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. Обработал К. Максимович. СПб., 1889. 260 с.; Отдел Метеорологический. Маршруты и метеорологические наблюдения. Обработал А.И. Воейков. СПб., 1895. 281 с.

¹⁸⁸ Штраух А.А. Пресмыкающиеся и земноводные // Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. II. Отдел III. СПб.: Изд-е ИРГО, 1876. С. 1–55; Кесслер К.Ф. Рыбы // Там же. Отдел IV. С. 1–36.

части, доставили экспедиции Г.Е. Грумм-Гржимайло¹⁸⁹ 1889–1890 и 1903 гг. Обработкой части ботанических коллекций Н.М. Пржевальского и Г.Н. Потанина занимался, как было указано ранее, К.И. Максимович. По его предварительной оценке, флора Монголии в изучаемых коллекциях была представлена 1 800 видами¹⁹⁰. В 1905 г. их описание продолжил В.Л. Комаров. Он проанализировал около 50 000 гербарных листов (около 6 000 видов растений). Итогом его кропотливой работы стала книга «Введение к флорам Китая и Монголии»¹⁹¹, где он рассмотрел проблему ботанико-географического районирования этого региона.

Что касается других исследований, проводимых участниками центральноазиатских экспедиций РГО, то следует отметить следующее обстоятельство. Последователи Н.М. Пржевальского, расширяя задачи изучения региона, включали в состав экспедиций специалистов конкретных отраслей знания, прежде всего геологов, топографов и зоологов¹⁹². Так, например, постоянным спутником Г.Н. Потанина был зоолог М.М. Березовский (1848–

¹⁸⁹ *Кожевникова М.Н.* Значение ботанических результатов российских экспедиций (1870 – 1920-е годы) для проблемы ботанико-географического районирования Центральной Азии // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012. Ч. II. М., 2012. С. 880–883.

¹⁹⁰ *Maximovicz C.J.* Enumeratio planetarium in Mongolia: nec non adjacente parte Turkestanicae Sinensis lectarum. SPb., 1889.

¹⁹¹ *Комаров В.Л.* Введение к флорам Китая и Монголии // Труды Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада. 1908. Т. XXIX. Вып. 1. 176 с.

¹⁹² Н.М. Пржевальский не включал в состав своих экспедиций ученых. Он формировал экспедиционный отряд исключительно из военных, учитывая опасность путешествия по неизведанным и труднодоступным территориям. Свои экспедиции Н.М. Пржевальский определял как рекогносцировочные и в качестве задач ставил только наблюдение, описание и собирание коллекций. Он полагал, что время детальных, специализированных исследований наступит несколько позднее.

1912)¹⁹³, а в его экспедиции 1892–1893 гг. работал географ В.А. Обручев. В состав экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг. был включен геолог К.И. Богданович (1864–1947)¹⁹⁴. В Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова участвовал геолог А.А. Чернов (1877–1963)¹⁹⁵. Деятельность этих специалистов внесла важный вклад в геологическое изучение региона и его картографирование.

Большое значение для географического познания Монголии представляли итоговые отчеты руководителей экспедиций, публиковавшиеся по их завершению¹⁹⁶. Эти труды, кроме научной ценности, пользовались еще и большой популярностью среди широких слоев населения.

В истории установления научного сотрудничества между Российской академией наук и Ученым комитетом Монголии важное место принадлежит, как будет показано далее, П.К. Козлову¹⁹⁷. Из российских путешествий по

¹⁹³ *Березовский М., Бианки В.* Птицы Ганьсуйского путешествия Г.Н. Потанина 1884–1887 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 155 с.

¹⁹⁴ *Богданович К.И.* Геологические исследования в Восточном Туркестане / Труды Тибетской экспедиции 1899–1890 гг., под начальством М.В. Певцова. Ч. II. СПб.: Изд-е ИРГО, 1892. 126 с.

¹⁹⁵ *Чернов А.* Низовье Эдзин-гола. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 459–466.

¹⁹⁶ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии. Т. 1–2. СПб.: Изд-е ИРГО, 1875–1876; *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 1–4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883; *Он же.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Т. 1–2. СПб.: Изд-е ИРГО, Тип. А.С. Суворина, 1893; *Певцов М.В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая / Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1883. Кн. 5. 355 с.; *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб.: Тип. Герольд, 1905. 356 с.; Т. 1. Ч. II. Кам и обратный путь. СПб.: Тип. Герольд, 1906. 734 с.; *Он же.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция ИРГО в Нагорной Азии 1907–1909. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 673 с.; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Описание природы этих стран. СПб.: Изд-е ИРГО, 1914. 582 с. и др.

¹⁹⁷ См. также: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и начало советских научных инициатив в Монголии // International Symposium on “Dialogue among Civilizations:

Центральной Азии именно его экспедиции были наиболее «монгольскими», особенно его последняя, Монголо-Тибетская 1923–1926 гг.¹⁹⁸ Поэтому в данной работе более подробно рассматривается вклад этого исследователя в накопление монгольских естественнонаучных и археологических коллекций в академических учреждениях¹⁹⁹.

П.К. Козлов с 1883 по 1926 г. участвовал в шести центральноазиатских экспедициях, три из которых возглавил лично²⁰⁰. Особенно ярко его талант путешественника-натуралиста проявился во время Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг., в результате которой он привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественноисторическую коллекцию и ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей Центральной Азии. К обработке этих биологических коллекций сразу же приступили сотрудники Зоологического музея АН и Санкт-Петербургского Ботанического сада.

Труды Монголо-Камской экспедиции были опубликованы в 1905–1908 гг.²⁰¹ Том V содержал результаты изучения орнитологической коллекции,

Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia”. Ulaanbaatar, Mongolia, August 15–16, 2001. Ulaanbaatar, 2001. P. 456–459.

¹⁹⁸ Подробнее об исследовательской деятельности П.К. Козлова см.: *Овчинникова Т.Н.* П.К. Козлов – исследователь Центральной Азии. М.: Наука, 1964. 200 с.

¹⁹⁹ Подробно см.: *Юсупова Т.И.* Вклад русских путешественников в сокровищницу академических музеев: П.К. Козлов // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2010. С. 404–422.

²⁰⁰ Козлов П.К. участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг.; возглавлял: Монголо-Камскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-Сычуанскую экспедицию 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923–1926 гг.

²⁰¹ Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершённой в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Тт. 1–3, 5, 7, 8. СПб., 1905–1908. Отчет самого П.К. Козлова напечатан в двух частях первого тома: *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. I–II. СПб.: Тип. «Герольд», 1905–1906.

осуществленного В.Л. Бианки²⁰²; том VII – описание энтомологической коллекции, сделанное Т. Бекером, П. Штейном и Ф. Коновым²⁰³. Запланированные в IV и VI тома описание млекопитающих и пресмыкающихся не были опубликованы из-за незавершенности обработки коллекционного материала по этим двум классам и недостаточности финансирования для продолжения издания «Трудов экспедиции». Позднее эту часть коллекции частично описал К.А. Сатунин (1863–1915)²⁰⁴.

Что касается ботанических коллекций, то, по подсчетам Б.А. Федченко (1872–1947), экспедиция 1899–1901 гг. П.К. Козлова привезла почти 25 000 экземпляров ботанического материала, уникального по месту и качеству сбора и сохранности²⁰⁵.

Иностранные ученые также почитали за честь принять участие в изучении его сборов. Так, в 1925 г. немецкий ботаник Р. Шлехтер (R. Schlehter; 1872–1925) писал П.К. Козлову в Монголию, что с большим интересом читает о его открытиях и предлагает свои услуги для скорейшей обработки новых ботанических коллекций²⁰⁶.

У путешественника были прекрасные отношения практически со всеми сотрудниками Зоологического музея²⁰⁷, работавшими там в разные годы и

²⁰² Бианки В. Материалы для авифауны Монголии и Восточного Тибета // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершённой в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. V. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. 251 с.

²⁰³ Бекер Т., Штейн П., Конов Фр. Двукрылые и перепончатокрылые // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершённой в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. 1899–1901 гг. Т. VII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. 150 с.

²⁰⁴ См.: *Satunin K.A.* Neue Nagetiere aus Centralasien // Ежегодник Зоологического музея АН. 1902. Т. VII. С. 547–548; *Idem.* Neue Katzenarten aus Sentral Asien // Ежегодник Зоологического музея АН. 1905. Т. IX. С. 524–537,

²⁰⁵ Федченко Б.А. Петр Кузьмич Козлов // Советская ботаника. 1936. № 1. С. 155–156.

²⁰⁶ Письмо Р. Шлехтера к П.К. Козлову, 1925 г. // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 771.

²⁰⁷ Подробно этот вопрос рассмотрен в: Юсупова Т.И. Сотрудничество путешественника П.К. Козлова с Зоологическим музеем Академии наук // Зоологические коллекции России в

изучавшими его коллекции: С.М. Герценштейном, Е.А. Бихнером, В.Л. Бианки, Н.В. Насоновым²⁰⁸, Л.С. Бергом (1876–1950), А.А. Бялыницким-Бирулей (1864–1937), А.П. Семеновым-Тян-Шанским (1866–1942), П.П. Сушкиным (1868–1928), Б.С. Виноградовым (1891–1958), А.Н. Кириченко (1882–1941), Б.А. Федченко²⁰⁹ и др. В Москве П.К. Козлов всегда пользовался советами и указаниями профессора, позже академика М.А. Мензбира (1855–1935).

В экспедиционных дневниках он неизменно указывает на выполнение просьб своих коллег, обращение к ним с различными вопросами, касающимися производимых им сборов²¹⁰. Материалы коллекций П.К. Козлова, по сведениям, приведенным А.П. Семеновым-Тян-Шанским в 1937 г., были так или иначе использованы в работах 102 специалистов, написавших примерно двести специальных научных работ.

Следует отметить, что кроме полевых сборов особую ценность имеют обстоятельные очерки фауны обследованных районов с биологическими характеристиками отдельных представителей этих фаун, которые П.К. Козлов обязательно дает в своих книгах по итогам путешествий, а также очень содержательные зоологические дневники путешественника. Среди биологических

XVIII – XXI веках: научный и социально-политический контекст / Ред.-сост. Н.В. Слепкова. СПб., 2012. С. 249–258.

²⁰⁸ Виноградов Б.С. Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. Т. 1. Ч. II. СПб., 1906. С. 540–545; Насонов Н.В. О новом виде дикого барана из Южной Гоби: *Ovis Kozlovi* // Известия Имп. Акад. наук. VI серия, Т. 7. СПб., 1913. С. 621–626; Бианки В. Материалы для авифауны восточной Монголии и северо-восточного Тибета по данным Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. под начальством П.К. Козлова // Ежегодник Зоологического музея Имп. Акад. наук. 1915. Т. 20. С. 1–102.

²⁰⁹ Б.А. Федченко редактировал ряд научных периодических изданий и коллективных трудов, в том числе: «Флора Азиатской России» (15 выпусков, 1912–1920, и 3 выпуска новой серии, 1923–1924), «Флора Забайкалья» (4 выпуска, 1929–1941).

²¹⁰ См., напр.: Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев, отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003. 1039 с.

коллекций П.К. Козлова по своей полноте и разнообразию выделяются орнитологические. Всего им было доставлено, по подсчетам А.П. Семенова-Тян-Шанского, свыше пяти тысяч экземпляров птиц. Кроме того, обладая тонкой наблюдательностью и прекрасно разбираясь в голосах птиц и их названиях, П.К. Козлов в своих дневниках собрал, по свидетельству Б.К. Штегмана, «высокоценный материал» по экологии и биологии птиц Центральной Азии²¹¹.

По мнению специалистов, естественнонаучные сборы П.К. Козлова обогатили центральноазиатские коллекции академических музеев и позволили российским ученым «сделаться настоящими хозяевами в вопросах фауны и флоры этой части земного шара»²¹².

Но особую историческую ценность имеют археологические находки П.К. Козлова, сделанные им в 1908–1909 гг. в г. Хара-Хото, на юге пустыни Гоби, не территории современного автономного района Китая – Внутренней Монголии, и в 1924–1925 гг. в горах Ноин-Ула, в 100 км к северу от столицы Монголии Улан-Батора. При раскопках Хара-Хото в 1909 г. была обнаружена целая библиотека (около 6 000) прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском, и уйгурском языках, сотни буддийских икон (около 300) и скульптур, святыни из буддийских храмов. Воодушевленный находками П.К. Козлов записал в дневнике: «Буду надеяться, что и Географическое общество, и Императорская Академия наук приложат все усилия, средства и умение, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото»²¹³. Так и произошло. Материалы из знаменитого субургана позволили восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892–1227 гг.) на территории современного

²¹¹ Семенов-Тян-Шанский А.П. Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова // Известия Государственного географического общества. Т. LXIX. Вып. 1. 1937. С. 133.

²¹² Там же. С. 136.

²¹³ Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1 // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 465.

северного Китая²¹⁴. Как отмечают исследователи, после находок в Хара-Хото можно говорить о подлинном развитии тангутоведения. Коллекции книг, живописи, предметов быта дали возможность многое узнать о культуре, искусстве, этнографии Си Ся, его связях с другими государствами. Первыми к изучению этих коллекций приступили А.И. Иванов (1878–1937), В.Л. Котвич, С.Ф. Ольденбург²¹⁵. Хара-хотинская коллекция, хранящаяся сегодня в Государственном Эрмитаже (произведения искусства) и в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН (рукописи и ксилографы), является уникальным по содержанию и объему собранием по истории тангутского государства и до сих пор изучается и широко востребована мировым научным сообществом²¹⁶.

²¹⁴ См., напр.: *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма (Очерк об исследователях тангутской цивилизации). М.: Наука, 1965. 139 с.; *Он же.* Очерк истории тангутского государства. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1968. 353 с.; *Он же.* Император Великого Ся. Новосибирск: Наука, 1991. 160 с.; *Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.* Мертвый город Хара-Хото. М.: Наука, 1968. 64 с.

²¹⁵ *Иванов А.И.* Тангутские рукописи из Хара-Хото. Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото // Известия ИРГО. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–470; *Он же.* Страница из истории Си Ся // Известия Имп. Акад. наук. Сер. VI. 1911. Т. 5. № 11. С. 831–836; *Он же.* Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Имп. Акад. наук. Сер. VI. 1913. Т. VII. № 8. С. 811–816; *Он же.* Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг.: Изд-е Этногр. отд. Рус. музея Имп. Александра III, 1914. С. 159–174; *Иванов А., Ольденбург С.Ф., Котвич В.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото // Известия ИРГО. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–477; *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (Образа тибетского письма) // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 79 с.

²¹⁶ Подробно см.: Тангуты в Центральной Азии. Сборник статей в честь 80-летия профессора Е.И. Кычанова / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная литература, 2012. 501 с.; *Юсупова Т.И.* Монголо-Сычуаньская экспедиция и открытие Хара-Хото // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. СПб., 2008. С. 112–129; *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. Т.Ю. Гнатюк, отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2015. 424 с.

Последняя экспедиция П.К. Козлова – Монголо-Тибетская, совершенная в 1923–1926 гг., также ознаменовалась уникальными археологическими находками, на этот раз в захоронениях хунну, в горах Ноин-Ула, в Северной Монголии. Как покажет дальнейшее изложение материала, именно эти находки стали одним из поводов организации широкомасштабного изучения Монголии Российской Академией наук, а археологические исследования в Ноин-Уле – одним из важных направлений советско / российско-монгольского научного сотрудничества.

В июле 1914 г. должна была начаться очередная экспедиция П.К. Козлова, которая проектировалась как Монголо-Тибетская. Но начавшаяся Первая мировая война прервала его исследовательскую деятельность. Полковник Генерального штаба П.К. Козлов был направлен вначале на Юго-Западный фронт, а затем, в 1915 г., его командировали в Монголию во главе особой правительственной экспедиции («Монголэкс»), занимавшейся закупками скота для нужд действующей армии. Такое назначение было не случайным: П.К. Козлов был знаком с видными государственными деятелями страны. Контакты, сложившиеся еще со времени его посещения Монголии в 1905 г. для встречи с далай-ламой XIII и в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг., укрепились во время встреч в Санкт-Петербурге, куда в 1911–1915 гг. монгольские делегации приезжали для переговоров с царским правительством о признании независимости Монголии от цинского Китая. Среди тех, с кем тесно общался П.К. Козлов, были видные представители монгольской элиты, занимавшие министерские посты в богдо-ханском, а позднее в народном правительстве Монголии: ван Ханда Дорж, Сайн Нойн-хан, Б. Цэрэндорж и др.²¹⁷

Кроме того, успешной деятельности П.К. Козлова в Монголии способствовали его дружеские отношения с представителями руководящей элиты советской России. Путешественнику покровительствовал один из высокопоставленных советских государственных деятелей – Н.П. Горбунов,

²¹⁷ См.: *Yusupova T.I.* On P.K. Kozlov contribution to Mongolian studies: certain facts and certain doubts // *Mongolica (An International Annual of Mongol Studies)*. 2004. Vol. 15 (36). P. 366–371.

управляющий делами СНК РСФСР / СССР. Он осуществлял правительственный патронаж Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг.²¹⁸ Это немаловажное обстоятельство является, наряду с научными достижениями по изучению Монголии, существенной причиной более пристального внимания к деятельности П.К. Козлова в данном диссертационном исследовании.

Анализируя работу российских исследователей Центральной Азии, В.Л. Комаров в 1915 г. с сожалением отмечал, что Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова 1907–1909 гг. была последней российской большой географической экспедицией в этот регион, в связи с чем, как полагал В.Л. Комаров, «монополия изучения Монголии, Тибета и Западного Китая изъята из наших рук»²¹⁹. Однако пессимизм ученого был несколько, на наш взгляд, преувеличен. Успешная исследовательская деятельность его соотечественников, хотя и в меньших масштабах, продолжалась. И если можно говорить о приоритете иностранных исследований в центральноазиатском регионе в это время в целом, то территория Монголии, особенно ее северной, северо-западной и центральной частей, как показал обзор экспедиционной деятельности академических сотрудников в предыдущем параграфе, по-прежнему оставалась прерогативой российских ученых.

Таким образом, рассмотрение истории изучения Монголии в XVIII – начале XX в. позволяет сделать вывод, что параллельно с развитием классического монголоведения в Академии наук начиная с первых лет ее существования шло активное накопление естественнонаучных знаний об этой граничащей с Россией

²¹⁸ Об этом см.: Юсупова Т.И. Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923 – 1926 гг. и начало советских научных инициатив в Монголии // International Symposium on “Dialogue among Civilizations: Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia”. Ulaanbaatar, Mongolia, August 15–16, 2001. Ulaanbaatar, 2001. P. 456–459.

²¹⁹ Комаров В.Л. Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию. Ч. 1. Маршруты Н.М. Пржевальского // Труды Главного Ботанического сада. 1920. Т. 34. Вып. 1. С. 4.

стране. В XVIII в. исследовательский интерес российских ученых к Монголии был обусловлен государственным заказом на получение сведений о природе, населении и хозяйстве различных субъектов империи, в том числе приграничных с монгольскими землями районов Сибири. На первом этапе шло накопление описательной информации общего характера о сопредельной территории, которая отразилась в публикациях разнообразного жанра (научные отчеты, дневниковые и путевые заметки и др.), и собирании коллекций. Основной вклад в познание соседней страны внесли участники академических экспедиций XVIII в., члены Российской духовной миссии в Пекине, российские путешественники-географы.

Большинство коллекций, собранных в Монголии, были сосредоточены в Азиатском, Ботаническом, Зоологическом, Геологическом и минералогическом музеях, в Музее антропологии и этнографии Академии наук и в Санкт-Петербургском Ботаническом саду. Они способствовали формированию в России вообще и в Академии наук в частности специалистов различного профиля по изучению Монголии и дальнейшей активизации и специализации исследовательской работы в этой стране. Основными направлениями изучения Монголии российскими учеными в начале 1920-х гг. кроме классического монголоведения стали ботанические, зоологические, географические, геологические, минералогические исследования. Их инициировали и финансировали наряду с Академией наук также и другие научные учреждения (Геологический комитет, Минералогическое общество, РГО). В научном сообществе сложился круг авторитетных исследователей, деятельность которых была связана с Монголией или территориально, или в процессе изучения исторических или естественнонаучных коллекций, собранных на ее территории. К ним можно отнести: монголоведов и востоковедов Б.Я. Владимирцова, В.Л. Котвича, А.Д. Руднева, Н.Н. Поппе, В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского; почвоведов Б.Б. Плынова и Л.И. Прасолова, геологов В.А. Обручева, М.А. Усова, В.В. Сапожникова, И.П. Рачковского, минералога А.Е. Ферсмана, зоологов П.П. Сушкина и А.Я. Тугаринова, ботаника В.Л. Комарова и др.

В результате деятельности российских ученых в приграничных с Монголией территориях и в Центральной Азии на протяжении двух веков значительно расширились наши географические знания о Монголии, а академические и другие научные учреждения обогатились значительными естественнонаучными коллекциями, изучение которых стало основой для продолжения исследовательских работ в Монголии.

Глава 2. Российская академия наук и Ученый комитет Монголии: поиск организационных форм и содержания сотрудничества (1921–1926)

В главе освещается внешне- и внутривосточная ситуация в Монголии и вокруг Монголии. Показана организация широкого естественноисторического и статистико-экономического изучения Монголии в первые годы провозглашения независимости страны (1911–1919) и возобновление исследовательских работ научных учреждений и обществ в начале 1920-х гг. Рассматривается история создания Ученого комитета (Учкома) Монголии, его задачи в рамках процесса государственного строительства и проблемы их реализации; первые научные контакты между РАН и Учкомом, становление организационных форм и содержание их взаимодействия. Выявляется внешнеполитический контекст и научно-организационные факторы создания Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии).

§ 2.1. Политические и научно-организационные предпосылки установления сотрудничества Академии наук и Ученого комитета

В параграфе кратко описывается политическая ситуация в Монголии в 1911–1921 гг., место и значение монгольского направления во внешней политике царской и советской России; освещаются исследования Монголии, предпринятые российскими / советскими учреждениями и монгольским правительством; деятельность Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова в 1923–1926 гг. и ее роль в привлечении внимания Академии наук и советского правительства к работе ученых в Монголии, ее методам и содержанию.

2.1.1. Политическая ситуация в Монголии: от феодально-теократической монархии к народной республике

Прежде чем перейти к событиям начала 1920-х гг., когда стало складываться взаимодействие Академии наук и Ученого комитета, кратко напомним о важнейших событиях внутривнутриполитической жизни Монголии, которые определили ее развитие в XX в.

Расширение изучения Монголии в 1910-х гг. было связано с изменением политической обстановки в регионе и проходило на фоне общей активизации российско-монгольских отношений. В самом конце 1911 г. халхаские князья, используя в своих интересах такие внутривнутриполитические осложнения в Китае, как развал Цинской империи и начало Синьхайской революции (осень 1911 г.), провозгласили независимость Внешней Монголии и власть теократического монарха VIII богдо-гегена Джебдзундамбы (Жибзундамба, 1869–1924).

В своей борьбе они опирались на дипломатическую поддержку России, которая имела собственные интересы в Монголии, но не хотела открыто вмешиваться в намечающийся китайско-монгольский конфликт²²⁰. Монголовед Б.Я. Владимирцов писал в одном из частных писем: «Наше правительство, с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать в Монголии, но <...> с другой стороны, <...> боится, как бы его не обвинили в затее новой авантюры, вроде маньчжурской. <...> Трудно сказать, чем это кончится, но, думаю мне, Россия

²²⁰ См.: Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919). М.: ИВ РАН, 1999. 235 с.; Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 268 с.; Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / Сост. О. Батмайхан. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 440 с.; Монголын тусгаар тогтнолд хаант оросын үзүүлсэн хүчин зүйлс, 1911–1917 он (Документы о периоде монгольской независимости, хранившиеся в царской России, 1911–1917) / Отв. ред. Ж. Урангуа, Ж. Баясах. Улаанбаатар, 2010.

так или иначе будет вовлечена в монгольские дела»²²¹. Предчувствия не обманули ученого и, как показали дальнейшие события, «монгольский» вопрос стал одним из самых актуальных во внешней политике российского / советского государства в ближайшие два десятилетия.

Надо отметить, что проблема независимости Монголии обсуждалась не только в Государственной думе, правительстве и военном ведомстве. Монгольские события и официальная реакция на них нашли живой отклик в широких общественных и научных кругах России. При всем разнообразии мнений и оценок (от предложений присоединить Монголию к России до националистических призывов укрепить перед угрозой «желтой опасности» дружбу с Китаем²²²) большинство высказываний сводилось к одобрению действий правительства и необходимости расширения и укрепления экономических связей с соседним государством²²³.

Не желая обострения международной обстановки, царское правительство после подписания в 1912 г. Соглашения о дружбе между Россией и Монголией в ходе долгих переговоров согласилось с определением ее статуса только как

²²¹ Письмо Б.Я. Владимирцова к А.В. Бурдукову от 25 июня 1912 г. // *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма / Отв. ред. И.Я. Златкин. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. С. 333–334.

²²² Таковую точку зрения на политику России на Дальнем Востоке высказывал, в частности, Д.И. Менделеев. См. подробно: *Бондаренко Л.Б.* «Имперская болезнь» и ее лечение (Д.И. Менделеев о русско-китайских отношениях) // *Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития* / Отв. ред. Э.И. Колчинский, ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 45–56.

²²³ *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 263–268; *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е годы XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. 232 с.; *Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. 44 с.; *Кушелев Ю.* Монголия и монгольский вопрос. СПб.: Русская Скоропечатня при содействии «Об-ва ревнителей военных знаний», 1912. 121 с.

автономного района Китая, что и было закреплено в 1913 г. русско-китайской декларацией и 25 мая 1915 г. тройственным русско-китайско-монгольским (Кяхтинским) соглашением. В соответствии с этим документом Китай обязался не вводить свои войска на территорию Монголии, не претендовать на колонизацию ее земель и не вмешиваться во внутреннее управление. И хотя в целом определение Монголии как автономной части Китая ограничивало самостоятельность страны на международной арене, ей были приданы достаточно широкие полномочия по заключению договоров по экономическим вопросам²²⁴.

Что касается царского правительства, то оно рассматривало Монголию как важный стратегический буфер на дальневосточных рубежах Российской империи и стремилось усилить свое экономическое и политическое влияние в соседнем государстве. С этой целью был организован целый ряд экспедиций представителей военных и торговых ведомств для военно-стратегического изучения и обозрения территории Внешней Монголии, анализа экономического положения страны и условий торговли²²⁵. Эти сведения были необходимы для

²²⁴ История Монголии. XX век / Отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. С. 25–43. Подробно см.: *Коростовец И.Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар, 2009; *Батсайхан О.* Монголо-русское соглашение 1912 г. // Восток (Oriens). 2009. № 3. С. 60–69; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919). М., 1999.

²²⁵ *Бойкова Е.В.* Российское военное монголоведение (конец XIX – начало XX века) // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) СПб., 2014. С. 338–353; *Имшенецкий Б.И.* Монголия. Очерк социально-экономической истории. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1915. 40 с.; *Пестовский Б.А.* Современная Монголия. Пг.: Тип. «Север», 1915. 32 с.; *Степанов С.Ф.* Монголия. Общий очерк // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб.: РГО, 1913. С. 72–89; *Бобрик П.А.* Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного устройства. Владивосток: Далекая Окраина, 1914. 86 с.; *Кушелев Ю.* Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1913. Вып. 86. С. 284–374; *Новицкий В.Р.* Путешествие в Монголию, совершенное в 1906 г. по поручению Главного управления Генерального штаба. СПб.: Гл. упр. Ген. штаба, 1911. 20 с.; *Попов В.* Второе путешествие в Монголию. Ч. III. Исследование границы на участке Кяхта – Алтай. Иркутск:

формирования внешней политики России в Дальневосточном регионе в отношении Монголии и одновременно расширяли знания о ней в географическом (особенно в том, что касалось особенностей устройства поверхности страны и возможности водоснабжения в разных районах), историческом и этнографическом аспектах.

Выступая в Особом совещании по обороне государства в феврале 1915 г., П.К. Козлов, тогда полковник Генерального штаба, так определил свое видение одной из задач внешнеполитической деятельности России в Монголии: «Пришла пора нам – русским начать <...> научное завоевание страны, практически – путем тесных экономических сношений. Взоры монголов должны навсегда остановиться на северо-западе – на России. Монголия – будущий буфер среди нас и Китая, который пробудился от многовекового покоя <...>»²²⁶.

Одним из главных инструментов экономического влияния России в Монголии стало учреждение должности финансового советника монгольского правительства, который должен был контролировать рациональное расходование российского кредита и разработать меры по реформированию финансовой политики в стране²²⁷. В 1914–1916 гг. этот пост занимал бывший заведующий

Тип. Штаба Иркут. воен. окр., 1910. 115 с.; *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении: Отчет агента Мин-ва Торговли и Промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Пг.: Тип. В.О. Киршбаума, 1914. 207 с.; Московская торговая экспедиция в Монголию. Сборник. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. 424 с.; [*Полтавцев С.*] Материалы для описания Монголии: отчет о поездке в Монголию в июле – октябре 1912 г. Генерального штаба подполковника Полтавцева. Иркутск: Типо-литогр. Штаба округа, 1913. 439 с.

²²⁶ *Козлов П.К.* К докладу в Особом совещании по обороне государства, 13 февраля [1915] // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

²²⁷ В число мер по усилению российского экономического влияния в Монголии входила также помощь в создании национального банка и строительстве железной дороги от Кяхты до Урги. Подробно см.: *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Изд-во Оттиск, 2003. 250 с.; Улан-Баторская железная

Управления калмыцким народом Астраханской губернии С.А. Козин (1870–1956), впоследствии известный монголовед, академик (с 1943 г.). В 1916 г. его сменил сотрудник департамента министерства финансов ученый-мелиоратор П.А. Витте (1873–1953). Он проработал на этом посту до октября 1918 г., когда должность финансового советника была упразднена монгольским народным правительством.

Несмотря на неоднозначную оценку современниками деятельности С.А. Козина на посту советника²²⁸, одно несомненно – именно он сделал первый шаг в широкомасштабном научном изучении Монголии. По его инициативе в январе 1915 г. для выработки предложений по экономическому развитию молодого государства был создан «Комитет по делам обследования Монголии», в состав которого вошли представители монгольских ведомств и специалисты, в основном русские и буряты, привлеченные С.А. Козиным, а позднее П.А. Витте для работы в Монголии. За два с половиной года (с 1914 по 1916 г.) ими была организованы пять экспедиций по статистико-экономическому и естественноисторическому изучению Монголии. В результате их деятельности был собран обширный материал по экономике и природным ресурсам значительной части страны, произведены анализы почв, подсчитаны запасы лесов и растительных кормов, собран богатейший гербарий и геологическая коллекция, проведены метеорологические наблюдения и др.

К сожалению, только незначительная часть полученной информации была использована. Большой массив материалов так и не был полностью обработан и

дорога (начало XX в. – 1957 г.): документы и материалы / Ред. Л.В. Курас и Н. Хишигт. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. компл. ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. 258 с.

²²⁸ Даревская Е.М. Русский советник правительства Монголии в 1914–1916 гг. С.А. Козин // Три портрета – три судьбы. Исторические очерки. Улан-Батор: Адмон, 1997. С. 6–72; Мандрик М.В., Захарова И.М. К истории назначения на должность советника: С.А. Козин на пути в Монголию // *Mongolica*–IX. СПб., 2010. С. 17–24; Они же. С.А. Козин – ученый на посту реформатора // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы международной конференции 19–20 апреля, 2013, Санкт-Петербург / Отв. ред. С. Чулуун, науч. ред.-сост. И.В. Кульганек. СПб.; Улан-Батор: Адмон; 2014. С. 55–68.

опубликован: своими силами Комитет эту работу сделать не мог, а начавшаяся Первая мировая война помешала пригласить специалистов из России. С.А. Козин передал часть собранных материалов в Петроград, в специально созданный для этого Комитет, куда вошли известные монголисты В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов и Г.Е. Грумм-Гржимайло²²⁹. Но и здесь не удалось организовать²³⁰. Большую же часть материалов П.А. Витте отправил в Ургинскую контору Центросоюза²³¹. Их судьба оказалась весьма драматичной: геологическая коллекция и гербарий погибли во время оккупации Урги китайскими гаминами, статистические материалы были рассеяны по разным учреждениям, когда власть в Урге перешла к барону Унгерну. В 1922 г., после стабилизации политической ситуации в стране, П.А. Витте, который в это время жил в Иркутске, попытался спасти результаты экспедиции. С этой целью он обратился к И.М. Майскому (1884–1975, академик с 1946 г.), тогда председателю Сибирского Госплана, с просьбой поспособствовать его командировке в Монголию²³². Насколько нам известно, поездка эта так и не состоялась. Уникальные данные по обследованию Монголии в 1915–1917 гг. до сих пор полностью не восстановлены. Сегодня монгольские ученые придают большое значение изучению материалов этой экспедиции, чтобы выяснить реальную картину состояния монгольского общества после обретения страной независимости от цинского Китая²³³. Революция и

²²⁹ Даревская Е.М. Русский советник правительства Монголии в 1914–1916 гг. С.А. Козин // Три портрета – три судьбы. Исторические очерки. Улан-Батор, 1997. С. 31.

²³⁰ Сейчас большая часть материалов экспедиции П.А. Витте – С.А. Козина хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.

²³¹ Центросоюз – Всероссийский центральный союз потребительских обществ (до 1917 г. – Московский союз потребительских обществ, созданный в 1896 г.).

²³² Иван Михайлович Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2-х книгах / Отв. ред. В.С. Мясников. Кн. I. 1900–1934. М.: Наука, 2005. С. 204–206.

²³³ Этой работе был посвящен совместный российско-монгольский проект, поддержанный грантом РГНФ (2009–2010 гг.), в котором участвовали ученые Монгольского государственного университета во главе с проф. Ж. Урангуа и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, где работой руководила канд. ист. наук М.В. Мандрик.

Гражданская война ослабили влияние России, чем в 1919 г. и воспользовался Китай, который ввел в Монголию свои войска, что привело к упразднению автономии, установлению военной диктатуры и роспуску богдо-ханского правительства. В феврале 1921 г. Ургу захватили войска барона Унгерна (Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг).

Монголия была освобождена от китайских гаминов, вновь провозглашена ее независимость, власть возвращена богдо-гегену и его правительству²³⁴. Унгерн инициировал в стране ряд мероприятий по совершенствованию деятельности национального банка, здравоохранения, торговли, сельского хозяйства, административной системы. Одновременно он отличался жестокостью по отношению к русским колонистам, подозревая их в революционной деятельности.

Несмотря на помощь, оказанную монголам в борьбе с китайскими войсками, режим барона Унгерна в Монголии просуществовал недолго. Его изгнание было связано уже с национально-освободительным движением, сформировавшимся в стране как под действием внутренних причин, так и под идеологическим влиянием Коминтерна и военной помощи Советской России²³⁵. Активные действия монгольских политических сил 11 июля 1921 г. ознаменовались победой народной революции²³⁶. С этого момента монгольское государство на протяжении почти трех лет являлось по форме ограниченной теократической монархией во главе с богдо-гегегом, который, однако, находился

²³⁴ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 742 с.; Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. 238 с.; Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Самара: Изд. дом Агни, 1999. 280 с.

²³⁵ Morozova I.Y. The Comintern and Revolution in Mongolia. Cambridge: White Horse Press, 2002. 104 p.; Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

²³⁶ См.: Пунсалдулам Б., Хишигт Н. Монголын 1911, 1921 оны хувьсгал: Гадаанын туух бичлэгийн тойм (Монгольские революции 1911 и 1921 гг.: исторический очерк). Улаанбаатар: Түүхийн хүрээлэн, 2007. 207 с.

под жестким контролем Центрального комитета Монгольской народной партии и нового народного правительства страны.

После смерти богдо-гегена VIII (апрель 1924 г.) пленум ЦК МНРП 3 июня 1924 г. принял решение о переходе страны к республиканской форме правления. В ноябре 1924 г. это решение было утверждено Первым Великим Народным Хуралом, который также принял Конституцию новой Монголии. А еще раньше III съезд МНРП, состоявшийся в августе 1924 г., утвердил в качестве генеральной линии некапиталистический путь развития Монголии²³⁷.

Оценивая происходящее в Монголии, И.М. Майский писал в 1922 г.: «Монголия вошла в орбиту мировой политики, и вместе с этим на наших глазах началось и, в дальнейшем все быстрее, будет совершаться ее экономическое, социальное и политическое перерождение. Какие формы жизни, в конце концов, выкристаллизуются в новой Монголии, пока трудно сказать с определенностью. Одно, во всяком случае, не подлежит сомнению: глубокая перестройка внутренних отношений в Монголии пойдет [тем] легче и успешнее, чем теснее будет связь с советской Россией»²³⁸.

Следует отметить, что большевистское правительство в первые послереволюционные годы проявляло повышенный интерес к азиатским странам²³⁹. При этом Монголии уделялось особое внимание. К уже привычному для России внешнеполитическому образу буферного государства с Китаем, прибавилась идеологическая составляющая: Монголия рассматривалась советскими лидерами как плацдарм для продвижения революционных идей, распространения марксизма в Центральную Азию, роль которого возрастала по мере крушения надежд на революцию в западных странах. Позиция большевистского правительства относительно Монголии была весьма красноречиво охарактеризована видным советским дипломатом А.А. Иоффе в

²³⁷ *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

²³⁸ *Майский И.М.* Монголия // Новый Восток. 1922. № 1. С. 183.

²³⁹ См., напр.: *Andreyev A.* Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Leiden; Boston: Brill, 2003. 433 p.

письме от 22 октября 1922 г. к В.И. Ленину: «В будущем генеральном сражении трудящихся всего мира с мировой буржуазией монгольский революционный плацдарм, несомненно, сыграет огромную роль, связывая революционную Россию с великими народами Азии»²⁴⁰.

Первым международным актом в процессе формирования советско-монгольских отношений стало «Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между странами» от 5 ноября 1921 г. Для советской стороны помимо идеологических интересов «Соглашение» стало основанием для реализации внешнеполитической установки – создания из Монголии дружественного государства – буфера в случае возможной конфронтации с Китаем и Японией. Для Монголии факт официального признания ее государственности (де-юре она все еще являлась автономией Китая) Советской Россией давал ей определенные гарантии для достижения в будущем полной независимости от Китая²⁴¹.

Известный шведский путешественник Свен Гедин, побывавший в Урге осенью 1923 г., писал: «Без русских монголы никогда бы не смогли завоевать свободу, отсюда легко можно понять, почему русские пользуются таким большим

²⁴⁰ Цит. по: *Железняков А.С.* Монгольская цивилизация в XX веке: диалоги с соседями // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. / Сост. В.В. Грайворонский, А.Д. Цендина. М.: ИВ РАН, 2002. С. 49–50.

²⁴¹ Подробно см.: *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. Следует заметить, что монгольское народное правительство, как указывает М.И. Гольман, обратилось 14 сентября 1921 г. к ряду стран, в том числе к Китаю и США, «с предложением установить дружеские отношения на основе равноправия и взаимного уважения государственного суверенитета, развивать дипломатические, торговые и прочие связи» (*Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). М.: ИВ АН СССР, 1988. С. 55). Однако это обращение осталось без ответа. Только Советская Россия признала Монголию как независимое государство.

влиянием в стране»²⁴². Но, как показывают уже достаточно многочисленные публикации монгольских и российских авторов последних десятилетий, а также исследования европейских и американских монголоведов, это влияние не было таким однозначным, как казалось известному путешественнику. Монголия в начале 1920-х гг., исходя из идей национал-демократов, была открытой страной. В круг ее внешних интересов кроме России входили США, Великобритания, Япония, Германия, Китай и другие страны²⁴³. В эти годы в Монголии активно работала концессия из Дании, или, как ее называли, Сельскохозяйственная экспедиция под руководством К. Кребса. Ее негласной целью являлось изучение возможности переселения в Монголию датских колонистов из Сибири, где после революции была национализирована их собственность²⁴⁴. В стране также работали шведские инженеры, которые принимали участие в строительстве мельницы на реке Иро, кирпичного завода под Улан-Батором, кустарных мастерских. Можно отметить деятельность нескольких немецких технических экспертов, приглашенных торговыми представителями МНР в Берлине в 1925–1926 гг. В Улан-Баторе функционировала так называемая Шведская христианская миссия и благотворительная организация «Шведские сестры» и др.²⁴⁵ Ю.Н. Рерих

²⁴² *Hedin, Sv.* Von Peking nach Moskau. Lpz.: F.U. Brodhaus, 1924. S. 78. (Цит. по: *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). М., 1988. С. 114).

²⁴³ *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы // *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке.* Москва: ИВ РАН, 2001. С. 92. См. также: *Lattimore O.* Nomads and Commisars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. P. 92–121; *Дэмбрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. Иркутск: Отгиск, 2002. 102 с.

²⁴⁴ *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе: XIII – середина XX в. М., 1988. С. 188. Подробно о концессии: *Haslund-Christensen H.* Tents in Mongolia (Yabonah). Adventures and Experiences among the Nomads of Central Asia. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1934. 366 p.

²⁴⁵ *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе: XIII – середина XX в. М., 1988. С. 57.

в 1926 г. писал, что в Монголии насчитывалось более 1 690 иностранных коммерческих предприятий и 700 торговых фирм²⁴⁶.

Активную деятельность в Монголии развернули американские торговые компании. В 1920 г. в г. Калгане (на границе Китая с Монголией) было открыто консульство США, которое проработало до 1927 г. Теократический глава Монголии VIII богдо-геген Джебдзундамба оказывал всевозможную поддержку американскому бизнесу, «возлагая на США огромные надежды в своих усилиях на признание независимости Монголии в мире»²⁴⁷. Но его надежды не оправдались: США так и не признали независимость Монголии, продолжая считать ее автономной областью Китая²⁴⁸.

Внутриполитическая ситуация в Монголии в 1920-х гг. была очень сложной. Самая острая борьба шла вокруг определения дальнейшего пути государственного строительства. По отношению к этой проблеме произошло разделение партийных и государственных деятелей на «правых», поддерживающих национально-демократическую идею, призывающих к учету национальной специфики развития страны, ставивших под сомнение необходимость развития Монголии по некапиталистическому пути, и «левых» – сторонников радикальной, революционной тактики преобразований, активно поддерживаемых Советской Россией и Коминтерном. Накал страстей и жесткость политической борьбы характеризует хотя бы тот факт, что уже в 1922–1924 гг. были сфабрикованы первые политические дела, жертвами которых стали одни из

²⁴⁶ *Перих Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Самара: Изд-во Агни, 1994. С. 127.

²⁴⁷ Цит. по: *Железняков А.И.* Размышления о внешней политике Монголии в XX веке // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 172.

²⁴⁸ Об этом подробно см.: *Campi A., Baasan R.* The Impact of China and Russia on United States-Mongolian Political Relations in the Twentieth Century. The Edwin Mellen Press, 2009. 572 p.; *Larson F.A.* The memoir of Frans August Larson / Eds. Ja. Larson, M.R. Drompp, G. Ganbold (transl.). Bloomington: Indiana University Press, 2007. 92 p.

самых ярких монгольских лидеров так называемого правого крыла партии того периода Д. Бодоо (1885–1922) и С. Данзан (1885–1924)²⁴⁹.

Самой трудной проблемой в советско-монгольских отношениях в 1920-х гг. был вопрос о признании независимости Монголии. Дело в том, что в Соглашении между Правительством РСФСР и Народным правительством Монголии от 5 ноября 1921 г. Советская Россия признала суверенитет МНР, однако через три года, при подписании важного для СССР договора с Китаем, пошла на уступки китайской стороне. В Соглашении между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г. одним из основных пунктов являлось определение Монголии как составной части Китайской Республики и обязательство СССР уважать китайский суверенитет. Монгольское руководство весьма негативно восприняло этот документ, что вызвало обострение советско-монгольских межгосударственных отношений. Советскому правительству потребовалось немало сил, чтобы снять общественное напряжение в Монголии и уверить монголов в необходимости именно такого дипломатического шага и при этом в неизменности курса СССР на поддержание независимости Монголии²⁵⁰.

Советское направление во внешней политике Монголии стало основным и приоритетным лишь после 1937 г. Монгольские партийные и государственные деятели на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. противостояли идеологическому давлению со стороны советского правительства и Коминтерна, отстаивая национальные особенности дальнейшего развития страны. СССР

²⁴⁹ Подробно и обстоятельно сложную внутрипартийную борьбу в МНР на документах РГАСПИ показал *С.К. Роцин* в своей работе «Политическая история Монголии» (М., 1999). См. также: Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1. (1919–1929) / Науч. ред. *Б.В. Базаров*. Улан-Удэ, 2012; Научно-информационный бюллетень Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Вып. 8 (Специальный). М.: РЦХИДНИ, 1996; *Дашдаваа Ч.* Улаан түүх. Коминтерн ба монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия). Улаанбаатар: Бемби сан, 2003. 304 с.

²⁵⁰ Подробно см.: *Роцин С.К.* Политическая история Монголии 1921–1940 гг. М., 1999. С. 102–112.

вынужден был предпринимать определенные меры для закрепления своего влияния в Монголии, в том числе, как показали последующие события, поддерживать сотрудничество между научными учреждениями СССР и МНР.

2.1.2. Научно-организационные причины изучения Монголии Российской академией наук

Даже в тяжелые годы Гражданской войны соседняя Монголия представляла серьезный экономический и торговый интерес для приграничных областей Восточной Сибири. В мае 1919 г. Иркутская контора Всероссийского центрального совета потребительских обществ (Центросоюз) командировала в Монголию активного в те годы деятеля Всероссийского центрального совета профессиональных союзов И.М. Майского с целью исследовать «наиболее успешное развитие и проведение мясозаготовок Центросоюза в Монголии»²⁵¹. И хотя экспедиция должна была решать исключительно утилитарные, коммерческие вопросы, результаты проведенной И.М. Майским работы вышли далеко за рамки поставленных задач.

Отчетом о поездке стала монография «Современная Монголия»²⁵². В этой книге автор представил глубокий и всесторонний анализ не только экономики, но и географии, этнографии, религии, социальных отношений в Монголии. Большую помощь И.М. Майскому в подготовке этого труда оказал хорошо знавший страну А.В. Бурдуков (1883–1943). Он прожил в Монголии около двадцати лет, был корреспондентом В.Л. Котвича и Б.Я. Владимирцова, собирал по их совету образцы монгольского фольклора и редкие рукописи, написал нескольких этнографических работ. После возвращения в Россию (в 1926 г.) А.В. Бурдуков

²⁵¹ Цит. по: Иван Михайлович Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. С. 475.

²⁵² *Майский И.М.* Современная Монголия. Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюза». Иркутск: Госиздат «Знание-Сила», 1921. 322 с.

преподавал монгольский язык в Восточном институте и ЛГУ, сотрудничал с Институтом востоковедения АН СССР, подготовил ряд русско-монгольских словарей и разговорников²⁵³.

«Современная Монголия» И.М. Майского на долгие годы стала своеобразной энциклопедией социально-экономического состояния предреволюционной Монголии. Однако командировавший его Центросоюз ждал несколько других результатов экспедиции. Так, заведующий экономическим отделом Иркутской конторы Центросоюза П.П. Маслов (1867–1946, экономист, академик с 1929 г.), ознакомившись с материалами экспедиции, высказал ряд критических замечаний по поводу как раз их «научности» и незначительного количества рекомендаций практического характера. Именно их особенно ждали от И.М. Майского, чтобы использовать «для разработки плана эксплуатации Центросоюзом продуктов животноводства в Сибири в ближайшие годы»²⁵⁴.

В 1919 г. гидрологическую экспедицию в Монголии по заданию Ленско-Байкальского округа путей сообщения совершил И.Ф. Молодых (1897–1940). В его задачи входило изучение возможности судоходства по р. Селенге. Эта работа стала первым профессиональным исследованием состояния водных путей Монголии. В опубликованный по итогам экспедиции отчет вошли также геологический и орнитологический очерк пройденного маршрута²⁵⁵.

Упомянутые труды стали важными источниками для организации последующих экономических и гидрологических исследований Монголии.

В 1920 г. возобновились также геологические исследования академических сотрудников в приграничных с Монголией районах. В Танну-Туве продолжил свои рекогносцировочные работы по заданию Геологического комитета

²⁵³ *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. М., 1969.

²⁵⁴ Иван Михайлович Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. I. 1900–1934. М., 2005. С. 187.

²⁵⁵ *Молодых И.Ф.* Селенга в пределах Монголии. Краткий отчет о работах Монгольской экспедиции 1919 г. под начальством И.Ф. Молодых. Вып. 1. Иркутск: Ленско-Байкальский округ путей сообщения. 1920. 176 с.

И.П. Рачковский. В экспедиции также участвовали сотрудник ГиММ З.А. Лебедева (1893–1975) и М.Ф. Нейбург, в это время еще работавшая в Томске, несколько позднее – также сотрудник ГиММ. В 1921 г. Академия наук командировала И.П. Рачковского в Томск и Красноярск для обработки ранее собранного его экспедициями материала и вывоза его в Петроград²⁵⁶. Гражданская война и тяжелейшее финансовое положение Академии наук не позволили более широко развернуть запланированные исследования.

Качественные изменения в изучении Монголии произошли после победы в стране в июле 1921 г. народно-демократической революции и определенной стабилизации внутри- и внешнеполитической ситуации в России. Первыми с предложением провести исследования в Монголии, в ее северо-западной части, выступили Зоологический музей (ЗМ) и ГиММ Академии наук. 28 сентября 1921 г. на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук был рассмотрен проект П.П. Сушкина об организации совместной экспедиции двух музеев для продолжения ранее проведенных геологических и зоологических исследований. Новая международная реальность, по мнению именитого орнитолога, способствовала этому начинанию, поскольку «с возникновением народного правительства в Монголии там прекратились волнения и между монгольским и советским правительством России установились дружественные отношения»²⁵⁷.

Данная инициатива двух музеев сыграла важную роль в организационном оформлении и развитии всей экспедиционной работы Академии наук. На заседании Общего собрания 1 октября 1921 г. С.Ф. Ольденбург, докладывая о совместном проекте ЗМ и ГиММ, предложил «ввиду того, что желательно такие экспедиции сделать по возможности разносторонними», а также поскольку «постоянно намечаются и осуществляются все новые экспедиции», образовать

²⁵⁶ Мандрик М.В. К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 127.

²⁵⁷ Протокол заседания, 28 сентября 1921 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 141.

Комиссию по экспедициям, в задачи которой входила бы координация этих работ. Общее собрание Академии наук одобрило это предложение неперменного секретаря и выбрало его председателем новой Комиссии²⁵⁸.

На первом заседании, которое состоялось 5 декабря 1921 г., Комиссия по экспедициям (КЭ) рассмотрела планы трех больших экспедиций: геологической и зоологической в Северо-Западную Монголию и Урянхайский край (руководители И.П. Рачковский и П.П. Сушкин), палеонтологической в Тургайскую область (руководитель М.В. Баярунас) и геоботанической в Северо-Западную Сибирь (руководитель Б.Н. Городков) и «возбудила ходатайство» о получении финансирования для осуществления этих важных, по мнению Комиссии, «в научном и, отчасти, в практическом отношении экспедиций»²⁵⁹. Правительственную поддержку получила только геологическая часть Монголо-Урянхайской экспедиции под руководством старшего хранителя Геологического музея И.П. Рачковского. Данный выбор определялся тем, что помимо большого научного значения, она имела и важный политический резонанс, поскольку с 1921 г. в Монголии уже работала Центральноазиатская экспедиция Американского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса²⁶⁰. Ввиду важности присутствия и российской экспедиции в этом регионе финансирование геологического исследования Монголии было произведено из особых сумм Совнаркома. Но даже в этом случае возникли непредвиденные проблемы: средства были отпущены в денежных знаках Советской России, не имевших хождения на территории Монголии. Поэтому предполагалось, что оплата потребностей экспедиции в Монголии будет производиться путем натурального обмена, главным образом за счет предметов советской мануфактуры. Однако, как выяснилось, Монголия была наводнена подобными

²⁵⁸ Юсупова Т.И. Организация экспедиционной деятельности в Академии наук: 1921–1930 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 92–107.

²⁵⁹ Ольденбург С.Ф. Российская академия наук в 1921 г. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1921. С. 13.

²⁶⁰ Проект Монголо-Урянхайской экспедиции, 18 апреля 1922 г. // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 77. Л. 52–53; Обоснование проекта // Там же. Л. 152.

товарами лучшего качества, которые поставляли Америка и Япония, и правительству пришлось еще выделить для нужд экспедиции валюту²⁶¹.

Монголо-Урянхайская экспедиция стала единственной академической экспедицией, получившей полную правительственную финансовую поддержку в 1922 г. Она должна была положить начало систематическому обследованию Монголии, которое Геологический музей предполагал проводить в течение пяти лет, чтобы получить общую картину геологического строения Монголии и, как указывалось в ее обосновании, выделить районы, «заслуживающие особенного внимания в отношении полезных ископаемых»²⁶². Кроме того, планируемые исследования в пограничной полосе Северо-Западной Монголии играли существенную роль в геологических построениях в сопредельных районах России.

Экспедиция И.П. Рачковского начала свою работу поздней осенью 1922 г., основная деятельность развернулась в 1923–1924 гг. В ее состав, кроме И.П. Рачковского, вошли сотрудники ГиММ геологи З.А. Лебедева и П.П. Сизова (1890–1951), топограф, коллекторы, технический персонал (всего 12 человек). Работа И.П. Рачковского в Монголии и Туве продолжалась более трех десятилетий. В результате многолетних полевых исследований И.П. Рачковским был собран обширный материал по геологии и палеонтологии Монголии и Тувы, который позволил решить целый ряд геологических проблем этого региона²⁶³.

²⁶¹ Письмо в Правление Госбанка, сентябрь 1922 г. // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 80. Л. 227.

²⁶² Проект экспедиции // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 80–79.

²⁶³ *Тихомиров В.В., Бельская Л.Б.* Потери науки. И.П. Рачковский // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1962. № 6. С. 108–109; Записка Е.И. Рачковской, дочери И.П. Рачковского (Личный архив диссертанта); *Юсупова Т.И.* Монголо-Урянхайская экспедиция Академии наук, 1922–1924 гг. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXX Международной годичной конференции СПб отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (23–27 ноября 2009 г.). Вып. XXV. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 128–129; *Она же.* И.П. Рачковский – исследователь геологии Монголии // Там же. С. 130.

Несмотря на сложные и нередко опасные из-за еще не прекратившихся военных конфликтов условия работы, нехватку продуктов питания, тяжелые болезни сотрудников (И.П. Рачковский и П.П. Сизова весной 1924 г. заболели тифом)²⁶⁴, поставленные задачи были выполнены. Экспедиция обследовала центральную часть Урянхайского края и смежный Кобдоский округ Северо-Западной Монголии. В ходе экспедиции были проведены широкие геологические исследования площади Кобдоского нагорья и прилегающей части области Озерных котловин. Выбор района работ определялся его значимостью для оживающей после Гражданской войны горной промышленности Сибири.

В отличие от незначительного, с трудом получаемого финансирования для академических проектов Совнарком в 1923 г. выделил 100 000 руб. золотом на организацию Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством П.К. Козлова. Эта экспедиция сыграла важную роль в привлечении внимания советского правительства к работе ученых в Монголии и в развитии российско-монгольского научного сотрудничества. Рассмотрим более подробно историю ее организации и деятельности.

Как мы уже отмечали, сформированная в 1914 г. Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова была отменена из-за начавшейся Первой мировой войны. Новую попытку организации путешествия в Центральную Азию П.К. Козлов предпринял в 1922 г., по окончании Гражданской войны. Определенные надежды на ее осуществление он связывал с интересом, проявляемым большевистскими руководителями к установлению дружеских отношений с центральноазиатскими странами.

Основной целью экспедиции П.К. Козлов считал географическое изучение северо-западного и центрального Тибета и Цайдама. Кроме того, в его планы входило продолжение раскопок в засыпанном песками древнем городе Хара-Хото

²⁶⁴ Положение И.П. Рачковского и П.П. Сизовой было очень тяжелое. Вице-президент Академии наук В.А. Стеклов даже обращался (6 марта 1924 г.) в Военный госпиталь Красноярска к своему родственнику, чтобы он оказал им всемерную помощь (Тлг В.А. Стеклова, 6 марта 1923 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 4).

на юге пустыни Гоби, где в 1908–1909 гг. ему посчастливилось сделать уникальные археологические находки. Планировалось также исследование юго-западных районов Монголии по маршруту следования экспедиции.

Несмотря на тесные контакты с академическими учреждениями, П.К. Козлов не считал необходимым проинформировать Комиссию по экспедициям АН о своих планах. Свое новое путешествие, по сложившейся у него традиции, он «готовил под флагом РГО», опираясь на поддержку своего близкого знакомого, влиятельного советского работника, управляющего делами Совета народных комиссаров (СНК) СССР Н.П. Горбунова (1892–1938)²⁶⁵, который курировал научные вопросы в правительстве. Такой высокий патронаж во властных структурах сыграл важную роль в дальнейшей судьбе экспедиции П.К. Козлова.

Руководители РГО – председатель Общества Ю.М. Шокальский и ученый секретарь академик В.Л. Комаров поддержали инициативу П.К. Козлова. В письме к Н.П. Горбунову они представили планируемую экспедицию не только как «важнейший географический подвиг», но и подчеркнули ее «немаловажные практические результаты» в «отношениях с народностями

²⁶⁵ Н.П. Горбунов был другом детства Е.В. Пушкаревой (1892–1975) – второй жены П.К. Козлова. Он был свидетелем (поверенным со стороны невесты) на их свадьбе в 1912 г. В 1928 г. Н.П. Горбунов сам возглавил советско-германскую Памирскую экспедицию (*Копелевич Ю.Х.* Памирская экспедиция. 1928 г. // Русско-немецкие научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 2001. С. 257–270). Н.П. Горбунов считал П.К. Козлова своим учителем в экспедиционной деятельности, о чем писал президенту Географического общества Ю.М. Шокальскому (Письмо от 20.10.1935 г. // Архив РГО. Ф. 44. Оп. 2. Д. 220. Л. 2). О Н.П. Горбунове см.: Николай Петрович Горбунов: Воспоминания, статьи, документы. документы / Отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1986. 238 с.; *Пархоменко А.А.* Академик Н.П. Горбунов // Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 1. Л.: Наука, 1991. С. 408–423; *Россиянов К.О.* Н.П. Горбунов и организация советской науки (Интервью К.О. Россиянова с А.Н. Горбуновым) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 3. С. 89–102.

Центральной Азии»²⁶⁶. Процесс утверждения экспедиции был довольно сложным и многоступенчатым, так как система советского государственного аппарата управления научной деятельностью в начале 1920-х гг. еще складывалась и была весьма несовершенной и разветвленной²⁶⁷. Но П.К. Козлов имел большой опыт по организации экспедиций, а учитывая поддержку Н.П. Горбунова, подготовительный этап прошел довольно быстро: в августе проект новой экспедиции был рассмотрен Советом РГО, в ноябре 1922 г. согласован с Наркоматом иностранных дел; 26 января 1923 г. заявка П.К. Козлова была рассмотрена и утверждена большинством голосов на заседании Особого временного комитета науки при СНК СССР. В этом заседании участвовали заместитель председателя Совнаркома А.И. Рыков, представитель Наркомпроса М.Н. Покровский, от Академии наук – академики В.А. Стеклов (1864–1926) и П.П. Лазарев (1878–1942), от Госплана – П.И. Пальчинский (1875–1929), от Наркомфина СССР – С.Е. Чуцкаев (1876–1944, будущий полпред СССР в МНР, в 1933–1935).

Решение правительственной комиссии вызвало резко негативную реакцию со стороны руководителей Академии наук – вице-президента В.А. Стеклова и неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, которых поддержали и другие авторитетные ученые (С.И. Руденко (1885–1969), Л.Я. Штернберг (1861–1927), В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942) и др.). Научное сообщество беспокоило, что организация такого дорогостоящего предприятия²⁶⁸ скажется на исполнении

²⁶⁶ Письмо Ю.М. Шокальского и В.Л. Комарова к Н.П. Горбунову от 24 октября 1922 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 10. Л. 305–305 об.

²⁶⁷ *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки. М.: Наука, 1973. 394 с. Подробности прохождения экспедиционных заявок в начале 1920-х гг. см.: *Юсупова Т.И.* Организация экспедиционной деятельности в Академии наук: 1921–1930 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 92–107.

²⁶⁸ В решении Временного комитета науки указывалось: «Отпустить 50 тыс. рублей в серебряных ланах и 50 тыс. в золотом исчислении советскими знаками на оборудование экспедиции Козлова в Тибет» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 126. Л. 366). К этому еще следует прибавить деньги, выделенные на подарки Далай-ламе и его свите, а также стоимость подарков,

плана академических экспедиций, и так составляемого с соблюдением «всемерной экономии»²⁶⁹. Утвержденная Госпланом смета Тибетской экспедиции РГО более чем в десять раз (!) превышала сумму, выделенную правительством на академические экспедиции 1923–1924 гг.

Кроме того, возражения вызывал исследовательский метод П.К. Козлова – научная рекогносцировка, и состав экспедиции, костяк которой составляли молодые люди, не имеющие достаточной научной квалификации. Из трех старших помощников П.К. Козлова только один – ботаник экспедиции – Н.В. Павлов (1893–1971) имел опыт научной работы. Второй старший помощник – С.А. Глаголев (1893–?) закончил Географический институт в Петрограде как раз накануне выступления экспедиции. Третий помощник – жена путешественника Е.В. Козлова (1892–1975)²⁷⁰ – только начинала познавать премудрости орнитологии, правда, под руководством такого крупнейшего специалиста, как академик П.П. Сушкин.

Пожелание о включении в состав экспедиции квалифицированных ученых для проведения всесторонних исследований региона высказывал также один из самых авторитетных российских географов Д.Н. Анучин (1843–1923) в отзыве на проект экспедиции, направленном в СНК РСФСР²⁷¹, и в рецензии на книгу

полученных из Гохрана (Государственного хранилища ценностей) для вручения монгольским чиновникам.

²⁶⁹ Письмо А.Е. Ферсмана в Госплан, 12 октября 1923 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 1. Л. 148. А.Е. Ферсман перечислил 4 первоочередные академические экспедиции на 1923–1924 гг. (Калиевая, Батогольская, Южно-Уральская и Тургайская), на которые было ассигновано правительством только 10 000 руб. золотом.

²⁷⁰ Подробно о Е.В. Козловой см.: Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975) / Ред.-сост. Т.Ю. Гнатюк, отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2007. 134 с.; *Гнатюк Т.Ю., Юсупова Т.И.* В свободном полете: Е.В. Козлова – ученый, путешественник, жена // Наука из первых рук. 2010. № 1 (31). С. 48–65.

²⁷¹ Записка Д.Н. Анучина о проекте экспедиции П.К. Козлова, 23 февраля 1923 г. // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 25–25 об.

П.К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото»²⁷². Он особо подчеркивал, что «отпуск крупных средств налагает обязанность использовать их возможно более производительно» и было бы желательно, «чтобы в выработке плана экспедиции, ее состава, путей и целей содействовал путешественнику ряд известных специалистов, хорошо знакомых как с современным состоянием соответствующих наук, так и с задачами изучения Центральной Азии».²⁷³

Но несмотря на активное противодействие со стороны академических кругов, безусловно свидетельствовавшее о внутриведомственных противоречиях в научном сообществе, вызванных сложными проблемами финансирования экспедиционной деятельности, 27 февраля 1923 г. СНК СССР утвердил экспедицию под руководством П.К. Козлова сроком на 3 года и, что самое главное, все ее расходы советское государство брало на себя²⁷⁴. Правда, эта привилегия означала строгий контроль над ее деятельностью. Отныне все вопросы, касающиеся деятельности экспедиции, решались на уровне Политбюро ЦК РКП(б) и правительства.

Судьба этой экспедиции П.К. Козлова оказалась весьма драматичной и складывалась очень непросто²⁷⁵. В столицу Монголии Ургу экспедиция прибыла 1 октября 1923 г. Но выйти «на светлые просторы Азии» по намеченному маршруту ей так и не пришлось. В НКВД и ОГПУ поступили сообщения о якобы политической неблагонадежности П.К. Козлова. Под давлением этих двух

²⁷² Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция ИРГО в Нагорной Азии 1907–1909. М.; Пг., 1923.

²⁷³ Анучин Д. Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // Новый Восток. 1923. № 3. С. 399–404.

²⁷⁴ Копия Постановления СНК РСФСР // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 39; Постановление об экспедиции П.К. Козлова // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 19. С. 233, 355–356.

²⁷⁵ Подробно о судьбе экспедиции см.: Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74; Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003.

влиятельных учреждений Политбюро ЦК РКП(б) 22 ноября 1923 г. приняло решение о прекращении деятельности Монголо-Тибетской экспедиции и отзыве ее в Россию²⁷⁶. Однако правительственный куратор экспедиции Н.П. Горбунов, отдавая распоряжение о ее возвращении, объяснил П.К. Козлову этот шаг сложной международной обстановкой в регионе и настороженным отношением к его экспедиции англичан²⁷⁷.

Не подозревая о серьезности ситуации (за его спиной доносы, обвинения в белогвардейских настроениях и т. д.), П.К. Козлов не выполнил его приказ. Несколько сократив состав экспедиции, он остался в Монголии и в надежде на то, что международная обстановка и в связи с этим мнение властей может измениться, занялся изучением богатой и своеобразной природы Ургинского района. В силу так сложившихся обстоятельств эта экспедиция стала самой «монгольской» экспедицией П.К. Козлова: практически вся ее деятельность прошла на территории Монголии²⁷⁸. Экспедиция подробно изучила Ургинский район, Юго-Восточный Хангай, район Северной Гоби и долины Холт, степные и пустынные пространства от Урги до Хара-Хото, при этом 3 500 км маршрута было снято на планшет с определением астрономических и гипсометрических пунктов. Были проведены долговременные метеорологические наблюдения в Ноин-Уле, Хангае, Хара-Хото, имевшие большое значение для характеристики климата страны. О ценности зоологических и ботанических сборов говорит тот факт, что с ними до сих пор работают специалисты Российской академии наук.

²⁷⁶ Протокол заседания Политбюро, 22 ноября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 395. Л. 1. Первый раз вопрос о благонадежности П.К. Козлова и целесообразности его экспедиции был инициирован Ф.Э. Дзержинским и рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июня 1923 г. Но тогда Политбюро по предложению И.В. Сталина ограничилось введением в состав его экспедиции политкомиссара (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 362. Л. 6; Письмо Ф.Э. Дзержинского, 26 июня 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 293. Л. 2).

²⁷⁷ *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 82–83.

²⁷⁸ *Yusupova T.I.* On P.K. Kozlov contribution to Mongolian studies: certain facts and certain doubts // *Mongolica (An International Annual of Mongol studies)*. 2004. Vol. 15 (36). P. 366–371.

Весной 1924 г. П.К. Козлов принял решение начать раскопки древних курганов в горах Ноин-Ула, недалеко от Урги. Экспедиции сопутствовала удача. В древних могильниках, оказавшихся погребениями хунну эпохи Ханьской династии (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), были найдены уникальные предметы: прекрасно сохранившиеся ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, женские косы, седла, изделия из золота, бронзы, керамика и многое другое²⁷⁹. О своих археологических находках П.К. Козлов сообщил в РГО и в Главнауку Наркомпроса²⁸⁰. Одновременно он отправил статью о достижениях экспедиции в газету «Известия». После ее публикации (15 июля 1924 г.)²⁸¹ Монголо-Тибетская экспедиция вновь оказалась в центре внимания научной общественности. Что касается Академии наук, то начавшиеся в Монголии раскопки вызвали у нее не только огромный интерес, но и большое беспокойство из-за отсутствия в отряде П.К. Козлова профессиональных археологов. На следующий день после выхода в «Известиях» статьи путешественника С.Ф. Ольденбург выступил на заседании совета Академии истории материальной культуры (АИМК) с предложением усилить научный состав экспедиции и направить в Монголию специалистов-археологов. К мнению С.Ф. Ольденбурга присоединился председатель АИМК академик Н.Я. Марр (1864–1934). В своем письме председателю РГО Ю.М. Шокальскому он выразил недовольство тем, что П.К. Козлов ничего не сообщил его учреждению о своих работах и не просил содействия специалистов. П.К. Козлов действительно не торопился сообщать в

²⁷⁹ Юсунова Т.И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67; Она же. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. С. 11–53.

²⁸⁰ Главнаука, сокр. от: Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (1921–1930) – орган в составе Академического центра Наркомпроса РСФСР для координации научных исследований.

²⁸¹ Козлов П.К. о своих работах в Монголии (Письмо начальника Тибетской экспедиции путешественника П.К. Козлова) // Известия. 1924. 15 июля. С. 2.

Академию наук о начале раскопок, зная скептическое отношение специалистов к своей археологической деятельности. Он предполагал написать С.Ф. Ольденбургу «впоследствии, по мере развития работ и их результатов»²⁸². Руководство Географического общества также решило до выяснения значения археологических находок не информировать неперменного секретаря Академии наук о раскопках.

Не дождавшись личного послания от руководителя экспедиции, С.Ф. Ольденбург обратился к Н.П. Горбунову и убедил его направить в помощь экспедиции профессиональных археологов: С.А. Теплоухова (1888–1934) и Г.И. Боровку (1894–1941). С.А. Теплоухов являлся хранителем Этнографического отдела Русского музея и сотрудником АИМК²⁸³. С 1920 г. он занимался археологическими раскопками в Енисейской губернии (в Минусинском крае), производил классификацию археологических памятников этого южносибирского района. Здесь он работал и летом 1924 г. С.Ф. Ольденбург характеризовал С.А. Теплоухова как «опытного археолога и энергичного работника вообще»²⁸⁴.

Г.И. Боровка – хранитель скифской секции эллино-скифского отделения Государственного Эрмитажа, профессор Петроградского университета и также сотрудник АИМК, был специалистом по античному и скифскому искусству. Как можно было предположить из газетной заметки П.К. Козлова, археологические находки экспедиции как раз соответствовали предмету научного изучения Г.И. Боровки.

Кроме того, откликаясь на просьбы ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жацарано (речь об этом пойдет в § 2.2) С.Ф. Ольденбургу за счет

²⁸² Письмо П.К. Козлова к В.Л. Комарову, 16 марта 1924 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 772. Л. 3.

²⁸³ О С.А. Теплоухове см., напр.: *Решетов А.М.* Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Ред. М. Корусенко. Омск: Наука, 2003. С. 17–21.

²⁸⁴ Записка С.Ф. Ольденбурга к Н.П. Горбунову, 21 июля 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 35 об.

средств Монголо-Тибетской экспедиции удалось послать в Ургу еще двух специалистов: почвовед, научного сотрудника Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), профессора Ленинградского университета Б.Б. Польшова и минералога, старшего ученого хранителя Минералогического отделения ГиММ В.И. Крыжановского (1881–1947). Командировка последнего была инициирована А.Е. Ферсманом. Во время небольшой экспедиции на Алтай и в Забайкалье в 1916 г. его очень заинтересовала информация о крупных месторождениях топазов и аметистов в Монголии. Разыскать, исследовать и описать ургинские топазы, проверить некоторые научные предположения по их распространению и было поручено В.И. Крыжановскому²⁸⁵.

Решение о командировке в Монголию Б.Б. Польшова и В.И. Крыжановского было также согласовано с председателем СНК СССР А.И. Рыковым, в письме которого от 2 августа 1924 г. П.К. Козлову указывалось, что ученые должны быть зачислены в штат экспедиции и поставлены на все виды довольствия²⁸⁶. Сразу отметим, что работа Б.Б. Польшова и В.И. Крыжановского в Монголии проходила в тесном контакте с Ученым комитетом Монголии и по планам, скоординированным с его ученым секретарем Ц.Ж. Жамцарано.

Прибыв в Монголию, С.А. Теплоухов осмотрел произведенные раскопки и признал сделанное экспедицией в общих чертах удовлетворительным, однако в деталях отметил некоторые упущения, которые он предполагал устранить. П.К. Козлов согласился, что его экспедиции было не по плечу детальное изучение археологических памятников, ее задача иная – проведение рекогносцировочных исследований²⁸⁷.

²⁸⁵ [N]. Геохимические исследования в Монголии // Природа. 1925. № 4–6. С. 108–109.

²⁸⁶ Письмо А.И. Рыкова П.К. Козлову и в полпредство СССР в Монголии, 2 августа 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 24. Л. 31; Мандат В.И. Крыжановского за подписью А.И. Рыкова, 2 августа 1924 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Ф. 37. Д. 10. Л. 259.

²⁸⁷ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 317.

На самом деле раскопки экспедиции П.К. Козлова мало удовлетворили С.А. Теплоухова, о чем он 13 октября 1924 г. откровенно написал С.Ф. Ольденбургу. Указав на серьезные упущения при ведении работ, С.А. Теплоухов сообщил, что первоначально хотел ограничиться лишь исправлениями уже сделанного, но «политические соображения (конечно академические) как внешние, так и внутренние, также желание всех окружающих» заставили его «решиться самому раскопать один курган»²⁸⁸.

Однако еще до того, как С.Ф. Ольденбург получил письмо С.А. Теплоухова, 12 октября он отправил П.К. Козлову телеграмму с предложением приехать в Ленинград для отчета о проделанной работе²⁸⁹. Вызов С.Ф. Ольденбурга на фоне приезда сотрудников Академии наук явно озадачил П.К. Козлова и подтвердил его предположение, что «борьба РГО с Академией» из-за его экспедиции все еще продолжается²⁹⁰, за вызовом в центр он почувствовал «руку Академии наук».

Страсти вокруг Монголо-Тибетской экспедиции еще больше накалились после заседания Комиссии по научным экспедициям АН 17 ноября 1924 г. Выступавший с докладом о результатах поездки в Монголию В.И. Крыжановский отметил, что по просьбе Ученого комитета он прочитал в Урге ряд лекций о произведенных исследованиях и подарил местному музею дублиеты найденных минералов. Все это, по его мнению, «расположило общественное мнение в пользу академических экспедиций». С.Ф. Ольденбург высказал надежду, что предстоящие поездки других ученых еще более углубят добрые отношения с Ученым комитетом и правительством Монголии, которые, по его мнению, так и не удалось установить экспедиции П.К. Козлова²⁹¹. Не совсем понятно, на

²⁸⁸ Письмо С.А. Теплоухова к С.Ф. Ольденбургу, 13 октября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 80.

²⁸⁹ *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 332–333.

²⁹⁰ Там же. С. 334.

²⁹¹ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука, 1986. С. 285–287. В публикации документа – ошибка. Заседание состоялось не

основании каких фактов С.Ф. Ольденбург сделал этот вывод. Судя по дневникам П.К. Козлова и тем почестям, которые оказывали экспедиции в Монголии, каких-либо проблем или недопонимания у путешественника ни с правительством Монголии, ни с руководителями Ученого комитета, почетным членом которого он был избран в феврале 1924 г., не было. Тем не менее С.Ф. Ольденбург, еще не дождавшись приезда П.К. Козлова из Монголии, предложил от имени Академии наук обратиться к П.К. Горбунову и А.И. Рыкову по поводу целесообразности дальнейшей работы Монголо-Тибетской экспедиции в Монголии. За день до этого заседания, 16 ноября 1924 г., Н.П. Горбунов сам направил письмо С.Ф. Ольденбургу с просьбой дать заключение о результатах и представленных П.К. Козловым планах экспедиции на 1925–1926 гг.²⁹²

Таким образом, мы видим, что деятельность Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова и уникальные ноин-улинские археологические находки, сделанные экспедицией, привлекли внимание широких научных и общественных кругов и правительства и дали возможность Академии наук инициировать на правительственном уровне обсуждение дальнейшего исследования Монголии советскими учеными. Для выяснения этих вопросов Постановлением правительства от 8 января 1925 г. была создана специальная Комиссия СНК СССР по рассмотрению отчетов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова²⁹³. Это решение было обусловлено еще одним, не менее важным обстоятельством: просьбой Ученого комитета Монголии к Российской академии наук об оказании помощи в организации научно-исследовательской работы по изучению страны (см. подпараграф 2.3.1).

17 октября, а 17 ноября 1924 г. См.: Протокол заседания комиссии, 17 ноября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 222.

²⁹² Тлг Н.П. Горбунова к С.Ф. Ольденбургу, 16 ноября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 82.

²⁹³ Копия Постановления СНК СССР, 8 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 183. Оп. 4. Папка 107. Д. 28.

§ 2.2. Создание и деятельность Ученого комитета Монголии

В параграфе рассмотрена история создания и проблемы деятельности Ученого комитета Монголии, развитие его международных контактов, роль ученого секретаря Ц.Ж. Жамцарано в организации Учкома и установлении сотрудничества с Российской академией наук, выработке его основных форм и направлений.

2.2.1. Национальные особенности организации науки в Монголии

После победы в июле 1921 г. народной революции перед новой Монголией, еще вчера феодально-теократической страной, встали сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе и организации научных учреждений – одному из неперемных условий экономического развития государства. Но не менее важной проблемой являлось сохранение и возрождение национальной культуры, языка, литературы, истории, в значительной степени растрченных за два с половиной века маньчжурского господства.

Первым шагом в этом направлении явилось решение монгольского правительства от 9 ноября 1921 г. «в целях ликвидации прежнего положения, когда Монголия была неграмотной, темной страной, в которой науки не изучались, а книг на монгольском языке было незначительное количество»²⁹⁴, создать *Судар бичгийн хурээлэн* (Книжную палату) «для переводов самых важных иностранных книг и учебников на родной язык, просвещения народа и развития научных исследований». Этим постановлением наука и образование определялись как важная часть государственной политики в стране. Чуть позже, в переписке с

²⁹⁴ Цит. по: Очерки истории и культуры МНР / Ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. С. 71. Подробно об истории Учкома см., напр.: *Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б.* Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх (История Академии наук Монголии). Ulaanbaatar, 2002. 285 с.

российскими научными организациями и учеными *Судар бичгийн хүрээлэн* стали называть Ученым комитетом Монголии (Учкомом)²⁹⁵.

Положение о Книжной палате монгольское правительство утвердило 19 ноября 1921 г. В документе были прописаны цели и задачи первого научного учреждения страны, его права и обязанности, направления деятельности. В число основных вошли: составление учебников, перевод на монгольский язык иностранной литературы, издание книг, организация народного образования, развитие научных исследований²⁹⁶. В этой работе опорой для Учкома стала весьма немногочисленная местная интеллигенция: образованные чиновники и

²⁹⁵ В литературе на русском языке встречается и другой перевод *Судар бичгийн хүрээлэн* – Комитет книг и рукописей. В официальных документах на русском языке начиная с 1924 г. практически везде *Судар бичгийн хүрээлэн* называют *Ученым комитетом (Учкомом)*. Это название использовал Ц.Ж. Жамцарано в письмах к С.Ф. Ольденбургу периода 1924–1928 гг. и в переписке с РАН / АН СССР. П.К. Козлов, прибывший в Монголию в сентябре 1923 г., в своих дневниках использует также только «Ученый комитет». Американский исследователь Р.Ч. Эндрюс называет *Судар бичгийн хүрээлэн* по-английски *The Scientific Committee* (*Andrews R.Ch. The New Conquest of Central Asia. N.Y., 1932*). Так же переводит этот термин в своих публикациях о Монголии Р. Рупен (R. Rupen). В «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» («Истории Академии наук Монголии», 2002), *Судар бичгийн хүрээлэн* переводят на английский как *The Institute of Letters*; в книге Б. Баабара (*Baabar B. History of Mongolia. Cambridg, 1999*) – *The Institute of Science and Letters* (p. 276). В современных монгольских публикациях встречается и другой перевод – *The Institute of Scripts*. В декабре 1930 г. Ученый комитет решением Президиума Малого Хурала МНР стал называться *Шинжлэх ухааны хүрээлэн* – в современном традиционном русском переводе *Комитет наук*, по аналогии с Академией наук. (В «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» по-английски он назван *The Institute of Sciences*). В архивных документах АН СССР и после 1930 г. часто используется его прежнее название – Ученый комитет, или Научно-исследовательский комитет (НИК). В данной работе до 1930 г. мы будем называть первое монгольское научное учреждение Ученым комитетом, после 1930 г. – Комитетом наук. В 1961 г. Комитет наук (Научно-исследовательский комитет) был преобразован в Академию наук МНР.

²⁹⁶ Чулуун С., Тордалай Р. Онходын Жамьян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1920–1930) // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улаанбаатар: Адмон, 2012. С. 52.

ламы. Несмотря на отсутствие системы светского образования, в религиозном образовании в Монголии присутствовали элементы научного мировоззрения. Здесь, как в свое время в средневековой Европе, тесно переплетались религия, философия, традиционное знание, искусство. Религиозное образование включало в себя: буддийскую философию различных систем, логику, эстетику, тибетский язык, астрономию, медицину. Серьезное влияние на формирование научных знаний оказывали также и привнесенные в страну компоненты западной культуры²⁹⁷.

Эти факторы способствовали появлению в Монголии национальной интеллигенции, хотя ее численность была весьма незначительна и недостаточна для решения поставленных перед Учкомом задач. Поэтому для их реализации привлекались русские и буряты, проживавшие в Монголии.

В самый начальный период Учком представлял собой, как писал будущий первый президент Академии наук Монголии Б. Ширендыб (*монг.* Б. Ширэндэв, 1912–2001), «нечто вроде общества, правда, с отдельными функциями правительственного учреждения»²⁹⁸, имея в виду еще неотработанную внутреннюю структуру, весьма незначительное финансирование, кадровые проблемы. Первоначально в состав Учкома вошли восемь сотрудников, в том числе члены инициативной группы по его созданию: гун²⁹⁹ О. Жамьян, Ц.Ж. Жамцарано (Ж. Цэвэн), гун Д. Дашням, Олзийноров, чиновник Ч. Бат-Очир.

Дальнейшая конкретизация целей и задач Учкома произошла во второй половине 1924 г., когда после ряда административных реформ Учком из Министерства просвещения был переведен в непосредственное

²⁹⁷ Поздняков А.А. О предпосылках формирования интеллигенции в МНР // Проблемы востоковедения. Сборник статей. Вып. 2. М.: МГИМО, 1972. С. 129–142.

²⁹⁸ Ширендыб Б. Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор: Правительственная типография, 1981. С. 8.

²⁹⁹ Гун – титул княжеского достоинства.

правительственное подчинение³⁰⁰. В Постановлении правительства указывалось, что Учком должен стать не только ведущим учреждением по организации научной работы, но и проводить разностороннее изучение природных ресурсов страны, исторического прошлого Монголии и соседних стран, оказавших влияние на ее культуру и религию, а также заниматься издательской деятельностью³⁰¹.

В первый период деятельности Ученого комитета происходила «отработка» его структуры, которая развивалась по мере укрепления кадрового состава и расширения задач, стоявших перед учреждением на разных исторических этапах. Основной структурной единицей Учкома долгое время являлся кабинет. В 1921–1923 гг. действовал только кабинет языка и литературы. В 1924 г. были организованы кабинет истории и кабинет географии, библиотека и музей Учкома; в 1925 г. была открыта первая метеорологическая станция в Монголии; в 1927 г. создан Государственный архив.

Председателем Учкома был избран монгольский ученый, гун О. Жамьян, а ученым секретарем – бурят, тогда российский поданный Ц.Ж. Жамцарано. Эти два человека персонифицировали собой две главные задачи, стоявшие перед первым научным учреждением страны: 1) сохранение и развитие традиционных монгольских знаний и классического монгольского образования и 2) распространение в Монголии европейских знаний.

О. Жамьян (Жамьян, 1864–1930)³⁰² – монгол, «очень хорошо образованный по-монгольски <...>, отлично знал рукописную литературу монголов и ревностно

³⁰⁰ В январе 1924 г. Ученый комитет вошел в состав Департамента народного просвещения Министерства внутренних дел, преобразованного в марте этого же года в Министерство просвещения. В ноябре 1924 г. выведен из Министерства в непосредственное подчинение правительства (*Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б.* Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. Улаанбаатар, 2002. С. 24).

³⁰¹ Там же.

³⁰² О нем. см.: *Пүрэвжав Э.* Онходын Жамьян. Улаанбаатар: Согоо нуур, 2003. 152 х. (Монгол Улсын Шинжлэх ухаан. Боть 2 (Наука Монголии. Т. 2); *Чулуун С., Тордалай Р.* Онходын Жамьян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1920–1930) // Монгольско-

заботился о ее собирании и сохранении»³⁰³, в свое время известный в Урге учитель³⁰⁴. Тем не менее, «с обычной для монголов преувеличенной скромностью», – отмечает в своем дневнике бурятский ученый Ц.Г. Цыбиков (1873–1930), – «говорил о себе, что ничему не учился, знает только монгольскую грамоту»³⁰⁵. О. Жамьян основное внимание уделял собиранию и изучению монгольских исторических источников, развитию классического монгольского образования; проводил большую работу по сбору исторических произведений и сочинений на монгольском, тибетском, маньчжурском языках, памятников истории и культуры. Характеризуя деятельность Учкома в 1927 г., он отмечал, что «идет коллекционирование всего ценного относительно Монголии вообще, чтобы было по чему учиться молодым людям»³⁰⁶.

Летом 1926 г. в одном из восточных хошунов Монголии ему посчастливилось обнаружить уникальную рукопись – список монгольской летописи XVII в. «Алтан Тобчи» (*монг.* Алтан товч) Лубсан Данзана³⁰⁷, которая содержит изложение большей части «Секретной истории монголов». Жамьян-гун уговорил владельца, местного князя, передать ее в книгохранилище Ученого комитета (сейчас она хранится в Национальной библиотеке Монголии в Улан-Баторе). С этой рукописью работали Ц.Ж. Жамцарано, Б.Я. Владимирцов и

российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 50–61.

³⁰³ *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства / Сост. А. Гатов, С. Эрдэнэ. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 201.

³⁰⁴ Около двух лет у О. Жамьяна учился будущий лидер монгольской революции Д. Сухэ-Батор. (*Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 66).

³⁰⁵ *Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // *Г.Ц. Цыбиков.* Избранные труды. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Отв. ред. Р.Е. Пубаев. Новосибирск: Наука СО, 1991. С. 123.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ., коммент. *Н.П. Шастина.* М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1973. 439 с. (Памятники письменности Востока. Вып. X).

известный французский монголовед П. Пеллио (1878–1945), для которого О. Жамьян собственноручно сделал копию (в настоящее время она хранится в Монгольском фонде Национальной библиотеки в Париже). Еще одна копия этой летописи находится в Монгольском рукописном фонде Архива Института восточных рукописей РАН³⁰⁸.

Б.Я. Владимирцов после поездки в Улан-Батор в 1925 г. отмечал, что «в настоящее время Ученый комитет обладает очень важным собранием монгольских сочинений, рукописных и печатных, собранием, которое превосходят лишь коллекции, имеющиеся в Ленинграде. В библиотеке Монгольского Ученого комитета имеются такие уникальные вещи, которых нет больше ни в одном собрании, и которые полностью меняют наше представление о монгольской письменности. Следует признать теперь, что Урга стала центром нахождения монгольских сочинений – рукописей и ксилографов, без знания которых специалисты в этой области могут работать лишь с трудом»³⁰⁹. В библиотеке Учкома хранились не только исторические хроники, но и научные труды по астрономии, математике, тибетской медицине³¹⁰.

³⁰⁸ Там же. С. 12–13; *Жамцарано Ц.Ж.* Монгольские летописи XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 54–56.

³⁰⁹ Цит. по: *Лештованный Е.И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. С. 64.

³¹⁰ Например, в Учкоме хранилась первая работа по астрономии и математике на монгольском языке «Сочинения о координатах» (*Сольбицан барих бичиг*), изданная в 1712 г. См.: *Барановская Л.С.* Из истории монгольской астрономии // Труды института истории естествознания и техники. Т. 5. История физико-математических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 321.

2.2.2. Деятельность ученого секретаря Ученого комитета Монголии

Ц.Ж. Жамцарано по его развитию

На решение второй задачи, стоящей перед Ученым комитетом, – развитие естественнонаучного знания в Монголии – была направлена научно-организационная деятельность Ц.Ж. Жамцарано (1880–1942) – ученого секретаря Учкома³¹¹. Ц.Ж. Жамцарано был убежден, что стране, ставшей на путь коренных социальных преобразований, была жизненно необходима «прививка западной науки». В письме к иркутскому профессору В.И. Смирнову в марте 1924 г. он

³¹¹ В 1930 г. Ц.Ж. Жамцарано, обвиненный в так называемом «правом уклоне», был исключен из членов МНРП и снят с должности ученого секретаря. В 1932 г. был вынужден уехать из Монголии. По приглашению С.Ф. Ольденбурга работал в Институте востоковедения АН СССР. В 1937 г. арестован по обвинению в шпионской деятельности. О Ц.Ж. Жамцарано см.: *Ванчикова Ц.П.* Ц.Ж. Жамцарано – выдающийся российский ученый востоковед, организатор науки в Монголии и Бурятии, просветитель монгольского и бурятского народа // Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции. Сборник научных трудов. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 320–325; *Юсупова Т.И.* Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 4. С. 189–202; Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар: «Содпресс» ХХК, 2010. 316 с. (Mongolica. (An International Annual of Mongol Studies)). 2010. Vol. 23); *Улымжиев Д.Б., Цыцегма Ж.* Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 168 с.; *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России / Гл. ред. *Е.А. Хамаганова*. СПб.: Утпала, 1998. С. 5–55; *Кульганек И.В., Васильев Д.Д.* С.А. Кондратьев – Ц. Жамцарано // Mongolica–IV. СПб., 1998. С. 106–112; *Выдающиеся бурятские деятели XVII – начала XX вв. Вып. 1 / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов.* Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 1994. С. 108–115; Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность: Докл. и тез. науч. конф., посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано / Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. 192 с.; *Rupen A.* Cyben Zamcaranovic Zamcarano (1880–1942) // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. No. 1/2, Jun. P. 126–145.

писал: «Работает Учком только около двух лет, причем главное внимание приходится уделять распространению европейских знаний в школах и народе»³¹².

Цыбен Жамцаранович Жамцарано (монг. Жамсраны Цэвээн)³¹³ – бурят, русский подданный (до 1924 г.)³¹⁴, яркая, неординарная личность, сыгравший видную роль в истории Монголии как общественный и политический деятель. Он внес значительный вклад в организацию научных учреждений и развитие европейской науки в Монголии и в то же время в российское научное монголоведение.

Н.К. Рерих (1874–1947), вспоминая свое пребывание в Улан-Баторе в 1926–1927 гг., писал: «Я испытывал истинное наслаждение, беседуя с доктором Жамцарано, ученым секретарем Учкома, человеком обаятельным и глубоко эрудированным»³¹⁵.

Западные ученые также высоко оценивают Ц.Ж. Жамцарано как одного из крупнейших знатоков и исследователей монгольской словесности, фольклора, истории и культуры, открывателя и коллекционера целого пласта неизвестных эпических произведений бурят-монгольских народов. Одновременно отдают должное его общественной и политической деятельности, отмечают большой организаторский талант, способствовавший институционализации новых

³¹² Письмо Ц.Ж. Жамцарано к В.И. Смирнову, 24 марта 1924 г. // Национальный центральный архив (НЦА) Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. X. 31–31 об.

³¹³ В английской транскрипции используется несколько написаний его имени: *Cyben Zamcarano* (*Zhamtsarano*), *Tsyben Jamtsarano* (*Jamsrano*), *Tseveen*.

³¹⁴ В соответствии с «Положением о гражданстве СССР» 1924 г. и учитывая свои высокие государственные должности в МНР, Ц.Ж. Жамцарано принял монгольское гражданство. Вынужденный вернуться в 1932 г. в СССР, он оставался монгольским гражданином и имел специальный вид на жительство для иностранца.

³¹⁵ Цит. по: *Найдакова В.Ц.* Н.К. Рерих и Ц.Ж. Жамцарано. Встречи в Улан-Баторе // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. С. 86; *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1982. С. 114–115.

направлений монголоведных исследований³¹⁶. Известный монголовед И.М. Гольман отмечает в своем исследовании: «В целом общая характеристика и отношение к Ц.Ж. Жамцарано на Западе исключительно позитивны и благожелательны <...>. У него огромные заслуги не только перед соотечественниками и земляками, но перед всеми, кто занимается монгольскими языками и монголоведением вообще»³¹⁷.

Закончив в 1900 г. Иркутскую учительскую семинарию, Ц.Ж. Жамцарано при материальной поддержке своих земляков стал вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, который, правда, не окончил, но получил прочные и разнообразные знания на юридическом, физико-математическом и историко-филологическом факультетах. Здесь, в Петербурге, он познакомился с известными востоковедами С.Ф. Ольденбургом, В.В. Бартольдом, В.Л. Котвичем, А.Д. Рудневым, Б.Я. Владимирцовым, Д.А. Клеменцем и др., с которыми у него сложились теплые дружеские отношения на долгие годы. С 1903 г. он активно занимался экспедиционной деятельностью, собирая лингвистические, фольклорные, этнографические материалы монгольских народов, проводя собственные научные исследования и выполняя поручения Академии наук, РГО и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Особенно тесные отношения у Ц.Ж. Жамцарано сложились с академиком С.Ф. Ольденбургом, на советы и поддержку которого он опирался в своей работе. Ц.Ж. Жамцарано был одним из тех «людей на местах», которых С.Ф. Ольденбург, по мнению академика В.М. Алексеева (1881–1951), «стремился выволить из

³¹⁶ См. *Rupen R.A. Buriat intelligentsia // The Far Eastern Quarterly. 1956. Vol. XV. № 3, May. P. 383–398.*

³¹⁷ *Гольман М.И. Ц.Ж. Жамцарано глазами западных монголоведов // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. С. 81–83.*

национальной рутины и втолкнуть в международную жизнь науки»³¹⁸. В целом общение С.Ф. Ольденбурга со своим учеником и его советы по развитию научной институции являлись для Ц.Ж. Жамцарано важным источником национальных идей³¹⁹.

Но не только научная деятельность интересовала молодого бурята. Он участвовал в политических мероприятиях Университета, за что был выслан из Петербурга с запретом на проживание в крупных городах Российской империи. В 1911–1917 гг. приехал в Монголию по приглашению правительства Богдогегена, был советником по делам образования и культуры, преподавал в первой в Монголии светской школе. Одновременно он служил старшим драгоманом при Министерстве иностранных дел Монголии. Ц.Ж. Жамцарано инициировал издание на монгольском языке научно-популярного журнала «*Шине толи*» («Новое зеркало») и газеты «*Нийслэл хурээний сонин бичиг*» («Столичные новости»). Научно-популярные статьи журнала, автором многих из которых был сам Ц.Ж. Жамцарано, представляли собой изложение на монгольском языке в простой и доступной форме идей Н. Коперника и Г. Галилея, представлений о гелиоцентрической системе строения мира, об успехах естественных наук, о географических открытиях. Газета освещала вопросы текущей политической жизни Монголии, задачи культурного и экономического возрождения монгольского народа³²⁰.

После Февральской революции Ц.Ж. Жамцарано вернулся в Бурятию, где активно занимался общественно-политической деятельностью. Его волновало

³¹⁸ Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1982. С. 15.

³¹⁹ О роли российских востоковедов, в том числе С.Ф. Ольденбурга, в развитии национальной науки, национального самосознания восточных народов см.: Tolz V. Russian's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford: University Press, 2011. 203 с.

³²⁰ Выдающиеся бурятские деятели XVII – начала XX вв. Вып. 1 / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. Улан-Удэ, 1994. С. 110–111.

бедственное положение бурятского народа и в целом судьба монгольских племен, поиск путей сохранения самобытности и национальной культуры. В советской власти его привлекала прежде всего идея о праве наций на самоопределение³²¹. Он был одним из активнейших сторонников так называемого панмонгольского движения – идеи объединения всех монгольских народов (к этой этнической группе относятся также буряты и калмыки) в единое государство со столицей в Урге. Ц.Ж. Жамцарано отличало чувство высокого патриотизма по отношению к Монголии, страстное желание сделать жизнь монгольского народа лучше, счастливее.

В 1920 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна командировал его в Монголию, где он занимался различными теоретическими вопросами партийного строительства и был одним из главных идеологов МНП / МНРП. У него было свое понимание процесса строительства национального государства. Ц.Ж. Жамцарано предостерегал от слепого копирования опыта Советского Союза, подчеркивал, что переход к социализации общества в Монголии должен иметь свою специфику, учитывающую экономические, социальные и религиозные особенности страны, что путь этот лежит через госкапитализм и кооперацию при сохранении и даже поощрении индивидуальных аратских³²² зажиточных хозяйств. Считал, что во имя единства нации необходимо не обострять классовую борьбу, не совершать неосторожные шаги, неудачные эксперименты, идти к социализации монгольского общества «медленно, да верно». Он решительно выступал против воинствующего атеизма, призывал бережно относиться к буддийским ценностям. И хотя как один из руководителей Учкома Ц.Ж. Жамцарано был вынужден выстраивать свою административно-организационную деятельность в рамках государственных идеологических установок, он пытался критически подходить к ним, направлять свою работу не только на решение практических задач,

³²¹ Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 18.

³²² Араты (монг.) – скотоводы в Монголии, в более широком смысле – трудящиеся, народ.

поставленных перед Учкомом в данных социально-политических обстоятельствах, но и на развитие академических научных направлений.

Ц.Ж. Жамцарано был убежден, что одним из важнейших условий возрождения монгольской государственности должны стать наука и просвещение, так как «для правильного государственного, экономического и культурного развития всякий народ должен хорошо знать те возможности, что заложены в нем самом и в окружающей его среде и уметь наиболее рационально их использовать. Средством для этого служит наука», – писал он в перспективном плане работ Учкома³²³.

Он стал целенаправленным проводником европейской науки и культуры в Монголии. Определенную роль в этом сыграли и его непосредственные знакомства, связи и переписка с известными западными учеными-востоковедами: Г. Рамстедом (Gustaf John Ramstedt, 1873–1950), А. Мостэром (*фр.* Antoine Mostaert, *нидерл.* Antoon Mostaert, 1881–1971), Э. Хенишем (Erich Haenisch, 1880–1966)³²⁴, В.А. Ункригом (W.A. Unkrig, 1883–1956)³²⁵ П. Пеллио (Paul Pelliot, 1878–1945), американским исследователем Р.Ч. Эндрюсом (R.Ch. Andrews) и др.³²⁶ Он

³²³ Схематическая программа работ Учкома, 1924 г. // Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 22. Л. 1.

³²⁴ Э. Хениш собирался в 1928 г. приехать в Монголию. Об этом он сообщил Ц.Ж. Жамцарано, который в ответном письме рассказал ему о работе Ученого комитета и обсудил возможность обучения в Берлинском университете в качестве вольнослушателя Д. Нацагдоржа, «чтобы он мог читать и понимать великих гениев: Гёте и Шиллера». (Письмо Ц.Ж. Жамцарано к Э. Хенишу, 10 декабря 1927 г. // НИЦА Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 120. Х. 166–168).

³²⁵ В.А. Ункриг в 1927 г. обратился к Ц.Ж. Жамцарано с просьбой принять его на работу в Ученый комитет. Ц.Ж. Жамцарано был вынужден отказать, поскольку штаты сотрудников Ученого комитета были утверждены правительством и «свободного места, подходящего» для немецкого монголоведа, не имелось. Но в будущем, писал Ц.Ж. Жамцарано, «по мере развития деятельности Ученого комитета, возможно увеличение штатов и тогда было бы возможно Вас пригласить на постоянную службу по Вашей специальности». (Письмо Ц.Ж. Жамцарано к В.А. Ункригу, 12 декабря 1927 г. // НИЦА Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 120. Х. 174–175).

³²⁶ Жамсраны Цэвэн. Түүвэр зохиолууд (Сборник материалов). Т. 1 / Сост. С. Идшинноров. Улаанбаатар, 1997. С. 63–64, 159, 192, 193–194; о контактах Ц.Ж. Жамцарано с Н.К. Рерихом и

знал не только бурятский, монгольский, калмыцкий языки, их диалекты и наречия, но и тибетский, французский, немецкий, свободно говорил и писал на русском языке.

Ц.Ж. Жамцарано понимал, что «привить науку к жизни»³²⁷ в Монголии можно, только наглядно продемонстрировав ее прикладное значение для развития государственных институтов и экономики страны. Такой подход к отношениям науки и государства нашел отражение в составленной им «Схематической программе работ Учкома»³²⁸, которую Ц.Ж. Жамцарано представил на Годичном заседании научного учреждения 10 февраля 1924 г.

Главными объектами деятельности Учкома, по мнению Ц.Ж. Жамцарано, должны были стать: население, страна и народное хозяйство. Изучение населения подразумевало проведение антропологических и этнографических работ, изучение языка и литературы, истории, законов и обычаев, искусства, религии. Страна должна быть исследована в географическом и естественноисторическом отношении, а народное хозяйство следовало, как полагал фактический «идеолог» Учкома, рассматривать как результат воздействия населения на природу.

сотрудниками его музея в Нью-Йорке см.: *Росов В.А.* Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 1. Великий план. СПб.; М.: Алетейя, Ариаварта-Пресс, 2002. 272 с.

³²⁷ *Ольденбург С.Ф.* Работа Российской академии наук за последние три года. 1917–1919 // Наука и ее работники. 1919. № 1. С. 6.

³²⁸ Текст «Схематической программы работ Учкома» на русском языке приводится в публикации: *Юсупова Т.И.* «Современный Учком, при дальнейшем развитии, преобразуется в национальную Академию наук и художеств»: Программа развития Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано // *Mongolica*– XI. СПб., 2013. С. 91–96. На монг. языке см.: НЦА Монголии. Ф. 23. Д. 1. Хн. 48. Монгольский текст «Программы» Б.Я. Владимирцов передал В.А. Ункригу, который перевел ее на немецкий язык и опубликовал в 1929 г. В этой публикации автор «Программы» не указан: *Unkrig W.A.* Das Programm des Gelehrten Comites der Mongolischen Volksrepublik. Transkribierter Text nebst zwei Übersetzungsversuchen und Vokabular // *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen.* Berlin, 1929. S. 71–129.

Кроме трех основных Ц.Ж. Жамцарано указывает и четвертое, не менее важное направление деятельности Учкома – популяризацию и распространение «научных и практических знаний среди массы населения». Для этого в первую очередь планировалось создать национальный музей и национальную библиотеку. Необходимым условием выполнения поставленных перед Учкомом задач являлось воспитание собственных национальных научных и технических кадров и помощь и поддержка зарубежных ученых и научных организаций.

Присутствующий на заседании П.К. Козлов записал в дневнике, что в докладе Ц.Ж. Жамцарано прозвучало «все то, что в совокупности поставило бы отсталую Монголию в ряд с Россией. Таких последовательных, систематически вытекавших один из другого, набралось около сорока вопросов. <...> Среди этих пунктов – создание музея. Как здесь не вспомнить, – отмечал путешественник, – что у истоков РАН стояла знаменитая Кунсткамера»³²⁹. Ц.Ж. Жамцарано стремился и в дальнейшей своей научно-организационной деятельности применять опыт Российской академии наук в первые годы ее существования.

П.К. Козлов на правах почетного гостя рекомендовал Учкому поддержать предложения Ц.Ж. Жамцарано и как можно быстрее рассмотреть возможность организации национального художественного, а потом и естественноисторического музея. Уже осенью 1924 г. музей был создан. Основой его собрания стали собственные коллекции Учкома и научно-художественные предметы из дворца последнего Богдо-гегена, к тому времени умершего³³⁰. Музей дополнили также экспонаты, переданные Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова и Центральноазиатской экспедицией Р.Ч. Эндрюса.

Естественноисторическому музею как первой ступени накопления знаний о природе и истории страны, как научной лаборатории Ц.Ж. Жамцарано в своей административной работе уделял большое внимание. Пополнение фондов музея

³²⁹ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 127.

³³⁰ В настоящее время здесь располагается филиал Государственного центрального музея Монголии («Хан-музей»).

вскоре стало одним из обязательных условий работы всех иностранных, включая российские, экспедиций на территории Монголии³³¹.

На упомянутом заседании П.К. Козлов предложил монгольским коллегам обратить особое внимание на создание государственного заповедника «Богдо-ула». Прекрасной предпосылкой для этого была неприкосновенность этой горы, ее ландшафтов, поскольку она считалась священной. «В этом отношении, – писал П.К. Козлов, – оберегая природу Богдо-улы, монголы стояли впереди не только русских, но и европейцев, природоохранная деятельность которых только начиналась»³³².

2.2.3. Международные контакты Ученого комитета Монголии и установление сотрудничества с Российской академией наук

Как было сказано выше, одной из главных задач, стоящих перед Учкомом, являлось всестороннее изучение естественноисторических условий и особенностей страны. Весьма скромные финансовые возможности, слабая материальная база, недостаток, практически отсутствие специалистов не

³³¹ С ростом коллекций музея актуальным становился вопрос о постройке для него специального здания. Ц.Ж. Жамцарано активно искал средства для строительства, используя разные возможности. Так, например, для сбора денег он хотел организовать печать и продажу монгольских коллекционных марок. Об этом он, в частности, писал в 1927 г. учителю-переводчику Б. Ишидоржину (сопровождал монгольских учащихся в Германии и Франции) и просил его связаться с филателистическими центрами в Париже и других европейских городах. С просьбой посодействовать в сборе денег он также писал в Нью-Йорк, в музей Н.К. Рериха (Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 2010. С. 274).

³³² *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 127; *Козлов П.К.* Монгольский заповедник Богдо-ула // Известия РГО. 1924. Т. 56. Вып. 1. С. 169–173. См. также: *Юсупова Т.И.* Экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и ее вклад в становление Ученого комитета Монголии // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Материалы Международной конференции / Отв. ред. Э.А. Тропп. Т. III. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. С. 27–32.

позволяли широко развернуть работу в этом направлении. Понимая, что собственными силами задачи, поставленные перед Учкомом, не решить, Ц.Ж. Жамцарано активно инициировал международные связи первого монгольского научного учреждения. Прежде всего, в силу географического соседства, с российскими научными учреждениями – Иркутским и Владивостокским университетами, Бурятским Учкомом и Академией наук. Особенно тесные связи были с Бурятским Ученым комитетом, его председателем Б.Б. Барадийном (1878–1937) и ученым секретарем Г.Ц. Цыбиковым. Бурятские ученые, в частности, совместно с Учкомом проводили большую работу в области терминологии. В силу фонетических отличий европейских языков от монгольского произношение терминов на монгольском языке отличалось от международного и зачастую при передаче смысла термина приходилось использовать несколько слов³³³. Терминологическая комиссия работала в Ученом комитете с момента его основания.

Следует отметить, что Учком не рассматривал российское направление своей международной деятельности как единственное. В отчете о деятельности Ученого комитета в 1924 г. отмечена не только тесная связь с Учкомом Бурятии, РАН, а также «возникшие в последнее время научные сношения с различными европейскими и американскими организациями»³³⁴. Ю.Н. Рерих (1902–1960), который в составе Центральноазиатской экспедиции своего отца Н.К. Рериха находился в Монголии в 1926–1927 гг., писал: «Несмотря на то, что страна с трудом продвигается вперед, искренний интерес ко всему, что происходит в Америке и Европе, несомненно, принесет плоды»³³⁵.

Надо сказать, что в начале 1920-х гг. Монголия привлекала внимание исследователей разных научных направлений из разных стран. На территории Монголии в 1922 г. работала экспедиция по изучению возделываемых растений,

³³³ Об этом, в частности, писал Г.Ц. Цыбиков (*Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1991. С. 121–151*).

³³⁴ О работе Учкома в 1924 г. // НЦА Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 57. X. 2.

³³⁵ *Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 132.*

которую возглавлял сотрудник Отдела прикладной ботаники Государственного института опытной агрономии В.Е. Писарев (1882–1972)³³⁶. Он хотел вернуться для продолжения исследований в 1928 г., но не получил разрешения на организацию экспедиции³³⁷. На северо-западе страны на озере Косогол (Хубсугул) занимался исследованиями этнограф, сотрудник Иркутского университета Э.Б. Петри (1884–1937) (до 1918 г. – сотрудник Музея антропологии и этнографии АН). В 1922–1925 гг., как уже отмечалось, Монголию исследовала американская Центральноазиатская экспедиция Р.Ч. Эндрюса; в 1923–1926 гг. – Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова; в 1926–1927 гг. в Монголии находилась Центральноазиатская экспедиция Н.К. Рериха³³⁸. Г.Ц. Цыбиков во время посещения Учкома в 1927 г. отмечает, что его картографический кабинет работает «в контакте и деятельной связи с БАН [Баварской академией наук]»³³⁹. Кроме того, в Учком приезжали исследователи из Иркутска, Владивостока, ближайшие соседи – сотрудники Бурятского Ученого комитета. Шведский путешественник Свен Гедин (1865–1952), посетивший столицу Монголии осенью 1923 г. проездом из Пекина в Москву, отмечал открытость Урги и всей страны³⁴⁰.

³³⁶ *Вавилов Н.И.* О восточных центрах происхождения культурных растений // Новый Восток. 1924. № 6. С. 294; Государственный институт опытной агрономии и селекции был образован на базе Бюро по прикладной ботанике Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ; в 1924 преобразован во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур; в 1930 – Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) ВАСХНИЛ. С 1992 – Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова.

³³⁷ Письмо Ю.А. Филипченко к Ф.Г. Добржанскому, 28 октября 1928 г. // У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге / Ред.-сост. М.Б. Конашев. СПб.: Наука, 2002. С. 340.

³³⁸ *Росов В.А.* Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 1. СПб., 2002.

³³⁹ *Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды в двух томах. Т. 2. Новосибирск, 1981. С. 144.

³⁴⁰ *Hedin Sven.* Von Peking nach Moskau. Leipzig: Brockhaus, 1924. S. 8.

Ц.Ж. Жамцарано в упомянутом письме к В.И. Смирнову в апреле 1924 г. писал: «Принципиально, Учком всякое сотрудничество иностранных научных сил может только приветствоваться», однако при соблюдении интересов монгольского научного учреждения. А именно: «при условии представления Учкому полного отчета о работах для публикации в “Записках Ученого комитета” и по одному экземпляру всего собранного материала в Монгольский национальный музей»³⁴¹.

Более широким международным контактам Ученого комитета препятствовала в первую очередь, как указывалось, неопределенность международного статуса Монголии. Ее независимость была признана только СССР. В глазах мирового сообщества она оставалась автономной частью Китая. Но и в этих условиях представители национал-демократических сил монгольского правительства в 1925–1928 гг. (период «правого курса» в истории современной Монголии) пытались развивать научные, технические и торговые связи с Германией, Францией, Америкой. С этой целью председатель ЦК МНРП Ц. Дамбадорж (1900–1934) в 1926 г. совершил неофициальную поездку в Европу, посетил Германию, Францию, Италию³⁴². В результате его договоренностей в 1926–1928 гг. пятьдесят молодых монголов были посланы для обучения в Германию и Францию. Первую группу численностью 35 человек в мае 1926 г. привез в Германию министр народного образования Э. Батухан (монг. Эрдэнэбатхаан, 1888–1942)³⁴³.

Предполагалось, что часть учащихся получит классическое образование, другая – среднее техническое. За их обучение платило монгольское правительство. Об этом неординарном и для Монголии 1920-х гг., и для этих европейских стран событии, о трудностях, с которыми столкнулись монгольские

³⁴¹ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к В.И. Смирнову, апрель 1924 г. // НЦА Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. X. 31.

³⁴² *Strong A.* China-Reise mit Borodin durch China und die Mongolei. Berlin: Neuer Deutscher Verlag, 1928. S. 211.

³⁴³ *Baabar B.* History of Mongolia. Cambridge, 1999. P. 276–277; *Роцин С.К.* Политическая история Монголии. 1921–1940 гг. М., 1999. С. 133.

студенты, оказавшись в абсолютно незнакомой для них культурной среде, и их судьбах подробно рассказали американский монголовед Р. Рупен и британский исследователь С. Вольф (Serge M. Wolff)³⁴⁴. По разным причинам не все ученики смогли закончить обучение, не все вернулись на родину, а вернувшиеся – не все смогли реализовать себя, заниматься тем, чему научились в Европе, но, несомненно, эти молодые люди, несмотря на их малочисленность, сыграли важную роль в распространении европейских знаний и культурных традиций в Монголии, в расширении границ общения своей родины с европейскими государствами. В их числе были будущие сотрудники Ученого комитета Б. Содном и известный монгольский писатель Д. Нацагдорж (1906–1937), а также молодые люди, ставшие позднее одними из первых в Монголии инженерами, учителями, библиотекарями³⁴⁵.

В Германии также было закуплено оборудование для метеорологической станции в Улан-Баторе, географические карты для Учкома, школьное оборудование. Ц.Ж. Жамцарано предполагал выписывать из Берлина и Лондона ведущие метеорологические и географические журналы. Все эти вопросы он обсуждал в письмах к своим бурятским и монгольским коллегам, которые по служебным делам находились в России и совершали деловые поездки в Европу³⁴⁶.

В целях укрепления международного сотрудничества Ц.Ж. Жамцарано развивал и такую традиционную форму деятельности научного общества, как избрание в его ряды в качестве почетных членов иностранных ученых. В 1924 г. в почетные члены Учкома были избраны русский путешественник П.К. Козлов («за заслуги в многолетних фундаментальных исследованиях Монголии и Тибета,

³⁴⁴ Подробно см.: *Wolff S.* Mongolian Educational Venture in Western Europe (1926–1929) // *Mongolian Society Bulletin.* № 9 (2). New York, 1970. S. 40–100.

³⁴⁵ *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Indiana University, Bloomington, 1964. P. 173.

³⁴⁶ См., напр.: Письмо Ц.Ж. Жамцарано к Б. Ишидоржину, осень 1927 г. // Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. *Ш. Бира.* Улаанбаатар, 2010. С. 274–291.

в знак глубокого уважения»³⁴⁷) и монголовед Б.Я. Владимирцов (так как «такое избрание поможет в организационном и кадровом укреплении <...> молодого научного учреждения»³⁴⁸); в 1925 г. – неприменный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург («особо почитая» его глубокие научные знания, Учком питал надежду, что «наш почетный член поделится своими научными знаниями»³⁴⁹) и французский востоковед П. Пеллио.

Следует отметить, что основные надежды на помощь и поддержку Ц.Ж. Жамцарано возлагал все же на Российскую академию наук. И не только в силу объективных факторов (географического соседства и особенностей международного положения Монголии). Ц.Ж. Жамцарано связывали тесные дружеские отношения с неприменным секретарем РАН академиком С.Ф. Ольденбургом. Как писал сам Ц.Ж. Жамцарано, именно С.Ф. Ольденбург посоветовал своему ученику и коллеге инициировать создание *Судар бичгийн хурээлэн*³⁵⁰. В дальнейшем их личные контакты имели большое значение для установления и развития научного взаимодействия Учкома с Академией наук.

История советско-монгольского научного сотрудничества начинается с письма, направленного в сентябре 1922 г. руководителями Учкома О. Жамьяном и Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу с просьбой рассмотреть возможность научного сотрудничества и помощи Комитету, в том числе в формировании научной библиотеки. В качестве дара и первого шага к взаимному книгообмену

³⁴⁷ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940 / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. М.; Улаанбаатар: Международные отношения, 1975. С. 91.

³⁴⁸ Там же. С. 92.

³⁴⁹ Там же. С. 117.

³⁵⁰ *Жамцарано Ц.Ж.* Жалованная грамота Сецен-хана, данная ламе Лубсан-Байдубу // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932 / Отв. ред. И.Ю. Крачковский. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 185. Об этом также пишет один из первых монгольских академиков Б. Ринчин (На Север мы шли за знанием // Книга Братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 156).

Учком передал в Азиатский музей АН отсутствующие в России части текста героического эпоса «Истории Гэсэра»³⁵¹.

В ответном письме С.Ф. Ольденбург поблагодарил Учком за присланные в Академию монгольские рукописи и сообщил, что Академия наук высылает через монгольское представительство в Москве различные издания Академии наук по востоковедению. Непременный секретарь заверил Ц.Ж. Жамцарано, что «Академия будет рада и впредь продолжать обмен сочинениями, касающимися Востока»³⁵². В 1923 г. Учком прислал в Азиатский музей Академии наук еще один дар – 83 наименования своих изданий³⁵³.

Летом 1923 г. при содействии С.Ф. Ольденбурга в Ургу были командированы три студента Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) – молодые востоковеды Н.Н. Бабынин (1900–1931), В.А. Казакевич (1896–1937), А.В. Петров (?). Как писал директор ПИЖВЯ монголовед В.Л. Котвич: «Посылаем в Ургу трех молодых, еще только начинающих монголистов, чтобы они вошли в живую связь с народом, который они будут изучать»³⁵⁴. В Монголии они выполняли по поручению Учкома разнообразную научную и организационную работу: переводили на монгольский язык необходимую для новой Монголии российскую и иностранную литературу, занимались поисками исторических рукописей, совершали экспедиционные поездки. В письме Учкома монгольскому правительству с просьбой выделить

³⁵¹ Монгол-зөвлөлтийн соёл, шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (1921–1960). (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). Боть 1 / Отв. сост. Х. Энхвтушин, И.И. Кудрявцев. Улаанбаатар, 2000. С. 18; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 519.

³⁵² Письмо С.Ф. Ольденбурга к Ц.Ж. Жамцарано, 17 апреля 1923 г. // НЦА Монголии. Ф. 23. Оп. 1. Д. 27. Х. 11.

³⁵³ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 г. Л.: Российская гос. акад. типография, 1924. С. 126–127.

³⁵⁴ Письмо В.Л. Котвича к А.В. Бурдукову от 29 июня 1923 г. // Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969. С. 287.

средства на оплату их работы и содержания отмечалось, что «эти ученые оказывали всякую посильную помощь нашим монголам, которые прибыли в русскую столицу» и «они питают чувство симпатии к монгольскому народу»³⁵⁵.

Заметным фактом не только научной, но и общественной, и культурной жизни столицы Монголии стало пребывание в Урге Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова. Путешественник строил свою работу в Монголии в постоянном взаимодействии с Ц.Ж. Жамцарано, глубокие знания которого высоко ценил и часто обращался к нему за консультациями по разным вопросам истории и культуры монгольского народа. Именно общение с Ц.Ж. Жамцарано стало одним из важнейших мотивов, побудивших П.К. Козлова принять решение о начале раскопок в Ноин-Уле. Во всех отчетах, посылаемых в российские научные и правительственные учреждения, в своих выступлениях и публикациях П.К. Козлов не забывал благодарить членов монгольского правительства и Учком, особенно Ц.Ж. Жамцарано, за предоставленную возможность работать на территории Монголии и производить археологические раскопки.

Члены экспедиции не остались в стороне от научно-организационной деятельности Учкома, оказывая ему разнообразную помощь в проведении краеведческих исследований и формировании естественноисторических коллекций музея. Особенно следует выделить деятельность С.А. Кондратьева и А.Д. Симукова.

С.А. Кондратьев (1896–1970), старший помощник П.К. Козлова, в 1924 г. руководил по его поручению раскопками ноин-улинских курганов и одновременно много внимания уделял изучению музыкального монгольского фольклора. В 1925 г. по просьбе Ц.Ж. Жамцарано он перешел работать в Учком, где занимался географическими исследованиями страны, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, а также различными организационными

³⁵⁵ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 84–85.

вопросами³⁵⁶. Кроме того, С.А. Кондратьев продолжил изучение музыкального творчества монголов. Итогом этой работы стал ряд публикаций и монография «Музыка монгольского эпоса и песен», которая вышла уже после его смерти³⁵⁷.

Участник экспедиции П.К. Козлова, а позже экспедиций Монгольской комиссии ботаник Н.В. Павлов (1893–1971) писал в 1926 г. С.Ф. Ольденбургу: «В Урге <...> С.А. Кондратьева я нашел в добром здравии, продуктивно и интересно работающим не только в музыке, но и в археологии, метеорологии и астрономии – словом, он совершенно универсален и необходим в Учкоме Монголии»³⁵⁸.

В Монголии С.А. Кондратьев работал до конца 1930 г., периодически приезжая в Россию для решения административных вопросов и продления своей командировки. В Учкоме работала и его жена, искусствовед М.И. Клягина-Кондратьева (1896–1971), которая была командирована в 1926 г. Комиссией СНК СССР по научному изучению Монголии, также по просьбе Ц.Ж. Жамцарано. В Учкоме она заведовала Фондом европейских книг библиотеки и выполняла поручения Монгольской комиссии, в частности изучала буддийские монастыри³⁵⁹.

Еще один участник экспедиции П.К. Козлова – А.Д. Симуков (1902–1942) был также сотрудником Учкома. Он проработал в Монголии девятнадцать лет, до

³⁵⁶ О С.А. Кондратьеве см.: Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Ред.-сост. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 404 с.

³⁵⁷ *Кондратьев С.А.* Музыка монгольского эпоса и песен. М.: Советский композитор, 1970. 248 с.

³⁵⁸ Письмо Н.В. Павлова к С.Ф. Ольденбургу, 1 июля 1926 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 58. Л. 61.

³⁵⁹ *Клягина-Кондратьева М.И.* Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангай Сум, Хийдийн Судалгаа (Монгольская буддийская культура: изучение монастырей и храмов в Кентее и Хангае) / Ред.-сост. С. Чулуун, Т.И. Юсупова. Osaka: National Museum of Ethnology, 2013. 209 p. (Senri Ethnological Reports. Vol. 113); *Юсупова Т.И.* (подг. к публ., коммент.) «Благодаря Вам мне открылся прекрасный мир Центральной Азии»: письма М.И. Клягиной-Кондратьевой к С.Ф. Ольденбургу // *Mongolica–XII*. СПб., 2014. С. 71–75.

своего ареста в 1939 г. А.Д. Симуков внес значительный вклад в исследование Монголии, прежде всего в географическое изучение станы. С 1927 г. он заведовал Кабинетом географии Учкома, выполняя и другие разнообразные научно-административные обязанности, много путешествовал по стране, прекрасно знал ее природно-климатические и хозяйственно-экономические особенности³⁶⁰. Результатом его деятельности стал первый «Географический атлас Монгольской Народной Республики» на русском и монгольском языках, изданный в 1934 г.³⁶¹ Атлас представляет собой свод всех известных на тот период знаний о природных условиях страны и ее административном устройстве. В нем также представлены этнографическая карта, численность и плотность населения по районам и аймакам, охарактеризовано состояние скотоводства по каждому виду скота.

О значении деятельности А.Д. Симукова в Учкоме говорит тот факт, что в 1990 г. в Академии наук Монголии была создана Комиссия по научному наследию А.Д. Симукова и совместно с Музеем этнологии г. Осака (Япония) подготовлен трехтомник его трудов³⁶².

Большой вклад в развитие Учкома внес еще один российский исследователь – В.И. Лисовский (1888–1958), по образованию инженер-мелиоратор. П.А. Витте в 1915 г. предложил ему вместе с ним поехать в Монголию для работы в экспедиции по изучению страны русским советником монгольского

³⁶⁰ О А.Д. Симукове см.: *Симукова Н.А.* Имя А.Д. Симукова возвращается в науку // *Mongolica*. Вып. III. СПб., 1994. С. 57–71; *Мурзаев Э.М.* В сердце Азии. М.: Наука, 1990. 176 с. С. 23–26; *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 206–218; *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003.

³⁶¹ *Симуков А.Д.* Географический атлас Монгольской Народной Республики. Улан-Батор: Изд-е Клуба им. Ленина, 1934. 7 с. + 18 карт.

³⁶² Большую работу по сохранению научного наследия А.Д. Симукова провела его дочь Н.Д. Симукова. Именно по ее инициативе была начата подготовка сборника его трудов и публикаций о нем: *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1–3. / Сост.: Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Осака: Государственный музей этнологии, 2007–2008. (Senri Ethnological Reports. Т. 1. – Vol. 66; Т. 2. – Vol. 67; Т. 3. Ч. 1. – Vol. 74; Т. 3. Ч. 2. – Vol. 75).

правительства С.А. Козиным. Затем он остался в Монголии и был приглашен работать в Учком, где принимал активное участие в экспедиционных исследованиях, в создании картографического кабинета, музея, библиотеки. В 1927 г. В.И. Лисовский уехал из Монголии, работал в Донском институте сельского хозяйства и мелиорации³⁶³.

Учком привлекал к выполнению своих задач российских ученых из Сибири и с Дальнего Востока, которые, как правило, выполняли просьбы монгольского научного учреждения в рамках своих исследовательских задач. Так, в самом начале 1920-х гг. в Монголии по приглашению Учкома работал профессор Научно-исследовательского краеведческого института Дальневосточного (Владивостокского) университета, геолог Б.С. Домбровский (1887–?), профессор Иркутского университета В.И. Смирнов (1879–1941), по приглашению Министерства народного хозяйства – агроном Г.Е. Добровольский. При этом Учком стремился прикрепить к каждому иностранному исследователю своих сотрудников для обучения навыкам ведения полевых работ³⁶⁴.

При острой нехватке национальных кадров к работе в Учкоме, как видим, привлекались приглашаемые из СССР ученые или проживающие в Монголии образованные русские. Поэтому русский язык наряду с монгольским широко использовался в Учкоме для общения и составления научных отчетов и документации. В связи с этим возникали некоторые трудности в исследовательской работе и ведении документации. Так, в частности, председатель Учкома О. Жамьян, отчитываясь о работе перед II Великим Хуралом в 1925 г. отметил, что, «с одной стороны, среди монголов нет ученых, которые бы могли сами заниматься исследованием страны, с другой стороны, русские ученые, которые приезжают в Монголию заниматься изысканиями, не знают ни монгольской письменности, ни языка <...>. Таким образом, мы не

³⁶³ О В.И. Лисовском см.: *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 202–203; Режим доступа: http://novocheckassk-gorod.ru/na_article/43673/ (дата обращения 12.09.2015).

³⁶⁴ Так, с Б.С. Домбровским работал практикант Учкома Даши.

понимаем друг друга и испытываем затруднения в ведении совместной работы по обследованию страны»³⁶⁵.

Как нам представляется, руководитель Учкома несколько преувеличил проблему. Нельзя сказать, что это было непреодолимым препятствием, поскольку работающие в Учкоме буряты, как правило, знали и русский, и монгольский языки. Русские, долгое время жившие в Монголии, понимали монгольский, по крайней мере в пределах, необходимых для общения. Но сами монголы по-русски практически не говорили и не читали. Внутренняя документация Учкома в 1920-х велась на старомонгольском языке, переписка с РАН – в основном на русском либо на монгольском, но с приложением перевода на русский.

Эти сложности подметил и П.К. Козлов. На уже упомянутом заседании Ученого комитета 10 февраля 1924 г. он успокоил монгольских коллег, приведя пример из истории РАН: «Не надо только бояться, что в Ученом комитете доминирует не монгольский язык. Когда-то, в самом начале и на протяжении свыше 100 лет, в РАН главенствовал язык немецкий, с сильной оппозиционной немецкой партией. А когда русские сами подросли, впитав в себя целиком европейскую цивилизацию, в РАН стала исключительно национальная, русская партия – великое торжество самих русских. Так смотрите и вы, монголы, не пугайтесь вторжения в ряды ученых членов вашего комитета, это неизбежно, но это приведет вас к цели!»³⁶⁶

В отчете о работе Учкома за 1924 г. отмечалось, что его деятельность «развивалась не вполне нормально, отчасти вследствие недостатка денежных средств, отчасти из-за технических затруднений»³⁶⁷. Но самой большой проблемой была кадровая: практически полное отсутствие специалистов, способных решить поставленные перед Учкомом задачи. Ожидаемую помощь со стороны РАН также пока получить не удалось. Российская академия наук сама

³⁶⁵ Ответы Жамьян-гуна Второму Великому Народному Хуралу, 1924 г. // ЦНА Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 57. Л. 10.

³⁶⁶ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 127.

³⁶⁷ О работах Учкома в 1924 г. // ЦНА Монголии. Ф. 23. Д. 1. Хн. 57. Л. 1.

испытывала острейшую нехватку финансирования на проведение своих исследований. Единственное, что смог сделать С.Ф. Ольденбург, как было указано ранее, направить в Монголию за счет экспедиции П.К. Козлова двух археологов Г.И. Боровку и С.А. Теплоухова, почвовед Б.Б. Плынова и минералога В.И. Крыжановского, которые должны были согласовать и «увязать» свои исследования с работами, проводимыми Учкомом.

Проанализировав первые результаты сотрудничества с российскими учеными и сопоставив содержание их работ с потребностями Ученого комитета, Ц.Ж. Жамцарано в письме от 2 октября 1924 г. изложил С.Ф. Ольденбургу свой взгляд на характер помощи со стороны Академии наук³⁶⁸. Учком просил Академию наук командировать специалистов в различных отраслях знаний. Причем они могут понадобиться как на летний экспедиционный сезон, так и на более продолжительное время. Во-первых, необходим, как писал Ж.Ц. Жамцарано, «археолог, он же палеонтолог», который бы вел исследования по поручению Учкома, руководил и контролировал работы «не совсем специализированных» монгольских исследователей, а также был бы экспертом монгольского правительства, обеспокоенного вывозом археологических и палеонтологических находок, сделанных на территории Монголии иностранными экспедициями. Во-вторых, Учкому был необходим «геолог по части полезных ископаемых». Учитывая местные особенности – отсутствие научного сообщества, библиотек и музеев – такой ученый должен был быть, по мнению ученого секретаря Учкома, «не только спец своего дела, но человек энциклопедического характера, простой, без лишних претензий, чуткой души».

Далее Ц.Ж. Жамцарано предложил условия их работы: если специалисты будут работать на учкомовские средства, то и результаты их работы, прежде всего собранные коллекции, следует передавать Учкому, а издания выпускать под «флагом Учкома». Если речь пойдет о российских экспедициях, то они будут

³⁶⁸ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

обязаны оставлять часть коллекций и материалов Учкому для создания естественноисторического музея, как это уже сделала, отмечал Ц.Ж. Жамцарано, американская экспедиция Р.Ч. Эндрюса и как об этом идут переговоры с П.К. Козловым.

Здесь следует отметить, что 5 сентября 1924 г. в Монголии был принят закон «Об охране памятников старины», который ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добытых иностранными экспедициями и учеными. Поводом для издания закона послужили палеонтологические находки экспедиции Р.Ч. Эндрюса и археологические – экспедиции П.К. Козлова. Инициировал этот закон Ц.Ж. Жамцарано. В соответствии с законом, все памятники древности и собранные на территории Монголии археологические, палеонтологические и другие коллекции объявлялись национальной собственностью и к вывозу были запрещены. Ц.Ж. Жамцарано сообщил об этом С.Ф. Ольденбургу и объяснил, что «если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета»³⁶⁹. Следует отметить, что Монголия первой из стран Азии приняла такой закон, благодаря которому в музеях Улан-Батора представлены уникальные археологические и палеонтологические коллекции, собранные на ее территории в годы становления ее государственности.

Дальнейшее обсуждение и уточнение особенностей сотрудничества между Академией наук и Учкомом прошло осенью 1925 г. в Ленинграде, уже в ходе непосредственного общения С.Ф. Ольденбурга с Ц.Ж. Жамцарано, когда делегация Учкома, возглавляемая Ц.Ж. Жамцарано, приехала в Ленинград для участия в праздновании 200-летия Академии наук. Просьбы и предложения Ц.Ж. Жамцарано были учтены при планировании деятельности образованной при

³⁶⁹ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69.

правительстве в марте 1925 г. Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии)³⁷⁰.

Еще одной важной проблемой для Учкома являлась организация обучения монгольской молодежи. В августе 1922 г. первые 13 монгольских граждан были направлены в Москву для учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока, а в 1924 г. еще 10 монгольских студентов прибыли в советско-партийную школу в Верхнеудинске³⁷¹.

Обеспокоенный преобладанием политпросвета в образовании монголов в СССР Ц.Ж. Жамцарано просил С.Ф. Ольденбурга помочь монгольским студентам, командированным в Ленинград, получить научные знания. Он надеялся, что в отличие от Москвы, которая, по его мнению, «готовит политработников», Ленинград сможет сделать из монгольской молодежи «людей эволюционной культуры и, если возможно, ученых»³⁷². В Ленинград в 1924 г. были командированы 18 человек «для усвоения общего образования, языка и потом специализации». Надо сказать, что ожидания Ц.Ж. Жамцарано

³⁷⁰ См.: Юсупова Т.И. Установление научного сотрудничества между Российской академией наук и Ученым комитетом Монголии (1920-е гг.) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию – 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 103–115.

³⁷¹ В задачу нашего исследования не входит анализ вопроса обучения монголов в Советском Союзе, отметим только, что основными центрами, где монгольская молодежь получала образование, являлись Иркутск и Верхнеудинск. В Иркутском университете в 1926–1932 гг. работали курсы для подготовки к поступлению в вузы в СССР, которые окончили 70 монгольских юношей и девушек. С 1930 по 1940 г. в Верхнеудинске (с 1934 г. – Улан-Удэ) действовал рабочий факультет, который закончили около 400 монголов. В довоенные годы в Советском Союзе получили образование свыше 500 монгольских граждан. В основном шла подготовка врачей и учителей (Ганжуров В.Ц. Русский язык в Монголии: реальность и перспективы // Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние. Материалы международного круглого стола. Улан-Батор: Изд-во «Бемби Сан», 2008. С. 127).

³⁷² Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 71 об.–72.

оправдались. Из числа монгольских студентов, обучавшихся в Ленинграде, в частности в Азиатском музее, вышли первый монгольский академик Б. Ринчин (Ринчен, 1905–1977)³⁷³ и один из основоположников современной монгольской литературы поэт Д. Нацагдорж.

О пожеланиях Ученого комитета Монголии С.Ф. Ольденбург посчитал необходимым сообщить Н.П. Горбунову. Об этом свидетельствует копия письма Ц.Ж. Жамцарано, хранящаяся в делах секретариата Совнаркома в ГАРФ³⁷⁴, а также некоторые реплики Н.П. Горбунова на заседании Комиссии СНК СССР по рассмотрению отчетов и планов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова. Комиссия была создана, как указывалось в подпараграфе 2.1.2, в связи с обращением С.Ф. Ольденбурга от имени Академии наук к Н.П. Горбунову. Это просьба была вызвана также необходимостью правового оформления сотрудничества Академии наук с Ученым комитетом Монголии. При сохранении важности личных контактов (С.Ф. Ольденбурга и Ц.Ж. Жамцарано) сотрудничество двух государственных научных организаций было возможно только на правовой основе, при условии его одобрения советским правительством.

Подводя краткий итог сказанному, можно отметить ряд проблем в деятельности Ученого комитета Монголии, связанных с особенностями исторического развития страны. Главной задачей его организации первоначально являлись просветительские функции, распространение европейских и сохранение

³⁷³ Бямбын Ринчин (Ринчен) – филолог, этнограф, писатель, один из крупнейших исследователей старинной монгольской литературы. Много сделал для популяризации знаний о Монголии на Западе. О его учебе в Ленинграде см.: *Ринчен Б.* На Север мы шли за знаниями // Книга братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 150–162. В Улан-Баторе памятник Б. Ринчину стоит около Монгольской государственной библиотеки, на месте, где ранее стоял памятник И.В. Сталину.

³⁷⁴ Письмо Ж.Ц. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. (копия) // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 117–119.

традиционных монгольских знаний. Для удовлетворения утилитарных потребностей экономических преобразований в стране Учком инициировал изучение природных особенностей и ресурсов Монголии. Острая нехватка собственных национальных кадров и крайне скудное финансирование делали невозможным выполнение этих задач без привлечения зарубежных партнеров. В связи с нелегитимностью международного статуса Монголии, а также благодаря географическому соседству и личным контактам руководителей Учкома и РАН просьба о помощи в становлении деятельности Учкома и в изучении страны была обращена прежде всего к Российской академии наук. В установление сотрудничества между Академией наук и Ученым комитетом значительный вклад внес ученый секретарь Учкома Ц.Ж. Жамцарано. Характер и содержание их взаимодействия активно обсуждались в ходе личной переписки и общения Ц.Ж. Жамцарано и неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга.

§ 2.3. Правительственный патронаж сотрудничества Российской академии наук /Академии наук СССР и Ученого комитета Монголии

В параграфе анализируются причины создания специальной правительственной Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии), ее значение в советско-монгольских отношениях, взаимодействие с Ученым комитетом, результаты проведенных экспедиционных работ.

2.3.1. Комиссия СНК СССР по рассмотрению результатов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова: обсуждение методов и организационных форм изучения Монголии

Для рассмотрения инициированного С.Ф. Ольденбургом обсуждения деятельности Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова и перспектив

дальнейшего исследования Монголии в связи с просьбами Ученого комитета Постановлением советского правительства от 8 января 1925 г. была создана специальная Комиссия СНК СССР³⁷⁵.

Возглавил комиссию управделами правительства Н.П. Горбунов. В ее состав вошли академики С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, В.Л. Комаров, президент РГО Ю.М. Шокальский, директор Зоологического музея А.А. Бялыницкий-Бируля, геологи А.А. Борисяк (1872–1944) и И.П. Рачковский, монголовед Б.Я. Владимирцов, полпред СССР в Монголии А.Н. Васильев (1878–1941), а также представители НКВД (Л.Е. Берлин и Г.Е. Вайнштейн) и заведующий Главнаукой Наркомпроса Ф.Н. Петров. Научная часть комиссии была сформирована С.Ф. Ольденбургом из авторитетных ученых, заинтересованных в проведении исследований на территории Монголии. Включение в ее состав представителей внешнеполитического ведомства являлось обязательным условием при решении вопросов международной деятельности Академии наук в советской государственной системе.

Первое заседание Комиссии состоялось 31 января 1925 г. в Ленинграде, в Малом конференц-зале Академии наук, на Университетской наб., 5. Это событие привлекло большое внимание научной общественности: практически впервые с 1917 г. советское правительство было готово обсудить проблему деятельности научного сообщества не кулуарно, а достаточно открыто. На заседании, продолжавшемся более четырех часов, были заслушаны доклады П.К. Козлова и специалистов, командированных в Монголию Академией наук. Все выступавшие, говоря о результатах своей работы, обращали особое внимание на важность продолжения начатых исследований, аргументируя это не только научной, но и

³⁷⁵ Копия Постановления СНК СССР об образовании Комиссии для рассмотрения отчетов и планов Монгольской экспедиции П.К. Козлова, 8 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 183. Оп. 4. Папка 107. Д. 28. Л. 37.

экономической, и политической целесообразностью как для Монголии, так и для СССР³⁷⁶.

П.К. Козлов в большом и обстоятельном докладе дал общий обзор деятельности экспедиции в 1923–1924 гг., подробно остановившись на раскопках курганов в Ноин-Уле. Говоря о происходящих в Монголии социальных изменениях, путешественник отметил, что, по его наблюдениям, «Монголия проснулась и идет довольно спешными шагами по пути прогресса, приняв характер несколько оседлый». В связи с этим монгольское правительство обратилось к нему с предложением оставить после завершения экспедиции часть ее сотрудников для работы в Монголии. П.К. Козлов, разделявший европоцентристские взгляды, заметил, что, несомненно, «это будут те учителя, которые поведут Монголию по пути цивилизации»³⁷⁷.

Ботаник Монголо-Тибетской экспедиции Н.В. Павлов обратил внимание присутствующих на то, что собранный им материал после обработки даст не только представление о ботанико-географических особенностях северо-западной Монголии, но и позволит сделать практическое описание растительности этой области с точки зрения ее кормовых возможностей. Заинтересованность в этой работе, по словам Н.В. Павлова, выразили и сами монголы³⁷⁸.

А.Е. Ферсман рассказал о результатах обследования В.И. Крыжановским месторождений самоцветов и минералов в районе реки Горихо. При этом он также подчеркнул, что минералогические исследования, и уже сделанные по его

³⁷⁶ Подробно о заседании Комиссии см.: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 54–62.

³⁷⁷ Стенограмма заседания, 3 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 107. (Полная стенограмма этого заседания находится в ГАРФ (Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 110–66, обр. пагинация); отдельные части стенограммы имеются в СПФ АРАН (Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 347–371 и Л. 414–422) и в Архиве РГО (Ф. 1. Оп. 1–1923. Д. 9. Л. 107–113 об., 121–154).

³⁷⁸ Стенограмма заседания, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 102.

поручению В.И. Крыжановским, и будущие, имеют большое практическое значение для развития производительных сил Монголии³⁷⁹.

Объектом исследования Б.Б. Плынова являлся рельеф и почвенный покров Ургинского района. Проведенные изыскания дали богатый материал для составления почвенной карты Монголии, которая, по мнению Б.Б. Плынова, будет представлять собой интерес как с точки зрения чисто научной, так и прикладной. Практические цели в свою очередь, отметил докладчик, «обусловлены, с одной стороны, интересами монгольского хозяйства, с другой – интересами сношений СССР с Монголией». В то же время ученый призвал уважаемое собрание не идти по пути удовлетворения только практических запросов и не пренебрегать методологическими, научными проблемами. Именно исходя из разумного сочетания научных и практических задач, отметил Б.Б. Плынов, он разработал совместно с сотрудником Ученого комитета Монголии В.И. Лисовским план и маршрут почвенно-географической экспедиции следующего года, который был одобрен Учкомом³⁸⁰. По договоренности, монгольское правительство «командирует за свой счет специалиста и двух практикантов, отпускает средства на операционные расходы (лошади, двуколки и повозки, упаковочный материал, рабочие, палатки) в размере 2 000 рублей, на геодезические инструменты 1 000 рублей» и далее по необходимости на печатание отчетов экспедиции и ее трудов. Б.Б. Плынов возьмет на себя обучение монгольских практикантов «всем приемам и отдельным стадиям полевой работы» и по «мере успехов в подготовке» они станут его помощниками в проводимых исследованиях³⁸¹.

Особое внимание привлекли доклады археологов С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки, что объяснялось сенсационностью археологических находок, сделанных в Ноин-Уле. В своем выступлении С.А. Теплоухов проанализировал

³⁷⁹ Там же. Л. 101.

³⁸⁰ Там же. Л. 97–96.

³⁸¹ План работ по исследованию почв, разработанный Учкомом и Б.Б. Плыновым, осень 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 153–155.

методические и технические недостатки проведенных экспедицией раскопок. Для выяснения деталей погребального сооружения он сам произвел раскопки одного из курганов. Оценивая находки, археолог указал на важность продолжения начатых работ, поскольку они дадут возможность «изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к изучению палеоэтнографии Сибири»³⁸².

В докладе Г.И. Боровки были рассмотрены культурно-исторические проблемы, на которые археологические находки в Ноин-Уле проливают, по мнению исследователя, «новый, яркий и иногда даже неожиданный свет». В первую очередь это касалось вопроса распространения греческого влияния на скифско-сибирскую культурную традицию. Г.И. Боровка подчеркнул, что, несомненно, добытый экспедицией материал вызовет живейший интерес и привлечет внимание всего ученого мира, так как «проблемы, находящие разрешения, хотя бы и частичные, в находках экспедиции – проблемы общемирового значения, общей истории культуры»³⁸³.

Следующим выступил И.П. Рачковский. Он напомнил присутствующим о разработанном еще до революции 1917 г. Геологическим отделением ГиММ Академии наук плане геологического исследования Монголии. Первым шагом к осуществлению запланированных исследований стала организация возглавляемой им Монголо-Урянхайской экспедиции, которая работала в 1922–1923 гг. на западе Монголии, в Кобдоском районе. Важность развертывания российских геологических исследований в Монголии была связана, по его мнению, с работой американской экспедиции Р.Ч. Эндрюса. И.П. Рачковский высказал опасение, что если срочно не продолжить начатые его экспедицией геологические работы, то Академия наук может уступить исследовательский приоритет в Западной Монголии американским ученым³⁸⁴.

³⁸² Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 22.

³⁸³ Стенограмма заседания, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 89, 83.

³⁸⁴ Там же. Л. 78–79.

Директор Зоологического музея А.А. Бялыницкий-Бируля, говоря о поступивших в музей зоологических коллекциях, собранных экспедицией П.К. Козлова, отметил самую, с его точки зрения, важную особенность ее работы в Монголии – стационарный характер (вынужденно стационарный, ввиду запрета правительства на ее выход из Урги), в отличие от маршрутных рекогносцировок предыдущих экспедиций путешественника. Стационарный метод сбора положительно сказался на собранном материале, его полноте и разнообразии. А.А. Бялыницкий-Бируля также поддерживал мнение о важности для Академии наук дальнейшего углубленного изучения природы Монголии.

В ходе обсуждения докладов развернулась дискуссия о методах изучения Монголии, которая стала для Академии наук поводом показать, что время экстенсивно-описательных экспедиций уже прошло. В Монголии необходимо производить специализированные исследования учеными разных научных направлений. Эта дискуссия в определенной степени была подготовлена статьей В.А. Обручева, опубликованной в конце 1924 г., «Об очередных задачах исследования Монголии». В.А. Обручев считал, что необходимо как можно скорее возобновить работы российских ученых в соседнем государстве как для сохранения приоритетности в изучении этого региона, так и с точки зрения их экономической значимости для Монголии. При этом он полагал нецелесообразным посылать в страну крупные экспедиции «из разных специалистов с разнообразными задачами», поскольку «они часто мешают друг другу» ввиду «разнообразного характера и приемов научной работы. <...> Ученые лучше работают в одиночестве или с помощниками по своей специальности»³⁸⁵.

Прозвучавшие на заседании выступления как раз демонстрировали высокую научную значимость именно узкоспециальных, зачастую стационарных исследований, а также большую заинтересованность и готовность специалистов Академии наук разного профиля продолжать начатые работы. В поддержку

³⁸⁵ Обручев В.А. Об очередных задачах исследования Монголии // Новый Восток. 1924. № 6. С. 290.

маршрутных экспедиций и рекогносцировочного метода, кроме руководителей РГО Ю.М. Шокальского и В.Л. Комарова, выступил только Н.И. Вавилов (1887–1943), который сам в этот период активно занимался экспедиционной деятельностью³⁸⁶. По его мнению, стационарными исследованиями следует заниматься у себя дома, «так как у нас есть области еще совершенно не исследованные»³⁸⁷. Однако его предложение не получило поддержки участников заседания.

И хотя заседание Комиссии было посвящено деятельности экспедиции П.К. Козлова в Монголии, развернувшаяся дискуссия имела более широкий межведомственный характер. Фактически на заседании решался вопрос: кто получит государственный заказ и, следовательно, финансирование на проведение дальнейших исследовательских работ в Монголии – РАН или РГО? Решение этого вопроса во многом определялось позицией П.К. Козлова, авторитет которого после уникальных археологических находок в Ноин-Уле в глазах правительства значительно укрепился. В этой дискуссии неприменимый секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург проявил себя как тонкий и дальновидный дипломат. Он твердо отстаивал интересы академического сообщества, но при этом не забывал подчеркнуть заслуги своего оппонента.

П.К. Козлов же, с одной стороны, ревностно относился к ущемлению интересов его родного Географического общества, с другой – его заветной мечтой оставался Тибет, работа в Монголии привлекала исследователя Центральной Азии значительно меньше. Поэтому, а также почувствовав поддержку продолжения работы его экспедиции со стороны Н.П. Горбунова, он согласился с мнением уважаемых коллег, что исследование Монголии должны теперь вести экспедиции Академии наук. При этом Петр Кузьмич подчеркнул, что, по его мнению, для этого складывается очень благоприятная ситуация: «Монголия сейчас

³⁸⁶ О Н.И. Вавиллове см., напр.: *Есаков В.Д.* Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М.: Наука, 2008. 207 с.

³⁸⁷ Стенограмма заседания, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 71–70.

перерождается и видоизменяется. <...> Недалеко то время, когда в русскую экспедицию можно будет включать монгольскую молодежь»³⁸⁸.

С.Ф. Ольденбург высоко оценил поступок П.К. Козлова, отметив, что «было время, когда всякая экспедиция велась маршрутным путем. Это был способ путешествовать от Пржевальского и до Козлова. И теперь сам Козлов <...> говорит, что этот способ отживает век, и что мы должны вести экспедиции иным путем, прежде всего путем стационарным»³⁸⁹.

С.Ф. Ольденбург также подтвердил данные путешественника о желании монгольской стороны участвовать в исследованиях российских ученых. Ученый секретарь Учкома Ц.Ж. Жамцарано неоднократно просил его привлекать монголов к исследованиям своей страны, и убеждал, что монголы определенно тянутся к русским и желают связать свою работу с ними. Монгольское правительство не только просит продолжить начатые в 1924 г. работы, но и частично выделяет на них (на почвенные и геологические исследования) средства³⁹⁰.

При обсуждении организационных вопросов изучения Монголии С.Ф. Ольденбург предложил создать постоянный научно-исследовательский центр в Урге, связанный с Академией наук, который координировал бы работу российских исследователей и их взаимодействие с Учкомом. Мысль о российском научном центре поддержал также А.Е. Ферсман. По его мнению, «настало время для Монголии работать новыми методами» и учитывать потребности

³⁸⁸ Там же. Л. 75.

³⁸⁹ Там же. Л. 73.

³⁹⁰ Там же. Л. 74. В письме наркому иностранных дел Г.В. Чичерину от 6 февраля 1925 г. о проекте организации Института изучения Монголии Б.Б. Польшов пишет, что документальным доказательством заинтересованности Учкома в тесных контактах с Академией наук являются письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу и официальная телеграмма, полученная Академией наук от представителя монгольского правительства с просьбой командировать в 1925 г. для продолжения начатых работ почвовед и геохимика. (Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941 / Гл. ред. В.А. Куманев, сост. Ю.А. Панцырев. М.: Наука, 1992. С. 196).

монгольской стороны, которая сама ставит конкретные задачи «строительства своей собственной жизни и своего хозяйства». Прежде всего речь идет об изучении производительных сил. Все это, по мнению А.Е. Ферсмана, говорит о том, что «намечается большая совместная работа с Монголией»³⁹¹.

Выслушав аргументы академического сообщества, Н.П. Горбунов как председатель Комиссии подвел итоги заседания и, учитывая просьбу Ученого комитета о помощи в изучении страны, констатировал: исследование Монголии следует продолжить, и сделать это должна Академия наук. Кроме научной значимости работа ученых важна, подчеркнул управделами Совнаркома, «для закрепления дружеских отношений с монголами, <...> для проникновения в Монголию нашего политического влияния»³⁹².

Необходимость усиления советского политического влияния в Монголии, как было уже сказано, являлась достаточно актуальной проблемой советско-монгольских отношений в первой половине 1920-х гг. Монголия была для Советской России важным стратегическим партнером в центральноазиатском регионе, буферной зоной между СССР и Китаем и своеобразным плацдармом для продвижения революционных идей на Восток. Однако отношения СССР и Монголии в 1920-х гг. складывались непросто. Несмотря на то что в условиях сложной геополитической обстановки в Дальневосточном регионе, при территориальных притязаниях Китая и Японии Советская Россия являлась гарантом независимости и безопасности Монголии, советское направление во внешней политике этой страны стало «основным и приоритетным» лишь в после 1937 г.³⁹³ Монгольские партийные и государственные деятели на протяжении 1920-х гг. противостояли идеологическому давлению со стороны СССР, отстаивая национальную специфику дальнейшего развития страны. В 1924 г. обострение межгосударственных отношений было в большой степени связано с негативной реакцией Монголии на подписание Соглашения между СССР и Китаем от 31 мая

³⁹¹ Стенограмма заседания, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 72.

³⁹² Там же. Л. 67.

³⁹³ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. М., 2000.

1924 г. Одним из основных пунктов этого документа являлось определение Внешней Монголии как составной части Китайской Республики и обязательство СССР уважать китайский суверенитет. Советскому правительству потребовалось немало сил, чтобы снять общественное напряжение в Монголии и уверить руководство страны в необходимости именно такого дипломатического шага при неизменности курса СССР на поддержание ее независимости³⁹⁴. Деятельность советских ученых, их помощь в изучении страны и развитии науки в Монголии могла и должна была стать одним из доказательств реальности этой установки.

Что касается судьбы экспедиции П.К. Козлова, то Н.П. Горбунов предложил Комиссии оценить все сделанное ею, и на основании выводов правительство примет решение о ее дальнейшей деятельности³⁹⁵. Управделами правительства также согласился с предложением об устройстве в Монголии специального советского научного центра – органа Академии наук. Он выразил уверенность, что советское правительство, учитывая просьбы монгольского правительства, выделит исследователей и средства для оборудования такого учреждения³⁹⁶.

Вышеизложенное позволяет констатировать: значимость монгольского направления во внешней политике Советской России и просьба Учкома об оказании помощи в развитии научно-исследовательской работы позволили

³⁹⁴ Подробно см.: *Роцин С.К.* Политическая история Монголии 1921–1940 гг. М., 1999. С. 102–112.

³⁹⁵ П.К. Козлову была предоставлена возможность реализовывать свои дальнейшие планы, в которые входило исследование Цайдама (северо-восточная оконечность Тибетского нагорья) и продолжение начатых в 1908–1909 гг. раскопок города Хара-Хото в южной Гоби. См.: *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1023–1926 гг. СПб., 2003; *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 51–74; *Она же.* Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67; *Она же.* Неосуществленная мечта П.К. Козлова [организация экспедиции в Монголию и Тибет в 1927 г.] // Природа. 2003. № 9. С. 52–56.

³⁹⁶ Стенограмма заседания, 31 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 68–67.

Академии наук получить государственный заказ на изучение Монголии, то есть финансирование для одного из международных направлений своей деятельности. Данное правительственное решение свидетельствовало об успешном «встраивании» Академии наук в новые социальные сети³⁹⁷. В этой истории особую роль сыграл С.Ф. Ольденбург. Здесь ярко проявилось его умение отстаивать интересы научного сообщества и вести диалог с властью. С.Ф. Ольденбург сумел использовать внешнеполитический интерес советского правительства к Монголии и просьбы Ученого комитета о помощи и сотрудничестве, чтобы получить в очень непростой экономической ситуации в стране финансирование для проведения изучения Монголии именно академическими учреждениями.

После принципиального одобрения в правительстве плана изучения Монголии С.Ф. Ольденбург приступил к обсуждению организационной формы, в рамках которой проходила бы работа и взаимодействие с Учкомом. С этой целью уже 4 февраля 1925 г. инициативная группа в составе Г.И. Боровки, А.А. Бялыницкого-Бирули, Б.Я. Владимирцова, А.А. Григорьева (1883–1968), В.И. Крыжановского, Л.И. Прасолова, И.П. Рачковского и Л.Я. Штернберга рассмотрела вопрос о создании Института изучения Монголии³⁹⁸. Его проект представил Б.Б. Польшов. Основанием для реализации этой идеи являлось «Положение о русских научных Институтах за границей», утвержденное Общим

³⁹⁷ О проблемах «встраивания» Академии наук в новые государственные структуры сегодня существует обширный массив литературы российских и западных авторов. См., напр., библиографические ссылки: *Колчинский Э.И.* Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества // *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки* / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 440–549.

³⁹⁸ См. также: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006. С. 63–71; *Она же.* Институт по изучению Монголии: наука и политика // *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001* / Отв. ред. В.М. Орел. М.: Диполь-Т 2001. С. 212–215.

собранием АН 4 сентября 1920 г.³⁹⁹ «Положению» предшествовало обсуждение вопроса о создании ряда зарубежных институтов Академии наук, как специальных, в том числе археологических, так и общих, которые охватывали бы в своей деятельности многие отрасли знания. Такие зарубежные академические учреждения, по мнению ученого сообщества, «благодаря международному характеру науки могли бы не только служить непосредственно научным целям, но и явиться надежными звеньями культурного международного общения»⁴⁰⁰.

У Академии наук уже имелся опыт создания подобных институтов. В 1894 г. был организован Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), который успешно проработал двадцать лет, до 1914 г., и также в определенной мере решал проблемы усиления российского влияния, в данном случае – в причерноморских странах⁴⁰¹. С 1914 по 1917 г. в Академии наук прорабатывался вопрос организации научного института для историко-археологического изучения Палестины (Русского археологического института в Иерусалиме) и прилежащих стран. Тогда его реализации помешала революция и Гражданская война. Однако предполагаемый Институт в Монголии имел принципиальное отличие от этих проектов – целью его создания являлось не только проведение российских исследований, но и оказание помощи Ученому комитету в организации собственной научно-исследовательской работы.

Учитывая, что предполагаемый институт будет располагаться в другом государстве, Б.Б. Польшин направил проект положения об Институте⁴⁰² наркомму

³⁹⁹ Протоколы Общих собраний РАН. Пг.: Тип. Академии наук, 1921. (На правах рукописи). С. 70–78. Приложение III к протоколу заседания ОС, 4 сентября 1925 г. «Положение о русских научных институтах за границей» и «Объяснительная записка к проекту Положения».

⁴⁰⁰ *Ольденбург С.Ф.* Работа Российской академии наук за последние три года: 1917–1919 // Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 11.

⁴⁰¹ См.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 245 с.

⁴⁰² Проект основных положений Института изучения Монголии // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 83. Л. 19, 19 об.

иностранных дел Г.В. Чичерину в «надежде получить <...> необходимые указания, поправки и директивы для дальнейшей работы»⁴⁰³. В положении определялись две основные задачи создаваемого учреждения: организация и объединение всех российских научных исследований Монголии и помощь в развитии научной жизни Монгольской республики⁴⁰⁴. Предполагалось, что территориально он должен будет находиться в Улан-Баторе. Однако найти подходящее помещение для размещения оборудования, библиотеки и лаборатории в столице Монголии в 1920-х гг. было практически невозможно – относительно больших каменных или деревянных зданий было крайне мало. Поэтому Б.Б. Польшов предложил временно разместить руководство Института в Ленинграде, что позволило бы на деле поддерживать тесную связь с Академией наук. В Улан-Баторе же пока предлагал найти временное помещение для приезжающих экспедиций⁴⁰⁵. Но в этом случае совершенно менялась сама концепция института, и все сводилось к созданию в Монголии базы для российских экспедиций.

Одновременно с обсуждением проекта Института изучения Монголии шла активная работа по рассмотрению планов экспедиционных работ на полевой сезон 1925 г. Эти вопросы стали основными в повестке дня второго заседания Комиссии по рассмотрению итогов Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, которое состоялось 7 февраля 1925 г. уже в Москве, также под председательством Н.П. Горбунова. На заседании присутствовали академики С.Ф. Ольденбург и А.Е. Ферсман, а также П.К. Козлов, Ю.М. Шокальский, Б.Б. Польшов, представители Наркомпроса (Ф.Н. Петров) и НКВД (Л.Е. Берлин). По результатам обсуждения Комиссия приняла решение в целом одобрить проект

⁴⁰³ Цит. по: Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941. М., 1992. С. 197.

⁴⁰⁴ Проект основных положений Института изучения Монголии // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 83. Л. 19, 19 об.

⁴⁰⁵ Протокол заседания Комиссии, 4 февраля 1925 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 102–105.

организации Института по изучению Монголии, подведомственный Академии наук, и просить НКВД согласовать этот вопрос с монгольской стороной⁴⁰⁶.

Серьезные намерения советского правительства в отношении проекта создания Института подтверждает нота НКВД, направленная 4 марта 1925 г. полпреду Монголии А. Данзану, в которой наряду с выражением благодарности монгольскому правительству за помощь в работе экспедиции П.К. Козлова отмечена целесообразность скорейшей организации в Монголии специального Института для систематического и всестороннего изучения страны и содействия развитию научно-исследовательских учреждений, связанного в научном отношении с Академией наук. «Указанный Институт, – отмечалось в ноте, – соответствуя интересам развития науки и народного хозяйства Монгольской Народной Республики, мог бы способствовать развитию и укреплению культурных связей между СССР и МНР»⁴⁰⁷.

В свою очередь А. Данзан в письме к монгольскому руководству также подчеркнул, что правительство СССР считает важным научное обследование Монголии и рекомендует «для освоения методов и способов разведки и использования природных богатств создать специальный Институт и сотрудничать в этом направлении с Академией наук СССР. Такой Институт послужит делу развития монгольской науки и поддержания научных контактов между Ученым комитетом МНР и Академией наук СССР»⁴⁰⁸.

Поддержка проекта Института РАН в Монголии внешнеполитическим ведомством указывала на его предполагаемую важную роль в системе мер по укреплению влияния Советской России в Монголии.

31 марта 1925 г. на заседании правительства Н.П. Горбунов представил доклад по итогам работы Комиссии СНК по рассмотрению отчетов Монголо-

⁴⁰⁶ Протокол заседания Комиссии, 7 февраля 1925 г. // Архив РГО. Ф. 1–1923. Оп. 1. Д. 9. Л. 105.

⁴⁰⁷ Нота НКВД полпреду Монголии А. Данзану, 4 марта 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 256–257.

⁴⁰⁸ Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 112.

Тибетской экспедиции. Совнарком постановил работу названной Комиссии считать законченной. Для организации «планомерного систематического и всестороннего научного исследования Монголии образовать при СНК СССР постоянную комиссию» под председательством управделами Совнаркома Н.П. Горбунова⁴⁰⁹.

Таким образом, принятое решение еще раз подтвердило, что правительство придавало большое значение работе ученых в системе советско-монгольских отношений в текущий момент.

Этим же постановлением была признана необходимость срочной разработки и издания материалов экспедиции П.К. Козлова. Первые результаты изучения археологических коллекций были опубликованы, вместе с текстами прозвучавших на заседании Комиссии докладов, уже в конце 1925 г.⁴¹⁰

До начала полевого сезона состоялось еще несколько заседаний Комиссии по научному изучению Монголии (далее – Монгольская комиссия). Кроме вопросов по формированию экспедиций на этих же заседаниях (30 мая и 2 июня 1925 г.) было продолжено обсуждение проекта создания Института изучения Монголии. В доработанном Положении институт определялся уже как орган Комиссии СНК СССР, посредством которого будет осуществляться изучение Монголии и содействие организации и развитию научно-исследовательских учреждений Монгольской республики. При этом исследовательские работы советских ученых будут согласовываться «с запросами народного хозяйства и с деятельностью монгольских научно-исследовательских учреждений»⁴¹¹. Кроме того, предполагалось, что институт будет содействовать подготовке национальных научных кадров и оказывать научную и техническую помощь при

⁴⁰⁹ Выписка из протокола заседания СНК СССР, 31 марта 1925 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 195.

⁴¹⁰ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.

⁴¹¹ Протоколы заседания Комиссии, 30 мая 1925 г.; 2 июня 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 144–147.

организации музеев, библиотек, лабораторий и прочих научно-исследовательских учреждений в Монголии⁴¹².

Следующее обсуждение вопроса об организации института состоялось уже осенью 1925 г., после окончания полевых работ и возвращения экспедиций в Ленинград, на заседаниях Комиссии 6 и 10 ноября 1925 г. Но «в связи с выяснившимися настроениями в Монголии» и «ввиду недостатка специалистов для организации Института в полном объеме»⁴¹³ было принято решение: «Считать нецелесообразным организацию в 1925 г. в Урге Института по изучению Монголии»⁴¹⁴ и к обсуждению этого вопроса вернуться через год, в 1926 г.

Что же это за «выяснившиеся настроения» в Монголии? Можно предположить, что после обсуждения Б.Б. Плыновым, Б.Я. Владимирцовым и Г.И. Боровкой, работавшими летом в Монголии, проекта организации Института с руководителями Учкома, обнаружилось серьезное расхождение в понимании целей и задач создания института. Решать проблемы проведения исследований Монголии и подготовки национальных научных кадров монгольской стороне было бы предпочтительнее путем приглашения авторитетных российских ученых для работы на продолжительное время в Учкоме и по планам Учкома. Однако, как оказалось, желающих ехать на долгий срок в Улан-Батор не так просто найти. К осени 1925 г. положение Академии наук в советской государственной структуре значительно укрепилось. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. она была признана высшим научным учреждением страны. В сентябре этого года прошли юбилейные торжества по случаю ее 200-летия. Все это, а также расширение сети научных учреждений и повышение социального статуса ученых

⁴¹² Проект Положения Института изучения Монголии // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 83. Л. 19–19 об.; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 92–94.

⁴¹³ Протокол заседания Комиссии, 10 ноября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 137.

⁴¹⁴ Архив РГО. Ф. 1. Оп. 1–1925. Д. 9. Л. 174 об. Поскольку проект организации Института изучения Монголии так и не был утвержден, то в архивных документах встречаются разночтения в его названии: в некоторых документах он называется Институтом исследования Монголии.

позволило российским исследователям реализовать себя в более комфортных и материально обеспеченных условиях на родине, чем это могло предложить монгольское правительство.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами к обсуждению вопроса об организации Института изучения Монголии больше не возвращались⁴¹⁵. Всю работу по организации исследования Монголии и взаимодействию с Учкомом в дальнейшем осуществляла Монгольская комиссия СНК СССР.

Для координации работы Комиссии с монгольскими коллегами С.Ф. Ольденбург предложил включить в ее состав «временного уполномоченного» от Учкома. В связи с этим была рассмотрена кандидатура В.И. Лисовского. Б.Б. Плынов поддержал выбор непрямого секретаря Академии наук. «Знание языка и непосредственное знание местного населения, необычайно живое отношение к делу экспедиций и прекрасная подготовка – все это делает его особенно желательным кандидатом на должность уполномоченного», – писал он в своем отзыве о В.И. Лисовском⁴¹⁶. Инженер-мелиоратор по образованию, ученик Б.Б. Плынова, В.И. Лисовский работал в Монголии с 1915 г., под руководством российских советников С.А. Козина и П.А. Витте, затем стал сотрудником Ученого комитета, участвовал во многих экспедиционных исследованиях, прекрасно знал страну, ее особенности, государственную систему и национальный менталитет. Он мог бы быть идеальным посредником между Академией наук и Ученым комитетом. Положительный отзыв о нем представил также полпред СССР в Монголии А.Н. Васильев⁴¹⁷. Однако кандидатура В.И. Лисовского не устроила НКВД, о чем

⁴¹⁵ В это же время в Академии наук была создана комиссия по возрождению Русского Археологического института в Константинополе. Подготовленный проект института предусматривал значительное расширение его задач и направлений исследований. Однако он также не был реализован (*Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 142–143).

⁴¹⁶ Записка [Б.Б. Плынова], б/д. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 302.

⁴¹⁷ Там же.

в письме Н.П. Горбунову лично сообщил Г.В. Чичерин. Он писал: «По сведениям полпредства СССР отношение Лисовского к советской власти отрицательное. В связи с этим НКВД решительно возражает против назначения указываемого В.И. Лисовского в качестве штатного представителя Комиссии СНК СССР в Монголии»⁴¹⁸. Поскольку другой кандидатуры, которая устраивала бы и Учком, и Академию наук, и одновременно директивные органы, не нашлось, взаимодействие Монгольской комиссии с Ученым комитетом в 1925–1929 гг. осуществляли непосредственно С.Ф. Ольденбург и Ц.Ж. Жамцарано, в основном через личную переписку⁴¹⁹. Только после 1929 г., когда С.Ф. Ольденбург был отстранен от должности неперменного секретаря Академии наук и председателя Монгольской комиссии, которую он возглавил в 1927 г., а Ц.Ж. Жамцарано был вынужден уйти из руководства Ученого комитета, переписка Монгольской комиссии и Учкома была выделена в отдельное делопроизводство⁴²⁰. Первый официальный представитель Учкома в состав Монгольской комиссии был включен только в 1932 г. Им стал председатель Учкома (тогда уже Комитета наук) А. Амар.

Из вышесказанного следует, что Академия наук была очень заинтересована в монгольском направлении своей международной деятельности, а ученые были готовы учитывать в своих исследовательских проектах просьбы Ученого комитета Монголии. Если говорить о характере сотрудничества, то советские

⁴¹⁸ Письмо Г.В. Чичерина к Н.П. Горбунову, 5 февраля 1926 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.

⁴¹⁹ См., напр.: *Решетов А.М.* О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // *Orient: Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 56–89; *Юсупова Т.И.* (подг. публ., коммент.). Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // *Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук.* Улаанбаатар, 2012. С. 158–165.

⁴²⁰ Материалы по связям с Комитетом наук (Учкомом) МНР // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11; Оп. 1–1930. Д. 16; Оп. 1–1931. Д. 14; Оп. 1–1933. Д. 9; Оп. 1–1934. Д. 8; Оп. 1–1935. Д. 17; Оп. 1–1936. Д. 15; Оп. 1–1937. Д. 14; Оп. 1–1938. Д. 8.

исследователи предпочитали краткосрочные экспедиционные поездки долговременной работе в Учкоме, где еще только начинали складываться необходимые для научной работы условия: библиотека, архив, лаборатории, а научное сообщество было весьма малочисленно.

2.3.2. Деятельность Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии)

Рассмотрены вопросы взаимодействия Академии наук и Ученого комитета по исследованию Монголии. Представлены основные результаты деятельности академических экспедиций, организованных в рамках правительственной Монгольской комиссии.

Постановлением правительства от 31 марта 1925 г. была образована специальная Комиссия СНК СССР для «организации планомерного систематического и всестороннего научного исследования Монголии»⁴²¹. Как указывалось выше, ее председателем стал управделами Совнаркома Н.П. Горбунов, заместителем председателя был назначен академик С.Ф. Ольденбург. В состав Комиссии вошли: академики В.Л. Комаров (ботаник) и Н.Я. Марр (лингвист), профессора Б.А. Владимирцов (монголовед)⁴²², Б.Б. Польшов (почвовед), А.А. Григорьев (географ), путешественник П.К. Козлов, директор Зоологического музея Академии наук А.А. Бялыницкий-Бируля, а также И.П. Рачковский (геолог), В.И. Крыжановский (минералог), С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка (археологи), председатель Географического общества Ю.М. Шокальский и несколько позже, 2 апреля, вторым заместителем председателя был назначен академик А.Е. Ферсман (минералог) и дополнительно

⁴²¹ См.: Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006.

⁴²² Юсупова Т.И. Деятельность Б.Я. Владимирцова в Монгольской комиссии Академии наук // Тезисы Международной конференции «Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века», 6–8 октября 2014 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИВР РАН, 2014. С. 32–33.

в Комиссию включены профессор В.А. Обручев (геолог) и Н.И. Вавилов (ботаник)⁴²³. Таким образом, в состав Комиссии вошли крупнейшие ученые и ведущие специалисты различных отраслей науки, в основном сотрудники академических учреждений, которые имели собственную исследовательскую заинтересованность в работе в Монголии. Такой состав Комиссии позволял проводить действительно всестороннее изучение Монголии.

Учитывая международную направленность ее деятельности, в состав Комиссии были включены представители Наркомата иностранных дел (в Москве – Л.Е. Берлин, в Ленинграде (для оперативных контактов) – Г.И. Вайнштейн). От Главнауки Наркомпроса, которому на тот момент еще подчинялась Академия наук, в Комиссию вошел ее заведующий Ф.Н. Петров; Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения (ВНАВ) при ЦИК СССР представлял председатель ассоциации М.П. Павлович (1871–1927).

Вхождение Комиссии в структуру правительственных учреждений означало, с одной стороны, государственный контроль над ее деятельностью, а с другой – давало определенные преимущества в получении финансирования.

Надо отметить, что руководство работой Комиссии со стороны Н.П. Горбунова не было формальным. Он был в курсе всех ее проблем и оперативно их решал, несмотря на то что заседания Комиссии, как правило, проходили в Ленинграде⁴²⁴, где проживало большинство ее членов. Ежеженедельно Н.П. Горбунову высылались справки о работе Комиссии. В случаях, когда рассматриваемые вопросы требовали непосредственного участия Н.П. Горбунова, заседания проходили в Москве, в его кабинете. Планирование научной работы Н.П. Горбунов полностью доверял своим заместителям С.Ф. Ольденбургу и А.Е. Ферсману. Сам он решал финансовые и организационные проблемы, координировал деятельность Комиссии с НКВД, регулировал кадровые вопросы.

⁴²³ Выписка из протокола заседания СНК СССР, 2 апреля 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 6.

⁴²⁴ Заседания Комиссии в Ленинграде проходили в кабинете С.Ф. Ольденбурга, в здании Академии наук (Университетская наб., 5).

После официального утверждения Монгольская комиссия⁴²⁵ срочно приступила к формированию плана экспедиционных исследований на полевой сезон 1925 г., отложив даже разработку Положения о Комиссии.

Заинтересованность Академии наук в изучении Монголии и ее готовность незамедлительно начать эту работу подтверждает письмо С.Ф. Ольденбурга к Н.П. Горбунову от 16 апреля 1925 г., в котором он интересовался финансированием этих работ. Непременный секретарь Академии наук обращал еще раз внимание Н.П. Горбунова на то, что вопрос о начале работ «живо интересует как монголов, так и наши учреждения, собирающиеся принять участие в этих исследованиях <...>. Запрашивает и Жамцарано». Складывающаяся ситуация, замечает С.Ф. Ольденбург, «указывает на необходимость возможно скорее осуществить намеченное важное предприятие, чтобы использовать имеющиеся у нас научные силы и наблюдающийся теперь интерес к этому делу»⁴²⁶.

Формирование плана проходило на заседаниях Комиссии 30 мая и 2 июня 1925 г. В первую очередь были утверждены уже согласованные с Учком почвенные и минералогические исследования, представленные Б.Б. Полиновым и В.И. Крыжановским. Как уже указывалось, Учком брал на себя частичное

⁴²⁵ В конце 1925 – начале 1926 г. официальное название Монгольской комиссии изменилось: в связи с просьбами Танну-Тувинской Народной Республики и Бурят-Монгольской АССР предполагалось, что Комиссия начнет и их изучение, поэтому она стала называться Комиссией по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Однако работа Комиссии ограничилась только Монголией (за исключением приграничной зоны с Танну-Тувой, где частично работала одна из геологических партий в 1927–1929 гг. и археологический отряд в 1926–1927 и 1929 гг.). И хотя официально вновь Комиссия стала называться просто «Монгольской», или сокращенно МОНК, по Положению о Комиссии в 1928 г., в работе мы будем использовать это название на всем протяжении ее деятельности, как наиболее полно отражающее территориальное направление ее работы и стоящие перед ней задачи.

⁴²⁶ Письмо С.Ф. Ольденбурга к Н.П. Горбунову, 16 апреля 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 87. (копия: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 210).

финансирование этих работ. В обосновании своего проекта Б.Б. Польшов обратил внимание на практическую значимость предлагаемых работ для Монголии в связи «с задачами по развитию хлебопашества, луговодства, общей мелиорацией и искусственным орошением засушливых районов», а также для подготовки по просьбе монгольского правительства почвенной карты страны⁴²⁷.

Не вызывала сомнений необходимость геологических (И.П. Рачковский) и геохимических (Б.М. Куплетский (1894–1965)) работ для выяснения минеральных ресурсов Монголии⁴²⁸. И.П. Рачковский указал в своей заявке, что продолжение исследования геологического строения Западной Монголии даст возможность лучше понять характер и возраст гранитных интрузий, с которыми связаны рудные месторождения, и верхнепалеозойских отложений, содержащих каменные угли. Геохимический отряд Б.М. Куплетского предполагал изучить рудные месторождения (медь и свинец) и выяснить возможность добычи вольфрамитов и оловянного камня в пегматитах гор бассейна реки Керулен, а также графита и драгоценных камней.

Одновременно с этим были рассмотрены проекты археологических (Г.И. Боровка), этнографических (Л.Я. Штернберг), этнолого-лингвистических (Б.Я. Владимирцов) и географо-экономических (А.А. Григорьев) работ.

Однако эти планы пришлось подкорректировать в связи с тем, что Наркомфин выделил на изучение Монголии меньше средств, чем планировалось. «Совершенная недостаточность», по словам заместителя Наркомфина Н.П. Брюханова, резервного фонда Совнаркома, из которого шло финансирование Монгольской комиссии, не позволяла полностью осуществить намеченные на 1925 г. работы⁴²⁹. В связи с этим этнографические и географо-экономические исследования перенесли на следующий год. Впрочем, эти направления работ в Монголии и в будущем, по разным причинам, так и не вошли в планы Комиссии.

⁴²⁷ Протокол заседания Комиссии 30 мая 1925 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 24. Л. 54.

⁴²⁸ Там же. Л. 55.

⁴²⁹ Письмо Н.П. Брюханова к Н.П. Горбунову, май 1925 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 24. Л. 44.

В итоге Комиссия сформировала на текущий полевой сезон в Монголии пять экспедиционных отрядов: этнолого-лингвистический (руководитель Б.Я. Владимирцов, Азиатский музей АН, с участием Б. Бамбаева – студента ЛИЖВЯ); археологический (руководитель Г.И. Боровка, представитель АИМК и Государственного Эрмитажа); геохимический (руководитель Б.М. Куплетский⁴³⁰, Минералогический музей АН, с участием геохимиков Е.Е. Лабунцовой-Костылевой (1894–1975), Отдел нерудных ископаемых и драгоценного камня КЕПС, и Н.М. Прокопенко, Белорусский сельскохозяйственный институт); геологический (руководитель З.А. Лебедева, Геологический музей АН); почвенно-географический (руководитель Б.Б. Польшов, Почвенный институт АН, с участием ботаника-географа, сотрудника Ботанического сада И.М. Крашенинникова (1884–1947) и почвоведом Н.Н. Лебедева (1895–1942)).

Подготовительный этап показал, что, действительно, в 1925 г. в академических учреждениях были и научные силы, и большая заинтересованность в проведении экспедиционных исследований в Монголии. Однако С.Ф. Ольденбургу как научному руководителю Монгольской комиссии приходилось напоминать советским ученым, что планирование работ должно проходить с соблюдением интересов монгольской стороны, по предварительной договоренности с ними. В связи с этим он, например, был, категорически против представленного Л.Я. Штернбергом проекта демографических исследований, внесенного на рассмотрение Комиссии без согласования с Учкомом. Поскольку включение в план экспедиций этих работ без учета мнения Учкома может привести, как полагал С.Ф. Ольденбург, к политическим осложнениям⁴³¹.

Следует особо подчеркнуть, что отношение к сотрудничеству с монгольским Ученым комитетом отражало в целом взгляд С.Ф. Ольденбурга на характер взаимодействия России со странами Востока, уважительный,

⁴³⁰ Куплетский Б.М. По Северной Монголии // Природа. 1925. № 10–12. С. 62–71.

⁴³¹ Протокол заседания Монгольской комиссии, 2 июня 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 147.

основанный на научном знании и искреннем желании оказать помощь в развитии национальных научных институтов.

Формирование экспедиций 1925 г., как видно из вышеизложенного, было проведено очень оперативно, финансирование также пришло вовремя, и в июне–июле 1925 г. экспедиции Монгольской комиссии выехали в Монголию. Кроме геологического отряда З.А. Лебедевой, все остальные прибыли в Улан-Батор, где встретились с Ц.Ж. Жамцарано, чтобы получить официальное разрешение на работу и окончательно согласовать свои планы с Учкомом. В археологический и почвенно-географический отряды были включены сотрудники Учкома, которые выполняли его задания (их работу оплачивала монгольская сторона) и одновременно помогали российским ученым в качестве переводчиков или проводников. Так, с археологическим отрядом Г.И. Боровки работал Эрдем-Баир; в почвенно-географическом отряде Б.Б. Плынова – сотрудники Учкома топограф Ф.М. Большаков и препаратор-ботаник Б.М. Заматкинов. Их работа была отражена в соответствующих отчетах руководителей отрядов.

В Улан-Баторе руководители отрядов подписали с Ученым комитетом договор о порядке работ в Монголии. В нем были указаны районы исследований и обязательства советских ученых соблюдать закон «Об охране памятников старины» от 5 сентября 1924 г., который регламентировал условия изучения исторических памятников Монголии и вывоз собранных коллекций. (О содержании договоров между Академией наук и Учкомом см. § 3.2).

Работа отрядов была рассчитана на два–четыре месяца и к началу октября все исследователи вернулись в Ленинград. Отчеты о работе были рассмотрены на заседании Монгольской комиссии 10 ноября 1925 г. Руководители экспедиционных отрядов отметили большую помощь и содействие, оказанное Учкомом, особенно О. Жамьяном, Ц.Ж. Жамцарано и В.И. Лисовским, в оформлении необходимых для работы документов и в решении организационных вопросов. В свою очередь, в соответствии с подписанным договором, советские ученые предоставили Учкому предварительные отчеты о работе и часть собранных отрядами коллекций горных пород, минералов, почв, растений.

В задачу данной диссертационной работы не входит анализ научных результатов проведенных исследований, отметим только, что все они были опубликованы в изданиях Монгольской комиссии, которые затем также были переданы в Ученый комитет⁴³². В этих публикациях указано, какие работы были сделаны по просьбе Учкома и кто из его сотрудников принимал участие в исследованиях. Б.М. Куплетский отмечал также «деятельное участие» Учкома в снаряжении его экспедиции. В частности, Учком взял на себя расходы по приобретению средств передвижения для одного из отрядов его экспедиции (геолого-минералогического)⁴³³.

Особенный интерес в Учкоме вызывали работы этнолого-лингвистического отряда, тематика которого была наиболее близка председателю и ученому секретарю монгольского учреждения. Б.Я. Владимирцов проводил изучение говоров Улан-Батора и его окрестностей, собирал лингвистический и фольклорный материал, знакомился с собранием монгольских рукописей и книг Учкома. Кроме того, по предложению Ц.Ж. Жамцарано он вместе с наркомом просвещения БМ АССР Б.Б. Барадийном провел обследование местностей,

⁴³² *Боровка Г.И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88. (Северная Монголия. Т. II); *Владимирцов Б.Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Там же. С. 1–42; *Лебедева З.А.* Геологические исследования восточной окраины Харкиринского массива Северо-Западной Монголии // Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 7–30. (Северная Монголия. Т. I); *Куплетский Б.М.* К геологии Восточной Монголии // Там же. С. 32–50; *Костылева Е.Е., Прокопенко Н.М.* Пегматитовые жилы Приургинского района Северной Монголии. Там же. С. 51–84; *Полынов Б.Б., Крашенинников И.М.* Физико-географические и почвенно-ботанические исследования в области реки Убер-Джаргалантэ и верховьев Ара-Джаргалантэ // Там же. С. 85–160.

⁴³³ *Куплетский Б.М.* По Северной Монголии // Природа. 1925. № 10–12. С. 62.

связанных, как указано в его отчете, с возникновением «монгольской державы в XII в.»⁴³⁴.

На последнем заседании Монгольской комиссии в 1925 г. были расширены направления оказания помощи Ученому комитету: Монгольская комиссия поддержала предложения НКИД «Об усилении обмена Академии наук и других научных учреждений СССР с Ученым комитетом Монголии современными научными изданиями и ранее изданной литературой по Монголии, научными коллекциями и отдельными экспонатами, которые могут быть выделены из музеев, библиотек и архивов СССР» и «Об использовании прибывающих в Монголию ученых и научных работников из СССР для устройства ряда лекций в Монгольском народном университете по организации научной работы»⁴³⁵.

Итоги первого года работы академических экспедиций и их взаимодействие с Ученым комитетом были учтены при разработке Положения о Монгольской комиссии⁴³⁶. Прежде всего Положение определило основной принцип выстраивания деятельности комиссии: обязательное согласование планов с запросами Ученого комитета и потребностями народного хозяйства Монголии. В качестве основных задач выделялись:

⁴³⁴ Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Л., 1927. С. 1. (Северная Монголия. Т. II).

⁴³⁵ По воспоминаниям Ю.Н. Рериха, Народный университет, по-монгольски *Аютин-сургал*, был задуман для подготовки учителей и будущих государственных служащих. «Его программа, – писал Ю.Н. Рерих, – не очень обширна и в лучшем случае соответствует средней школе и двум годам колледжа» (Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 132–133). Работу Народного университета отметил и Г.Ц. Цыбиков во время пребывания в Учкоме в 1927 г. (Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1991. С. 124).

⁴³⁶ Положение о Комиссии // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 141. Как мы уже отмечали, к этому времени в круг работ Монгольской комиссии была включена Танну-Тувинская Народная Республика, поэтому в Положении она также упоминается. Поскольку работы по ее изучению так и не начались, мы не упоминаем ее в анализе этого документа.

– систематическое и всестороннее научное изучение Монгольской Народной Республики;

– содействие развитию ее научно-исследовательских учреждений.

Для решения указанных задач Комиссии полагалось снаряжать экспедиционные отряды для научных исследований Монголии; содействовать подготовке к самостоятельным научным исследованиям граждан Монголии; оказывать научную и техническую помощь Учкому при организации музеев, библиотек, лабораторий и прочих научно-исследовательских учреждений в Монголии; издавать труды и отчеты по исследованию Монголии.

Отметим, что все целевые установки этого Положения выполнялись на всем протяжении деятельности Монгольской комиссии и после ее вхождения в 1927 г. в структуру АН СССР. В целом именно они определяли в дальнейшем характер сотрудничества Академии наук и Ученого комитета (Комитета наук) Монголии.

Планирование работ на 1926 г. показало, что число учреждений, заинтересованных в работах на территории Монголии, увеличилось. В Монгольскую комиссию поступили заявки от Геологического и Минералогического музеев, Почвенного института, Азиатского музея, от Ботанического и Зоологического музеев АН, Государственного Эрмитажа и Русского музея. Как и в прошлом году, в первую очередь были утверждены работы, о продолжении которых просил Учком: археологические (Г.И. Боровка), геохимические (Б.М. Куплетский), гидрохимические (В.А. Смирнов), геологические (З.А. Лебедева, М.Ф. Нейбург), почвенно-географические (Б.Б. Польшин), этнолого-лингвистические (Б.Я. Владимирцов и Н.Н. Поппе). Кроме того были намечены новые направления: ботанические (Н.В. Павлов) и зоологические (А.Н. Кириченко, А.Я. Тугаринов, А.Н. Формозов (1899–1973) исследования. Руководители отрядов руководствовались Положением о Монгольской комиссии и включали в число своих задач выполнение просьб Учкома, а в экспедиционные отряды – его сотрудников.

Перед началом полевого сезона 1926 г. был также подписан договор с Ученым комитетом об условиях проведения работ в Монголии. В новом договоре

были более детально, чем в договоре 1925 г., прописаны обязательства советских экспедиций перед ученым Комитетом⁴³⁷. Этот договор от имени Комиссии 5 июля 1926 г. в Улан-Баторе подписали «три Бориса» – Борис Яковлевич Владимирцов, Борис Михайлович Куплетский и Борис Борисович Полынов.

Отчеты руководителей экспедиционных отрядов были заслушаны на заседании Монгольской комиссии 4 ноября 1926 г., которое проходило в Москве. Большая часть отчетов была опубликована в двух первых выпусках сборника «Северная Монголия» – серийного издания Комиссии. Отчет почвенного отряда явился совместной публикацией Б.Б. Полынова и В.И. Лисовского, который, как сотрудник Учкома, участвовал в работе экспедиционного отряда Б.Б. Полынова⁴³⁸.

Как уже отмечалось, руководителям Учкома, О. Жамьяну и Ц.Ж. Жамцарано, были в научном плане близки работы российских монголоведов и археологов. Результаты их исследований имели большое значение для сохранения и развития памятников монгольской истории и культуры и национальных языков. Ц.Ж. Жамцарано, сам блестящий ученый-монголовед, придавал этим работам важное культурологическое значение. В 1926, 1927 и 1929 гг. работы этнолого-лингвистического направления возглавлял ставший впоследствии одним из авторитетнейших монголоведов Н.Н. Поппе. В 1926 г. он совершил поездку по долине р. Орхон с заездом на развалины Цаган-байши на р. Тола и вместе со вторым участником отряда – бурятом Б.Б. Бамбаевым⁴³⁹,

⁴³⁷ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 127–129.

⁴³⁸ *Полынов Б.Б., Лисовский В.И.* Рекогносцировочные исследования в области Северной Гоби // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1930. С. 3–74. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 9).

⁴³⁹ *Поппе Н.Н.* Отчет о поездке в Орхон летом 1926 года. // Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 1–25. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-

студентом ЛИЖВЯ, позже – сотрудником Учкома, изучал рукописи в еще действующих ламаистских монастырях и наскальные надписи⁴⁴⁰. В 1927 г. этнолого-лингвистический отряд состоял уже из четырех человек: Н.Н. Поппе, В.А. Казакевич, Г.Д. Санжеев (1902–1982) и Б.Б. Бамбаев, каждый из которых работал по собственной программе⁴⁴¹. В 1929 г. в рамках Монгольской комиссии в Монголию приехал только Н.Н. Поппе для продолжения изучения монгольских языков⁴⁴².

Г.И. Боровка по просьбе Учкома раскопал еще одно погребение в горах Ноин-Улы, где в 1924–1925 гг. работала экспедиция П.К. Козлова. Как он сообщил в телеграмме А.Е. Ферсману, «результаты скромные, но не без интереса. Разъяснения некоторых находок Козлова»⁴⁴³. К сожалению, Г.И. Боровка так и не подготовил свой отчет для публикации.

В работах естественнонаучного направления были также учтены просьбы Учкома. Так, по результатам работы Б.М. Куплетского в Восточной Монголии была составлена геологическая карта и охарактеризованы геологические

Монгольской АССР. Вып. 4); *Бамбаев Б.Б.* Отчет о командировке в Монголию летом 1926 // Там же. С. 27–74.

⁴⁴⁰ Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 74 с. (Северная Монголия. Т. II); *Алпатов В.М.* Николай-Николаас Поппе. М., 1996. С. 27–28.

⁴⁴¹ *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 174 с. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6); *Казакевич В.А.* I. Намогильные статуи в Даринганге. II. Поездка в Дарингангу. Л., 1930. (Там же. Вып. 5); *Санжеев Г.Д.* Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л., 1930. (Там же. Вып. 10); *Он же.* Дархатский говор и фольклор. Л., 1931. (Там же. Вып. 15).

⁴⁴² *Поппе Н.Н.* Материалы по солонскому языку. Л., 1931. (Там же. Вып. 14).

⁴⁴³ Телеграмма Г.И. Боровки А.Е. Ферсману, 4 ноября 1926 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 58. Л. 59.

отложения по маршруту следования⁴⁴⁴. Работы ботанического отряда академик В.Л. Комаров характеризовал как имеющие высокое значение для хозяйственной классификации растительных угодий Хангая⁴⁴⁵.

С 1926 г. начинаются активные зоологические исследования в Монголии. В составлении их программы принимали участие академик П.П. Сушкин и директор Зоологического музея А.А. Бялыницкий-Бируля. В 1926 г. зоологический отряд работал в центральной и северо-западной части Монголии. А.Н. Кириченко производил энтомологические наблюдения и сборы, А.Н. Формозов⁴⁴⁶ занимался изучением преимущественно млекопитающих, А.Я. Тугаринов – орнитологическими наблюдениями. Деятельность этого отряда дала богатый зоогеографический материал района работ⁴⁴⁷.

После окончания работ экспедиций Ц.Ж. Жамцарано выразил С.Ф. Ольденбургу свое удовлетворение от сотрудничества с Академией наук в текущем году. Он писал учителю: «В отношении внимания к нашему учреждению со стороны членов экспедиции [Монгольской комиссии] можно сказать одно: таких только и посылать нам!»⁴⁴⁸. Несомненно, Ц.Ж. Жамцарано имел в виду, что сотрудничество с Академией наук должно носить взаимовыгодный характер. В обмен на возможность работать на территории Монголии советские ученые

⁴⁴⁴ *Куплетский Б.М.* Предварительный отчет геологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1).

⁴⁴⁵ Предварительный отчет Ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. Л., 1929. С. 2. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 2).

⁴⁴⁶ *Формозов А.Н.* В Монголии. Очерк путешествия зоологического отряда Монгольской экспедиции АН СССР. М.; Л.: Госиздат, 1928. 151 с.

⁴⁴⁷ Предварительный отчет Зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. Л., 1929. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 3).

⁴⁴⁸ Письмо от 12 сентября 1926 г. // *Решетов А.М.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 78.

предоставили Учкому свои отчеты, собранные коллекции, выполнили его исследовательские просьбы, обучили молодых монгольских сотрудников навыкам ведения полевых работ.

Обсуждая планы следующего года, Ц.Ж. Жамцарано просил продолжить в первую очередь геохимические и почвенные работы, тесно связанные с решением ряда актуальных хозяйственных проблем, поставленных монгольским правительством перед Учкомом. Кроме того, Учкому для постоянной работы требовался «серьезный, спокойный геолог-палеонтолог». Учитывая, что желающих приехать на продолжительное время в Улан-Батор не находилось, Ц.Ж. Жамцарано предлагал специалистам приехать, поработать, а потом «направлять и руководить из Ленинграда». Самое главное, подчеркивал он, важна «работа для Учкома», но не обязательно при Учкоме⁴⁴⁹.

На уже упомянутом заседании Монгольской комиссии 4 ноября 1926 г. решали еще один важный вопрос – где будут публиковаться материалы о работах в Монголии. При рассмотрении этого вопроса была учтена рекомендация Отдела Востока НКВД: не включать результаты работ экспедиций в Монголии в Осведомительный бюллетень ОКИСАР⁴⁵⁰. В этом издании помещалась краткая

⁴⁴⁹ Письмо от 12 сентября 1926 г. // *Решетов А.М.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 78.

⁴⁵⁰ Начиная с 1925 г. Академия наук начала выполнять региональные заказы по изучению союзных и автономных республик, пример которым подавала Якутская АССР, первой обратившаяся к Академии наук с просьбой оказать помощь в исследовании республики. Реакцией на этот социальный заказ стало создание специальных академических комиссий по организации изучения того или иного региона. К 1927 г. в системе АН работали: Комиссия по изучению Якутской АССР, Комиссия по изучению Казахской АССР, Комиссия по изучению Среднеазиатских республик, Комиссия по изучению Закавказской СФСР, Северная комиссия, Комиссия по изучению Чувашской АССР, Комиссия по изучению Башкирской АССР. Для координации работы этих комиссий в начале 1926 г. в Академии наук был создан Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР), председателем которого был избран академик А.Е. Ферсман. Осведомительный бюллетень ОКИСАР выходил на правах рукописи с 30 июля 1926 по конец 1928 г. См.: *Юсупова Т.И.* Организация

информация по исследованию республик СССР. Наркоминдел опасался, что появление материалов о Монголии может повлечь за собой «некоторые неверные выводы и толкования» о Монголии как одной «из наших союзных республик»⁴⁵¹. Интерес к работам Академии наук в Монголии проявляло и международное научное сообщество. Так, в частности, в июле 1926 г. С.Ф. Ольденбург писал Н.П. Горбунову, что члены Баварской академии подробно расспрашивали его «о наших монгольских экспедициях, которые вызывают здесь живейший интерес»⁴⁵². В связи с этими обстоятельствами НКВД считал желательным издание отдельного бюллетеня Монгольской комиссии, но при условии предварительного ознакомления его с содержанием выпускаемого сборника⁴⁵³. Указание об этом было официально направлено в Секретариат Академии наук⁴⁵⁴.

Монгольская комиссия СНК СССР приняла решение издавать специальные сборники для публикации отчетных материалов экспедиционных отрядов – «Северная Монголия». Весьма оперативно были подготовлены два выпуска, выход которых был датирован 1926 г. Они содержали результаты работы в Монголии в 1925 г. В третьем выпуске был опубликован краткий отчет П.К. Козлова о деятельности его Монголо-Тибетской экспедиции в 1925–1926 гг. Он был опубликован в 1928 г.⁴⁵⁵ Отчеты о работе экспедиций в 1926 г. были изданы уже в серийных изданиях Монгольской комиссии Академии наук: «Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР» (Вып. 1–15, 1929–1931) и

экспедиционной деятельности в Академии наук: 1921–1930 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 92–104.

⁴⁵¹ Протокол заседания Комиссии // 4 ноября 1926 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 154.

⁴⁵² Цит. по: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., 2001. С. 339.

⁴⁵³ Протокол заседания, 4 ноября 1926 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 36. Л. 154.

⁴⁵⁴ Письмо из НКВД СССР в АН СССР // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 100.

⁴⁵⁵ *Козлов П.К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного русского географического общества 1923–1926 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. 47 с. (Северная Монголия. Т. III).

«Труды Монгольской комиссии АН» (Вып. 1–69, 1932–1957). Решение об открытой публикации результатов исследования Монголии, на наш взгляд, имело очень большое значение для систематизации и развития знаний о Монголии по изучаемым научным направлениям.

Таким образом, интерес советских академических учреждений, сформированный еще к началу XX в., к Монголии, желание Учкома сотрудничать с Академией наук, сложившаяся политическая конъюнктура в советско-монгольских отношениях способствовали созданию правительственной структуры по организации изучения Монголии – Монгольской комиссии СНК СССР, которая осуществляла взаимодействие Академии наук с Ученым комитетом. Работу академических экспедиций регламентировал договор с Учкомом, в котором были определены условия их проведения и порядок вывоза собранных коллекций. Основной формой сотрудничества Академии наук и Учкома являлось проведение экспедиционных исследований, планы которых формировались с учетом пожеланий монгольской стороны. Такой характер взаимодействия стал основным на протяжении 1920-х гг. – начала 1930-х гг. В обсуждении основных направлений и характера сотрудничества определяющее значение имели личные, неформальные контакты С.Ф. Ольденбурга и Ц.Ж. Жамцарано. Непосредственный патронаж академических работ в Монголии осуществлял управделами СНК СССР Н.П. Горбунов.

Итоги первых двух лет сотрудничества Академии наук и Ученого комитета были позитивно оценены и монгольской стороной, и российскими исследователями. В этом сотрудничестве присутствовала прежде всего взаимная заинтересованность, что сказывалось на согласованности в организации и проведении работ и выполнении взаимных обязательств.

Глава 3. Монгольская комиссия АН СССР как координатор советско-монгольского научного сотрудничества (1927–1945)

В главе рассматривается советско-монгольское сотрудничество в рамках Монгольской комиссии АН СССР; анализируются условия и особенности ее работы как академического учреждения, нормативно-правовая база, причины прекращения экспедиционных исследований в 1934 г.; научное взаимодействие в годы Великой Отечественной войны. Прослеживается влияние на деятельность Монгольской комиссии и на советско-монгольское сотрудничество государственного регулирования и советизации Академии наук.

§ 3.1. «Встраивание» Комиссии по научному исследованию Монголии в структуру Академии наук СССР

В параграфе показаны причины перевода Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии) из системы Совнаркома СССР в Академию наук СССР, ее место в академической структуре, особенности функционирования; рассматривается характер, основные направления и результаты сотрудничества с Ученым комитетом в первые годы функционирования Комиссии как академического учреждения.

За два года деятельности Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии) при СНК СССР (март 1925 – конец 1926) руководство Академии наук и Ученого комитета отработали порядок взаимодействия по организации исследования Монголии. Правительственное курирование этой работы позволяло достаточно быстро решать сложные организационные и финансовые вопросы деятельности Комиссии.

Однако за время работы Комиссии произошло изменение названия Академии наук и ее ведомственного подчинения. Как известно, в июле 1925 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР Российская академия наук была преобразована в Академию наук СССР и переведена из Наркомпроса РСФСР в ведение СНК СССР⁴⁵⁶. В связи с этим необходимость обособлять Монгольскую комиссию, в работе которой принимали участие академические сотрудники, от других структур Академии наук отпала. Постановлением правительства от 15 января 1927 г. Комиссия СНК СССР по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР (Монгольская комиссия) была упразднена. В дальнейшем организацию исследования Монголии поручалось взять на себя Академии наук, однако при обязательном согласовании работ с НКВД СССР и управляющим делами Совнаркома. Судя по последовавшему за постановлением Совнаркома письму С.Ф. Ольденбурга к Н.П. Горбунову, решение о прекращении деятельности правительственной Комиссии и указание об организации учреждения для изучения Монголии в структуре Академии наук было несколько неожиданным для него и даже вызвало некоторую негативную реакцию. С.Ф. Ольденбург опасался, что теперь выполнение этого явно политизированного государственного заказа в рамках Академии наук потребует преимущественного выделения финансирования из общей сметы всей ее международной и экспедиционной деятельности. Пытаясь сохранить Монгольскую комиссию в составе Совнаркома, он объяснял Н.П. Горбунову, что Монгольская комиссия в Академии наук не сможет работать «как особое подразделение, каковым она по существу и являлась». Комиссии придется осуществлять свою деятельность «на тех же основаниях, как и прочие постоянные комиссии»⁴⁵⁷. Без непосредственного правительственного патронажа она вряд ли сможет успешно решать стоящие

⁴⁵⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. М.: Управделами СНК СССР, 1925. № 48. С. 351.

⁴⁵⁷ Письмо С.Ф. Ольденбурга в ОНУ СНК СССР, 21 марта 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 73. Л. 89.

перед ней задачи. Однако правительство не изменило своего решения. С 1927 г. Монгольская комиссия стала работать в структуре Академии наук, где она функционировала до 1953 г., осуществляя организацию работы российских ученых в Монголии и взаимодействие с Ученым комитетом / Комитетом наук МНР.

Положение о Монгольской комиссии в качестве академической структуры, и ее состав были утверждены Общим собранием Академии наук 7 мая 1927 г.⁴⁵⁸ В Положении указывалось, что все работы Комиссия проводит по плану, согласованному с управделами СНК СССР, НКВД и утвержденному Комиссией СНК СССР по содействию делам Академии наук, в полном контакте с Ученым комитетом МНР⁴⁵⁹. Ее финансирование определялось в рамках общего финансирования Академии наук.

Проект Положения о Комиссии до рассмотрения Общим собранием был направлен на согласование в отдел Дальнего Востока НКВД. В целом одобряв проект, внешнеполитическое ведомство дополнило его требованием осуществлять взаимодействие с Учкомом под его контролем⁴⁶⁰. Комиссариат иностранных дел считал необходимым в условиях еще острой внутривосточной борьбы в Монголии контролировать сотрудничество Академии наук с Ученым комитетом. Руководители советской дипломатической миссии в Монголии постоянно информировали Наркоминдел (с 1946 г. – Министерство иностранных дел) СССР о пребывании в стране советских ученых, характере и результатах производимых ими работ, уведомляли о мнении руководства МНР о сотрудничестве Комитета наук (Ученого комитета) с Академией наук СССР и пожеланиях монгольской стороны о развитии совместной работы. При этом прямого вмешательства в деятельность советских исследователей со стороны НКВД, как свидетельствуют архивные документы, до 1930 г. не происходило.

⁴⁵⁸ Общее собрание АН СССР, 7 мая 1927 г., § 141 // Протоколы Общих собраний АН СССР. 1925–1928 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1928 (на правах рукописи). С. 169.

⁴⁵⁹ Положение о Монгольской комиссии АН СССР // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 30.

⁴⁶⁰ Письмо Отдела Востока НКВД, 3 мая 1927 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 35.

Председателем Монгольской комиссии АН СССР стал академик С.Ф. Ольденбург, его заместителем – академик А.Е. Ферсман (с сентября 1927 г. – академик П.П. Сушкин), ученым секретарем – старший ученый хранитель Минералогического музея В.И. Крыжановский. В состав Комиссии вошли академики В.В. Бартольд (востоковед), В.Л. Комаров (ботаник), Н.Я. Марр (филолог), П.П. Сушкин (зоолог), старший ученый хранитель Эрмитажа Г.И. Боровка (археолог), проф. Б.Я. Владимирцов (монголовед), член-корреспондент АН В.А. Обручев (геолог), проф. Б.Б. Полынов (почвовед), старший ученый хранитель Геологического музея И.П. Рачковский (геолог), проф. С.И. Руденко (археолог), проф. С.А. Теплоухов (археолог), председатель РГО, проф. Ю.М. Шокальский, почетный член РГО П.К. Козлов, а также управделами СНК СССР Н.П. Горбунов, заведующий Главнаукой Наркомпроса Ф.Н. Петров и представители НКВД и ВНАВ⁴⁶¹. Вхождение в состав Монгольской комиссии представителей НКВД и Главнауки РСФСР должно было обеспечить согласованность ее работ с основными «заинтересованными ведомствами».

В структуре Академии наук в 1927 г. Монгольская комиссия работала, как сказано в академическом отчете, «в непосредственной связи», но на «особых основаниях» с Особым комитетом по исследованию союзных республик (ОКИСАР)⁴⁶². «Особые основания» были связаны с зарубежным направлением ее деятельности, так как в состав ОКИСАР входили комиссии по изучению республик Советского Союза: Якутской АССР, Казахской АССР, Средне-Азиатских республик, Закавказской СФСР, Чувашской АССР, Бурят-Монгольской АССР, Башкирской АССР, Северная комиссия и ряд других.

В 1928 г. ОКИСАР был реорганизован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ), в состав которой вошла и Монгольская комиссия.

В 1930 г. произошли очередные изменения в структуре Академии наук. Для координации работ по изучению и освоению природных ресурсов страны был

⁴⁶¹ Список членов Монгольской комиссии // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 176. Л. 84.

⁴⁶² Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. Ч. I. Общий отчет. Л., 1928. С. XV, 236.

организован Совет по изучению производительных сил СССР (СОПС), куда была включена КЭИ. Поскольку объектом исследования СОПС являлась только территории СССР, Монгольская комиссия не вошла в его состав и была из КЭИ переведена в непосредственное подчинение Общему собранию АН, где она находилась до 1941 г., с небольшим перерывом в 1934–1936 гг., когда она работала при Отделении математических и естественных наук. С 1941 по 1946 г. МОНК считалась комиссией при Президиуме АН, а в последние годы, с 1946 по 1953 г., Монгольская комиссия находилась при Отделении геолого-географических наук.

Обсуждение направлений сотрудничества Монгольской комиссии с Учкомом проходило во время пребывания командированных Комиссией российских ученых в Монголии и, по-прежнему, в личной переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и другими учеными, которые были заинтересованы в работе в Монголии. Окончательные решения по формированию планов на текущий полевой сезон принимались на заседаниях Комиссии и затем согласовывались с Отделом Востока НКВД.

В Положении 1927 г. о Монгольской комиссии АН указывалось: основной задачей ее деятельности является «содействие путем всестороннего научного исследования развитию и укреплению народного хозяйства Монгольской Народной Республики»⁴⁶³. К своей деятельности Комиссия должна была привлекать местные научные силы и готовить их к самостоятельной работе, а также участвовать в организации и развитии местных научных учреждений: музеев, краеведческих организаций, библиотек и др.

Как видим, при переходе Монгольской комиссии в состав Академии наук произошло изменение целевой установки исследовательской деятельности советских ученых в Монголии: от задачи «закрепления нашего [советского] политического влияния» (в 1925 г.), к содействию в развитии народного хозяйства

⁴⁶³ Положение о Монгольской комиссии, май 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 36. Л. 56.

(в 1927 г.). Причем оказание помощи рассматривалось советским правительством и научным сообществом как своего рода долг СССР – «ближайшего соседа Монголии, располагающего необходимыми для такого изучения силами и средствами»⁴⁶⁴.

Рассмотрим, как строилось работа Монгольской комиссии в структуре Академии наук. В соответствии с Положением, как было указано выше, ее основными задачами являлись: проведение научного исследования Монголии путем организации экспедиционных отрядов по планам, согласованным с Учкомом; обработка привезенных материалов; издательская деятельность – публикация результатов осуществленных работ. В 1927–1929 гг. планирование и формирование экспедиционных отрядов проходило по уже отработанной схеме: на заседании Комиссии обсуждались заявки академических учреждений, подготовленные с учетом запросов Ученого комитета, которые затем направлялись на согласование в Наркоминдел.

Следует отметить, что, несмотря на, казалось бы, очень короткое время активного взаимодействия Ученого комитета с Академией наук, в деятельности Учкома произошли заметные позитивные изменения, которые были отмечены самими учеными. Так, по свидетельству, например, Ю.Н. Рериха, который прибыл в Улан-Батор в сентябре 1926 г. и пробыл до апреля 1927 г., «под руководством доктора Ц.Ж. Жамцарано, видного ученого в области монгольской литературы и фольклора, Комитет быстро осуществляет сбор материала для всестороннего изучения Монголии и ее народонаселения». По мнению Ю.Н. Рериха, со временем «Комитет, несомненно, будет располагать ценными научными данными и коллекциями»⁴⁶⁵. Г.Ц. Цыбиков, командированный в Улан-Батор Бурятским ученым комитетом весной 1927 г., также отмечал развернувшиеся в Монгольском ученом комитете (Монучкоме) картографические работы, археологические исследования, плодотворную деятельность Кабинета

⁴⁶⁴ Горбунов Н.П., Ольденбург С.Ф., Плынов Б.Б. Предисловие // Северная Монголия. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 3.

⁴⁶⁵ Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Изд-во Агни, 1994. С. 133.

истории с историческими монгольскими источниками, успешную работу терминологической комиссии по выработке научной терминологии и др.⁴⁶⁶

На 1927 г. Монгольская комиссия сформировала пять экспедиционных отрядов: почвенно-географический, этнолого-лингвистический, геологический, геохимический и археологический. Однако собственно в Монголии работали только три из них: геологический (партия под руководством И.П. Рачковского), почвенный и этнолого-лингвистический. Археологический отряд под руководством С.А. Теплоухова и геохимический, возглавляемый К.Л. Островецким, занимались изучением пограничных с Монголией территорий Танну-Тувы (Урянхая).

План работы на 1927 г. и состав экспедиционных отрядов не вызвал каких-либо возражений со стороны внешнеполитического ведомства, о чем заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов сообщил куратору Академии наук в правительстве Н.П. Горбунову⁴⁶⁷.

В Улан-Баторе, перед началом полевых работ, И.П. Рачковский от имени Академии наук СССР подписал договор с Учкомом, регламентирующий порядок проведения исследований летом 1927 г.⁴⁶⁸, аналогичный договору 1926 г. Текст договора до подписания, еще в Москве, был согласован с НКВД и утвержден ОНУ СНК СССР.

Почвенный отряд в 1927 г. выехал с новым руководителем – сотрудником Почвенного института АН Н.Н. Лебедевым. Но общее руководство работ по исследованию монгольских почв оставалось за Б.Б. Плыновым. В состав отряда вошли почвовед О.Н. Михайловская, геолог Ю.С. Неуструев (1907–1941) и топограф И.К. Вехов. Отряд работал двумя партиями: первая – в Западной

⁴⁶⁶ Цыбиков Г.Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1991. С. 144 и др.

⁴⁶⁷ Письмо М.М. Литвинова к Н.П. Горбунову, 12 мая 1927 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 34. Л. 61.

⁴⁶⁸ Договор Монгольской комиссии АН с Учкомом, 28 июля 1927 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 52–50.

Монголии, в долине р. Орхон и в отрогах Хангая (О.Н. Михайловская (1894–?) и Ю.С. Неуструев)⁴⁶⁹, вторая – в восточной и юго-восточной части страны. Маршрут исследований был разработан так, чтобы связать настоящие работы с районами, ранее уже изученными почвенными отрядами Монгольской комиссией в 1925 и 1926 гг.

Результаты работы почвенного отряда в 1927 г. представляли, по мнению Э.М. Мурзаева, значительный научный интерес, так как помимо большого описательного материала содержали «суждения о развитии рельефа, эволюции гидрографической сети, <...> о палеографических изменениях в третично-четвертичное время». Исследователи занимались также географией и генезисом почв «в связи с физико-географическими особенностями изучаемой территории»⁴⁷⁰. В состав отряда помимо почвоведов была включена аспирантка Ленинградского университета Л.А. Амстердамская, которая занималась изучением монгольского фольклора, в частности восточно-халхаскими народными сказками⁴⁷¹. Но включение ее в Почвенный отряд являлось чисто формальным и объяснялось совпадением района ее работы и деятельности отряда.

И.П. Рачковский продолжил маршрутные геологические исследования в Западной Монголии, на этот раз в ее южной части: от западной оконечности Хангайского нагорья до северных склонов Гобийского Алтая. Главное внимание он уделял выяснению тектоники встречаемых по пути пермских отложений, а также сбору остатков позвоночных для определения возраста встречающихся

⁴⁶⁹ Михайловская О.Н., Неуструев Ю.С. Геоморфология и почвы Восточного Хангая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 43 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 20). Результаты работы отряда Н.Н. Лебедева остались неопубликованными в связи с его преждевременной смертью (Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской народной республики. М.; Л., 1948. С. 147).

⁴⁷⁰ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской народной республики. М.; Л., 1948. С. 148.

⁴⁷¹ Амстердамская Л.А. Восточно-халхаские народные сказки: тексты и перевод. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 64 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 35).

осадочных пород. Среди полезных ископаемых он отмечал встреченные по маршруту следования залежи магнитного железняка, медные руды, залежи талька и соды⁴⁷².

В этнолого-лингвистическом отряде все участники работали по индивидуальным планам, четырьмя партиями. Руководитель отряда Н.Н. Поппе занимался изучением даурского языка⁴⁷³. В.А. Казакевич в районе Дариганга собирал лингвистический материал и знакомился с археологическими памятниками. Кроме того, он закупил для Академии наук 35 монгольских и маньчжурских рукописей и литографий⁴⁷⁴. Б.Б. Бамбаев исследовал древние погребения в северной Монголии в районе Улан-Батора и в долине Селенги. Г.Д. Санжеев вел работу в районе озера Косогол, знакомился с бытом и языком дархатов⁴⁷⁵.

Подробный отчет о деятельности Комиссии в 1927 г. был опубликован в 2-м томе Годового отчета Академии наук, посвященном результатам экспедиционной деятельности, в отдельно выделенном разделе «Исследование Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик».

Еще в 1926 г., как отмечалось выше, началось изучение водных ресурсов Монголии. Геохимическое обследование озер на северо-западе страны

⁴⁷² Геологический отряд // Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год. Часть II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 260–264.

⁴⁷³ *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 174 с. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6).

⁴⁷⁴ *Казакевич В.А.* I. Намогильные статуи в Даринганге. II. Поездка в Дарингангу. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 64 с. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 5).

⁴⁷⁵ *Санжеев Г.Д.* Дархаты: Предварительный отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 64 с. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 10); *Он же.* Дархатский говор и фольклор. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 112 с. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 15).

производил старший химик Геологического музея Академии наук В.А. Смирнов⁴⁷⁶. В 1927 г. по просьбе Учкома он был вновь командирован в Монголию, чтобы продолжить работы предыдущего года. На этот раз монгольская сторона предложила ему изучить наиболее известные в Монголии аршаны (минеральные источники) к востоку от Улан-Батора, недалеко от границы с Россией, и к западу, в горах Хангая⁴⁷⁷. Финансирование исследований полностью взял на себя Учком⁴⁷⁸, хотя выделенных монгольским правительством средств на исследовательскую работу в 1927 г., как писал Ц.Ж. Жамцарано, было «оглушительно мало»⁴⁷⁹. Но проблема поиска источников воды и исследования ее качества была очень актуальна и важна для Монголии, особенно ее центральной и западной части. Учком предложил В.А. Смирнову продолжить исследования и в 1928 г., уже в пустынных областях Гоби. Проект договора о проведении этих работ Ц.Ж. Жамцарано направил для согласования в Академию наук. Условия монгольской стороны заключались в следующем: Учком берет на себя, как и в прошлом году, финансирование работы, решение всех организационных вопросов по их проведению с правительственными учреждениями Монголии и предоставляет экспедиции автомобиль с шофером. При этом все записи, дневники, фотографии экспедиции поступают в Академию наук, а в Учкоме остаются копии материалов. Собранные естественноисторические коллекции, как

⁴⁷⁶ Смирнов В.А. Отчет о работах гидрохимического отряда Монгольской экспедиции 1926 г. Л., 1936. 24 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 2).

⁴⁷⁷ Смирнов В.А. Аршаны Монголии. Л., 1932. 46 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 5); *Он же*. Газы Монголии (По данным Монгольской экспедиции АН СССР 1926 г. и экспедиции Монгольского ученого комитета 1927 г.) // Природные газы СССР. Сборник статей / Под ред. И.М. Губкина, А.Е. Ферсмана, Б.С. Швецова. Вып. доп. Л.: Госхимтехиздат, 1933. 11 с.

⁴⁷⁸ [Смирнов В.А.]. Отчет начальника геохимического отряда геологической экспедиции АН СССР о работе отряда по изучению водных ресурсов Монголии в 1926–1927 гг. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 162–164.

⁴⁷⁹ Цит. по: Письмо от 12 сентября 1926 г. // Решетов А.М. Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 78.

и в случае других экспедиционных работ, остаются в Учкоме, дублиеты передаются в Академию наук. Академии наук предлагалось взять на себя издание результатов исследований. При этом в публикации должно было быть обязательно упомянуто участие Учкома в проведении этой экспедиции⁴⁸⁰.

Также на 1928 г. Учком высказал предложение организовать совместную большую комплексную экспедицию по исследованию Гоби для выяснения возможностей хозяйственного использования пустынных площадей с участием специалистов разных научных направлений. Об этом на заседании Монгольской комиссии 2 декабря 1927 г. доложил заместитель председателя академик П.П. Сушкин. Монгольская сторона предлагала проведение геохимических, почвенных, ботанических (с преимущественным вниманием к лечебным травам), палеонтологических исследований с производством топографической съемки местности. Большую часть финансирования этого проекта Учком брал на себя, предполагая, что и Академия наук примет участие в этих работах не только командированием специалистов, но и частичным их финансированием⁴⁸¹.

Это предложение вызвало живой интерес членов Комиссии, которая признала желательным организацию совместной экспедиции по исследованию Гоби и рекомендовала в указанные направления работ включить также зоологические исследования. Возглавить первую совместную советско-монгольскую экспедицию решили просить академика В.Л. Комарова. Выбор был не случайным: кроме высокого научного авторитета в изучении растительности Центральной Азии и Дальнего Востока В.Л. Комаров, начиная с 1925 г., подавал в планы Монгольской комиссии заявку на подготовку справочника «Флора

⁴⁸⁰ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 19 декабря 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1927. Д. 89. Л. 11; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. С. 148.

⁴⁸¹ Протокол заседания, 2 декабря 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1927. Д. 89. Л. 3–5.

Монголии»⁴⁸². В связи с такой работой поездка в Монголию для него могла представлять большой интерес.

Проект экспедиции обсуждался на нескольких заседаниях Комиссии, но в конечном итоге осуществить ее не удалось из-за ряда возникших организационных и особенно кадровых проблем. Прежде всего, не смог взять на себя руководство экспедицией В.Л. Комаров – в 65 лет он не решился ехать в экспедицию. Кроме того, в 1927–1928 гг. начались активные исследования союзных республик и большое число сотрудников академических учреждений и вузов уже оказались задействованными в этих работах, финансирование которых брало на себя руководство республик⁴⁸³. Обсудив создавшуюся ситуацию, Монгольская комиссия постановила отказаться от идеи совместной комплексной Гобийской экспедиции и направить в Монголию в 1928 г. «более необходимые отряды»⁴⁸⁴.

Однако Гобийская экспедиция в 1928 г. все же состоялась, но со значительно меньшим объемом задач. Организована она была на средства Учкома. Возглавить экспедицию Учком предложил геохимику В.А. Смирнову. В ее состав вошли почвовед Н.Н. Лебедев, топограф И.К. Вехов и сотрудник Учкома Л.П. Шастин, которому были поручены ботанические сборы. Экспедиция имела своей целью обследование гобей⁴⁸⁵ юго-восточной Монголии в геохимическом, почвенном и ботаническом отношениях с ведением топографической съемки по маршруту следования. Главной целью являлось

⁴⁸² Подготовка монографии «Флора Монголии» В.Л. Комаровым значилась в планах Монгольской комиссии с 1925 г.

⁴⁸³ Протокол заседания, 7 февраля 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 8, 9 об.; Протокол заседания, 11 февраля 1928 г. // Там же. Л. 11 об.; Протокол заседания, 20 марта 1928 г. // Там же. Л. 17; Протокол заседания, 10 мая 1928 г. // Там же. Л. 18 об.; Юсупова Т.И. Организация экспедиционной деятельности в Академии наук: 1921–1930 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 102–103.

⁴⁸⁴ Протокол заседания, 7 февраля 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 8.

⁴⁸⁵ Гоби (монг. говь) – полупустыня, бесплодная степь.

выявление новых источников питьевой воды, от острого недостатка которой особенно страдало гобийское население.

Подводя итоги сделанных гидро- и геохимических исследований, В.А. Смирнов высказался за необходимость скорейшего проведения уже «чисто практических гидрологических работ – бурения колодцев», так как, по его мнению, «со стороны Гоби надвигается грозная опасность – ее пределы расширяются, и Монголия неудержимо теряет запасы воды»⁴⁸⁶. Для бурения колодцев была необходима дорогостоящая техника и специалисты. Учком не имел такой возможности. Эти работы по просьбе монгольского правительства производила уже специально созданная в 1931 г. Проммонголстроем Восточная геологическая экспедиция ВСНХ СССР (одновременно с основной своей задачей – освоением месторождений полезных ископаемых)⁴⁸⁷.

Таким образом, первый год работы Монгольской комиссии в структуре АН СССР показал, что в ее сотрудничестве с Учком наместились работы, тесно связанные с решением прикладных вопросов хозяйственно-экономического развития страны. Однако в целом, в планах совместных исследований

⁴⁸⁶ Отчет В.А. Смирнова о работе по изучению водных ресурсов Монголии в 1926–1927 гг. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 162–164; Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. Часть II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 31–32. Б.Б. Плынов был не согласен с мнением В.А. Смирнова о наступательном движении Гоби на Северную Монголию, считал этот вывод научно необоснованным. (*Плынов Б.Б., Лисовский В.И.* Рекогносцировочные исследования в области Северной Гоби // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 3–74).

⁴⁸⁷ Восточная геологоразведочная экспедиция была создана в 1931 г. в соответствии с соглашением между МНР и СССР. Основной задачей экспедиции являлось оказание технической помощи Монголии в проведении гидрогеологических исследований с целью изыскания подземных источников водоснабжения, а также геологоразведочных работ на уголь и золото. См.: *Маринов Н.А.* Роль русских и советских геологов в изучении геологии и полезных ископаемых Монголии. М.: Недра, 1981. С. 31–85.

большинство работ по-прежнему были ориентированы на решение общих научных проблем. Особенно близкими для Ц.Ж. Жамцарано и О. Жамьяна являлись направления, связанные с изучением исторических источников и проблем буддологии. Здесь для руководителей Учкома были очень важны советы С.Ф. Ольденбурга. В связи с этим Ц.Ж. Жамцарано просил своего учителя высказать «авторитетное мнение» по совместному изданию научного словаря буддийских философских терминов «на санскритском, тибетском, монгольском и одном из европейских языках». По мысли Ц.Ж. Жамцарано, руководить работой должна Академия наук, а Ученый комитет возьмет на себя привлечение к участию монгольских и тибетских ученых. «Мне лично кажется, что такое международное предприятие, – писал Ц.Ж. Жамцарано, – вполне осуществимо в течение нескольких лет. Тем более что при Академии наук имеется Институт буддологии под руководством Федора Ипполитовича [Щербатского]»⁴⁸⁸. Но в советской Академии наук вскоре не нашлось места буддологии как академической дисциплине. В 1930 г. Институт буддийской культуры, проработав всего два года, был закрыт, а востоковедные исследования долгое время находились под строгим идеологическим контролем государства⁴⁸⁹.

Кроме экспедиционных отрядов Монгольская комиссия в 1927 г. командировала в Монголию сотрудника Азиатского музея, ученика академика И.Ф. Щербатского, востоковеда, буддолога М.И. Тубьянского (1893–1937) для «исследования быта монголов по материалам монгольских монастырей и тибетской философской и научной литературы». В числе научных задач, которыми он хотел заняться в Монголии, было также изучение «под надлежащим

⁴⁸⁸ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 19 декабря 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1927. Д. 89. Л. 13–14. Речь идет об Институте буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР, который был организован в 1927 г.; в 1930 г. вошел в состав Института востоковедения АН СССР.

⁴⁸⁹ См.: *Кожевникова М.Н.* Институт буддийской культуры (1928–1930) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки / Отв. ред. Ю.М. Батурин, ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 495–511.

руководством» буддийских учителей истории философских школ буддизма и «устройства и литературы цанидов» (т. е. «философских факультетов») монгольских монастырей⁴⁹⁰. Но его деятельность в Монголии не ограничилась только исследовательской работой. С 1930 по 1936 г. он являлся ученым секретарем Учкома (с 1930 г. – Комитета наук). Знание монгольского языка сделало его важным связующим звеном между Академией наук и Ученым комитетом / Комитетом наук после отставки Ц.Ж. Жамцарано. М.И. Тубянский вел практически всю официальную переписку Учкома / Комитета наук с Академией наук.

По просьбе Учкома была продлена командировка С.А. Кондратьева, официально – для продолжения изучения монгольского музыкального творчества. Этой работе Ц.Ж. Жамцарано уделял большое внимание и придавал большое значение, так как никто до С.А. Кондратьева не занимался этой проблемой. При этом, как уже отмечалось (см. § 2.2), работа С.А. Кондратьева в Учкоме была очень многогранна и значима для развития научного учреждения и его сотрудничества с Академией наук⁴⁹¹.

Для выяснения ряда вопросов связанных с работами монгольских экспедиций, и «для ознакомления с положением исследовательского дела в Монголии» в Улан-Батор планировал приехать С.Ф. Ольденбург⁴⁹². Его желание

⁴⁹⁰ Подробно см.: *Кожевникова М.Н.* Ученый секретарь Комитета наук МНР М.И. Тубянский // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т.И. Юсупова. Улаанбаатар, 2012. С. 64–80; *Васильков Я.В.* Отчеты Ф.И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1928 г. // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 106–112.

⁴⁹¹ *Жуков В.Ю., Кульганек И.В.* С.А. Кондратьев и его деятельность в Ученом комитете Монголии // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 120–127.

⁴⁹² Протокол заседания, 10 мая 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 3 об.

было поддержано Комиссией СНК СССР по содействию работам Академии наук. Командировка была запланирована с 20 июня по 20 июля 1928 г.⁴⁹³

Ц.Ж. Жамцарано с большой радостью и воодушевлением воспринял это известие, хотя несколько ранее, со свойственной монголам преувеличенной скромностью, писал своему учителю: «Вашего приезда я немножечко боюсь, как на экзамене ученик перед учителем. Ничего не успел и не успею создать. Учком – жалок, не встал на ноги!!! И наше ничтожество, боюсь, огорчит, опечалит сердце Ваше»⁴⁹⁴. Но визит С.Ф. Ольденбурга не состоялся по состоянию его здоровья⁴⁹⁵, что очень расстроило Ц.Ж. Жамцарано. «Я был оглушен, потому что так сильно хотел Вас видеть и поговорить о многом, многом», – писал он своему учителю⁴⁹⁶. Безусловно, Ц.Ж. Жамцарано не хватало живого общения с С.Ф. Ольденбургом и как с ученым-востоковедом, и как с крупнейшим организатором науки в Советской России. Ему требовались его поддержка и советы здесь, на месте, чтобы С.Ф. Ольденбург увидел реальное положение дел в Учкоме и, возможно, используя свой авторитет в монгольском правительстве, помог бы решить какие-то его насущные проблемы. Их личная встреча состоялась только в 1932 г., после того как под давлением пришедших к власти в Монголии левых политических сил Ц.Ж. Жамцарано в 1930 г. был отстранен от работы в Учкоме и затем был

⁴⁹³ Выписка из протокола Комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР, 8 июня 1928 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 37. Л. 42.

⁴⁹⁴ Юсупова Т.И. (подг. к публ., коммент.). Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 12 сентября 1926 г. // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар: Адмон, 2012. С. 162.

⁴⁹⁵ Н.П. Горбунов писал С.Ф. Ольденбургу: «По моему мнению, правы доктора, запрещающие Вам утомительную поездку в Монголию. Прошу Вас поберечь себя и немедленно сообщить мне, что нужно сделать в материальном и др. отношениях для того, чтобы Вы действительно могли спокойно отдохнуть и окрепнуть» (Письмо от 29 июня 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3 Д. 159. Л. 1).

⁴⁹⁶ Юсупова Т.И. (подг. к публ., коммент.). Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 22 октября 1928 г. // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улаанбаатар: Адмон, 2012. С. 162.

вынужден покинуть страну. По приглашению С.Ф. Ольденбурга он приехал в Ленинград и стал сотрудником возглавляемого им Института востоковедения АН СССР⁴⁹⁷.

В конце 1927 – начале 1928 г. состоялись заседания Монгольской комиссии, посвященные составлению планов работ на полевой сезон 1928 г. Почувствовав некоторый спад интереса у академического сообщества к монгольскому направлению, Б.Я. Владимирцов, будучи одним из самых заинтересованных в активном развитии советско-монгольского сотрудничества и как монголовед, и как близкий друг Ц.Ж. Жамцарано, обратил внимание коллег на важность поддержания приоритета российских работ в Монголии на фоне повышающегося интереса к этим исследованиям других стран, особенно Японии и Германии. «За границей крайне заинтересованы работами Комиссии, – говорил ученый в феврале 1928 г., – и если Комиссия не проведет в этом году лингвистических работ, то германские ученые возьмут эти работы на себя»⁴⁹⁸, а к ним присоединятся и японские исследователи. По мнению ученого, это было бы «крайне нежелательно», прежде всего потому, что российскими учеными «половина работы уже сделана»⁴⁹⁹. Беспокойство Б.Я. Владимирцова, мы полагаем, было основано на информации, полученной от Ц.Ж. Жамцарано о его контактах с западными учеными, а также большом международном интересе, который вызвали уникальные археологические находки экспедиции П.К. Козлова в Ноин-Уле. Этими работами также был очень заинтересован японский археолог С. Умэхара (1893–1983), который по приглашению С.Ф. Ольденбурга в 1927 г. приехал в Ленинград для их изучения⁵⁰⁰. Подтверждением интереса к Монголии у

⁴⁹⁷ Юсупова Т.И. Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 4. С. 189–202.

⁴⁹⁸ Протокол заседания, 11 февраля 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 11.

⁴⁹⁹ Протокол заседания, 20 марта 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 4.

⁵⁰⁰ Подробно см.: Юсупова Т.И. Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67. По итогам проведенной в Ленинграде работы

западных стран являлись также запросы советских директивных органов в Академию наук об иностранных ученых, которые обращались в советские учреждения с просьбой содействовать в получении монгольских виз или с предложением участвовать в работах российских ученых в Монголии⁵⁰¹.

На полевой сезон 1928 г. Монгольская комиссия рассмотрела заявки Зоологического, Азиатского, Геологического музеев, Почвенного института и Ботанического сада, на основании которых в Монголию были направлены три экспедиционных отряда: зоологический, почвенный, ботанический. Их исследовательские планы были также составлены с учетом пожеланий монгольской стороны, высказанных после окончания работ предыдущего года. Договор с Ученым комитетом от имени Академии наук в 1928 г. подписал руководитель Зоологического отряда А.Я. Тугаринов. Условия работы российских ученых в Монголии остались прежними: руководители отрядов предоставляют все собранные коллекции Учкому, который отбирает материалы для музея. Часть из них академические сотрудники увозят в Россию для научной обработки с обязательством вернуть их в договорные сроки. Остальной материал передается в собственность соответствующим учреждениям Академии наук СССР⁵⁰².

Почвенный отряд под руководством О.Н. Михайловской⁵⁰³ (в его состав в качестве научно-технического сотрудника входил студент К.В. Соловьев) работал в горных областях Северной Монголии: западной части Кэнтэя и восточного

С. Умэхара подготовил подробный каталог ноин-улинской коллекции (*Умэхара С.* Археологический памятник, найденный в Ноин-Уле, Монголия [Мо:ко Ноин-ура хаккэн ибуцу]. Токио: Тойо Бунко, 1960. 301 с. (на яп. яз.)).

⁵⁰¹ См., напр.: *Юсупова Т.И.* Центральная Азия в истории российско-немецких научных контактов: П.К. Козлов и В. Фильхнер // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 1. С. 42–49.

⁵⁰² Договор АН СССР с Ученым комитетом МНР, июнь 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1927. Д. 89. Л. 5–5 об. Оpubл.: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 150–151.

⁵⁰³ Общее научное руководство почвенными исследованиями в Монголии продолжал осуществлять Б.Б. Польшов.

района водораздела рек Орхона и Селенги. Проведенные исследования позволили выяснить алгоритм смены вертикальных зон и выделить характерные ландшафты района работ. По маршруту проводилась также топографическая съемка⁵⁰⁴.

Ботанический отряд⁵⁰⁵ в составе Н.П. Иконникова-Галицкого (руководитель) и В.А. Иконниковой-Галицкой (научный сотрудник) обследовал восточный Кэнтэй (верховья рек Керулена и Онона). Основной задачей являлось изучение гольцов Кэнтэйской горной гряды. Проведенные исследования выявили родство флоры Кэнтэя с флорой Саян и позволили нанести на карту альпийскую зону этих гор. Кроме того, был собран гербарий и даны рекомендации монгольским коллегам по выявленным очагам возможного земледелия и времени посева отдельных зерновых культур в этих местностях⁵⁰⁶.

В Зоологический отряд, возглавляемый старшим ученым хранителем Зоологического музея АН А.Я. Тугариновым, вошли сотрудники А.И. Иванова (1902–1987) и А.И. Аргиропуло (1908–1942). Отряд занимался исследованием Восточной Монголии, районом, еще не изученным с зоологическими целями. Весь маршрут впервые был проделан (благодаря помощи Учкома) на автомобиле, что дало возможность преодолеть за достаточно короткий срок около 3 500 км. Такой протяженный маршрут позволил установить постепенную смену фауны от Кэнтэя до Центральной Гоби и, кроме систематики встречающихся птиц, произвести географическое описание отдельных районов по пути следования. Особое внимание А.Я. Тугаринов обратил на озеро Халхин-гол, в окрестностях которого, по его мнению, может хорошо развиваться земледелие⁵⁰⁷. Эти

⁵⁰⁴ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. Часть II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 28–29.

⁵⁰⁵ Ботанические исследования в Монголии проходили под научным руководством В.Л. Комарова.

⁵⁰⁶ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. Часть II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 29–30.

⁵⁰⁷ Тугаринов А.Я. Птицы Восточной Монголии по наблюдениям экспедиции 1928 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 10. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 1).

наблюдения были весьма важны для Учкома, одной из задач которого являлось изучение территории Монголии с целью выявления районов, перспективных для развития земледелия. Обратный путь отряда на родину позволил А.Я. Тугаринову связать результаты наблюдений над фауной крайнего востока Монголии с данными, полученными в российском восточном Забайкалье. Ученый сделал вывод, что здесь мы имеем единый фаунистический округ⁵⁰⁸.

Ц.Ж. Жамцарано в обстоятельном письме к С.Ф. Ольденбургу осенью 1928 г. высоко оценил большую работу, которая «проделывается Академией наук» для обследования Монголии и «помощь Ученому комитету в его исследовательских работах» и наметил желательные направления дальнейшего сотрудничества. Остановимся на этом письме более подробно.

Подводя краткий итог деятельности академических экспедиций, Ц.Ж. Жамцарано отметил большое значение выполнения ими прикладных исследований. Так, в частности, он особо выделил почвенно-ботанические исследования, проводимые уже четыре года сначала Б.Б. Плыновым, а затем его учениками, «исследования вод Смирновым», которые наряду с «чисто теоретическо-научным» имеют и «громадное практическое значение» и геологические исследования И.П. Рачковского⁵⁰⁹. Эти работы являлись сильным аргументом в диалоге ученого секретаря Учкома с монгольским правительством о необходимости поддерживать и развивать научные исследования.

Ц.Ж. Жамцарано также проинформировал председателя Монгольской комиссии о деятельности в Учкоме М.И. Тубянского, командировка которого официально уже закончилась, но он продолжал работать уже на средства Учкома над составлением индексов буддийских философских терминов и вел по его просьбе курс санскрита для группы лам. Ц.Ж. Жамцарано просил продлить ему

⁵⁰⁸ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. Часть II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 27.

⁵⁰⁹ Письмо Ц.Ж. Жамцарано, 22 октября 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 42–45; Решетов А.М. Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 78.

командировку до января 1930 г. за счет Академии наук. В этом случае средства, затрачиваемые на его содержание, Учком мог бы использовать на улучшение курса санскрита. Высоко оценивая работу М.И. Тубьянского, научные интересы которого были ему близки, Ц.Ж. Жамцарано просил С.Ф. Ольденбурга в случае невозможности оставить его в Монголии командировать другого востоковеда со знанием монгольского и иностранных языков. Это позволило бы, по мнению руководителя Учкома, сохранить преемственность в монголоведных и буддологических исследованиях и сделало бы «бесперывным раз начатое сотрудничество Академии наук с Учкомом» в этих научных направлениях⁵¹⁰.

Одним из первых реализованных совместных проектов, как считал Ц.Ж. Жамцарано, было «планомерное изучение наречий монгольских племен и издание памятников народной словесности»⁵¹¹, на которые Учком смог выделить средства и перевести их в Академию наук. Речь шла об уже проведенных (и частично опубликованных) работах Б.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе, Б.Б. Бамбаева, В.А. Казакевича⁵¹². Ц.Ж. Жамцарано высказал также надежду, что со временем удастся включить в штаты хотя бы одного лингвиста-буддолога, что еще более будет способствовать развитию совместных исследований в этом направлении.

В этом же письме Ц.Ж. Жамцарано отметил работу в Учкоме С.А. Кондратьева, которого назвал «незаменимым нашим научным сотрудником».

⁵¹⁰ Там же. С. 79.

⁵¹¹ Там же. С. 80.

⁵¹² *Владимирцов Б.Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927. С. 1–42; *Поппе Н.Н.* Отчет о поездке в Орхон летом 1926 года // Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 1–25; *Бамбаев Б.Б.* Отчет о командировки в Монголию летом 1926 года // Там же. С. 27–73; *Казакевич В.А.* I. Намогильные статуи в Даринганге. II. Поездка в Дарингангу. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 64 с.; *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 174 с.; *Санжаев Г.Д.* Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 11 с.

Он проводил географические работы, самостоятельно занимался метеорологическими измерениями и принимал участие в развитии метеорологической сети Монголии. Но, самое главное, – продолжил углубленное изучение монгольской музыки и фольклора, начатое им еще во время работы в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова в 1923–1924 гг.

В своем послании Ц.Ж. Жамцарано не мог не рассказать своему учителю о трудностях в работе Учкома. Одной из, пожалуй, самых сложно решаемых организационных проблем, являлась постройка отдельного здания для Национального музея и библиотеки. Монгольское правительство не могло выделить средства для этих целей из скудного государственного бюджета и разрешило Учкому обратиться за помощью к зарубежным организациям. Ц.Ж. Жамцарано по этому поводу начал переписку с «Америкой и Европой»⁵¹³. Его американский адресат – сотрудник Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке М. Лихтман посоветовал, как пишет Ц.Ж. Жамцарано, создать в Улан-Баторе музей памятников буддийской культуры. Эта идея, как он полагал, нашла бы отклик у европейцев и американцев, интересующихся буддизмом, и способствовала бы сбору пожертвований. Ц.Ж. Жамцарано это предложение также показалось интересным. Но в письме к С.Ф. Ольденбургу он указал, что такой музей «может мыслиться и осуществляться только в контакте с Академией наук и после совещания с Вами лично»⁵¹⁴. С сожалением приходится констатировать, что и этот проект из-за репрессивных мер, предпринятых в СССР

⁵¹³ См.: Письмо Ц.Ж. Жамцарано к М. Лихтману, 27 января 1927 г. // Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 2010. С. 250–251. Ц.Ж. Жамцарано предложил музею Н.К. Рериха сделать фильм о Монголии, после чего Учком за определенную плату передаст право на его демонстрацию. Также он собирался просить о содействии в продаже монгольских коллекционных марок, которые Учком начал выпускать (Письмо к Б. Ишидоржину, осень 1927 // Там же. С. 274).

⁵¹⁴ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 22 октября 1928 г. СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 210. Л. 42–45; Решетов А.М. Переписка Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 79.

по отношению к С.Ф. Ольденбургу, а в Монголии – к Ц.Ж. Жамцарано, реализовать не удалось.

Данное письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу свидетельствует не только о тесных и доверительных контактах между ними, но и еще раз – о значимости для монгольского научного учреждения сотрудничества именно с Академией наук. Ц.Ж. Жацарано – не только ученый, но и яркий государственный деятель Монголии – понимал, что в условиях ограничения международных контактов из-за нелегитимности правового положения Монголии развитие взаимодействия с Академией наук СССР – единственный путь становления монгольской науки. Поэтому свое послание к С.Ф. Ольденбургу он заканчивает искренним пожеланием продолжить и далее плодотворную для Учкома совместную работу с Академией наук.

Как показал подготовительный период полевого сезона 1929 г., и для Академии наук монгольское направление ее исследовательской деятельности также продолжало представлять весьма существенный интерес. В 1929 г. Монгольская комиссия направила в Монголию ботанический (руководитель Н.П. Иконников-Галицкий), зоологический (руководитель Е.В. Козлова) и этнолого-лингвистический (во главе с Н.П. Поппе) отряды. Договор на проведение исследований был подписан в Улан-Баторе 24 мая 1929 г. по поручению Комиссии руководителем Зоологического отряда Е.В. Козловой. Содержание его, как и в прежние годы, было предварительно согласовано с Отделом Дальнего Востока НКВД⁵¹⁵. В соответствии с договором все экспедиции, как и ранее, должны были до выезда на родину представить Ученому комитету краткие отчеты о своих работах и договориться о сроках возвращения собранных материалов, которые будут увезены для изучения и обработки в Ленинград⁵¹⁶.

⁵¹⁵ Письмо в ОНУ СНК СССР из Отдела Дальнего Востока НКВД, 13 июля 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 41; Тлг Монгольской комиссии в Ученый комитет // Там же. Л. 43.

⁵¹⁶ Договор с Учкомом, 24 мая 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 59–60.

Отряд Е.В. Козловой, в состав которого входила она и сотрудник Учкома препаратор В.М. Канаев (также бывший участник Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова), занимался исследованием высокогорной фауны Хангая в районе снеговой вершины Охтон-Тэнгри. В результате работы отряда в непростых природных условиях этот район был исследован «с исчерпывающей полнотой». Сборы отряда составили 117 видов птиц и 16 видов млекопитающих, а также гербарии высокогорной флоры в районе Охтон-Тэнгри. Одновременно произведена маршрутно-глазомерная съемка и определены несколько высот⁵¹⁷.

Ботанический отряд в составе Н.П. Иконникова-Галицкова (руководитель) и В.А. Иконниковой-Галицкой продолжил начатое в 1928 г. изучение Северной Монголии. В этот раз объектом исследований стала растительность бассейнов рек Толы и Мензы, где было собрано значительное количество видов растений, которые ранее никем для Монголии не указывались⁵¹⁸.

Н.Н. Поппе занимался изучением современных живых монгольских наречий и одного из монгольских диалектов – солонского языка (продолжение работ 1927 г.), а также устного творчества монголов. Он собрал значительный материал по фонетике, морфологии и словарю наречий, сделан многочисленными записи оригинальных текстов. Кроме того, по поручению Монгольской комиссии он приобрел новую литературу на монгольском языке и словари для Академии наук и Ленинградского восточного института⁵¹⁹.

⁵¹⁷ Об этой экспедиции см.: *Гнатюк Т.Ю.* Орнитологические исследования Е.В. Козловой в Монголии в 1929 и 1931 гг. (по страницам экспедиционных дневников) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. Вып. 4. С. 60–79; Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Часть II. Отчет о научных командировках. Л., 1930. С. 13–14.

⁵¹⁸ Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Часть II. Отчет о научных командировках. Л., 1930. С. 11–13.

⁵¹⁹ Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Часть II. Отчет о научных командировках. Л., 1930. С. 11–13; *Поппе Н.Н.* Материалы по Солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 2; *Аллатов В.М.* Николай-Николас Поппе. М., 1996. С. 26–31.

Успешность работы Академии наук в Монголии, ее правительственная поддержка вызвали желание Коммунистической академии, специализирующейся на проблемах общественных и экономических наук, также принять в них участие. В связи с этим обстоятельством руководитель ОНУ Совнаркома СССР Е.П. Воронов в августе 1929 г. дал указание С.Ф. Ольденбургу согласовать с Комакадемией личный состав участников экспедиционной работы в Монголии, поскольку есть информация «о недовольстве в монгольских кругах» некоторыми академическими экспедициями. В ответном письме С.Ф. Ольденбург подробно разъяснил высокому начальству, что все экспедиции, проводимые в Монголии, предварительно согласуются с Отделом Дальнего Востока Наркоминдела, затем эту информацию передают советскому полпреду в Монголию, который уже контролирует работу академических экспедиций на месте. Никаких сведений о «недовольствах в монгольских кругах» работой экспедиций в Академию наук не поступало, в связи с чем С.Ф. Ольденбург просил сообщить конкретно, о каких экспедициях идет речь⁵²⁰.

Интерес Комакадемии к хорошо отлаженной исследовательской работе в Монголии и ее обращение к правительственным кураторам Академии наук свидетельствовало о назревании межведомственных проблем, совершенно не нужных Академии наук в условиях разворачивающегося резкого усиления идеологического и административного давления на всю ее деятельность.

Подводя итоги работы Монгольской комиссии АН СССР в 1927–1929 гг., можно отметить некоторые ее особенности.

Перевод Академии наук из Наркомпроса в непосредственное подчинение СНК СССР и произошедшая относительная стабилизация советско-монгольских межгосударственных отношений сняли необходимость обособленного существования Монгольской комиссии относительно других учреждений

⁵²⁰ Письмо С.Ф. Ольденбурга к Е.П. Воронову, 29 августа 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 18.

Академии наук. Постановлением правительства в начале 1927 г. Комиссия СНК СССР по научному исследованию Монголии (Монгольская комиссия) была упразднена. Признавая важность научного сотрудничества Академии наук и Учкома в системе межгосударственных отношений, организацию дальнейшего изучения Монголии поручалось взять на себя Академии наук, в составе которой Монгольская комиссия проработала до 1953 г.

Председателем Монгольской комиссии АН СССР стал академик С.Ф. Ольденбург. В ее состав вошли ведущие ученые, которые персонифицировали собой основные направления, по которым Комиссия осуществляла свою деятельность в Монголии; они же являлись и их научными руководителями: Б.Я. Владимирцов (этнолого-лингвистические), В.Л. Комаров (ботанические), Б.Б. Польшов (почвенные), П.П. Сушкин (зоологические), А.Е. Ферсман (минералогические) и др. К работе привлекались также молодые сотрудники и студенты. В исследованиях по-прежнему в основном участвовали академические учреждения: Азиатский, Зоологический, Геологический музеи, Почвенный институт и Ботанический сад.

Медиаторами советско-монгольского научного сотрудничества в эти годы являлись непременно секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург и ученый секретарь Ученого комитета Ц.Ж. Жамцарано. Направление и содержание деятельности Монгольской комиссии АН под руководством С.Ф. Ольденбурга в целом отражали его взгляд на характер взаимодействия СССР со странами Востока, уважительный, основанный на научном знании и искреннем желании оказать помощь в развитии национальных научных институтов.

Функционирование Монгольской комиссии (МОНК) в системе Академии наук проходило на «общих основаниях» с другими академическими комиссиями. Положение Монгольской комиссии в структуре Академии наук (с 1927 по 1953 г.) менялось в зависимости от актуальности ее деятельности в системе межгосударственных отношений и структурных преобразований в самой Академии. В разные годы Комиссия работала на «особых основаниях»: с ОКИСАР (в 1927–1928); в составе КЭИ (в 1928–1930); при Общем собрании АН

(в 1931–1933 и 1937–1941); в Отделении математических и естественных наук (в 1934–1936); при Президиуме АН (в 1941–1946); в Отделении геолого-географических наук (в 1946–1953). Включенность Монгольской комиссии АН СССР в советско-монгольские межгосударственные отношения предопределяла контроль над ее деятельностью со стороны НКВД, а ее планы согласовывались с правительственными структурами, курировавшими деятельность Академии наук.

По Положению о Монгольской комиссии 1927 г., ее целью являлось «содействие путем всестороннего научного исследования развитию и укреплению народного хозяйства Монгольской Народной Республики»; основными задачами: проведение научного исследования Монголии путем организации экспедиционных отрядов по планам, согласованным с Учкомом; обработка привезенных материалов; издательская деятельность – публикация результатов проведенных работ. С 1929 г. начала выходить серия «Материалы Комиссии»⁵²¹ (под грифом АН СССР), с 1932 – «Труды Монгольской комиссии» (под грифом АН СССР и Комитета наук МНР). Несмотря на декларированную в Уставе АН СССР 1927 г. необходимость связать работы Академии наук с практикой экономического строительства, характер исследовательских программ советских ученых в Монголии в эти годы не претерпел больших изменений в сторону увеличения объема прикладных работ.

В 1927–1929 гг. в Монголии работали 13 экспедиционных отрядов Комиссии, которые продолжили начатые в 1925–1926 гг. естественнонаучные исследования, изучение языка, литературы и истории страны. Исследовательские программы выстраивались или с учетом просьб Учкома, или в состав экспедиции для их решения включали его сотрудников. Одновременно начали развиваться и новые формы сотрудничества – совместные экспедиции и проекты. Так, в 1927–1928 гг. работала комплексная Гобийская экспедиция, которая была

⁵²¹ Полное название: Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР.

сформирована при участии МОНК, но исключительно для решения задач Учкома и на его средства. Обсуждались совместные проекты по буддологии. В 1927 г. удалось выполнить просьбу Ц.Ж. Жамцарано и командировать в Учком на длительный срок востоковеда М.И. Тубьянского, где он проработал до 1936 г.

Период 1925–1929 гг. можно назвать самым интенсивным и продуктивным в научном плане в довоенном советско-монгольском научном сотрудничестве. Отработанная система организации и финансирования работ, в основном наблюдательный характер контроля со стороны НКВД, понимание и схожесть во взглядах между руководителями научных учреждений позволяли продуктивно заниматься решением исследовательских задач. Результаты практически всех проведенных исследований были опубликованы в изданиях Монгольской комиссии.

§ 3.2. Нормативно-правовое обеспечение работы советских ученых в Монголии и сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в 1925–1939 гг.

В параграфе характеризуются нормативно-правовые акты, регулирующие работы советских ученых в Монголии. Пристальное внимание уделено подготовке и подписанию в 1929 г. первого официального договора между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР о совместных исследованиях в 1930–1934 гг. как важному шагу к дальнейшему долговременному планированию сотрудничества и особенностям его реализации.

3.2.1. Нормативно-правовые акты, регламентирующие работу советских ученых в Монголии в 1924–1929 гг.

Государственно регулирование деятельности иностранных ученых на территории Монголии было начато в сентябре 1924 г., когда по инициативе Ц.Ж. Жамцарано монгольское правительство приняло закон «Об охране

памятников старины». Этот документ ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добытых иностранными экспедициями и учеными⁵²². О принятии этого закона Ц.Ж. Жамцарано проинформировал С.Ф. Ольденбурга: «Недавно опубликован монгольским правительством закон “Об охране памятников старины” <...>. Все памятники древности объявлены национальной собственностью и к вывозу не подлежат. Если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета»⁵²³.

Поводом для издания закона послужили уникальные археологические находки, сделанные Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова в Ноин-Уле и палеонтологические – американской Центральноазиатской экспедицией Р.Ч. Эндрюса. Они и стали первыми иностранными учеными, с которыми Учком заключил договора о порядке работы на территории Монголии. При этом Ученому комитету, прежде всего Ц.Ж. Жамцарано, инициатору закона, пришлось провести непростые переговоры с Р.Ч. Эндрюсом и П.К. Козловым об условиях вывоза из страны научных коллекций.

Суть разногласий Ц.Ж. Жамцарано с П.К. Козловым состояла в том, что он хотел оставить Учкому лишь «некоторую часть» предметов из Ноин-Улы, а Ц.Ж. Жамцарано настаивал на «целостном содержании» по меньшей мере двух раскопанных могильников хунну⁵²⁴. Российский путешественник с трудом убедил Ц.Ж. Жамцарано в нежелательности дробления археологической коллекции. В

⁵²² Закон был принят 5 сентября 1924 г. В начале 1925 г. он был опубликован в виде брошюры на монгольском, русском и английском языке. Экземпляр, присланный С.Ф. Ольденбургу, хранится в СПФ АРАН (Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 5. Л. 80–90).

⁵²³ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69.

⁵²⁴ Подробно см.: Юсупова Т.И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монгольско-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 10. С. 26–67; Она же. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 9–51.

этом случае предметы, переданные в Учком, – убеждал он своего оппонента, – останутся не изученными специалистами, которых в те годы не было в Монголии⁵²⁵. В итоге П.К. Козлову было разрешено «в целях возможно более полной научной обработки» вывезти всю ноин-улинскую коллекцию в Ленинград при условии, что «не позднее осени 1925 г. все предметы, добытые из какого-нибудь одного погребения (среднего по богатству собранного материала)» возвратит в Монголию и передать в музей Ученого комитета⁵²⁶. В свою очередь, референт НКВД Л.Е. Берлин отмечал в отчете, что разрешение на вывоз археологических находок П.К. Козлов получил после его и «отчасти полпредства» длительных переговоров с Ц.Ж. Жамцарано. При этом обязательным условием, указывал Л.Е. Берлин, является их незамедлительная передача Ученому комитету «для пополнения его музея» после «разработки ценностей» в научных учреждениях СССР⁵²⁷.

Договор П.К. Козлова с Учкомом от 17 ноября 1924 г. был одобрен Комиссией СНК СССР по рассмотрению отчетов его экспедиции и утвержден правительством 3 апреля 1925 г. Наблюдать за выполнением соглашения было поручено С.Ф. Ольденбургу, занимавшему тогда должность заместителя председателя Монгольской комиссии⁵²⁸. Он докладывал о ходе его реализации непосредственно Н.П. Горбунову. Выполнение договора контролировал также Отдел Востока НКВД⁵²⁹.

⁵²⁵ Протокол заседания Комиссии, 7 февраля 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 9; *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 357.

⁵²⁶ *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. СПб., 2003. С. 363. Оригинал соглашения находится в СПФ АРАН (Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 38). В данном экземпляре указано, что соглашение составлено 7 ноября 1924 г., подписано же оно было, судя по дневникам П.К. Козлова, 17 ноября 1924 г.

⁵²⁷ Отчет Л.Е. Берлина, февраль 1925 г. // АВП РФ. Ф. 183. Оп. 4. Папка 107. Д. 28. Л. 66–67.

⁵²⁸ Протокол заседания Комиссии, 7 февраля 1925 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 167; Выписка из протокола заседания СНК СССР, 3 апреля 1925 г. // Там же. Л. 195.

⁵²⁹ Письмо Н.П. Горбунову к А.Н. Ферсману, 3 июля 1926 г. и переписка о передаваемых коллекциях // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 240, 241.

Сроки передачи коллекций не соблюдались, что было связано с технологическими трудностями обработки и реставрации археологических находок и, как всегда, с финансовыми проблемами. П.К. Козлов очень переживал о затягивании выполнения взятых им обязательств, поскольку полагал, что выполнение соглашения с Учкомом является залогом «дальнейшей прочной культурной связи СССР с близкими ей народностями Востока»⁵³⁰. Первая часть ноин-улинских предметов отправилась в Монголию только в августе 1926 г. Ее доставил Г.И. Боровка, который собирался продолжить археологические работы в Ноин-Уле⁵³¹. Приняв первые предметы, Ц.Ж. Жамцарано, искренне заинтересованный в дружеских отношениях с Академией наук и повышении ее авторитета в монгольском правительстве, писал С.Ф. Ольденбургу: «Нам важно только одно, чтобы вовремя, в срок были возвращены коллекции или отдельные предметы, увезенные для изучения и обработки <...>. Хорошо, что Боровка привез часть кургана. Мы немножко покажем, кому нужно, а потом до будущей осени спрячем»⁵³².

Монголо-Тибетская экспедиция к этому времени завершила свою работу в Монголии. Перед отъездом П.К. Козлов 11 сентября 1926 г. подписал с Учкомом еще один договор, условия которого распространялись не только на археологические, но и на естественнонаучные коллекции, собранные экспедицией

⁵³⁰ *Козлов П.К.* Северная Монголия – ноин-улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 12.

⁵³¹ Специальная комиссия Академии истории материальной культуры по изучению и изданию археологических коллекций из раскопок П.К. Козлова выделила Ученому комитету ковер из кургана № 6, одну лакированную чашечку, часть золотых вещей, образцы наиболее ценных и типовых китайских тканей и другие предметы (Опись вещей, передаваемых Ученому комитету Монголии, 1926 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1926. Д. 107. Л. 37–37 об.)

⁵³² Цит. по: Письмо от 12 сентября 1926 г. // *Решетов А.М.* Переписка Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 77. Весной 1927 г. Ц.Ж. Жамцарано планировал устроить выставку ноин-улинских археологических находок, однако осуществить эту идею не удалось.

на территории Монголии в 1923–1926 гг. В пункте втором договора было указано: «Ввиду великих заслуг перед наукой путешественника П.К. Козлова Ученый комитет МНР передает безвозмездно половину всего материала, упомянутого в п. 1 [“весь археологический и палеонтологический материал, добытый <...> экспедицией П. К. Козлова в пределах МНР”] в прямое распоряжение П.К. Козлова, а другая половина, после их изучения и определения, возвращается Ученому комитету Монголии не позднее 1 июня 1929 г.».

Пункт 3 соглашения уточнял: «Право определения той части, которая должна будет отойти в собственность Ученого комитета МНР, предоставляется Академии наук СССР»⁵³³. Окончательное выполнение этого договора осуществляла уже Монгольская комиссия АН под контролем Накркоминдел. В мае 1927 г. заведующий Отделом Дальнего Востока НКВД Б.Н. Мельников напоминал С.Ф. Ольденбургу об обязательном выполнении обязательств, взятых П.К. Козловым, особенно «принимая во внимание прошлогодние трения с Монгольским Учкомом в момент выезда из Монголии наших экспедиций»⁵³⁴. В 1927 г. также предполагалась передача части ноин-ульских коллекций, двумя партиями. Первую часть собирались передать в начале лета с сотрудниками экспедиций Монгольской комиссии, а вторую осенью, после завершения изучения, через полпреда Монголии в Москве.

На заседании Комиссии 22 ноября 1927 г. прибывший из Монголии Н.Н. Поппе также обратил внимание коллег на необходимость скорейшей посылки Учкому оставшихся коллекций экспедиции П.К. Козлова⁵³⁵. На

⁵³³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 2. Экземпляр П.К. Козлова сейчас хранится в Архиве РГО (Ф. 18. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–4). Опул.: Монгол-зөвлөлтийн соел шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). 1921–1960. Боть I. Улаанбаатар, 2000. С. 61–62. В этой публикации неправильно указан год подписания договора: вместо 1926 поставлен 1929 г.

⁵³⁴ Письмо Б.Н. Мельникова к С.Ф. Ольденбургу, май 1927 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 35.

⁵³⁵ Протокол заседания, ноябрь 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1926. Д. 91. Л. 2 об.

следующем заседании, 2 декабря 1927 г., уже заместитель председателя Комиссии академик П.П. Сушкин призвал принять все зависящие от Комиссии меры и как можно скорее передать в Монголию обещанную часть ноин-улинской коллекций и сообщить Учкому подробные сведения о работе по ее изучению⁵³⁶.

Таким образом, академическое сообщество с большой ответственностью относилось к выполнению обязательств перед монгольским Ученым комитетом. В итоге обещанная часть археологической коллекции из Ноин-Улы была передана в Учком. Уже в 1927 г. они вошли в экспозицию его музея⁵³⁷. Сегодня ноин-улинские предметы, найденные экспедицией П.К. Козлова, хранятся и экспонируются в Государственном центральном музее Монголии⁵³⁸.

Деятельность Монгольской комиссии АН в Монголии также проходила со строгим соблюдением правовых норм международного общения и регламентировалась специальными договорами с Ученым комитетом о порядке выполнения работ российскими экспедициями. В Улан-Баторе их подписывал по поручению Академии наук кто-то из руководителей экспедиционных отрядов, один экземпляр затем передавали в Ленинград, где он хранился в делах Монгольской комиссии. Советские ученые с ответственностью относились к выполнению обязательств перед Учкомом. К тому же ход их реализации также контролировался, во-первых, советским представительством в Монголии и

⁵³⁶ Протокол заседания, 2 декабря 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1926. Д. 91. Л. 5.

⁵³⁷ Об этом пишут в частности Г.Ц. Цыбиков (*Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды в двух томах. Т. 2. Новосибирск, 1981. С. 135) и Ю.Н. Рерих (*Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 133)

⁵³⁸ Сегодня экспозиция Ноин-Улы пополнилась материалами раскопок монгольских экспедиций, прежде всего известного монгольского археолога Ц. Доржсурэна. Но особенно замечательные коллекции поступили в Музей от Российско-Монгольской археологической экспедиции под руководством чл.-корр. РАН Н.В. Полосьмак, которая в 2006–2010 гг. продолжила раскопки П.К. Козлова. См.: *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. Кстати, по договору с Академией наук Монголии все материалы раскопок после их изучения и реставрации (а зачастую настоящей реконструкции) в Институте археологии и этнографии СО РАН были возвращены в Монголию.

соответственно Наркоминделом⁵³⁹, и лично Н.П. Горбуновым, не только как председателем Монгольской комиссии СНК СССР, но и одним из членов Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по содействию работам АН СССР⁵⁴⁰, т. е. контроль осуществлялся и на уровне высшего советского партийного руководства. Такое внимание со стороны директивных органов еще раз подчеркивало значимость для советского правительства выстраивания доверительных межгосударственных отношений с МНР, частью которых являлось также и научное сотрудничество.

Договор 1925 г. между Монгольской комиссией СНК СССР и Ученым комитетом МНР о работах экспедиционных отрядов был составлен непосредственно по их прибытии в Улан-Батор. Он был очень кратким, состоял всего из трех пунктов и обязывал советских ученых при проведении работ в Монголии соблюдать законы страны, особенно закон «Об охране памятников старины» и прописывал условия вывоза из Монголии собранных коллекций⁵⁴¹. Документ подписал Б.Б. Полюнов.

Более детально условия работы и обязательства советских исследователей перед Ученым комитетом были прописаны в договоре 1926 г.⁵⁴² От имени Комиссии его подписали 5 июля 1926 г. в Улан-Баторе «три Бориса» – Борис Яковлевич Владимирцов, Борис Михайлович Куплетский и Борис Борисович

⁵³⁹ См., напр.: Письмо замнаркоминдела Л.М. Карахана в ОНУ СНК СССР, 30 августа 1927 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 56.

⁵⁴⁰ Комиссия СНК СССР по содействию работам АН СССР (первоначально в партийных документах она называлась Комиссия для связи и наблюдения за работой АН СССР (Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 44–45)) была создана в ноябре 1925 г. В ее состав вошли А.С. Енукидзе (председатель), Н.П. Горбунов, А.В. Луначарский, В.П. Милютин.

⁵⁴¹ Копия договора, 1925 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 25.

⁵⁴² Из Соглашения между Монгольской комиссией и Учкомом, 5 июля 1926 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 127–129. Текст дается в переводе с монгольского источника, поэтому документ называется «Соглашение». В экземпляре на русском языке он называется «Договор».

Полынов. Ц.Ж. Жамцарано, отмечая его важность в определении принципов сотрудничества, писал С.Ф. Ольденбургу, что этот договор Учком считает «тем путем, по которому пойдут последующие экспедиции, снаряжаемые Академией наук»⁵⁴³.

Структурно договор состоял из пяти основных разделов. В первом определялось количество экспедиций и районы их работы; во втором предписывалось всем участникам экспедиций Монгольской комиссии строго соблюдать законы Монголии, а для изучения какого-либо памятника старины, заповедника, быта и нравов населения получать особое разрешение местных властей; в третьем разделе регламентировался порядок получения разрешения на вывоз научных коллекций, который предполагал все собранные на территории Монголии коллекции сдавать в Учком, где их определенная часть будет отобрана для музея Учкома и «на какое-то время» передана в Академию наук для изучения с последующим возвратом в Учком в оговоренные сроки; оставшая часть коллекций будет передана в собственность Академии наук. При этом историко-археологические материалы должны быть целиком оставлены Учкому. Академии наук предполагалось предавать лишь дуплеты. Каталоги найденных и изученных экспедициями растений и животных также должны быть переданы Учкому. То же касалось и палеонтологических сборов. Ученый комитет оставлял за собой право в дальнейшем самому решать, что из них передавать Академии наук.

Последний, пятый раздел, обязывал руководителей экспедиционных отрядов предоставлять Учкому обстоятельный отчет о проделанной работе, а также передавать вторые экземпляры фотографий и копии рукописей. После публикации отчетов «один экземпляр книг, посвященных работе этих экспедиций, один экземпляр трудов, которые будут издаваться Академией наук или данной Комиссией по итогам работ экспедиции» также должен быть передан Ученому комитету.

⁵⁴³ Цит по: Письмо от 12 сентября 1926 г. // *Решетов А.М.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 77.

Несмотря на такие, казалось бы, жесткие условия работы, российские исследователи их выполняли, что позитивно влияло на взаимоотношения с Учкомом. Это подтверждают отзывы ученых о работе в Монголии. Так, ботаник Н.В. Павлов пишет С.Ф. Ольденбургу: «В Урге нас встретили прекрасно. Жамцарано и Лисовский обо всем позаботились, было готово помещение и обдуманы все потребные для нас бумаги»⁵⁴⁴. Правда, тут же добавляет, что бюрократическая сторона организации работ все усложняется: необходимо иметь открытый лист на право проезда и работ, разрешение на хранение оружия, разрешение на право охоты, разрешение на право фотосъемки, монгольский паспорт и т. п. Но эти претензии относились не к Ученому комитету, которому в своей деятельности также приходилось сталкиваться со все возрастающими по мере развития в Монголии государственного аппарата бюрократическими барьерами. По этому поводу Ц.Ж. Жамцарано даже извинялся перед С.Ф. Ольденбургом: «Учком сильно озабочен разными административными формальностями, которые часто затрудняют академические экспедиции по приезду в Монголию <...>. Надеюсь, что все это волокитство в будущем удастся как-нибудь уменьшить»⁵⁴⁵.

О помощи Учкома в быстром разрешении всех организационных вопросов говорил также Б.Б. Полюнов в своем докладе на заседании Монгольской комиссии 4 ноября 1926 г. Он отметил, что российские исследователи встретили «сочувственное отношение со стороны монгольского правительства и всех представителей Научного комитета. Ни малейшего препятствия нам не чинили, всюду приходили на помощь, быстро разрешали все сложные вопросы. Отношение к экспедиции, к нашей Комиссии, к Академии наук самое благожелательное <...> как со стороны главы правительства, у которого мы были в первый день своего приезда, так, особенно, со стороны председателя Научного

⁵⁴⁴ Письмо Н.В. Павлова к С.Ф. Ольденбургу, 1 июля 1926 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 58. Л. 61.

⁵⁴⁵ Цит по: Письмо от 22 октября 1928 г. // Решетов А.М. Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 79.

комитета»⁵⁴⁶. В опубликованном позже отчете он добавил, что о пребывании в Монголии участники экспедиции сохраняют воспоминания «как о светлом времени дружной, согласной совместной работы»⁵⁴⁷.

Продолжение активного взаимодействия с Учкомом и работ в Монголии требовало типового проекта соглашения о порядке работ и распределения добываемых научных материалов. Этот вопрос был рассмотрен на заседании Комиссии 4 ноября 1926 г. По итогам обсуждения С.Ф. Ольденбургу поручили разработать проект такого договора, согласовать его с НКВД и представить на утверждение Комиссии. При этом предполагалось в дальнейшем для придания договорам статуса официального документа заключать их с Учкомом через полпредство СССР в Монголии⁵⁴⁸. Перевод Монгольской комиссии в структуру Академии наук несколько ослабил контроль над выполнением этого поручения, и к требованию подписывать договора при участии советского диппредставительства больше не возвращались. В дальнейшем с НКВД согласовывали только их текст.

В 1927–1929 гг. за основу был взят договор 1926 г. с уточнением по каждому году количества экспедиционных отрядов и районов их работы. Но в целом условия оставались прежними: в Учкоме остаются копии всех отчетов, сделанных фотографий, карт и др. материалов. Вывоз коллекций осуществляется только по согласованию с Учкомом, при обязательном условии их возврата, за исключением особо оговоренных, передаваемых в дар Академии наук. Договоры подписывал кто-то из руководителей отрядов – уполномоченные Академией наук:

⁵⁴⁶ Отчет Б.Б. Полынова, 4 ноября 1926 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 84.

⁵⁴⁷ *Полинов Б.Б.* Предисловие // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л., 1930. С. 2. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 9).

⁵⁴⁸ Выписка из протокола заседания Комиссии, 6 ноября 1926 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 90. Л. 97.

в 1927 г. – И.П. Рачковский⁵⁴⁹, в 1928 г. – А.Я. Тугаринов⁵⁵⁰, в 1929 г. – Е.В. Козлова⁵⁵¹.

Внешнеполитическое ведомство, как уже указывалось, внимательно следило за выполнением российскими учеными взятых на себя обязательств перед Ученым комитетом, считая их важной составляющей межгосударственных отношений. Так, 30 августа 1927 г. заместитель Наркоминдела Л.М. Карахан в своем письме в ОНУ Совнаркома настоятельно просил проследить за их своевременным выполнением со стороны Академии наук⁵⁵². Речь шла прежде всего о сроках передачи материалов предыдущих экспедиций, взятых для научной обработки в Ленинград.

В целом все условия договоров со стороны советских исследователей выполнялись полностью. Свидетельством этого являются хранящиеся в архивах Монголии отчеты и материалы их экспедиционных исследований, а в музеях страны – собранные коллекции.

3.2.2. Договор Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР о совместных исследованиях в 1930–1934 гг.

Осенью 1928 г. Ц.Ж. Жамцарано предложил С.Ф. Ольденбургу в связи с желанием обеих сторон продолжить сотрудничество проработать вопрос

⁵⁴⁹ Договор с Учкомом, 29 июля 1927 г. (на русск.) // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 50–52; То же (на монг.) // Там же. Л. 53–55.

⁵⁵⁰ Договор с Учкомом, 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1927. Д. 89. Л. 5–5 об. Оpubл.: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 150–151 (пер. с монг.).

⁵⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 59–60. Договор с Учкомом, 24 мая 1929 г.

⁵⁵² Письмо Л.М. Карахана в ОНУ СНК СССР, 30 августа 1927 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25. Л. 56. Письмо Л.М. Карахана в ОНУ СНК СССР, 30 августа 1927 г.

«о дальнейшем координированном и планомерном изучении Монголии»⁵⁵³, т. е. о долгосрочном перспективном плане работ.

Вопрос перспективного планирования научного сотрудничества был поставлен перед Монгольской комиссией как раз в тот момент, когда в СССР развернулась кампания по внедрению планирования научной работы. Эта мера рассматривалась как одна из важнейших, направленных на встраивание Академии наук в советскую государственную систему⁵⁵⁴. По инициативе Научно-исследовательского совета ВСНХ и Госплана СССР 6 апреля 1929 г. в Москве была созвана специальная конференция для выработки рекомендаций научным учреждениям по планированию исследований. А чуть позже, на Общем собрании АН, проходившем в конце апреля 1929 г., впервые был поставлен вопрос о составлении пятилетнего плана научной деятельности АН и ее учреждений. Необходимость его была связана в том числе с «увязкой» деятельности Академии наук с принятым первым пятилетним планом (1928–1932) развития народного хозяйства СССР.

Монгольской комиссии также было поручено разработать план работ на пять лет. В ходе этой работы произошло важное событие в советско-монгольских отношениях: 27 июня 1929 г. СССР и МНР заключили межправительственное соглашение, которое определило основные принципы взаимоотношений между странами⁵⁵⁵. В этом документе был официально закреплён курс монгольских

⁵⁵³ Цит. по: Письмо от 22 октября 1928 г. // *Решетов А.М.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбуру // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 78.

⁵⁵⁴ *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. СПб., 1982. С. 80–92.

⁵⁵⁵ Данное Соглашение было секретным, СССР не хотел афишировать особый характер своих отношений с Монголией и давать Китаю повод для каких-либо политических действий против его заключения, поскольку де-юре Монголия все еще считалась автономной областью Китая, что по советско-китайскому соглашению 1924 г. признавал и СССР. Содержание соглашения опубликовано в: *Катица М.С., Иваненко В.И.* Дружба, завоеванная в борьбе (Советско-монгольские отношения). М., 1965. С. 72–74. Полный текст см.: АВП РФ. Ф. 111. Оп. 11. Папка

властей на сотрудничество с СССР «на пути построения социалистического общества через некапиталистический путь развития»⁵⁵⁶. Соглашение также предусматривало заключение специальных договоров в тех или иных областях, в том числе в сфере научного сотрудничества. В частности, в разделе X, в первом пункте указано, что Правительство СССР соглашается оказать Правительству МНР всемерное содействие «в деле создания научных институтов, организации широкой сети учебных и культурно-просветительских учреждений». В связи с этим одновременно с разработкой перспективного плана работ и на его основе Монгольской комиссией предстояло подготовить также проект долгосрочного договора о сотрудничестве между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР.

В пятилетний план Монгольская комиссия включила в основном продолжение уже начатых академическими учреждениями работ, большинство из которых ранее были согласованы с Учкомом⁵⁵⁷:

– геологические исследования: для создания «общей геологической картины» Монголии с выявлением полезных ископаемых и их генезиса, а также месторождений для промышленной разработки, в связи с чем Монгольская комиссия предлагала районы, где можно было ожидать «нахождения полезных ископаемых практического значения» одновременно направляя и поисково-разведочные партии⁵⁵⁸;

134. Д. 18. Л. 44–61 (*Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1941–1940). М., 1999. С. 265).

⁵⁵⁶ Цит. по: *Бойкова Е.В.* Некоторые проблемы советско-монгольских отношений в 1930-е годы // *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке.* М., 2001. С. 118.

⁵⁵⁷ Подробно см.: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2003. С. 105–116; *она же.* Научно-организационная деятельность Академии наук по исследованию Монголии (1923–1941 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.10. М., 2004. С. 98–110.

⁵⁵⁸ Доклад И.П. Рачковского, 5 июня 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 1.

- геохимические исследования: для выявления месторождений полиметаллических, а также вольфрамовых и оловянных руд;
- почвенные исследования: для характеристики общего характера почв Монголии и условий почвообразования;
- гидрологические исследования, в которых особенно был заинтересован Учком, так как в Монголии отмечалась острая потребность в питьевой воде, особенно при перегоне скота на новые пастбища.

Не были забыты ботанические и зоологические исследования, проведение которых было актуально для разворачивания агрономических работ и решения проблем животноводства (например изучение пастбищ).

Кроме того, в экспедиционные отряды предполагалось включать топографические и астрономические партии для определения координат опорных пунктов по маршруту их следования, нужные для последующих картографических работ. Создание разномасштабных карт Монголии было одной из важнейших проблем, над которой работал Учком. Просьбу о расширении работ по определению астрономических координат Ц.Ж. Жамцарано высказывал С.Ф. Ольденбургу еще в 1925 г., во время приезда в Ленинград на празднование 200-летнего юбилея Академии наук.

Были включены также в качестве важных в научном отношении и археологические работы, прежде всего продолжение раскопок ноин-улинских курганов, а также этнолого-лингвистическое изучение Халхи (Внешней Монголии).

Среди новых направлений планировалось проведение палеонтологических исследований (но не как самостоятельных, а как «необходимое приложение к геологическим исследованиям», для выяснения континентальных отложений, «без изучения которых невозможно выяснить геологическую историю»), палеоэтнологические исследования для изучения древних культур и антропологические – изучение «физического типа и расовых особенностей населения Монголии».

Согласованием плана с НКИД занимался И.П. Рачковский. Наркоминдел в целом одобрил его, посчитав «вполне целесообразным», и поддержал «намерения Академии наук войти на этот счет в соответствующее договорное соглашение с Ученым комитетом МНР»⁵⁵⁹. Одновременно внешнеполитическое ведомство высказало два замечания. Первое касалось расширения геологических работ по поиску месторождений золота⁵⁶⁰. Второй вопрос касался «хозяйственного обследования» Монголии. НКИД настаивал на включении этих работ в договор с Учкомом, поскольку видел в этом «наущную потребность»⁵⁶¹ для самих же монголов в связи с принимаемыми ими мерами по форсированному экономическому развитию страны, в том числе с организацией колхозов и госхозов, намеченной в конце 1928 г. VII съездом МНРП⁵⁶².

Указания Наркоминдела вызвали необходимость дополнительного обсуждения плана и поиска исполнителей работ экономического характера, поскольку в Академии наук на тот момент таких специалистов не было. Этим вопросом занимался лично заведующий ОНУ СНК СССР Е.П. Воронов. По его поручению был направлен запрос Н.И. Бухарину (1888–1938), как члену НТУ ВСНХ и Президиума Коминтерна, активно интересовавшемуся монгольским направлением⁵⁶³: сможет ли он взять на себя организацию экономического

⁵⁵⁹ Письмо Отдела Дальнего Востока НКИД в ОНУ СНК СССР, 13 июля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 37. Л. 98.

⁵⁶⁰ Письмо И.П. Рачковского к С.Ф. Ольденбургу, июль 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 37. Л. 107.

⁵⁶¹ Письмо Отдела Дальнего Востока НКИД в ОНУ СНК СССР, 13 июля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 37. Л. 98.

⁵⁶² *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 221–233.

⁵⁶³ Н.И. Бухарин в 1919–1929 гг. был членом Исполнительного комитета Коминтерна и его Президиума; в середине 1920-х много внимания уделял Монголии. См.: *Роцин С.К.* Бухарин Н.И. и монгольский вопрос // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. Вып. 8. (специальный). М., 1996. С. 36–49; *Morozova I.* The Comintern and Revolution in Mongolia. Cambridge: White Horse Press, 2002.

обследования Монголии или договориться с Коммунистической академией?⁵⁶⁴ Но как раз в это время Н.И. Бухарин был отстранен от своих должностей в ИККИ, а чуть позже и от других политических постов⁵⁶⁵. В итоге руководству ОНУ СНК пришлось самостоятельно вести переговоры с Комакадемией, куда был выслан проект плана и договора Академии наук с Учкомом с просьбой «сообщить их мнение»⁵⁶⁶.

Полученные документы Комакадемия подвергла «принципиальной критике», которая, судя по ответному письму, была вызвана желанием также принять участие в имеющей высокую государственную важность работе в Монголии. Основных претензий к представленным проектам было две: во-первых, план и договор составлены в духе старых «академических» обследований и, во-вторых, отсутствуют необходимые на данном этапе политического развития

⁵⁶⁴ Пометы на письме к Е.П. Воронову, 13 июля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 37. Л. 98. Коммунистическая академия – высшее учебное и научно-исследовательское учреждение. Основано при активном участии В.И. Ленина декретом ВЦИК от 25 июня 1918 г. До апреля 1919 г. именовалась Социалистической академией общественных наук, в 1919–1924 гг. – Социалистической академией, в апреле 1924 г. переименована в Коммунистическую. В первые годы деятельность академии была почти исключительно политико-просветительской и учебной. Структура Комакадемии неоднократно менялась. В начале 1930-х гг. включала институты: Мирового хозяйства и мировой политики; Аграрный; Советского строительства и права; Истории; Философии; Экономики; Литературы и языка; Ленинградское отделение. В феврале 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о ликвидации Комакадемии и передаче ее учреждений и институтов в АН СССР.

⁵⁶⁵ 19 июня 1929 г. на X пленуме ИККИ состоялось отстранение Н.И. Бухарина от поста члена Президиума ИККИ, ему было предъявлено политическое обвинение в том, что он «скатывается к оппортунистическому отрицанию факта все большего расшатывания капиталистической стабилизации, что неизбежно ведет к отрицанию нарастания нового подъема революционного рабочего движения». См.: *Роцин С.К.* Бухарин Н.И. и монгольский вопрос // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. Вып. 8. (специальный). М., 1996. С. 36–49.

⁵⁶⁶ Письмо Е.П. Воронова в Комакадемию, 23 июля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 37. Л. 100.

Монголии экономические работы⁵⁶⁷. Однако дальше традиционной критики действий Академии наук дело не пошло. В конечном итоге в ходе изучения своих возможностей по конкретной работе выяснилось, что участвовать в проведении экономического обследования Монголии Комакадемия не сможет, так как и у нее не нашлось требуемых специалистов, прежде всего по экономике кочевого хозяйства.

Что касается Наркоминдела, то ведомство все же прислушалось к совету И.П. Рачковского не включать экономические исследования без предварительного обсуждения этого вопроса с Учкомом, чтобы не вызывать «настороженности и подозрительности монгольской стороны» этим политизированным, несвойственным Академии наук направлением работы. Монгольская комиссия получила разрешение заключить договор без включения «хозяйственного обследования» и одновременно обсудить с Учкомом его необходимость в дальнейшем⁵⁶⁸.

После согласования проекта плана и договора с Наркоминделом и ОНУ СНК СССР он был утвержден Президиумом АН и направлен в Особую комиссию Госплана, которая утвердила оба документа на своем заседании 5 сентября 1929 г. На этом же заседании было принято решение передать экономическое обследование Монголии в Институт экономических исследований Госплана. Таким образом, Академия наук была освобождена от проведения несвойственных ей работ. Однако, как показали дальнейшие события, монгольское правительство было очень заинтересовано в экономическом изучении страны, и этот вопрос вызвал в дальнейшем весьма положительный отклик.

Вести переговоры по заключению договора с Учкомом в Улан-Баторе Академия наук поручила И.П. Рачковскому. Проект плана Монгольской комиссии

⁵⁶⁷ Письмо Комакадемии к Е.П. Воронову, 17 августа 1929 г. // Там же. Л. 101.

⁵⁶⁸ Письмо И.П. Рачковского к С.Ф. Ольденбургу, 24 сентября 1929 г. // Там же. Л. 107. (*Оно же с дополнением* // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 38–38 об.); Доклад И.П. Рачковского, 5 июня 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 1.

и Договора между Академией наук и Монгольским Ученым комитетом были рассмотрены в Улан-Баторе 28 сентября 1929 г. на расширенном межведомственном совещании, специально для этой цели созванном правительством Монголии. В заседании, кроме представителей Ученого комитета (его председателя О. Жамьяна и ученого секретаря Ц.Ж. Жамцарано), участвовали ответственные работники министерства народного просвещения, Экономического совета МНР, министерства народного хозяйства, а также представитель Коминтерна в Монголии М.И. Амагаев (1897–1944)⁵⁶⁹. И хотя И.П. Рачковский указывал, что по его докладу «как договор, так и план были рассмотрены, одобрены и приняты без изменений»⁵⁷⁰, обсуждение договора выявило ряд противоречий между Академией наук СССР и монгольской стороной по содержанию и характеру работ.

Для российских ученых исследовательская деятельность в Монголии, как правило, являлась базой для последующих теоретических разработок научных проблем. Об этом свидетельствует и принятое на заседании МОНК в январе 1928 г. решение: «...производить строгое разграничение исследовательской деятельности Комиссии и работ, носящих фактический, [практический] характер»⁵⁷¹. Приверженность этому принципу члены Комиссии подтвердили и на заседании 16 марта 1929 г., еще раз отметив, что в задачи Монгольской комиссии не должна входить работа исключительно с практическим уклоном⁵⁷². Правда, следуя риторике времени, в официальных документах Комиссии и выступлениях ее членов непременно подчеркивалась практическая значимость исследований и указывалось, что в план включались работы, «которые должны были не только

⁵⁶⁹ Решение расширенного совещания в Монголии, 28 сентября 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 4–4 об.; См. также: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 167–169.

⁵⁷⁰ Доклад И.П. Рачковского, 5 июня 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 5.

⁵⁷¹ Протокол заседания, 6 января 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1926. Д. 1. Л. 12 об.

⁵⁷² Протокол заседания, 16 марта 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 9. Л. 5.

дать теоретическую научную базу для последующих работ прикладного характера, но и ответить на ряд практических вопросов»⁵⁷³.

В то же время монгольское правительство хотело видеть практическую результативность, причем немедленно, работ Учкома и советских ученых, особенно по экономической и сельскохозяйственной тематике, получать конкретные рекомендации и методики для реализации хозяйственных планов, подчас волюнтаристских в экономическом смысле, но принимаемых декларативно на партийных съездах. Ц.Ж. Жамцарано, как было уже указано, вынужденный действовать в рамках господствующих идеологических установок, пытался находить компромиссы, соединять потребности государственного строительства с направлениями работ академических учреждений. Однако давление государственной системы с приходом к власти леворадикального крыла МНРП значительно усилилось, и Учкому приходилось корректировать направления сотрудничества с Академией наук, подстраиваться под «текущие политические задачи», отодвигая на второй план работы теоретического характера, а также гуманитарные исследования.

В связи с вышеизложенным совещание предложило дополнить представленный Монгольской комиссией план работами хозяйственно-экономической направленности, тесно связанными с задачами государственного строительства. В качестве необходимых были указаны следующие направления совместных работ, выполнение которых будет осуществляться за счет их финансирования Ученым комитетом: а) определение физического состояния скота, имеющегося у населения; б) изучение происходящих хозяйственно-экономических изменений в стране и их «соответствия задачам революции»; в) выявление возможностей создания и определение характера организаций для дальнейшего развития животноводства и земледелия и выработка рекомендаций по созданию коллективных хозяйств; г) изучение быта буддийских монастырей, условий жизни лам и хубилганов; д) исследование возможностей и рекомендации

⁵⁷³ Доклад И.П. Рачковского, 5 июня 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 1.

по организации научно-исследовательских и опытно-показательных учреждений по проблемам животноводства и земледелия; е) выявление демографических проблем населения Монголии⁵⁷⁴.

Совещание подчеркнуло также важность изучения геологии, гидрологии, геодезии Монголии, проведение определений астрономических координат опорных пунктов для последующих картографических работ. При этом все время подчеркивалось, что все научно-исследовательские работы должны отвечать интересам народа, который к тому же «должен быть в курсе работ экспедиций». Для этого Учкому предписывалось популяризировать свою деятельность, знакомить общественность с результатами исследований «путем постановок докладов, лекций, издания брошюр и т. п.»⁵⁷⁵. Наметив общие тенденции дальнейшей совместной работы научных организаций, совещание тем не менее поручило самим договаривающимся сторонам определение первостепенных и второстепенных задач сотрудничества.

Таким образом, несмотря на имевшиеся разногласия научного сообщества и монгольских государственных структур по вопросам сотрудничества, Договор между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР о совместных научных исследованиях в 1930–1934 гг. был заключен 5 октября 1929 г. в Улан-Баторе в том виде, в котором его представила советская сторона. От Учкома его подписали О. Жамьян и Ц.Ж. Жамцарано, от Академии наук – И.П. Рачковский⁵⁷⁶.

Как отмечал позднее в своем докладе о проделанной работе И.П. Рачковский, согласие монгольской стороны с предложенным проектом было получено во многом благодаря полпреду СССР в Монголии А.Я. Охтину⁵⁷⁷. По-

⁵⁷⁴ Решение совещания, 28 сентября 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 4, 4 об.; см. также: Постановление совещания // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 168.

⁵⁷⁵ Решение совещания, 28 сентября 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 4, 4 об.

⁵⁷⁶ Оригинал договора на русском и монгольском языке находится в СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 16. 20 листов.

⁵⁷⁷ Доклад И.П. Рачковского, 5 июня 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 5.

видимому, важную роль сыграл и сам И.П. Рачковский. Он объяснил собравшимся, что «договор – есть просто схема, которая будет претерпевать очень существенные изменения», поскольку Монголия быстро изменяется, «и то, что намечено сегодня, может в ближайшие месяцы устареть»⁵⁷⁸. Поэтому ни в пятилетнем плане, ни тем более в Договоре не следует детализировать работы. Текущие вопросы можно решать, добавляя или расширяя направления работ в зависимости от конкретных условий каждого года.

Рассмотрим более детально содержание первого долгосрочного договора о сотрудничестве между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР.

В основу Договора, как было указано выше, была положена структура и текст договоров с Ученым комитетом о порядке выполнения работ экспедициями Монгольской комиссии 1926–1929 гг. и проект пятилетнего плана на 1930–1934 гг.

В первом параграфе Договора были сформулированы направления исследований, цели, продолжительность работы советских экспедиций в Монголии, определены руководители соответствующих направлений или экспедиционных отрядов. В период 1930–1934 гг. в Монголии должны были работать следующие отряды:

– геологический, под руководством И.П. Рачковского. Его цель – изучение геологического строения Северо-Западной Монголии и Хангайского нагорья с прилегающими к нему с юга-запада районами, незавершенное предыдущими работами, а также составление геологической карты указанных районов и необходимой для нее топографической основы. Для определения основных астрономических опорных пунктов в районе работ в состав отряда будет включаться особая астрономо-геодезическая партия. Срок работы – пять лет;

– геохимический, под руководством Б.М. Куплетского, главная задача которого состояла в продолжении начатых в 1926 г. работ по геохимическому исследованию Северо-Восточной Монголии. Срок работы – 2 года;

⁵⁷⁸ Там же.

– палеонтологический, под руководством академика А.А. Борисяка должен был начать изучение месторождений ископаемых позвоночных Центральной Азии. Срок работы – 2 года;

– гидрологический, под руководством В.А. Смирнова, планировал провести гидрогеологические исследования в районе Гоби. Срок работы – 4 года;

– почвенный, под научным руководством Б.Б. Польшова, продолжал изучение почвенного покрова Монголии и обеспечивал создание почвенной карты страны. Срок работы – 3 года;

– ботанический, под научным руководством академика В.Л. Комарова, и зоологический под руководством А.Я. Тугаринова наметили дальнейшее исследование растительного покрова, состава и характера фауны Монголии. Продолжительность работы – 4 года;

– палеоэтнологический, под руководством проф. С.А. Теплоухова, должен был заниматься изучением древних культур и распространением евразийских влияний в Центральной Азии. Срок работы – 5 лет;

– археологический, под руководством Г.И. Боровки, продолжал в течение двух лет раскопки ноин-ульских курганов;

– антропологический, под руководством проф. С.И. Руденко, начинал изучение физического типа и расовых особенностей населения Монголии. Срок работы – 2 года;

– этнолого-лингвистический, под научным руководством академика Б.Я. Владимирцова, в течение пяти лет должен был продолжать изучение Халхи.

Как видим, из новых направлений были включены только палеонтологические и антропологические исследования, вопрос о которых обсуждался Монгольской комиссией ранее. Научными руководителями работ и руководителями экспедиционных отрядов назначались авторитетные ученые, в большинстве своем уже неоднократно бывавшие в Монголии и хорошо знакомые с ее природными условиями и национальными особенностями.

Затем, в параграфах 2–4 Договора были прописаны возможные условия изменения по тем иным причинам запланированных исследований, времени и

продолжительности их работы. В соответствии с параграфом 3 планировалось включение работ из рекомендованного Совещанием списка, в зависимости от их необходимости по годам и имеющегося финансирования.

Параграфы 5 и 6 оговаривали обязательность согласования всеми участниками работ своей деятельности на территории Монголии с действующим законодательством страны, особенно с известным законом «Об охране памятников старины».

Далее следовали обязательства Монгольского Ученого комитета оказывать всемерное содействие всем экспедиционным отрядам Академии наук для успешного выполнения ими намеченных работ.

Параграфы 8–17 разъясняли порядок распределения собранных на территории Монголии научных материалов и коллекций между Академией наук и Ученым комитетом, их вывоза для научной обработки в СССР, отчетности о проделанной работе.

В параграфах 18–22 содержались обязательства уже советской стороны по приему сотрудников Учкома, командированных в СССР, и порядок распределения коллекций, собранных монгольскими исследователями на территории СССР.

Следующие два параграфа (23-й и 24-й) касались вопроса публикаций результатов исследований в специальном издании «Труды Академии наук СССР и Ученого комитета МНР». В Договоре отмечалось, что издание предполагается печатать на русском и монгольском языках в СССР и передавать Ученому комитету в количестве 50 экземпляров⁵⁷⁹.

В тот же день, когда был подписан Договор, 5 октября 1929 г., руководители Монгольского ученого комитета направили в Академию наук письмо, в котором изложили свои предложения по расширению работ, зафиксированных Договором. Для этих целей Учком выделял дополнительное ежегодное финансирование, которое можно было потратить на приобретение

⁵⁷⁹ Договор АН СССР и Ученого комитета Монголии о совместных научных исследованиях в 1930–1934 гг. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 169–174.

научного инвентаря и снаряжения, найм рабочих, проводников и переводчиков, оплату средств передвижения и труда научного и технического персонала экспедиций при условии, что все приобретенное на средства Учкома будет находиться на учете Учкома и через пять лет поступит в его собственность⁵⁸⁰.

Ученый комитет просил у Академии наук: а) расширить работы геологического, почвенного, гидрологического и астрономо-геодезического отрядов; б) назначить уполномоченного от Академии наук для ежегодного представления Ученому комитету отчетов о расходовании выделяемых им средствах; в) разрешить направлять за счет Учкома молодых сотрудников для обучения в СССР; г) командировать в Учком на 1–2 года квалифицированного монголиста для работы по «учету и упорядочению монгольской научной терминологии» (Расходы по его пребыванию в Монголии Учком брал на себя); д) включить в совместные исследования изучение тибетской медицины. В своем письме руководители Ученого комитета также еще раз подтвердили свою готовность оказывать всемерное содействие посылаемым Академией наук сотрудникам для работы в научных учреждениях Монголии.

Договор в том виде, в каком он был подписан, в определенной мере стал завершающим актом самого плодотворного этапа в довоенный период взаимодействия Академии наук и Ученого комитета. В 1925–1929 гг. Монгольская комиссия АН снарядила 24 экспедиционных отряда, которые провели следующие исследования: археологические (1925, 1926: Г.И. Боровка, С.А. Теплоухов), геологические (1925, 1926, 1927: И.П. Рачковский, З.А. Лебедева, Н.А. Кулик, М.Ф. Нейбург, В.М. Севко, В. Гарле), ботанические (1926, 1928, 1929: Н.В. Павлов, И.П. Иконников-Галицкий, В.А. Иконникова-Галицкая), геохимические (1925: Б.М. Куплетский, Е.Е. Лабунцова-Костылева, Н.М. Прокопенко (1899–1955)), гидрохимические (1926: В.А. Смирнов), зоологические (1926, 1928, 1929: А.Н. Кириченко, А.Я. Тугаринов,

⁵⁸⁰ Письмо О. Жамьяна и Ц.Ж. Жамцарано в Академию наук, 5 октября 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 5–7; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 175.

А.Н. Формозов, А.И. Иванов, А.И. Аргиропуло, Е.В. Козлова, В.В. Рогозов), почвенно-географические (1925, 1926, 1927: Б.Б. Польшов, Н.Н. Лебедев, И.М. Крашенников, Ю.С. Неуструев, Б.М. Заматкинов, О.Н. Михайловская, И.К. Вехов, Л.А. Амстердамская), этнолого-лингвистические (1925, 1926, 1927, 1929: Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Б.Б. Бамбаев, В.А. Казакевич, Г.Д. Санжеев).

В экспедициях принимали участие ученые, для большинства из которых работа в Монголии являлась составной частью их собственных исследовательских программ и отражала традиционное направление исследований, представляемых ими научных, как правило, академических учреждений.

Два года, в 1927–1928 гг., работала Гобийская экспедиция (В.А. Смирнов, Н.Н. Лебедев, И.К. Вехов), которая явилась первой попыткой комплексного подхода к исследованию определенной части территории Монголии. В ходе ее деятельности были проведены гидрологические, геохимические, почвенные и ботанические исследования с ведением топографической съемки по маршруту⁵⁸¹.

Проведенные советскими учеными работы вписывались в задачи, решаемые Ученым комитетом под руководством О. Жамьяна и Ц.Ж. Жамцарано: развивать прикладные исследования страны на основе глубокого изучения общих проблем естественнонаучных дисциплин, а также изучать язык, историю и культурное наследие монголов.

О проделанной в Улан-Баторе работе по подписанию Договора И.П. Рачковский доложил на заседании Ученого комитета ЦИК СССР, во время обсуждения плана экспедиций полевого сезона 1930 г. Он с сожалением отметил, что, несмотря на то что при составлении пятилетнего плана Монгольская комиссия старалась учитывать ограниченность государственных валютных средств, все же она несколько переоценила финансовые возможности Академии наук. В то время как в Улан-Баторе обсуждался Договор, в Москве проходило

⁵⁸¹ Отчет В.А. Смирнова // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 162–164. 28 февраля 1929 г.

утверждение смет на 1930 г., и бюджет Монгольской комиссии был значительно сокращен⁵⁸². Поэтому большую часть намеченных по Договору работ в 1930 г. пришлось отложить до более благоприятных времен (этот вопрос будет рассмотрен в подпараграфе 3.3.2). Развернувшееся в СССР осенью 1929 г. «академическое дело», государственные мероприятия по мобилизации науки на решение проблем индустриализации страны, с одной стороны, и резкое ухудшение внутривластной ситуации в Монголии в связи с так называемым «левацким экспериментом»⁵⁸³, с другой стороны, не позволили в полной мере осуществить намеченные Академией наук исследования. Однако сам факт заключения первого официального договора Академии наук СССР и Ученого комитета МНР о долгосрочных совместных исследованиях являлся важным шагом в развитии сотрудничества советских ученых с монгольскими коллегами, юридически закрепляя его характер и содержание. Кроме того, Договор решал многие вопросы правового обеспечения работ российских исследователей в Монголии.

3.2.3. Договор о сотрудничестве

Академии наук СССР и Комитета наук МНР в 1935–1939 гг.

В 1934 г. закончился срок действия первого долгосрочного Договора между Академией наук и Ученым комитетом о проведении совместных исследований. Предполагалось, что он будет регламентировать порядок и направление работ по

⁵⁸² СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 3. Доклад И.П. Рачковского, 30 июня 1930 г.

⁵⁸³ Годы 1929–1932 в литературе по истории Монголии в XX в. известны как период «левого уклона». В результате острой внутривластной борьбы при поддержке Коминтерна и советского правительства власть в стране перешла к сторонникам радикальных мер по проведению социалистических преобразований, копируя опыт СССР, без учета национальных особенностей исторического развития, что привело к широко развернувшимся народным волнениям (см.: *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 218–268.

изучению Монголии, проводимые Академией наук совместно с Комитетом наук (Ученым комитетом). Однако в силу ряда внутренних (по содержанию) и внешних причин договор в полном объеме так и не был выполнен.

К внутренним причинам можно отнести заложенную уже при подготовке необязательность исполнения указанных в договоре работ («договор – есть просто схема») и выявившиеся при его подписании расхождения между планами Академии наук и Учкома, а также возросшие требования монгольского правительства к практической результативности научной деятельности. К внешним причинам следует отнести в первую очередь кардинальные перемены, произошедшие за пять лет действия Договора как во взаимоотношениях Академии наук и советского государства, следствием чего стали кадровые перемены в руководстве Академии наук в целом и в Монгольской комиссии в частности, так и смену руководства Комитета наук (Ученого комитета) и усиление административного давления на его деятельность. До 1930 г. вопросы взаимодействия между двумя научными учреждениями решались преимущественно их руководителями – С.Ф. Ольденбургом и Ц.Ж. Жамцарано, учеными, хорошо знавшими друг друга. Они имели сходные взгляды на развитие науки, ее место и значение в государственном строительстве. После 1930 г., когда процесс вовлечения Академии наук в сферу жесткого государственного контроля практически завершился, все решения по научному международному сотрудничеству утверждались на официальном уровне, нередко директивно. И самое главное, изменились задачи, поставленные перед Академией наук СССР и Комитетом наук: их деятельность должна была быть направлена на реализацию планов экономического и хозяйственного развития соответствующих стран. А именно такая направленность сотрудничества была отображена в Договоре 1929 г. недостаточно.

К этому следует также прибавить и такие очевидные факторы, как социально-политическая нестабильность и экономический кризис в Монголии в этот период (1930–1932 гг.), в результате чего Комитет наук не смог выполнить финансовые обязательства перед Монгольской комиссией АН СССР по

организации совместных экспедиций, заложенные в договоре. Таким образом, договор в полном объеме соответствовал только одной своей функции – правовому обеспечению работ советских исследователей в Монголии. При этом в 1934 г. по не зависящим от Академии наук и Комитета наук обстоятельствам экспедиционные исследования в Монголии были прекращены (см. § 3.3.3).

В то же время Договор 1929 г. стал юридическим основанием для сохранения в рамках деятельности Монгольской комиссии АН СССР целого ряда научных направлений, не имевших явно выраженного хозяйственно-практического применения (археологических, этнолого-лингвистических, ботанических, зоологических и т. д.).

В начале 1934 г. председатель Комитета наук Монголии Л. Дэндэв (1895–1957) и член его Бюро, предыдущий председатель Комитета наук (в 1930–1932 гг.), а ныне председатель Малого Хурала МНР А. Амар (1886–1941) обратились к неперемемному секретарю Академии наук В.П. Волгину (1879–1962), назначенному в 1930 г. на эту должность вместо отстраненного С.Ф. Ольденбурга, с просьбой возобновить работы по Договору, однако «с внесением в него тех изменений, которые диктуются опытом прошлых лет»⁵⁸⁴. Эти изменения заключались, во-первых, в предложении придать деятельности экспедиционных отрядов более продолжительный характер – не два-три месяца работы в Монголии и затем длительная обработка результатов в России, а два-три года. При этом увеличение продолжительности работы должно произойти за счет «значительного расширения» времени обработки материалов в самой Монголии. Во-вторых, Комитет наук просил продолжить деятельность комплексных экспедиций 1930–1931 гг., руководимых И.Г. Дмитриевым, «ввиду их большой полезности» (см. § 3.3.2). Данная просьба была связана с поставленными перед Комитетом наук задачами по преодолению тяжелейших экономических последствий «левацкого эксперимента», в который была ввергнута Монголия в

⁵⁸⁴ Письмо Л. Дэндэва к В.П. Волгину, 3 января 1934 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8. Л. 47.

1930–1932 гг., прежде всего по улучшению качества кочевого скотоводства. На его ускоренное развитие была сделана главная ставка нового на тот момент руководства Монголии. В связи с этим Комитету наук поручалось изучение «природной и социальной обстановки монгольского скотоводства, его техники и экономики» для «возможной рационализации методами современной науки», однако при сохранении «кочевого принципа как основного вида скотоводства»⁵⁸⁵. В решении этой проблемы, по предположению монгольской стороны, большое значение могли бы иметь как раз обследования аратских хозяйств, начатые в 1930 г. экономическими отрядами И.Г. Дмитриева и И.В. Погорельского.

Комитет наук просил также возобновить работу ботанического отряда под общим руководством академика В.Л. Комарова, животноводческого под руководством Я.Я. Луса и геологического под руководством И.П. Рачковского. Кроме того, было выражено пожелание о продолжении работ по изучению монгольской музыки, которые проводил С.А. Кондратьев. К тому же он, по мнению Комитета, «может быть полезен и для метеорологических и астрономо-геодезических работ», необходимость в расширении которых становится все актуальнее, поскольку на эти работы завязана организация других исследований в силу их большой практической значимости.

Л. Дэндэв обратился лично к В.Л. Комарову как вице-президенту Академии наук с настоятельным приглашением приехать в Монголию не только для научно-исследовательской работы, но и в целях дальнейшего развития и укрепления связи между Комитетом наук МНР и Академией наук СССР и лично подписать новый договор между ними.

Для обсуждения проекта договора В.Л. Комаров в сентябре 1934 г. собрал заседание Монгольской комиссии. Он огласил просьбу Комитета наук о продлении договора и его предложения по содержанию и условиям сотрудничества. Комитета наук в новом договоре просил отразить: 1) разделение условий организации и проведения исследований, проводимых Академией наук в

⁵⁸⁵ План работы Комитета наук // НЦА Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 207. X. 9.

Монголии самостоятельно и совместно с Комитетом наук; 2) порядок использования результатов исследовательской работы до их публикации; 3) обмен научной литературой, материалами и информацией; 4) подготовку и повышение квалификации монгольских научных кадров в СССР.

Откликаясь на просьбу Комитета наук, Монгольская комиссия разработала проект договора о совместных исследованиях Монголии в 1935–1939 гг., который с принятыми поправками был утвержден Президиумом АН 15 октября 1934 г.⁵⁸⁶ В основном текст нового документа повторил Договор 1929 г., но имел и несколько существенных отличий⁵⁸⁷. Во-первых, в нем отсутствовал перечень планируемых исследований. Предполагалось, что по согласованию с Комитетом наук ежегодно будет разрабатываться конкретный план работ. Такой порядок давал возможность более гибко учитывать потребности монгольской стороны. Во-вторых, для более оперативного получения результатов исследований обработка собранных экспедициями научных материалов должна преимущественно происходить в Монголии, в соответствии с пожеланиями, высказанными председателем Комитета наук Л. Дэндэвом неременному секретарю В.П. Волгину в письме от 3 января 1934 г. Третьим важным обстоятельством являлось обязательство Академии наук взять на себя подготовку к научной работе командированных Комитетом наук монголов, правда, по предварительному в каждом отдельном случае соглашению. Внесли дополнение и в пункт о публикации материалов исследований в специальной серии «Труды Монгольской комиссии АН СССР и Комитета наук МНР»: часть тиража каждого

⁵⁸⁶ Выписка из протокола заседания Президиума АН, 15 октября 1934 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8. Л. 5.

⁵⁸⁷ Проект договора // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8. Л. 6–10. Следует отметить, что диссертантом выявлено два проекта договора. Один хранится в СПФ АРАН (Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8), другой, на наш взгляд, более ранний в АВП РФ (Ф. 111. Оп. 18. Папка 17. Д. 30. Л. 2–6).

выпуска (50 экземпляров) в обязательном порядке предоставлялась Комитету наук⁵⁸⁸.

Комитет наук, как указывалось выше, просил для подписания договора приехать в Улан-Батор председателя Монгольской комиссии и вице-президента АН СССР академика В.Л. Комарова. Но его поездка в Монголию не состоялась ввиду большой загруженности работой⁵⁸⁹. Провести переговоры по согласованию договора вновь поручили провести И.П. Рачковскому, а подписать его от имени Академии наук он должен был вместе с Н.Н. Поппе, назначенным возглавлять этнолого-лингвистический отряд⁵⁹⁰. Однако и они не смогли приехать, поскольку с 1934 г. все экспедиционные исследования Академии наук в Монголии прекратились (см. § 3.3.3). Таким образом, этот договор так и остался неподписанным. Тем не менее, в переписке между Комитетом наук и Академией наук в 1940-х гг. о необходимости заключения очередного договора стороны ссылались на окончание сроков действия договора 1934 г. По-видимому, и для монгольской, и для советской стороны вполне хватало джентельменских договоренностей о взаимодействии.

Впрочем, что касается выполнения этого Договора, то из трех направлений сотрудничества: экспедиционного, издательского и оказания помощи в обучении монгольских студентов, было реализовано только издательское направление и частично – прием монгольской молодежи для обучения в академических учреждениях. Экспедиционные работы Академии наук в Монголии возобновились только в 1946 г.

Из сказанного выше следует, что деятельность советских ученых в рамках Монгольской комиссии АН СССР и ее взаимодействие с Комитетом наук МНР

⁵⁸⁸ Проект договора // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8. Л. 8.

⁵⁸⁹ Комитет наук очень ждал В.Л. Комарова в 1934 г. и в конце сентября телеграммой еще раз запросил о возможности его приезда (СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8. Л. 42).

⁵⁹⁰ Выписка из протокола заседания Президиума АН, 22 апреля 1935 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 16. Л. 1.

проходили с соблюдением правовых норм международного общения и регламентировались специальными, ежегодно заключаемыми договорными обязательствами Академии наук СССР с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР. Академия наук СССР ответственно подходила к выполнению взятых обязательств. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в монгольских архивах отчеты советских ученых и переданные ими в Комитет наук (Ученый комитет) научные коллекции. Общие направления и характер сотрудничества определялись долгосрочными (пятилетними) договорами (на 1930–1934 и 1935–1939 гг.) между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР.

§ 3.3. Деятельность Монгольской комиссии в условиях государственного администрирования Академии наук СССР и Комитета наук МНР, 1934–1945 гг.

В параграфе рассматриваются изменения приоритетов в целях и задачах сотрудничества, произошедшие в Комитете наук МНР и Академии наук СССР в начале 1930-х гг. в условиях активного государственного давления на деятельность научных учреждений: от преимущественно академического характера исследований к прикладным, отвечающим задачам хозяйственно-экономического развития Монголии. Анализируются мероприятия по усилению контроля над содержанием сотрудничества Академии наук и Комитета наук со стороны директивных органов на их соответствие политическим задачам СССР в Монголии.

3.3.1. Реорганизация Комитета наук МНР: изменение приоритетов, расширение задач

В подпараграфе показаны организационные и кадровые изменения, произошедшие в первом научном учреждении Монголии в 1930-е гг., и их причины, расширение задач практической направленности, развитие

сотрудничества с Академией наук СССР по подготовке национальных исследовательских кадров.

Деятельность Монгольской комиссии АН СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. проходила в условиях усиливающегося влияния властных структур на внутреннюю жизнь Академии наук и усиления критики за «отрыв от практической жизни». В 1929 г. давление на Академию наук приобрело характер прямых обвинений во вредительской деятельности. Сфабрикованное осенью 1929 г. так называемое «академическое дело», последовавшие затем «чистки» и репрессии академического сообщества коснулись и Монгольской комиссии. Самым серьезным ударом явилось отстранение в ноябре 1929 г. от должности неперменного секретаря, а фактически руководителя Академии наук и председателя Монгольской комиссии С.Ф. Ольденбурга⁵⁹¹. Именно он был инициатором сотрудничества с Ученым комитетом Монголии, оказания помощи в становлении его исследовательской работы и организации широкомасштабного исследования страны российскими учеными. По «академическому делу» был арестован и ученый секретарь Монгольской комиссии минералог В.И. Крыжановский, чуть позже – сменивший его на этой должности А.И. Руднев, а также члены Монгольской комиссии археолог Г.И. Боровка и директор Зоологического музея А.А. Бялыницкий-Бируля.

Этот год был переломным и в истории Ученого комитета, что явилось результатом смены политического руководства страны. В конце 1928 г. (23 октября – 10 декабря 1928 г.) состоялся VII съезда МНРП, где был осужден так называемый «правый уклон» в партии. Его лидеры – представители национально-демократических сил страны, сторонники умеренного, «эволюционного» развития Монголии, представители в основном монгольской интеллигенции, были отстранены от власти. На ключевые партийные и государственные посты пришли так называемые «левые» – приверженцы

⁵⁹¹ Об С.Ф. Ольденбурге и его многогранной деятельности см., напр.: *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.

радикальных мер и методов социального переустройства Монголии. Накапилась обстановка и вокруг Ученого комитета. Об этих обстоятельствах Ц.Ж. Жамцарано с горечью писал Б.Я. Владимирцову: «В настоящее время Учком переживает такое же кризисное состояние, какое испытала и Академия наук. Что останется в конце концов от Учкома – Аллах ведает. Останемся ли я лично и Жамьян-гун – неизвестно. Есть надежда, что Учком как научно-исследовательское учреждение будет сохранен, но будет подвергнут радикальной [ре]организации в личном составе и в смысле сближения с революционной общественностью»⁵⁹².

Кадровые изменения произошли в Учкоме в начале 1930 г. Как один из лидеров «правых», Ц.Ж. Жамцарано был снят с должности ученого секретаря. Он был обвинен в идеализации особого пути социального развития Монголии и исключен из МНРП. И хотя в 1931 г. в специальном письме, направленном в ЦК МНРП, Ц.Ж. Жамцарано вынужден был признать свои политические «ошибки», жить в Монголии ему становилось все труднее. До отъезда в Ленинград в 1932 г. он работал рядовым сотрудником Ученого комитета⁵⁹³.

В декабре этого же 1930 г., после смерти председателя Учкома О. Жамьяна, новым руководителем научного учреждения был назначен бывший премьер-министр Монголии А. Амар, отстраненный от высших государственных постов также за приверженность «правым» идеям⁵⁹⁴. Назначение председателем Комитета высокопоставленного государственного чиновника вместо ученых-

⁵⁹² Письмо от 13 июля 1929 г. // *Решетов А.М.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к Б.Я. Владимирцову // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 86.

⁵⁹³ *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 23.

⁵⁹⁴ Амар Агданбуугийн (1886–1941) – монгольский государственный деятель, до 1928 г. возглавлял (в разные годы) МИД, МВД, МНХ, премьер-министр МНР (1928–1930; 1936–1939), председатель Комитета наук МНР (1930–1932), председатель Президиума Малого Хурала (1932–1936). Арестован в марте 1939 г., расстрелян в СССР в 1941 г. См.: *Хишигт Н., Цолмон П.* О деятельности А. Амара в области образования и науки // Агданбуугийн Амарын мэндэлсэний 120 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл (Материалы конференции в честь 120-летия А. Амара). Улаанбаатар, 2007. С. 43–53.

гуманитариев О. Жамьяна и Ц.Ж. Жамцарано способствовало усилению административного влияния на его деятельность со стороны властных структур.

Ц.Ж. Жамцарано не мог спокойно отстраниться от участия в деятельности Ученого комитета, душой которого, по определению российско-польского востоковеда В.Л. Котвича, он являлся⁵⁹⁵. Он видел будущее Учкома только в тесном сотрудничестве с Академией наук. В связи с этим незадолго до своей отставки он обратился к Б.Я. Владимирцову с просьбой донести до С.Ф. Ольденбурга его идею «теснее связаться с Академией наук и, если можно, образовать нечто вроде акционированного научного учреждения». «Быть может, – писал Ц.Ж. Жамцарано, – самое лучшее, если Академия наук или Институт буддологии откроет свой филиал и путем договора установит тесный контакт с правом руководства и инструктирования научной деятельности Учкома до тех пор, пока из среды самих монголов не появятся свои квалифицированные научные сотрудники. Примерно на 15–20 лет»⁵⁹⁶. Необходимость координации работ с Академией наук, к счастью, поняли новые руководители Учкома, и хотя «акционированное научное учреждение» не было создано, тесная связь с Академией наук, с ее Монгольской комиссией сохранилась.

В 1930 г. в связи с планируемым расширением деятельности и круга решаемых задач, направленных на реализацию постановлений партийного съезда по ускоренному социально-экономическому преобразованию страны, Ученый комитет был реорганизован и переименован в Комитет наук. В Положении, регламентирующем его деятельность, указывалось, что Комитет наук состоит при правительстве МНР и является высшим научным учреждением страны. Он проводит работу «на основе директив вышестоящих органов» и руководствуется в своей научной деятельности «задачами развития и укрепления переустройства МНР на социалистических началах»⁵⁹⁷. Положение определяло научные

⁵⁹⁵ Котвич В. Л. Среди монгольских племен // Новый Восток. 1923. Кн. 2. С. 121.

⁵⁹⁶ Цит. по: Письмо от 13 июля 1929 г. // Реуэтов А.М. Письма Ц.Ж. Жамцарано к Б.Я. Владимирцову // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 86.

⁵⁹⁷ Временное положение, 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 54–69.

направления, исследования по которым проводит Комитет наук. К преимущественно академическим исследованиям (географическим, естественноисторическим, точным наукам, этнологии, лингвистике, изучению истории, культуры и населения Монголии и Центральной Азии) добавились новые, актуальные в данный политический момент, – изучение «современной экономики» и классовой борьбы. Сохранились также и изначально поставленные перед первым научным учреждением Монголии задачи: охрана исторических памятников и документов, подготовка исследовательских кадров, организация экспедиционного изучения страны, издание научных трудов.

Положение определяло структурное развитие Комитета наук в соответствии с его новой главной задачей – участия в хозяйственно-экономическом переустройстве страны. Предполагалось, что в его состав войдут три отделения: 1) естественно-географических наук (отделы: географический (подотделы: астрономо-геодезический, картографический, почвенно-биологический), геологический (подотделы: минералогический, палеонтологический, гидрологический, геологии полезных ископаемых), метеорологический, биологический); 2) культурологии и истории (отделы: этнологии (с этнографическим, антропологическим, археологическим подотделами), лингвистический, исторический, культуры Центральной Азии, «физического состояния населения, его труда и питания») и новое, 3) отделение производительных сил страны (по аналогии с российским КЕПС – Комиссией по изучению естественных производительных сил страны) с отделами экономических наук и сельскохозяйственных наук (подотделы земледелия и животноводства).

В качестве вспомогательных учреждений в ведении Комитета наук остались Научная библиотека, Государственный музей и Государственный архив,

действующие на основании особых положений, утверждаемых Комитетом наук, а также специальные комиссии, учреждаемые по мере необходимости⁵⁹⁸.

Таким образом, по новому Положению, задачи Комитета наук были значительно расширены и кроме традиционных для научных организаций исследовательских направлений был добавлен широкий круг прикладных проблем, решение которых, казалось бы, следовало отнести к компетенции ведомственных государственных структур, отвечающих за экономическое развитие страны. Такой перекоп в распределении задач был связан, с одной стороны, с еще слабым развитием правительственных учреждений, которые в еще недавно феодально-теократической Монголии приходилось создавать практически с нуля. С другой стороны, скудость государственного бюджета Монголии не позволяла широко развивать научные исследования в отрыве от практики. Тем не менее, решение чисто утилитарно-прикладных задач проходило в рамках конкретных министерств с привлечением советских специалистов из соответствующих ведомственных учреждений (геологоразведка, здравоохранение, животноводство и земледелие)⁵⁹⁹.

Заявленные в Положении структурные подразделения в подавляющем большинстве своем еще только планировались к созданию. Фактически в 1930 г.

⁵⁹⁸ Так, например, практически с основания Ученого комитета работала Терминологическая комиссия.

⁵⁹⁹ Например, по просьбе правительства Монголии Наркомздрав РСФСР организовал медико-санитарную экспедицию (с перерывами работала в 1926–1938 гг.); Наркомат земледелия в июле 1936 г. направил ветеринарную экспедицию, которая работала до 1939 г., а затем ее монгольские сотрудники вошли в состав Министерства скотоводства и земледелия и Комитета наук МНР (Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 134, 177, 533, 552). Широко известна деятельность в Монголии Восточной геологической экспедиции (в первые годы – экспедиция Проммонголстроя), которая начала свои работы в 1931 г. и действовала более 20 лет. На ее базе затем было создано Геологоразведочное управление при Совмине МНР. Экспедиция работала в тесном контакте с Комитетом наук (Маринев Н.А. Роль русских и советских геологов в изучении геологии и полезных ископаемых Монголии. М.: Недра, 1981. С. 31–85).

работали кабинеты (отделы) языка и литературы, истории, географии, фотолаборатория, библиотека, музей и архив.

Вместе с новым Положением был разработан также подробный план работ Комитета наук на 1931–1935 гг., в котором были детально прописаны исследования по всем направлениям, а также деятельность музея, библиотеки и архива⁶⁰⁰. В плане работ по Отделению производительных сил страны отмечалось, что Комитет наук предполагает пригласить ученых из СССР, которые одновременно с разработкой перечисленных проблем будут осуществлять «и общий научный контроль над производством в основных отраслях народного хозяйства с точки зрения максимальной его (производства) рационализации»⁶⁰¹. Однако финансовые возможности Комитета наук не позволяли принять требуемое число специалистов. Поэтому часть из поставленных перед Комитетом наук задач по его просьбе была включена в исследовательские программы экспедиций Монгольской комиссии. В 1930–1931 гг. Монгольская комиссия снарядила большую комплексную экспедицию, сформированную по новому принципу: ключевое значение имел экономический отряд, который должен был помочь Комитету наук в выработке рекомендаций правительству по ряду вопросов хозяйственного строительства «на социалистических началах» (см. подпараграф 3.3.2).

В состав Комитета наук в 1930-х гг. вошли наряду с дореволюционной монгольской интеллигенцией представители уже нового поколения исследователей, часть из которых получила образование в Советской России. Среди них в будущем известные монгольские ученые Б. Ринчин, Ц. Дамдинсурэн, Д. Нацагдорж. Но для активного развития Комитету наук по-прежнему остро не хватало профессиональных кадров во всех сферах деятельности. В июле 1929 г. Ц.Ж. Жамцарано жаловался Б.Я. Владимирцову: «Молодых людей, желающих избрать себе карьеру ученого, очень мало. К тому же не всякий обладает

⁶⁰⁰ План работы на 1931–1935 гг. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 46–53.

⁶⁰¹ План работы на 1931–1935 гг. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 51об.

нужными способностями и качествами, да сверх этого не каждый начинающий ученый в состоянии угодить бурному революционному духу времени»⁶⁰².

Весной 1931 г. состоялась поездка в СССР руководителя Комитета наук А. Амара для обсуждения вопросов научного сотрудничества с Академией наук и другими советскими научными организациями. О целях его визита Ц.Ж. Жамцарано писал в Монгольскую комиссию: «Амар командирован нарочито для установления связи и согласования научной деятельности Комитета наук с деятельностью Академии наук»⁶⁰³. В числе вопросов, которые собирался обсудить А. Амар, были также оказание помощи в подготовке научных национальных кадров в аспирантуре Академии наук и приглашение советских ученых для работы в Монголии на длительный срок. В 1931 г. Комитету наук в частности требовались: музеевед, астроном, геодезист, два экономиста (один из них – на должность ученого секретаря), метеоролог⁶⁰⁴. Что касается аспирантуры, то в ходе визита А. Амара была достигнута договоренности о приеме в аспирантуру Академии наук десяти монгольских исследователей⁶⁰⁵.

Монгольская комиссия для подбора сотрудников, желающих поехать в Монголию, создала специальную комиссию, в состав которой кроме ученых вошли представители партийной организации и месткома. Однако, несмотря на указание Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР⁶⁰⁶, оказать А. Амару помощь в этом вопросе Академия наук не смогла по двум причинам: либо нужных специалистов не устраивали предлагаемые

⁶⁰² Цит. по: Письмо от 13 июля 1929 г. // *Решетов А.М.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к Б.Я. Владимирцову // *Orient. Альманах.* Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 86.

⁶⁰³ Письмо Ц.Ж. Жамцарано в Монгольскую комиссию, 23 января 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 42.

⁶⁰⁴ Письмо в Секретариат АН СССР, 14 мая 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 33.

⁶⁰⁵ Тлг Комитета наук В.П. Волгину, 26 марта 1931 г. // СПФ РАН. Ф. 339. Оп.1–1931. Д. 14. Л. 39, 40; Тлг Амара В.П. Волгину и В.Л. Комарову, 17 декабря 1931 г. // Там же. Л. 11.

⁶⁰⁶ Тлг Ученого комитета ЦИК СССР В.П. Волгину, 1 апреля 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 14. Л. 23.

условия работы в Улан-Баторе (финансовые и бытовые, «хуже тех, в какие они поставлены в Ленинграде», особенно, учитывая «возможности совместительства, чтение лекций и т. д.); либо они не могли пройти «идеологический контроль», проводимый директивными органами перед зарубежной командировкой, оказывались «идеологически не выдержанными»⁶⁰⁷.

На продолжительное время соглашались ехать только профессионально заинтересованные в работе в Монголии востоковеды. В 1936 г. на смену М.И. Тубянскому (работавшему в Учкоме с 1927 г.) в Комитет наук был направлен востоковед П.И. Воробьев, который проработал в Улан-Баторе около года. В разгар репрессий 1937 г. он был отозван в СССР, где, так же как и М.И. Тубянский, арестован и, как очень многие востоковеды, в том числе монголоеды, расстрелян⁶⁰⁸. Долговременные командировки ученых-естественников (географа Э.Н. Мурзаева и почвовед Н.Д. Беспалова (1898–?)) Монгольская комиссия смогла организовать только в 1940 г.

Для выполнения поставленных задач Комитет наук привлекал к своей работе проживающих в эти годы в Монголии русских: Европейским отделом библиотеки Комитета заведовала будущий известный монголоед Н.П. Шастина⁶⁰⁹ (сменила уехавшую в 1930 г. на родину М.И. Клягину-

⁶⁰⁷ Записка В.Л. Комарова // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп.1–1931. Д. 14. Л. 20; Переписка // Там же. Л. 33–34. Не удалось решить этот вопрос и в 1933 г. В Монголию согласилась поехать почвовед О.Н. Михайловская, однако только вместе с мужем, также почвоведом Ю.С. Неуструевым. Но двух исследователей Комитет наук принять не мог из-за финансовых проблем (СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1933. Д. 9. Л. 100).

⁶⁰⁸ См.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Ред.-сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 104–105.

⁶⁰⁹ О Н.П. Шастиной см.: *Кузьмин Ю.В.* Н.П. Шастина – историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии // Страны Востока: история, культура, международные отношения. Доклады Международной научной конференции 26 ноября 2008 г. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2008. С. 15–51.

Кондратьеву⁶¹⁰); музеем (с 1931 г.) – Н.А. Тубьянская⁶¹¹; на должность ученого секретаря вместо отстраненного Ц.Ж. Жамцарано был приглашен востоковед М.И. Тубьянский; продолжал свою многогранную исследовательскую деятельность заведующий кабинетом географии А.Д. Симуков, которому пришлось взять на себя и часть работы, выполняемой до этого С.А. Кондратьевым. Последнему, так же как и его жене, не продлили срок пребывания в Монголии, и он вынужден был уехать на родину.

В 1932 г. в Комитете наук произошли новые кадровые перестановки. Вследствие очередного изменения политического курса в Монголии – на этот раз из-за прихода к власти представителей национал-демократов, председатель Комитета наук А. Амар вновь занял высокий государственный пост – возглавил Президиум Малого Хурала МНР. В качестве своего преемника он предложил Л. Дэндэва, опального министра юстиции, отстраненного от должности в 1930 г. пришедшими к власти «левыми»⁶¹². В сентябре 1932 г. Л. Дэндэв был назначен исполняющим обязанности, а в январе 1934 г. утвержден председателем Комитета наук. На этой должности он проработал до 1940 г.⁶¹³

Кроме административного опыта, приобретенного на государственной службе, у Л. Дэндэва, в отличие от А. Амара, был и небольшой опыт исследовательской работы. Он был автором книги о монгольском праве и ряда публикаций по истории и политике в периодической печати. Свою деятельность

⁶¹⁰ Юсупова Т.И. (подг. публ., коммент.). «Благодаря Вам мне открылся прекрасный мир Центральной Азии»: письма М.И. Клягиной-Кондратьевой к С.Ф. Ольденбургу // *Mongolica*–XIII. СПб., 2014. С. 71–75.

⁶¹¹ Список сотрудников Комитета наук – граждан СССР, 1 января 1933 г. // НЦА Монголии. Сх. 23. Д. 3. Хн.73. X. 1.

⁶¹² Л. Дэндэв с 1911 г. являлся чиновником министерства юстиции богдо-ханского правительства, с 1921 г. – министерства внутренних дел и с 1925 по 1930 г. – министром юстиции МНР.

⁶¹³ Подробнее см.: Чулуун С. Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 9–31.

Л. Дэндэв начал с разработки нового Положения о Комитете наук (до сих пор Комитет работал по Временному положению, разработанному при А. Амаре), в котором нашли отражение задачи по обслуживанию «социалистического строительства страны» и не были забыты вопросы развития научных дисциплин. Осенью 1932 г. Положение было утверждено правительством. В этом документе в качестве одной из основных задач Комитета наук вновь, как и при создании первого научного учреждения Монголии, определялось сохранение исторического и культурного наследия монголов⁶¹⁴. Л. Дэндэв как историк лично уделял большое внимание этому направлению деятельности Комитета наук. Пожалуй, одним из самых больших его достижений является организация работы по выявлению, учету, описанию и собиранию архивных документов и исторических источников, разбросанных по различным государственным учреждениям, обеспечению их сохранности и введению в научный оборот. Ему удалось сохранить в один из самых беспокойных периодов истории Монголии в XX в. огромное количество документов по истории страны. В 1934 г. Л. Дэндэв опубликовал «Краткую историю Монголии» – одну из первых работ, посвященных автономному периоду существования страны – 1911–1921 гг.⁶¹⁵, в которой использовал обширный массив архивных источников.

Л. Дэндэв уделял большое внимание расширению деятельности Кабинета истории, работе с историческими источниками и документами, развитию

⁶¹⁴ Чулуун С. Лхамсурэн Дндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российские научные связи: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 13–16.

⁶¹⁵ Дэндэв Л. Монголын товч туух (Краткая история Монголии). Улан-Батор, 1934. Написанная старомонгольским письмом работа несколько раз переиздавалась на современном монгольском языке. В 2006 г. Институт истории Академии наук Монголии опубликовал эту работу с вступительной статьей о Л. Дэндэве и научными комментариями: Дэндэв Л. Монголын товч туух / Ред.-сост. С. Чулуун, сост. А. Цанжид, Ш. Чоймаа. Улаанбаатар, 2006. К 100-летию независимости Монголии было осуществлено еще одно издание этого труда с приложением репринта на старомонгольском: Дэндэв Л. Автономит Монголын товч туух / Отв. ред. Г. Эрдэнэжав. Улаанбаатар, 2011.

филологических и лингвистических исследований. Впоследствии ему будет поставлено в вину отсутствие работ по истории революции и послереволюционной борьбы. Хотя в 1934 г. также был опубликован труд будущего руководителя Монголии Х. Чойбалсана в соавторстве с Д. Лосолом и Д. Дэмидом «История монгольской народной революции»⁶¹⁶, в котором была предпринята попытка объяснить современные социальные процессы в Монголии с марксистских позиций⁶¹⁷. В дальнейшем именно этот методологический подход к освещению исторических событий на многие десятилетия стал единственным для монгольских историков.

В кадровой политике Л. Дэндэва отразилась его приверженность национально-демократическим принципам: в своей деятельности он уделял особое внимание подготовке национальных кадров, проводил линию на увеличение числа сотрудников Комитета наук – монголов и сокращению по возможности русских и бурятов, а также советских советников⁶¹⁸. При поддержке Л. Дэндэва начали свою научную деятельность в будущем известные монгольские ученые: историк Ш. Нацагдорж, геолог Б. Лувсанданзан, географ Ш. Цэгмид, филолог Я. Цэвэл и др.

В 1932 г. девять монгольских аспирантов обучались по разным дисциплинам в Академии наук, а один – при Московском геологоразведочном институте⁶¹⁹. Но с их обучением не все было просто. Им не хватало общеобразовательной подготовки, знания языка, не все выдерживали

⁶¹⁶ Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэжид Д. Монгол ардын үндсэний хувьсгалын анх үүеч байгуулагдсан товч түүх (История монгольской народной революции). Кн. 1–2. Улаанбаатар, 1934. (Переизд. 1969)

⁶¹⁷ История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. А.П. Окладников, Ш. Бира. М.: Наука: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1983. С. 42.

⁶¹⁸ Чулуун С. Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российские научные связи: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 21–22.

⁶¹⁹ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 году. Л., 1933. С. 63.

напряженный труд. Академическим институтам также приходилось предпринимать определенные усилия по составлению специальных программ для их обучения, происходили и организационные накладки⁶²⁰. Так, одного из будущих первых монгольских академиков Ц. Дамдинсурена в 1933 г. не хотели принимать в аспирантуру, поскольку его поступление не было предусмотрено оговоренным еще в 1930 г. лимитом в 10 человек. С большим трудом, учитывая сложность коммуникаций между Ленинградом и Улан-Батором и неповоротливость бюрократической машины, удалось решить этот вопрос. Ц. Дамдинсурен сначала год проучился в Институте народов Севера, а в 1934 г. был принят в Институт востоковедения, где обучался также второй монгольский аспирант – Гомбоджаб Мэргэн, ученик Н.Н. Поппе и французского монголоведа П. Пелио. По одному монгольскому аспиранту учились в Ботаническом и Почвенном институтах АН, а также во Всесоюзном НИИ животноводства ВАСХНИЛ (будущий академик Т. Аюурзана)⁶²¹ и в других научных учреждениях СССР. В целях поддержки своих будущих сотрудников Л. Дэндэв выделял им средства для оплаты дополнительных занятий по русскому языку. Вопрос научной подготовки молодых монголов в Академии наук состоял на контроле и у полпреда СССР в Монголии С.Е. Чуцкаева. По этому поводу он обращался к руководству Академии наук с просьбой поддерживать по возможности это направление взаимодействия с Комитетом наук⁶²².

Таким образом, год 1930 стал для Комитета наук МНР, так же как и для Академии наук СССР, годом «коренных преобразований», причем не только

⁶²⁰ Объяснительная записка к смете на оплату подготовки кадров из МНР, 17 февраля 1934 г. // СПФ АРАН. Ф, 339. Оп. 1–1934. Д. 3. Л. 147–148.

⁶²¹ Смета расходов на 1934 г. по подготовке кадров из МНР // СПФ АРАН. Ф, 339. Оп. 1–1934. Д. 3. Л. 149–152.

⁶²² Письмо В.П. Волгина в СНК СССР, 20 февраля 1934 г. // СПФ АРАН. Ф, 339. Оп. 1–1934. Д. 2. Л. 47–47 об.

структурных и административных. В качестве главной задачи Комитету наук теперь определялось «на основе директив вышестоящих органов» содействовать переустройству МНР «на социалистических началах». Назначение председателем Комитета высокопоставленного государственного чиновника (А. Амара) вместо ученых-гуманитариев О. Жамьяна и Ц.Ж. Жамцарано способствовало усилению административно-идеологического давления на его деятельность, что, в свою очередь, в дальнейшем отразилось на содержании сотрудничества с Академией наук, его преимущественно хозяйственно-экономической направленности.

В то же время пришедшему на смену А. Амару новому председателю Комитета наук Л. Дэндэву удалось сохранить научные направления деятельности Комитета наук, которые были заложены при его основании: исторические, филологические, историографические. В 1930-х гг. актуальным направлением сотрудничества стала подготовка монгольских национальных кадров в аспирантуре Академии наук, которой Комитет наук уделял особое внимание. Академия наук СССР по-прежнему оставалась основным международным партнером Комитета наук. Советско-монгольское научное сотрудничество регламентировалось Договором о совместных исследованиях в 1930–1934 гг. Другие международные научные контакты на официальном уровне развиваться не могли в силу непризнанной де-юре независимости Монголии, а также усиливающегося советского давления на правительство Монголии⁶²³.

⁶²³ Въезд иностранцев на территорию Монголии зачастую также находился под контролем СССР. Так, по информации полпредства СССР в Монголии, в 1931 г. к правительству МНР обратилась за визой немецкая научная экспедиция, но во въезде ей было отказано (Годовой отчет полпредства, декабрь 1931 г. // АВП РФ. Ф. 183. Оп. 12. Папка 86. Д. 32. Л. 2–30). Несколько позднее, в 1933 г., было отказано Р.Ч. Эндрюсу в организации совместной с советскими учеными экспедиции (см. подпараграф 4.3.2). (*Gallenkamp Ch. Dragon Hunter: Roy Chapman Andrews and the Central Asiatic Expeditions*. New York: Viking Adult, 2001. P. 287–288), а в 1934 г. – американскому палеонтологу Дж.Г. Симпсону (*Simpson G.G. Concession to Improbable. An Unconventional Autobiography*. New Haven and London: Yale University Press, 1978. P. 76–80).

3.3.2. Изменение целей и задач советско-монгольского сотрудничества: от «абстрактной академичности» к развитию прикладных научных исследований

В подпараграфе выявляются изменения в направлениях взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук МНР и их причины; рассматривается критика Монгольской комиссии за приверженность академическим исследованиям и повышение значимости решения прикладных задач в системе научного сотрудничества.

В целях усиления контроля над Академией наук и идеологического воздействия на ее деятельность со стороны партийно-государственной системы Совнарком предпринял ряд организационных мер, в числе которых был перевод в марте 1930 г. Академии наук из непосредственного подчинения правительству в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями (Ученого комитета) ЦИК СССР. (Однако эта мера оказалось менее эффективной, чем прежняя схема, и в конце 1933 г. Академия наук вновь была возвращена в ведение Совнаркома)⁶²⁴. В мае 1930 г. Президиум ЦИК СССР утвердил второй советский Устав Академии наук (первый – в 1927 г.), в котором уже юридически были оформлены новые приоритеты ее деятельности и их подчинение задачам государственного строительства. В частности, отмечалась необходимость «удовлетворения нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического общественного строя»⁶²⁵. В Академии наук развернулась широкая кампания по составлению и изменению положений для каждого академического учреждения, приведению их в соответствие с принятым Уставом АН СССР и рекомендациями директивных и партийных органов. Эта работа проходила уже при новом неременном секретаре Академии наук, академике

⁶²⁴ Подробно см., напр.: *Колчинский Э.И.* «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 587.

⁶²⁵ Устав АН СССР, 1930 г. // Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 130.

В.П. Волгине, который был назначен на эту должность после отстранения С.Ф. Ольденбурга⁶²⁶.

Подверглось пересмотру и положение о Монгольской комиссии. Изменения касались прежде всего правового обеспечения ее деятельности и целевой установки. В новом Положении указывалось, что основанием для деятельности Монгольской комиссии АН СССР является Соглашение с МНР об основных принципах взаимоотношений между странами. Главной задачей Комиссии оставалось содействие «путем всестороннего научного исследования развитию и укреплению народного хозяйства Монгольской Народной Республики»⁶²⁷. С этой целью Комиссия предполагала снаряжать научные экспедиции и командировать отдельных сотрудников для проведения исследовательских работ в соответствии с заключенными договорными соглашениями с Комитетом наук. При этом она была обязана привлекать к работам «местные научные силы», подготавливать их к самостоятельной работе, а также содействовать в организации и развитии музеев, краеведческих организаций, библиотек и др.

В соответствии с новым Положением расширялся состав МОНК. В целях согласования ее работы с другими научными учреждениями и с «нуждами заинтересованных в ее продукции государственных и общественных органов»⁶²⁸ в состав Монгольской комиссии были введены кроме представителя Наркоминдела еще и представители СОПС, Института востоковедения АН⁶²⁹, Института изучения народов СССР, а также учреждений и организаций, ведущих исследовательские работы на территории Монголии. Председатель Комиссии и

⁶²⁶ О В.П. Волгине см., напр.: *Гладышев А.В.* Историк – руководитель: В.П. Волгин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2006. С. 136–198.

⁶²⁷ Положение о Монгольской комиссии // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 36. Л. 56.

⁶²⁸ Отчет о деятельности АН СССР за 1930 год / Сост. В.П. Волгин. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. IX.

⁶²⁹ Институт востоковедения АН СССР был образован в 1930 г. на базе Азиатского музея АН и ряда востоковедческих учреждений. Его первым директором стал С.Ф. Ольденбург.

его заместитель избирались Общим собранием Академии наук, ученый секретарь утверждался Президиумом АН по представлению ее председателя. Рабочим органом Комиссии являлся ее президиум, состоящий из председателя, заместителя председателя, ученого секретаря и представителя Наркоминдела. При этом, исходя из поставленных перед Комиссией задач, отмечалось, что один из членов президиума должен быть экономистом⁶³⁰.

В заседаниях президиума с правом совещательного голоса могли участвовать представители различных государственных и общественных организаций для обсуждения интересующих их вопросов. Специальная Комиссия по рассмотрению положений учреждений, подведомственных Общему собранию Академии наук, рассмотрела новое Положение о Монгольской комиссии 22 мая, и 2 октября 1930 г. оно было утверждено⁶³¹.

Председателем Монгольской комиссии на этом же заседании был избран академик В.Л. Комаров, его заместителем – И.П. Рачковский, а ученым секретарем назначен А.И. Руднев⁶³², бывший ученый секретарь Урало-Сибирской секции СОПСа. В состав Монгольской комиссии вошли также: от СОПС – академики А.Е. Ферсман и И.М. Губкин, от Института изучения народов СССР – М.И. Худяков, куратором от НКВД стал С.С. Борисов⁶³³.

В 1930 г. в Монголию в соответствии с Договором о совместных исследованиях в 1930–1934 гг. предполагалось направить 12 экспедиционных отрядов для проведения геологических, гидрологических, ботанических,

⁶³⁰ Это дополнение было внесено по предложению Комиссии по рассмотрению положений учреждений, подведомственных Общему собранию (Протокол заседания, 22 мая 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 36. Л. 1 об.).

⁶³¹ Протоколы Общих собраний АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. (на правах рукописи). Общее собрание 2 октября 1930 г.

⁶³² СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 12. Л. 1. А.И. Руднев проработал на этом посту до 18 августа 1931 г., до момента ареста по «академическому делу» (Объяснительная записка // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 13. Л. 32).

⁶³³ Протокол заседания, 28 января 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 11. Л. 15–16.

зоологических, астрономических, топографических, почвенно-агрономических, археологических, антропологических, палеонтологических, палеоэтнологических и этнолого-лингвистических исследований⁶³⁴. Однако когда закончилось формирование плана, выяснилось, что финансирование работ Монгольской комиссии сократили на 30 %⁶³⁵.

Комиссия экспедиционных исследований, в состав которой входила Монгольская комиссия, в начале 1930 г. обратилась в Президиум Академии наук с просьбой изыскать дополнительные средства, «учитывая международное значение работ в Монголии», а также «считая обязательным осуществление указанных в Договоре работ». В противном случае, отмечалось в письме, взятые Академией наук «обязательства по договору с Ученым комитетом не будут выполнены в первый же год»⁶³⁶. На необходимость изыскания средств для выполнения заявленных в Договоре работ в полном объеме указывала и Комиссия Госплана, на заседании которой 30 декабря 1929 г. был рассмотрен план Монгольской комиссии на следующий год⁶³⁷. Однако собственных дополнительных средств у Академии наук не нашлось, а увеличения бюджетных ассигнований от правительства также не последовало. План экспедиционных исследований на 1930 г. пришлось корректировать. Критерием отбора явилось соответствие работ текущей основной цели деятельности Монгольской комиссии – заявленные исследования должны быть направлены на решение хозяйственно-экономических проблем Монголии с учетом предложений междуведомственного совещания в Улан-Баторе в октябре 1929 г. (см. подпараграф 3.2.2).

Таким образом, ботанические, зоологические, палеоэтнологические и этнолого-лингвистические работы были отменены особым совещанием Комитета

⁶³⁴ Письмо в Комитет наук // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 9. Л. 42.

⁶³⁵ План работы Монгольской комиссии на 1930–1931 гг. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 12. Л. 57–58.

⁶³⁶ Письмо КЭИ в Президиум АН, 12 января 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 1. Л. 47.

⁶³⁷ Там же.

по научным учреждениям ЦИК СССР «как не имеющие в настоящее время актуального значения»⁶³⁸. Кроме того, В.А. Смирнов снял «свою» часть гидрологических работ. Во-первых, из-за сокращения намеченного финансирования, и во-вторых, из-за отказа его топографу в получении иностранного паспорта. Другого найти он не смог, а без топографа ехать считал нецелесообразным⁶³⁹. В итоге из намеченных планов остались лишь астрономические, геологические и гидрологические работы, которые должны были вести сотрудники Академии наук. Характер почвенных исследований претерпел изменения в сторону решения конкретных агротехнических задач, выполнение которых взяли на себя специалисты неакадемических учреждений (Ленинградский сельскохозяйственный институт, Пермский университет и др.).

По просьбе Комитета наук Монгольская комиссия все же вынуждена была включить в план 1930 г. экономические исследования и в качестве координатора работы российских исследователей в Монголии взять на себя общие вопросы их организации⁶⁴⁰. Разработкой программы работ, подбором кадрового состава занимался Институт экономических исследований Госплана. Как свидетельствуют архивные документы, формирование экономического отряда проходило с большими трудностями. Внутри экономического сообщества не было единства, прежде всего по методологическим подходам к изучению региона и по выбору методик исследований, которые должны были соответствовать советским догматам политэкономии. Все делалось в спешке, аргументы подчас подменялись идеологической риторикой. Монгольская комиссия оказалась втянутой в еще чуждую для академического учреждения идеологическую полемику и межведомственную тяжбу экономистов – представителей Комакадемии, Института экономических исследований Госплана и других организаций. В дальнейшем именно Монгольскую комиссию АН обвинили и критиковали за

⁶³⁸ О плане на 1930/31 гг. // СПФ АРАН Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 57–58.

⁶³⁹ Протокол заседания, 16 марта 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 9. Л. 19.

⁶⁴⁰ Протокол заседания, 17 декабря // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 10. Л. 24 об. 1929 г.; Планово-экономический отряд // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 10.

поздний выезд экономического отряда на полевые работы в Монголию и за недостаточную проработку программы его работ.

Президиум Академии наук 3 апреля 1930 г. одобрил скорректированный план работ в Монголии и передал на рассмотрение Ученого комитета ЦИК СССР, где 18 мая с докладом по этому вопросу выступил В.Л. Комаров. Окончательное утверждение плана состоялось 6 июня 1930 г. на заседании подкомиссии Ученого комитета под председательством С.Г. Струмилина, в которую вошли представители Института экономических исследований Госплана М.А. Гурвич и И.Г. Дмитриев, Ученого комитета ЦИК – В.Н. Яковлева, Академии наук – И.П. Рачковский и В.А. Зеленко, НКВД – С.С. Борисов, Комкадемии – Морозов и Оширов, КУТВ – экономист Рыжик, Госплана СССР – Данчинов. Подкомиссия признала целесообразным послать в Монголию летом 1930 г. экспедицию, состоящую из 5 отрядов: геологического, астрономического, почвенно-агрономического, гидрологического и экономического⁶⁴¹.

Этому решению предшествовало довольно продолжительное и эмоциональное обсуждение плана, состоявшееся накануне, 5 июня, на первом расширенном заседании этой подкомиссии, где был заслушан подробный доклад И.П. Рачковского о подходах к планированию нового экспедиционного сезона и информация о проведенной работе по заключению Договора с Учкомом осенью 1929 г.⁶⁴² Поводом для дискуссии как раз и стал текст Договора. Члены подкомиссии пытались убедить представителей Академии наук внести изменения в его содержание, добавить экономические исследования и другие работы, которые отвечали бы текущим потребностям развития Монголии и о которых просили представители монгольского правительства. Однако Академия наук не торопилась его корректировать, включать в планы работ с Комитетом наук несвойственные ей задачи и согласовывать, как рекомендовали директивные

⁶⁴¹ Протокол заседания, 6 июня 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 84. Л. 97–99.

⁶⁴² Стенограмма заседания, 5 июня 1930 г. // ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 246. Л. 9–29.

органы, исследовательские планы с политико-экономической ситуацией в Монголии.

Одним из основных оппонентов Академии наук стал представитель Коминтерна в Монголии М.И. Амагаев. Не отрицая научного значения намеченных экспедиций, он был уверен, что Академия наук самостоятельно не в состоянии изучить вопросы, которые сейчас наиболее актуальны для Монголии. А именно: состояние скотоводческого хозяйства в связи с проблемой коллективизации; изучение физического состояния монгольского скота, современного состояния земледелия в Монголии, классового расслоения и классовой борьбы в Монголии, современного состояния ламаистского духовенства и т. д. Поэтому необходимым и обязательным условием дальнейшего сотрудничества с Комитетом наук является, по его мнению, соотнесение исследовательских планов с пожеланиями монгольского правительства. Для этого было необходимо помимо Академии наук привлекать к работе учреждения, способные выполнить такие работы. Результаты взаимодействия Академии наук с Комитетом наук должны способствовать, подчеркнул представитель Коминтерна, реализации решений VIII съезда МНРП (состоялся в начале 1930 г.), который признал «практической задачей сегодняшнего дня строительство социализма» в Монголии⁶⁴³.

Отстранение от руководства Комитетом наук Ц.Ж. Жамцарано и назначение на эту должность А. Амара стало следствием резкого усиления влияния на деятельность монгольского научного учреждения со стороны правительства и подчинения ее задачам экономического развития страны. Поэтому руководство Комитета наук также пыталось «повернуть» тематику исследований Монгольской комиссии в практическую сторону. В связи с этим присутствующий на заседании член Комитета наук представитель нового поколения монгольских ученых, в будущем его председатель (в 1941–1946) Ж. Дугэрсурэн отметил необходимость «закрепить поворот политики в изучении Монголии», чтобы в дальнейшем

⁶⁴³ *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1941 гг.). М., 1999. С. 236.

«исследования стояли на высоте запросов жизни и принесли пользу революционному строительству»⁶⁴⁴.

Только что назначенный ЦИК СССР руководителем Монгольской экспедиции И.Г. Дмитриев (1887–?) усилил давление на академическое сообщество политической риторикой, отметив имеющийся интерес к Монголии у других стран, «той же Германии или Китая»⁶⁴⁵. В итоге комиссия, утвердив представленный план работ на 1930 г., обязала Монгольскую комиссию признать главенствующую роль экономического отряда в предстоящем полевом сезоне и ускорить его подготовку.

Экспедиции Монгольской комиссии Академии наук в 1930 и 1931 гг. в официальных документах назывались «комплексными Монгольским экспедициями Академии наук»⁶⁴⁶. На наш взгляд, в данном случае речь шла о формальном объединении экспедиционных отрядов Монгольской комиссии АН и экономического отряда, организованного Институтом экономических исследований Госплана. В действительности Монгольская экспедиция в 1930 г. работала двумя не связанными друг с другом группами ученых: геологический, астрономический, почвенно-агрономический и гидрологический отряды, которые непосредственно подчинялись Монгольской комиссии, и отдельно экономический отряд, деятельность которого лишь формально координировалась Академией наук. Подтверждением этому является мнение одного из участников экспедиции 1930 г., специалиста по кочевому хозяйству П.В. Погорельского, высказанное,

⁶⁴⁴ Стенограмма заседания, 5 июня 1930 г. // ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 246. Л. 25.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 13.

⁶⁴⁶ См.: Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб., 2006. С. 123; Она же. Научно-организационная деятельность Академии наук по исследованию Монголии (1923–1941 гг.): Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.10. М., 2004. С. 116. По определению А.Е. Ферсмана, комплексной можно назвать экспедицию, работа отрядов которой «будет проходить по взаимно согласованной программе, направленной к единой определенной цели выявления хозяйственных сил» (Ферсман А.Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 20).

правда, в 1945 г. Обращаясь в ЦК ВКП(б) со своими предложениями об организации изучения Монголии, он призывал учесть прошлые ошибки, а именно ошибки экспедиций 1930 и 1931 гг. Эти экспедиции, – писал П.В. Погорельский, – назывались комплексными «только по недоразумению», поскольку состояли из частей, «внутренне не связанных и взаимно никак не дополняющих друг друга»⁶⁴⁷.

Руководителем первой такой «комплексной» Монгольской экспедиции 1930 г. решением Ученого совета ЦИК от 26 мая 1930 г. был назначен экономист И.Г. Дмитриев. Дальнейшие события показали, что он выполнял, скорее, роль «идеологического генерала», а не руководителя программы комплексных научных исследований. Монгольская комиссия и в дальнейшем по мере возможности старалась дистанцироваться от деятельности экономического отряда, и отчеты о его работе не отражались в отчетах Академии наук. Так, в годовом отчете Академии наук СССР за 1930 г. отмечалась работа в Монголии только четырех сформированных непосредственно Монгольской комиссией отрядов (геологического, астрономического, ботанического, зоологического), в состав которых в соответствии с расширением работ прикладного, «фактического» характера были включены и сотрудники неакадемических учреждений.

Таким образом, в 1930 г. Монгольской комиссии было указано на необходимость усиления работ, актуальных для развития монгольской экономики, в частности на проведение экономического обследования Монголии. Изменение исследовательских приоритетов Комиссии было связано, с одной стороны, с административными мерами, принимаемыми советскими государственными структурами в целом по «увязке работ» Академии наук с практикой социалистического строительства и, с другой стороны, сходными процессами в Монголии. В то же время целью подобного давления на Монгольскую комиссию, на изменение содержания ее сотрудничества с

⁶⁴⁷ Письмо П.В. Погорельского, 6 июля 1945 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 4. Л. 139.

Комитетом наук, являлось выполнение важной политической задачи: экономического укрепления Монголии как стратегического партнера СССР в Дальневосточном регионе.

Включение экономического отряда в состав Монгольской экспедиции 1930 г. и его программа по обследованию страны сняли напряженность вокруг академических работ в Монголии. К тому же в число задач геологического, астрономического, почвенно-агрономического и гидрологического отрядов и без административного давления были включены прикладные вопросы, еще по просьбе Ц.Ж. Жамцарано и в соответствии с условиями Договора 1929 г.

В 1930 г. Геологический отряд под руководством И.П. Рачковского работал тремя партиями: З.А. Лебедева изучила угольные месторождения Налайхи недалеко от Улан-Батора и дала их геологическое описание. Фактически она выполняла задание Комитета наук, которому в свою очередь задачу поставил Экономический совет и Министерство торговли и промышленности МНР⁶⁴⁸; сам И.П. Рачковский проводил геологические и стратиграфические исследования хребта Хасакту; А.И. Педашенко обследовал серебряные, свинцовые, золотоносные и другие руды в горах Тайшири, в котловине Шаргаин-Гоби и хребта Бурхан-Будда. В составе Геологического отряда работала также ботаническая партия Е.Г. Победимовой (1898–1973), которая занималась изучением растительного покрова и кормовых площадей восточной части Монгольского Алтая⁶⁴⁹.

Астрономический отряд под руководством астронома Пулковской обсерватории Я.И. Беляева (1891–1931) произвел определение

⁶⁴⁸ Отчет И.Г. Дмитриева, октябрь 1930 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 242.

⁶⁴⁹ *Победимова Е.Г.* Растительность центральной части Монгольского Алтая. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1935. 78 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 19).

13 астрономических пунктов между городами Улан-Батор и Кобдо⁶⁵⁰. Актуальность этих работ была вызвана необходимостью научного картографирования территории Монголии. Поэтому Монгольская комиссия старалась включать топографические и астрономические партии и отряды в свои планы.

Почвенно-агрономический отряд под руководством агронома-геоботаника, профессора Пермского университета В.И. Баранова, в составе почвовед С.И. Андреева (1900–1978, Ленинградский сельскохозяйственный институт), зоотехника Н.А. Долгушиной, агрономов Г.Е. Добровольского и Т.И. Гуляева, занимался геоботаническими и почвенными исследованиями Западной Монголии, на юге Кобдоского округа. Особое место уделялось изучению монгольского земледелия – состава культур, приемов обработки почв, техники земледелия, а также описанию пастбищ и покосов и сбору общих сведений по скотоводству Монголии. Завершая работу, сотрудники отряда посетили один из только что созданных госхозов, где познакомились с ведением работы и дали ряд практических рекомендаций⁶⁵¹.

В планах гидрологического отряда после отказа В.А. Смирнова от участия в работах этого года, остались только геохимические исследования, которые проводил химик А.Ю. Хами. Он продолжил изучение вод в окрестностях Улан-Батора, где произвел анализ воды от водоносных горизонтов для решения вопроса снабжения Улан-Батора питьевой водой. Кроме того, А.Ю. Хами выполнил некоторые работы по поручению Комитета наук⁶⁵².

⁶⁵⁰ Яшинов П.И. Отчет об обработке астрономических наблюдений Я.И. Беляева, произведенных Монгольской экспедицией 1930 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 22 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 12).

⁶⁵¹ Баранов В.И. Земледельческие районы на юге Кобдоского аймака Западной Монголии. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 79 л. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 4).

⁶⁵² Отчет о деятельности АН СССР за 1930 год. Л., 1931. С. 121–122;. Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М., 1948. С. 151–153.

Экономический отряд в силу различных организационных проблем приступил к работе лишь в середине сентября, поэтому выполненные исследования составили незначительную часть запланированных работ и ограничились изучением изменения структуры («и улучшения»⁶⁵³ (!), как сказано в отчете) народного хозяйства МНР, разработкой методики работы на 1931 г., а также подготовкой комплекта нормативных документов по организации деятельности различных форм сельхозобъединений, которые начали активно насаждаться в Монголии после принятого в сентябре 1929 г. Президиумом ЦК МНРП постановления об организации колхозов и госхозов.

По завершении экспедиции И.Г. Дмитриев представил монгольскому правительству обстоятельный отчет по итогам работы⁶⁵⁴, что было сделано впервые за годы взаимодействия Монгольской комиссии с Комитетом наук (Ученым комитетом). В предыдущие годы российские исследователи отчитывались только перед Ученым комитетом. С 1930 г. представление основных результатов экспедиционных исследований руководству Монголии стало традиционным, что в целом отражало имеющиеся тенденции усиления государственного контроля над научной деятельностью, с одной стороны, и еще раз свидетельствовало о значимости научного сотрудничества в системе советско-монгольских межгосударственных отношений, с другой стороны.

И по содержанию, и по стилю доклад И.Г. Дмитриева скорее походил на рапорт о выполнении плана партийных мероприятиях, чем на анализ результатов научных исследований. Так, например, И.Г. Дмитриев заверял монгольское руководство, что в ходе деятельности экспедиции многие проблемы были «научно обоснованы» и экспедиция успешно справилась с главной задачей – «дать научную базу для развития народного хозяйства Монголии»⁶⁵⁵. Но именно такие декларативные рапорты о достигнутых успехах были нужны и понятны

⁶⁵³ Отчет И.Г. Дмитриева, октябрь 1930 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 245.

⁶⁵⁴ Там же. С. 239–247.

⁶⁵⁵ Там же. С. 247.

«левому» руководству Монголии и соответствовали решениям состоявшегося в начале 1930 г. VIII съезда МНРП о форсированном экономическом развитии страны без учета национальных особенностей. В постановлении правительства МНР от 12 декабря 1930 г. подтверждалось, что работа экспедиции действительно «глубоко связана с укреплением и развитием нового общественного строя Монголии», а ее результаты «будут способствовать росту числа коллективных хозяйств и выработке единого хозяйственного плана»⁶⁵⁶. Правда, как показал дальнейший трагический ход развернувшейся сплошной коллективизации, монгольское руководство или не воспользовалось советами экспедиции, или советы оказались неприемлемыми для монгольских условий.

Соответствие доклада И.Г. Дмитриева политической конъюнктуре было высоко оценено руководством Монголии. Он был награжден Почетной грамотой правительства МНР и избран членом Комитета наук Монголии⁶⁵⁷. Благодарность И.Г. Дмитриеву и И.П. Рачковскому («за большую работу в геологическом изучении страны») монгольское правительство выразило и в своем письме от 13 декабря 1930 г. в Ученый комитет ЦИК СССР. В этом же письме была выражена надежда, что и последующие экспедиционные работы в Монголии будут также ориентированы на обслуживание «интересов социалистического переустройства МНР» и концентрировать «свои исследовательские силы вокруг вопросов прикладного характера по преимуществу»⁶⁵⁸.

Что касается отчета о работах академических отрядов, то неприменный секретарь Академии наук В.П. Волгин посчитал необходимым организовать широкое обсуждение их результатов и планов на следующий год на совместном

⁶⁵⁶ Постановление правительства МНР, 12 декабря 1930 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 236–237.

⁶⁵⁷ Там же. С. 237. (В публикации ошибка: вместо «Рачковский» написано «Казаковский».) Следует отметить, что даже И.П. Рачковский, чьи заслуги по изучению геологии Монголии были общепризнаны в стране, был выбран в члены Комитета наук только в 1936 г.

⁶⁵⁸ Письмо правительства МНР в Ученый комитет ЦИК СССР, 13 декабря 1930 г. // ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 277. Л. 69.

заседании Монгольской комиссии, Президиума СОПС с участием представителей общественных организаций⁶⁵⁹. Представленные результаты, как подчеркивалось в докладах, совместной работы с Комитетом наук были также одобрены. Более того, учитывая «большое политическое и практическое значение проводимых Академией наук работ в Монголии по договору, заключенному с Комитетом наук», совещание признало необходимым добиваться полного финансирования запланированных работ полевого сезона 1931 г., о чем ходатайствовать перед Ученым комитетом ЦИК СССР⁶⁶⁰.

Таким образом, в 1930 г. наметилась тенденция к изменению характера сотрудничества Академии наук и Комитета наук: от научных академических контактов в 1920-х гг., направление которых определялось взаимными исследовательскими интересами, к «обслуживанию» хозяйственно-экономического развития страны под контролем государственных структур в 1930-х гг.

Тем не менее при планировании работ на 1931 г. Монгольская комиссия по-прежнему попыталась руководствоваться Договором 1929 г. как юридическим документом. На новый полевой сезон были сформированы экспедиционные отряды: геологический (руководитель И.П. Рачковский), гидрологический (руководитель В.А. Смирнов), почвенный (руководитель Б.Б. Польшов), ботанический (научный руководитель В.Л. Комаров), зоологический (руководитель А.Я. Тугаринов), палеонтологический (научный руководитель А.А. Борисьяк), этнолого-лингвистический (руководитель Б.Я. Владимирцов)⁶⁶¹. И хотя в «Справке к организации комплексной научно-исследовательской экспедиции Ученого комитета МНР и Академии наук СССР на 1931 г.» указывалось, что прикладной характер деятельности всех отрядов «положен в основу построения программ и планов их работ»⁶⁶², Наркоминдел настоял на

⁶⁵⁹ Записка В.П. Волгина, декабрь 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11. Л. 3.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 4.

⁶⁶¹ План на 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 10. Л. 15 об., 16.

⁶⁶² Справка // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 12. Л. 14.

корректировке плана с учетом высказанных монгольским правительством пожеланий. Руководство Монголии предлагало направить работы экспедиции 1931 г. в основном на изучение вопросов повышения качества основы монгольской экономики – животноводства, а также структуры почв, геологии – на разведку и освоение новых месторождений и социально-экономического положения отдельных районов страны. Именно на эти исследования руководство Монголии обещало выделить из бюджета не менее 100 000 тугриков⁶⁶³. Представленный план был значительно сокращен. В состав Монгольской экспедиции 1931 г., которую вновь возглавил И.Г. Дмитриев, вошли отряды: геологический⁶⁶⁴, животноводческий (сформирован Лабораторией генетики Академии наук), почвенно-агрономический и экономический. Гидрологические работы предполагалось вести в составе геологического отряда, а ботанические и зоологические исследования, как отмечалось в докладе И.П. Рачковского в Улан-Баторе перед началом работ, будут дополнять работы агрономического и животноводческого отрядов.

⁶⁶³ Постановление правительства МНР, 12 декабря 1930 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 236.

⁶⁶⁴ При планировании исследований геологического отряда вновь встал вопрос о согласованности геологических работ Академии наук, в данном случае Монгольской комиссии, и других учреждений, на этот раз с Проммонголстроем (позже Восточная геологоразведочная экспедиция) ВСНХ, который занимался выявлением и разработкой полезных ископаемых на территории Монголии и собирался направить туда летом 1931 г. по договору между ВСНХ и Министерством торговли и промышленности МНР экспедицию (Договор, 22 июля 1931 г. С. 258–264 // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975). В дальнейшем работа экспедиции неоднократно пролонгировалась. Академия наук предложила следующее разделение: за Монгольской комиссией остается общая геологическая съемка и работа по выявлению полезных ископаемых, а Проммонголстрой берет на себя обследование уже открытых месторождений. При этом Монгольская комиссия выразила готовность (на договорных началах) по необходимости расширить свои геологические изыскания (СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 12. Л. 78).

Таким образом, из первоначально заявленных Монгольской комиссией работ остались только те, которые были важны для развертывающегося хозяйственного строительства Монголии, а именно «строительства промышленного» (геологический отряд) и «строительства сельскохозяйственного», которое, в свою очередь, разделялось «на две основные ветви: животноводство и земледелие» (животноводческий и почвенно-агронимический отряды) и объединяющие их экономические исследования⁶⁶⁵.

Работа «академических» отрядов Монгольской комиссии (геологический, ботанический и зоологический) в 1931 г. носила уже традиционный характер расширения и углубления исследований по каждому из научных направлений. Геологический отряд традиционно работал несколькими партиями. Основной задачей, как и в прежние годы, являлось рекогносцировочное изучение территории страны с целью выявления залегания полезных ископаемых и возможности их дальнейшего промышленного использования. И.П. Рачковский, К.А. Ненадкевич (1880–1963) и П.П. Сизова произвели исследования полезных ископаемых в Дархатском районе⁶⁶⁶, а затем И.П. Рачковский и П.П. Сизова провели геологические наблюдения в районе г. Улясутай. Партия З.А. Лебедевой провела геологические обследования массива Гурбан-сайхан в Гобийском Алтае и составила его геологическую карту. В отчете З.А. Лебедевой также содержится материал по тектонике хребтов и краткая геологическая характеристика по маршруту Улан-Батор – Гурбан-сайхан. В топографических съемках по

⁶⁶⁵ Доклад И.П. Рачковского, 28 июля 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 12. Л. 98.

⁶⁶⁶ В Дархатах И.П. Рачковский пытался выяснить наличие месторождения ванадия. Мандрик М.В. К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 130–131.

маршрутам следования от Комитета наук участвовали С.М. Ураков и А.Д. Симуков⁶⁶⁷.

Ботанический отряд также работал двумя партиями: Е.Г. Победимова в юго-восточной Монголии изучала флору песков Дариганги и Сайн-усу, Н.П. Иконников-Галицкий работал в Гобийском Алтае, в массиве Гурбан-сайхан и в котловинах к югу от него. Е.Г. Победимова, кроме того, по заданию Песчано-пустынного института АН СССР изучала возможности фитомелиорации песков, кормовых и технических растений и древесных пород, пригодных для искусственных насаждений. Ею были обследованы массивы песков в районе Дариганги и вдоль части Калганского тракта⁶⁶⁸.

Зоологический отряд Е.В. Козловой (от Комитета наук участвовал В.М. Канаев (1903–?) – бывший участник Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова) занимался исследованием высокогорной и лесной орнитофауны Восточного Кэнтэ в бассейне р. Керулен и (по просьбе Учкома) изучением промыслов и промысловых животных того же района⁶⁶⁹.

По своим особым планам работали почвенно-агрономический отряд В.И. Баранова (1889–1967) и животноводческий отряд, возглавляемый сотрудником Лаборатории (с 1933 г. – Института) генетики АН, профессором Я.Я. Лусом (1897–1979). В своей деятельности они прежде всего руководствовались просьбами Министерства скотоводства и земледелия МНР⁶⁷⁰, Ученого комитета Монголии и Монгольского центрального народного

⁶⁶⁷ Рачковский И.П., Лебедева З.А. Краткий отчет о результатах работ геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно-исследовательского Комитета МНР в 1931 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 28 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 6.).

⁶⁶⁸ Победимова Е.Г. Монгольская экспедиция. Ботанический отряд. Восточная партия // Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 87–92.

⁶⁶⁹ См.: Гнатюк Т.Ю. Орнитологические исследования Е.В. Козловой в Монголии в 1929 и 1931 годах (по страницам экспедиционных дневников) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 4. С. 60–79.

⁶⁷⁰ Десяткин Н.Л. Материалы к характеристике сорно-полевой растительности Северной Монголии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 1. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 21).

кооператива⁶⁷¹ и их материальной поддержкой. Отряд В.И. Баранова охватил геоботаническими исследованиями Котловину Больших озер Западной Монголии, а также занимался изучением пастбищ и пахотно-пригодных земель среднего течения р. Селенги.

Животноводческий отряд работал двумя партиями, к каждой из которых были прикреплены по одному аспиранту-монголу, «которые принимали активное участие в полевых работах»⁶⁷². Животноводческий (или, как его называли в ряде публикаций того времени, «животноводственный») отряд изучал местные породы домашних животных и технику ведения скотоводства» в 11 районах Монголии. Наряду с чисто практическими заданиями экспедиция преследовала также теоретические цели: накопление материалов для разработки вопросов происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Следует сказать, что в этом аспекте Монголия представляла для Лаборатории генетики большой интерес. Подчеркивая важность работы в Монголии, еще осенью 1928 г. ее руководитель Ю.И. Филипченко (1882–1930) писал известному генетику Ф.Г. Добржанскому (1900–1975): «Остается вопрос о Монголии. Это не очередная поездка, как были до сих пор, а редкое счастье, которое может выпасть на нашу долю. <...> Если этого нам удастся добиться»⁶⁷³. Задуманное Ю.А. Филипченко после его скоропостижной кончины удалось реализовать в 1931 г. его сотруднику Я.Я. Лусу⁶⁷⁴. Отряд работал двумя партиями – западной руководил сам Я.Я. Лус, а

⁶⁷¹ Лус Я.Я., Колесник Н.Н., Шульженко И.Ф., Румянцев Б.Ф., Войтяцкий Б.П., Горощенко Ю.Л. Домашние животные Монголии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 6, 7. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 22). По просьбе Комитета наук эта книга была переведена на монгольский язык, за что Комитет наук выразил Монгольской комиссии «крайнее удовлетворение». (СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1938. Д. 8. Л. 1).

⁶⁷² Колесник Н.Н. Животноводственный отряд Монгольской экспедиции // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 4. С. 32–38.

⁶⁷³ Письмо Ю.А. Филипченко к Ф.Г. Добржанскому, 28 октября 1928 г. // У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге / Ред.-сост. М.Б. Конашев. СПб., 2002. С. 340.

⁶⁷⁴ Конашев М.Б. Экспедиции Лаборатории генетики Академии наук СССР в Среднюю Азию и Монголию (1925–1935) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 4. С. 43–59.

восточной – Н.Н. Колесник (1904–?). К каждой партии был прикомандирован сотрудник Комитета наук (аспиранты Гомбо и Нацагдорж).

Монгольская экспедиция 1931 г., так же как и прошлогодняя, называлась комплексной – вместе с академическими группами вновь работал экономический отряд. В обосновании работ на 1931 г. отмечалось, что отряды Монгольской комиссии АН должны будут «обслуживать» отдельные отрасли народного хозяйства, а «увязку же этих отраслей и народного хозяйства в целом»⁶⁷⁵ будет осуществлять плано-экономический отряд, состоящий из двух групп. Первая группа должна будет заниматься исследованиями экономики и планированием народного хозяйства МНР, вторая – производить экономическое обследование основных производительных районов МНР. Руководить работой плано-экономического отряда специальным решением Секретариата ЦК ВКП(б) был назначен только что закончивший аспирантуру при Институте экономики сельского хозяйства (до 1934 г. Научно-исследовательский колхозный институт) ВСНХ экономист П.В. Погорельский (1899–1955). Выбор этой кандидатуры был обусловлен наличием уже имевшегося у ученого опыта изучения экономики кочевых хозяйств, который он получил в пограничных областях Средней Азии, где провел в экспедициях три года⁶⁷⁶. В состав отряда П.В. Погорельского вошли также сотрудники московских институтов (Институт кормов, Колхозный институт ВАСХНИЛ, Институт землеустройства, Коневодческий институт Тимирязевской академии) и Коммунистической академии⁶⁷⁷. В послевоенные годы именно он станет главным противником Монгольской комиссии как координатора исследования Монголии, что и станет одной из причин ее упразднения в 1953 г. (см. § 4.4).

⁶⁷⁵ Доклад И.П. Рачковского правительству МНР, 28 июля 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1931. Д. 12. Л. 99.

⁶⁷⁶ Митин В.В. Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003 / Отв. ред. В.М. Орел. М.: Диполь-Т, 2003. С. 193–195.

⁶⁷⁷ Список экономического отряда // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 10. Л. 3.

Итоги работы совместной (как сказано в постановлении ЦК МНРП) экспедиции Академии наук и Комитета наук в 1931 г. И.Г. Дмитриев доложил на этот раз партийному руководству Монголии – президиуму ЦК МНРП, что подчеркивало большое политическое значение проведенных обследований и, главное, сделанных на их основе выводов. Отчет И.Г. Дмитриева, вновь выдержанный в актуальном для данного политического момента стиле констатации достигнутых успехов и свершений, убедительно продемонстрировал изменение направлений и характера производимых Монгольской экспедицией работ и их соответствие просьбам правительства Монголии. Декларированная успешность в решении поставленных задач вновь была замечена и отмечена руководством МНР⁶⁷⁸. В постановлении президиума ЦК МНРП об итогах работы экспедиции указано, что ее деятельность в 1931 г. характеризуется не только большими успехами в области исследовательских работ, но и еще более практическим уклоном, нежели работы предшествующих сезонов, и ее результаты могут быть «шире и полнее использованы в хозяйственном строительстве МНР, проводимом на плановых началах». Практические результаты, по мнению партийного руководства Монголии, указывают на особую ценность работы экспедиции и являются важным аргументом в борьбе со «взглядами правых оппортунистов и других враждебно настроенных элементов в отношении СССР»⁶⁷⁹.

Последнее обстоятельство связано с тем, что, как уже неоднократно указывалось, в решениях VIII съезда МНРП было заявлено о проведении курса строительства основ социализма при всемерном укреплении связей с СССР. Однако сторонники национал-демократических преобразований пытались сдерживать открытое вмешательство СССР во внутренние дела Монголии. По-видимому, определенное неприятие вызывала у «правой оппозиции» также и исследовательская деятельность российских ученых в Монголии.

⁶⁷⁸ Постановление Президиума ЦК МНРП по совместной экспедиции Академии наук и Комитета наук, 13 марта 1932 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1933. Д. 9. Л. 75–77.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 76.

Президиум ЦК МНРП, как и в прошлом году, выразил благодарность начальнику Монгольской экспедиции И.Г. Дмитриеву⁶⁸⁰, и, кроме того, также руководителям отрядов: И.П. Рачковскому, Я.Я. Лусу, В.И. Баранову.

Успешную работу Монгольской экспедиции в 1931 г. и деятельность российских исследователей отметил в своем годовом политическом и хозяйственном отчете полпред СССР в МНР А.Я. Охтин. Он также считал, что «экспедиция дала ценный материал по изучению производительных сил и экономики страны», а экономический отряд «принял участие в составлении контрольных цифр народного хозяйства и культуры на 1932 год»⁶⁸¹.

В упоминаемом постановлении ЦК МНРП поручил правительству Монголии разработать вопрос о продолжении этих работ в 1932 г. в «соответствии с финансовыми возможностями МНР» и указал на необходимость для соответствующих учреждений изучить материалы экспедиции и «исправить недочеты, обнаруженные в колхозном и других сельскохозяйственных секторах»⁶⁸².

Данное постановление еще раз подчеркивало, что монгольское руководство воспринимало деятельность советских ученых в Монголии и их совместные

⁶⁸⁰ Диссертанту не удалось найти каких-либо публикаций И.Г. Дмитриева по экономике Монголии. Известно только, что материалы своих исследований он так и не сдал в Монгольскую комиссию. Об этом, в частности 7 декабря 1936 г., В.Л. Комаров сообщил Н.П. Горбунову: «Прошу Ваших указаний – можно ли оставлять далее эти материалы, по моему, представляющие большую научную ценность, на руках у И.Г. Дмитриева или же их следует востребовать тем или иным путем, хотя бы через постановление суда. Если даже материалы И.Г. Дмитриева и окажутся не подлежащими оглашению или неправильно освещенными, все же их следует, как первичный материал, хранить в архиве Академии наук, а не на руках у частного лица, каким является по отношению к Академии наук И.Г. Дмитриев» (Письмо В.Л. Комарова к Н.П. Горбунову, 7 декабря 1936 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 278. Л. 1).

⁶⁸¹ Отчет А.Я. Охтина // АВП РФ. Ф. 5. Оп. 12. Папка 86. Д. 32. Л. 7.

⁶⁸² Постановление Президиума ЦК МНРП по совместной экспедиции Академии наук и Комитета наук, 13 марта 1932 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1933. Д. 9. Л. 75–77.

работы с Комитетом наук, прежде всего как помощь в разработке мероприятий по экономическому преобразованию страны. Результаты исследований, должны были соответствовать требованиям политических установок. Именно такой подход в подведении итогов Монгольской экспедиции и демонстрировал ее руководитель И.Г. Дмитриев.

В то же время развернувшаяся в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. критика научной деятельности с позиции «марксистского» принципа «практика как критерий истины» – одного из основополагающих принципов, составляющих образ «советской науки», не обошла стороной и Монгольскую комиссию. Еще в 1929 г. исследовательские программы ученых вызвали негативную реакцию советского полномочного представителя в Монголии А.Я. Охтина. Он поделился с руководством НКИД своими сомнениями о значимости исследований, проводимых в Монголии Академией наук⁶⁸³. С его точки зрения, в планировании работ отсутствовал «здравый смысл», экспедиционные поездки зачастую носят бессистемный характер и являются только «непроизводительной тратой валюты». В качестве примера А.Я. Охтин привел командировку Е.В. Козловой, которую Академия наук направила в Прикосогольский район Монголии только за тем, чтобы, по его мнению, «достать несколько экземпляров птиц». Дипломат считал, что такая поездка совершенно не обоснована, поскольку всех «редких птиц», которых можно найти в Монголии, с «таким же успехом можно обнаружить в Иркутском районе, не потратив на это ни копейки валюты. А поездка Козловой обойдется около 2 000 руб. валюты». А.Я. Охтин считал обязательным согласование плана Монгольской комиссии с полпредом СССР в Монголии. Скорее всего, его письмо отражало желание взять под контроль деятельность советских ученых в Монголии. НКИД счел необходимым проинформировать о вопросах, поставленных главой советской дипломатической миссии в Монголии, не только ОНУ СНК, но и Иностранный отдел ОГПУ, куда и была направлена копия письма А.Я. Охтина.

⁶⁸³ Письмо А.Я. Охтина в НКИД, 3 июля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 28. Л. 53.

Но настоящей ревизии с точки зрения «полезности» для народного хозяйства Монголии исследовательская деятельность Комиссии подверглась в 1931 г. Сотруднику Института экономических исследований Госплана Т.Т. Трофимову было поручено оценить результаты работы Академии наук в Монголии «с точки зрения возможности их практического применения для составления плана хозяйственного развития МНР» и в работе профильных учреждений страны⁶⁸⁴. С этой целью Т.Т. Трофимов проанализировал отчеты экспедиционных отрядов Монгольской комиссии с 1925 по 1930 г. Критике подверглись прежде всего рекогносцировочный метод исследований, их кратковременность и в связи с этим предварительный характер отчетов, содержащих, по мнению рецензента, только описание пройденных маршрутов, без обобщения произведенных наблюдений и выводов об их практической значимости.

Так, например, из работ ботанического направления большинство, по его мнению, свелись только к «регистрации попадающей растительности с их латинскими названиями без всяких намеков на обобщение и указание на пригодность этого растения в хозяйственном использовании»⁶⁸⁵. Тот же результат он увидел и в столь необходимых для Монголии почвенных исследованиях. Т.Т. Трофимов обвинил Б.Б. Полынова в принадлежности к школе «истых» почвоведов, изучающих и выделяющих почвенные разновидности и почвенные формации без их агропроизводственной характеристики⁶⁸⁶. Исключительно теоретические цели, «без всякой увязки с практическими задачами» преследовали, по его мнению, и почвенные исследования Н.Н. Лебедева и О.Н. Михайловской. Между тем значимость почвенных работ, подчеркивал Т.Т. Трофимов, выражается «с одной стороны, интересами народного хозяйства Монгольской республики, с другой же – интересами сношений СССР и

⁶⁸⁴ Трофимов Т.Т. Краткая характеристика работ экспедиций АН СССР // АВП РФ. Ф. 183. Оп. 13. Папка 13. Д. 5. Л. 8–22.

⁶⁸⁵ Там же.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 14 об.

Монголии»⁶⁸⁷. Деятельности «истых почвоведов» была противопоставлена работа почвенно-агрономического отряда В.И. Баранова в 1930 г., который, по мнению референта, всего за месяц успел выполнить «ряд работ, имеющих не только теоретический, но и сугубо практический интерес»⁶⁸⁸.

Работы зоологических отрядов в 1926 и 1929–1930 гг. также носили, по оценке партийного критика, «узко академический характер, имели целью фиксации для зоогеографической систематики, непосредственных данных для практического использования и улучшения скотоводческого хозяйства страны они не дают. Другое дело – деятельность животноводческой партии почвенно-агрономического отряда 1930 г. Они изучили экстерьер домашних животных Монголии, продуктивность, видовые гибридизации, технику ведения скотоводческого хозяйства и дали монгольскому руководству (опять же, по мнению Т.Т. Трофимова) ценные указания по развитию животноводства. Работы геологических отрядов также были направлены главным образом только на изучение геологического строения обследуемых районов с кратким «освещением имеющихся полезных ископаемых», но отсутствовали «подробные материалы» и советы о возможной разработке. Рассмотрев все имевшиеся отчеты, Т.Т. Трофимов отметил, что экспедиционные работы Монгольской комиссии до 1930 г. носили по преимуществу «узко академический характер, преследовали, главным образом, фиксацию встречающихся на пути следования явлений для целей систематизации и обоснования общих положений той или иной науки на конкретном материале»⁶⁸⁹. Вывод был очевиден: «необходимо коренным образом изменить темпы работы», искоренить «абстрактную академичность» с полным учетом пожеланий монгольского правительства», поскольку «всякая научная работа, – был уверен партийный эксперт, – не должна быть оторвана от запросов

⁶⁸⁷ Там же.

⁶⁸⁸ Там же. Л. 15.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 21.

практической жизни, в особенности в такой мало изученной стране, как Монголия»⁶⁹⁰.

Таким образом, политический заказ был выполнен, и правительственные структуры получили еще одно свидетельство для своих обвинений Академии наук в ее якобы отстраненности от решения актуальных в данный момент народнохозяйственных проблем, правда, в этом конкретном случае уже не внутренних, а монгольских.

В начале 1932 г. началась очередная кампания по пересмотру уставных документов академических комиссий, приведение их в соответствие с разработанным типовым положением. Положение о Монгольской комиссии было утверждено на заседании Президиума АН 14 марта 1932 г.⁶⁹¹ и на Общем собрании – 6 октября 1932 г.⁶⁹² По новому документу, ее основная задача была расширена от содействия «развитию и укреплению народного хозяйства»⁶⁹³ (Положение 1930 г.) до «содействия развитию и укреплению хозяйственно-экономического и культурно-политического строительства МНР»⁶⁹⁴. Были также расширены обязательства Комиссии по оказанию помощи Комитету наук по подготовке национальных научных кадров, привлечению их к своим исследованиям. Предусматривалось также участие Комиссии в организации и развитии сети местных научных учреждений, музеев, краеведческих организаций, библиотек и пр., а также научно-просветительской работы: чтении лекций и докладов на местах силами сотрудников экспедиций.

Формы деятельности Монгольской комиссии осталась прежними: проведение экспедиционных исследований на основании разработанных планов и

⁶⁹⁰ Там же.

⁶⁹¹ Выписка из протокола заседания Президиума АН, 14 марта 1932 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1932. Д. 1. Л. 41.

⁶⁹² Выписка из протокола Общего собрания АН, 6 октября 1932 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1932. Д. 1. Л. 9.

⁶⁹³ Положение о Монгольской комиссии // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 36. Л. 56.

⁶⁹⁴ Положение о Монгольской комиссии // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1932. Д. 1. Л. 10–11.

договорных соглашений с монгольскими учреждениями, обработка собранных материалов и публикация результатов работы.

В состав Монгольской комиссии по новому Положению могли войти действительные члены Академии наук, научные работники, сторонние ученые, зарекомендовавшие себя работами в области изучения производительных сил Монголии, а также представители учреждений и организаций, ведущих свои исследования на ее территории. Список членов Комиссии утверждал Президиум Академии наук по представлению президиума Комиссии. На том же заседании Президиума АН 14 марта 1932 г. был утвержден новый состав Комиссии под председательством академика В.Л. Комарова. В ее состав вошли: академики С.Г. Струмилин (1877–1974), В.А. Обручев, А.А. Борисяк, С.Ф. Ольденбург, представитель НКВД в Ленинграде Г.В. Вайнштейн, полпред СССР в МНР А.Я. Охтин, председатель Комитета наук Монголии А. Амар, а также ученые, задействованные в работе или в организации работ в Монголии: С.И. Андреев, Н.Н. Поппе, И.П. Рачковский, Ю.М. Шокальский, С.В. Щербина (Геохимический институт АН).

Планирование экспедиционных работ на 1932 г. проходило с учетом пожеланий Комитета наук, изложенных в письме А. Амара от 17 февраля 1932 г. полпреду СССР в МНР В.Х. Таирову. А. Амар настоятельно просил направить в текущем году в Монголию животноводческий отряд, отряд по кормовым вопросам, а также геологический, лингвистический и археологический отряды⁶⁹⁵. Однако сформированная новая комплексная экспедиция не состоялась. Как докладывал академик В.Л. Комаров Президиуму АН, «по не зависящим от Монгольской комиссии обстоятельствам»⁶⁹⁶. В 1932 г. в Монголии работал только один отряд – геологический с топографической партией под руководством П.П. Сизовой. Были проведены исследования нижнекарбоновых отложений района горы Урмуктуй в западных отрогах Кэнтэя и гор Хаптагай в Южной

⁶⁹⁵ Письмо А. Амара к В.Х. Таирову, 17 февраля 1932 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 20. Папка 20. Д. 12. Л. 1.

⁶⁹⁶ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 год. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 261.

Монголии. Следует заметить, что, как будет показано далее, формулировка «по не зависящим от Монгольской комиссии обстоятельствам» станет характеризовать всю ее деятельность до 1940 г.

Резкое сокращение запланированных на 1932 г. исследований произошло в связи с обострившимся к весне внутривластным положением в Монголии. Не имея какой-либо цельной теории в достижении поставленных задач, «левые» политические силы слепо подражали формам и методам строительства социализма в СССР. Во многих районах страны в ответ на политику конфискации скота и имущества, форсированного кооперирования аратских хозяйств, а также борьбы с ламством и монастырями, вспыхнули вооруженные мятежи и восстания, на подавление которых были посланы войска. В таких условиях советским ученым было не только трудно, но и опасно работать, и НКВД не разрешил научные командировки в Монголию⁶⁹⁷.

О серьезной озабоченности событиями, происходившими в Монголии, говорит и тот факт, что 16 марта 1932 г. при Политбюро ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия во главе с К.Е. Ворошиловым «для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии»⁶⁹⁸, так называемая постоянная Монгольская комиссия Политбюро. С этого времени все происходящие в Монголии события находились под личным контролем И.В. Сталина.

В июне 1932 г. чрезвычайный пленум ЦК МНРП «решительно осудил» действия «левого» правительства и провозгласил так называемый «новый курс» – попытку возрождения политики национальных демократов, основанной на

⁶⁹⁷ О серьезности политического положения в Монголии говорит тот факт, что широкомасштабное восстание с участием нескольких тысяч повстанцев охватило четвертую часть территории страны. Для подавления восстания в июне–июле 1932 г. правительство Монголии направило в западные районы страны регулярную армию, включая танковые войска (*Батбаяр Ц.* Монголо-советские отношения в 1930-е годы // *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в.* М., 2001. С. 133).

⁶⁹⁸ Цит. по: *Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др.* М., 1995. С. 66.

укреплении национальной государственности и самобытности страны. В целях стабилизации положения в Монголии этот курс был поддержан СССР и Коминтерном⁶⁹⁹.

Изменение политического курса в Монголии коснулось и Комитета наук. Руководителем Комитета наук стал Л. Дэндэв, бывший до 1930 г. министром юстиции. Прежний глава научного учреждения – А. Амар, вновь стал одной из ключевых фигур в руководстве Монголии и возглавил Президиум Малого Хурала МНР.

Л. Дэндэв пришел в Комитет наук в очень трудное время: из-за сложной внутривластной обстановки в стране и без того незначительное финансирование научной деятельности было резко сокращено. Комитет наук не мог выполнять взятые на себя обязательства по Договору с Академией наук СССР о со-финансировании совместных исследований. Контакты с Академией наук стали нерегулярными, количество советских экспедиций в Монголию значительно уменьшилось, а вскоре они вообще прекратились.

Для выяснения возможности работы в Монголии в 1933 г. Монгольская комиссия командировала в Улан-Батор И.П. Рачковского. О неутешительных результатах своих переговоров с Комитетом наук он написал В.Л. Комарову: «Ввиду тяжелого финансового положения сняты почти все исследовательские работы, приостановлено крупное строительство, сокращаются штаты». Комитет наук смог выделить средства только на геологический отряд «ввиду нежелательности перерыва геологических работ» и небольшую сумму на астрономическую партию, «нужда в которой, – как писал И.П. Рачковский, – ощущается многими ведомствами МНР». В конце письма он с сожалением отметил, что «на этот год это будет единственный связующий Учком и Монгольскую комиссию отряд»⁷⁰⁰.

⁶⁹⁹ См.: *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 269–290.

⁷⁰⁰ Письмо И.П. Рачковского к В.Л. Комарову, 30 декабря 1932 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1933. Д. 9. Л. 121–121 об.

В связи с выяснившимися обстоятельствами на заседании Президиума АН для работы в Монголии в 1933 г. был утвержден только геологический отряд с топографической и астрономической партиями (И.П. Рачковский, З.А. Лебедева, П.П. Сизова, А.Л. Смольянинова, М.П. Крупенин и В.С. Ивакин). При этом Президиум не исключал возможности организации и других экспедиционных отрядов в случае, если Комитет наук обратится с такой просьбой и сможет найти финансирование на дополнительные исследования⁷⁰¹.

Основной задачей геологического отряда являлось исследование распространения карбоновых отложений в южных районах Монголии, в окрестностях г. Урмуктуй и Саир-Усу, «отдельные небольшие пятна которых были известны раньше». Помимо теоретического, чисто геологического интереса, эти исследования имели также практическое значение для поиска рудных месторождений. В результате исследований в этих местностях были выявлены месторождения меди, магнитных железняков, марганца и др. В своем отчете И.П. Рачковский также указывает, что сотрудники отряда консультировали ряд ведомств и учреждений Монголии по вопросам геологии и принимали непосредственное участие в их работе⁷⁰².

Несмотря на вынужденное сокращение экспедиционной деятельности, Монгольская комиссия не теряла надежды на ее возобновление. В свете партийных директив был разработан план деятельности на 2-ю пятилетку, на 1933–1937 гг., по которому в Монголию ежегодно должны были направляться комплексные экспедиции для проведения совместных с Комитетом наук работ «по изучению производительных сил МНР»⁷⁰³.

⁷⁰¹ Протокол заседания Президиума АН, 21 марта 1933 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1933. Д. 15. Л. 60.

⁷⁰² *Рачковский И.П.* В Монголии. Геологический отряд // Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1932 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 239–242.

⁷⁰³ План работ МОНК на 1933–1937 гг. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1933. Д. 5. Л. 41–48; План работ // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 2. Д. 78. Л. 22.

Со стороны Комитета наук также было выражено желание сотрудничать с Академией наук. Л. Дэндэв в письме к неперемому секретарю Академии наук В.П. Волгину в начале 1934 г. просил продолжить в Монголии геологические и топографо-астрономические работы, изучение проблем сельского хозяйства, а также провести экономические обследования под руководством И.Г. Дмитриева⁷⁰⁴. В связи с просьбой Комитета наук Монгольская комиссия наметила на 1934 г. работы по вопросам животноводства, кормовым, а также ботанические и геологические исследования с проведением топографической съемки района работ⁷⁰⁵. Организацию экономических исследований Комиссия на себя не взяла. Институт экономических исследований Госплана инициативы также не проявил. Что касается И.Г. Дмитриева, то несмотря на высокую оценку его деятельности монгольским правительством оправдать его доверие он не смог, поскольку все «экономические знания» ограничились партийной риторикой и в итоге И.Г. Дмитриев даже не представил материалы экспедиций 1930–1932 гг. в Монгольскую комиссию⁷⁰⁶.

В начале 1934 г. советский полпред в Монголии С.Е. Чуцкаев также передал в Академию наук пожелание Комитета наук организовать в текущем году «крайне необходимые дополнительные экспедиционные работы по кормовым вопросам» и геологоразведочные работы по выяснению промышленного значения открытого в 1934 г. экспедицией И.П. Рачковского месторождения сульфосолей меди⁷⁰⁷. В связи с возможным расширением работ в Монголии В.П. Волгин обратился в Совнарком с просьбой выделить дополнительное финансирование с учетом того, что часть средств, учитывая важность работ, дадут сама Академия наук (100 000

⁷⁰⁴ Письмо Л. Дэндэва к В.П. Волгину, 3 января 1934 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8. Л. 47.

⁷⁰⁵ Отчет о работе за 1934 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 3. Л. 4–7.

⁷⁰⁶ Письмо В.Л. Комарова к Н.П. Горбунову, 7 декабря 1936 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 278. Л. 1.

⁷⁰⁷ Письмо В.П. Волгина в СНК СССР, 20 февраля 1934 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 2. Л. 47–47 об.

руб.) и монгольское правительство (60 000 руб.). Однако надежды на экспедиционные исследования в 1934 г. вновь не оправдались. Как известно, в 1934 г. состоялся переезд Академии наук в Москву⁷⁰⁸, который потребовал значительных средств из резервного фонда Совнаркома, денег для организации экспедиций в Монголию не нашлось.

Кроме проблем финансирования во взаимодействии Академии наук и Комитета наук следует упомянуть и организационные сложности при формировании экспедиционных отрядов, в первую очередь, административно-идеологического характера, связанные с оформлением зарубежных командировок: от получения характеристики в трудовом коллективе до разрешения НКВД на выезд за границу. После 1934 г. эта процедура ужесточилась еще больше. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая 1934 г. всем организациям и учреждениям запрещалось направлять своих сотрудников за границу без санкции специальной комиссии Политбюро ЦК партии по командировкам за границу, которая рассматривала этот вопрос «не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»⁷⁰⁹. Причины возможного отказа не объяснялись.

Таким образом, десятилетняя исследовательская традиция в 1934 г. была прервана: впервые с 1922 г. (с Монголо-Урянхайской экспедиции И.П. Рачковского) Академия наук не смогла направить в Монголию ни одного экспедиционного отряда.

⁷⁰⁸ При переезде в Москву Академии наук Монгольская комиссия решением Президиум АН была оставлена в Ленинграде (Выписка из постановления Президиума АН // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 2. Л. 61), но переведена из непосредственного подчинения Общего собрания АН в ведение Отделения математических и естественных наук.

⁷⁰⁹ Цит. по: Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 70. Этим же постановлением был определен состав Комиссии Политбюро по выездам за границу, куда вошли А.А. Жданов (председатель), В.И. Межлаук, Н.И. Ежов, Я.С. Агранов, А.Н. Поскребышев. В конце 1934 г. председателем комиссии был назначен будущий нарком внутренних дел Н.И. Ежов (Там же. С. 71).

В отличие от экспедиционной, издательская деятельность Монгольской комиссии в эти годы была очень активной и плодотворной. В 1930–1931 гг. вышли 10 выпусков (5-й, 6-й, 8–15-й) «Материалов Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР». С 1932 г. вместо этой серии начали издавать «Труды Монгольской комиссии», которые выходили уже под двумя грифами: Академии наук СССР и Комитета наук / Научно-исследовательского комитета МНР. В 1932–1933 гг. увидели свет 10 выпусков «Трудов», в основном материалы экспедиций в Монголию в 1929–1930 гг.

Изложенное выше позволяет сделать некоторые выводы.

Сфабрикованное осенью 1929 г. так называемое «академическое дело», последовавшие затем репрессии академического сообщества коснулись и Монгольской комиссии. От должности неременного секретаря Академии наук и постов председателя ряда комиссий, в том числе Монгольской, был отстранен академик С.Ф. Ольденбург. Новым руководителем Монгольской комиссии стал академик В.Л. Комаров. Кроме кадровых перестановок последовали и организационные изменения в ее работе. В Положении о Комиссии 1930 г. корректировке подверглась целевая установка научного исследования Монголии: от «закрепления нашего политического влияния» (1925 г.) к «развитию и укреплению народного хозяйства МНР». В 1930–1931 гг. была предпринята попытка организации комплексных экспедиций в Монголию, главная роль в которых отводилась экономическим работам. Их проведение взял на себя Институт экономических исследований Госплана СССР. При этом академическая часть исследований была значительно сокращена. Возглавил экспедицию партийный функционер-экономист. Изменения коснулись и отчетности о результатах исследований: руководитель Монгольской экспедиции представлял их не монгольскому правительству и Комитету наук, а партийному руководству страны.

Переориентация исследовательских приоритетов Монгольской комиссии была связана, с одной стороны, с административными мерами, принимаемыми советскими государственными структурами в целом, по «увязке работ» Академии наук с практикой социалистического строительства и, с другой стороны, со сходными процессами в Монголии. В то же время давление на Монгольскую комиссию и содержание ее сотрудничества с Комитетом наук со стороны правительственных учреждений диктовалось необходимостью ускоренного экономического укрепления Монголии как стратегического партнера СССР в Дальневосточном регионе. От Монгольской комиссии все настойчивее требовали реального вклада в хозяйственно-экономическое развитие Монголии. В 1930-х гг. основными направлениями стали прикладные почвенно-агрономические, животноводческие, геологические, геохимические исследования. Характер отношений с Комитетом наук остался прежним: академические экспедиции включали в свои планы задания Комитета наук, выполнение которых финансировала монгольская сторона, и его сотрудников, среди которых уже практически не было русских или бурят, в основном только монголы. В 1932 г. в связи с обострением внутривосточного положения в Монголии произошло резкое сокращение экспедиционных исследований. Кроме того, наметились кадровые проблемы при формировании экспедиционных отрядов в Монголию. Они были связаны, во-первых, с уменьшением интереса советских ученых к Монголии в связи с расширением возможностей для реализации своих исследовательских планов в многочисленных экспедициях внутри СССР и, во-вторых, с усложнением получения разрешения на заграничную командировку.

3.3.3. Научное сотрудничество в период международной напряженности и политических репрессий в СССР и МНР

В подпараграфе раскрываются вопросы взаимодействия Академии наук и Комитета наук во второй половине 1930-х гг., неудачные попытки возобновить экспедиционные исследования, обусловленные сложной международной

обстановкой вокруг Монголии из-за активных милитаристских действий Японии, ужесточением контроля советского руководства над зарубежными поездками ученых и развернувшейся в обеих странах кампанией политических репрессий.

Во второй половине 1930-х гг. в системе Академии наук происходил значительный рост сети ее научных учреждений и численности ученых, создавались региональные академические центры и филиалы⁷¹⁰. Расширились масштабы исследований внутри страны, но одновременно шло резкое сокращение международного научного сотрудничества⁷¹¹. В стране утверждался авторитарный режим, который брал под свой жесткий контроль все виды деятельности своих граждан, в том числе и научную. С этой целью продолжались структурные и административные изменения и в академическом ведомстве. В ноябре 1935 г. был принят очередной, третий за 6 лет Устав Академии наук. Он на многие десятилетия закрепил ее двойственное положение: с одной стороны – научное сообщество, имеющее свой Устав, членство, самоуправление; с другой стороны – государственное учреждение, подчиненное правительству, со всеми характерными для бюрократической организации правилами и нормами.

В новой академической структуре Монгольская комиссия вновь стала работать при Общем собрании АН (после недолгого пребывания в Отделении математических и естественных наук в 1934–1935 гг.). В ноябре 1935 г. был выбран действительным членом Академии наук и назначен на должность неперменного секретаря Н.П. Горбунов, сыгравший важную роль в организации Монгольской комиссии в 1925 г. и курировавший монгольское направление деятельности Академии наук до 1929 г., пока находился на посту управляющего делами СНК СССР.

⁷¹⁰ *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1941 гг. СПб., 1997. С. 13.

⁷¹¹ См., напр.: Советско-германские научные связи времен Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001. 367 с.

Президиум АН 15 февраля 1935 г. утвердил новый состав Монгольской комиссии, в который вновь вошли академики В.Л. Комаров, С.Г. Струмилин, В.А. Обручев, А.А. Борисяк, а также Ц.Ж. Жамцарано, А.А. Григорьев, В.П. Казакевич, З.А. Лебедева, Я.Я. Лус, Н.Н. Поппе, Б.Б. Польшов, И.П. Рачковский, А.Я. Тугаринов, Ю.М. Шокальский, С.В. Щербина, бывший председатель Комитета наук, а ныне председатель Президиума Малого Хурала Монголии А. Амар, действующий председатель Комитета наук Монголии Л. Дэндэв, полномочный представитель СССР в Монголии В.Х. Таиров (1894–1938), бывший полпред (до 1933 г.) А.Я. Охтин, секретарь Монгольской комиссии Политбюро ЦК партии С.С. Борисов⁷¹² и представитель НКВД Г.И. Вайнштейн⁷¹³. Председателем Монгольской комиссии остался В.Л. Комаров, ученым секретарем – И.П. Рачковский, членами Бюро Комиссии стали члены-корреспонденты АН Н.Н. Поппе и Ю.М. Шокальский, а также А.Я. Тугаринов и Г.И. Вайнштейн.

Включение монгольских руководителей в состав Комиссии должно было подчеркнуть коллегиальность в планировании ее работы, а присутствие представителей Наркоминдела – продолжающийся контроль ее деятельности со стороны внешнеполитического ведомства.

Утвержденный Президиумом АН в октябре 1934 г. Договор между Академией наук и Комитетом наук о сотрудничестве на 1935–1939 гг. после трех лет резкого сокращения придал новый импульс организации экспедиционных исследований в Монголии. Причем желание сформировать экспедиции выразили в первую очередь гуманитарии – историки, монголоеды и археологи. Директор Эрмитажа И.А. Орбели (1887–1961) обратил внимание Комиссии на необходимость возобновления работ по археологическому изучению Монголии в связи с «большим научным интересом», вызванным раскопками в Ноин-Уле и в долине р. Толы. Для этих целей Государственный Эрмитаж был готов выделить высококвалифицированных специалистов по археологии Востока и, кроме того,

⁷¹² Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 264.

⁷¹³ Выписка из протокола // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 1. Л. 82.

предоставить свои помещения для экспозиции и хранения добытых материалов⁷¹⁴. Директор Института востоковедения академик А.Н. Самойлович (1880–1938) отметил также желательность возобновления российских историко-археологических работ в связи с заинтересованностью «международных научных кругов вопросами истории орхонских турок VII–VIII вв. и монголов XII–XIII вв.», а заведующий Монгольским кабинетом Института востоковедения Н.Н. Поппе высказался в пользу этнолого-лингвистических исследований⁷¹⁵.

Однако прежде всего было необходимо учесть просьбы Комитета наук, и после обсуждения поданных заявок Президиум АН утвердил работы в Монголии на 1935 г. геологического отряда под руководством И.П. Рачковского, животноводческого отряда под руководством заведующего отделом эволюции и происхождения домашних животных Института генетики Я.Я. Луса и кормового – под руководством профессора Казанского университета В.Н. Баранова, в состав которого были включены геоботаник и почвоведы. Кроме того были утверждены историко-археологический и этнолого-лингвистический отряды под руководством сотрудников Института востоковедения, соответственно В.П. Казакевича и Н.Н. Поппе⁷¹⁶. В конце марта 1935 г. план Монгольской комиссии был оперативно направлен на согласование в НКВД⁷¹⁷ и полномочному представителю в Монголии В.Х. Таирову для передачи в Комитет наук. Монгольская сторона в целом одобрила предложенную заявку и попросила дополнительно включить в кормовой отряд специалиста «по пастбищеведению в более точном смысле

⁷¹⁴ Письмо И.А. Орбели в МОНК, 1 января 1935 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 18. Папка 17. Д. 30. Л. 112.

⁷¹⁵ Письмо А.Н. Самойловича в МОНК, 31 декабря 1934 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Д. 367. Л. 86.

⁷¹⁶ Протокол заседания, 22 апреля 1935 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 16. Л. 1–1 об.

⁷¹⁷ План, сметы, список // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 18. Папка 17. Д. 30. Л. 1, 54–67, 90–90 об.

слова», особенно по использованию зимних пастбищ «ввиду большого значения этого вопроса»⁷¹⁸.

Но с кадрами, нужными Комитету наук, у Монгольской комиссии стали возникать серьезные проблемы. Несмотря на своевременные запросы Монгольской комиссии в соответствующие институты, так и не удалось полностью укомплектовать животноводческий отряд: Институт генетики и Институт физической географии не смогли выделить требуемых для работы в Монголии специалистов⁷¹⁹.

При анализе архивных документов Комиссии складывается впечатление, что исследовательская работа в Монголии для большинства академических институтов перестала быть столь же актуальной и интересной, как в предыдущие годы. Во многом это связано с расширением исследований в советских среднеазиатских республиках, Казахстане, Бурятии, организация работ в которых была значительно проще. К этому, наверное, стоит прибавить и то обстоятельство, что многие крупные ученые, начинавшие в 1920-х гг. изучение Монголии, или ушли из жизни (Б.Я. Владимирцов, П.П. Сушкин, С.Ф. Ольденбург), или отошли в своих исследованиях от этого региона (А.Е. Ферсман, Б.Б. Полынов). Председатель Комиссии академик В.Л. Комаров с 1934 г. жил в Москве, являлся вице-президентом АН и не мог уделять много времени ее работе. Предполагалось, что Монгольская комиссия будет переведена в Москву весной 1935 г., после окончания камеральных работ, однако она так и оставалась в Ленинграде до начала Великой Отечественной войны⁷²⁰. Всеи организационной деятельностью занимался ее ученый секретарь И.П. Рачковский,

⁷¹⁸ Письмо В.Х. Таирова в Академию наук, 11 апреля 1935 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 17. Л. 20.

⁷¹⁹ Протокол заседания МОНК, 22 апреля 1935 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 1. Л. 67. Л. 1 об.

⁷²⁰ Монгольская комиссия периодически меняла свой адрес: в Ленинграде – Университетская наб., д. 5 (1925–1929); Тифлисская ул., д. 1 (1929–1931; 1935–1941); наб. Тучкова, д. 2 (1932–1934); в Москве – Старомонетный пер., д. 35).

во многом благодаря которому Комиссия продолжала работать и ее связь с Комитетом наук не прерывалась⁷²¹.

Несмотря на организационные трудности, Комиссия все же смогла сформировать пять отрядов на полевой сезон 1935 г., как и указывалось в предварительном плане, высланном в Комитет наук: геологический, этнолого-лингвистический, историко-археологический, в несколько сокращенном виде животноводческий отряды и отряд по кормовым вопросам, или кормовой. В их состав вошли в основном сотрудники академических учреждений: Института востоковедения, Института генетики, Геологического института, Почвенного института и других учреждений (Государственный Эрмитаж, ГАИМК, Ленинградский сельскохозяйственный институт, Ленинградский зоотехнический институт), а также двух университетов – Казанского и Ленинградского.

Учитывая специфичность «условий сношений» с Комитетом наук, на этом же заседании был рассмотрен и предварительный план экспедиционных работ на 1936 г., чтобы И.П. Рачковский во время пребывания в Монголии смог согласовать и его⁷²². В план включили на всякий случай практически все направления исследований – геологические, зоологические, палеозоологические, кормовые вопросы, ботанические, этнолого-лингвистические и новое направление – лимнологические исследования озера Косогол – своеобразного монгольского Байкала, включенные в Договор. Условия Договора между Академией наук и Комитетом наук 1935 г., как было указано выше, позволяли в случае необходимости производить замены запланированных работ. Начальником экспедиции Президиум АН назначил И.П. Рачковского. Ему вместе с Н.Н. Поппе

⁷²¹ По штатному расписанию, численность Монгольской комиссии в разные годы составляла от 1 до 4 человек: ученый секретарь, его помощник и технические работники. Председатель Комиссии и его заместители не получали заработной платы за свою деятельность в Комиссии. Такая практика была типичной для академических комиссий в 1920-х – 1940-х гг.

⁷²² Протокол заседания // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 1. Л. 2.

поручалось также подписать договор в Улан-Баторе о проведении совместных с Комитетом наук работ в 1935 г.⁷²³

Казалось, наконец-то, черед «не зависящих от Комиссии обстоятельств» закончилась, и работа российских исследователей в Монголии продолжится. Однако политические реалии вновь оказались сильнее. В 1935 г. начались пограничные конфликты между монгольскими и японо-маньчжурскими погранотрядами, которые продолжались в течение всего 1935 г.⁷²⁴ Вопрос о посылке экспедиций в Монголию обсуждался на заседании Политбюро ЦК партии 17 июня 1935 г. Председатель СТО СССР и Госплана СССР В.И. Межлаук высказал мнение, что, поскольку еще не закончена обработка материалов предыдущих экспедиций, а состав участников «мало проверен» и с учетом также общей обстановки в Монголии, следует считать посылку туда экспедиций Академии наук в 1935 г. нецелесообразной. С этим предложением согласились все члены Политбюро, а И.В. Сталин добавил: «Считаю эту затею несвоевременной и нецелесообразной»⁷²⁵.

Следует отметить, что кроме сложной международной обстановки, в Монголии начался очередной этап внутрипартийной борьбы и передела власти в стране. Дело в том, что в 1932 г. III Чрезвычайный пленум ЦК МНРП разработал систему мер, или «новый курс». «Новый курс» являлся еще одной попыткой национальных демократов интерпретировать некапиталистический путь развития максимально близко к монгольским условиям⁷²⁶. Главой правительства был назначен один из влиятельнейших политических деятелей Монголии П. Гэндэн (1892–1937). Его отношения с И.В. Сталиным были весьма непростыми⁷²⁷, что

⁷²³ Протокол заседания // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1935. Д. 1. Л. 67.

⁷²⁴ Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 172–176.

⁷²⁵ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. М., 2000. С. 176.

⁷²⁶ Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 4.

⁷²⁷ Батбаяр Ц. Монголо-советские отношения в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001. С. 134.

заставляло советское руководство вплотную заниматься монгольскими делами. В период с 1934 по 1936 г. вопрос «О Монголии» около 50 раз ставился в повестку дня заседаний Политбюро⁷²⁸. К середине 1930-х деятельность П. Гэндэна была подвергнута критике со стороны большей части монгольского руководства, находящегося под сильным влиянием Москвы. В марте 1936 г., сразу после подписания Протокола о взаимопомощи между СССР и МНР, он был смещен с поста премьер-министра, на который был вновь назначен А. Амар. Но эти события еще не стали окончанием внутривластной борьбы за выбор дальнейшего пути развития Монголии и методов его реализации.

Несмотря на внутривластные проблемы и сложную международную ситуацию в регионе в связи с усилением японского милитаризма, исследовательская деятельность советских ученых продолжала оставаться актуальной для Монголии. Негативный отзыв Политбюро об экспедиционной деятельности Академии наук в Монголии распространялся только на 1935 г. В начале 1936 г. Комиссия получила финансирование на продолжение своей работы в Монголии. Чтобы ускорить организацию работ, было решено реализовать в текущем году планы 1935 г., как уже утвержденные и согласованные с Комитетом наук⁷²⁹. Но опять при формировании экспедиционных отрядов остро встал кадровый вопрос. Не удалось найти специалиста геохимика-минералога, в связи с чем пришлось сократить работу геологического отряда, оставив только проведение геологической съемки без геохимических исследований. Историко-археологическую экспедицию вообще перенесли на 1937 г. Большие проблемы возникли с формированием так необходимого Учкому животноводческого отряда и отряда по кормовым вопросам. Ни от Почвенного института, ни от Института генетики⁷³⁰ так и не

⁷²⁸ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. II. 1930–1939. М., 2001. *Подсчеты автора.*

⁷²⁹ Протокол заседания, 10 января 1936 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1936. Д. 14. Л. 1.

⁷³⁰ В ноябре 1934 г. Институт генетики был переведен в Москву. С 1935 г. его экспедиционная деятельность прекратилась (*Конашев М.Б.* Экспедиции Лаборатории генетики Академии наук

были получены ответы на запросы Монгольской комиссии о выделении сотрудников для работы в экспедициях в Монголии⁷³¹.

В то же время Комитет наук по-прежнему очень нуждался в помощи и сотрудничестве с Академией наук: своих научных кадров для решения все нарастающего объема задач, выдвигаемых монгольским правительством, катастрофически не хватало. В очередной раз он был вынужден обратиться в Монгольскую комиссию с просьбой рассмотреть вопрос о командировании «на длительную работу» из СССР гидрометеоролога, ботаника-пастбищеведа, зоотехника, музейоведа, музыковеда⁷³². НКИД также просил непременно секретаря Академии наук Н.П. Горбунова помочь Комитету наук в этом вопросе⁷³³. Нужных специалистов найти не удалось. В помощь Комитету наук командировали только востоковеда П.И. Воробьева (1892–1937)⁷³⁴, который сменил работающего там с 1927 г. М.И. Тубянского.

Все запланированные на 1936 г. экспедиции вновь были отменены. Такое распоряжение пришло уже из Президиума АН, поскольку с 1 июня 1936 г. начала работать организованная при Президиуме комиссия под председательством Н.П. Горбунова по сокращению числа академических комиссий. Часть из них было решено перевести в различные ведомственные учреждения, больше соответствующие проблематике комиссий, часть – упразднить. По Монгольской

СССР в Среднюю Азию и Монголию (1925–1935) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 4. С. 43–52).

⁷³¹ Протокол заседания, 10 января 1936 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1936. Д. 14. Л. 1 об.

⁷³² Письмо Л. Дэндэва, 9 марта 1936 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1936. Д. 15. Л. 5.

⁷³³ Письмо из НКИД к Н.П. Горбунову, 4 мая 1936 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1936. Д. 15. Л. 4.

⁷³⁴ П.И. Воробьев проработал в Комитете наук около года, до лета 1937 г., когда был вызван из Монголии в Ленинград, арестован и вскоре расстрелян (см.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003. С. 104–105).

комиссии было принято решение обратиться в Наркоминдел с вопросом о целесообразности ее дальнейшего существования⁷³⁵.

В отчете о своей деятельности за 1936 г. Монгольская комиссия еще раз подчеркнула, что экспедиционные исследования не проводятся «по причинам, не зависящим от Комиссии», а это является большим тормозом для дальнейшего развития успешно начатых работ, поскольку результаты проделанного «настоятельно и неотложно» диктуют необходимость «продолжения и расширения начатых и не завершенных работ по далеко еще не исследованной, обширной территории»⁷³⁶.

Оптимизм относительно продолжения деятельности внушало и то обстоятельство, что в конце 1936 г. председатель Монгольской комиссии академик В.Л. Комаров стал президентом Академии наук. К тому же просьбу о продолжении работ советских экспедиций в Монголии высказал советскому полпреду в Монголии лично премьер-министр Монголии А. Амар, о чем заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков в марте 1937 г. уведомил Н.П. Горбунова. В итоге, учитывая важность деятельности Комиссии в системе советско-монгольских отношений, она продолжила свою работу как самостоятельное учреждение в структуре Академии наук и составила план экспедиций на 1937 г.

В апреле 1937 г. Академия наук подготовила проект постановления Совнаркома о составе экспедиции в Монголию, сроках работы и необходимом финансировании, который был в начале мая направлен председателю СНК СССР В.М. Молотову. Начальником экспедиции предполагалось назначить П.И. Воробьева (в это время он работал в Комитете наук), руководителем лугового (или кормового, или пастбищеведческого) отряда – В.И. Баранова,

⁷³⁵ Выписка из протокола заседания Комиссии по сокращению списка комиссий АН СССР, 26 июня 1936 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1936. Д. 1. Л. 20.

⁷³⁶ Отчет о работе МОНК за 1936 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1937. Д. 8. Л. 74.

геологического – И.П. Рачковского, историко-археологического – В.А. Казакевича и этнолого-лингвистического – Н.Н. Поппе⁷³⁷.

Одновременно была направлена телеграмма от имени В.Л. Комарова в Комитет наук Л. Дэндэву, извещающая, что экспедиции Академии наук придут в Улан-Батор в конце мая⁷³⁸. Полпред в Монголии В.Х. Таиров в письме к Н.П. Горбунову отметил важность приезда экспедиции не позднее последних чисел мая, «так как 5 июня открывается пленум ЦК МНРП для обсуждения и согласования плана работ академических экспедиций с планами работ Комитета наук»⁷³⁹. Таким образом, монгольское руководство страны, в том числе партийное, несмотря на принадлежность к разным внутрипартийным течениям, придавало большое значение работе советских ученых в Монголии, сотрудничеству Академии наук и Комитета наук.

Однако в работе Монгольской комиссии опять появляются «не зависящие от Комиссии обстоятельства».

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1937 г. были изменены и еще более ужесточены правила командирования за границу: перед утверждением на Политбюро «все разрешения на выезд за границу предварительно рассматриваются комиссией ЦК ВКП(б) по личному докладу соответствующего наркома с обязательным заключением НКВД СССР»⁷⁴⁰. В соответствии с этим решением состав Монгольской экспедиции подвергся серьезной проработке. В итоге, как сообщили из Совнаркома Н.П. Горбунову, «в

⁷³⁷ Проект постановления СНК СССР // АВП РФ. Ф. 0111. Оп.18. Папка 160. Д. 33. Л. 20–21. Академия наук просила из резервного фонда СНК СССР на проведении экспедиции «144 000 в червонных рублях и по валютной смете 29 462 руб. восточной валюты».

⁷³⁸ Письмо В.Л. Комарова к Б.С. Стомонякову, апрель 1937 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 18. Папка 160. Д. 33. Л. 15.

⁷³⁹ Письмо В.Х. Таирова во 2-й Восточный отдел НКВД и Н.П. Горбунову, 15 апреля 1937 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 18. Папка 160. Д. 33. Л. 16, 17.

⁷⁴⁰ Цит. по: Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 71.

отношении руководителя экспедиции тов. Воробьева возражает Наркоминдел СССР», а «Наркомвнудел отводит кандидатуры членов экспедиции Казакевича, Поппе и Рачковского». В связи с этим Совнарком поручил Н.П. Горбунову наметить новый состав экспедиции и обсудить его с заинтересованными ведомствами в трехдневный срок⁷⁴¹. Безусловно, найти замену научному и организационному «ядру» экспедиции было невозможно.

Так и не дождавшись приезда экспедиции Академии наук, в конце мая премьер-министр Монголии А. Амар выразил свое беспокойство советскому полпредству, которое в свою очередь адресовало вопрос в НКВД, а оттуда обратились к В.М. Молотову с просьбой сообщить о принятии окончательного решения по вопросу отправки экспедиции Академии наук в Монголию⁷⁴². В ожидании решения компетентных органов забеспокоились и участники экспедиции. 27 июня 1937 г. И.П. Рачковский телеграфировал в Москву В.Л. Комарову: «Промедление с отъездом влечет распад личного состава. Необходимо экстренное положительное разрешение вопроса»⁷⁴³.

Положительные решения вопросов в 1937 г. заканчивались отнюдь не разрешением на заграничную командировку. В стране начались массовые политические репрессии. «Гибель представителей партийной элиты, наиболее тесно связанной с научным сообществом», самым трагическим образом повлияла и на судьбы ученых⁷⁴⁴. Жертвами репрессий в разные годы стали многие ученые, работавшие в Монголии или участвовавшие в работе Монгольской комиссии: востоковеды П.И. Воробьев, В.А. Казакевич, А.Н. Самойлович, М.И. Тубянский,

⁷⁴¹ Письмо зам. председателя СНК СССР В. Чубаря к Н.П. Горбунову, 21 мая 1937 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 18. Папка 160. Д. 33. Л. 22.

⁷⁴² Письмо Б.С. Стомонякова к В.М. Молотову, 11 июня 1937 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 18. Папка 160. Д. 33. Л. 24.

⁷⁴³ Тлг И.П. Рачковского, 27 июня 1937 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1937. Д. 7. Л. 29.

⁷⁴⁴ *Колчинский Э.И.* Переезд Академии наук и ее ленинградских учреждений в 1930-е годы // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. С. 476.

почвовед Б.Б. Польшов, ученые секретари МОНК В.И. Крыжановский и А.И. Руднев, археологи И.Г. Боровка, С.И. Руденко, С.И. Теплоухов, а также бывший председатель правительственной Монгольской комиссии и непреходящий секретарь Академии наук Н.П. Горбунов, представитель НКВД, курировавший научное исследование Монголии, С.С. Борисов, и др.

Трагические события разворачивались и в Монголии, где под прямым давлением советского руководства также начались массовые репрессии, которые затронули все слои общества: партийное руководство, министров, военных, интеллигенцию, ламство, простых аратов, проживающих в Монголии китайцев и бурятов⁷⁴⁵. Не миновала эта беда и только начавшееся формироваться научное сообщество Монголии. Были репрессированы и в большинстве своем расстреляны также буряты, которые работали в Монголии, но вынуждены были покинуть Монголию после прихода к власти «левого» правительства и уехать в СССР в начале 1930-х. В ходе репрессий были арестованы (в СССР и Монголии) и погибли первый министр народного образования Монголии Э. Батухан (1888–1942), бывший ученый секретарь Учкома Ц.Ж. Жамцарано, сотрудник Учкома А.Д. Симуков, аспирант Института востоковедения Г. Мерген (1906–1940), первый монгольский профессиональный географ Ц. Цэвэгдорж⁷⁴⁶ и многие другие. Были арестованы и провели продолжительное время в тюрьме двое будущих первых монгольских академиков Б. Ринчин и Ц. Дамдинсурэн.

⁷⁴⁵ *Рошин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 296. О масштабе репрессий, пик которых приходится на сентябрь 1937 – 1939 г., говорит тот факт, что общее число погибших в Монголии оценивается от 22 до 35 тыс. человек, или от 3 до 5 % всего населения страны. См.: *Sandag S., Kendall H.* Poisoned Arrows: The Stalin-Choibalsan Mongolian Massacres, 1921–1941. Boulder, CO: Westview Press, 2000. 228 p.; *Kaplonski Ch.* Prelude to violence: Show trials and state power in 1930s Mongolia // *American Ethnologist*. 2008. Vol. 35. № 2. P. 321–337.

⁷⁴⁶ По одной из версий, Ц. Цэвэгдорж был арестован «за вредную пропаганду»: сказал своим ученикам: «Монголы могут воссоединиться и создать независимое государство. У нас еще сохранился трезвый ум и сила времен Чингис-хана» (*Цолмон П.* Сердце, отданное Монголии // *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака, 2007. С. 46).

Критической переоценке подверглась вся деятельность Комитета наук (Ученого комитета). Как отмечалось в его отчетах, направленных в Наркоминдел и Академию наук, «возглавляемый врагом народа Жамцарано Ученый комитет почти с самого начала своего существования стал местом, где свили себе гнездо реакционные силы»⁷⁴⁷ и где «деятельность врагов и вредителей <...> продолжалась до самого последнего времени, причем шла по разным линиям с применением различных методов»⁷⁴⁸.

Так, «по линии научных исследований в целом и изучении природы в частности враги делали ставку на отвлеченную академическую науку, оторванную от жизни и насущных потребностей растущей страны»⁷⁴⁹, — отмечалось в отчетном докладе Президиума Комитета наук за 1937 г. Но «особенно сильно», по мнению авторов отчетов, были использованы «врагами исторический и лингвистический фронты». Главное выдвигаемое обвинение касалось отсутствия учебника по истории МНР и изучения «истории революции и послереволюционной борьбы»⁷⁵⁰.

Критике подверглась и кадровая работа. Со дня основания Ученого комитета «не было твердого плана по подготовке кадров», в штатном расписании отсутствовало разделение работников на научных и просто служащих. Но самым главным недостатком был признан идеологически неверный подход к подготовке кадров. Ц.Ж. Жамцарано был обвинен в том, что он посылал молодежь учиться в капиталистические страны — Германию и Францию. Это являлось большой ошибкой, «так как молодежь подверглась там обработке в интересах этих стран»⁷⁵¹. Кроме того, в результате «вредительской работы» с кадрами за 16 лет существования Комитет наук не имел «ни одного действительно

⁷⁴⁷ Отчет Комитета наук за 1937 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1938. Д. 8. Л. 17–18.

⁷⁴⁸ Отчет Комитета наук за 1937 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 21. Папка 18. Д. 22. Л. 74.

⁷⁴⁹ Отчет Комитета наук за 1937 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1938. Д. 8. Л. 17–18.

⁷⁵⁰ Отчет Комитета наук за 1937 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 21. Папка 18. Д. 22. Л. 73.

⁷⁵¹ Там же. Л. 71.

квалифицированного работника», фактически была сорвана подготовка монгольских исследователей при аспирантуре Академии наук⁷⁵².

На самом деле, с аспирантурой было не все так плохо. Как указывалось в подпараграфе 3.3.2, во время визита А. Амара в начале 1930 г. Академия наук выделила для монгольских аспирантов десять мест. Для части командированных монголов обучение действительно было связано с большими трудностями из-за их низкой общеобразовательной подготовки. В то же время монгольские аспиранты, которые закончили обучение, впоследствии внесли заметный вклад в монгольскую науку (Ц. Дамдинсурэн, Т. Аюурзана, Б. Содном и др.).

Критике подверглось и советско-монгольское научное сотрудничество. Отмечалось, что деловая связь Комитета и Академии наук находится не на должной высоте. Причем, как подчеркивалось в отчете Комитета наук за 1937 г., виновата в этом была не только монгольская сторона. За последние годы было заключено немало взаимных договоренностей, но их выполнение каждый раз откладывалось, хотя в основном не по вине научного сообщества.

Отчет о работе Комитета наук в 1937 г. был послан в Академию наук на имя В.Л. Комарова в октябре 1938 г. В сопроводительном письме Л. Дэндэв также высказал сожаления об ослаблении связи между двумя научными организациями⁷⁵³. Комитет наук рассматривал контакты с Академией наук и тесную связь с ее Монгольской комиссией как одну из самых важных составляющих для своего дальнейшего развития. Монгольское научное направление нуждалось в постоянных консультациях по каждому из направлений своей работы. В связи с этим Л. Дэндэв просил В.Л. Комарова оказать личное содействие в установлении утраченных прямых связей с академическими учреждениями и учеными, «указать учреждение или лицо в составе Академии

⁷⁵² Там же. Л. 67.

⁷⁵³ Письмо Л. Дэндэва и Б. Банзарагчи (Банзрагчи) к В.Л. Комарову, 4 октября 1938 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 21. Папка 18. Д. 22. Л. 79.

наук, с которым Комитет наук мог бы иметь повседневную деловую связь и к которому он обращался бы с различными вопросами, просьбами»⁷⁵⁴.

Однако после 1937 г. проявлять интерес к изучению Монголии стало небезопасно. В Ленинграде были арестованы многие специалисты, занимавшиеся монголоведческими проблемами. Так, в Институте востоковедения в 1938 г. вследствие арестов наполовину обновился Кабинет монголоведения. Может быть, понимая это, президент АН В.Л. Комаров дважды отклонял просьбу НКВД командировать в Комитет наук советского ученого для оказания помощи в работе над созданием монгольского литературного языка, с которой в советское представительство в Монголии обратилось монгольское правительство. Свой отказ он объяснил отсутствием специального решения Совнаркома СССР по этому вопросу⁷⁵⁵. В связи с этим заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин просил главу советского правительства В.Н. Молотова «подтвердить Президиуму АН необходимость организовать небольшую научную экспедицию в МНР»⁷⁵⁶. Однако это направление сотрудничества с Комитетом наук так и не было реализовано.

Все же трагические события не остановили монголоведческие исследования в Академии наук. В 1937 г. был издан «Монгольско-русский словарь (по современной прессе)»⁷⁵⁷, а в 1938 г. началась активная работа над Большим академическим монгольско-русским словарем, которую возглавили Н.Н. Поппе и Б.И. Панкратов (1892–1979). Работа продолжалась пять лет. В 1941 г. «Словарь» (три тома объемом 200 а. л.) был подготовлен к печати. Война и реформа письменности в Монголии (переход со старомонгольского письма на кириллицу)

⁷⁵⁴ Там же.

⁷⁵⁵ Письмо В.Л. Комарова в НКВД, 18 марта 1938 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 19. Папка 163. Д. 34. Л. 25.

⁷⁵⁶ Письмо В.П. Потемкина к В.М. Молотову, 1 октября 1938 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 328. Л. 3.

⁷⁵⁷ Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь (по современной прессе) Л.: Ленингр. вост. инст.-т., 1937. 564 с.

помешали его публикации⁷⁵⁸. Реализовать этот академический проект уже в значительно большем масштабе удалось только в 2000-х гг.⁷⁵⁹

В Комитете наук подготовке монгольско-русских и русско-монгольских словарей уделяли большое внимание как необходимому средству коммуникации и развития межгосударственных отношений. Эта работа проводилась Кабинетом языка и литературы и Терминологической комиссией. В 1942 г. был опубликован первый подготовленный в Монголии русско-монгольский словарь⁷⁶⁰.

Подготовка словарей требовала активизации взаимодействия Комитета наук с Академией наук. Но сделать это в текущей политической и экономической обстановке было крайне сложно. Несмотря на просьбы Комитета наук и запросы НКВД, возобновить связи между Академией наук и Комитетом не представлялось возможным вплоть до 1940 г., как правило, по не зависящим от научного сообщества обстоятельствам: в 1938 г. активизировались военные действия японских милитаристов на границе с Монголией, которые в 1939 г. переросли в крупный военный конфликт – войну на Халхин-Голе. Глобальные проблемы сохранения независимости Монголии в международной политике СССР на Дальнем Востоке отодвигали на второй план поддержку научного сотрудничества. Из направлений сотрудничества не прекращался только обмен литературой. Комитет наук регулярно присылал издания, напечатанные в Монголии и заявки на книги и журналы, которые Академия наук высылала в Улан-Батор⁷⁶¹. Монгольская комиссия продолжала вести камеральную обработку

⁷⁵⁸ *Иорши И.И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Л., 1972. С. 229.

⁷⁵⁹ Большой академический монгольско-русский словарь / Под. ред. ак. *А. Лувсандэндэв* и проф. *Ц. Цэдэндамба*. Отв. ред. *Г.Ц. Пюрбеев*. Тт. 1–4. М.: Academia, 2001–2002.

⁷⁶⁰ *Дамдинсүрэн Ц., Лувсанвандан Ш.* Орос-Монгол толь (Русско-монгольский словарь). Улан-Батор: Госиздат, 1942. Подробнее см.: *Пурэвжав Э.* Словарь, созданный монгольскими и российскими учеными // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 81–95.

⁷⁶¹ См., напр.: Переписка с Комитетом наук, август–сентябрь 1938 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1938. Д. 8. Л. 1, 2.

собранных в начале 1930-х гг. экспедициями в Монголии материалов, в основном геологических; результаты публиковались в «Трудах Монгольской комиссии» в специальной серии «Материалы экспедиции геологического отряда под руководством И.П. Рачковского». В 1937–1940 гг. подготовили и издали десять выпусков.

В конце 1938 г. Президиум утвердил новый состав Монгольской комиссии, в который вошли академики В.А. Обручев, В.В. Струве (1889–1965), А.А. Борисяк, С.Г. Струмилин, член-корр. Н.Н. Поппе, а также А.Я. Тугаринов, И.П. Рачковский, З.А. Лебедева, Я.Я. Лус, А. Амар, Л. Дэндэв, Г.И. Вайнштейн. Председателем по-прежнему оставался В.Л. Комаров, а ученым секретарем – И.П. Рачковский.

Новая попытка реанимации прямых контактов Комитета наук с Академией наук относится к концу 1939 г. Она была связана с визитом в СССР нового руководителя МНР Х. Чойбалсана (1895–1952), который проходил в декабре 1939 – начале 1940 г. В состав делегации предполагалось включить и представителей Комитета наук. В связи с этим МИД запросил В.Л. Комарова, сможет ли Академия наук принять представителей Комитета наук, которые хотят «познакомиться с постановкой и организацией научной работы в Академии наук»⁷⁶². В ответном письме вице-президент АН академик Е.А. Чудаков (1890–1953) выразил от имени Президиума готовность оказать всемерное содействие коллегам из Комитета наук⁷⁶³.

Визит большой монгольской правительственной делегации продолжался более полутора месяцев, с конца ноября 1939 до середины января 1940 г. За это время были проведены на высшем партийном и государственном уровне переговоры по согласованию взаимодействия СССР и Монголии по важным внешнеполитическим вопросам, по подготовке X съезда МНРП, а также решению

⁷⁶² Письмо НКВД к В.Л. Комарову, 11 ноября 1939 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 20. Папка 167. Д. 30. Л. 32.

⁷⁶³ Письмо Академии наук в НКВД, 23 ноября 1939 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 20. Папка 167. Д. 30. Л. 33.

конкретных задач экономического, финансового и торгового характера. В начале января состоялась большая беседа монгольской делегации с И.В. Сталиным и рядом высших советских руководителей (В.М. Молотовым, К.Е. Ворошиловым, Л.П. Берией, А.И. Микояном и др.)⁷⁶⁴. Этот визит имел большое значение для дальнейшего развития советско-монгольских отношений, определения первоочередных задач государственного строительства и стратегии монгольского руководства, в том числе и относительно Комитета наук – его дальнейшего встраивания в государственную систему.

Из вышеизложенного можно сделать следующие заключения о проблемах деятельности Академии наук в Монголии и ее сотрудничества с Комитетом во второй половине 1930-х гг., в период напряженной международной обстановки вокруг Монголии и развернувшихся в СССР и Монголии кампаний политических репрессий.

Вторая половина 1930-х гг. была самым драматичным периодом в истории советско-монгольского научного сотрудничества. В эти годы прекратились экспедиционные работы Академии наук в Монголии. Непреодолимым препятствием к их осуществлению стала прежде всего сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в Монголии и вокруг нее: народные мятежи, военные конфликты на монгольско-маньчжурской границе, военный конфликт с Японией на Халхин-Голе. Кроме того, и без того скудное финансирование Комитета наук резко сократилось вследствие тяжелого экономического положения в стране, и Комитет наук не смог выполнить свои финансовые обязательства по договорам с Академией наук. Были проблемы и со стороны советского академического сообщества: наблюдался спад исследовательского интереса к Монголии (кроме востоковедов). Последовавшие далее политические репрессии 1937 г. еще более обострили имеющиеся проблемы. Многие советские исследователи, работавшие на монгольском направлении, были репрессированы.

⁷⁶⁴ *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 299.

Большой кадровый урон был нанесен и монгольскому научному сообществу, которое также подверглось репрессиям. С середины 1930-х гг. медиатором между Комитетом наук и Академией наук выступал Наркомат иностранных дел СССР, его Отдел Дальнего Востока. Наркоминдел стал и самым заинтересованным советским ведомством в развитии научных контактов Комитета наук и Академии наук, поскольку рассматривал сотрудничество ученых как один из важных факторов укрепления межгосударственных отношений. Комитет наук по-прежнему придавал большое значение постоянным контактам с Академией наук, тесной связи с ее Монгольской комиссией, считая сотрудничество с советскими учеными необходимым условием своей успешной работы. Не прекращались обмен литературой, издательская деятельность, обучение молодых монгольских исследователей в аспирантуре Академии наук и других учреждениях. Монгольское правительство также выражало беспокойство из-за отсутствия академических экспедиций в Монголию. Премьер-министр страны А. Амар лично обращался к советскому полпреду с просьбой возобновить изучение страны учеными Академии наук. Но и он в 1939 г. был репрессирован. Возможность активизировать советско-монгольскую совместную научную деятельность появилась только в начале 1940-х гг., после смены руководства Монголии и относительной стабилизации внутривосточного положения в стране.

§ 3.4. Работа советских ученых в Комитете наук МНР в годы Великой Отечественной войны

В параграфе выявляются мероприятия по реорганизации деятельности Комитета наук в 1940 г.; характер его взаимодействия с Академией наук, основные направления и результаты работы советских ученых в Монголии во время Великой Отечественной войны.

После победы советско-монгольских войск над японскими милитаристами на реке Халхин-Гол в сентябре 1939 г. в Дальневосточном регионе наступила

непродолжительная относительная политическая стабилизация, которую СССР активно использовал для создания из Монголии надежного звена в системе безопасности в регионе. С этой целью еще более усилилась военная и экономическая помощь Монголии, чтобы страна имела современную армию и жизнеспособную экономику. Внутриполитическое развитие Монголии также стабилизировалось, точнее, было унифицировано по образу и подобию «старшего брата» – СССР, авторитет которого после халхин-гольских событий был в Монголии прочен как никогда.

Репрессии 1937–1939 гг. покончили с разнообразием политико-идеологических течений в стране. В середине 1939 г. был арестован и отправлен в Москву последний из оставшихся в живых лидеров национально-демократических сил Монголии, ее премьер-министр А. Амар, в 1930–1932 гг. возглавлявший Комитет наук. Еще в 1935 г. И.В. Сталин сделал ставку на Х. Чойбалсана, который, как отмечает один из видных российских историков-монголоведов С.К. Роцин, «отличался особой близостью и доверительными отношениями с советским руководством, убежденностью в правоте всего советского»⁷⁶⁵. После ареста А. Амара Х. Чойбалсан занял все высшие правительственные посты в стране: премьер-министра, министра иностранных дел, военного министра, главкома и министра внутренних дел. Монгольский вопрос во внешней политике СССР потерял остроту и перестал требовать повышенного внимания руководства страны. С учетом этих обстоятельств 17 марта 1939 г. была ликвидирована специальная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), которая была создана в 1932 г. для контроля государственного строительства и закрепления советского влияния в Монголии. Решение вопросов взаимодействия с Монголией переходило к правительственным учреждениям в зависимости от характера контактов⁷⁶⁶. Общий контроль над деятельностью советских организаций, в том числе

⁷⁶⁵ *Роцин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи к биографии. М., 2005.

⁷⁶⁶ *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 204.

Академии наук, продолжал осуществляться советским полпредством в Монголии и Отделом Дальнего Востока Наркоминдела СССР⁷⁶⁷.

Большое значение для дальнейшего развития советско-монгольских отношений имел, как уже отмечалось, визит монгольской делегации во главе с Х. Чойбалсаном в Москву с декабря 1939 до середины января 1940 г. В ходе переговоров и встреч с высшим руководством СССР, включая И.В. Сталина, обсуждались вопросы внешней политики Монголии в условиях начавшейся в Европе Второй мировой войны, торгово-экономические и финансовые проблемы, характер советской помощи, а также подготовка и проведение X съезда МНРП и VIII Великого Хурала⁷⁶⁸. Высший партийный и государственные органы Монголии должны были определить дальнейшие шаги по политическому и экономическому развитию Монголии и внести изменения в текст конституции, принятой в 1924 г. Перед принятием важных решений Х. Чойбалсан считал необходимым посоветоваться с И.В. Сталиным, «получить политическую ориентировку в основных вопросах развития МНР»⁷⁶⁹.

После возвращения монгольской делегации домой началась активная подготовка к решению выработанных в ходе переговоров в Москве задач⁷⁷⁰. В ряду мероприятий по их реализации была и реорганизация деятельности Комитета наук, ее ориентация на приоритетное решение проблем развития животноводства. Этой основной отрасли экономики Монголии было уделено особое внимание на переговорах монгольского руководства с И.В. Сталиным, который лично высказал пожелание об увеличении поголовья скота в Монголии до невероятного для страны количества – 200 млн голов, а Х. Чойбалсан не

⁷⁶⁷ Подверглись репрессиям и погибли два первых советских полпреда в Монголии: А.Н. Васильев (полпред в 1924–1925 гг.) и А.Я. Охтин (полпред в 1927–1937 гг.).

⁷⁶⁸ *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 299.

⁷⁶⁹ Цит. по: *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 206.

⁷⁷⁰ *Роцин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи к биографии. М., 2005. С. 95–97.

осмелился разъяснить его нереальность⁷⁷¹. Достижение этого показателя становилось главной задачей не только соответствующих ведомств, но и главного научного учреждения Монголии на ближайшие годы⁷⁷².

С целью пересмотра направлений работы Комитета наук 5 февраля 1940 г. Х. Чойбалсан издал приказ о проверке выполнения Комитетом наук текущих решений партийных и государственных органов⁷⁷³. Как и следовало ожидать, проверяющие нашли много недостатков в деятельности научного учреждения. Работа Комитета наук подверглась также критике на X съезде МНРП, который проходил в марте – начале апреля 1940 г. Главный упрек состоял в недостаточном внимании к решению прикладных задач, замкнутости и оторванности «от практической работы в области народного хозяйства и культуры», отсутствии «деловой связи с министерствами и ведомствами», особенно в области животноводства и создания кормовой базы в МНР⁷⁷⁴. Главным виновником ошибок в работе научного учреждения был объявлен его председатель, «беспартийный представитель старого бюрократического чиновничества» Л. Дэндэв⁷⁷⁵ – один из немногих в Монголии представителей дореволюционного чиновничества, который сохранил не только свою жизнь, но и ответственный пост в ходе репрессий 1937 г. и последующих годов. Следует отметить, что Л. Дэндэв возглавлял Комитет наук в один из, пожалуй, самых драматических периодов

⁷⁷¹ *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 299.

⁷⁷² Об этом в частности пишет в своей автобиографии Ц. Дамдинсурэн (*Дамдинсурэн Ц.* Биография трех поколений // Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения / Сост. А.Д. Цендина. М.: Восточная лит-ра, 2008. С. 12).

⁷⁷³ *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 28.

⁷⁷⁴ Отчет о работе Комитета наук за 1935–1940 гг. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 23. Папка 24. Д. 7. Л. 35–44.

⁷⁷⁵ Цит. по: *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению наук // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 28.

истории Монголии в XX в. В его руководстве не все было однозначно. Хотя это не только его вина, но и специфика того исторического времени, и все же ему удалось не только отстоять Комитет наук как форму организации науки в Монголии, но и расширить его деятельность, увеличить штат и бюджет – с 47 человек и бюджетом в 270 000 тугриков в 1931 г. до 69 человек и бюджетом 2 700 000 тугриков в 1941 г.⁷⁷⁶ Он много внимания уделял подготовке молодых национальных кадров, привлечению их к руководящей работе и в то же время использовал опыт и знания старой интеллигенции. При нем увеличилась публикационная активность Комитета наук, в том числе была создана собственная научная периодика, возросло (хотя и незначительно) количество экспедиционных исследований, проводимых собственными силами. Значима была роль Л. Дэндэва и в сохранении книг, архивных материалов и даже монастырей в период политических репрессий и гонений на ламство. Как историк, он смог расширить исторические исследования, поддерживал развитие изучения лингвистических и литературных работ и др.⁷⁷⁷

Главным недостатком Л. Дэндэва с точки зрения нового руководства страны являлось его чиновничье прошлое, работа в богдо-ханском правительстве, приверженность «абстрактной» науке. На роль реформатора Комитета наук в соответствии с требованиями текущих политико-экономических задач он явно не походил. Приказом заместителя премьер-министра МНР от 9 мая 1940 г. Л. Дэндэв был снят с занимаемой должности. Кроме просчетов в руководстве научным учреждением ему были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу Японии и в контрреволюционной деятельности. Летом 1941 г. он был арестован и осужден на 25 лет. Однако через пять лет, в 1946 г., его освободили. Тем не менее Л. Дэндэв больше не занимал руководящих постов, полностью переключился на научную деятельность и внес значимый вклад в развитие маньчжуроведения в Монголии.

⁷⁷⁶ Там же. С. 14.

⁷⁷⁷ Там же. С. 14–15.

Преемником Л. Дэндэва на посту председателя Комитета наук стал молодой монгольский дипломат Б. Жаргалсайхан (1915–2005)⁷⁷⁸. Руководить научной работой ему помогал советский советник Н.Н. Поздняков. С приходом нового руководства начались активные мероприятия по организационному укреплению Комитета наук, усилению контроля над его деятельностью со стороны государственных органов, перестройке работы в соответствии с указаниями руководящих инстанций о приоритетности развития прикладного направления, особенно связанного с животноводством.

Совет Министров Монголии 22 ноября 1940 г. утвердил новое Положение о Комитете наук. Документ определял статус Комитета как высшего научного учреждения Монголии, находящегося в непосредственном подчинении Совета Министров страны. Основной задачей Комитета наук признавалось развитие научно-исследовательской деятельности, направленной на выполнение решений X съезда МНРП, производительных сил страны, «укрепление мощности» МНР как самостоятельного национального государства, «идущего по пути некапиталистического развития на основе кровной и нерушимой дружбы с СССР»⁷⁷⁹.

Этим же указом Совет Министров утвердил список членов Комитета наук. В его состав вошли: почетные члены – председатель Совмина, маршал Монголии Х. Чойбалсан, президент АН СССР В.Л. Комаров, секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал (1916–1991); действительные члены – председатель Комитета наук Б. Жаргалсайхан, советник Комитета наук Н.Н. Поздняков, ученый секретарь,

⁷⁷⁸ Баярын Жаргалсайхан (1915–2005) – монгольский дипломат; закончил Московский институт востоковедения (1940); председатель Комитета наук МНР (1940–1941 и в 1946–1950); в 1941–1946 – сотрудник МИД МНР, министр иностранных дел Монголии; после 1950 г. – на дипломатической работе.

⁷⁷⁹ *Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б.* Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх (History of Mongolian Academy of Sciences). Улаанбаатар, 2002. С. 213. («Положение» в книге на монгольском языке. На рус. яз. см.: АВП РФ. Ф. 111. Оп. 23. Папка 24. Д. 7. Л. 1. (Проект Положения, 25 января 1940 г.).

заведующий Кабинетом марксизма-ленинизма Б. Банзаракчи (Банзрагч), заведующий Геологическим кабинетом Ж. Дугэрсурэн, заведующий Кабинетом языка и литературы Ц. Дамдинсурэн, заведующий Сельскохозяйственным кабинетом Цэвэн, заведующий Государственной библиотекой Л. Сурмаажав (1910–1993), министр земледелия Б. Лхамсурэн, министр просвещения Т. Машлай (1915–1985) и др., а также советские ученые, командированные Монгольской комиссией (почвовед Н.Д. Беспалов и географ Э.М. Мурзаев) и другими учреждениями (геоботаник И.А. Цаценкин, агрономы-растениеводы В.Ф. Шубин (1908–1969) и Н.П. Лукьянов – Всесоюзный НИИ кормов), советники при правительстве МНР (экономисты Н.В. Цапкин и А.М. Печников) и др.⁷⁸⁰

Укрепление кадрового состава Комитета наук проходило и за счет национальных кадров – бывших аспирантов Академии наук, а также получивших высшее образование в Иркутске в 1939–1941 гг. В эти же годы по линии Комитета наук на учебу в вузы СССР было направлено 5 человек, которые вернулись в 1946–1947 гг. с дипломами о высшем образовании.

Что касается международной деятельности, то по Положению, для выполнения своей основной задачи Комитету наук предоставлялось право развивать контакты с научными учреждениями других стран, но в первую очередь устанавливать и поддерживать связь с Академией наук и научными учреждениями СССР⁷⁸¹. Однако, как было показано выше, активизировать научное сотрудничество с Академией наук после 1934 г. не удалось, несмотря на неоднократные попытки Монгольской комиссии возобновить экспедиционные исследования в Монголии и просьбы Комитета наук, поддерживаемые полпредством СССР в Монголии, вновь развернуть многоплановую совместную деятельность по изучению страны. Кроме причин внутри- и внешнеполитической нестабильности, слишком серьезный удар был нанесен научному сообществу двух стран в ходе репрессий 1930-х гг.: в СССР были арестованы и отбывали

⁷⁸⁰ Состав Комитета наук, 1940 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 24. Папка 25. Д. 12. Л. 7.

⁷⁸¹ Проект Положения, 25 января 1940 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 23. Папка 24. Д. 7. Л. 2.

наказание или погибли многие из тех, кто был связан по своей научной деятельности с этой страной, а в Монголии подверглись преследованиям самые авторитетные и перспективные исследователи, в том числе получившие образование в СССР.

Новое руководство Комитета наук представило правительству Монголии план работы, составленный в соответствии с указаниями X съезда МНРП⁷⁸². Предполагалась полная перестройка его деятельности «под углом выполнения решений» съезда, прежде всего расширение сельскохозяйственного кабинета, организация секторов животноводства и кормовых культур, восстановление работы географического кабинета и его ориентация на географо-экономические вопросы, развертывание работ сектора языка и литературы по укреплению «культуры, национальной по форме, революционной по содержанию». Реализация программы предполагала установление тесной «деловой связи» Комитета наук с министерствами и ведомствами и расширение контактов с советскими научными учреждениями, привлечение к сотрудничеству для выполнения взятых Комитетом наук задач не только Академии наук, но и других советских научных организаций.

Для выполнения партийного решения по развитию кормовой базы в гобийских районах Комитет наук обратился к Всесоюзному научно-исследовательскому институту кормов. С этой целью была организована экспедиция по изучению кормовых угодий в Гобийских аймаках (Сенокосно-Пастбищная экспедиция) под руководством И.А. Цаценкина (1905–1957), которая в 1940 г. приступила к работе⁷⁸³. В ее состав вошли сотрудники института геоботаник А.А. Юнатов, почвовед Н.А. Кашпаров, агроном П.А. Афанасьев, коллектор А.А. Фадеева. Порядок проведения исследований и участия в работах монгольской стороны оговаривался в специальном постановлении Совета

⁷⁸² План Комитета наук, 1940 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 24. Папка 25. Д. 12. Л. 17–21.

⁷⁸³ *Цаценкин И.А., Юнатов А.А.* Естественные кормовые ресурсы Монгольской Народной Республики. Восточная часть Гоби. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 351 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 40).

Министров МНР «О работе советской экспедиции по изучению пастбищных трав» от 29 июля 1940 г.⁷⁸⁴ В качестве основной задачи Сенокосно-Пастбищной экспедиции определялось исследование пастбищ и сенокосных угодий, разработка мероприятий по их улучшению и созданию кормовых баз в Гобийских аймаках. Финансирование экспедиции и обеспечение ее необходимым транспортом и оборудованием правительство Монголии взяло на себя.

Вторым важным народнохозяйственным направлением, которое было указано на партийном съезде, являлось проведение геолого-разведочных работ «с таким расчетом, чтобы в ближайшее время приступить к эксплуатации полезных ископаемых, особенно золота, угля, соли, строительных материалов»⁷⁸⁵. Эту работу проводила в основном советская Восточная экспедиция Комитета по делам геологии при СНК СССР (позже Госгеолкома СССР) в тесном взаимодействии с Комитетом наук⁷⁸⁶. Так, например, в полевой сезон 1940 г. Комитет наук участвовал в составлении геологической карты Восточно-Гобийского аймака (в масштабе 1:500 000, территория примерно в 4000 кв. км) и в поиске нефти (бурение пробной скважины глубиной 200 м). Учитывая важность геологических изысканий, правительство выделило Комитету наук дополнительные средства на их проведение⁷⁸⁷.

Монгольская комиссия в 1940 г. также смогла оказать поддержку Комитету наук и найти двух особенно необходимых монгольскому научному учреждению специалистов – географа и почвоведов, готовых поехать для работы в Монголию на длительный срок. Такую форму сотрудничества, как было показано выше,

⁷⁸⁴ Постановление Совмина, 29 июля 1940 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. II. 1941–1974. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 444.

⁷⁸⁵ План работы Комитета наук, 1940 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 24. Папка 25. Д. 12. Л. 17.

⁷⁸⁶ Одним из главных экспертов по геологии Монголии являлся И.П. Рачковский, который оказывал большую консультационную помощь Геологоразведочному управлению по организации и проведению работ в Монголии (СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1941. Д. 3. Л. 1).

⁷⁸⁷ Постановление Совмина, 29 июля 1940 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. II. 1941–1974. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 443.

пытался развить еще в 1920-х гг. Ц.Ж. Жамцарано, на тот момент ученый секретарь Учкома.

Приглашение географа было связано с еще одним приоритетным направлением деятельности Комитета наук, указанным прошедшим съездом МНРП: проведением географических исследований для составления монографии «Физико-географический очерк МНР»⁷⁸⁸. Командировка в Монголию была предложена сотруднику Института географии Э.М. Мурзаеву (1908–1998)⁷⁸⁹, молодому, но уже опытному исследователю, участнику нескольких академических экспедиций в Среднюю Азию (Карабогазская экспедиция в 1931 г., Киргизская комплексная экспедиция в 1932–1933 гг., Туркменская комплексная экспедиция в 1934–1936 гг. и др.). Предложение Монгольской комиссии поддержал академик Л.С. Берг, учитель Э.М. Мурзаева. Напутствуя молодого исследователя, он сказал: «Вы едете в Центральную Азию – область столь увлекательную и заманчивую для географа, что Вам можно только позавидовать»⁷⁹⁰.

Э.М. Мурзаев согласился поработать в Монголии, поскольку ее географическое изучение входило в круг его личных исследовательских интересов. Позже он писал, что привлекала сама страна, «ее слабая изученность, большие возможности, открывавшиеся перед исследователем»⁷⁹¹. Правда, что

⁷⁸⁸ План работы Комитета наук, 1940 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 24. Папка 25. Д. 12. Л. 19.

⁷⁸⁹ *Яцковская К.Н.* Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998) // *Mongolica*–IX. СПб., 2010. С. 125–135; *Юсупова Т.И.* Историк изучения Центральной Азии Э.М. Мурзаев // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXII Международной годичной конференции СПб отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники / Отв. ред. Э.И. Колчинский, ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб.: Политехника-сервис, 2011. С. 119–120; Мурзаев Эдуард Макарович // Институт географии и его люди: К 90-летию со дня образования / Ред.-сост. Т.Д. Александрова; отв. ред. В.М. Котляков. М., 2008. С. 120–121. Очень уважительно отзывался о Э.М. Мурзаеве американский монголист Р. Рупен (*Rupen R.* *How Mongolia is Really Ruled.* Stanford University: Hoover Institution Press, 1979. P. 69).

⁷⁹⁰ *Мурзаев Э.М.* Рассказы об ученых и путешественниках. М.: Мысль, 1979. С. 69.

⁷⁹¹ Там же. С. 68.

касалось его будущих обязанностей в Ученом комитете, то, вспоминал ученый, он плохо представлял свою работу там, но надеялся разобраться на месте.

Одной из главных задач, поставленных Комитетом наук перед Э.М. Мурзаевым, являлось возобновление работы Кабинета географии. После ареста его заведующего А.Д. Симукова в 1939 г. географические исследования в Комитете наук практически прекратились, материалы и документы, в формировании которых участвовали российские сотрудники Комитета наук (Учкома) В.И. Лисовский, С.А. Кондратьев и особенно сам А.Д. Симуков, были на грани исчезновения. Э.М. Мурзаев с помощью молодых монгольских помощников Ц. Пунцагнорова и Ш. Цэгмида собрал, систематизировал и каталогизировал бесценные научные материалы по географическому изучению страны, отчеты многочисленных экспедиций, картографический материал⁷⁹². Также, по заданию Комитета наук он развернул экспедиционные исследования, в которых принимали участие монгольские сотрудники. Работы Э.М. Мурзаева внесли весомый вклад в географическое изучение Монголии, в частности физической географии страны и ее физико-географического районирования. Он является автором целого ряда научных и научно-популярных работ по географии и топонимике Монголии, а также биографий ее исследователей, ярких публикаций о своих многочисленных экспедициях по стране⁷⁹³.

Результаты экспедиционной деятельности Э.М. Мурзаева в годы пребывания в Монголии нашли отражение в его монографии «Монгольская

⁷⁹² Цолмон П. Сердце, отданное Монголии // Симуков А.Д. Труды для Монголии и о Монголии / Сост. Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Т. 1. Осака, 2007. С. 39–40.

⁷⁹³ В своих путешествиях по Средней Азии, Монголии, Китаю, Вьетнаму Э.М. Мурзаев неизменно интересовался географическими названиями, их смыслом, происхождением, языковыми связями. Его книги, посвященные этому вопросу, внесли заметный вклад в развитие топонимики (см., напр.: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984). Еще одним важным направлением его деятельности стала история изучения Центральной Азии. См., напр.: Мурзаев Э.М. Русское географическое общество в истории Российской империи // Русское географическое общество. 150 лет. М., 1995. С. 9–181.

Народная Республика. Физико-географическое описание» (1948), которая в 1951 г. была удостоена Сталинской премии⁷⁹⁴. В предисловии к книге он приносит искреннюю благодарность Комитету наук «за возможность ознакомиться с тем богатым рукописным фондом, которым располагает Кабинет географии Комитета наук». Эти материалы «существенным образом углубили» его представления о физической географии Монголии⁷⁹⁵. Таким образом, его усилиями была решена задача, поставленная МНРП перед Комитетом наук, – «составление физико-географического очерка» страны.

Э.М. Мурзаев много сделал также для повышения образовательного уровня своих монгольских помощников, что позволило им вскоре поступить в Московский университет⁷⁹⁶. Ц. Пунцагноров (1924–1994) закончил исторический факультет, защитил диссертацию, впоследствии стал видным государственным деятелем. Ш. Цэгмид (1922–2007) закончил географический факультет. Его диссертационная работа была посвящена геоморфологии и древнему оледенению Хэнтэйских гор, изучение которых он начал в экспедициях Э.М. Мурзаева. В дальнейшем Ш. Цэгмид стал заведующим Кабинета географии, затем директором Института географии и мерзлотоведения, академиком Академии наук МНР, ее вице-президентом (в 1976–1988 гг.).

Вторым посланцем Академии наук в Монголию был почвовед Н.Д. Беспалов, ученик Б.Б. Польшова. Он, так же как и Э.М. Мурзаев, имел опыт работы в ряде академических экспедиций, в том числе в 1932–1935 гг. участвовал в Киргизской комплексной экспедиции АН СССР. В Монголии Н.Д. Беспалов продолжил работы своего учителя и сотрудников почвенных отрядов экспедиций

⁷⁹⁴ Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М.; Л.: Географгиз, 1948. Изд-е второе, доп.: М.: ОГИЗ, 1952.

⁷⁹⁵ Там же. С. 4–5.

⁷⁹⁶ Пунцагноров Э.М. Мурзаев багшийн төрсний 80 жилийн ойд зориулан (Э.М. Мурзаев: к 80-летнему юбилею учителя) // Шинжлэх ухаан амьдрал (Науки о жизни). 1988. № 5. С. 24–30; Яцковская К.Н. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998) // *Mongolica*–IX. СПб., 2010. С. 127–135.

Монгольской комиссии: О.Н. Михайловской, Н.Н. Лебедева, Ю.С. Неуструева и др. Н.Д. Беспалов сразу же был включен в состав Комитета наук, и его работа строилась в соответствии с планами научного учреждения, в число которых входило проведение почвенных исследований, составление почвенной карты и описание почв Монголии⁷⁹⁷. Итогом работ Н.Д. Беспалова, которые охватили практически всю страну, стала первая почвенная карта Монголии в масштабе 1:5 000 000 и монография «Почвы МНР»⁷⁹⁸. Также он собрал значительный химико-аналитический материал по внутренним водам Монголии⁷⁹⁹.

Кроме развития чисто прикладных исследований Комитет наук в 1940 г. пытался возобновить палеонтологическое изучение страны. После работ американской экспедиции под руководством Р.Ч. Эндрюса на территории Монголии в 1922–1925 гг. в Комитете наук накопилась обширная информация о новых местонахождениях остатков древних животных. Руководство Комитета наук обратилось к директору Палеонтологического института АН академику А.А. Борисяку с просьбой рассмотреть возможность организации палеонтологической экспедиции в Монголию. Предложение было принято, поскольку в это время ПИН АН сам неоднократно инициировал перед Монгольской комиссией проведение таких исследований. Подробно организация Монгольской палеонтологической экспедиции, которая в итоге состоялась в 1946 г., будет рассмотрена в подпараграфе 4.3.2.

В начале 1941 г. Монгольская комиссия вновь предприняла попытку организации широкомасштабных работ по исследованию Монголии, поскольку,

⁷⁹⁷ Беспалов Н.Д. Новые данные о почвах Монголии // Почвоведение. 1945. № 3–4. С. 182–188; Он же. Почвы бассейна Орхона и Селенги и их хозяйственное значение. Почвоведение. 1946. № 5. С. 280–288.

⁷⁹⁸ Беспалов Н.Д. Почвы Монгольской Народной республики. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 318 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 41).

⁷⁹⁹ Балдаев Р.Л., Чимитдоржиев Ш.Б. Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР // Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 134.

как указывал И.П. Рачковский в письме в президиум АН, «в конкретных условиях 1941 г.» не было причин, «которые не позволили бы Академии наук СССР приступить к выполнению своих обязательств перед МНР»⁸⁰⁰.

Комиссия провела работу по формированию новой комплексной экспедиции. Намечалось проведение неосуществленных работ предыдущих лет: геологических (составление стратиграфического разреза средне-кембрийской толщи в районе среднего течения реки Дзанхай в Западной Монголии); животноводческих (разработка ряда практических мероприятий по повышению эффективности животноводства); ботанических (изучение флоры Монголии как кормовой базы для животноводства); лимнологических (изучение северной и южной части озера Косогол в целях выяснения его генезиса и разработки мероприятий по наиболее рациональному использованию этого водоема); палеонтологических раскопок и исследования монгольских месторождений ископаемых позвоночных. Для реализации этой программы предполагалось командировать в Монголию 15 российских ученых, к которым должны были присоединиться сотрудники Комитета наук. Новые экспедиционные планы Комиссии В.Л. Комаров представил в письме полномочному представителю МНР в СССР Ж. Самбу (1895–1972)⁸⁰¹. Президент АН просил монгольское правительство и Комитет наук высказать свои пожелания и предложения для планирования работ в последующие годы, чтобы «намеченные мероприятия отвечали нуждам Монгольской Народной Республики». О важности, которую придавала новой инициативе Академии наук монгольская сторона, говорит тот факт, что Ж. Самбу телеграммой направил этот запрос Х. Чойбалсану с просьбой срочно сообщить мнение правительства и предложения Комитета наук⁸⁰².

⁸⁰⁰ Письмо В.Н. Васильева и И.П. Рачковского в Президиум АН, 15 января 1941 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а. Д. 148. Л. 56.

⁸⁰¹ Письмо В.К. Комарова к Ж. Самбу, 16 апреля 1941 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 3. Д. 283. Л. 1, 1 об.

⁸⁰² Тлг Ж. Самбу // НИЦА Монголии. Сн. 23. Д. 3. Хн. 170. Х. 22.

Письмо В.Л. Комарова, казалось бы, свидетельствовало, что в академических учреждениях вновь появилась заинтересованность в исследовательской работе в Монголии, а у руководства Академии наук (прежде всего ее президента, являющегося также председателем Монгольской комиссии) – желание продолжить научное сотрудничество с Комитетом наук. Однако на заседании Президиума АН 21 мая 1941 г. во время обсуждения готовности экспедиционных отрядов академических институтов обнаружилась непонятная организационная несогласованность: сформировать экспедицию Монгольская комиссия вновь не смогла, на этот раз «ввиду отсутствия из-за отъезда на полевые работы геологов и других научных работников», и Президиум перенес ее организацию на 1942 г.⁸⁰³ Одновременно на этом же заседании была утверждена Монгольская палеонтологическая экспедиция. Таким образом, очередная попытка возобновить регулярные совместные работы Академии наук и Комитета наук в рамках Монгольской комиссии оказалась неудачной. Дальнейшая деятельность в этом направлении была прервана Великой Отечественной войной и продолжилась уже после ее окончания.

В 1941 г. в Монголии намечались большие торжества по случаю 20-летия народной революции. Комитету наук было поручено организовать выставку о природных богатствах Монголии и их использовании, показать развитие сельского хозяйства, жизнь и новый быт народа⁸⁰⁴. Одновременно Комитет наук готовился и к своему 20-летнему юбилею, который должны были отмечать в конце декабря. Чествования первого монгольского научного учреждения предполагалось провести на государственном уровне, как «праздник монгольской науки, праздник развития культуры и науки» в стране⁸⁰⁵. Президиум ЦК МНРП и Совет Министров утвердили план предстоящих мероприятий. Основными событиями должны были стать Торжественное заседание

⁸⁰³ Протокол заседания, 21 мая 1941 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а–1941. Д. 148. Л. 19.

⁸⁰⁴ Постановление ЦК МНРП и Совмина, 21 февраля 1941 г. // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 2. Хн. 482. X. 1.

⁸⁰⁵ Проект приказа зам. премьер-министра МНР // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 2. Хн. 482. X. 29.

правительства и общественности, намеченное на 22 декабря 1941 г., научная сессия и выставка основных достижений Комитета наук по исследованию страны. В состав оргкомитета по подготовке юбилейных торжеств вошли кроме нового руководителя научного учреждения Ж. Дугэрсурэна⁸⁰⁶, одного из первых профессиональных геологов-монголов и ученого секретаря Б. Соднома, советские специалисты, которые работали в это время в Монголии: советник Комитета наук Н.Н. Поздняков, Э.М. Мурзаев, В.Ф. Шубин.

На выставке своих достижений Комитет наук хотел отразить сотрудничество монгольских исследователей с Академией наук СССР. С этой целью, для «освещения совместной деятельности» научных учреждений двух стран⁸⁰⁷, в начале лета 1941 г. Комитет наук обратился в Монгольскую комиссию с просьбой выслать все издания Академии наук, посвященные исследованию Монголии. Однако Монгольская комиссия уже не смогла выполнить эту просьбу. Началась Великая Отечественная война. Последняя запись в ее делах, хранящихся в СПФ АРАН, относится к 8 июля 1941 г. и свидетельствует о том, что И.П. Рачковский сдал имущество Монгольской комиссии, как то: бинокли, кожаные полевые сумки и т. п. во временное пользование Василеостровского Военного комиссариата⁸⁰⁸. Сам И.П. Рачковский из блокадного Ленинграда в декабре 1941 г. был эвакуирован в Свердловск, а позже направлен в г. Пржевальск (Каракол)⁸⁰⁹.

⁸⁰⁶ Жалцавын Дугэрсурэн (1909–?) – геолог, закончил Московский геологоразведочный институт, возглавлял Геологический кабинет Комитета наук, принимал активное участие в работе Восточной геологоразведочной экспедиции. В 1940 г. вместе с советским геологом Ю.С. Желубовским открыл запасы нефти в Восточной Гоби; председатель Комитета наук в 1941–1946 гг.

⁸⁰⁷ Письмо Комитета наук в Монгольскую комиссию, июнь 1941 г. // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 3. Хн. 482. X. 22.

⁸⁰⁸ Расписка, 8 июля 1941 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1941. Д. 9. Л. 10.

⁸⁰⁹ Мандрик М.В. К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 122–137.

Несмотря на складывающуюся трагическую ситуацию на фронтах Великой Отечественной войны, Комитет наук по случаю своего юбилея получил приветствия от различных научных организаций и учреждений СССР и отдельных ученых, в том числе от президента Академии наук, председателя Монгольской комиссии академика В.Л. Комарова, который в это время находился в эвакуации в Свердловске. Он поздравил монгольских ученых с юбилеем, пожелал дальнейших успехов и от имени советских ученых выразил желание дальнейшего «развития наших научных связей с дружественной Монгольской Народной Республикой»⁸¹⁰.

В ответном, традиционном, но, без сомнения, искреннем послании монгольские исследователи горячо поприветствовали лично В.Л. Комарова и в его лице «всю армию работников науки страны Советов». Сотрудники Комитета наук, «находясь за многие тысячи километров от полей сражений», заверили «руководителя научных работников Советского Союза», что приложат все усилия «для помощи народам СССР в их борьбе с гитлеризмом»⁸¹¹.

Руководство Монголии также не обошло вниманием Комитет наук. Отмечая заслуги монгольского научного учреждения перед страной, ЦК МНРП и Совет Министров подчеркнули, что наука помогает развивать культуру и осваивать производственные силы страны⁸¹². В речи, прозвучавшей на Торжественном заседании в честь 20-летия Комитета наук, Х. Чойбалсан отметил, что, несмотря на недостатки в работе научного учреждения, за последние годы имеются «большие достижения в области развития научной мысли и работы, помогающие развитию хозяйства и культуры страны». В качестве дальнейших первоочередных задач Х. Чойбалсан призвал Комитет наук бороться со старыми традициями, «неверными установками», «не бояться ломать эти традиции и установки» и помогать ЦК партии и правительству в решении хозяйственно-экономических

⁸¹⁰ Тлг В.Л. Комарова, 7 января 1942 г. // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 3. Хн. 170. Х. 17.

⁸¹¹ Письмо В.Л. Комарову, декабрь 1941 г. // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 3. Хн. 170. Х. 48.

⁸¹² Приветствие Комитету наук, декабрь 1941 г. // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 2. Хн. 482. Х. 61.

задач⁸¹³. Кроме того, в условиях военного времени требовалось максимально использовать местные ресурсы для нужд сельского хозяйства и промышленности страны. Именно узкоприкладные работы и стали основными в деятельности Комитета наук в военные годы. К постановке и проведению этих работ были привлечены и советские ученые, которые находились в это время в Монголии. Вместо вынужденно прервавшей свою работу Монгольской комиссии АН руководство их деятельностью взял на себя Комитет наук⁸¹⁴.

В 1942 г. продолжила свои исследования Сенокосно-Пастбищная экспедиция, к которой присоединились географ Э.М. Мурзаев и выпускник МГУ, зоолог А.Г. Банников (1915–1985), командированный в Монголию в качестве преподавателя только что открытого Монгольского университета, а также студент-биолог МонГУ Д. Цыбигмид. В ходе полевых исследований северо-западного склона Кэнтэя (бассейны рек Хары, Иро и левобережных притоков Чикоя) и Заалтайской Гоби (в 1943 г.) был собран большой материал по растительности, кормам и пастбищам Гоби⁸¹⁵. Исследования, проведенные А.Г. Банниковым, затем были обобщены в двух его монографиях, посвященных млекопитающим Монголии⁸¹⁶.

Не только Комитет наук, но и руководители Монголии уделяли большое внимание деятельности советских ученых, оказывали всю возможную помощь и поддержку в их, таких важных для страны, исследованиях. Так, например,

⁸¹³ Речь Х. Чойбалсана, декабрь 1941 г. // НЦА Монголии. Сн. 23. Д. 3. Хн. 170. Х. 57–61.

⁸¹⁴ *Митин В.В.* О деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: ИВ РАН, 2001. С. 205.

⁸¹⁵ *Банников А.Г., Мурзаев Э.М., Юнатов А.А.* Очерк природы Заалтайской Гоби в пределах Монгольской Народной Республики. Известия ВГО. 1945. Т. 77. Вып. 3. С. 127–144; *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской Народной республики. М.; Л., 1948. С. 165–167.

⁸¹⁶ *Банников А.Г.* Определитель млекопитающих Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 112 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 51); *Он же.* Млекопитающие Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 670 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 53).

Э.М. Мурзаев в своих воспоминаниях пишет, что для экспедиции в Заалтайскую Гоби в трудный военный 1943 г., «когда автотранспорт был весь мобилизован для государственных перевозок и Комитет наук остался без машин», по личному распоряжению Х. Чойбалсана «из резервов монгольской армии был выделен трехтонный грузовик вместе с опытным шофером-механиком» для проведения необходимых монгольскому сельскому хозяйству работ «по изучению и инвентаризации пастбищных угодий всей республики, и особенно детально ее южной, наиболее засушливой части»⁸¹⁷.

В работах Сенокосно-пастбищной экспедиции и в полевых исследованиях Э.М. Мурзаева от Комитета наук участвовал молодой сотрудник Д. Цэвэгмид (1915–1991). Приобретенные в совместной работе с советскими исследователями знания позволили ему поступить в МГУ, закончить аспирантуру, защитить диссертацию (1950 г.) и стать первым кандидатом биологических наук в Монголии⁸¹⁸.

Изучением почв в западной и восточной частях Монголии продолжил заниматься Н.Д. Беспалов, растениеводческие исследования в Гоби в 1940–1945 гг. проводил совместно с монгольскими коллегами сотрудник Горьковского сельскохозяйственного института В.Ф. Шубин. Его задачей являлся поиск оптимальных условий и культур, которые позволили бы развивать в Монголии зерновое земледелие. Один из организованных им земледельческих стационаров в Зуун-Харе затем превратился в Институт растениеводства и земледелия. Результаты своей работы В.Ф. Шубин представил в монографии, изданной Монгольской комиссией в 1953 г.⁸¹⁹

⁸¹⁷ Мурзаев Э.М. Рассказы об ученых и путешественниках. Москва: Мысль, 1979. С. 85.

⁸¹⁸ Дондогийн Цэвэгмид (1915–1991) в 1957–1960 гг. был председателем Комитета наук; в 1967–1969 гг. – ректором МонГУ; видный государственный деятель Монголии, председатель Великого Народного Хурала в 1969–1972 гг.; заместитель председателя Совета Министров, одновременно министр культуры МНР в 1972–1987 гг.

⁸¹⁹ Шубин В.Ф. Земледелие Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 347 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 52). О нем см.: Гаврилов А.М. Профессор

Из вышеизложенного видно, что кроме ученых из академических институтов в Комитете наук во время Великой Отечественной войны работали сотрудники других научных учреждений (Всесоюзный НИИ кормов, Горьковский сельскохозяйственный институт) и высших учебных заведений (МГУ).

Разнообразной направленностью и продолжительностью работы в Комитете наук отличается деятельность еще одного советского специалиста – геоботаника А.А. Юнатова (1909–1967)⁸²⁰. Он прибыл в Монголию в 1940 г. в составе Сенокосно-пастбищной экспедиции Института кормов и постоянно работал здесь вплоть до 1947 г., причем с 1942 г. в качестве сотрудника Комитета наук. Председатель Комитета наук Ж. Дугэрсурэн в отзыве о работе А.А. Юнатова отмечал, что «в период Отечественной войны А.А. Юнатовым была развернута большая работа по исследованию растительных ресурсов МНР»⁸²¹. С 1940 по 1947 г. А.А. Юнатов передал Комитету наук и хозяйственным организациям 13 обстоятельных отчетов по проведенным исследованиям, среди которых – сводка растительных ресурсов Монголии (1944 г.)⁸²². Результаты его монгольских работ нашли отражение в трех монографиях, которые имели не только научное, но и большое практическое значение для развития кормовых ресурсов Монголии⁸²³. На основании фундаментальных исследований он разработал

В.Ф. Шубин (1908 –1969) // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2010. № 2. С. 191–198.

⁸²⁰ Карамышева З.В. Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии // Монголо-российское научное сотрудничество: от Учкома до Комитета наук. Улаанбаатар, 2012. С. 136–152; Лавренко Е.М. Вклад А.А. Юнатова в познание растительного покрова Центральной Азии // Ботанический журнал. 1968. Т. 53. № 10. С. 1349–1366.

⁸²¹ Цит по: Карамышева З.В. Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии // Монголо-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 141.

⁸²² Там же. С. 139–140.

⁸²³ Юнатов А.А. Основные черты растительного покрова Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 224 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 39); Цаценкин И.А., Юнатов А. Естественные кормовые ресурсы Монгольской Народной Республики. Восточная

большое число рекомендаций по освоению кормовых угодий, произвел классификацию, картирование и районирование пустынно-степных пастбищ, дал разностороннюю характеристику кормовых, лекарственных, пищевых и других растений Монголии⁸²⁴.

В 1948–1950 гг. А.А. Юнатов участвовал в экспедиционных исследованиях в составе Сельскохозяйственной экспедиции Монгольской комиссии АН, уже как сотрудник БИН АН СССР, где проработал до конца жизни. Позже, в 1960–1962 и в 1966 гг. он еще приезжал в Монголию, но уже для проведения консультаций и чтения лекций. А.А. Юнатов сделал первое обстоятельное описание растительности Монголии, сыграл важную роль в развитии биологической науки в стране и в организации совместной Советско-Монгольской биологической экспедиции, которая работает в Монголии вот уже 46 лет, с 1970 г.⁸²⁵ Кроме работы в Комитете наук А.А. Юнатов с первых дней открытия в сентябре 1942 г. Монгольского государственного университета (см. § 4.1) заведовал кафедрой ботаники, читал студентам лекции по общей ботанике и специальным дисциплинам.

Следует отметить, что Монголия во время войны оказывала искреннюю и разнообразную помощь СССР. На средства, собранные монгольским народом, в 1943 г. была передана Советской Армии танковая колонна «Революционная Монголия» (53 танка) и авиационная эскадрилья «Монгольский арат» (двенадцать

часть Гоби. М., 1951; Юнатов А.А. Кормовые растения пастбищ и сенокосов Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 353 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 56: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг.).

⁸²⁴ Волкова Е.А. Изучение растительного покрова Центральной Азии российскими учеными // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 4. С. 16.

⁸²⁵ Гунин П.Д. и др. Роль совместных Российско-Монгольских комплексной биологической экспедиции РАН и АН Монголии в решении экологических проблем Внутренней Азии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 68–85.

самолетов Ла-5), а также все военные годы в Советскую армию поставлялись продовольствие и обмундирование⁸²⁶.

После начала наступательного движения советских войск по всем направлениям весной 1944 г. Годичное собрание действительных членов Комитета наук МНР обратилось к В.Л. Комарову с просьбой об организации новых экспедиций в Монголию и обеспечении квалифицированных консультаций по развитию своих исследований⁸²⁷. Это письмо стало началом возобновления деятельности Монгольской комиссии и ее сотрудничества с Комитетом наук.

Изложенный материал позволяет сделать следующие заключения.

В 1940 г. в ходе реорганизации деятельности Комитета наук в соответствии с установками X съезда МНРП было проведено организационное укрепление и усилен контроль над его деятельностью со стороны государственных органов, что завершило встраивание Комитета наук в государственную систему. Выполнение поставленных задач требовало от Комитета наук усиления научного взаимодействия с советскими академическими и ведомственными научными учреждениями. Расширению контактов способствовала относительная политическая стабилизация в регионе и сформировавшаяся устойчивая модель советско-монгольских отношений «старший брат – младший брат». Активизировала свою деятельность в монгольском направлении и Академия наук: Монгольская комиссия в 1940 г. командировала для работы в Комитете наук двух специалистов – географа и почвовед; в 1941 г. сформировала новую комплексную экспедицию, была готова начать работу Монгольская палеонтологическая экспедиция. Развитие сотрудничества прервала Великая Отечественная война. Но работа советских ученых в Монголии продолжилась. Находящиеся в Улан-Баторе советские ученые вошли в состав Комитета наук и

⁸²⁶ О помощи, которую Монголия оказывала СССР во время войны см.: *Хишигт Н.* Движение монгольского народа за помощь фронту во время Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и Монголия / Отв. ред. Н. Хишигт. Улан-Батор, 2005. С. 52–66.

⁸²⁷ Письмо Комитета наук к В.Л. Комарову, 20 апреля 1944 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 284. Л. 1.

работали по его планам. Многие из них одновременно вели преподавание в открывшемся первом монгольском университете. В ходе проведенной ими работы был выполнен большой объем экспедиционных исследований, направленных на географическое изучение страны, описание почв, решение задач повышения качества животноводства и его кормовой базы. Результаты затем были отражены в серии фундаментальных монографий.

Таким образом, проведенный анализ советско-монгольского научного сотрудничества в рамках Монгольской комиссии АН позволяет отметить некоторые особенности этого периода советско-монгольского научного сотрудничества.

Монгольское направление в международной деятельности Академии наук во второй половине 1920-х – 1930-х гг. являлось одним из немногих, по которому проводилась активная экспедиционная деятельность. Организацию работ в Монголии и взаимодействие с Комитетом наук МНР осуществляла постоянная Монгольская комиссия АН СССР (до 1928 г. – Комиссия по научному изучению Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР). Советско-монгольское сотрудничество проходило в рамках межгосударственных соглашений, при поддержке и контроле со стороны НКВД СССР и регламентировалось долгосрочными договорами между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР. На характер, направления и содержание сотрудничества оказывали влияние внутривластные процессы в СССР и МНР; государственное администрирование и идеологический контроль над деятельностью Академии наук и Комитета наук; изменение исследовательских приоритетов в зависимости от целевых установок научного сотрудничества, определяемых властью в рамках межгосударственных отношений. Следует отметить, что политико-идеологическое воздействие на научное сотрудничество Академии наук и Комитета наук не смогло нарушить научную добросовестность проводимых академическими экспедициями исследований, что демонстрируют

опубликованные научные отчеты. Их содержание и стиль соответствовали нормам, принятым в научном сообществе.

Глава 4. Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР в условиях смены коммуникативной стратегии научных сообществ СССР и МНР (1945–1961)

Проанализированы особенности и направления дальнейшего развития советско-монгольского научного взаимодействия в условиях расширения международного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР; освещены совместные работы по подготовке «Истории МНР» и проведению Монгольских Историко-этнографической, Палеонтологической и Сельскохозяйственной экспедиций; охарактеризованы причины упразднения Монгольской комиссии АН СССР и организация советско-монгольского сотрудничества в рамках Иностранного отдела Президиума АН, его правовые основания и сопровождение, взаимодействие Комитета наук МНР с Президиумом АН СССР по организации Академии наук Монголии.

§ 4.1. Научно-организационные особенности и нормативная база сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР в послевоенных исторических реалиях

В параграфе освещены произошедшие в монгольском научном сообществе в первые послевоенные годы изменения; обсуждение основных направлений сотрудничества между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР; подготовка и содержание нового договора о сотрудничестве между научными учреждениями.

После окончания Второй мировой войны определяющую роль в формировании тенденций и особенностей советско-монгольского научного сотрудничества и исследовательской деятельности советских ученых в МНР

сыграли изменения в геополитической ситуации в Дальневосточном регионе и в международно-правовом положении Монголии⁸²⁸. В результате реализации решений Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.), советско-китайского договора от 14 августа 1945 г., итогов плебисцита в Монголии (20 октября 1945 г.) и признания Китаем 5 января 1946 г. независимости МНР Монголия, через тридцать пять лет после провозглашения независимости (декабрь 1911 г.), де юре приобрела полноценный международный статус суверенного государства⁸²⁹. Уже в этих новых условиях 27 февраля 1946 г. между СССР и МНР был заключен Договор о дружбе и взаимопомощи и подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве.

Что касается внутреннего положения Монголии, то 1940-е–1950-е гг. трактуются в программных документах МНРП как «этап строительства основ социализма». На практике это означало прежде всего переход к плановой системе экономики. В конце 1947 г. XI съезд МНРП утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства страны на 1948–1952 гг., в котором в очередной раз особое внимание уделялось развитию животноводства как основы ее экономики. Поскольку в эти годы в Монголии преобладающим являлось мелкотоварное частное животноводческое производство, для МНРП вновь актуальной стала задача кооперирования аратов. Этот процесс, правда, проходил уже с учетом трагических событий 1932 г. Глава государства, маршал Х. Чойбалсан, по авторитетному мнению российского монголоведа С.К. Рощина, был «осторожен и нетороплив в этом вопросе», не забывал уроков «левацкого эксперимента» 1930-х гг.⁸³⁰

⁸²⁸ См. также: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006. С. 169–186.

⁸²⁹ *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 214–219.

⁸³⁰ *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 297; *Он же.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005. С. 129–130.

Актуальным в эти годы также становилось и развитие зернового производства, для чего предпринимались попытки освоения и культивации земельных угодий. Помощь СССР, и теоретическая, и практическая, в этом направлении была особенно важна, так как население Монголии, в подавляющем большинстве кочевое, имело очень незначительный исторический опыт в земледелии.

В политической сфере происходило упрочение авторитарности и связанная с этим процессом подмена партийным руководством функций государственных и хозяйственных органов с полным контролем всех сфер государственной и общественной деятельности в стране Х. Чойбалсаном⁸³¹. За редким исключением начатые преобразования базировались на копировании опыта «старшего брата» – Советского Союза. Причем, монгольскому партийному руководству был еще в большей степени, чем советскому, свойственен волюнтаризм в реализации догматических установок ленинской теории строительства социализма.

Все эти факторы оказывали влияние на формирование основных направлений деятельности Комитета наук. Первоочередными по-прежнему являлись прикладные научные исследования, направленные на выработку конкретных методик и рекомендаций по улучшению экономического развития страны. Эти проблемы заняли важное место и в содержании советско-монгольского научного сотрудничества в первое послевоенное десятилетие.

В научной жизни Монголии к 1945 г. произошли заметные изменения. Прежде всего, следует отметить открытие 5 октября 1942 г. первого Монгольского государственного университета (МонГУ). Его создание стало прорывом в решении проблемы подготовки национальных научных кадров. Первый выпуск состоялся в 1946 г. Дипломы об окончании университета получили 35 человек⁸³². Это обстоятельство явилось также одним из важнейших факторов кадрового укрепления Комитета наук и расширения его

⁸³¹ Подробно см.: *Роцин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005.

⁸³² *Болдбаатар Ж., Батбаяр Д.* Монголо-советские культурные отношения в период Второй мировой войны // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 86.

исследовательских программ. Кроме того, большую помощь в увеличении числа лиц с высшим образованием в Монголии сыграло межправительственное советско-монгольское соглашение об обучении граждан МНР в высших гражданских учебных заведениях СССР, подписанное в мае 1948 г.⁸³³

В связи с этим следует отметить также значительные изменения, произошедшие в обучении грамоте монгольского населения и публикации книг: кириллизацию монгольской письменности. Монгольская письменность была основана на уйгурском алфавите. Его многозначность затрудняла усвоение и распространение грамотности. В 1930-х гг. наряду с латинизацией языков народов СССР, в том числе перевода бурятского языка на латинский алфавит (в 1931 г.), обсуждался также вопрос латинизации монгольской письменности. Однако в конце 1930-х гг. в СССР начался процесс перевода уже латинизированных алфавитов на кириллицу, что было связано с переходом к политике изоляционизма, отказа от идеи «мировой революции», в которой латинизация должна была играть роль инструмента распространения марксистско-ленинских идей. В марте 1941 г. ЦК МНРП принял постановление о введении нового алфавита на основе кириллицы и арабских цифр⁸³⁴. Большую работу по его разработке провел Ц. Дамдинсурэн. Он был одним из составителей изданного в 1942 г. «Русско-монгольского словаря» на новом алфавите⁸³⁵. В конце 1942 г. последовало постановление ЦК МНРП «Об обучении трудящихся масс новой письменности» и 18 мая 1945 г. – о переводе с 1 января 1946 г. всей печати и государственного делопроизводства на новый алфавит. Этот процесс завершился к 1950 г. Новый алфавит значительно облегчил обучение письменности и позволил существенно увеличить показатели грамотности монгольского населения. Хотя, несомненно, он сыграл и определенную негативную роль в культурной идентификации монгольских народов.

⁸³³ История Монголии. XX век. М., 2007. С. 189–190.

⁸³⁴ Там же. С. 164

⁸³⁵ Дамдинсурэн Ц., Лувсанвандан Ш. Орос-Монгол толь (Русско-монгольский словарь). Улан-Батор: Изд-во Комитета наук МНР, 1942.

Комитет наук в 1946 г. вновь возглавил Б. Жаргалсайхан, к этому времени авторитетный дипломатический работник (проработал пять лет в посольстве Монголии в Москве), хорошо знакомый с системой советских государственных и партийных учреждений, с нормативно-законодательными монгольскими актами, регулирующими как внутреннюю, так и внешнюю деятельность государства. Его основной задачей являлась организация деятельности Комитета наук Монголии в условиях международного признания независимости Монголии. Проблем было много, и кадровых, и организационных. В письме к президенту Академии наук С.И. Вавилову (1891–1951) в октябре 1946 г. Б. Жаргалсайхан и ректор МонГУ, член Комитета наук Б. Ширендыб писали, что Комитет наук представляет собой «еще очень слабую организацию по обеспеченности научными кадрами и проводимой им научно-исследовательской работе»⁸³⁶.

В состав Комитета наук в 1946 г. входили шесть кабинетов: истории, языка и литературы, географии, геологии, земледелия, животноводства; фото- и химическая лаборатории. Численность действительных членов – научных работников-монголов составляла 27 человек, членов-корреспондентов – 19 человек. При этом никто из них не имел ученой степени, и только три человека имели диплом об окончании высших учебных заведений, а остальные – среднее или незаконченное высшее образование. В таких условиях укрепление научно-исследовательской деятельности Комитета наук зависело только от «самой тесной связи с Академией наук СССР и ее повседневной помощи»⁸³⁷. Но для этой «тесной связи» нужны были новые нормативно-законодательные акты. Срок действия последнего договора между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР о сотрудничестве закончился в 1939 г.

⁸³⁶ Письмо Б. Ширендыба и Б. Жаргалсайхана к С.И. Вавилову, октябрь 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 28.

⁸³⁷ Там же. См. также: *Мурзаев Э.М.* Наука в Монгольской Народной Республике // Труды Московского института востоковедения. Сборник 5. М.: Изд-во МИВ, 1947. С. 313–326.

Конкретные шаги по активизации советско-монгольского научного сотрудничества были предприняты во время визита делегации Комитета наук в СССР для участия в праздновании 220-летия Академии наук. В рамках юбилейных мероприятий 2 июля 1945 г. в Москве состоялось совещание советских и монгольских ученых. Краткий отчет об этой встрече был опубликован в «Вестнике Академии наук»⁸³⁸. На заседании, прошедшем под председательством президента АН СССР академика В.Л. Комарова, присутствовали академики В.А. Обручев и С.С. Смирнов (1894–1947), члены-корреспонденты АН Б.Б. Польшин и А.Г. Вологдин (1896–1971), доктора наук П.В. Погорельский, Н.В. Павлов, Ю.А. Орлов, Н.И. Валотин, И.А. Цаценкин, И.П. Рачковский, кандидат наук Э.М. Мурзаев, а также представители Монголии: председатель Комитета наук Ж. Дугэрсурэн, ректор МонГУ Б. Ширендыб, член Комитета наук Б. Ринчин. В выступлениях участников совещания звучал большой оптимизм в отношении перспектив научного сотрудничества и проведения дальнейших исследований Монголии, подчеркивалась необходимость укреплять и расширять взаимовыгодные контакты между научными учреждениями двух стран.

Ж. Дугэрсурэн поблагодарил руководство Монгольской комиссии АН СССР за работу по исследованию природы и культуры страны. Он отметил, что на результатах этой деятельности и публикациях «Трудов» Комиссии сейчас строится научная работа в Монголии. Также он высказал пожелание, чтобы Монгольская комиссия возобновила практику совместных научных исследований. Его поддержал Б. Ширендыб, который выразил надежду, что совещание заложит основу для продолжения детального и систематического изучения Монголии. Б. Ширендыб предложил расширить направления исследований и включить в план работы изучение истории, культуры, искусства и литературы страны. Желательными для Комитета наук также являлись историко-археологические и

⁸³⁸ В Монгольской комиссии АН СССР // Вестник АН СССР. 1945. № 9. С. 104–105.

лингвистические исследования. Однако наиболее актуальным оставалось экономико-географическое изучение районов кочевого скотоводства.

По итогам заседания было принято решение направить делегацию советских ученых в Улан-Батор для выработки конкретных предложений по сотрудничеству. Одновременно Монгольской комиссии как координатору научного взаимодействия Академии наук и Комитета наук было предложено начать работу по планированию предстоящих исследований.

Монгольская комиссия по-прежнему являлась учреждением при Президиуме АН, а ее председатель, академик В.Л. Комаров – президентом Академии наук. Однако в декабре 1945 г. Комиссию постиг тяжелый удар: умер В.Л. Комаров. Новым руководителем МОНК в 1946 г. стал крупнейший специалист по геологии Центральной Азии, директор Института мерзлотоведения АН академик В.А. Обручев. У этого назначения был один существенный недостаток: В.А. Обручев не занимал высших руководящих постов в системе Академии наук (в 1946 г. он оставил должность академика-секретаря Отделения геолого-географических наук, ОГГН), что значительно уменьшало административные возможности Монгольской комиссии. Но имелось и большое преимущество – у В.А. Обручева была очень сильная личная заинтересованность в возобновлении деятельности Монгольской комиссии, у истоков организации которой он стоял в начале 1920-х гг. Кроме того, В.А. Обручев имел постоянные тесные контакты с Комитетом наук, к тому же к нему как к эксперту постоянно обращались для консультаций по вопросам геологических работ в Монголии.

Как уже отмечалось, заместителем председателя Монгольской комиссии стал И.П. Рачковский. В 1948 г. его сменил Б.Б. Плынов, которого в 1950 г. заменили академик В.С. Немчинов (1894–1964) и член-корреспондент Академии наук Е.М. Жуков (1907–1980). Должность ученого секретаря с 1946 г. занимал

А.И. Шастов⁸³⁹, а с 1948 по 1953 г. – М.К. Расцветаев (1895–?) (до этого назначения он был ученым секретарем Урало-Сибирской секции СОПС).

Членами Комиссии стали академики Б.Б. Польшов (Почвенный институт), А.А. Григорьев (директор Института географии), С.А. Козин (Институт востоковедения), член-корр. Е.М. Лавренко (1900–1987, Ботанический институт), а также геолог С.В. Обручев (Институт геологических наук), биологи Я.Я. Лус (Институт эволюционной морфологии), А.Я. Тугаринов (Зоологический институт), ботаник Л.Е. Родин (Ботанический институт), географ Э.М. Мурзаев (Институт географии), экономист П.В. Погорельский (Институт географии), историк и этнограф С.П. Толстов (директор Института этнографии). В Комиссию вошли также представители монгольского научного сообщества: нынешний и предыдущий председатели Комитета наук Монголии Б. Жаргалсайхан и Ж. Дугэрсурэн, а также ректор МонГУ Б. Ширендыб.

В конце 1946 г. по предложению В.А. Обручева Монгольскую комиссию из непосредственного подчинения Президиума АН перевели в состав ОГГН АН, с которым наиболее тесно была связана его профессиональная деятельность⁸⁴⁰. Свою просьбу В.А. Обручев обосновал в письме к президенту Академии С.И. Вавилову тем обстоятельством, что в этом случае он сможет пользоваться административным аппаратом Отделения и его техническими возможностями (связь, почта, машбюро) для работы Комиссии и, что было очень важно, получить небольшую комнату для нее в Институте геологических наук, чтобы перевезти туда все ее дела, до сих пор находящиеся в Ленинграде⁸⁴¹.

⁸³⁹ Назначение было не случайным: А.И. Шастов в 1945 г. работал в Волжско-географической группе 39-й армии в МНР, был знаком с Монголией и особенностями работы в стране (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 4).

⁸⁴⁰ Выписка из Протокола Президиума АН СССР, 24 августа 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 7.

⁸⁴¹ Письмо В.А. Обручева к С.И. Вавилову, 14 августа 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 9–10.

Таким образом, Монгольская комиссия, а в ее лице центр по организации и координации научного взаимодействия с Комитетом наук Монголии из Ленинграда окончательно переместился в Москву. Это обстоятельство стало позитивным фактором для ее функционирования, поскольку территориальная близость с административными структурами Президиума АН и государственными ведомствами помогала более оперативному решению организационных вопросов ее деятельности.

К концу 1945 г. МОНК собрала предложения академических институтов по работе в Монголии. О своем желании участвовать в исследованиях заявили Институт географии, Институт эволюционной морфологии, Институт леса, Институт этнографии, Институт востоковедения, Ботанический, Зоологический, Палеонтологический, Геологический институты Академии наук, Всесоюзное географическое общество. Каждое из этих учреждений представило темы и планы своих предполагаемых работ⁸⁴². Такая заинтересованность в монгольском направлении исследований объяснялась не только естественным желанием академических организаций продолжить начатые еще до войны работы, но и, как мы полагаем, в определенной степени поиском государственного заказа в период послевоенного восстановления деятельности институтов.

На основании поданных заявок МОНК разработал план комплексной экспедиции по исследованию Монголии, рассчитанный на 5 лет, с учетом еще довоенных проектов, в частности изучения озера Косогол (Хусбугул) и проведения геологических работ силами академических ученых, как продолжение сделанного в 1920-х – начале 1930-х гг. В 1946 г. предполагалось направить в Монголию три геологических отряда (Восточно-Монгольский, Хангайский и Гобийский), Косогольский озероведческий отряд, филологический отряд Института востоковедения, экономико-географическую группу Института географии. Проект плана был направлен на согласование в Комитет наук.

⁸⁴² План работы на 1946 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–26.

Как отметил поверенный в делах МНР в СССР Н. Идамжаб в своем письме от 23 марта 1946 г., переданном из Дальневосточного отдела МИД академику-секретарю Академии наук Н.Г. Бруевичу (1896–1987), правительство МНР, ознакомившись с планом исследовательских работ на 1946 г., выразило свое удовлетворение и отметило, что «проведение такой работы будет большим вкладом в дело более полного изучения нашей страны и возобновления совместной работы Монгольской комиссии АН СССР и Комитета наук МНР»⁸⁴³.

Однако в ходе подготовительного этапа возникли различного рода организационные трудности, связанные с несогласованностью деятельности институтов, относящихся к разным Отделениям АН, и Монгольской комиссии. На совещании начальников отрядов 29 апреля 1946 г. выяснилось, что они будут готовы к выезду в Монголию только к началу августа⁸⁴⁴. Некоторые работы, учитывая специфику монгольского климата, начинать в это время уже бессмысленно. В итоге было решено в текущем, 1946 г., ограничиться предварительным подготовительным выездом одного-двух отрядов, чтобы в следующем году приступить к полноценной работе. Вину за организационные недоработки Президиум возложили на Монгольскую комиссию. Подготовку экспедиционного сезона 1947 г. Н.Г. Бруевич, курировавший деятельность Монгольской комиссии, поручил провести кандидату экономических наук, заведующему отделом географии сельского хозяйства Института географии АН, члену партии с 1921 г. П.В. Погорельскому, крупному специалисту по кочевому хозяйству. Он должен был в кратчайшие сроки представить пятилетний план экспедиционных исследований для согласования с правительством Монголии⁸⁴⁵. П.В. Погорельский уже имел опыт полевых исследований в Монголии, руководил экономическим отрядом Монгольской комиссии в 1930–1931 гг. Передача полномочий по формированию комплексной экспедиции в Монголию

⁸⁴³ Письмо Н. Идамжаба, 23 марта 1946 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 29. Папка 32. Д. 36. Л. 3.

⁸⁴⁴ Протокол заседания, 29 апреля 1946 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–2.

⁸⁴⁵ *Митин В.Н.* Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии в 1941–1953 гг. // *Mongolica*–VI. СПб., 2003. С. 57.

П.В. Погорельскому была произведена под нажимом ЦК партии, куда он еще в июле 1945 г. написал письмо с изложением своего мнения по организации экономического изучения Монголии для выработки реальных практических советов правительству страны. (Подробно этот сюжет будет рассмотрен в подпараграфе 4.3.3). Данное назначение отразило наметившиеся серьезные организационные проблемы в деятельности Монгольской комиссии как координатора работы советских ученых в Монголии.

Параллельно с Монгольской комиссией Президиум АН наук также выяснял мнение и пожелания монгольской стороны о формах и содержании научного сотрудничества. В конце сентября 1946 г. переговоры «о наиболее рациональной форме взаимоотношений» между Академией наук и Комитетом наук с монгольским руководством провел по просьбе С.И. Вавилова И.Н. Устюжанинов (1880–1968)⁸⁴⁶. Он был командирован в Улан-Батор для согласования с Комитетом наук плана совместной подготовки книги «История МНР» (см. § 4.2). И.Н. Устюжанинов обсудил вопросы по содержанию договора о сотрудничестве с широким кругом высокопоставленных должностных лиц в государственном и научном руководстве Монголии. Он имел беседы с председателем Комитета наук Ж. Дугэрсурэном и советником Комитета наук, проректором МонГУ И.Ф. Шульженко, ректором МонГУ Б. Ширендыбом, с Н.П. Важновым – политическим советником Х. Чойбалсана, сотрудником советского полпредства в Монголии, а также непосредственно с самим маршалом Х. Чойбалсаном и другим его советским советником – Абрамовым. Комитет наук познакомил И.Н. Устюжанинова с пятилетним планом своих научно-исследовательских работ на 1947–1951 гг., который, после внесения им ряда исправлений и дополнений (они касались конкретизации целей работ, их обоснования, задач, состава исполнителей и т.п.), был представлен на рассмотрение Политбюро ЦК МНРП.

⁸⁴⁶ Письмо И.Н. Устюжанинова к С.И. Вавилу, 25 сентября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 15–21.

В своем письме к С.И. Вавилову Н.И. Устюжанинов выделил три основных направления деятельности Комитета наук, по которым на ближайшие годы была «совершенно необходима помощь советских ученых». В их число уже традиционно входили: во-первых, животноводство, где необходимо было особое внимание обратить на изучение кормовой базы и ее рациональное использование; продолжение изучения вопросов водоснабжения гобийской и степной зоны; проведение экономического анализа организации животноводческих хозяйств; изучение пород скота и выработка мероприятий по увеличению его количества и качества; во-вторых, земледелие, где актуальным являлось улучшение сортов и агротехники ряда злаковых культур в земледельческих районах страны; в-третьих, геологические исследования полезных ископаемых (угля, возможно, нефти, строительных материалов), необходимых для развития ряда промышленных отраслей.

В области гуманитарных наук монгольские исследователи еще раз подтвердили сказанное на московской встрече в июле 1945 г.: требовалась помощь в подготовке «Истории Монголии», учебников истории для вузов и средней школы, в дальнейшем исследовании монгольского языка и литературы, этнографии и географии страны. И.Н. Устюжанинов также передал С.И. Вавилову просьбу монгольских руководителей не затягивать с подписанием соглашения о сотрудничестве, чтобы как можно скорее приступить к совместной работе.

Просьбы монгольских коллег Академия наук не могла оставить без внимания, несмотря на то, что проблемы, помощь в решении которых хотел получить Комитет наук, в основном находились в компетенции институтов и лабораторий ВАСХНИЛ и ведомственных министерств. Президиум АН поручил В.А. Обручеву созвать расширенное заседание Монгольской комиссии и пригласить приехать представителей Комитета наук для обсуждения плана работы на ближайший год, перспективного плана и договора между Академией

наук и Комитетом наук о сотрудничестве⁸⁴⁷. По существующему регламенту, для приглашения иностранных гостей В.А. Обручев направил запрос в Восточный отдел МИД. Внешнеполитическое ведомство поддержало просьбу Академии наук и согласовало состав делегации с правительством МНР. Решением Совета Министров МНР от 27 сентября 1946 г. в Москву были направлены Б. Ширендыб и только что вновь назначенный председателем Комитета наук Б. Жаргалсайхан⁸⁴⁸.

Б. Ширендыб и Б. Жаргалсайхан прибыли в Москву 30 сентября 1946 г. и сразу же активно включились в работу: за двадцать дней они встретились с членами Монгольской комиссии и академиками В.А. Обручевым, А.А. Григорьевым, С.А. Козиним, а также рядом руководителей академических институтов и других учреждений, с которыми обсудили насущные для Комитета наук вопросы сотрудничества. После этого, 21 октября 1946 г. они обратились к С.И. Вавилову с просьбой о личной встрече, чтобы «изложить свою точку зрения» на возможные совместные научные проекты на основе Соглашения между правительствами СССР и МНР от 27 февраля 1946 г. о культурном и экономическом сотрудничестве⁸⁴⁹. Такая встреча состоялась в конце октября. Б. Ширендыб и Б. Жаргалсайхан представили С.И. Вавилову краткую справку о Комитете наук, его кадрах и планах работы. Они отметили, что в директивных указаниях ЦК МНРП и правительства МНР о пятилетнем плане развития народного хозяйства и культуры МНР на 1947–1951 гг. перед Комитетом наук поставлены в качестве главных задач: 1) организация подготовки национальных кадров – чтобы к концу пятилетки Комитет наук смог самостоятельно вести научно-исследовательскую работу и создать базу для будущей национальной

⁸⁴⁷ Письмо В.А. Обручева в Восточный отдел МИД 24 августа 1946 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 29. Папка 32. Д. 36. Л. 4; Выписка из протокола Президиума АН СССР, 24 августа 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 16. Л. 7.

⁸⁴⁸ *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор, 1981. С. 19.

⁸⁴⁹ Письмо Б. Ширендыба и Б. Жаргалсайхана к С.И. Вавилову, октябрь 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 27–30.

Академии наук; 2) решение проблем, вытекающих из задач пятилетнего плана развития МНР – в первую очередь, разработка мероприятий «по увеличению количества и улучшению качества животноводства, а также по использованию кормовых и водных ресурсов»⁸⁵⁰. Фактически они подтвердили информацию, переданную в Президиум АН через И.Н. Устюжанинова. Монгольские представители выразили пожелание, чтобы поставленные перед Комитетом наук задачи нашли свое отражение в соглашении о сотрудничестве и в планах работ Монгольской комиссии. Основной формой научных связей по-прежнему предполагалось проведение экспедиционных исследований «путем посылки комплексной группы». В ходе разговора обсуждались также другие направления взаимодействия: издание трудов Монгольской комиссии и Комитета наук, книгообмен, взаимные научные командировки, стажировки исследователей и др. По результатам встречи С.И. Вавилов предложил Б. Ширендыбу и Б. Жаргалсайхану составить вместе с Монгольской комиссией план совместной работы на 1947 г. и проект договора о сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР.

Монгольская комиссия передала свой уже подготовленный план Б. Жаргалсайхану и Б. Ширендыбу и 1 ноября 1946 г. направила его в Восточный отдел МИД для официальной передачи на согласование в Улан-Батор⁸⁵¹. Через несколько дней, 17 ноября 1946 г., Б. Жаргалсайхан и Б. Ширендыб представили свои замечания и дополнения к этому документу. Кроме того, они заверили Академию наук в выделении Комитетом наук финансирования для производства работ на территории Монголии по комплексному изучению проблем животноводства и его кормовой базы. Это обстоятельство являлось очень важным в условиях понятной ограниченности финансирования Академии наук в самые первые послевоенные годы. В письме в Президиум АН монгольские

⁸⁵⁰ Там же. Л. 29.

⁸⁵¹ Письмо В.А. Обручева в Восточный отдел МИД, 9 сентября // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 29. Папка 32. Д. 36. Л. 4; План работ Монгольской комиссии на 1947 г., 1 ноября 1946 г. // Там же. Л. 5–8.

представители указали, что на совместную научно-исследовательскую работу по указанной тематике Комитет наук в 1947 г. выделяет 136 000 тугриков. Также в 1947 г. предполагалось частично профинансировать самостоятельные работы Академии наук по геологическим исследованиям Монголии (100 000 тугриков)⁸⁵².

Кроме актуальных проблем народно-хозяйственного значения (изучение водных и кормовых ресурсов, экономики животноводства, его продуктивности, структуры почв и др.) монгольская сторона просила учесть при перспективном планировании необходимость: подготовки учебника по истории Монголии; изучения этнографии народов, населяющих ее территорию; изучения имеющихся в стране историко-архитектурных памятников; составления учебников грамматики монгольского языка и литературы; изучения истории культуры монгольского народа (искусства, просвещения, медицины и др.); продолжения географического изучения страны, главным образом составление физико-географической и экономико-географической карт Монголии; изучения петрографии районов вокруг Улан-Батора для поиска каменного строительного материала⁸⁵³.

Проект соглашения (договора) о сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР был также оперативно подготовлен и 30 октября направлен Н.Г. Бруевичу на согласование⁸⁵⁴. В проекте документа указывалось, что сотрудничество имеет целью:

⁸⁵² Письмо Б. Ширендыба и Б. Жаргалсайхана в Президиум АН, 17 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 43. В представленной МОНК сводной таблице смет совместных экспедиций АН СССР и КН МНР на 1947 г. указывалось, что смета Комплексной (сельскохозяйственной) экспедиции составляет: на территории СССР – 257 115 руб., на территории МНР – 130 410 руб.

⁸⁵³ Письмо Б. Ширендыба и Б. Жаргалсайхана в Монгольскую комиссию, 17 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

⁸⁵⁴ Письмо Б. Ширендыба и Б. Жаргалсайхана к Н.Г. Бруевичу, 30 октября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 31; Проект Договора // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 48–51.

– способствовать развитию как совместной научно-исследовательской работы Академии наук и монгольских научно-исследовательских организаций, так и самостоятельных научно-исследовательских работ Академии наук на территории Монголии;

– обеспечивать обмен научной информацией между Академией наук и монгольскими научно-исследовательскими организациями;

– оказывать монгольским научно-исследовательским организациям дружескую помощь в выполнении стоящих перед ними научно-исследовательских задач и в подготовке национальных научных кадров.

Далее подробно расписывались условия практического осуществления совместной работы. Для ее проведения стороны должны были разрабатывать перспективные и годовые планы. Руководство совместными работами должна была взять на себя Академия наук, так же как и снаряжение своих экспедиций. Со своей стороны, Комитет наук брался обеспечивать их рабочими, питанием, жильем и т. п. на территории Монголии. Финансирование совместных исследований должно было осуществляться обеими сторонами на условиях, согласованных для каждого проекта или экспедиции. Результаты работы распределялись между договаривающимися сторонами в соответствии с достигнутыми соглашениями в каждом отдельном случае. Труды совместных экспедиций должна была издавать Академия наук на русском и, по возможности, на монгольском языке. В последнем случае издание оплачивал Комитет наук.

В случае научно-исследовательских работ и экспедиций, проводимых Академией наук на территории МНР самостоятельно, их планы должны будут согласовываться с Комитетом наук, который оказывал организационно-техническую помощь в их выполнении. При признании задач той или иной экспедиции имеющими практическое или научное значение и для монгольской стороны, Комитет наук принимал участие в ее финансировании, определяемом особым договором.

В проекте соглашения оговаривалась форма помощи Академии наук Комитету наук в проведении научно-исследовательских работ и в подготовке

научных кадров. Таковыми являлись: консультации, командировки научных сотрудников в Комитет наук, предоставление (за счет монгольской стороны) научного оборудования и приборов, обмен литературой, обучение монгольских исследователей в аспирантуре академических институтов. В свою очередь Комитет наук также брал обязательства предоставлять советским ученым для их исследований материалы (артефакты), найденные на территории Монголии, высылать изданную литературу, принимать на обучение российских аспирантов.

Предполагалось, что координацией сотрудничества продолжит заниматься Монгольская комиссия, в состав которой войдут представители Комитета наук.

Представленный Б. Жаргалсайханом и Б. Ширендыбом проект Соглашения Президиум АН направил для согласования в МИД СССР, откуда 11 ноября 1946 г. был получен ответ, что МИД в принципе не возражает против представленного документа⁸⁵⁵. Однако подписание соглашения руководством Академии наук затягивалось. Б. Ширендыб вынужден был задержаться в Москве дольше запланированного срока, и 4 января 1947 г. он обратился к Н.Г. Бруевичу с просьбой содействовать, «чтобы подписание договора о сотрудничестве» состоялось по возможности в ближайшее время⁸⁵⁶. В свою очередь Н.Г. Бруевич, переговорив по этому поводу с С.И. Вавиловым, перенаправил письмо для исполнения в свой секретариат и далее в Монгольскую комиссию, сопроводив его указанием на просьбу С.И. Вавилова ускорить решение вопроса⁸⁵⁷. Но по ряду не совсем понятных причин подписание договора вновь было отложено.

Следует отметить, что несколько раньше получили одобрение директивных органов две другие «монгольские» инициативы Академии наук: 16 февраля 1946 г. последовало Решение Совмина о Монгольской палеонтологической экспедиции, а 7 июля 1946 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято

⁸⁵⁵ Письмо из МИД СССР к С.И. Вавилову, 11 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 55.

⁸⁵⁶ Письмо Б. Ширендыба к Н.Г. Бруевичу, 4 января 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 73.

⁸⁵⁷ Там же.

решение направить в Монголию научную экспедицию для оказания помощи Комитету наук в разработке истории МНР⁸⁵⁸.

Одновременно, как было указано выше, Монгольская комиссия представила перспективный план работ на 1947–1951 гг. Кратко остановимся на его содержании, поскольку он показывает, какие институты и по какой тематике выразили готовность работать в Монголии совместно с Комитетом наук, МонГУ и другими учреждениями МНР.

Главную задачу – повышение продуктивности животноводства (изучение породного состава домашнего скота и путей его качественного улучшения) – выразили желание решать ученые Института эволюционной морфологии и Ботанического института АН (изучение растительного покрова пастбищ и сенокосов, их планирования и использования). При этом БИН планировал обобщить результаты работ в виде монографий: «Кормовые угодья МНР», «Растительность МНР» с приложением карты в масштабе 1:500 000, «Определитель растений МНР», «Флора МНР». В комплекс исследований растительного покрова входило также изучение почв Монголии, а также закономерностей их географического размещения. Выполнять эту программу БИН предполагал совместно с Почвенным институтом АН.

Гидрологические исследования брал на себя Институт географии АН. Эти работы должны были, кроме того, стать основой для составления водного кадастра Монголии. Институт планировал провести также экономические исследования для оценки природных ресурсов сельского хозяйства и разработки перспектив развития пастбищного животноводства в Монголии.

Работы геологического направления (обобщение накопившегося материала, проведение новых исследований и создание общей схемы тектоники Монголии для поисков рудных месторождений; работы по геоморфологии и стратиграфии континентальных отложений МНР) планировал выполнять Геологический

⁸⁵⁸ Протокол Секретариата, 2 июля 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 268. Л. 11; Протокол заседания Политбюро, 7 июля 1946 г. // Там же. Оп. 3. Д. 1059.

институт АН. Работы по составлению «Географии МНР» и ряда карт Монголии (физической, экономической и специальных: геоботанических, почвенных и др.) планировали совместно осуществить Институт географии, Почвенный институт, БИН АН СССР.

Палеонтологические исследования продолжит экспедиция Палеонтологического института, а зоологические – Зоологический институт, который намечал обширную программу изучения в первую очередь районов Кобдо, Гоби и лесистой части Монгольского Алтая.

Большое значение в плане придавалось лимнологическим работам на озере Косогол (Хубсугул). Его изучение было теснейшим образом связано с проблемами Байкала и должно было явиться непосредственным продолжением исследований Байкальской лимнологической станции АН⁸⁵⁹.

Гуманитарные институты также выразили желание выполнять работы, связанные с монгольской тематикой: составление истории монгольского народа с древнего периода и до наших дней обязались взять на себя Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра и Институт истории АН; составление Монгольского энциклопедического сборника – Институт востоковедения; перевод на русский язык и издание Конституции МНР, решений съездов МНР, Великих Хуралов, а также составление и издание биографий великих деятелей МНР – Институт востоковедения совместно с Тихоокеанским институтом АН; проведение исследований исторических памятников и археологические исследования – Институт этнографии и Институт истории материальной культуры, этнографические и антропологические исследования – Институт этнографии и антропологии; составление сборников «История монгольского искусства», по истории монгольского театра, «Материалы по архитектуре Монголии» – Институт истории искусств АН.

⁸⁵⁹ Байкальская лимнологическая станция Академии наук была основана 1 октября 1928 г. для всестороннего изучения Байкала.

В этом документе за подписью председателя МОНК В.А. Обручева, его заместителя И.П. Рачковского и ученого секретаря А.И. Шастова указано, что план в своей тематической части согласован с вышеперечисленными научно-исследовательскими учреждениями Академии наук и полностью учитывает пожелания Комитета наук.

Как видим, в академических институтах и в Монгольской комиссии была проведена большая работа по планированию изучения Монголии. Несколько настораживал объем запланированных работ и количество участников. Можно предположить, что данный проект был рассчитан на демонстрацию возможностей Академии наук проводить исследования как общенаучного характера, так и имеющие выраженное практическое назначение, для получения крупного государственного заказа на изучение дружественного государства, как это уже было в 1925 г.

Что касается Монгольской комиссии, то для руководства таким масштабным проектом сил Комиссии, практически не имевшей административных ресурсов, располагавшей малочисленным штатом сотрудников (в разные годы от одного до четырех человек) и, что самое главное, испытывавшей трудности с получением финансирования на свои проекты, явно было недостаточно. Печальный организационный опыт 1946 г. показал сложность взаимодействия с многочисленными академическими институтами, особенно если они входят в разные отделения Академии наук, без директивных указаний высоких государственных инстанций на строгую обязательность исполнения какого-либо решения. Кроме того, время шло, и даже в мае 1947 г. соглашение о сотрудничестве Академии наук и Комитета наук еще не было подписано.

Несмотря на это, Монгольская комиссия подготовила проекты постановлений Совета министров об организации в 1947 г. научных экспедиций в Монголию на имя заместителей председателя Совмина СССР Л.П. Берии⁸⁶⁰ и

⁸⁶⁰ Проект постановления // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–29.

В.М. Молотова⁸⁶¹. В них в частности отмечалось, что сейчас представилась возможность расширить «научную помощь дружественной стране и продолжить крупные научно-теоретические работы Академии наук СССР на территории Монголии», так как «официальные представители МНР настойчиво ставят, а у Академии наук назрел вопрос о необходимости в текущем, 1947 г. приступить к систематическому исследованию природных ресурсов, производительных сил, культуры МНР»⁸⁶². В связи с этим Академия наук просила Совет Министров в 1947 г. направить в Монголию две многолетние экспедиции: совместную комплексную экспедицию Академии наук и Комитета наук для изучения ресурсов сельского хозяйства и геологическую экспедицию Академии наук. На организацию этих экспедиций испрашивалось дополнительное финансирование, не предусмотренное в смете Академии наук.

Представленный Монгольской комиссией проект прошел в министерских коридорах суровый экзамен политико-экономической целесообразности и в итоге в постановлении Совета Министров от 24 июня 1947 г. речь шла только об организации совместно с Комитетом наук экспедиции по изучению сельского хозяйства Монголии (Сельскохозяйственной экспедиции)⁸⁶³ (см. подпараграф 4.3.3). Академические геологические исследования в Монголии не были утверждены.

В дальнейшем, до 1950 г., Монгольская комиссия продолжала включать в свои планы геологические работы, в развитии которых был профессионально заинтересован В.А. Обручев. В их планировании активное участие принимал также Геологический институт АН. Комитет наук также неоднократно ставил вопрос о геологических исследованиях. Как отмечалось в его докладе монгольскому правительству, на основании предыдущих исследований были составлены геологические карты в различных масштабах только 20–25 % территории страны. На совещании руководства Сельскохозяйственной

⁸⁶¹ Там же. Л. 30–32.

⁸⁶² Там же. Л. 30.

⁸⁶³ Постановление № 2173–583с от 24 июня 1947 г.

экспедиции и Комитета наук 12 декабря 1950 г. в Улан-Баторе даже предлагалось включить геологическую партию в состав Сельскохозяйственной экспедиции. Новый председатель Комитета наук Ц. Дамдинсурэн (в 1950–1953 гг.) 18 июня 1950 г. обратился с этой просьбой к С.И. Вавилову и через полгода, 4 февраля 1951 г., к В.А. Обручеву⁸⁶⁴. Однако предложение Монгольской комиссии и просьбы Комитета наук не нашли правительственной поддержки. Вопросы геологоразведки в Монголии полностью перешли в ведение Восточной геологоразведочной экспедиции, которая успешно занималась промышленным освоением разведанных месторождений. Благодаря ее помощи к 1945 г. в Монголии действовало 24 предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности⁸⁶⁵. Геологические работы Академии наук в Монголии возобновились только в 1967 г. – когда была организована совместная Советско-Монгольская геологическая экспедиция. С советской стороны ее возглавил академик А.Н. Яншин. Экспедиция работала более двадцати лет. Благодаря

⁸⁶⁴ Письмо Ц. Дамдинсурэна к С.И. Вавилову и В.А. Обручеву, 18 июня 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп.1 доп. Д. 24. Л. 4. Цэндийн Дамдинсурэн (1908–1986) – видный монгольский ученый-лингвист, академик (1961), писатель, поэт, переводчик, общественный и политический деятель. Учился при Институте востоковедения АН (1933–1938), после войны закончил его аспирантуру. Работал секретарем Х. Чойбалсана, главным редактором газеты «Унэн» («Правда»), участвовал в переводе монгольского языка на кириллицу; председатель Комитета наук (1950–1953), директор Института языка и литературы (1959–1963); автор гимна Монголии. Ц. Дамдинсурэн, чтобы его отстранили от должности председателя Комитета наук, которая не давала возможности заниматься в полную силу научным творчеством, инициировал статью в газете «Унэн» с критикой своего руководства Комитетом наук «за отрыв от действительности, неумение работать, отсутствие помощи промышленности, подготовку трех-четырёх археологов, в то время как стране нужны химики, биологи и т.д.». (*Дамдинсурэн Ц.* Биография трех поколений // Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения / Сост. А.Д. Цендина. М.: Восточная лит-ра, 2008. С. 12).

⁸⁶⁵ *Уралец П.С.* Советские геологи – монгольскому народу // Книга братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 225.

усилиям советских геологов Монголия стала страной с хорошо развитой горнодобывающей промышленностью.

Таким образом, сразу по окончании Великой Отечественной войны монгольские ученые предприняли активные действия по восстановлению прерванных научных связей с Академией наук СССР и обратились в Монгольскую комиссию АН с предложением вновь организовать совместное изучение страны. О своем желании участвовать в работах в Монголии заявили Институт географии, Институт эволюционной морфологии, Институт леса, Институт этнографии, Институт востоковедения, Ботанический, Зоологический, Палеонтологический, Геологический институты АН. Однако в ходе подготовительного этапа формирования экспедиций в Монголию возникли различного рода организационные трудности, что в целом отразило наметившиеся проблемы в деятельности Монгольской комиссии как общеакадемического учреждения по координации работы советских ученых в Монголии. Из представленного Комиссией плана работ в Монголии Совет Министров 24 июня 1947 г. утвердил организацию только совместной Сельскохозяйственной экспедиции.

Работа советских и монгольских ученых в первые послевоенные годы выстраивалась на основе Соглашения между правительствами СССР и МНР от 27 февраля 1946 г. о культурном и экономическом сотрудничестве. В его рамках планировалось заключение нового договора о сотрудничестве между Академией наук и Комитетом наук. Его подготовка проходила одновременно с планированием исследований в Монголии. Основной формой сотрудничества по-прежнему предполагалось проведение экспедиционных работ «путем отправки комплексных групп». Однако в силу ряда причин общий договор о сотрудничестве между Академией наук и Комитетом наук в 1940-е гг. так и не был подписан. В то же время были заключены соглашения о совместной работе по конкретным научным проектам: подготовке «Истории МНР», проведению

Монгольской палеонтологической и Монгольской сельскохозяйственной экспедиций.

§ 4.2. Советско-монгольский проект по подготовке «Истории МНР»

В параграфе рассмотрена организация и проведение совместной работы ученых Академии наук СССР и Комитета наук МНР по написанию однотомной «Истории МНР», формы, характер, проблемы их взаимодействия, политический и идеологический контекст подготовки этого труда, значение проекта для развития исторических исследований в Комитете наук МНР⁸⁶⁶.

Среди первых послевоенных совместных советско-монгольских научных проектов подготовка академического издания «Истории Монгольской Народной Республики» в 1946–1954 гг. выделяется не только огромным значением для развития исторических, археологических и этнографических исследований монгольского Комитета наук, но и своим выраженным идеологическим контекстом и политической значимостью. Актуальность написания «Истории» была предопределена произошедшими в первой половине XX в. изменениями в государственном и политическом устройстве Монголии. Новые идеологические императивы требовали переосмысления роли и значения отдельных личностей и событий и их влияния на внутривнутриполитические процессы и развитие страны.

⁸⁶⁶ См.: Юсупова Т.И. Подготовка однотомной «Истории МНР» в 1946–1954 гг. (по документам российских архивов) // Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения – VIII. Материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 22–23 мая 2014 г. Улан-Удэ: ГБУ РЦ «Бэлиг», 2014. С. 304–312; К истории первого совместного советско-монгольского научного проекта по подготовке однотомника «История МНР» // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С.К. Рощина / Науч. ред.-сост. Е.В. Бойкова, ред.-сост. Н. Хишигт, отв. ред. С. Чулуун. М.; Улаанбаатар, 2015: ИВ РАН, Институт истории и археологии Академии наук Монголии. С. 271–293.

Кроме того, официальная концепция истории Монголии была необходима для разработки программы ее преподавания и учебников для разных уровней обучения.

Вопрос о включении в советско-монгольское научное сотрудничество изучения истории и культуры Монголии был впервые поставлен на уже упомянутом совещании Монгольской комиссии АН СССР с участием монгольских ученых 2 июля 1945 г. в Москве. В ходе обсуждения возобновления прерванных войной научных контактов между странами Б. Ширендыб предложил в качестве одного из будущих совместных проектов подготовку книги «История МНР». В своих воспоминаниях он пишет, что высказал это предложение, заручившись поддержкой со стороны руководителей страны – Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбала. Во время визита в Москву ему представилась возможность лично рассказать об этом проекте президенту Академии наук В.Л. Комарову. «Президент при нас, – вспоминает Б. Ширендыб, – позвонил своему бывшему личному секретарю И.Н. Устюжанинову и дал ему указание поговорить <...> с директором Института истории АН СССР академиком Б.А. Грековым (1882–1953) и [затем] доложить ему о принятом решении»⁸⁶⁷.

ЦК МНРП также поддержал Б. Ширендыба и со своей стороны направил просьбу об оказании помощи в написании «Истории МНР» советскому партийному руководству. После консультаций с Академией наук этот вопрос был рассмотрен секретариатом ЦК ВКП (б) 2 июля 1946 г., и 7 июля 1946 г. на заседании Политбюро было принято решение «в целях оказания помощи ЦК Монгольской революционной партии в разработке истории МНР» направить в июле текущего года в Монголию научную экспедицию в составе профессора И.Н. Устюжанинова (руководитель), кандидата исторических наук С.В. Киселева,

⁸⁶⁷ Ширендыб Б. Более чем полувековое научное сотрудничество // Б. Ширендыб и С.Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей / Отв. ред. В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2014. С. 10–11.

кандидата юридических наук А.А. Бартановой и кандидата исторических наук Б.Д. Цыбикова сроком на 3 месяца⁸⁶⁸.

Возглавил экспедицию, или, как ее называли в академических документах, бригаду Иннокентий Николаевич Устюжанинов (1880–1968), кандидат географических наук, на тот момент старший научный сотрудник Тихоокеанского института АН СССР. С Монголией И.Н. Устюжанинов был хорошо знаком по своей работе в Улан-Баторе в 1924–1926 гг. в качестве генерального консула и заведующего консульской частью полпредства СССР⁸⁶⁹.

Сергей Владимирович Киселев (1905–1962), второй член бригады, являлся заместителем директора Института истории материальной культуры в Москве (сейчас Институт археологии РАН), известным археологом, специалистом по древней и средневековой истории Сибири и Центральной Азии, участником и руководителем археологических экспедициях в Забайкалье, Алтае, Южной Сибири.

Вторым сотрудником экспедиции был Бимба Доржиевич Цыбиков (Цибиков, 1912–2006) – бурятский ученый, научный сотрудник Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики (сейчас Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СР РАН), хорошо знавший исторические источники по монгольской истории.

Что касается А.А. Бартановой (1910–?), также бурятского исследователя, юриста, в 1946 г. докторанта Института истории АН, то нам пока не удалось установить, что явилось основанием включения ее в состав экспедиции. Во всяком случае, несмотря на решение высшего политического руководства СССР, в Монголию она так и не была командирована. В 1947 г. А.А. Бартанова стала сотрудницей Бурят-Монгольского НИИ культуры и экономики. В ее личном

⁸⁶⁸ Секретариат, 2 июля 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 268. Л. 11; Протокол заседания Политбюро, 7 июля 1946 г. // Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059.

⁸⁶⁹ Личное дело И.Н. Устюжанинова // Архив Института востоковедения РАН. Ф. Тихоокеанского ин-та. Оп. 3. Личное дело И.Н. Устюжанинова.

деле, хранящемся в Институте, также нет никаких упоминаний о работе в Монголии в эти годы⁸⁷⁰.

И.Н. Устюжанинов выехал в Монголию вместе с Б.Д. Цыбиковым 25 августа 1946 г., С.В. Киселев смог приехать значительно позднее, только 16 декабря. В число их основных задач входило составление плана-проспекта будущего научного труда, выявление и систематизация источников, необходимых для его написания, определение состава исполнителей с монгольской стороны⁸⁷¹.

Прибыв в Улан-Батор И.Н. Устюжанинов выступил перед членами Комитета наук с докладом о предстоящей работе. На заседании присутствовали также представители правительства Монголии и ЦК МНРП. И в дальнейшем деятельность советских ученых по подготовке книги проходила в тесном контакте с руководством Монголии, в том числе лично с Х. Чойбалсаном. Постановлением ЦК МНРП и Совета министров МНР с монгольской стороны была также создана специальная комиссия для выявления и систематизации источников и материалов, которую возглавил Б. Ширендыб, и выделено необходимое финансирование для изучения и копирования документов и литературы⁸⁷². Комитет наук и другие учреждения предоставили своих сотрудников в помощь советским ученым. Согласованность действий и заинтересованность всех участников проекта в его реализации позволили за сравнительно небольшой срок провести огромную работу. Так, например, менее чем за три месяца было просмотрено свыше 35 тыс. наименований различных книг и рукописей, находящихся в Государственных архиве и библиотеке и в других учреждениях⁸⁷³.

⁸⁷⁰ Личное дело А.А. Бартановой // Научный архив ИМБТ СО РАН. № 1694.

⁸⁷¹ Письмо из ОИиФ в Президиум АН, 23 июня 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 5.

⁸⁷² Постановления Совмина МНР и ЦК МНРП, 10 октября 1946 г. Перевод с монг. яз. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 14.

⁸⁷³ Докладная записка о работе в МНР, 5 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 54–55. Докладная записка о работе в МНР, 5 марта 1947 г.

Кроме того, С.В. Киселев систематизировал многочисленные археологические материалы, хранящиеся в учреждениях Улан-Батора, и определил их хронологическую последовательность. Практически им была впервые создана общая сводка археологии Монголии, что позволило ему в дальнейшем определить основные направления и проблемы археологических исследований в стране. Итоги своей работы в Монголии зимой 1946–1947 гг. С.В. Киселев изложил в статье «Монголия в древности», оперативно опубликованной в 1947 г. в «Известиях АН СССР»⁸⁷⁴.

Составленный академической бригадой план-проспект «Истории Монголии» был также представлен на рассмотрение Х. Чойбалсану, Ю. Цеденбалу, политическим советникам полпредства СССР в МНР и послу СССР в МНР И.А. Иванову (1906–1948). В ходе его обсуждения в научном сообществе и в государственных структурах было решено к началу 1950 г. подготовить учебник для вузов (объемом 30 печатных листов) и средней школы (15–20 печатных листов) а к концу 1950 г. подготовить «капитальный» академический трехтомник по истории Монголии объемом 150 печатных листов. При этом монгольская сторона брала на себя основные расходы по реализации этих планов.

По результатам проделанной работы И.Н. Устюжанинов и С.В. Киселев представили в Президиум АН «Докладную записку о работе в МНР»⁸⁷⁵, в которой был приведен анализ всех выявленных исторических источников и материалов по разным периодам истории Монголии, намечены основные направления дополнительных изысканий и исследований и вопросы, требующиеся разработки для составления «Истории Монголии», в том числе обоснована необходимость проведения дополнительных археологических и этнографических исследований для освещения древнейшей, древней, средней и отчасти новой истории страны. В отчете указывалось, что монгольские научные и правительственные круги с

⁸⁷⁴ Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. № 4. С. 355–372.

⁸⁷⁵ Докладная записка, 5 марта 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 51–71.

этим согласны и «готовы обеспечить археологов и этнографов Академии наук СССР необходимыми средствами проведения предварительных археологических и этнографических исследований на территории МНР в 1947–1948 гг.»⁸⁷⁶.

Поскольку отчетность перед высшими партийными инстанциями являлась обязательным условием осуществления любой международной деятельности Академии наук, И.Н. Устюжанинов одновременно с «Докладной запиской» в Президиум Академии наук направил письмо с подробным изложением проведенной в Монголии работы в Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, куратору Управления идеологии и агитации ЦК ВКП(б), куда в это время входил Отдел науки.

Решение монгольского правительства о поддержке совместной работы по подготовке «Истории МНР» было официально доведено до Академии наук 1 апреля 1947 г. полномочным посланником МНР в СССР Н. Идамжабом. В своем письме от имени Комитета наук он обратился к Академии наук с просьбой принять на себя научное руководство и выполнение части работы по подготовке «Истории». Правительство Монголии, отмечал посланник, считает необходимым, чтобы трехтомный академический труд «История Монгольской Народной Республики» включал историю страны с первобытных времен до наших дней, изложенную «методами передовой исторической науки»⁸⁷⁷.

Н. Идамжаб подтвердил согласие Комитета наук «ввиду выяснившейся слабой обеспеченности материалами древнейшего периода истории Монголии, а также для ряда разделов, посвященных экономике и быту в более поздние времена» организовать в 1947 и в 1948 гг. археологическую и этнографическую экспедиции под руководством советских специалистов. Он также высказал пожелание монгольского правительства и лично маршала Х. Чойбалсана привлечь к работе над историей МНР местные силы, «учитывая большую важность

⁸⁷⁶ Письмо И.Н. Устюжанинова к А.А. Жданову, март 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 30.

⁸⁷⁷ Письмо Н. Идамжаба к С.И. Вавилову, 1 апреля 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 43–44.

совершенствования кадров монгольских историков». Под руководством специалистов из Академии наук они смогут, был уверен монгольский посланник, выполнить написание разделов новейшего периода. Кроме того, монгольская сторона подтвердила взятые на себя обязательства по финансированию подготовки «Истории МНР».

Получив официальное одобрение со стороны монгольского руководства, Президиум АН своим постановлением от 3 мая 1947 г. включил подготовку трехтомной «Истории Монголии» в пятилетний план научно-исследовательских работ Академии наук СССР⁸⁷⁸. Для выполнения этого большого исследовательского проекта при ОИиФ этим же постановлением была создана Комиссия по «Истории Монголии (МНР)». В ее состав вошли: академики Б.Д. Греков (академик-секретарь ОИиФН, директор Института истории), С.А. Козин, И.М. Майский, И.И. Мещанинов (1883–1967, директор Института языка и мышления), члены-корреспонденты Академии наук Е.М. Жуков (1907–1980, директор Тихоокеанского института АН) и А.Ю. Якубовский (1886–1953, Институт истории материальной культуры, руководитель Согдийско-Таджикской археологической экспедиции), профессора С.В. Киселев (Институт истории материальной культуры), Б.К. Рубцов (Тихоокеанский институт), И.Н. Устюжанинов и этнограф К.В. Вяткина (1882–1973). Возглавил Комиссию историк, вице-президент АН СССР академик В.П. Волгин (1879–1962). Комиссии поручалось через МИД СССР обратиться к правительству МНР с просьбой назначить представителей Комитета наук в ее состав, разработать и представить на утверждение Президиума АН подробный план работ по написанию «Истории», состав редколлегии трехтомника и авторов разделов. Кроме того, для регулирования выполнения этого международного проекта и правового обеспечения участия в работе советских ученых ей поручалось разработать

⁸⁷⁸ Выписка из протокола заседания, 3 мая 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. С. 103–104.

проект договора между Академией наук и Комитетом наук о подготовке «Истории МНР».

Надо отметить, что, несмотря на довольно длительный срок работы (рукопись книги в итоге была закончена только к лету 1954 г. вместо запланированного начала 1950 г.), состав Комиссии практически не изменялся. Со временем, не по своей воле из Комиссии вышли только И.М. Майский (в феврале 1953 г. был арестован) и И.И. Мещанинов (в 1950 г. отстранен от должности академика-секретаря Отделения языка и литературы АН и директора института в ходе идеологической кампании («борьбы с марризмом»)). Чуть позже Комиссия была незначительно расширена за счет специалистов, необходимость в которых выявилась в ходе текущей работы, как например, доктора исторических наук С.П. Толстова (1907–1976, директор Института этнографии и одновременно в 1952–1954 гг. Института востоковедения АН).

Для получения официального разрешения участвовать в этом международном проекте Президиум АН представил в Совет Министров проект постановления о совместной с Комитетом наук работе по подготовке «Истории МНР». В проекте указывалось, что работа над книгой будет осуществляться в 1947–1950 гг. и необходимым условием для ее выполнения является организация в 1948–1950 гг. Археолого-этнографической (в документах она часто называлась Историко-этнографической) экспедиции в Монголию.

Совет Министров СССР принял Постановление только осенью, 11 октября 1947 г. В результате долгого хождения проекта документа по инстанциям были сокращены сроки подготовки книги⁸⁷⁹. Правительство разрешало Академии наук «произвести составление научного труда» «История МНР» в период 1948–1949 гг. и для его подготовки направить в Монголию историко-этнографическую

⁸⁷⁹ В конце июня 1947 г. С.В. Киселев обратился к С.И. Вавилову с просьбой ускорить принятие правительством решения о работе археологической экспедиции в Монголии, так как в случае дальнейшей задержки экспедиция не сможет приступить к работе в 1947 г. Но, как оказалось, Совет Министров ожидал решения этого вопроса высшими партийными инстанциями (Письмо С.В. Киселева к С.И. Вавилову, 28 июня 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 133).

экспедицию сроком на 3 месяца только в 1948–1949 гг.⁸⁸⁰ Таким образом, из первоначального плана выпали 1947 и 1950 гг., т. е. вместо запланированных четырех лет работу предстояло выполнить за два года. Для научного сообщества это означало большие изменения в организации запланированных исследований.

В связи с этим С.В. Киселев направил академику В.П. Волгину докладную записку, в которой предложил в установленный Советом Министров двухгодичный срок написать не трехтомную, а однотомную, краткую «Историю Монголии» (25–30 печатных листов), «типа книги для чтения или университетского курса». И главный упор сделать на новейшем периоде истории МНР⁸⁸¹. Что же касается академического, трехтомного издания, то в утвержденные сроки можно провести только выявление источников, сбор и систематизацию архивно-этнографических материалов. В этом случае, полагал ученый, написание трехтомника может быть осуществлено в 1950–1951 гг. Предложение С.В. Киселева было принято, и постановлением Президиума АН от 17 апреля 1948 г. внесены коррективы в планы Академии наук. На 1948–1949 гг. запланировали: подготовку однотомной «Истории МНР»; организацию историко-этнографической экспедиции в Монголию; выявление архивных материалов в СССР и МНР для академического трехтомного издания «Истории МНР»⁸⁸². Окончательно план работы по составлению «Истории МНР» был утвержден Президиумом через два месяца, 21 июня 1948 г. В этом же постановлении были прописаны предложения Академии наук о порядке совместной работы, составе Главной редакции книги и авторских групп по написанию отдельных разделов⁸⁸³.

⁸⁸⁰ Постановление Совета Министров СССР № 3526–1153с от 11 октября 1947 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49а. Д. 4397. Л. 8.

⁸⁸¹ Докладная записка С.В. Киселева, ноябрь 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 134–138.

⁸⁸² Постановление Президиума АН, 17 апреля 1948 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1948. Д. 350. Л. 6.

⁸⁸³ Постановление Президиума АН, 21 июня 1948 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1948. Д. 350. Л. 34–36.

С российской стороны в Главную редакцию «Истории МНР» от Академии наук вошли: академики Б.Д. Греков (председатель), С.А. Козин, И.М. Майский, члены-корреспонденты Е.М. Жуков и А.Ю. Якубовский, доктор исторических наук С.В. Киселев, профессор И.Н. Устюжанинов (ответственный секретарь)⁸⁸⁴.

Для обсуждения с Комитетом наук разработанного порядка работы и ее сметы И.Н. Устюжанинов в июле 1948 г. был вновь командирован в Улан-Батор⁸⁸⁵. В его задачу также входило согласование с руководством Комитета наук текста «Соглашения между Комитетом наук МНР и Академией наук СССР о совместной работе» по написанию одно- и трехтомной «Истории МНР». Соглашение было подписано 28 декабря 1948 г. президентом АН СССР академиком С.И. Вавиловым и председателем Комитета наук МНР Б. Жаргалсайханом во время его пребывания в СССР⁸⁸⁶.

⁸⁸⁴ Приложение к Протоколу Комиссии, 17 мая 1948 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1948. Д. 350. Л. 33.

⁸⁸⁵ Протокол Комиссии, 2 июня 1948 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1948. Д. 350. Л. 49–50.

⁸⁸⁶ В сборниках: Монгол-оросын шинжлэх ухаан, соёлын харилцаа. Архивын баримтын эмхтгэл (1921–1960). Боть I (Монголо-российские научные и культурные связи. Сборник архивных документов (1921–1960). Том 1). Улаанбаатар, 2011. С. 263–265; Советско-монгольские отношения 1921–1974. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 141–144 «Соглашение между Комитетом наук МНР и Академией наук СССР о совместной работе по написанию одно- и трехтомной “Истории Монгольской Народной Республики”» ошибочно датируется 1946 г. Произошло это потому, что в обеих публикациях используется текст оригинала Соглашения на монгольском языке, хранящийся в Центральном национальном архиве Монголии (Ф. 23. Оп. 1. Д. 1236. Л. 1–6), на котором не проставлена дата. Составители сборников, по-видимому, соотнесли этот документ с «Соглашением об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР» от 27 февраля 1946 г., на который есть ссылка в преамбуле документа. Однако на оригинале «Соглашения» о написании «Истории МНР» на русском языке в Архиве РАН (Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 75–78) указана дата подписания «28 декабря 1948 г.». В этом же деле хранится и второй экземпляр оригинала на монгольском языке, также без даты. Кстати, в оригинале на русском языке документ называется «Соглашение Комитета наук МНР и Академии наук СССР на совместное составление истории Монгольской Народной

Соглашением подтверждалась договоренность двух научных учреждений написать в 1948–1949 гг. однотомник «История МНР» объемом 30 печатных листов и в 1950–1951 гг. провести сбор материалов и подготовительные работы по написанию трехтомной «Истории МНР» объемом около 140 печатных листов. В документе также были подробно расписаны этапы и порядок работы, исполнители, взаимодействие между советскими и монгольскими участниками, порядок финансирования, ответственность сторон.

В соответствии с распределением работ в Академии наук были организованы три авторские группы: первый раздел «Древнейший домонгольский период» писали сотрудники Института истории материальной культуры и Института этнографии АН СССР под руководством С.П. Толстова; второй раздел «От Чингис-хана до маньчжур» готовили сотрудники Института востоковедения и Института истории АН СССР во главе с академиком С.А. Козиным; третий раздел «Монголия эпохи автономии» – сотрудники Института востоковедения и Тихоокеанского института АН СССР во главе с академиком И.М. Майским. Четвертый раздел «Новейшая история» поручался монгольским историкам, их консультантом Президиум АН назначил И.Н. Устюжанинова. Со своей стороны Комитет наук также должен был создать рабочие группы по выявлению архивных материалов в монгольских архивах и написанию книги, а также направить своих сотрудников в Историко-этнографическую экспедицию. Принимать рукописи от авторов и заниматься их окончательным редактированием поручалось совместной Главной редакции. Координацию всей работы осуществляла Комиссия при ОИиФ по подготовке «Истории МНР» во главе с академиком С.А. Козиным; общее руководство возлагалось на академика-секретаря Отделения, председателя Главной редакции книги академика Б.Д. Грекова.

Большую часть финансовых расходов брал на себя Комитет наук: он оплачивал все работы по написанию «Истории» на территории Монголии, труд

Республики». Широко употребляемое сегодня название соглашения – его перевод на русский с монгольского языка.

авторов, расходы по подготовке рукописи к печати, перевод рукописи на монгольский язык (готовые рукописи по «Соглашению» представляются в Комитет наук на русском языке) и их издание.

Первый вариант российской части книги был закончен, как и планировалось, к концу 1949 г. В конце ноября ответственный секретарь Комиссии по ее подготовке И.Н. Устюжанинов был вновь командирован на три месяца в Улан-Батор, чтобы согласовать текст с Комитетом наук⁸⁸⁷.

Несмотря на достаточно оперативное формирование организационных структур разного уровня для реализации этого проекта и его нормативно-законодательного сопровождения, успешную работу Историко-этнографической экспедиции под руководством С.В. Киселева в 1948–1949 гг.⁸⁸⁸, активный поиск и выявление архивных материалов и работу авторского коллектива, завершить подготовку книги в срок, т. е. в начале 1950 г., по разным причинам не удалось.

Несомненно, сказались традиционные для крупных проектов сложности координации деятельности исследователей из разных институтов, кадровые и технические проблемы. Ситуация усугублялась невозможностью оперативного общения с Комитетом наук и необходимостью согласовывать с Восточным отделом МИД СССР любые контакты. Но нам представляется, что затягивание сроков во многом было связано с серьезными проблемами и определенной нервозностью в работе вследствие развернувшихся в этот момент как в СССР, так и в МНР идеологических кампаний.

Первые удары по научному сообществу начались, как известно, весной 1947 г. с обвинений в адрес философов за безыдейность, аполитичность, «объективизм» и «терпимость к идеализму» (оторванность философской мысли

⁸⁸⁷ Командировочное удостоверение И.Н. Устюжанинова, 28 ноября 1949 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1948. Д. 350. Л. 98.

⁸⁸⁸ Экспедиция С.В. Киселева за два полевых сезона 1948–1949 г. провела большую работу по изучению монгольских средневековых городов, прежде всего столицы Чингисхана – города Каракорума. См.: Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 371 с.

от классовых идей)⁸⁸⁹. В 1949 г. усилились идеологические проработки исторического сообщества. Направление и тон новой кампании задала передовая статья журнала «Вопросы истории» «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии», опубликованная в 1949 г., во 2-м номере⁸⁹⁰, как раз в разгар работы над «Историей Монголии». Автор заказной статьи призывал советских историков быть «страстными, воинствующими большевистскими пропагандистами», «идти в первых рядах борцов с буржуазной идеологией» и космополитизмом. Единственным исследовательским подходом, который давал возможность заниматься выявлением закономерностей развития человеческого общества, признавался метод исторического материализма.

Схожие процессы проходили и в Монголии. В декабре 1949 г. очередной пленум ЦК МНРП принял постановления «О книге для чтения аратов» и «О постановке преподавания истории и литературы в учебных заведениях», в которых осуждалось проявление национализма в учебных курсах и в отдельных публикациях. Под национализмом понимался немарксистский подход к истории страны, к оценке личности Чингисхана как национального героя, преувеличению его роли и значения в истории Монголии, в становлении ее государственности, в констатации отсутствия негативных моментов в оценке его завоевательных походов. Кроме того, осуждалось вообще преувеличение, с точки зрения партийных чиновников, роли личности и принижение роли народных масс в развитии страны, отмечалось недостаточное внимание к социально-экономическим вопросам, идеологические неточности в изложении биографий современных государственных деятелей Д. Сухэ-Батора, Х. Чойбалсана и других лидеров монгольского революционного движения⁸⁹¹.

⁸⁸⁹ См., напр.: *Кременцов Н.Л.* Советская наука и холодная война // Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 783–817; *Есаков В.Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83–106.

⁸⁹⁰ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3–13.

⁸⁹¹ История Монголии. XX век. М., 2007. С. 185.

Учитывая эти факторы, руководители проекта не торопились брать на себя ответственность за готовность текста «Истории МНР» без его широкого обсуждения и одобрения компетентными органами двух стран. Первое обсуждение рукописи в СССР прошло 25 мая 1950 г. на заседании Бюро ОИиФ Академии наук, в котором участвовал весь состав академической Комиссии по «Истории МНР» и приглашенные специалисты из разных учреждений⁸⁹².

Нетрудно было предположить, что наиболее спорными стали разделы, посвященные Чингисхану и Золотой Орде, которые были подготовлены членом-корреспондентом Академии наук А.Ю. Якубовским и другими авторами под его руководством. Он являлся одним из крупнейших специалистов по этой проблематике в Советском Союзе на тот момент. В 1937 г. вышла монография, написанная им совместно с Б.Д. Грековым, «Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи»⁸⁹³, и только что увидел свет ее дополненный и исправленный вариант «Золотая орда и ее падение»⁸⁹⁴, также подготовленная совместно с Б.Д. Грековым. В целом замечания к рукописи «Истории» носили непринципиальный характер. Однако учитывая историческую значимость раздела, Комиссия благоразумно решила дождаться публикации официальной рецензии на новую книгу А.Ю. Якубовского и Б.Д. Грекова и реакции на нее со стороны партийных органов. Следует сказать, что монгольские историки (и в целом руководство страны) не сразу приняли негативную интерпретацию личности и деятельности Чингисхана, предложенную советскими учеными. Но, учитывая идеологическое воздействие со стороны партийного руководства СССР, им пришлось согласиться с предложенными характеристиками создателя Монгольского государства как эксплуататора аратов и жестокого завоевателя.

⁸⁹² Справка о выполнении Соглашения, август 1951 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 22–36.

⁸⁹³ Якубовский А.Ю., Греков Б.Д. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л.: Соцэкгиз, 1937; 2-е издание: Ташкент; Самарканд: Учпедгиз Узб. ССР, 1940; 3-е издание: Л.: Госполитиздат, 1941.

⁸⁹⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Вторым проблемным разделом являлся обзор новейшей истории Монголии: описание революционных событий и строительства нового общества. Рукопись этой части книги направили на рецензию в Улан-Удэ, в Бурят-Монгольский НИИ культуры, где работали специалисты, хорошо знакомые с этим периодом истории Монголии.

Рецензия на «Золотую орду» Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского была напечатана в сентябрьском номере «Вопросов истории» за 1950 г.⁸⁹⁵ и в целом была положительной. Ее автором был историк-востоковед, преподаватель Саранского педагогического института М.Г. Сафаргалиев (1906– 1970), также специализирующийся на истории изучения Золотой Орды⁸⁹⁶. Никаких дополнительных указаний со стороны компетентных органов не поступило, и отредактированная рукопись с учетом замечаний, отмеченных в ходе обсуждения, в рецензии и полученных из Улан-Удэ, была представлена на утверждение председателя Главной редакции книги академика Б.Д. Грекова.

Степень готовности советской части рукописи «Истории» очень волновала Комитет наук, который стремился издать книгу к июлю 1951 г., к 30-летию Монгольской народной революции. В своем письме президенту Академии наук С.И. Вавилову председатель Комитета наук Ц. Дамдинсурэн просил учесть это обстоятельство и по возможности ускорить работу. Одновременно он просил начать подготовительные работы по составлению трехтомной «Истории МНР»⁸⁹⁷.

Надо сказать, что вопрос о трехтомной «Истории» на деле оказался весьма сложным. Выяснилось, что Президиум Академии наук не сопоставил текст Соглашения между Комитетом наук и Академией наук о подготовке «Истории МНР» с Постановлением Совета Министров от 11 октября 1947 г. В Соглашении

⁸⁹⁵ [Сафаргалиев М.Г.] Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 139–142.

⁸⁹⁶ Итогом многолетних исследований по этой теме стала монография: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 279 с.

⁸⁹⁷ Письмо Ц. Дамдинсурэна к С.И. Вавилову, 30 октября 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 2.

проведение Историко-этнографической экспедиции, без материалов которой невозможно было писать трехтомник, было запланировано на 1948–1950 гг., а проведение работ по трехтомнику на 1950–1951 гг., в то время как правительственный документ разрешал Академии наук организацию экспедиции только в 1948–1949 гг., а работы по трехтомнику вообще не предусматривались. Таким образом, получалось, что сотрудничество Академия наук и Комитета МНР по подготовке трехтомника не было санкционировано советскими директивными органами⁸⁹⁸. Мы полагаем, что это стало одной из причин того, что Политбюро 6 июня 1950 г. отклонило просьбу Президиума АН о посылке в Монголию историко-этнографической экспедиции в 1950 г.⁸⁹⁹ В связи с таким решением Президиум АН исключил подготовку трехтомника «Истории МНР» из плана научно-исследовательских работ на 1950 г.

На основании полученной информации С.И. Вавилов в письме к Ц. Дамдинсурэну от 28 ноября 1950 г. с сожалением констатировал, «что собранных до настоящего времени как в СССР, так и в МНР материалов совершенно недостаточно для написания «Истории Монгольской Народной Республики» в более развернутом виде, чем это сделано в одготомнике». Кроме того, «переход к дальнейшей углубленной разработке многих весьма важных вопросов» по истории Монголии требовал для соблюдения санкционированной «идеологической линии» предварительного обсуждения «некоторых общих положений», сформулированных в одготомной «Истории МНР»⁹⁰⁰.

После внесения дополнений и исправлений в рукопись Президиум Академии наук в конце 1950 г. направил ее в МИД СССР для передачи в Монголию, в Комитет наук. Однако прежде с ней решил ознакомиться посол

⁸⁹⁸ Докладная записка Спецотдела, 11 ноября 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 6–9.

⁸⁹⁹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 450.

⁹⁰⁰ Письмо С.И. Вавилова к Ц. Дамдинсурэну, 28 ноября 1950 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 34.

СССР в МНР Ю.К. Приходов (1906–1989). Он сделал целый ряд замечаний по освещению современной истории Монголии. Советского посла не удовлетворили, в частности, характеристики отдельных деятелей современной Монголии и их роль в описываемых событиях новейшего времени. К поправкам отнеслись с большим вниманием, поскольку советским авторам была не очень понятна политическая история Монголии XX в., особенно те обстоятельства, которые касались политкорректности в оценке деятельности тех или иных государственных и политических фигур Монголии в 1920–1930-х гг. После внесения необходимой правки рукопись была вновь направлена для согласования в советское посольство в Монголии.

Казалось бы, работа вот-вот должна закончиться. Но у Ю.К. Приходова вновь возникло много вопросов к тексту, исправлять которые Комиссия не торопилась, поскольку ее члены – профессиональные историки – с большинством из них были не согласны. Передача рукописи в Монголию опять задерживалась. В связи с этим в марте 1951 г. председатель Комитета наук Ц. Дамдинсурэн при личной встрече с новым президентом Академии наук А.Н. Несмеяновым (1899–1980)⁹⁰¹ обратился к нему с просьбой выяснить, как идет работа над «Историей Монголии». Теперь уже А.Н. Несмеянову, как не так давно С.И. Вавилову, потребовалось время и определенные административные усилия, чтобы разобраться с причинами затягивания советской стороной выполнения взятых на себя обязательств по подготовке книги.

Наконец, 29 июня 1951 г., состоялось совещание академической Комиссии по подготовке «Истории МНР», на котором были рассмотрены новые претензии Ю.К. Приходова к тексту, составленному советскими историками⁹⁰². Как показывает стенограмма заседания, Комиссия во главе с академиком Б.Д. Грековым не совсем поняла причину негативной оценки рукописи дипломатом. Работа широко обсуждалась, прошла, по выражению Главного

⁹⁰¹ Предыдущий президент Академии наук академик С.И. Вавилов умер 25 января 1951 г.

⁹⁰² Стенограмма совещания, 29 июня 1951 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 13–18.

редактора, «общественный просмотр», в котором участвовало около 100 человек, причем высказали свое мнение около 20 человек. Все замечания, в основном «шероховатости», были учтены, так же как и указания самого Ю.К. Приходова. Его претензии к разделам, написанным А.Ю. Якубовским («Чингис-хан и Золотая Орда») и С.В. Киселевым («Неолит»), Б.Д. Греков считал необоснованными, поскольку оба автора являлись крупнейшими специалистами и «свое дело знали».

В стенограмме заседания не приведены конкретные замечания Ю.К. Приходова. Судя по ходу обсуждения, в большинстве своем это были претензии к изложению исторических событий в свете действующих идеологических установок. Комиссия посетовала, что отсутствие Ю.К. Приходова в Москве не позволяет быстро снять поставленные вопросы и разъяснить их неправомерность, и решила, что только ряд его замечаний следует учесть, «чтобы не сделать политических ошибок»⁹⁰³.

Ход работы по подготовке «Истории МНР» был рассмотрен на заседании Президиума АН 24 августа 1951 г. Признавая необходимость «обеспечить высокий научный и идейно-политический уровень однотомника по истории МНР, являющегося важным опытом творческого содружества советских и монгольских ученых», Президиум принял ряд мер по скорейшему завершению работы и определил график их выполнения⁹⁰⁴. Новую редакцию рукописи предполагалось обсудить в декабре 1951 г. в Институте востоковедения АН (ответственный – заместитель директора Е.М. Жуков) с привлечением соответствующих специалистов из других институтов Академии наук, а также представителей заинтересованных учреждений и ведомств СССР. До этого планировалось получить замечания Комитета наук и посольства СССР в МНР. Окончательный вариант текста книги с учетом всех замечаний должен был быть подготовлен к печати в первом квартале 1952 г. Принять рукопись однотомника поручалось Комиссии в составе вице-президента АН СССР академика В.П. Волгина

⁹⁰³ Там же.

⁹⁰⁴ Постановление Президиума, 24 августа 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 4. Л. 125–128.

(председатель), академиком Б.Д. Грекова и И.М. Майского, члена-корреспондента Е.М. Жукова, профессора С.П. Толстова и кандидата исторических наук С.Д. Дылыкова (1912–1999, ИВ АН СССР).

Отчет о проделанной работе по контролю над ходом подготовки «Истории МНР» и постановление Президиума АН по этому вопросу были высланы в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова⁹⁰⁵, который, в свою очередь, перенаправил его в Отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б) для «оценки ситуации» и дальнейшего контроля. После проведенной проверки Отдел науки уведомил Г.М. Маленкова, что меры, принятые Президиумом Академии наук по завершению работы над книгой, являются правильными⁹⁰⁶.

В соответствии с разработанным графиком, в начале октября 1951 г. в Комитет наук были отправлены три экземпляра рукописи. В сопроводительном письме А.Н. Несмеянов просил «организовать на месте ее обсуждение и выслать в Академию наук, по возможности в кратчайший срок, свои замечания и пожелания» для окончательной редподготовки⁹⁰⁷.

Но теперь уже Комитет наук не укладывался в запланированные сроки. Через два месяца, 14 декабря, А.Н. Несмеянов повторил свою просьбу: как можно быстрее направить в Академию наук замечания и предложения монгольской стороны, так как в конце декабря 1951 г. предполагалось подведение итогов выполнения совместного проекта. Однако рецензирование рукописи монгольскими историками затянулось, и замечания были присланы только через год, в декабре 1952 г. Такая продолжительная задержка была связана с желанием монгольских историков отразить, хотя бы кратко, деятельность в последние годы жизни главы Монголии маршала Х. Чойбалсана, умершего 26 января 1952 г. В связи с этим обстоятельством Комитет наук просил советских коллег также

⁹⁰⁵ Письмо к Г.М. Маленкову, август 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 4. Л. 122–124.

⁹⁰⁶ Письмо Отдела науки к Г.М. Маленкову, 21 сентября 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 4. Л. 129.

⁹⁰⁷ Письмо А.Н. Несмеянова в Комитет наук 5 октября 1954 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 40.

продолжить изложение истории с 1950 по 1952 г. Е.М. Жуков, который фактически возглавил в этот период работу по проекту, посчитал, что для написания этого раздела и в целом доработок текста целесообразно пригласить монгольских историков – членов Главной редакции Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа (1918–2001), Б. Цэдэна и Ж. Тумурбатора⁹⁰⁸. Президент Академии наук согласился с этим предложением, и монгольские истории прибыли в Москву.

Со своей стороны, Президиум АН для завершения работы в декабре 1952 г. утвердил новых членов редакционной группы. В ее состав вошли историк-археолог С.В. Киселев, историки-востоковеды, синологи и монголоведы Института востоковедения Академии наук Л.И. Думан (1907–1979), Б.И. Панкратов (1892–1979), А.Т. Якимов (1895–1976), И.Я. Златкин (1898–1990), Н.П. Шастина, С.Д. Дылыков и представитель МИД СССР С.С. Дашьян. К авторской работе были привлечены также сотрудники Института востоковедения, специалисты по истории Монголии современного периода А.М. Печников, Г.И. Михайлов, И.Н. Устюжанинов и Н.Т. Варгин. Таким образом, все работы по подготовке «Истории МНР» с 1951 г. сосредоточились в основном в Институте востоковедения АН СССР, который годом раньше был переведен из Ленинграда в Москву и в состав которого вошел Тихоокеанский институт.

Весь следующий год шли доработки, согласование, перепечатка, переводы и другие технические работы, связанные с редподготовкой рукописи. Подготовку книги контролировал Отдел науки при ЦК КПСС, куда в ноябре 1953 г. был отправлен подробный отчет о ходе работы, составленный С.В. Киселевым, Е.М. Жуковым и А.М. Печниковым⁹⁰⁹.

Авторское редактирование рукописи закончилось только в марте 1954 г. и, наконец, в конце августа 1954 г. члены монгольской части Главной редакции

⁹⁰⁸ Письмо Е.М. Жукова к А.Н. Несмеянову, 3 февраля 1953 г. // Там же. Л. 41; Письмо А.Н. Несмеянова в Комитет наук, февраль 1953 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 69. Л. 6.

⁹⁰⁹ Докладная записка в Отдел науки ЦК КПСС, ноябрь 1953 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 44–52.

однотомника доложили руководству Комитета наук об окончании работы. В Постановлении Президиума Комитета наук от 1 сентября 1954 г. отмечалось: «Составление совместными силами ученых СССР и МНР первого марксистского обобщающего труда по истории монгольского народа является крупным событием в культурной жизни страны и еще одним ярким свидетельством огромной помощи Академии наук СССР в деле развития науки в нашей стране»⁹¹⁰. Комитет наук постановил одобрить работу Главной редакции и всего авторского коллектива; выразить глубокую признательность Президиуму АН СССР и всем советским ученым, принимавшим участие в написании книги, и поручил издать «Историю МНР» в количестве 50 000 экземпляров в ноябре 1954 г.

Однотомник «История Монгольской Народной Республики» вышел в свет одновременно на русском и монгольском языках. В предисловии были упомянуты все, кто принимал участие в его подготовке. В составе Главной редакции указаны от АН СССР: академики Б.Д. Греков (умер в сентябре 1953 г., до выхода книги в свет), С.А. Козин, члены-корреспонденты А.А. Губер (1902–1971), Е.М. Жуков, С.В. Киселев; от Комитета наук: Б. Ширендыб, Ц. Дамдинсурэн, Ш. Нацагдорж, Ц. Пунцагноров.

В авторской работе по написанию текстов приняли участие: А.Н. Бернштам (1910–1956), С.В. Киселев, Ш. Нацагдорж, Б. Ширендыб, А.Ю. Якубовский, Л.И. Думан, С.Д. Дылыков, И.Я. Златкин, Г.И. Михайлов, Б.И. Панкратов, Л.С. Пучковский, П.П. Старицына, Ж. Тумурбатор, И.Н. Устюжанинов, Б. Цэдэн, Н.П. Шастина, А.Т. Якимов. При составлении текста использовались материалы, представленные Л.Л. Викторовой и Р.В. Хабаевой.

Редактированием рукописи занимались: Л.И. Думан, С.Д. Дылыков, И.Я. Златкин, П.П. Старицына, Н.П. Шастина, А.Т. Якимов. В рецензировании участвовали Н.Т. Варгин, А.Н. Насонов, Х. Перлээ, А.М. Печников, П.В. Погорельский, Д. Томор-Очир, И.Н. Устюжанинов, П.И. Хадалов, Д. Шараб,

⁹¹⁰ Постановление Президиума КН МНР, 1 сентября 1954 г. // Там же. Л. 54.

И.Г. Юрьев и коллектив научных сотрудников НИИ культуры Бурят-Монгольской АССР⁹¹¹.

Таким образом, был завершен один из самых продолжительных и значимых как в научном, так и в идеологическом и политическом отношении совместных гуманитарных проектов Академии наук СССР и Комитета наук МНР в первые послевоенные годы.

Несомненно, в условиях усиленного идеологического давления на историческое сообщество конца 1940-х – начала 1950-х гг. эта книга была запрограммирована стать образцом идеологически выверенной науки. Но, как нам представляется, так однозначно ее нельзя трактовать, за исключением, разумеется, содержания последнего раздела, где описана история революционных и последующих событий. Научная значимость «Истории Монгольской Народной Республики» определялась прежде всего тем, что в книге впервые была систематизирована история Монголии за такой огромный период – с древнейших времен до 1952 г., для чего были проанализированы все выявленные на тот момент исторические источники и материалы в хранилищах СССР и Монголии. Важным также является тот факт, что большинство ее разделов были написаны крупнейшими в то время специалистами – историками и археологами. Нельзя также переоценить ее значение для распространения исторических знаний о Монголии, взаимосвязи ее истории с историей других народов и стран в самой Монголии и за ее пределами.

Примерно через год после выхода в свет однотомной «Истории МНР» появилась официальная рецензия на этот труд. Она была подготовлена сотрудниками Ленинградского отделения Института востоковедения З.И. Горбачевой и И.И. Иоришем и опубликована в журнале «Коммунист»⁹¹² – печатном органе

⁹¹¹ История Монгольской Народной Республики / Гл. ред.: Б.Д. Греков, Б. Ширендыб и др. М.: Изд-во АН СССР и Комитета наук МНР, 1954. 422 с.

⁹¹² Горбачева З.И., Иориш И.И. Полезный труд по истории монгольского народа [Рец. на:] История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР и Комитета наук МНР, 1954 // Коммунист. 1955. № 17. С. 112–119.

ЦК КПСС. В развернутом анализе авторы отметили как позитивные моменты использование широкого круга источников, включая монгольские, маньчжурские и китайские, обширную библиографию на русском, монгольском, китайском и западноевропейских языках, серьезный справочный аппарат (карту Монголии, хронологию важнейших событий, словарь терминов, именной и географический указатели), оценили трудности в освещении такого большого исторического периода, и указали, как того и требует формат рецензии, на ряд недостатков. Таковых оказалось немного. Часть из них касалась теоретических проблем (например периодизации истории Монголии, иногда излишней категоричности при недостаточности доказательной документальной базе по некоторым вопросам и др.), часть – интерпретации исторических событий новейшего периода, их иногда встречающейся несогласованности с официальной версией. Но в целом авторы рецензии признали, что была проделана очень большая работа, а сама книга является ценным вкладом в изучение истории Монголии.

Совместная работа Комитета наук Монголии и Академии наук СССР над однотомником «История МНР» сыграла определяющую роль для развития исторической науки в Монголии, ее кадрового усиления. Все монгольские исследователи, участвовавшие в работе над книгой, в дальнейшем стали авторитетными учеными и внесли значимый вклад в развитие этого научного направления в стране. Кроме того, работа над «Историей» стимулировала развитие археологических и этнографических работ в Комитете наук, заставила обратить более пристальное внимание на учет и хранение исторических источников в архивах и библиотеках страны.

В начале 1960-х гг., в условия произошедших социально-политических изменений в СССР и в Монголии после смерти И.В. Сталина и Х. Чойбалсана, началась работа по подготовке нового, дополненного и переработанного варианта однотомной «Истории МНР». Общая концепция книги осталась прежней. Вместе с тем активное развитие собственных монгольских исследований в области истории,

археологии, этнографии позволило расширить содержание книги, дополнить ее новыми главами, прежде всего посвященным истории культуры монголов. В книгу был также добавлен материал, описывающий произошедшие в стране с 1952 до середины 1960-х гг. перемены, и внесены изменения в оценку деятельности Х. Чойбалсана, связанные с осуждением его культа личности. Однако, в целом, интерпретация событий в Монголии в 1920–1940-х гг. и характеристика государственных и партийных деятелей осталась прежней.

В состав Главной редакции нового издания вошли многие участники подготовки публикации 1954 г. и новые участники проекта. Академию наук СССР представляли: академики Е.М. Жуков и А.А. Губер, доктор исторических наук Г.Ф. Ким, кандидат исторических наук С.Д. Дылыков; Академию наук МНР – академики Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж, кандидаты исторических наук Х. Пэрлээ и Ш. Бира. Новые главы и параграфы написали монгольские историки: Н. Инжаманц, Ш. Бира, Г. Цэрэндорж, Б. Ширендыб, Ш. Сандаг, М. Санждорж, Д. Дугар, Б. Тудэв, Д. Дашжамц. В редактировании книги на русском языке принимали участие Л.И. Думан, И.Я. Златкин, Л.А. Евтюхова, Г.Д. Санжеев, П.П. Старицына, С.К. Роцин, Н.П. Шастина, А.Т. Якимов, Л.М. Гатауллиная, Г.С. Матвеева.

Книга вышла из печати в 1967 г., также на русском⁹¹³ и монгольском языках, и являлась основным пособием по истории МНР до 1983 г., когда было подготовлено и опубликовано уже третье, дополненное и переработанное издание. Его инициатором вновь выступил Б. Ширендыб. В этом издании «Истории МНР» также участвовали советские историки и монголоеды⁹¹⁴. Главную редакцию возглавили от Академии наук СССР академик А.П. Окладников, С.Д. Дылыков и И.С. Казакевич. От Академии наук МНР – академики Ш. Бира и Ш. Нацагдорж, член-корреспондент Х. Пэрлээ.

⁹¹³ История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. Е.М. Жуков, Б. Ширендыб и др. 2-е изд., перераб и доп. М.: Наука, 1967. 537 с.

⁹¹⁴ Работа советских историков, как и прежде, проходила под наблюдением Отдела науки ЦК КПСС. Однако времена изменились. Особого давления со стороны партийных органов, по воспоминаниям советских участников проекта (С.К. Роцин, М.И. Гольман – ИВ АН СССР), не было, скорее, присутствовал контроль над выполнением утвержденного плана работ.

Третье издание «Истории Монгольской Народной Республики» (1983)⁹¹⁵ стало одним из крупнейших достижений монгольской исторической науки и советского монголоведения и продемонстрировало высокий профессиональный уровень монгольских историков, их широкие международные связи.

Что касается трехтомной «Истории Монголии», то она была подготовлена силами уже только монгольских историков, при консультационной поддержке советских ученых, и в 1966–1969 гг. издана на монгольском языке⁹¹⁶. Несомненно, важным фактором реализации этого проекта явился опыт, приобретенный в совместной работе над однотомником. Как писали советские рецензенты, трехтомная «История МНР» стала свидетельством «зрелости марксистской исторической науки в Монголии на современном ее этапе»⁹¹⁷. Эта книга была с интересом встречена в международном сообществе монголоведов. В 1976 г. издательство Гарвардского университета выпустило третий том «Истории Монгольской Народной Республики» в переводе на английский язык⁹¹⁸.

Сегодня, когда монгольские историки много и плодотворно занимаются разработкой истории страны, применяя различные современные методологические подходы, используя документы и материалы многочисленных национальных и зарубежных архивов, работая в тесном контакте с

⁹¹⁵ История Монгольской Народной Республики / Гл. ред: А.П. Окладников, Ш. Бира и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1983. 661 с.; Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх / Ред. Ш. Бира, А.П. Окладников. Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1984.

⁹¹⁶ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Боть 1–3 (История Монгольской Народной Республики. Т. 1. Древнейший период – XVII в.; Т. 2. 1604–1917; Т. 3. Новейший период). Улаанбаатар, 1966–1969.

⁹¹⁷ Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Горохова Г.С., Дылыков С.Д., Златкин И.Я., Матвеева Г.С. [Рец. на:] История Монгольской Народной Республики. Улаанбаатар. Т. 1 (Древнейший период – XVII в.). 1966; Т. 2. (1604–1917); 1968. Т. 3. (Новейший период). 1969 // Народы Азии и Африки. 1971. № 3. С. 170–176.

⁹¹⁸ History of the Mongolian People's Republic / Ed. B. Shirendev, transl. from the Mongolian and annotated by W.R. Brown and U. Onon. Cambridge, East Asian Research Center: Harvard University Press, 1976. 926 p.

международным научным сообществом, однотомник «История МНР» (1954) остается важным свидетельством становления исторической науки в Монголии и уникальным источником для анализа кардинальных перемен, произошедших в оценке исторических событий в стране и характеристиках исторических персонажей в XXI в.

Из сказанного выше можно сделать следующие заключения.

Подготовка первого издания однотомника «История МНР» характеризует собой определенный прорыв, который совершила тогда еще молодая монгольская историческая наука при поддержке советских ученых в освоении современных методологических и методических подходов к источникам, их интерпретации, в подготовке национальных кадров историков, в развертывании широких исторических и археологических исследований в стране. В результате продолжения работы над историей страны силами монгольских историков в 1966–1969 гг. была издана трехтомная «Истории Монголии» на монгольском языке. Несомненно, важную роль в реализации этого проекта сыграл опыт совместной с советскими историками работы над однотомником «Истории». Нельзя также переоценить значение «Истории МНР» (1954) для распространения исторических знаний о Монголии, о взаимосвязи ее истории с историей других народов Азии и Европы в самой Монголии и за ее пределами.

В то же время совместная работа советских и монгольских историков над книгой «История МНР» была важным не только проектом, научным, но и политическим и идеологическим, которому уделяли большое внимание монгольские и советские государственные и партийные органы.

§ 4.3. Взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук МНР по организации и проведению научных экспедиций

Освещается сотрудничество Академии наук и Комитета наук по организации и проведению Монгольской историко-этнографической (1948–1949), Монгольской палеонтологической (1946–1949) и Монгольской

сельскохозяйственной (1947–1951) экспедиций, которые были организованы разными академическими учреждениями; их взаимодействие с Комитетом наук; основные итоги деятельности и ее значение для развития соответствующих научных направлений в Комитете наук. Особое внимание уделяется подробному анализу мотивации их организации, административным трудностям в их подготовке и реализации в условиях государственного контроля над международной научной деятельностью Академии наук и воздействия на ее содержание.

4.3.1. Монгольская историко-этнографическая экспедиция (1948–1949)

Рассмотрена организация Монгольской историко-этнографической экспедиции под руководством С.В. Киселева, ее цели, задачи, значение для подготовки «Истории МНР»; роль С.В. Киселева в определении проблематики исследования; формы участия в работе Комитета наук; ее основные результаты.

Работа по подготовке «Истории МНР» выявила необходимость организации широких археологических и этнографических исследований в Монголии для освещения целого ряда вопросов истории древнего и раннего средневекового периода. С этой целью в Соглашении между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР по написанию «Истории МНР» как одно из обязательных условий реализации этого проекта было указано проведение Историко-этнографической экспедиции в Монголии (см. § 4.2). Ее инициатором выступил С.В. Киселев. Он был включен в состав «академической бригады», которая была сформирована решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 июля 1946 г. для оказания помощи монгольским ученым в подготовке «Истории МНР». Ее основной целью, как было указано ранее, являлось выявление и систематизация источников для написания «Истории МНР», составление плана-проспекта книги и определение состава исполнителей с монгольской стороны. В задачи непосредственно С.В. Киселева входила, как он писал в докладной записке в Монгольскую комиссию АН в ноябре 1946 г., «мобилизация археологических материалов», уже собранных

научными силами Монголии, и составление плана археологических исследований на ближайшие годы⁹¹⁹.

С.В. Киселев являлся одним из крупнейших специалистов по древней и средневековой истории Сибири и Центральной Азии, занимал должность заместителя директора ИИМК АН в Москве, преподавал на историческом факультете МГУ. С 1927 г. он участвовал в ряде археологических экспедициях в Забайкалье, Алтае, Южной Сибири, во второй половине 1930-х гг. на протяжении нескольких лет возглавлял Саяно-Алтайскую экспедицию ИИМК и Государственного исторического музея⁹²⁰. Материалы полевых исследований были положены в основу его большого обобщающего труда «Древняя история Южной Сибири» (1949)⁹²¹. Изучение территории Монголии С.В. Киселев рассматривал как закономерное продолжение своих археологических исследований в сопредельных областях России.

В Монголии С.В. Киселев провел три месяца, с 16 декабря 1946 г. до середины февраля 1947 г. За время командировки он изучил археологические материалы музейных фондов в Улан-Баторе, определил их датировку, «место в процессе культурного развития страны» и выделил основные проблемы, которые требовали разработки для подготовки «Истории МНР»⁹²². Его работа проходила при поддержке и активном участии монгольских исследователей. В публикации по итогам командировки С.В. Киселев выразил благодарность председателю Комитета наук Б. Жаргалсайхану, ученому секретарю Б. Содному, заведующему Кабинетом истории Ш. Нацагдоржу, директору Национального музея

⁹¹⁹ Докладная записка С.В. Киселева, 13 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

⁹²⁰ О С.В. Киселеве см., напр.: *Пасек Т.С.* Памяти С.В. Киселева // Советская археология. 1963. № 2. С. 54–56; С.В. Киселев // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 67–68; *Окладников А.П.* С.В. Киселев – исследователь древних культур Северной и Центральной Азии // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука СО, 1975. С. 3–7.

⁹²¹ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 362 с.

⁹²² *Мерперт Н.* Предисловие // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 6.

Б. Дамбарабжаа и всем сотрудникам Комитета наук, которые оказали ему, как он отметил, всестороннюю и дружескую помощь в изучении коллекций.

Результатом работы С.В. Киселева в Улан-Баторе стала большая статья «Монголия в древности», оперативно подготовленная к печати и опубликованная в «Известиях АН СССР» в 1947 г.⁹²³ Она представляла собой фактически первую полную систематизированную опись (сводку) археологических находок, которые имелись в Комитете наук и музеях Улан-Батора. На основании изучения всего комплекса источников С.В. Киселев констатировал, что «для написания подлинно научной и полной истории МНР необходимо провести большую исследовательскую археологическую работу, рассчитанную на ряд лет»⁹²⁴. Имеющегося материала, отмечал ученый, явно недостаточно. Археологические источники для написания доисторического (каменный век, бронзовый век) и древнего (тюркский, уйгурский, киданьский каганаты) периодов практически отсутствовали. С.В. Киселев выделил как наиболее обеспеченный материалами только гуннский период (с III в. до н. э. до III в. н. э.)⁹²⁵. Основу этой коллекции составили находки в Ноин-Уле в 1924–1927 гг., сделанные Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова, Г.И. Боровкой и А.Д. Симуковым. Нехватка материалов наблюдалась и для описания средневековой эпохи монголов, прежде всего так интересовавшего С.В. Киселева вопроса возникновения и развития монгольских городов этого периода⁹²⁶.

Таким образом, анализ материалов Комитета наук и известных публикаций показал, что к середине 1940-х гг. в археологическом отношении Монголия была еще очень слабо изучена. Из академических исследований можно упомянуть только Орхонскую экспедицию В.В. Радлова, осуществленную в 1891 г., работы Н.М. Ядринцева и Д.А. Клеменца, выполненные ими в составе Орхонской

⁹²³ Киселев С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. № 4. С. 355–372.

⁹²⁴ Там же. С. 372.

⁹²⁵ Докладная записка, 5 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 55–56.

⁹²⁶ Там же. Л. 56–57.

экспедиции и самостоятельно, по заданию Академии наук. Последние на тот момент археологические раскопки в Монголии были произведены, как указывалось выше, в захоронениях хунну в горах Ноин-Ула в 1924–1927 гг. Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова (см. подпараграф 2.1.2), Г.И. Боровкой – в рамках экспедиции, организованной Монгольской комиссией⁹²⁷, и сотрудником Ученого комитета А.Д. Симуковым⁹²⁸.

Описание исторических памятников (древних городищ, каменных надгробных плит, оленных камней) производилось чаще. Но делали это в основном не специалисты-археологи, а исследователи других специальностей (В.И. Лисовский, М.И. Клягина-Кондратьева, В.М. Казакевич и др.)⁹²⁹, для которых археологические наблюдения были «сопутствующими» по отношению к основным задачам их экспедиций. Информацию о нахождении интересных старинных вещей, захоронений, стел, камней с писаницами или остатков поселений доставляли в Комитет наук также местные жители. Детальное обследование остатков монгольских поселений по поручению Комитета наук в 1933–1934 гг. произвел российский исследователь Д.Д. Букинич (1902–1939) в ходе своей Хангайской археологической экспедиции.

⁹²⁷ Г.И. Боровка обследовал также долину р. Толы. См.: *Боровка Г.И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Л. 43–88. (Северная Монголия. Т. II).

⁹²⁸ *Симуков А.Д.* Отчет о раскопках двух курганов в падах Судзуктэ и Цзурумтэ // *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. 3. Ч. 1. Осака, 2008. С. 40–45; *Юсупова Т.И.* (подг. публ. и коммент.). Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой // *Mongolica–VII*. СПб., 2007. С. 102–109.

⁹²⁹ *Клягина-Кондратьева М.И.* Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангай Сум, Хийдийн Судалгаа (Монгольская буддийская культура: изучение монастырей и храмов в Кентее и Хангае) / Ed. by С. Чулуун, Т.И. Юсупова. Osaka: National Museum of Ethnology, 2013. 209 p. (*Senri Ethnological Reports*. Vol. 113); *Казакевич В.А.* I. Намогильные статуи в Даринганге. II. Поездка в Дарингангу. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 64 с.

В архиве Комитета наук и его Кабинете истории хранились отчеты по проведенным работам, большинство из которых не было опубликовано, а также обширная фототека археологических памятников. Именно этот уникальный материал стал основой для систематизации и каталогизации имевшегося в научных учреждениях Улан-Батора материала. Для датировки артефактов С.В. Киселев использовал публикации российских (П.К. Козлов, Г.П. Сосновский (1899–1941), В.В. Радлов, А.Н. Бернштам, К.В. Тревер (1892–1974) и др.) и зарубежных авторов (J.G. Grano, R. Andrews, A. Stein (1862–1943), A. Salmony (1890–1958) и др.), которые проводили свои исследования в Монголии и на сопредельных территориях России и Китая, или изучали собранные здесь коллекции.

Свою программу археологических и этнографических исследований Монголии от бронзового века до времени Чингисхана, рассчитанную на три года, с 1947 по 1949 г.⁹³⁰ С.В. Киселев представил в Комиссию Академии наук по подготовке «Истории» и в Комитет наук. В первую очередь, в соответствии со своими собственными исследовательскими планами, он предполагал начать изучение средневековых монгольских городов. К тому же от результатов работ по монгольским оседлым поселениям во многом зависела интерпретация монгольского феодализма – одной из актуальных проблем на тот момент в изучении истории Монголии. С.В. Киселев, основываясь на своих предыдущих раскопках в Южной Сибири, поставил под сомнение господствовавшую тогда среди историков гипотезу о его чисто кочевом характере. В связи с этим у него была сильная личная мотивация начать работы в Монголии для проверки своих предположений. Поэтому еще на стадии подготовки к командировке в Улан-Батор С.В. Киселев отметил как одну из основных задач поездки организацию археологических исследований «в бассейне реки Орхон в местности Хошо-

⁹³⁰ Докладная записка И.Н. Устюжанинова и С.В. Киселева о работе в МНР, 5 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 51–71; План археологической экспедиции в Монголию в 1947 г. // Там же. Л. 27–130; Отчет С.В. Киселева в Монгольскую комиссию, апрель 1947 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 12. Раздел 6. Д. 24. Л. 157–158.

Цайдам, на месте некрополя древне-тюркских каганов VII–VIII вв., на месте древней уйгурской столицы Хара-Балгасуна, а также на развалинах столицы Чингизидов Каракоруме»⁹³¹. К этим планам С.В. Киселева с пониманием отнеслись коллеги. ИИМК даже предусмотрел в своей смете на 1947 г. «известную сумму денег» для подготовительного этапа работы в Москве⁹³². Несомненно, необходимость выявления материалов по проблеме постоянных средневековых монгольских поселений для написания «Истории МНР» могла стать одним из сильнейших аргументов для получения официального разрешения на проведение экспедиции.

Знакомство с материалами Комитета наук еще более укрепило С.В. Киселева в стремлении начать изучение монгольских средневековых городов. В связи с этой проблемой особенно «выдающийся интерес» для него представила «картотека древностей» – список остатков городских укреплений и просто укрепленных поселений, составленный сотрудником Комитета наук Х. Пэрлээ (1911–1983), и отчет Д.Д. Букинича со съемками уже известных С.В. Киселеву (Хара-Балгасын на Орхоне, Цаган-суме и столицы Чингизидов – Хара-Хорина) и одного неизвестного ему поселения (около холма Чин Тологой). Эти материалы стали для С.В. Киселева важными аргументами для обоснования необходимости проведения археологических исследований древнемонгольских городов, поскольку они позволяли расширить представление об историческом развитии Монголии в доманьчжурский период⁹³³. В докладной записке в Президиум АН он, в частности, указывал: «Уже сейчас можно сказать, что схема “кочевого феодализма” применительно к монголам Чингизидов страдает односторонностью. Исправить это можно только с помощью археологии»⁹³⁴.

⁹³¹ Докладная записка С.В. Киселева, 13 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

⁹³² Там же.

⁹³³ *Киселев С.В.* Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. № 4. С. 370; Докладная записка, 5 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 55–56.

⁹³⁴ Там же. Л. 57.

Для выявления материалов, недостающих для написания «Истории МНР», одновременно с археологическими работами С.В. Киселев считал важным провести также этнографические исследования. Для обоснования необходимости их организации он использовал в том числе и идеологическую аргументацию: потребность в изучении монгольского этнографического материала «с применением марксистско-ленинской методологии»⁹³⁵. В связи с этим в своей докладной записке он просил Президиум АН «обеспечить возможность» проведения совместно с Комитетом наук МНР не только археологической, но и этнографической экспедиции, которые можно объединить⁹³⁶. Общий план работ по составлению «Истории МНР» и план конкретно на 1947 г. С.В. Киселев представил в Комиссию АН после возвращения из командировки⁹³⁷.

Следует отметить, что проведение археологических исследований в Монголии планировалось и ранее, в рамках деятельности Монгольской комиссии. В этих работах был очень заинтересован Комитет наук (тогда Ученый комитет). Однако по разным причинам после 1926 г. они так и не состоялись (в первые годы – из-за отсутствия археологов, желающих работать в Монголии, затем – из-за переориентации Комиссии на исключительно прикладные направления работы).

Конкретно о желательности раскопок в Каракоруме в частности говорил в декабре 1925 г. на одном из первых заседаний Монгольской комиссии, тогда еще СНК СССР, академик С.Ф. Ольденбург. Ввиду значительной стоимости предполагаемых работ члены Комиссии предложили рассмотреть этот вопрос позже⁹³⁸. Однако в дальнейшем в представляемых археологических проектах

⁹³⁵ План этнографических работ на 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 132.

⁹³⁶ Докладная записка, 5 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 71.

⁹³⁷ План археологической экспедиции // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 127–130; План этнографической экспедиции // Там же. Л. 131–132.

⁹³⁸ Протокол заседания Монгольской комиссии, 30 декабря 1925 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 7. Папка 116. Д. 28. Л. 11–11 об.; Письмо секретаря Монгольской комиссии к С.Ф. Ольденбургу, 30 января 1926 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 1. Л. 5.

Каракорума не было. В Договоре 1929 г. между Академией наук и Ученым комитетом были запланированы археологические работы только в Ноин-Уле⁹³⁹.

В 1947 г. С.В. Киселев планировал начать подготовительные работы в долине среднего течения реки Орхон и на развалинах Каракорума, а также небольшие рекогносцировочные исследования в других местах, где были выявлены остатки поселений и обнаружены надписи на камнях, для копирования последних. Основные археологические раскопки в Каракоруме и Хара-Балгасуне намечалось провести в 1948–1949 гг. При этом Комитет наук на 1948 г. обязался выделить 50 000 тугриков при условии включения в состав экспедиции монгольских исследователей⁹⁴⁰.

Пока С.В. Киселев продолжал работу в Монголии, Н.И. Устюжанинов, руководитель академической бригады, представил совместно написанную ими докладную записку о проведенных работах и задачах по организации работ в Отделение истории и философии АН, а также направил отчет в Отдел науки ЦК ВКП(б)⁹⁴¹. В директивных органах отчет был одобрен, и Президиум Академии наук 3 мая 1947 г. утвердил план мероприятий Академии наук по написанию «Истории МНР», в число которых входила организация в 1947–1949 гг. археологической и этнографической экспедиции в МНР. За разрешением учредить такую экспедицию Президиум обратился в Совет Министров СССР⁹⁴². Но даже при том, что ИИМК АН, на базе которого планировалась экспедиция, выделил деньги на ее подготовительный этап в Москве, а монгольская сторона была готова оплатить работу экспедиции на своей территории, тяжелое бюрократическое колесо раскручивалось не так быстро, как того хотели ученые.

⁹³⁹ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 170.

⁹⁴⁰ План археологической экспедиции на 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 129.

⁹⁴¹ Письмо И.Н. Устюжанинова к А.А. Жданову, март 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 30.

⁹⁴² Постановление Президиум АН, п. 5, 3 мая 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 104.

В июне 1947 г. С.В. Киселев обратился к президенту Академии наук С.И. Вавилову с просьбой ускорить получение разрешения на работу экспедиции, поскольку уже начался полевой сезон. По его поручению академик-секретарь Н.Г. Бруевич послал запрос в Совет Министров, откуда в устной форме сообщили, что после согласования с Министерством иностранных дел СССР, Министерством внешней торговли и Министерством путей сообщения проект был вновь направлен в ЦК партии, ответ от которого еще не поступил⁹⁴³.

В это время документы все еще проходили согласование в разных инстанциях. Только в начале августа они поступили в МИД. Внешнеполитическое ведомство не возражало против работы экспедиции в 1947–1949 гг. «для проведения научно-исследовательских работ по составлению научного труда “История Монголии”» и после согласования направило их в Совет Министров⁹⁴⁴. Распоряжение правительства было получено только 11 октября 1947 г. Академия наук получила разрешение «для составления научного труда “История Монголии” направлять в МНР на 3 месяца ежегодно историко-этнографическую экспедицию в составе 6 научных работников и 3 шоферов, но только в 1948–1949 гг.»⁹⁴⁵

Этим же документом предписывалось (учитывая сложности послевоенного времени и особенности плановой централизованной государственной системы распределения товаров и техники): Министерству внешней торговли – обеспечить Историко-этнографическую экспедицию автобензином, а ее участников – «продовольствием и промтоварами в установленном порядке»; Министерству путей сообщения – доставить на пограничную станцию Наушки Забайкальской железной дороги три грузовых автомашины экспедиции⁹⁴⁶.

⁹⁴³ Письмо к Н.Г. Бруевичу, 1 июля 1947 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49а. Д. 4397. Д. 6.; Пометки на письме С.В. Киселева к С.И. Вавилову, 28 июня 1947 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 516. Л. 133.

⁹⁴⁴ Переписка с Совмином, 2–5 августа 1947 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 29. Пап. 205. Д. 52. Л. 21, 22.

⁹⁴⁵ Распоряжение Совнаркома, 11 октября 1947 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49 а. Д. 4397. Л. 8.

⁹⁴⁶ Там же.

Таким образом, директивные органы сократили время проведения археолого-этнографических исследований с трех лет до двух, что значительно усложняло выполнение намеченной программы. Экспедиция С.В. Киселева первый раз выехала в Монголии в июле 1948 г., где в соответствии с распоряжением правительства проработала три месяца и в октябре вернулась на родину. Полномочия ее начальника были подтверждены удостоверением за подписью президента АН СССР, в котором было сказано, что на С.В. Киселева возложено руководство этнографическими и археологическими исследованиями и раскопками «в целях составления Академией наук СССР совместно с Комитетом наук МНР» «Истории Монголии»⁹⁴⁷. В удостоверении, полученном С.В. Киселевым от монгольского правительства, подписанном первым заместителем премьер-министра МНР Ч. Сурунжабом, отмечалось, что он «выполняет задание монгольского правительства по изучению археологии Арахангайского, Убурхангайского, Занхынского и Кобдоского аймаков», и предписывалось «всем государственным и общественным организациям указанных аймаков оказывать тов. Киселеву и его отряду всякое содействие в выполнении порученных ему работ»⁹⁴⁸.

Работа экспедиции проводилась по трем направлениям: исследование археологических памятников, сбор этнографических материалов, консультации монгольских историков по подготовке их части рукописи «Истории МНР»⁹⁴⁹. По завершении работ экспедиция представляла Комитету наук подробный доклад о ее результатах. После завершения первого полевого сезона, осенью 1948 г., в Комитете наук была организована выставка собранных материалов, которую посетил глава Монголии Х. Чойбалсан, члены правительства и ЦК МНРП. В своем письме к президенту Академии наук С.В. Киселев отметил, что «Чойбалсан одобрил работу экспедиции, выразил уверенность в ее продолжении

⁹⁴⁷ Удостоверение, 23 июня 1948 г. // Архив Института археологии. Ф. 12. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

⁹⁴⁸ Там же. Л. 30.

⁹⁴⁹ Письмо С.В. Киселева к С.И. Вавилову, 15 ноября 1948 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1948. Д. 350. Л. 69.

и просил передать Вам, Сергей Иванович, глубокую благодарность за ее снаряжение»⁹⁵⁰.

Возглавляемая С.В. Киселевым Монгольская историко-этнографическая экспедиция провела два напряженных полевых сезона, в 1948 и 1949 гг. В ее составе работали три отряда. Первый, которым руководил сам С.В. Киселев (ему помогал с монгольской стороны археолог Х. Пэрлээ), производил археологические раскопки в столице монгольского государства Каракоруме (Хара-Хорине) и еще в нескольких небольших поселениях XIII–XIV вв. (Хара-Балгас, Чин-Толгой, Хадасан и др.). Второй, во главе с А.П. Окладниковым, занимался поиском стоянок каменного века в Центральной и Западной Монголии, третий – этнографический, под руководством К.В. Вяткиной работал в Западной Монголии, в районе Улясутая и Кобдо.

В археологических работах от Академии наук участвовали сотрудники Института истории материальной культуры Л.А. Евтюхова (1903–1974), Н.Я. Мерперт (1922–2012), Л.Н. Петров, И.Н. Терехова и, тогда студенты, а позже также сотрудники Института, Г.И. Андреев (1926–1970) и Ю.С. Гришин (1925–2015). От Комитета наук – Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэн; от Московского государственного университета – археолог Л.Р. Кызласов (1924–2007), от Читинского областного музея – А.Е. Конюхова, от Читинского педагогического института – М.И. Рижский. Этнографические и исторические исследования проводили К.В. Вяткина и Г.Ф. Дебец (1905–1969, Институт этнографии) также совместно с монгольскими коллегами и студентами МонГУ⁹⁵¹.

За, в общем-то, непродолжительное время работы – всего два полевых сезона, собранные и изученные советскими и монгольскими учеными археологические материалы и вещественные памятники дали возможность «заполнить» многие белые пятна в истории древней и средневековой Монголии. Что касается главной задачи С.В. Киселева – исследования средневековых

⁹⁵⁰ Там же. Л. 71.

⁹⁵¹ Древнемонгольские города. М., 1965. С. 12.

городов, то работа экспедиции, прежде всего в Каракоруме, позволила сделать вывод об их значительной роли в истории страны, о развитии земледелия и ремесла в средневековой Монголии, традиционно считавшейся исключительно кочевым обществом.

Экспедиция С.В. Киселева провела раскопы в Каракоруме на площади более 6 000 кв. м, в том числе открыла дворец монгольского хана Угэдэя, ставший вскоре широко известным историческим памятником Монголии. Многочисленные находки позволили восстановить различные периоды жизни Каракорума и провести окончательную идентификацию его границ⁹⁵². Итоги археологических работ были опубликованы уже после смерти руководителя экспедиции, в 1965 г. в книге «Древнемонгольские города», куда вошли статьи самого ученого и сотрудников, участвовавших в раскопках.

Значительную часть материалов экспедиции С.В. Киселев, в соответствии с «Законом об охране памятников старины», передал в Центральный музей Монголии (сейчас Монгольский национальный исторический музей, *Монголын үндэсний түүхийн музей*), где они составили основу экспозиции эпохи Чингизидов. Часть коллекции Комитет наук выделил С.В. Киселеву для вывоза в СССР. Сегодня она хранится и экспонируется в Отделе Востока Государственного Эрмитажа и в Археологическом институте РАН⁹⁵³.

Хотелось бы отметить действительно необычайно большую работу, которую провел С.В. Киселев в рамках подготовки «Истории МНР». Он

⁹⁵² Елихина Ю.И. С.В. Киселев и его вклад в развитие археологии Монголии // Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 155.

⁹⁵³ Елихина Ю.И. Некоторые археологические находки Монголо-советской экспедиции под руководством С.В. Киселева. Городище Каракорум, коллекция Государственного Эрмитажа. Osaka: National Museum of Ethnology, 2014. 378 p. (Senri Ethnological Reports. Vol. 123); Елихина Ю.И. С.В. Киселев и его вклад в развитие археологии Монголии // Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 153–157.

руководил экспедицией, был автором разделов книги, выполнял важную административно-организационную работу как один из двух ответственных исполнителей (вместе с И.Н. Устюжаниновым) этого большого проекта. Кроме того, в 1950–1954 гг. С.В. Киселев занимал должность ученого секретаря Президиума АН СССР, что также отнимало много времени от научных исследований.

В июне 1949 г. президент Академии наук обратился в Совет Министров с просьбой продлить работу Монгольской историко-этнографической экспедиции в 1950 г.⁹⁵⁴ Министр иностранных дел А.Я. Вышинский не возражал против продолжения, однако высказал пожелание, чтобы в проекте постановления Совета Министров об экспедиции было указано о соблюдении Академией наук сроков подготовки «История МНР»: книга должна быть написана в 1950 г. в соответствии с предыдущим постановлением Совмина от 11 октября 1947 г.⁹⁵⁵

Несмотря на поддержку всех необходимых для принятия положительного решения инстанций, Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании 6 июня 1950 г. отклонило просьбу Академии наук о продлении работы Историко-этнографической экспедиции⁹⁵⁶. Выявленные материалы по этому вопросу в РГАСПИ, АВП РФ и Архиве РАН не позволяют дать однозначного ответа, почему партийное руководство отказало ученым. Мы полагаем, что одной из причин отказа могло стать, как указывалось в предыдущем разделе, затягивание сроков работы над рукописью «Истории МНР». Однако, учитывая, что одновременно было отказано в продолжении Монгольской палеонтологической экспедиции, причины могли быть более значимыми, возможно,

⁹⁵⁴ Письмо С.И. Вавилова в Совмин, 18 июня 1949 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 31. Папка 213. Д. 49. Л. 4

⁹⁵⁵ Письмо А.Я. Вышинского, 17 августа 1949 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 29. Папка 205. Д. 52. Л. 25.

⁹⁵⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 450.

внешнеполитического характера, связанные с началом активного развития советско-китайского научного сотрудничества.

Подводя итоги сказанному, следует отметить несколько обстоятельств, важных для решения поставленных в диссертационном исследовании задач. Организация Монгольской историко-этнографической экспедиции под руководством С.В. Киселева была связана с реализацией большого монголо-советского проекта по подготовке монографии «История МНР». В то же время по поставленным задачам и достигнутым результатам она имела большое самостоятельное значение: научное, связанное с разрешением вопросов средневековой истории монголов, и организационное – положила начало систематическим археологическим работам монгольских ученых. Работе Историко-этнографической экспедиции уделяли особое внимание и оказывали поддержку руководители Монголии, поскольку ее главной целью являлось изучение времени Чингизидов – периода национальной гордости монголов. Собранные экспедицией С.В. Киселева археологические коллекции сыграли важную роль в теоретической разработке проблем изучения древних монгольских городов и стали основой экспозиции периода Чингизидов в Монгольском национальном историческом музее.

Комитет наук проявил глубокую заинтересованность в организации экспедиции и принял активное участие в ее подготовке и проведении. Историко-этнографическая экспедиция под руководством С.В. Киселева, по мнению монгольских ученых, стала «главным фактором, основой формирования и стимулом развития»⁹⁵⁷ археологических исследований в Монголии. Участие монгольских исследователей в ее работе стало для них уникальной возможностью

⁹⁵⁷ □лзинйбаяр С. Монголын эртний түүх бичлэг (Төр улсын түүхийн өмнөх үе) (Историография монгольской археологии. Древнейший период). Улаанбаатар, 2011. С. 175. О развитии археологии в Монголии см.: Монголын археологийн шинжлэх ухаан (Монгольская археологическая наука). Улаанбаатар, 2007. (Монгол улсын шинжлэх ухаан. Боть 32 (Монгольская наука. Т. 32)).

овладеть методологическими подходами и методиками проведения полевых археологических исследований. Прошедшие школу экспедиции С.В. Киселева монгольские археологи в 1950-х гг. развернули широкие самостоятельные работы, особенно по проблемам древней истории (Х. Перлээ и Н. Сэр-Оджав) и изучению археологических памятников хунну (Ц. Доржсурен). Были продолжены также работы по изучению монгольских средневековых городов (Х. Перлээ)⁹⁵⁸.

Кроме того, результаты Историко-этнографической экспедиции имели большое значение и для советской археологии. Изучение древних городов было продолжено на территории Забайкалья и Тувы (С.В. Киселев⁹⁵⁹) и позже, вновь в Монголии, в рамках совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969–1990). Академик А.П. Окладников, оценивая результаты историко-археологических исследований в Монголии в период 1970–1977 гг., отметил, что тесное сотрудничество советских и монгольских историков, археологов и этнографов отличалось кардинальностью решаемых проблем и значительной результативностью полевых исследований, которые «охватили по существу все главные районы на севере, востоке и западе Центральной Азии»⁹⁶⁰.

4.3.2. Монгольская палеонтологическая экспедиция (1946–1949)

В подпараграфе детально освещена подготовка первой советской Палеонтологической экспедиции в Монголию под руководством И.А. Ефремова; отражена роль Комитета наук в ее учреждении и деятельности; ее основные

⁹⁵⁸ См., напр.: *Сэр-Оджав Н.* К вопросу периодизации палеолита Монголии. Улаанбаатар, 1963; *Доржсурен Ц.* Умард хунну (Северные хунны). Улаанбаатар, 1961. 111 с.; *Перлээ Х.* К истории городов и поселений Монголии // Советская археология. 1957. № 3. С. 43–53; *Он же.* Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. – начало XII в) // Монгольский археологический сборник / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 55–62.

⁹⁵⁹ *Киселев С.В.* Древние города Забайкалья // Советская археология. 1958. № 4. С. 107–119.

⁹⁶⁰ *Окладников А.П.* Предисловие // Археология и этнография Монголии / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука СО, 1978. С. 3.

результаты и их значение для дальнейшего советского/российского сотрудничества в области палеонтологического изучения Монголии⁹⁶¹.

Как было указано в § 1.2, на территории Монголии в 1922–1925 гг. работала Центральноазиатская экспедиция Американского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса. Она обнаружила здесь обширное распространение неизвестных ранее меловых отложений и собрала большую коллекцию остатков ископаемых млекопитающих, пресмыкающихся и других животных, частью неизвестных до тех пор науке. Особенно ценными находками стали найденные кладки яиц динозавров рода *Protoceratops* с сохранившимися в них зародышами. Своими результатами экспедиция подтвердила гипотезу директора музея, одного из авторитетнейших американских геологов и палеонтологов Г.Ф. Осборна (1857–1935) об Азиатском континенте как о родине многих видов млекопитающих нашей планеты, которую он высказал на рубеже веков.

Открытия американской экспедиции вызвали в Комитете наук Монголии большой интерес и желание продолжить палеонтологические сборы своими силами. Поскольку в недавно созданном монгольском научном учреждении для организации таких работ специалистов не было, Ц.Ж. Жамцарано в октябре 1924 г. обратился к С.Ф. Ольденбургу с просьбой командировать в Улан-Батор палеонтолога, который бы руководил и контролировал работы «не совсем специализированных» монгольских исследователей⁹⁶². В сентябре 1926 г. он еще раз написал, что Комитету наук требуется «серьезный, спокойный геолог-палеонтолог для постоянной работы»⁹⁶³. Однако С.Ф. Ольденбург не смог помочь

⁹⁶¹ См. также: Юсупова Т.И. «Очень важно для понимания всей эволюции животного мира...». Организация Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 1. С. 9–26.

⁹⁶² Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.

⁹⁶³ Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 12 сентября 1926 г. // Монголо-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 161.

своему ученику и коллеге: в Академии наук на тот момент не нашлось ученого, желающего поехать на длительный срок в Улан-Батор.

Несмотря на отсутствие своих геологов, Комитет наук продолжал собирать информацию о местонахождении остатков ископаемой фауны, привлекая к этой работе приезжающих в Монголию российских исследователей. Одним из первых такую информацию предоставил геолог Дальневосточного университета Б.С. Домбровский, который в первой половине 1920-х гг. проводил исследования в Центральной и Восточной Монголии. Интересные палеонтологические находки были сделаны экспедициями И.П. Рачковского. Эти материалы были частично обработаны и результаты опубликованы в «Трудах Монгольской комиссии» в 1937 г., а также в 1940 г. в специальной серии «Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского»⁹⁶⁴. Сведения о возможных местонахождениях остатков древних животных доставляли также геологи Восточной геологоразведочной экспедиции ВСНХ СССР, которые с 1931 г.

⁹⁶⁴ *Чернышева Н.Е.* О девонских брахиоподах Монголии: Материалы экспедиции геологического отряда. Вып. № 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 60 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 27); *Она же.* Силурийские и девонские трилобиты Монголии и Тувы: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 32 с. (Там же. Вып. 28); *Чернышев Б.Б.* Силурийские брахиоподы Монголии и Тувы: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 94 с. (Там же. Вып. 29); *Он же.* Силурийские и девонские Tabulata Монголии и Тувы: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 34 с. (Там же. Вып. 30); *Рябинин В.Н.* Силурийские строматопороидеи Монголии и Тувы: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 36 с. (Там же. Вып. 31); *Беляева Е.И.* Материалы к характеристике верхнетретичной фауны млекопитающих Северо-Западной Монголии: Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 54 с. (Там же. Вып. 33); *Вологдин А.Г.* Археоциаты и водоросли кембрийских известняков Монголии и Тувы. Ч. 1. Материалы экспедиции геологического отряда под рук. И.П. Рачковского. Вып. № 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 268 с. (Там же. Вып. 34).

проводили работы по практической разработке месторождений полезных ископаемых на территории Монголии.

По просьбе Комитета наук в 1931 г. сотрудник экономического отряда экспедиции, организованной Монгольской комиссией АН, географ Б.М. Чудинов вместе с аспирантом Комитета наук Д. Юмцуновым прошел меридиональным направлением от оз. Хубсугул до южной части Южно-Гобийского аймака. На этом пути, «пользуясь указаниями местного населения», в Ширэгин-Гашунской впадине они обнаружили место с большим количеством остатков ископаемых животных. Б.М. Чудинов взял несколько образцов и представил подробный отчет о поездке в Комитет наук и в Академию наук⁹⁶⁵.

Этими сведениями заинтересовался полпред СССР в Монголии А.Я. Охтин (1891–1938). Он предложил И.П. Рачковскому, который в этот момент находился в Улан-Баторе, финансирование для изучения найденных залежей ископаемых остатков. Такие работы после успеха Р.Ч. Эндрюса были весьма актуальны в политико-идеологическом соперничестве СССР с капиталистическими странами. Однако И.П. Рачковский, занятый выполнением своих научных задач, не смог найти время для поездки в Ширэгин-Гашун.

Проверить данные о Ширэгин-Гашуне удалось в 1935 г. сотруднику Комитета наук, заведующему кабинетом географии А.Д. Симукову. В своем отчете он подтвердил достоверность информации Б.М. Чудинова и привел расспросные сведения о других местонахождениях ископаемой фауны в этом районе Гобийского Алтая (местность Эмту-тугурик, местность Хонгиль на южном бэле (предгорные наклонные равнины) хр. Нэмэгэту, южный бэль хр. Алтан-Ула, впадины Гурбан Тэксэн), отметив, что все перечисленные места находятся в более благоприятных условиях (наличие воды, возможность добраться на автотранспорте), чем труднодоступный Ширэгин-Гашун⁹⁶⁶.

⁹⁶⁵ Симуков А.Д. Остатки ископаемой фауны в Ширэгин-Гашунской впадине // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 837.

⁹⁶⁶ Симуков А.Д. Остатки ископаемой фауны в Ширэгин-Гашунской впадине // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 837–850.

ареста А.Д. Симукова (в 1939 г.) поиски новых местонахождений в Комитете наук не проводились.

Таким образом, в Комитете наук Монголии была накоплена важная информация, дополняющая и значительно расширяющая данные экспедиции Р.Ч. Эндрюса.

Первая попытка организации советских палеонтологических исследований в Монголии была предпринята в 1929 г. Академик А.А. Борисьяк предложил включить в план Монгольской комиссии две палеонтологические экспедиции: «В область Оши, к югу от Кобдо, где геологом Рачковским открыто местонахождение верхнетретичной фауны млекопитающих» и «в область Центральной Монголии, на главнейшие из открытых американцами местонахождений динозавров и млекопитающих». В своем обосновании он писал: «Местонахождения позвоночных Центральной Азии, представляющие большой общий научный интерес, для нас имеют особенно важное значение, так как они поясняют и дополняют наши [на территории СССР] местонахождения»⁹⁶⁷. В план Монгольской комиссии на 1930–1934 гг. была включена одна из предложенных экспедиций, и то только как «необходимое приложение к геологическим исследованиям для изучения континентальных отложений, без изучения которых невозможно выяснить геологическую историю»⁹⁶⁸. Еще через год заявку на организацию экспедиции в Монголию подал тогда уже известный палеонтолог И.А. Ефремов. Поводом для этой инициативы как раз стала информация географа Б.М. Чудинова об обнаруженном богатом местонахождении ископаемых костей в Ширэгин-Гашуне. Осуществить намеченные планы, как известно из изложенного выше, не удалось. Начиная с 1930 г. Монгольская комиссия вынуждена была подстраивать свою деятельность под «запросы практической жизни» и реализовывать только те работы, которые были важны для развертывающегося

⁹⁶⁷ Записка А.А. Борисьяка, 18 ноября 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 4. Л. 1.

⁹⁶⁸ План Монгольской комиссии на 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 19. Л. 1.

хозяйственного строительства Монголии: геологические, гидрологические, животноводческие, почвенные, экономические.

В 1930 г. по инициативе А.А. Борисяка в системе Академии наук был организован Палеозоологический институт (в 1936 г. был реорганизован в Палеонтологический институт (ПИН) АН СССР), который он и возглавил. А.А. Борисяк развернул широкое изучение ископаемых позвоночных на территории СССР. Мысль о проведении больших азиатских экспедиций впервые возникла в институте в 1932 г., после исследования динозавровых местонахождений Средней Азии. На следующий год уже обсуждались проекты двух экспедиций в Центральную Азию: Джунгарской, в район Урумчи, и Монгольской, по местам работ экспедиции Р.Ч. Эндрюса⁹⁶⁹. Но текущие научные планы и сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка в Монголии отодвинули их реализацию на будущее.

К 1940 г. в Дальневосточном регионе наступила относительная политическая стабилизация. Внутриполитическое развитие Монголии также стабилизировалось, точнее, было унифицировано по образу и подобию «старшего брата» – Советской России. Председателем Комитета наук Монголии в этот период стал Б. Жаргалсайхан. Помогал ему в руководстве монгольской наукой советский советник Н.Н. Поздняков. Накопленная к этому времени важная информация, дополняющая и значительно расширяющая данные экспедиции Р.Ч. Эндрюса о местонахождениях ископаемой фауны в Монголии, стала для него поводом обратиться в октябре 1940 г. к А.А. Борисяку с предложением организовать палеонтологическую экспедицию в Монголию. «Залежи ископаемых костей в Монголии, – писал Н.Н. Поздняков, – являются самыми богатыми и обширными в мире. В части нахождения и изучения их тронута только поверхность, можно работать десятки, сотни лет и все же не исчерпать всего богатства залежей». Необходимо отметить, что в постскрипуме он указал, что обращается с этой просьбой пока только «в порядке постановки вопроса». Однако в случае

⁹⁶⁹ Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М.: Наука, 1987. С. 37.

положительного ответа выразил готовность сразу же «поставить этот вопрос перед монгольскими организациями»⁹⁷⁰.

В ответном письме А.А. Борисяк приветствовал инициативу Комитета наук, которая вписывалась в исследовательские планы института, и выразил готовность незамедлительно приступить к формированию экспедиции при условии выделения институту необходимого финансирования. Для положительного решения этого трудного вопроса А.А. Борисяк предложил Комитету наук одновременно обратиться в СНК СССР и Академию наук с просьбой выделить специальные средства для организации палеонтологических исследований в Монголии⁹⁷¹. Он полагал, что в случае непосредственного обращения Комитета наук в правительство СССР шансов получить одобрение экспедиции будет больше. Со своей стороны институт также обещал предпринять все необходимые шаги.

Однако Б. Жаргалсайхан по каким-то своим соображениям воздержался от того, чтобы «войти с прошением в СНК СССР», но пообещал всяческую поддержку со стороны Комитета наук⁹⁷². Как опытный администратор, А.А. Борисяк 25 января 1941 г. переправил письмо руководителя Комитета наук на рассмотрение в Президиум АН СССР, чтобы академическое руководство само сообщило в Монголию свое решение об организации палеонтологической экспедиции. При этом он подтвердил готовность института начать ее подготовку, как только будет решен вопрос ее финансирования. Специфические условия работы в Монголии, удаленность и пустынность районов, указывал А.А. Борисяк, «создают необходимость организации хорошо снаряженной и поэтому

⁹⁷⁰ Письмо Н.Н. Позднякова к А.А. Борисяку, 12 октября 1940 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а–1941. Д. 154. Л. 1.

⁹⁷¹ Письмо А.А. Борисяка в Комитет наук, 18 ноября 1940 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 2 об.

⁹⁷² Письмо Б. Жаргалсайхана к А.А. Борисяку, 3 января 1941 г. // Там же. Л. 3.

требующей значительных ассигнований экспедиции»⁹⁷³. В связи с этим без выделения денежных средств обсуждать ее организацию не имело смысла.

Целесообразность проведения палеонтологических работ в Монголии подтвердил и вице-президент Академии О.Ю. Шмидт, к которому в итоге попало письмо А.А. Борисяка. Ему даже удалось достаточно быстро переговорить по этому вопросу с заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским – первой инстанцией в цепочке согласований для получения разрешения на научную деятельность за пределами СССР⁹⁷⁴.

Получив одобрение своей инициативы, ПИН начал подготовку предварительного плана и сметы предстоящих работ, и 4 марта 1941 г. в Президиум АН была представлена «Докладная записка об организации раскопочных палеонтологических работ на территории МНР», написанная заведующими отделами высших и низших позвоночных Ю.А. Орловым и И.А. Ефремовым – предполагаемыми руководителями экспедиции. В записке они указали, что работы американских исследователей носили в основном маршрутный характер, но еще более ценные результаты могут быть получены «при систематических и крупных раскопочных работах». Организация исследований в Монголии силами Палеонтологического института, несомненно, по мнению авторов, может «внести многое в изучение этой интереснейшей территории»⁹⁷⁵.

Через полтора месяца, 20 апреля 1941 г., когда были представлены уточненные смета, список оборудования и штатное расписание экспедиции, Президиум АН обратился в Совнарком СССР с просьбой разрешить организовать в 1941 г. палеонтологическую экспедицию и дать указание Наркомфину СССР об отпуске необходимых средств (по смете около 120 000 руб.)⁹⁷⁶. Экспедиция

⁹⁷³ Письмо А.А. Борисяка в Президиум АН, 25 января 1941 г. // Там же. Л. 4.

⁹⁷⁴ Заметки на письме // Там же.

⁹⁷⁵ Международные связи Академии наук СССР 1917–1941. М., 1992. С. 221–222.

⁹⁷⁶ Письмо Президиума АН СССР в СНК СССР, 20 апреля 1941 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

планировалась на пять месяцев, в составе восьми человек, в том числе начальника экспедиции Ю.А. Орлова и его заместителя И.А. Ефремова. В письме для подтверждения большой международной значимости этой работы подчеркивалось, что проведение палеонтологических исследований начинается по просьбе Комитета наук МНР, который неоднократно обращался с этим предложением к ПИН АН СССР.

Несколько позднее, в мае 1941 г., в письме в Бюро Отделения биологических наук АН были более подробно расписаны основные задачи и маршрут планируемой экспедиции. Предполагалось в первый полевой сезон организовать «сравнительно легкую экспедицию», которая на автомашинах объездит, осмотрит и изучит известные монгольские местонахождения и в наиболее важных из них произведет пробные раскопки. Весь добытый палеонтологический материал затем доставят в Москву, в ПИН. Здесь он будет обработан, изучен и описан. После этого оригиналы поступят в экспозицию Палеонтологического музея АН, а «дубликаты и гипсовые слепки с оригиналов, раскрашенные под подлинники, будут переданы Комитету наук МНР, для которого Палеонтологический институт организует в Улан-Баторе палеонтологическую выставку»⁹⁷⁷. Подробно прописанный маршрут, который должен был пройти по Южной, Заалтайской, Средней Гоби и по Западной Монголии⁹⁷⁸, предполагалось уточнить после консультаций с Комитетом наук и знакомства с новыми данными, собранными в Монголии в ходе интенсивных геологических исследований.

В ожидании ответа из правительства ПИН приступил к снаряжению экспедиции, о чем А.А. Борисьяк незамедлительно сообщил в Комитет наук и просил по ее прибытии в Улан-Батор (предположительно в начале июня) оказать помощь в решении ряда организационных и технических вопросов, чтобы

⁹⁷⁷ Письмо в Бюро ОБН АН СССР, май 1941 г. // Там же. Л. 33.

⁹⁷⁸ Программа экспедиции. // Там же. Л. 40–43.

сократить до минимума подготовительный период и с наибольшей эффективностью использовать время «в смысле объема исследований»⁹⁷⁹.

Особое беспокойство у руководства ПИН вызывало получение загранпаспортов, в связи с чем А.А. Борисяк обратился в Президиум АН «об исхлопотании таковых для личного состава» Монгольской палеонтологической экспедиции. В случае затягивания их оформления начало работ экспедиции отложится на осень, что сделает невозможным выполнение намеченных задач⁹⁸⁰. Однако по существовавшему жесткому порядку вопрос с паспортами мог быть решен только после получения распоряжения Совнаркома об организации экспедиции.

Рассмотрение в правительстве вопроса о Палеонтологической экспедиции затягивалось. А.А. Борисяк, обсудив складывающуюся ситуацию с Ю.А. Орловым и И.А. Ефремовым, направил руководству Академии наук просьбу перенести работы в Монголии на следующий год⁹⁸¹. Но, как оказалось, днем раньше, 13 мая 1941 г. СНК СССР своим распоряжением (Распоряжение СНК СССР № 708 от 13 мая 1941 г.) поручил Президиуму АН СССР срочно обсудить программу намеченной в 1941 г. палеонтологической экспедиции и представить свое решение правительству. Складывается впечатление, что в процессе хождения документов по административным коридорам часть из них где-то «затерялась», и правительство просило Академию наук еще раз подтвердить актуальность планируемой экспедиции.

Заседание Президиума по этому вопросу состоялось 21 мая 1941 г., где было еще раз принято решение «возбудить ходатайство перед СНК СССР о посылке в текущем году в Монгольскую Народную Республику палеонтологического отряда в количестве 8 человек под руководством

⁹⁷⁹ Письмо А.А. Борисяка в Комитет наук, 28 апреля 1941 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

⁹⁸⁰ Письмо А.А. Борисяка, 14 мая 1941 г. // Там же. Л. 36. На письме стоит пометка «Вопрос решается в СНК».

⁹⁸¹ Письмо А.А. Борисяка, 14 мая 1941 г. // Там же. Л. 35–36.

Палеонтологического института АН СССР» и поручить Бюджетной комиссии Президиума АН СССР изыскать на работы соответствующее финансирование (но уже не более 75 000 руб.)⁹⁸². В постановлении вновь подчеркивалось, что решение принято с учетом состоявшейся переписки между Комитетом наук МНР и ПИН АН СССР о рекогносцировочном изучении месторождения палеонтологических материалов и о согласии Комитета МНР оказать практическую помощь в организации экспедиции.

На следующий день, 22 мая 1941 г., этот документ вместе с программой экспедиции Президиум АН направил заместителю председателя правительства Р.С. Землячке для дальнейшего утверждения⁹⁸³. Ровно через месяц началась Великая Отечественная война, и все экспедиционные планы были отложены.

Вернулись к вопросу организации Палеонтологической экспедиции в Монголию в феврале 1945 г., уже после смерти А.А. Борисяка. Практически сразу после возвращения из эвакуации сотрудников и возобновления работы Палеонтологического института заместитель директора Т.Г. Сарычева вновь направила в Президиум Академии наук на имя В.Л. Комарова «на основе предварительных переговоров с работниками МНР» докладную записку Ю.А. Орлова и И.А. Ефремова о проведении в Монголии палеонтологических исследований, составленную в 1941 г., с небольшими изменениями⁹⁸⁴. Только через полтора месяца последовала реакция: 22 марта 1945 г. В.Л. Комаров переадресовал письмо академику-секретарю Академии наук Н.Г. Бруевичу (1896–1987) с достаточно неопределенной резолюцией «На заметку».

Так и не получив ответа на официальное послание президенту Академии наук, Ю.А. Орлов и И.А. Ефремов при поддержке Л.А. Орбели в апреле 1945 г. направили еще одно, уже личное письмо В.Л. Комарову. Обращаясь к нему «как к

⁹⁸² Протокол заседания Президиума // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а–1941. Д. 154. Л. 38.

⁹⁸³ Письмо О.Ю. Шмидта к Р.С. Землячке, 22 мая 1941 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 18. Л. 39.

⁹⁸⁴ Письмо Т.Г. Сарычевой к В.Л. Комарову, 10 февраля 1945 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1945. Д. 406. Л. 1.

всегдашнему попечителю и защитнику интересов советской палеонтологии и одновременно как к главе Монгольской комиссии»⁹⁸⁵, ученые просили его ходатайствовать перед Наркоминделом СССР о разрешении палеонтологических исследований на территории Монголии в 1945 г. Но быстрой реакции опять не последовало. В.Л. Комаров в это время был уже тяжело болен. К тому же, шли приготовления к широкому празднованию 220-летия Академии наук. Основные мероприятия юбилея прошли во второй половине июня 1945 г., а в начале июля В.Л. Комаров вынужден был подать заявление об отставке с поста президента Академии наук по состоянию здоровья⁹⁸⁶. Его преемником 17 июля 1945 г. был назначен С.И. Вавилов.

В начале октября 1945 г. ПИН получил ответ на февральское обращение к руководству Академии наук. Секретариат Президиума АН сообщал, что в июне 1945 г. вопрос о Палеонтологической экспедиции в Монголию был перенесен на следующий год по указанию В.Л. Комарова, тогда еще президента Академии наук⁹⁸⁷.

Осенью 1945 г. Палеонтологический институт вновь, уже в лице нового директора Ю.А. Орлова, начал активно продвигать документы об организации экспедиции по всей академической и государственной административной цепочке. Прежде всего, 27 октября 1945 г. было направлено письмо вице-президенту АН СССР Л.А. Орбели с просьбой ходатайствовать перед СНК СССР о Монгольской палеонтологической экспедиции в 1946 г.⁹⁸⁸ Президиум в свою очередь 10 января 1946 г. направил заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову просьбу разрешить экспедицию и дать указание Минфину о

⁹⁸⁵ Письмо Ю.А. Орлова и И.А. Ефремова к В.Л. Комарову, апрель 1945 г. // Там же. Л. 10.

⁹⁸⁶ *Савина Г.А.* Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров – президент АН СССР // На переломе: отечественная наука в конце XIX – XX века. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 165–205.

⁹⁸⁷ Письмо из Секретариата В.Л. Комарова к Т.Г. Сарычевой, 5 октября 1945 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 73. Л. 19.

⁹⁸⁸ Письмо Ю.А. Орлова, 27 октября 1945 г. // Там же. Л. 11.

выделении необходимой суммы в 233 000 руб., так как «в плане финансирования Академии наук СССР на 1946 г. она не была предусмотрена»⁹⁸⁹. Секретариат В.М. Молотова весьма оперативно, 25 января 1946 г., переслал запрос о целесообразности Монгольской экспедиции в МИД и ЦК ВКП(б) с приложением пояснительных материалов, в том числе пояснительной записки Ю.А. Орлова и И.А. Ефремова⁹⁹⁰. Предварительный маршрут экспедиции остался тем же, что и в программе 1941 г., согласно которой основные работы предполагалось провести в Центральной и Восточной Гоби.

Надо отметить, что Ю.А. Орлов и И.А. Ефремов всячески подчеркивали актуальность и значимость экспедиции, для чего использовали как научную аргументацию, так и более понятную властям идеологическую риторику. В частности, они указывали, что российские геологи и зоологи, работавшие в Монголии после американской экспедиции Р.Ч. Эндрюса, открыли значительное число новых местонахождений остатков доисторических животных в разных геологических горизонтах. «Эти открытия неизмеримо увеличивают известный по предварительным данным американцев фонд местонахождений, исследование которых даст интереснейшие материалы и научные открытия мирового значения», – писали ученые, а также мы имеем шанс на получение ценнейших экспонатов для музеев Академии наук и Монголии, которые будут представлять «памятник больших успехов нашей науки»⁹⁹¹. Кроме того, они обратили внимание советского руководства на тот факт, что эта экспедиция и ее материалы «без сомнения, явятся определенным этапом организации палеонтологии в самой Монгольской республике»⁹⁹².

Вопрос о направлении в Монголию в 1946 г. Палеонтологической экспедиции Академии наук не вызвал возражений у НКВД и партийного руководства страны, и 16 февраля 1946 г. последовало распоряжение Совнаркома,

⁹⁸⁹ Письмо Президиума АН, 10 января 1946 г. // Там же. Л. 12.

⁹⁹⁰ Запрос Наркомата СССР, 25 января 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1945. Д. 406. Л. 1.

⁹⁹¹ Приложение к письму в Наркомат СССР // Там же. Л. 2–3.

⁹⁹² Там же. Л. 4.

на основании которого издал свое распоряжение и Президиум Академии наук. Таким образом, проведение Монгольской палеонтологической экспедиции было одобрено на всех уровнях – и академическом, и правительственном, т. е. была подтверждена ее научная и государственная значимость.

Далее начались конкретные шаги по снаряжению экспедиции. Несмотря на распоряжение правительства, этот процесс сопровождался типовыми бюрократическими проволочками и несогласованностью разных ведомств друг с другом. И вновь, как и в 1941 г., директор ПИН, на этот раз Ю.А. Орлов, был вынужден в начале апреля 1946 г. направить Н.Г. Бруевичу докладную записку «О некоторых мероприятиях, необходимых для осуществления Монгольской палеонтологической экспедиции»⁹⁹³. В записке он информировал Президиум о целом ряде проблем со снаряжением, из-за которых выезд экспедиции в Монголию существенно задерживается. Главные претензии были к снабженческим отделам Академии наук (отдел материальных фондов, автоотдел и техснаб). Ю.А. Орлов просил Президиум срочно принять меры, чтобы не сорвать полевой сезон 1946 г. Речь шла о решении финансовых вопросов, автотранспорте, спецодежде и походном снаряжении экспедиции. Директор ПИН полагал недопустимым, «чтобы экспедиция, отправляющаяся за пределы СССР, имеющая в своем составе крупных ученых и долженствующая представить в Монголии советскую науку, была снаряжена как попало и одета во что попало». Тем более в стране, «где бывали американские, шведские и др. экспедиции»⁹⁹⁴.

И хотя Н.Г. Бруевич дал соответствующие указания по исполнению предложений Ю.А. Орлова, процесс подготовки особенно не ускорился. В связи с этим 5 июля 1946 г. Ю.А. Орлов как научный руководитель и И.А. Ефремов как начальник Монгольской экспедиции вновь обратились к академику-секретарю АН СССР. Они просили разрешить, в связи с «чрезвычайной задержкой» Монгольской экспедиции, сократить объем работ полевого сезона 1946 г., «чтобы

⁹⁹³ Докладная записка Ю.А. Орлова, 3 апреля 1946 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–4.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 3.

в случае успешных научных открытий, перенести часть ассигнований этого года на следующий, 1947 год»⁹⁹⁵. Просьба руководителей экспедиции была удовлетворена и планы скорректированы.

Закончить все формальные процедуры и получить необходимые для работы документы Палеонтологическая экспедиция смогла лишь через месяц и в начале августа выехала в Монголию. В состав экспедиции кроме Ю.А. Орлова и И.А. Ефремова вошли профессор Геологического института АН В.И. Громов (1896–1978) – специалист по четвертичной геологии, заведующий Палеонтологическим музеем К.К. Флеров (1904–1989), зоолог А.А. Кирпичников (1910–?), реставратор и опытный полевой исследователь Я.М. Эглон (1888–1971), препаратор М.Ф. Лукьянова (1906–1979) и монгольский геолог Б. Лувсанданзан, впоследствии академик Академии наук МНР, а также монгольские рабочие.

И.А. Ефремов прибыл в Улан-Батор в начале августа. В Комитете наук он познакомился с информацией о местонахождении остатков древней фауны и имеющимися находками. Особенно внимательно И.А. Ефремов проработал отчеты Б.М. Чудинова и А.Д. Симукова о поездке в Ширэгин-Гашунскую впадину. Данные Б.М. Чудинова, А.Д. Симукова и другие материалы Комитета наук заставили его изменить и значительно расширить территорию предстоящих исследований. При окончательном выборе маршрута И.А. Ефремов предпочел рискнуть, провести разведочно-ознакомительные работы не в более близкой и доступной Восточной Гоби, а в неизведанных районах Южной Гоби, где находился в том числе и Ширэгин-Гашун. Здесь его ждал или провал, или крупный успех. «Мы не могли в первой экспедиции, – писал он в своей книге, – довольствоваться средними результатами»⁹⁹⁶, поскольку от ее успеха во многом зависела постановка палеонтологических исследований в Монголии в будущем.

Дальнейшие события хорошо известны по упомянутой книге И.А. Ефремова «Дорога ветров». За два месяца полевых работ (сентябрь – октябрь 1946 г.) в

⁹⁹⁵ Рапорт Н.Г. Бруевичу, 5 июля 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1945. Д. 406. Л. 61.

⁹⁹⁶ *Ефремов И.А. Дорога ветров (Гобийские заметки)*. 2-е изд. М.: Географгиз, 1962. С. 18.

сложнейших климатических условиях, при отсутствии воды и дорог экспедиция для определения местонахождений проложила маршрут в 4700 км в Южной (преимущественно) и Восточной Гоби. В ходе проведенных рекогносцировочных исследований были изучены уже известные местонахождения меловых динозавров Ширэгин-Гашун и Баин-Дзак (здесь в 1923 г. экспедиция Эндрюса обнаружила кладки яиц динозавров рода протоцератопс) и выявлены новые: в Южной Гоби – Нэмэгэту, Улан-Ош, Олгой Улан-Цав, Алтан-Ула; в Восточной Гоби – Баин-Ширэ, Хамарин-Хурал, Эргиль-Обо и др.⁹⁹⁷ Особенно знаменитой по богатству и уникальности палеонтологических находок стала котловина Нэмэгэту. Именно здесь были сосредоточены основные работы экспедиции в 1948 и 1949 гг.

Первый отчет о результатах экспедиции был представлен в ноябре 1946 г. в Улан-Баторе на правительственных торжествах по случаю годовщины Октябрьской революции. Сотрудник экспедиции Б. Лувсанданзан зачитал на монгольском языке «Рапорт о проделанной экспедицией работе» премьер-министру МНР Х. Чойбалсану⁹⁹⁸, а И.А. Ефремов сделал подробный доклад «о задачах, успехах и перспективах будущих работ»⁹⁹⁹. Руководитель экспедиции подтвердил, что Монголия «является богатейшей кладовой древних животных», а их изучение не только позволит «приоткрыть завесу над историей развития животного мира» но и будет иметь «немаловажное значение для развития геологии в МНР»¹⁰⁰⁰.

⁹⁹⁷ Подробно см.: *Ефремов И.А.* Дорога ветров (Гобийские заметки). 2-е изд. М.: Географгиз, 1962. 336 с.; *Рождественский А.К.* На поиски динозавров в Гоби. 3-е изд. М.: Наука, 1969. 293 с.

⁹⁹⁸ Рапорт руководства экспедиции, 19 ноября 1946 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 139–140.

⁹⁹⁹ *Ефремов.* Дорога ветров (Гобийские заметки). М., 1962. С. 158.

¹⁰⁰⁰ Рапорт руководства экспедиции, 19 ноября 1946 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 139–140.

В соответствии с действующим в Монголии законом «Об охране памятников старины» перед отъездом из страны И.А. Ефремов и руководитель раскопного отряда Я.М. Эглон с советской стороны и председатель Комитета наук Б. Жаргалсайхан и ученый секретарь Б. Содном с монгольской 27 декабря 1946 г. составили акт, в котором определялось количество вывозимых экспедицией находок, указывалось, что из них будет возвращено Комитету наук после препарирования и научной обработки в Москве, и сроки их передачи в Монголию¹⁰⁰¹.

Экспедиция И.А. Ефремова передала Музею Монголии одни из лучших образцов своих находок: яйца динозавра, обнаруженного в Баян-Заге (*монг. Баянзаг*), зубы крупного динозавра, найденные в Нэмэгэте, и другие материалы. Они стали прекрасным дополнением к коллекции, переданной Комитету наук в 1924 г. Центральноазиатской экспедицией Р.Ч. Эндрюса также в соответствии с законом «Об охране памятников старины». Кроме того, в Комитете наук сотрудниками экспедиции был прочитан ряд лекций, как писал И.А. Ефремов, «для ознакомления монгольского народа с палеонтологическими богатствами страны»¹⁰⁰².

После отъезда на родину основного состава экспедиции И.Е. Ефремов и препараторы Я.М. Эглон и М.Ф. Лукьянова остались в Улан-Баторе до начала января 1947 г. Они занимались организацией палеонтологического отдела Государственного музея МНР (позже он вошел в состав Музея естественной истории Улан-Батора), систематизируя уже имевшиеся и новые поступления, а также занимались препарированием сборов экспедиции.

Практически весь 1947 г. ушел на разбор и изучение привезенного материала (около 70 тонн), а также подготовку следующей экспедиции в Монголию, целью которой должны были стать трудоемкие работы по раскопке найденных

¹⁰⁰¹ Акт, 27 декабря 1946 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 73. Л. 61.

¹⁰⁰² *Ефремов И.А.* Палеонтологические исследования в Монгольской народной республике (предварительные результаты экспедиций 1946, 1948 и 1949 гг.) // Сборник работ по палеонтологии МНР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 11.

местонахождений. Особенно острым был вопрос получения автотранспорта, который мог бы работать в условиях гобийского бездорожья и вывозить многотонные монолиты с костями динозавров¹⁰⁰³. К сожалению, административные и бюрократические проволочки повторились. Распоряжение правительства об экспедиции в Монголию было получено только 24 июня 1947 г., что делало невозможным осуществление запланированных раскопочных работ в полевой сезон этого года. И.А. Ефремов, на котором лежала ответственность за результаты экспедиции, вынужден был 5 июля 1947 г. обратиться к президенту Академии наук С.И. Вавилову с просьбой перенести ее деятельность (а с ней и финансирование) на 1948 г. и принять ряд мер для ее успешной работы в следующем году. С.И. Вавилов поддержал его предложения и дал распоряжение президиуму способствовать их реализации¹⁰⁰⁴. Однако руководству экспедиции вновь пришлось приложить огромные усилия, чтобы преодолеть административные препоны и межведомственную несогласованность для выполнения намеченных уже на 1948–1949 гг. планов¹⁰⁰⁵.

За два полевых сезона – 1948 и 1949 гг. – были проведены огромные раскопочные работы в Нэмэгэту и в других местонахождениях по извлечению остатков мезокайнозойских животных, очень важных для понимания всей эволюции животного мира. Среди найденных и вывезенных находок – два скелета крупных травоядных зауролофов, их черепа, блоки с отпечатками кожи этих динозавров, четыре скелета тарбозавров, части скелетов зауропод, огромных черепах, остатки крокодилов и рыб и многое другое. Местонахождение Нэмэгэту

¹⁰⁰³ Российские палеонтологи брали кости ископаемых животных вместе с породой – монолитами, укрепляя их гипсом. Такой способ, хотя и трудоемкий, экономил время полевых исследований и улучшал сохранность костей.

¹⁰⁰⁴ Письмо И.А. Ефремова к С.И. Вавилову, 5 июля 1947 г. // Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Сост. Н.В. Бойко; отв. ред. П.К. Чудинов. М.: Наука, 1994. С. 78–79, 246.

¹⁰⁰⁵ См. напр.: Письмо И.А. Ефремова к Ю.А. Орлову, 14–15 марта 1948 г. // Там же. С. 88–92.

до сих пор продолжает радовать исследователей, являясь одним из самых богатых в мире остатками динозавров и других рептилий.

Кроме открытия богатейшего палеонтологического района в Нэмэгэтинской котловине, работы экспедиции внесли важный вклад в формирование новых представлений о палеографии и климате территории Монголии в меловой период, а также новые данные по геологии Монголии. Последнее имело большое значение для определения геологического возраста континентальных отложений, что было необходимо для геологического картирования и разведки полезных ископаемых. Что касается И.А. Ефремова, то лично для него Монголия представляла большой интерес, чтобы проверить ряд разрабатываемых им положений о закономерностях захоронения ископаемой фауны и их формирования. Одним из важнейших научных результатов его работы в Монголии стала монография «Тафономия и геологическая летопись»¹⁰⁰⁶, за которую в 1952 г. он получил Сталинскую премию.

Резюмируя сделанное экспедицией в 1946–1949 гг., И.А. Ефремов писал: «Монгольские палеонтологические исследования пришли к окончанию своего первого этапа – полевых изысканий и раскопок, за которыми последует детальное изучение всех собранных материалов»¹⁰⁰⁷. Научная обработка материалов экспедиции в ПИН началась незамедлительно. Кроме классификации и теоретического осмысления привезенных коллекций большое внимание было уделено препараторской работе и подготовке находок для экспонирования в музее. Материалы Монгольской палеонтологической экспедиции до сих пор

¹⁰⁰⁶ *Ефремов И.А.* Тафономия и геологическая летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Кн. 1. Захоронение наземных фаун в палеозое. 179 с. (Труды Палеонтологического института. Т. XXIV).

¹⁰⁰⁷ *Ефремов И.А.* Палеонтологические исследования в Монгольской народной республике (предварительные результаты экспедиций 1946, 1948 и 1949 гг.) // Сборник работ по палеонтологии МНР. М.; Л., 1954. С. 4–5. См., напр.: *Чудинов П.К.* Иван Антонович Ефремов. М., 1987.

являются одними из самых значимых в Палеонтологическом музее РАН и Музее естественной истории Улан-Батора.

Несмотря на крупные успехи Монгольской палеонтологической экспедиции, готовность ПИН продолжить исследования, а Комитета наук – сотрудничество в этом направлении, Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании 6 июня 1950 г. отклонило просьбу Президиума АН, поддержанную МИД СССР, о продолжении ее деятельности¹⁰⁰⁸. Это решение оказалось неожиданным для ученых. Тем более что распоряжением правительства от 24 июня 1947 г. Академии наук разрешалось проведение палеонтологических исследований в Монголии в 1947–1950 гг. В соответствии с этим документом для работы в 1950 г. уже были выделены валютные средства, закуплены необходимые материалы и снаряжение, получены автомашины и все это уже было отправлено в Монголию. Кроме того, Комиссия по выездам за границу ЦК ВКП(б) разрешила Министерству иностранных дел выдать членам экспедиции загранпаспорта, и семь сотрудников также выехали в Монголию.

По подсчетам И.А. Ефремова, уже произведенные расходы вместе с ликвидационными составляли 75 % всей сметы экспедиции¹⁰⁰⁹. Но экономическая нецелесообразность остановки ее деятельности не изменила решения высшего партийного руководства страны. Находящееся в Монголии имущество Палеонтологической экспедиции было передано Сельскохозяйственной экспедиции Монгольской комиссии¹⁰¹⁰, которая проработала еще один год.

Прекращение работы Монгольской палеонтологической экспедиции наряду с одновременной остановкой исследований Историко-этнографической и через год Сельскохозяйственной экспедиций в Монголии, мы полагаем, были в определенной степени связаны с изменением доминанты советской

¹⁰⁰⁸ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. С. 450.

¹⁰⁰⁹ Письмо Ю.А. Орлова и И.А. Ефремова в Президиум АН, 9 июня 1950 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 124. Л. 14–15.

¹⁰¹⁰ Приказ А.К. Рождественского, 17 июля 1950 г. // Архив РАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 124. Л. 26.

внешнеполитической деятельности в центральноазиатском регионе и ее переориентации преимущественно на китайское направление. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключенный в феврале 1950 г., предопределил также основное направление международной деятельности Академии наук и других советских научных организаций на Востоке.

Что касается палеонтологических исследований, то в Академии наук после прекращения Монгольской экспедиции прорабатывался проект совместной советско-китайской палеонтологической экспедиции. С этой целью в 1955 г. в Китай был командирован заведующий Палеонтологическим музеем Академии наук К.К. Флеров, а в 1958 г. – Ю.А. Орлов, И.А. Ефремов, А.К. Рождественский (1920–1983) и др. Советско-Китайская экспедиция, которую с советской стороны возглавил участник Монгольской экспедиции А.К. Рождественский, проработала два сезона, в 1959–1960 гг., в основном на территории Внутренней Монголии (Северный Китай). Дальнейшая работа экспедиции была прекращена в силу ухудшения отношений между СССР и Китаем.

Попытку организовать еще одну Монгольскую палеонтологическую экспедицию ПИН предпринял в 1955 г. Но она не осуществилась ввиду одновременной подготовки Китайской экспедиции. Вопрос о возобновлении палеонтологических исследований в Монголии был вновь поднят через пять лет, в 1960 г. при обсуждении плана направлений сотрудничества Академии наук с Комитетом наук. Палеонтологический институт предложил организовать советско-монгольскую палеонтологическую экспедицию на паритетных основаниях¹⁰¹¹. В 1964 г. палеонтологи Б.А. Трофимов (1921–2003) и П.К. Чудинов (1922–2002) были приглашены Академией наук Монголии для обсуждения этого вопроса и обследования новых местонахождений. Совместная Советско-Монгольская палеонтологическая экспедиция начала свою работу в 1969 г. Ее возглавил с советской стороны член-корреспондент Академии

¹⁰¹¹ Письмо Ю.А. Орлова, 28 ноября 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 837. Л. 1–2; Письмо Е.К. Федотова к Б. Ширендыбу, 28 ноября 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. 2693. Л. 182.

наук А.Г. Вологдин (1896–1971), с монгольской – будущий академик Р. Барсболд. Научными консультантами экспедиции стали сотрудники экспедиции И.А. Ефремова: с советской стороны – К.К. Флеров, с монгольской – Б. Лувсанданзан. При формировании планов ее работ определяющее значение имели результаты работы первой Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова. Эта экспедиция, уже Российско-Монгольская, продолжает свою деятельность и сегодня¹⁰¹².

Подводя итог сказанному, выделим основные результаты деятельности Палеонтологической экспедиции для развития советско-монгольского научного сотрудничества.

Прежде всего следует отметить, что палеонтологические исследования Монголии были начаты по инициативе Комитета наук и проходили при его поддержке и помощи, с использованием накопленных в Комитете наук материалов для определения маршрута экспедиции. Во многом именно благодаря информации, собранной сотрудниками Комитета наук, были обнаружены ставшие всемирно известными местонахождения остатков ископаемых животных в Южной Гоби.

Со своей стороны, сотрудники экспедиции значительно пополнили фонды палеонтологического отдела Государственного музея Монголии (Музей естественной истории Улан-Батора). Советские ученые систематизировали и описали имевшиеся и вновь поступившие в музей материалы. В дальнейшем эти фонды сыграли значимую роль в становлении палеонтологических исследований в Монголии: его материалы стали своеобразной учебной лабораторией для молодых монгольских палеонтологов.

Одним из первых геологов-палеонтологов Монголии стал прошедший школу экспедиции И.А. Ефремова академик Б. Лувсанданзан, директор

¹⁰¹² См.: Палеонтология Центральной Азии и сопредельных регионов. Международная конференция. К 45-летию Совместной Российско-Монгольской палеонтологической экспедиции, 1969–2014. 12–13 ноября 2014 г. Москва. М.: ПИН РАН, 2014. 84 с.

Геологического института АН МНР. Результаты работы первой Монгольской палеонтологической экспедиции легли в основу научных программ совместной Советско/Российско-Монгольской палеонтологической экспедиции, которая начала работать в 1969 г. и продолжает свою деятельность до сих пор.

Кроме того, детальное рассмотрение истории организации Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова на академическом и государственном уровне наглядно отражает место АН СССР в советской государственной системе, а также формы и методы контроля над ее международной деятельностью в 1940-х гг.

В ноябре 1946 г. в рапорте премьер-министру МНР Х. Чойбалсану о работе экспедиции ее руководители выразили уверенность, что сотрудничество МНР и СССР в области науки «в дальнейшем достигнет еще больших успехов». Палеонтологические исследования являются ярким подтверждением этому. Благодаря многолетнему советско/российско-монгольскому сотрудничеству в области палеонтологии Монголия сегодня является одним из самых изученных в палеонтологическом отношении регионов мира, а монгольская палеонтологическая школа имеет высокий авторитет в мировом научном сообществе¹⁰¹³.

4.3.3. Монгольская сельскохозяйственная экспедиция (1947–1951)

В подпараграфе рассматривается подготовка и проведение Монгольской сельскохозяйственной экспедиции – последнего совместного проекта Академии наук и Комитета наук, осуществленного в рамках Монгольской комиссии АН СССР, созданного для остро необходимого монгольскому правительству анализа организации животноводства в Монголии и выработки мероприятий по его интенсификации. Показано, что деятельность Монгольской

¹⁰¹³ Рожнов С.В., Розанов А.Ю., Барсболд Р. Палеонтологические исследования в Монголии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (К 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 64.

сельскохозяйственной экспедиции была сопряжена с многочисленными организационными трудностями, отражавшими идеологическую составляющую экономических исследований в программе экспедиции.

В результате продолжительного обсуждения в 1945–1946 гг. плана работ советских ученых в Монголии (см. § 4.1) Монгольская комиссия АН представила на рассмотрение правительства СССР два многолетних проекта: организуемую по просьбе и совместно с Комитетом наук комплексную экспедицию для изучения ресурсов сельского хозяйства (прежде всего животноводства) и геологическую, подготовленную в соответствии с пятилетним планом НИР Академии наук СССР. Необходимость последней объяснялась тесной связью геологического строения Монголии и разрешением ряда важнейших вопросов геологии СССР, прежде всего связанных с распределением полезных ископаемых, поскольку «главные тектонические структуры Южной полосы Сибири» большей своей частью располагаются на территории Монголии¹⁰¹⁴.

Совет Министров СССР своим решением от 24 июня 1947 г. утвердил проведение только совместной с Комитетом наук экспедиции по изучению условий монгольского сельского хозяйства, результатом которой должна была стать разработка комплекса предложений и рекомендаций по его перспективной организации и развитию¹⁰¹⁵. Геологические исследования Монголии Академией наук не были поддержаны правительством и в рамках Монгольской комиссии больше не проводились.

На Сельскохозяйственную экспедицию Комитет наук возлагал большие надежды по оказанию помощи в решении задач, поставленных перед ним руководством Монголии на 1947–1951 гг. Монгольское научное сообщество должно было основное внимание уделить проблемам развития животноводства, его кормовой базе и вопросам водоснабжения пастбищ. Серьезную работу

¹⁰¹⁴ Письмо Н.И. Вавилова и Н.Г. Бруевича в Совмин СССР, май 1947 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 29. Папка 205. Д. 52. Л. 2–3.

¹⁰¹⁵ Постановление СССР № 2173–583с от 24 июня 1947 г.

требовалось также провести по экономическому анализу организации животноводства в стране, определению наиболее приемлемых для Монголии его хозяйственных форм (колхозы, госхозы, личные хозяйства и др.)¹⁰¹⁶.

План Монгольской комплексной сельскохозяйственной экспедиции разработал Институт географии с учетом поставленных перед Комитетом наук задач. Круг исследовательских проблем экспедиции и ее руководство еще в конце 1946 г. были согласованы с представителями Комитета наук Б. Жаргалсайханом и Б. Ширендыбом, во время их пребывания в Москве. Монгольская сторона подтвердила участие своих сотрудников в экспедиции и выделение в 1947 г. 136 000 тугриков для покрытия ее расходов на территории МНР¹⁰¹⁷. Академия наук со своей стороны выделяла еще 178 000 руб. из академических средств.

Распоряжением президента Академии наук С.И. Вавилова научным руководителем экспедиции был назначен академик А.А. Григорьев, директор Института географии, начальником – заведующий отделом географии сельского хозяйства этого же института, руководитель экономического отряда Монгольской экспедиции 1930–1931 гг. П.В. Погорельский.

В составе Сельскохозяйственной экспедиции планировалось, исходя из ее задач, четыре отряда – геоботанический (руководитель Е.М. Лавренко – БИН АН), животноводческий (руководитель Я.Я. Лус – Институт эволюционной морфологии), по изучению водных ресурсов и экономический. По трем первым направлениям работы в Монголии уже проводились в 1920–1940-х гг. Результатом работы экспедиции должны были стать научно обоснованные рекомендации по комплексному решению проблем повышения продуктивности животноводства; улучшению пород скота; выявлению наиболее плодородных пастбищ; развитию системы водоснабжения пастбищ и др.

¹⁰¹⁶ Письмо И.Н. Устюжанинова к С.И. Вавилу, 25 сентября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1946. Д. 211. Л. 15–21.

¹⁰¹⁷ Письмо Б. Жаргалсайхана и Б. Ширендыба в Президиум АН, 17 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

Экономические исследования в довоенный период практически так и не были осуществлены. Попытки провести их в рамках комплексных Монгольских экспедиций в 1930–1931 гг. конкретных результатов не дали. Была лишь начата отработка методик проведения обследований состояния первых колхозов и госхозов и сбора статистических сведений о населении, его численности, занятости, социальном составе и др. Некоторые общие промежуточные результаты нашли отражение в отчетных докладах руководителя этих Монгольских экспедиций И.Г. Дмитриева¹⁰¹⁸. Полного отчета о проведенной работе Академия наук от него так и не получила.

Следует отметить, что на момент организации Сельскохозяйственной экспедиции в Монголии не существовало службы государственной статистики и, соответственно, не проводились никакие переписи. Единственным экономическим обзором на тот момент оставалось опубликованное еще в 1921 г. исследование И.М. Майского «Современная Монголия», сделанное им по заказу Иркутской конторы Центросоюза. В силу этого экономико-географическая группа, которая полностью формировалась Институтом географии, по замыслу П.В. Погорельского должна была затронуть, кроме экономического анализа состояния животноводства, широкий круг других вопросов: изучение социального состава монгольского худона (сельского поселения), особенностей организации кочевого хозяйства, его товарооборота, выявление динамики поголовья скота и др. Решать эти вопросы предполагалось проведением выборочного статистико-экономического обследования разных районов страны. Что касается желания П.В. Погорельского заняться изучением кочевого хозяйства, то данный вопрос был одним из самых политически актуальных на тот момент для Монголии: МНРП вновь поставила на повестку дня активизацию кооперирования аратов. На этот раз руководство страны старалось избежать ошибок и перегибов, приведших к трагическим событиям начала 1930-х гг. (восстания и мятежи

¹⁰¹⁸ Отчет И.Г. Дмитриева, октябрь 1930 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 239–247.

против насильственной кооперации). П.В. Погорельский как раз являлся одним из крупнейших специалистов СССР по экономике кочевых хозяйств¹⁰¹⁹. Кроме того, исходя из собственного понимания сути проводимых работ, П.В. Погорельский добавил к программе экспедиции классические вопросы политэкономии: изучение преломления теории некапиталистического развития на примере МНР; изменение классовой структуры населения Монголии на разных исторических этапах; социальные и экономические взаимоотношения среди населения в настоящее время; а также анализ развития культуры, здравоохранения и улучшения материально-бытовых условий населения¹⁰²⁰. По итогам работы планировалось подготовить коллективную монографию «Экономическая география Монголии». Таким образом, основной акцент в работе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции ее начальник хотел сделать именно на экономическом обследовании, чтобы на его основании выдать рекомендации руководству Монголии о проведении социально-экономических реформ в сельском хозяйстве страны.

Однако такая обширная программа экономических работ не могла быть выполнена в рамках планируемой экспедиции. Ни необходимых кадров, ни финансирования у Монгольской комиссии на такие масштабные проекты не было. В то же время П.В. Погорельский, как показывают архивные документы, не хотел идти на компромисс по содержанию программы работ и впоследствии во всех возникших проблемах в работе экономического отряда экспедиции обвинял Монгольскую комиссию. Его действия стали поводом для рассмотрения вопроса о целесообразности деятельности Комиссии в качестве координатора сотрудничества Академии наук и Комитета наук и, в итоге, ее упразднения.

¹⁰¹⁹ О П.В. Погорельском см.: *Митин В.В.* Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003 / Отв. ред. В.М. Орел. М.: Диполь-Т, 2003. С. 193–195.

¹⁰²⁰ Пояснительная записка // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 4. Л. 119–121.

Выбор кандидатуры П.В. Погорельского на должность начальника Монгольской сельскохозяйственной экспедиции был во многом предопределен его личной инициативой. Фактически сразу после совещания российских и монгольских ученых в Москве, состоявшемся 2 июля 1945 г. по вопросу возобновления сотрудничества, П.В. Погорельский направил большую докладную записку в ЦК ВКП(б) – своего рода программный документ по организации экономического обследования в Монголии. По его мнению, основанному на опыте предыдущих работ, экономические рекомендации для Монголии в большинстве своем были «суррогатами», а не «серьезной наукой». В связи с этим П.В. Погорельский настаивал, что работы по анализу развития сельского хозяйства, о проведении которых просила монгольская сторона, должны быть «организованы по-особому», а именно «под большим внимательным контролем партийной организации» Президиума АН¹⁰²¹. Обстановка в Монголии, считал П.В. Погорельский, сложная, и если проводить серьезные исследования по экономике сельского хозяйства, то необходимо обратиться к опыту проведения комплексных сельскохозяйственных исследований в Казахстане, Киргизии, Туркмении, Северном Кавказе. Условием успешности, полагал П.В. Погорельский, должна явиться слаженность работы всех отрядов Сельскохозяйственной экспедиции, авторитетность ее руководства и, самое главное, известная осторожность в суждениях до конца разработки материалов, до «политической апробации выводов». То есть экономическая группа «не может быть подчинена руководству экспедиции, если оно будет назначено из людей, не имеющих отношения к большой политике», – заключал П.В. Погорельский, поскольку «в обстановке неизбежных классовых противоречий» преждевременное обнародование каких-либо экономических материалов совершенно недопустимо¹⁰²².

¹⁰²¹ Копия докладной записки П.В. Погорельского, 6 июля 1945 г. // Архив РАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 4. Л. 138.

¹⁰²² Там же. Л. 142.

Далее в своем обращении в ЦК партии П.В. Погорельский высказывал личное мнение по формированию экспедиции. Руководящее, «цементирующее» ее звено должно быть составлено из экономистов, которые будут обязаны разработать программу для всех участников экспедиции, чтобы не получилось того, «что обычно получается в наших так называемых комплексных экспедициях Академии наук, в которых по существу никакого комплекса, как правило, нет», писал П.В. Погорельский, вспоминая опыт работы в монгольских экспедициях 1930–1931 гг.¹⁰²³ Во избежание повторения ошибок организацией экспедиции должна заниматься не только Монгольская комиссия, но и, исходя из вышесказанного, партийные органы.

Таким образом, уже на этапе инициирования Сельскохозяйственной экспедиции возникли принципиальные разногласия по ее общей концепции между Монгольской комиссией, отражающей взгляд научного сообщества, и П.В. Погорельским, являвшимся поборником неразрывной связи экономической науки и политики.

Формирование программы и отрядов экспедиции сопровождалось обращениями П.В. Погорельского для разрешения спорных вопросов в Президиум АН, на которые руководство Монгольской комиссии должно было давать обстоятельные ответы и разъяснения. Вследствие постоянно возникавших организационных проблем Сельскохозяйственная экспедиция смогла приступить к работе только осенью 1947 г., причем, по мнению П.В. Погорельского, при остром недостатке научных кадров¹⁰²⁴. В Монголию для окончательного составления и согласования программ и планов работ с Комитетом наук выехали вместе с П.В. Погорельским ботаники А.В. Калинина и В.И. Грубов (1917–2009) и два экономиста. По итогам поездки П.В. Погорельский представил уточненный план исследований на 1948 г., рассчитанный на работу 69 (!) человек. Президиум АН не согласился с таким раздуванием штатов, посчитав, что Институт географии

¹⁰²³ Там же.

¹⁰²⁴ Докладная записка в ЦК ВКП(б), февраль 1950 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 159. Л. 14.

в лице П.В. Погорельского не справился с возложенными на него организационными вопросами.

В июле 1948 г. постановлением Президиума АН Сельскохозяйственную экспедицию из Института географии полностью передали в ведение Монгольской комиссии в целях «лучшей межинститутской координации комплексных работ»¹⁰²⁵, а научное руководство экспедиции перешло от А.А. Григорьева к академику Б.Б. Полынову. Начальником экспедиции оставили П.В. Погорельского. Планирование и выполнение работ по отдельным направлениям, а также комплектование отрядов научными сотрудниками было возложено на соответствующие академические институты.

П.В. Погорельский был не согласен с таким решением и активно боролся за передачу права научного руководства экспедицией Институту географии. Его главным упреком в адрес Монгольской комиссии являлась, по его мнению, ее административно-организационная некомпетентность. Все проблемы Сельскохозяйственной экспедиции уважаемый экономист связывал с ее подчинением Комиссии. И, наоборот, утверждал, что успешные исследования Палеонтологической и Историко-этнографической экспедиций были организованы конкретными институтами. Монгольская комиссия, полагал он, «по научному профилю, знаниям, работоспособности не могла осуществлять ни научного, ни тем более административного руководства» работами для эффективной помощи Монголии. Эту точку зрения П.В. Погорельский «по долгу своей партийной совести и как научный работник, изучающий советский и зарубежный Восток в течение 25 лет» и изложил в своем обращении к президенту Академии наук С.И. Вавилову (июль 1948 г.)¹⁰²⁶.

В ответном письме за подписью и. о. академика-секретаря В.П. Никитина (1893–1956) ему была разъяснена суть его ошибок¹⁰²⁷. Основным недостатком

¹⁰²⁵ Постановление Президиума АН, июль 1948 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 166. Л. 19.

¹⁰²⁶ Письмо П.В. Погорельского к С.И. Вавилову, июль 1948 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 166. Л. 6–8.

¹⁰²⁷ Письмо Президиума АН к П.В. Погорельскому, 31 августа 1948 г. // Там же. Л. 10.

П.В. Погорельского Президиум АН считал несоблюдение им обязательного условия проведения работ, на которое было указано в постановлении Совета Министров об организации Сельскохозяйственной экспедиции: исследования должны проходить совместно с Комитетом наук при привлечении к работам монгольских кадров. Вторым серьезным недостатком в его руководстве была признана его излишняя самостоятельность, принятие решений без согласования с соответствующими институтами и Президиумом АН.

Монгольской комиссии пришлось провести большую работу по устранению допущенных ошибок в организации экспедиции, включая разработку ее новой программы и структуры. В своей деятельности Комиссия поддерживала постоянную консультационную связь с МИДом. Новые планы были утверждены в ОГГН, рассмотрены Президиумом АН и направлены в правительство, где и было принято соответствующее постановление о продлении работы экспедиции в 1948 г.

Несмотря на все усугубляющийся конфликт между начальником экспедиции и руководством Академии наук относительно организации деятельности экономического отряда, научная работа по другим направлениям шла в соответствии с разработанным планом. В 1948 г. в составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции кроме экономического работали ботанический (или растениеводческий и кормовой), гидрологический, животноводческий в составе: ботаников В.И. Грубова и А.В. Калининой, гидрологов П.А. Дервянко и А.Т. Иванова, животноводов-зоотехников И.Ф. Шульженко и В.М. Ивашкина. Кроме того, А.А. Юнатов в качестве сотрудника Сельскохозяйственной экспедиции в течение 1948 г. в БИН АН обрабатывал свои материалы, собранные во время пребывания в Монголии в 1940–1947 гг., и готовил их для публикации¹⁰²⁸.

¹⁰²⁸ Карамышева З.В. Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии // Монголо-русское научное сотрудничество: От Учкома до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 136–152.

В работе экспедиции принимал непосредственное участие один из руководителей Комитета наук (в 1953–1957 его председатель), будущий академик Академии наук МНР Н. Жагварал (1919–1987) – специалист по экономике аратских хозяйств¹⁰²⁹, также будущий академик М. Наваанчимэд (1919–1985) и другие, тогда только начинающие свою научную деятельность а в будущем известные монгольские исследователи.

Следует отметить, что работа Сельскохозяйственной экспедиции проходила в условиях разворачивающейся кампании по усилению идеологического контроля в стране. Первые удары в конце лета 1946 г. пришлись на деятелей литературы и искусства, несколько позже – и на научное сообщество¹⁰³⁰. Весной 1947 г. начали с «проработки» за безыдейность и аполитичность философов¹⁰³¹, летом этого же года была развернута большая пропагандистская кампания против микробиологов, работавших над проблемой получения лекарства против рака, так называемое «дело КР» (Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина)¹⁰³², осенью активизировались нападки агробиологов, возглавляемых Т.Д. Лысенко, на генетиков. Апогеем этого противостояния стала, как известно, августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Победа Т.Д. Лысенко, поддержанного И.В. Сталиным, ознаменовала собой не только торжество идей мичуринской биологии над генетикой, но и начало очередной «чистки» научного сообщества, на этот раз от

¹⁰²⁹ Нямын Жагварал (1919–1987) – экономист, академик (1961). В 1938 г. окончил Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве; в 1940–1945 гг. аспирант Московского института востоковедения, первый монгольский кандидат экономических наук (1945). В 1953–1957 – председатель Комитета наук, в 1957–1961 – министр сельского хозяйства, заместитель председателя Совета Министров МНР. Автор работ по проблемам социалистического преобразования сельского хозяйства.

¹⁰³⁰ Подробно см., напр.: *Кременцов Н.Л.* Советская наука и холодная война // Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 783–817.

¹⁰³¹ См., напр.: *Есаков В.Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83–106.

¹⁰³² Подробно см.: *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Сталинские «суды чести». Дело «КР». М., 2005; *Кременцов Н.Л.* В поисках лекарства против рака. Дело «КР». СПб., 2004.

приверженцев классической генетики, сопровождавшейся разнообразными оргвыводами, кадровыми перестановками и учрежденческими перетасовками (институты и лаборатории закрывались, объединялись, реорганизовывались и т. п.).

Происходящие события напрямую коснулись Монгольской комиссии. Комплектование штатами Сельскохозяйственной экспедиции штатами в 1948 г. в значительной степени было затруднено дискуссией, спровоцированной «на фронте биологической науки». Одним из ее следствий стала реорганизация Института эволюционной морфологии, который должен был руководить работами животноводческого отряда экспедиции. Как указано в отчете Комиссии за 1948 г., это обстоятельство «помогло освободиться от таких кандидатур, которые могли оказаться несоответствующими по своим научным воззрениям»¹⁰³³. Например, от профессора Я.Я. Луса! Он являлся одним из крупнейших и авторитетнейших специалистов в области фенотипа, под его руководством начиналось изучение монгольского животноводства еще в 1931 г., и теперь Я.Я. Лус был отстранен от работы в Монголии. Кроме него к работе в экспедиции не были допущены еще три человека. Вместо Я.Я. Луса руководителем животноводческого отряда был назначен И.Ф. Шульженко, в это время являвшийся проректором МонГУ.

Подводя итоги деятельности за 1948 г., Монгольская комиссия, не вдаваясь в подробности «производственного» конфликта, отметила, что в целом план Сельскохозяйственной экспедиции, предусмотренный постановлением правительства 1947 г., выполнен. В 1949 г. на основе анализа собранных материалов предполагалось сделать следующий шаг: перейти уже «к проработке и экспериментированию мероприятий по реконструкции, организационному укреплению и техническому и экономическому развитию сельского хозяйства МНР»¹⁰³⁴.

¹⁰³³ Отчет Монгольской комиссии за 1948 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 166. Л. 26.

¹⁰³⁴ Отчет Монгольской комиссии за 1948 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 166. Л. 21.

Комитет наук также положительно отозвался о ее деятельности в 1948 г. Особенно был отмечен вклад экспедиции в подготовку национальных научных кадров. В постановлении президиума Комитета наук от 26 ноября 1948 г. указывалось, что за год, благодаря помощи сотрудников экспедиции, было подготовлено 12 (восемь человек по экономике и четыре по животноводству) младших научных сотрудников, которые могут теперь выполнять самостоятельные исследования. В качестве пожелания Комитет наук просил Президиум АН принять меры для полного и своевременного выполнения запланированных экспедицией программ на следующий год¹⁰³⁵. Благодарственное письмо за содействие работе Сельскохозяйственной экспедиции было направлено также председателю Монгольской комиссии академику В.А. Обручеву¹⁰³⁶.

В феврале 1949 г. на заседании Бюро ОГГН работа экспедиции также была признана вполне удовлетворительной, а организационные проблемы предлагалось решить путем укрепления статуса Монгольской комиссии в системе Академии наук, для чего разработать новое Положение о Комиссии. Бюро ОГГН высказало мнение, что Монгольская комиссия сможет в полной мере решать задачи по координации работ советских ученых с Комитетом наук, только являясь общеакадемической комиссией, т. е. находясь в непосредственном ведении Президиума АН¹⁰³⁷, как это было в довоенные годы, а не отделения. Однако Президиум не счел нужным перевести Комиссию в свое подчинение, и она продолжила свою работу по подготовке очередного полевого сезона Сельскохозяйственной экспедиции в структуре ОГГН.

Несмотря на положительные отзывы Комитета наук о работе экспедиции, ее деятельность вызвала беспокойство у руководства МИД в связи с сокращением объема заявленных при ее утверждении экономических исследований. Внешнеполитическое ведомство было также в курсе конфликта начальника

¹⁰³⁵ Постановление Комитета наук, 26 ноября 1948 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 159. Л. 14.

¹⁰³⁶ Письмо Комитета наук к В.А. Обручеву // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 159. Л. 18.

¹⁰³⁷ Протокол заседания, 2 февраль 1949 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 159. Л. 12–13.

экспедиции с Монгольской комиссией и Президиумом АН. В связи с выяснившимися обстоятельствами глава МИД А.Я. Вышинский 16 мая 1949 г. направил С.И. Вавилову запрос: «Сможет ли экспедиция обеспечить успешное выполнение предусмотренных работ», поскольку «по имеющимся сведениям», в 1947–1948 гг. она работала не в полном составе и до сих пор не был утвержден ее новый начальник вместо П.В. Погорельского¹⁰³⁸. На запрос МИДа ответил Главный ученый секретарь Президиума А.В. Топчиев (1907–1962). Он объяснил, что работы 1947 г. носили подготовительный характер, первоначальный план пересмотрен и для его выполнения Президиум принял меры к укреплению руководства экспедиции высококвалифицированными учеными¹⁰³⁹. Однако какими – в письме не было указано. Полученный ответ не удовлетворил МИД. Вскоре в Президиум АН поступил вторичный запрос, на этот раз от заместителя главы МИД А.А. Громыко. Его письмо основывалось на информации, в очередной раз поступившей от посланника СССР в Монголии Ю.К. Приходова, что работы Сельскохозяйственной экспедиции находятся под угрозой срыва: нет ни авторитетного руководства, ни необходимого количества квалифицированных научных работников. МИД полагал, – обращался А.А. Громыко к С.И. Вавилову, – что Академией наук будут приняты срочные меры, обеспечивающие выполнение экспедицией поставленных перед ней важных задач¹⁰⁴⁰.

Следует отметить, что речь в запросах МИД шла исключительно о заявленных экономических работах, на которые возлагали большие надежды как монгольское правительство, так и советские советники в Монголии, полагая, что их результаты помогут форсировать экономическое развитие страны. Однако по не совсем понятным причинам в 1949 г. Сельскохозяйственная экспедиция по-

¹⁰³⁸ Письмо Вышинского к С.И. Вавилову, 16 мая 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 31. Папка 213. Д. 49. Л. 3.

¹⁰³⁹ Письмо А.В. Топчиева в МИД СССР, 7 июня 1949 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 31. Папка 213. Д. 49. Л. 4.

¹⁰⁴⁰ Письмо А.А. Громыко в Президиум АН, 13 июня 1949 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 31. Папка 213. Д. 49. Л. 7.

прежнему работала под руководством П.В. Погорельского. В Монголии продолжили исследования: ботанико-растениеводческий отряд (А.В. Калинина, А.А. Юнатов), животноводческий (И.Ф. Шульженко, В.М. Ивашкин), гидрологический (П.А. Деревянко) и экономический во главе с П.В. Погорельским.

Отчет экспедиции за 1949 г. рассматривался на заседании специально созданного для этого Ученого совета Монгольской комиссии, в состав которого вошли члены-корреспонденты П.А. Баранов (1892–1962) и Е.М. Лавренко, профессор В.Е. Писарев и ученый секретарь Комиссии М.К. Расцветаев. На его первом заседании 27 декабря 1949 г. был заслушан доклад П.В. Погорельского, в котором он доложил основные результаты сделанного в 1948–1949 гг., высказал свои предложения по исправлению организационных трудностей в работе и подвел некоторые промежуточные итоги¹⁰⁴¹. В частности, П.В. Погорельскому пришлось признать, что первоначально намеченная программа явно не по силам экспедиции. Для своего осуществления она требует огромной подготовки и «соответствующего перелома в Институтах, привлекаемых к участию в работах экспедиции»¹⁰⁴². Одним из таких «переломных моментов» является изменение методики работы: переход к продолжительным, 3–5 лет, стационарным работам, обеспечить которые своими людьми Академия наук не в состоянии. Поэтому, полагал П.В. Погорельский, следует усилить подготовку национальных монгольских кадров и разработать для них программы и методические указания.

Несмотря на ряд интересных конкретных предложений и критических замечаний, в целом в докладе было много упреков в адрес отдельных академических институтов и Президиума АН за их нежелание, по мнению докладчика, принять необходимые организационные меры для выполнения экспедицией ее главной задачи: разработать рекомендации по совершенствованию структуры монгольского животноводства и повышению его

¹⁰⁴¹ Протокол заседания, 27 декабря 1949 г. // Архив РАН. Ф. 602. Оп. 3. Д. 11. Л. 13–22.

¹⁰⁴² Конспект отчета, декабрь 1949 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 161. Л. 76.

продуктивности. В феврале 1950 г. П.В. Погорельский передал специально подготовленный по итогам работы Сельскохозяйственной экспедиции доклад «О мероприятиях по дальнейшему развитию животноводства в МНР» в ЦК партии. По истечении более шестидесяти лет доклад не рассекречен¹⁰⁴³. Мы предполагаем, что его материалы содержат некоторые политические и экономические выводы, которые, как указывал в своем письме в ЦК ВКП(б) в 1945 г. автор доклада, «в обстановке неизбежных классовых противоречий» преждевременно обнародовать было «совершенно недопустимо». Возможно также, что в докладе содержалась слишком резкая критика монгольских и советских партийных и хозяйственных органов за неэффективность проводимых мероприятий и допущенные ошибки в развитии животноводства в Монголии. Известно только одно: вскоре после этого доклада П.В. Погорельский подал заявление об уходе с поста руководителя экспедиции. В своем письме секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову в феврале 1950 г. он объяснил этот шаг тем, «что исчерпал все возможности воздействия на Академию наук»¹⁰⁴⁴, Президиум которой «отблагодарил» его выговором – впервые за 30 лет работы! – даже не заслушав его доклад.

Новым начальником Монгольской сельскохозяйственной экспедиции стал член-корреспондент АН, ботаник Е.М. Лавренко (академик с 1968 г.). Его назначение явилось действительным кадровым укреплением экспедиции. Руководителем экономического отряда был назначен советник правительства Монголии А.М. Печников, который хорошо знал проблемы сельского хозяйства страны, текущую внутривнутриполитическую обстановку и, что, возможно, являлось самым главным на тот момент, был «политически корректен» и предсказуем. Для общей координации экономических исследований заместителем председателя Монгольской комиссии был приглашен один из крупнейших советских экономистов академик В.С. Немчинов.

¹⁰⁴³ Отчет П.В. Погорельского, февраль 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 411. 123 л.

¹⁰⁴⁴ Письма П.В. Погорельского к Г.М. Маленкову, февраль 1950 г. // АВ ИВР РАН. Ф. 104. Оп. 1. Д. 166. Л. 15.

После назначения руководителем экспедиции ученого-естественника, авторитетного специалиста-ботаника серьезных проблем с ее работой в Монголии не возникало. Монгольская сельскохозяйственная экспедиция, пройдя в 1947–1949 г. сложный организационный период, в 1950–1951 гг. успешно проводила исследования естественнонаучного направления по совместной с Комитетом наук программе. Начальник экспедиции Е.М. Лавренко в беседе с первым заместителем премьер-министра Монголии Ч. Сурэнжавом 12 октября 1951 г. отметил, что полевые исследования, проведенные в 1951 г., «имели невиданный ранее размах». К изучению растениеводства, животноводства, гидрологическим и экономическим работам прибавились климатические наблюдения, почвенные исследования, разработка проблем заготовки кормов и другие вопросы¹⁰⁴⁵.

Что же конкретно было проделано? Сотрудник растениеводческого отряда А.В. Калинина в 1948–1951 гг. проводила стационарные исследования основных типов пастбищ горно-лесистой зоны (Хангай и Хэнтей) севера Монголии и пустынно-степной зоны (Северная Гоби) юга страны. Одно из безусловных достоинств ее работы – круглогодичное проведение наблюдений, что осуществлялось весьма редко. Подобные исследования были необходимы для разработки мероприятий по более полному и рациональному использованию природной кормовой базы Монголии¹⁰⁴⁶. Кроме того, ею же были проведены исследования по травосеянию в нескольких регионах Монголии. Работа А.А. Юнатова была посвящена кормовой оценке растений, слагающих травостой монгольских пастбищ и сенокосов. В своей монографии по ее итогам он дал

¹⁰⁴⁵ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 188–190.

¹⁰⁴⁶ Калинина А.В. Стационарные исследования пастбищ Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 3. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 60: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 5).

характеристику «свыше 550 видам флоры МНР в кормовом отношении, т. е. охватил около трети всей флоры страны»¹⁰⁴⁷.

По систематике растений Монголии большую работу провел В.И. Грубов, составив список (конспект) флоры страны, который стал основой для составления определителей растений, столь необходимых и ученым, и специалистам сельского хозяйства, и студентам для дальнейшего изучения флоры Монголии¹⁰⁴⁸.

В ходе зоотехнических работ проводилось выявление биологических и хозяйственных качеств разных видов скота в основных природных и хозяйственных районах МНР. Особенно следует отметить деятельность в этом направлении И.Ф. Шульженко, который продолжил исследования, начатые им в Монголии еще во время экспедиции 1931 г. Он также оказал большую помощь Комитету наук в организации собственных исследований по животноводству. Часть экспериментальных работ, проведенных под его руководством сотрудниками Комитета наук, была опубликована в «Трудах Монгольской комиссии» (вып. 66 и 69)¹⁰⁴⁹. Были также проведены общие исследования особо опасных для домашних животных страны гельминтов. Этой проблемой занимался В.М. Ивашкин. Его работа, по мнению академика К.И. Скрябина, «представляет

¹⁰⁴⁷ Лавренко Е.М. Предисловие // Юнатов А.А. Кормовые растения пастбищ и сенокосов Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 3. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 56: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 3).

¹⁰⁴⁸ Грубов В.И. Конспект флоры Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3–4. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 67: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 7).

¹⁰⁴⁹ Продуктивность монгольских пород животных (Сборник экспериментальных работ). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 160 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 66: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 6); Рост и продуктивность животных при круглогодичном пастбищном содержании. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 69: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции. 1947–1952 гг. Вып. 9).

значительный общетеоретический интерес с гельминтогеографической точки зрения»¹⁰⁵⁰.

Гидрологический отряд определил основные закономерности размещения поверхностных вод и на этой базе составил гидрологическую карту МНР. Экономический отряд, значительно сократив намеченную П.В. Погорельским программу в соответствии с кадровыми и финансовыми возможностями, тем не менее проделал значительную работу по анализу экономики индивидуальных аратских хозяйств, государственных хозяйств и конно-сенокосных станций, собрал статистику по динамике развития животноводства и провел другие работы¹⁰⁵¹.

Год 1951 был последним в экспедиционной деятельности Монгольской сельскохозяйственной экспедиции. Правительство не сочло необходимым продолжить ее работу, несмотря на просьбы Комитета наук. Еще год ушел на обработку и обобщение собранного материала для доклада, который, по условиям Постановления Совмина СССР 1947 г. о ее организации, необходимо было представить правительствам двух стран. Отчет о работе экспедиции за 1947–1951 г. был заслушан на заседании Ученого секретариата Президиума АН в начале декабря 1952 г. Он представлял собой три тома текста и два полутома карт. Доклад сделал Е.М. Лавренко (начальник экспедиции по естественнонаучным исследованиям) и заместитель председателя Монгольской комиссии академик В.С. Немчинов (экономические выводы)¹⁰⁵². Главным оппонентом по этому пункту явился П.В. Погорельский. Основное разногласие вызвало определение состояния монгольского животноводства и развития его хозяйственных форм.

¹⁰⁵⁰ *Скрябин К.И.* Предисловие // *Ивашкин В.М.* Гельминты сельскохозяйственных животных Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 68: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 8).

¹⁰⁵¹ История советско-монгольских отношений / Гл. ред. Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1981. С. 187.

¹⁰⁵² Отчет о заседании, декабрь 1952 // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 1–4.

П.В. Погорельский настаивал, что основа экономики Монголии – животноводство, находится в упадке. Причиной тому – налоговая политика государства, не дающая развиваться индивидуальным хозяйствам. В.С. Немчинов посчитал взгляды П.В. Погорельского «неверием в силу монгольского народа»¹⁰⁵³. В то же время выводы экономистов экспедиции соответствовали «политическому моменту»: трудности в животноводстве Монголии предлагалось решить все тем же путем кооперирования кочевого скотоводства, а не его интенсификацией, для которой нужны были серьезные долгосрочные исследования, и развитие разных организационных форм, в том числе и индивидуальных хозяйств. После дополнительного обсуждения доклада на заседании специально созданной комиссии 27 февраля 1953 г. отчет был утвержден Президиумом АН СССР. Деятельность Монгольской сельскохозяйственной экспедиции завершилась.

Об эффективности рекомендаций по развитию животноводства, сделанных на основании экономических работ Монгольской сельскохозяйственной экспедиции, сегодня судить сложно, зная, чем закончился эксперимент по строительству социализма в Монголии. Советская экономическая наука зачастую выдавала не взвешенные, обоснованные решения, а результаты, хорошо коррелирующие с партийными директивами, в данном случае МНРП. В то же время итоги естественнонаучных исследований, рекомендации по улучшению пород скота, выявлению и лечению его болезней, его содержанию, выбору пастбищ, условиям их водоснабжения и др. имели большое значение для развития сельского хозяйства Монголии. Большинство результатов исследований экспедиции (кроме экономических работ) были опубликованы в «Трудах Монгольской комиссии», в специальной серии «Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции АН СССР 1947–1952 гг.», в девяти

¹⁰⁵³ *Митин В.В.* Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2003. М., 2003. С. 193–195; *Он же.* Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941–1953 гг. // *Mongolica*–VI. СПб., 2003. С. 55–62.

выпусках¹⁰⁵⁴. Работы геоботанического направления, проведенные в рамках Сельскохозяйственной экспедиции, были продолжены совместной Советско-Монгольской биологической экспедицией (с 1991 г. – Российско-Монгольская комплексная биологическая экспедиция), организованной в 1970 г., которая работает до сих пор.

Вышеизложенные сюжеты о работе совместных экспедиций Академии наук СССР и Комитета наук МНР в Монголии позволяют сделать следующие выводы.

В первые послевоенные годы в Монголии работали три крупные советские экспедиции: Историко-этнографическая (1948–1949), Палеонтологическая (1946–1949), и Сельскохозяйственная (1947–1951). Они были организованы разными академическими учреждениями: Палеонтологическим институтом АН, Институтом истории материальной культуры и Монгольской комиссией. Инициатором их проведения выступил Комитет наук Монголии. Экспедиции имели длительный подготовительный этап, что было связано, прежде всего, с особенностями организации международных проектов Академии наук. Их рассматривали и утверждали на высших партийных (Политбюро ЦК ВКП(б)) и

¹⁰⁵⁴ *Vinner P.B.* Леса юго-западного Хентея. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 56 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 54: Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 1); *Калинина А.В.* Травосеяние в Монгольской Народной Республике. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 68 с. (Там же. Вып. 55: Там же. Вып. 2); *Юнатов А.А.* Кормовые растения пастбищ и сенокосов МНР. М.; Л., 1954 (Там же. Вып. 56: Там же. Вып. 3); *Калинина А.В.* Стационарные исследования пастбищ МНР. М.; Л., 1954. 128 с. (Там же. Вып. 60: Там же. Вып. 4); *Шульженко И.Ф.* Животноводство МНР. М.; Л., 1954. 236 с. (Там же. Вып. 61: Там же. Вып. 5); Продуктивность монгольских пород животных (Сборник экспериментальных работ). М.; Л., 1954. 160 с. (Там же. Вып. 66: Там же. Вып. 6); *Грубов В.И.* Конспект флоры МНР. М.; Л., 1955. 308 с. (Там же. Вып. 67: Там же. Вып. 7); *Ивашкин В.М.* Гельминты сельскохозяйственных животных МНР. М.; Л., 1955. 216 с. (Там же. Вып. 68: Там же. Вып. 8); Рост и продуктивность животных при круглогодичном пастбищном содержании. М.; Л., 1957 (Там же. Вып. 69; Там же. Вып. 9).

государственных (Совет Министров СССР) уровнях. Порядок прохождения документов по директивным инстанциям отражал строгий государственный контроль над сотрудничеством Академии наук СССР с Комитетом наук МНР. Организация Монгольских палеонтологической и историко-этнографической экспедиций была вызвана логикой развития соответствующих отраслей знания в данном территориальном направлении. Они имели исключительно научные, академические цели, их возглавляли авторитетные ученые. Для разработки исследовательских программ экспедиций Комитет наук предоставлял имеющиеся материалы, выделял рабочих, переводчиков, средства передвижения, финансировал работу своих сотрудников в их составе. В свою очередь сотрудники Палеонтологической и Историко-этнографической экспедиций помогли систематизировать материалы соответствующих разделов Государственного музея, участвовали в повышении квалификации монгольских исследователей, в развитии соответствующих научных направлений в Комитете наук.

Монгольская сельскохозяйственная экспедиция отличалась от двух предыдущих, прежде всего, своей сугубо прикладной направленностью. Включение в программу экспедиции помимо естественнонаучных экономических исследований привнесло в ее деятельность серьезные организационные проблемы. Они явились отражением разногласий относительно общей концепции Сельскохозяйственной экспедиции между Монгольской комиссией, представляющей взгляд научного сообщества на характер исследований, и руководителем экономического отряда, стремившегося сделать его деятельность приоритетной по отношению к естественнонаучным направлениям работ и провести экономическое обследование Монголии под контролем политических органов разных уровней (от партийной организации Президиума АН до ЦК партии). Комитет наук выделил на проведение экспедиции значительную сумму, покрывающую ее расходы на территории Монголии и работу своих сотрудников. Экономические выводы Сельскохозяйственной экспедиции не были

представлены широкой общественности. В то же время результаты естественнонаучных исследований практически все были опубликованы.

Все три экспедиции сыграли важную роль в формировании монгольских национальных кадров. В их составе проводили исследования несколько будущих академиков Академии наук МНР. Работы экспедиций были продолжены в рамках организованных в 1969–1970 гг. совместных советско-монгольских палеонтологической, историко-культурной и биологической экспедиций.

Однако, несмотря на крупные научные успехи экспедиций и готовность Академии наук и Комитета наук продолжить совместные исследования, Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании 6 июня 1950 г. отклонило просьбу о продолжении работы Палеонтологической и Историко-этнографической экспедиций в текущем году. Через год, в 1951 г., закончила свои исследования и Монгольская сельскохозяйственная экспедиция. Анализируя причины резкого сокращения деятельности российских ученых в Монголии и сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР, можно предположить, что этот факт свидетельствовал об изменении приоритетов советской внешней политики в центральноазиатском регионе, ее переориентации преимущественно на китайское направление, что нашло отражение в активном развитии начиная с 1950 г. советско-китайских научных контактов, а также расширении научного сотрудничества Академии наук с восточноевропейскими странами социалистического содружества.

§ 4.4. Упразднение Монгольской комиссии АН СССР

Охарактеризованы внутренние и внешние причины прекращения деятельности Монгольской комиссии АН СССР, попытки научного сообщества сохранить эту организационную форму сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР для продолжения изучения Монголии советскими учеными.

Самый активный период в деятельности Монгольской комиссии АН СССР пришелся на довоенные годы. В 1934 г., после вынужденного прекращения экспедиционных исследований (см. подпараграф 3.3.3) она продолжала взаимодействие с Комитетом наук МНР по другим направлениям сотрудничества (совместные публикации результатов исследования Монголии, организация обучения монгольской молодежи в аспирантуре при академических и других научных учреждениях, планирование продолжения исследовательских работ), являясь связующим звеном между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР. Со всеми вопросами по организации сотрудничества руководство Комитета наук (Ученого комитета) обращалось в Монгольскую комиссию, к ее руководству: к С.Ф. Ольденбургу (в 1927–1929 гг.) и к В.Л. Комарову (в 1930–1945 гг.). Начиная с 1940 г. ситуация начала меняться: руководители Комитета наук стали контактировать непосредственно с Президиумом АН СССР и с конкретными академическими институтами. Во многом это было связано с тем, что председатель Монгольской комиссии, академик В.Л. Комаров, в 1935 г. стал президентом АН СССР. Кроме того, с 1940 г. в Комитете наук работали советские советники, а также расширились личные контакты руководства и сотрудников Комитета наук с советскими учеными и научными учреждениями, проводившими или планировавшими исследования в Монголии. Таким образом, значимость Монгольской комиссии как координатора советско-монгольского сотрудничества стала уменьшаться. Данное обстоятельство нашло отражение в очередном (последнем в истории ее деятельности) Положении о Комиссии, утвержденном Президиумом АН 10 мая 1950 г. В этом документе Монгольская комиссия определялась как «научно-организационный орган» Академии наук в составе ОГГН¹⁰⁵⁵. Ее главными задачами являлись: планирование и координация научно-исследовательских работ институтов Академии наук по изучению природы, природных ресурсов, населения, народного хозяйства, истории и культуры Монголии, а также контроль над их выполнением; составление перспективных

¹⁰⁵⁵ Положение о Монгольской комиссии. // Архив РАН. Ф. 602. Оп. 3. Д. 11. Л. 2–3.

планов экспедиционных и стационарных работ в сотрудничестве с Комитетом наук или по его просьбе; издание результатов научных исследований.

Таким образом, «Положение» отразило качественное изменение в деятельности Комиссии: от «центра по организации и проведению исследований в Монголии» она стала «органом Академии наук» по координации работы единственного послевоенного совместного проекта – Монгольской сельскохозяйственной экспедиции. Все остальные проекты Комиссии, хотя и были поддержаны руководством Академии наук и Комитета наук, не были утверждены правительством.

Следует отметить, что после окончания Второй мировой войны значительно расширились международные контакты Академии наук. Для координации международной деятельности в Президиуме АН в 1948 г. было создано специальное подразделение – Иностраннный отдел. Особенно активно международное сотрудничество Академии наук СССР стало развиваться в начале 1950-х гг., прежде всего с научными организациями восточноевропейских стран социалистического содружества и Китая. В этих странах (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии Чехословакии, Китае) в период 1946–1952 гг. на базе национальных научных обществ были созданы государственные академии наук со схожими с АН СССР структурой и функциями¹⁰⁵⁶. Учитывая такую централизацию академической международной деятельности, в Президиуме АН в начале 1950 г. встал вопрос об упразднении Монгольской комиссии. Первоначально претензии к Комиссии носили форму неудовлетворенности результатами работы ее штатных сотрудников. Об этом, в частности, В.А. Обручев писал в январе 1950 г. И.П. Рачковскому. Председатель Комиссии сообщал своему помощнику, что, по имеющимся у него сведениям, Монгольской комиссии угрожает ликвидация, причем одним из недостатков ее работы является отсутствие за последние десять лет научных трудов у И.П. Рачковского и

¹⁰⁵⁶ *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран – членов СЭВ: 1957–1967. М.: Наука, 1974. 208 с.

З.А. Лебедевой¹⁰⁵⁷. Постановка вопроса кажется несколько странной, учитывая, что в задачи Комиссии не входила индивидуальная исследовательская работа ее штатных научных сотрудников (на тот момент их было двое).

В середине этого же года вопрос о целесообразности деятельности Монгольской комиссии перед Президиумом АН был поднят уже ЦК партии. Ответ Президиума, согласованный с МИД СССР, на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова последовал 10 июня 1950 г.¹⁰⁵⁸ В письме была кратко представлена история организации и деятельности Монгольской комиссии. Отмечено, что в 1945 г. она возобновила свою деятельность по просьбе Комитета наук МНР. Одновременно Президиум АН указал, что работавшие в Монголии Палеонтологическая и Историко-этнографическая экспедиции были организованы непосредственно соответствующими институтами, без участия Монгольской комиссии. Сельскохозяйственная экспедиция также работала в основном при непосредственном руководстве Президиума. Учитывая вышперечисленные обстоятельства, а также в связи с тем, что Комиссия, по мнению Президиума АН, «выполнила свои задачи» по оказанию научной помощи Монголии, Президиум АН считал возможным упразднить Монгольскую комиссию¹⁰⁵⁹. К письму был даже приложен проект распоряжения Совмина «О ликвидации Монгольской комиссии АН СССР». Однако это распоряжение в 1950 г. так и не было утверждено правительством.

Практически одновременно с этим письмом руководство Академии наук 12 июня 1950 г. обратилось к заместителю министра иностранных дел А.А. Громыко с предложением отметить в следующем году 30 лет Монгольской народной революции и, «принимая во внимание, что Академия наук ведет исследования в МНР с 1927 г.», провести ряд научных мероприятий: научную

¹⁰⁵⁷ Записка В.А. Обручева к И.П. Рачковскому, 31 января 1950 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 138. Л. 1–1 об.

¹⁰⁵⁸ Письмо Президиума АН к Г.М. Маленкову, 10 июня 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 32. Л. 120–121.

¹⁰⁵⁹ Там же.

сессию Монгольской комиссии АН с привлечением материалов академических экспедиций Академии наук и других научных организаций и ведомств; выставку, посвященную истории, природе и населению Монголии; издать юбилейный сборник, «в котором должны быть подведены итоги 30-летней работы советских ученых по изучению природы, населения и хозяйства МНР»¹⁰⁶⁰. Внешнеполитическое ведомство не возражало против намеченных Президиумом мероприятий, только, как всегда, обратило внимание руководства Академии наук на необходимость согласования с МИД планируемых торжеств, «чтобы в материалах выставки и юбилейного сборника не оказалось сведений, не подлежащих оглашению»¹⁰⁶¹. Но намеченные юбилейные мероприятия не были реализованы. Анализ архивных материалов дает возможность предположить, что осуществлению этой идеи во многом помешал непрекращающийся конфликт П.В. Погорельского с Монгольской комиссией, которая должна была возглавить эту работу. Многочисленные апелляции в директивные органы бывшего начальника Сельскохозяйственной экспедиции, заставили правительство и Политбюро «строго» оценить монгольское направление деятельности Академии наук. Кроме нареканий по работе Сельскохозяйственной экспедиции, много вопросов возникло относительно сроков подготовки рукописи «Истории МНР», завершение которой, запланированное на 1950 г., затягивалось.

Вновь вопрос об упразднении Монгольской комиссии был поднят в начале декабря 1952 г. на заседании Ученого секретариата Президиума АН после доклада о работе Сельскохозяйственной экспедиции в 1947–1951 гг. В проекте резолюции по докладу в «порядке самокритики» был указан целый ряд недостатков в организации и проведении исследований. По-видимому, этих замечаний было больше, чем того требовала простая формальность соблюдения очередной партийной директивы «Наука не может свободно развиваться без критики и

¹⁰⁶⁰ Письмо С.И. Вавилова и А.В. Топчиева в МИД, 12 июня 1950 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 32. Папка 218. Д. 48. Л. 5–6.

¹⁰⁶¹ Письмо из МИДа в Президиум АН СССР, 22 июля 1950 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 32. Папка 18. Д. 48. Л. 7.

самокритики»¹⁰⁶², и вызвали некоторое удивление главного ученого секретаря Академии наук А.В. Топчиева. Он заметил, что если эти недочеты действительно имели место в полной мере, тогда непонятно, как могла экспедиция добиться таких впечатляющих, судя по отчету, положительных результатов. Тем не менее, А.В. Топчиев предложил пересмотреть последний пункт проекта резолюции: «Поручить Монгольской комиссии представить докладную записку в правительство СССР о формах и порядке дальнейшей научной помощи МНР». Он посчитал нецелесообразным продолжение деятельности Монгольской комиссии, поскольку Сельскохозяйственная экспедиция закончила свою работу, а других проектов у Комиссии не было.

Участовавшие в заседании ученые не поддержали это предложение. Так, В.С. Немчинов в достаточно резкой форме отверг такую постановку вопроса, заметив, что на заседании рассматривается и обсуждается деятельность экспедиции, а не Монгольской комиссии. Тем более что ее руководитель отсутствует (В.А. Обручев был болен). К его мнению присоединился другой член Комиссии – академик И.М. Майский. Он считал безусловно необходимым сохранить в Академии наук учреждение, занимающееся вопросами организации изучения Монголии. Обсуждаться должен, по его мнению, только вопрос о его организационной форме.

Однако руководство Академии наук осталось при своем мнении, и к весне 1953 г. Президиум АН уже решительно поставил вопрос о прекращении деятельности Монгольской комиссии¹⁰⁶³. Председатель Комиссии В.А. Обручев начал активно бороться за существование учреждения, в котором он состоял

¹⁰⁶² Этот тезис прозвучал в докладе Г.М. Маленкова на XIX съезде КПСС в 1952 г. (*Колчинский Э.И., Конашев М.Б.* Как «Правда» учила «Ботанический журнал» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 48).

¹⁰⁶³ Подробнее см.: *Митин В.В.* Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941–1953 гг. // *Mongolica–VI.* СПб., 2003. С. 59–61; *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб., 2006. С. 202–208.

более четверти века, и которое представлялось ему одним из важнейших звеньев в системе научных связей с Монголией. Он пытался убедить президента Академии наук А.Н. Несмеянова в необходимости сохранения преемственности еще дореволюционных исследований Центральной Азии, и если не Монгольская комиссия, то кто-то другой должен был бы продолжить изучение Монголии (и, добавлял он, также Китая). В.А. Обручев предложил преобразовать Монгольскую комиссию в Комитет по изучению природы стран Внутренней Азии при СОПС¹⁰⁶⁴. Идею В.А. Обручева поддержал его заместитель и одновременно председатель СОПС академик В.С. Немчинов. В своем письме А.Н. Несмеянову он призывал его более осторожно рассматривать вопрос о судьбе Комиссии, которая была носителем «огромного опыта российских научных исследований в Монголии» и «органом помощи русской науки братской стране» в изучении ее природных ресурсов. «Наличие общей границы с МНР огромной протяженности в связи с другими важными обстоятельствами приводят нас к тому, – писал В.С. Немчинов, – что МНР особенно нуждается в помощи русской науки и изучении природных ресурсов»¹⁰⁶⁵. Поскольку СОПС изучает ресурсы двух смежных с Монголией республик СССР (Тува и Бурятия), то председатель СОПС считал возможным, если Президиум сочтет необходимым, при уточнении структуры Академии наук передать Монгольскую комиссию в ведение СОПС.

Были и другие предложения по сохранению Монгольской комиссии. Например, передать ее в Институт востоковедения. Этот вопрос серьезно обсуждался в Ученом секретариате Академии наук. Но поскольку Институт востоковедения АН не занимался вопросами изучения природных ресурсов, на что была прежде всего ориентирована деятельность Комиссии, этот вариант оказался также неприемлемым.

¹⁰⁶⁴ Письмо В.А. Обручева к А.Н. Несмеянову, 23 апреля 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 6.

¹⁰⁶⁵ Письмо В.С. Немчинова к А.Н. Несмеянову, 23 апреля 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 8–9.

В конце концов решение было принято, но не в пользу Комиссии. Постановлением Президиума АН от 15 мая 1953 г. Монгольская комиссия была упразднена. Президент Академии наук А.Н. Несмеянов в письме В.А. Обручеву так объяснил это решение: «Уточняя структуру Академии наук СССР, Президиум счел необходимым большую часть комиссий передать институтам, а другую часть комиссий ликвидировать. Это позволит сосредоточить всю научную и научно-организационную деятельность Академии в ее институтах и Бюро отделений <...>. Монгольская комиссия была создана в свое время для оказания помощи развитию науки молодой народной республики. В настоящее время возник ряд народно-демократических республик, и в Советском Союзе созданы соответствующие учреждения для оказания им научной и научно-технической помощи, поэтому нет необходимости иметь особую Монгольскую комиссию»¹⁰⁶⁶. Как водится в подобных случаях, президент поблагодарил В.А. Обручева за большую работу, отметив, что под его руководством Монгольская комиссия провела важные исследования, о чем неоднократно в устной и письменной форме сообщал ему председатель Комитета наук Монголии Ц. Дамдинсурэн.

Однако борьба за Монгольскую комиссию на этом не закончилась. В.А. Обручева вовсе не удовлетворили объяснения президента Академии наук и он обратился в Президиум АН. В своем письме В.А. Обручев подчеркнул, что из решения о ликвидации Монгольской комиссии, которая около 30 лет организовывала изучение географии, геологии, сельского хозяйства различных областей Монголии, следует, что «исследование областей Внутренней Азии, начатое Географическим обществом в 1870 г., как будто признано ненужным», что теперь ставится крест не только на всем этом, но и на экспедициях Н.М. Пржевальского и его преемников. В заключение письма руководитель теперь уже не существующей Комиссии просил Президиум АН предоставить

¹⁰⁶⁶ Письмо А.Н. Несмеянова к В.А. Обручеву, 30 мая 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 10.

возможность хотя бы для завершения работ, выполнявшихся Комиссией, прежде всего возможность публикации результатов исследований¹⁰⁶⁷.

Днем раньше на заседании Бюро ОГГН также было принято решение просить Президиум АН отложить ликвидацию Монгольской комиссии хотя бы до конца 1953 г., чтобы она закончила обработку материалов и издание трудов, а по возможности продлить ее существование как учреждения, необходимого для сохранения преемственности исследований во Внутренней Азии. Через некоторое время ОГГН вновь обратился в Президиум с посланием, где указывалось, что ликвидация Комиссии нанесет удар по советской помощи Монголии, и снова содержалась просьба отложить эту ликвидацию¹⁰⁶⁸.

Письма такого характера продолжал писать и В.А. Обручев, по-прежнему предлагая реорганизовать Монгольскую комиссию в Комитет по изучению природы Внутренней Азии или передать Комиссию в СОПС. Но 29 июня 1953 г. В.С. Немчинов, вероятно, после обсуждения этого вопроса на разных уровнях сообщил В.А. Обручеву, что в СОПС Комиссия войти не может, так как «Президиум АН ориентирует СОПС на исследование отечественной территории и возражает против распространения наших исследований на смежные территории, хотя бы и народно-демократических республик»¹⁰⁶⁹.

Окончательная точка в этой борьбе была поставлена 20 июля 1953 г. в письме А.В. Топчиева на имя В.А. Обручева и В.С. Немчинова, в котором указывалось: «В связи с ходатайством Отделения геолого-географических наук от 9 июня “Об отмене постановления Президиума от 15 мая с. г. о ликвидации

¹⁰⁶⁷ Письмо В.А. Обручева в Президиум АН, 10 июня 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 13.

¹⁰⁶⁸ Письмо ОГГН в Президиум АН, июнь 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 15.

¹⁰⁶⁹ Письмо В.С. Немчинова к В.А. Обручеву, 29 июня 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 28.

Монгольской комиссии” сообщаю, что для удовлетворения этой просьбы Президиум не находит оснований»¹⁰⁷⁰.

Таким образом, после 28-летней деятельности (2 года в ведении СНК СССР и 26 лет в составе Академии наук) перестало существовать учреждение по организации и проведению исследований советских ученых в Монголии и координации советско-монгольского научного сотрудничества. За годы своей работы в системе Академии наук Монгольская комиссия пережила вместе с ней все перипетии советизации академического сообщества, мобилизации его на решение политико-экономических задач и многочисленные организационные перестройки. Ее цели и задачи, решаемые в системе советско-монгольских отношений, менялись в зависимости от международной ситуации и внешнеполитических задач СССР в Монголии. Монгольская комиссия была организована для «закрепления нашего [советского] политического влияния» посредством оказания помощи в научном изучении страны. Позже ее задачей стала разработка «научного фундамента» для «практических мероприятий правительства Монголии в области хозяйственно-экономического и культурно-просветительского строительства»; в послевоенное время, когда политическая актуальность ее деятельности значительно ослабла, целью Комиссии стало «планирование и координация работ институтов Академии наук СССР по изучению Монголии». В разные годы Комиссию возглавляли выдающиеся ученые и организаторы науки: непреходящий секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург (в 1927–1930), президент АН СССР академик В.Л. Комаров (в 1930–1945), один из самых авторитетных мировых специалистов по геологии Монголии академик В.А. Обручев (в 1946–1953). В ее состав входили крупнейшие специалисты по разным отраслям знания, принимавшие непосредственное участие в экспедиционных исследованиях. Монгольская комиссия выстраивала сотрудничество с Комитетом наук (Ученым комитетом)

¹⁰⁷⁰ Письмо А.В. Топчиева к В.А. Обручеву и В.С. Немчинову, 20 июля 1953 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 31.

Монголии на основе уважения к интересам дружественной страны при строгом соблюдении договорных обязательств между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР. В то же время сотрудничество поддерживалось тесными личными контактами руководителей и членов Монгольской комиссии с руководителями Комитета наук (Ученого комитета) и ведущими учеными Монголии. Благодаря издательской деятельности Монгольской комиссии подавляющее большинство результатов проведенных исследований были опубликованы, причем с 1932 г. «Труды Монгольской комиссии» выходили под двумя грифами – Академии наук СССР и Комитета наук МНР. Эти публикации стали своего рода базой данных о природных особенностях, истории, языках, литературе Монголии.

Следует особо отметить, что в истории Российской академии наук Монгольская комиссия АН СССР осталась практически единственным академическим учреждением, созданным для научного сотрудничества с одной конкретной страной¹⁰⁷¹.

§ 4.5. Развитие организационно-правового обеспечения, форм и содержания сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР

В параграфе характеризуются нормативно-правовые основания советско-монгольского научного сотрудничества, его направления и организационные формы в условиях смены коммуникативных возможностей Комитета наук МНР; особенности организации и проведения совместных проектов в 1950-х – начале 1960-х гг.

¹⁰⁷¹ В июне 1933 г. была образована Комиссия по содействию научным связям с Турцией АН СССР. Но просуществовала она всего три года (Архив РАН. Ф. 433).

Развитие советско-монгольского научного взаимодействия во второй половине 1950-х гг., его программ и организационных форм регламентировалось «Соглашением о культурном сотрудничестве» между Советским Союзом и Монголией, которое было подписано 24 апреля 1956 г. (предыдущее, в рамках которого сотрудничали в послевоенные годы, было заключено в феврале 1946 г.). В соответствии с этим документом страны договорились обмениваться опытом и достижениями в области науки, техники, литературы, высшего образования, просвещения, здравоохранения, спорта, а также посылать и принимать художественные и спортивные делегации, организовывать поездки отдельных деятелей науки и культуры, аспирантов и студентов¹⁰⁷².

Вторым важным документом, определившим характер советско-монгольского научного сотрудничества во второй половине 1950-х гг. (его изменение в сторону исключительной паритетности) являлась Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами». Советский Союз выражал готовность строить взаимоотношения «только на принципах равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»¹⁰⁷³. Декларация была принята на фоне разворачивающегося восстания в Венгрии, на подавление которого были посланы советские войска. Этот документ должен был продемонстрировать мировому сообществу приверженность СССР общим международным ценностям в межгосударственных отношениях. В случае с советско-монгольским научным сотрудничеством провозглашенное «невмешательство во внутренние дела» позднее было слишком однозначно интерпретировано МИД СССР, что не позволило, в частности, осуществить в 1957 г. археологическую экспедицию

¹⁰⁷² Соглашение, 24 апреля 1956 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 230–232.

¹⁰⁷³ Декларация // Правда. 1956. 31 октября. С. 1.

советских ученых на территории Монголии с участием монгольских ученых (см. ниже).

На академическом уровне в координации советско-монгольского сотрудничества произошли организационные изменения. После упразднения Монгольской комиссии этим направлением международной деятельности Академии наук стал заниматься, наряду с другими направлениями, Иностраннный отдел Президиума АН. В 1957 г. был создан специальный Отдел стран народной демократии, позже (в 1962 г.) переименованный в Отдел научных связей с социалистическими странами.

Следует отметить, что с начала 1950-х гг. происходило активное развитие научных контактов Академии наук СССР с восточноевропейскими странами и Китаем, что было связано с расширением международного сотрудничества СССР в этих направлениях. В период 1956–1957 гг. между Советским Союзом и другими социалистическими странами были заключены межправительственные соглашения о культурном и научном сотрудничестве, которые давали возможность заключать межакадемические договора. Такие соглашения Академия наук СССР заключила с академиями наук Польши, Чехословакии (декабрь 1957), ГДР (январь 1958), Венгрии, Румынии (февраль 1958), Болгарии (ноябрь 1958). В декабре 1957 г. соглашение о научном сотрудничестве было заключено с Китаем. Эти документы определяли общие принципы научных контактов и их формы. Кроме того, соглашения давали возможность инициировать и осуществлять взаимодействие непосредственно между научными учреждениями, и, что было очень важно, проводить их на эквивалентной (безвалютной) основе¹⁰⁷⁴. Все эти обстоятельства имели большое значение для интенсификации контактов Академии наук СССР с академиями наук других странам.

¹⁰⁷⁴ Киселев И.Н. Сотрудничество АН СССР с академиями наук стран – членов СЭВ. М., 1974. С. 33–34.

Основными формами международного научного сотрудничества Академии наук являлись: совместные научно-исследовательские проекты, экспедиции, организация и проведение международных научных мероприятий, публикация трудов, взаимные командировки ученых. Среди научно-организационных направлений взаимодействия предполагались проведение выставок и книгообмен.

С 1957 г. для систематизации академического сотрудничества Иностраный отдел Президиума АН начал составлять, в соответствии с заключенными соглашениями и договорами, годовые проблемно-тематические планы на основе заявок, представляемых академическими учреждениями. Планы межакадемического сотрудничества включались в общие планы культурного и научного сотрудничества в рамках межправительственных соглашений СССР с конкретной страной¹⁰⁷⁵. Таким образом, координация всех направлений международного сотрудничества Академии наук была централизована и формализована, т. е. выработаны общие правила их планирования, организации и отчетности.

Что касается монгольского направления, то в 1956 г. при подготовке нового Соглашения между СССР и МНР сотрудничество Академии наук и Комитета наук было включено в общий план культурного и научного взаимодействия, составлением которого занималось Министерство культуры СССР. В связи с этим в марте 1956 г. министерство запросило мнение президента Академии наук А.Н. Несмеянова по поступившим предложениям с монгольской и советской

¹⁰⁷⁵ Форма планирования с течением времени изменялась. Так, например, с предметного плана перешли на проблемные. Затем, с 1964 г., учитывая расширение объемов сотрудничества АН СССР и необходимость ежегодного пролонгирования совместных работ, перешли на составление двухлетних, несколько позже – пятилетних планов. Со временем менялась и их структура: от небольших, индивидуальных тем переходили к проектам, в которых участвовали большие коллективы исполнителей. Сотрудничество по индивидуальным (или с небольшим числом исполнителей) проблемам осуществлялось на основе договоренностей непосредственно между академическими институтами (*Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с академиями наук стран – членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974. С. 35).

стороны¹⁰⁷⁶. В ответном письме Академия наук подтвердила участие только в одном совместном проекте с Комитетом наук – подготовке трехтомной истории МНР¹⁰⁷⁷.

Выше указывалось, что в начале 1950-х гг. на фоне расширения контактов Академии наук с европейскими и китайскими учреждениями в советско-монгольском научном взаимодействии наблюдалась некоторая стагнация. Ослабла даже такая форма сотрудничества, как книгообмен. Свои сожаления по этому поводу председатель Комитета наук Ц. Дамдинсурэн высказал в письме Главному ученому секретарю Президиума А.В. Топчиеву. Последний заверил, что в книгообмене заинтересована также и Библиотека Академии наук, и обещал, что замечания Комитета наук «будут учтены БАН СССР в ее дальнейшей работе»¹⁰⁷⁸. Внимание к просьбе монгольских коллег подтверждает тот факт, что книгообмен между БАН и Комитетом наук периодически включался в план советско-монгольского научного сотрудничества отдельной строкой.¹⁰⁷⁹

¹⁰⁷⁶ Письмо Министерства культуры в Президиум АН, 16 марта 1956 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 97. После подписания «Соглашения» образованная на его основе смешанная советско-монгольская комиссия представила первый план культурного и научного сотрудничества между СССР и МНР (*Балдаев Р.Л., Чимитдоржиев Ш.Б.* Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР // *Сотрудничество СССР и МНР в области науки и культуры* / Отв. ред. *Р.Е. Пубаев*. Новосибирск: Наука СО, 1983. С. 137–138). План культурного сотрудничества между СССР и МНР на 1957 г. // *Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 258–264.* Подготовка трехтомника «История МНР» не вошла в этот документ.

¹⁰⁷⁷ Письмо Президиума АН в Министерство культуры, 25 апреля 1956 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 98–99.

¹⁰⁷⁸ Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 36. Л. 2. Письмо А.В. Топчиева, 20 июня 1952 г.

¹⁰⁷⁹ См., напр.: План культурного и научного сотрудничества между СССР и МНР на 1959 г. // *Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 352–358.*

Что касается других направлений сотрудничества, то после прекращения деятельности Палеонтологической и Историко-этнографической экспедиций в 1950 г. и Монгольской сельскохозяйственной экспедиции в 1951 г. у Академии наук СССР и Комитета наук МНР остался, как указано в § 4.2, только один совместный проект – подготовка однотомной «Истории МНР». Работа завершилась публикацией книги в ноябре 1954 г. Но еще до ее выхода в свет, 9 июля 1954 г., на заседании Президиума АН СССР монгольские участники проекта Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и Ц. Пунцагноров (1924–2094) высказали предложение продолжить работу над историей Монголии и подготовить, как первоначально и планировалось, академическое трехтомное издание¹⁰⁸⁰. Вновь этот вопрос был поставлен на Президиуме в феврале 1955 г. после общественной апробации однотомника¹⁰⁸¹. К реализации проекта предполагалось привлечь также ученых Китая. Такая кооперация отражала не только изменившуюся политическую ситуацию в регионе – Китайская Народная Республика взяла курс на строительство социалистического общества, но и позволяла широко использовать китайские источники. Предложение о совместной работе советских, монгольских и китайских ученых по составлению трехтомной «Истории МНР» было внесено Президиумом АН на рассмотрение директивных органов. Однако решение по этому проекту затягивалась.

В ноябре 1956 г. в Улан-Баторе по инициативе Комитета наук МНР прошло совещание монгольских, советских и китайских ученых по реализации этого проекта¹⁰⁸². Президиум АН СССР одобрил работу советской делегации и в феврале 1957 г. принял постановление «Об организации работы по написанию совместно с монгольскими и китайскими учеными трехтомной истории МНР»¹⁰⁸³.

¹⁰⁸⁰ Протокол Президиума, 9 июля 1954 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп 1 доп. Д. 271. Л. 55.

¹⁰⁸¹ Письмо Комитета наук в Президиум АН, 18 февраля 1955 г. // Там же. Л. 42.

¹⁰⁸² О работе по созданию «Истории Монгольской Народной Республики» // Вестник АН СССР. 1957. № 5. С. 95.

¹⁰⁸³ Постановление Президиума АН, 8 февраля 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 41.

В соответствии с решением совещания, закрепленным постановлением Президиума АН, все подготовительные работы должны были быть осуществлены в течение 1957–1959 гг. Перечень необходимых мероприятий включал в себя: выявление источников в архивохранилищах СССР и Монголии, публикацию исторических памятников, организацию археологических, этнографических и др. необходимых экспедиций; издание монографий по отдельным периодам истории страны. Публикацию труда предполагалось осуществить в 1960–1965 гг.

К работе над трехтомной «Историей МНР» Президиум АН привлек Институт востоковедения, Институт всеобщей истории, Институт китаеведения и Институт истории материальной культуры Академии наук. ИИМК должен был организовать и осуществить в 1957–1959 гг. совместно с Комитетом наук археологическую экспедицию на территории Монголии для сбора дополнительных материалов по древней истории страны. Главным редактором трехтомника с монгольской стороны был назначен Б. Ширендыб, его заместителем со стороны Академии наук стал С.Д. Дылыков (ИВ АН СССР).

Второе рабочее совещание по подготовке трехтомника прошло 9–8 декабря 1957 г. в СССР, в Москве. Советскую делегацию возглавил С.Д. Дылыков. В ее состав вошли С.В. Киселев – заместитель главного редактора и сотрудники ИВ АН, участвующие в работе над книгой. Монгольскую сторону представляли Б. Ширендыб – глава делегации, Ш. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн и др. Китайскую делегацию возглавил профессор Вэнь Ду Цзян (*Weng Du Jian*, 1906–1986). В работе совещания также приняли участие представители бурятских и калмыцких научных учреждений и Ленинградского отделения ИВ АН СССР. На встрече обсуждались вопросы составления развернутого плана трехтомной истории. Совещание отметило «огромное значение опыта совместного обсуждения» важнейших проблем подготовки трехтомной истории МНР и

запланировало продолжить уточнение его плана на следующем совещании, провести которое намечалось через год¹⁰⁸⁴.

Однако политические реалии внесли свои коррективы в работу. Обострение идейных и теоретических разногласий относительно принципов строительства социализма между руководителями СССР и Китая в 1958 г. внесли, как известно, заметное охлаждение в советско-китайские отношения. В связи с этим китайские историки отказались от участия в проекте. С советской стороны попытки продолжить этот проект также оказались сопряжены с рядом проблем, связанных с несогласованностью мнений по этому вопросу Академии наук и МИД. Суть разногласий сводилась к определению характера участия советских ученых в этой работе и ее финансирования. МИД настаивал только на консультационной работе советских историков и, соответственно, оплате ее полностью Комитетом наук.

Вопрос о совместной работе над трехтомником впоследствии поднимался еще несколько раз. Так, в марте 1959 г. председатель Комитета наук Д. Цэвэгмид в письме к вице-президенту АН академику К.В. Островитянову напомнил, что уже проведена большая организационная работа по подготовке трехтомника: определен авторский коллектив, утверждена главная редакция, разработан план-проспект. Д. Цэвэгмид был убежден, что эта работа не может быть написана без непосредственного участия советских историков¹⁰⁸⁵. Однако в итоге этот труд ученые МНР вынуждены были полностью взять на себя при сугубо консультационной поддержке советских историков. Несомненно, важным фактором его успешной реализации явился опыт, приобретенный монгольскими исследователями в совместной работе над одготомником «История МНР». Как указывалось в § 4.2, первый том, описывающий события с древнейших времен до начала XVII в., вышел в свет в Улан-Баторе в 1966 г., второй (события 1604–1917 гг.) был издан в 1968 г., третий – новейшая история МНР с 1917 г. –

¹⁰⁸⁴ Протокол совещания, 18 декабря 1957 г. // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. ОФ. 1801. Л. 1–5.

¹⁰⁸⁵ Письмо Д. Цэвэгмид к К.В. Островитянову, 6 марта 1959 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 497. Л. 59–60.

опубликован в 1969 г.¹⁰⁸⁶ Советские рецензенты отметили, что трехтомная «История МНР» стала свидетельством «зрелости марксистской исторической науки в Монголии»¹⁰⁸⁷.

Официальное признание независимости Монголии кардинально расширила ее международные связи. В 1948–1954 гг. страна установила дипломатические отношения с КНДР, КНР, Албанией, Польшей, ГДР, Болгарией, Чехословакией, Венгрией, Румынией, Вьетнамом¹⁰⁸⁸. Активизировался интерес к Монголии и со стороны западных ученых. В 1950-х гг. сложились (или активизировали свою работу) крупные монголоведные центры в целом ряде европейских и американских университетах: Боннском (Рейнский университет им. Фридриха Вильгельма, *University of Bonn*), Лондонском (*University of London*), Кембриджском (*Cambridge University*), Лидском (*University of Leeds*), Парижских университетах (*Collège de France* и др.), Хельсинкском и др. в Европе; в Индианском (*Indiana University, Bloomington*), Гарвардском (*Harvard University*) и др. – в США. Большой вклад в развитие монголоведения внесли авторитетные европейские и американские ученые-монголоеды: О. Латтимор (*O. Lattimore*, 1900–1989), Р. Рупен (*R. Rupen*, 1922–2015), С.М. Вольф (*S.M. Wolff*, 1900(?)–1979), Ч. Боуден (*Ch. Bauden*, 1924–?), Д. Синор (*D. Sinor*, 1916–2011) и др. Важную роль в монголоведных исследованиях в эти годы играл также Университет штата Вашингтон в Сиэтле (*University of Washington*). Здесь с 1949 г.

¹⁰⁸⁶ Б□гд Найрамдах Монгол Ард Улсын т□□х. Боть 1–3 (История Монгольской Народной Республики. Т. 1. Древнейший период – XVII в.; Т. 2. 1604–1917; Т. 3. Новейший период). Улаанбаатар, 1966–1969.

¹⁰⁸⁷ Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Горохова Г.С., Дылыков С.Д., Златкин И.Я., Матвеева Г.С. [Рец. на:] История Монгольской Народной Республики. Улаанбаатар. Т. 1 (Древнейший период – XVII в.). 1966; Т. 2. (1604–1917); 1968. Т. 3. (Новейший период). 1969. На монг. яз. // Народы Азии и Африки. 1971. № 3. С. 170.

¹⁰⁸⁸ История Монголии. XX век. М., 2007. С. 179.

работал бывший сотрудник ИВ АН СССР, один из авторитетнейших монголоведов-лингвистов Н.Н. Поппе¹⁰⁸⁹.

Полноправное вхождение Монголии в мировое сообщество позволило Комитету наук также значительно расширить свои международные контакты. Однако советское направление все еще оставалось главным, прежде всего в связи с продолжающейся сильной политической и экономической зависимостью Монголии от СССР, а также сложившейся идеологической общностью, основанной на принципах и догмах строительства социализма. В то же время, как уже отмечалось, в Академии наук интерес к монгольскому направлению в середине 1950-х гг. стал явно ослабевать. Со стороны же Комитета наук наметилось выраженное стремление к его интенсификации. В качестве совместных проектов Комитет наук предложил развить ранее начатые археологические и палеонтологические исследования, так успешно проведенные экспедициями С.В. Киселева в 1947–1948 гг. и И.А. Ефремова в 1946–1949 гг.

Развитие археологических работ для Комитета наук было связано также с необходимостью поиска дополнительных артефактов для подготовки трехтомной «Истории МНР». В феврале 1955 г. Комитет наук обратился в Президиум АН с предложением организовать новую археологическую экспедицию. Советская сторона, «идя навстречу пожеланиям Комитета наук»¹⁰⁹⁰, согласилась организовать совместную экспедицию в 1957–1959 гг. в составе четырех отрядов для исследования палеолитических и неолитических стоянок, памятников бронзового века, гуннских захоронений и городищ и раскопок средневековых уйгурских и монгольских городов¹⁰⁹¹, и Президиум АН направил документы по ее организации на рассмотрение в правительственные инстанции. Как это нередко

¹⁰⁸⁹ Гольман М.И. Монголоведение на Западе (Центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х годов XX века. М., 2004. С. 169–176.

¹⁰⁹⁰ Письмо Комитета наук в Президиум АН, 18 февраля 1956 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 42.

¹⁰⁹¹ Письмо Президиума АН в Совет Министров, 27 августа 1956 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1956. Д. 158. Л. 3–5.

бывало при прохождении документов в директивных органах, в первоначальный проект был внесен ряд изменений. В итоге Постановлением Секретариата ЦК КПСС от 18 июля 1956 г. (№ 135-ГС) разрешалась посылка в Монголию археологической экспедиции только в 1957 г. и в составе только 4–5 научных сотрудников (вместо предполагаемых 16 человек с учетом вспомогательных работников).

Начались долгие процедуры по согласованию подготовленного проекта решения правительства об экспедиции и внесению изменений в Постановление ЦК партии. После обращения Президиума АН в Совет Министров вопрос о совместной археологической экспедиции в Монголии в 1957–1959 гг. и проект Постановления Совмина об ее организации обсуждался 5 сентября 1956 г. на специальном совещании Государственной экономической комиссии по текущему планированию народного хозяйства (Госэкономкомиссия СССР) с участием представителей МИД, Министерства финансов, Министерства внешней торговли и Академии наук. Представительный орган подтвердил целесообразность экспедиции. Академии наук было дано поручение еще раз обсудить с Комитетом наук объем работ, сроки и степень участия монгольских учреждений¹⁰⁹². Комитет наук со своей стороны подтвердил участие в экспедиции 10 монгольских исследователей и обязательство предоставить «соответствующую техническую и материальную базу» для ее работы. Предложение монгольских ученых, как отмечено в письме А.Н. Несмеянова и А.В. Топчиева в Совет Министров, свидетельствовало о «стремлении Комитета наук МНР, в меру своих возможностей, осуществлять работу на началах, близких к паритету»¹⁰⁹³.

Одновременно руководители Академии наук обратили внимание правительства на дополнительную просьбу Комитета наук: организовать и оборудовать силами Академии наук «археологическую лабораторию» в Улан-

¹⁰⁹² Письмо Госэкономкомиссии в Совет Министров, 19 сентября 1956 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1956. Д. 158. Л. 10.

¹⁰⁹³ Письмо А.Н. Несмеянова и А.В. Топчиева в Совет Министров, 28 ноября 1956 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1956. Д. 158. Л. 11–12.

Баторе, чтобы создать «благоприятные условия сотрудникам обеих сторон в совместном изучении всех находок экспедиции в Монголии»¹⁰⁹⁴. Академия наук выразила готовность предоставить некоторое количество оборудования и оказать помощь в организации такой лаборатории, но просила правительство выделить на эти расходы дополнительное финансирование.

Подготовка археологической экспедиции, как уже стало традиционным при организации экспедиций в Монголию, затягивалась. В этот раз причиной стало расхождение в трактовке участия советских археологов в ее работе между ИИМК и МИД. Внешнеполитическое ведомство полагало, что советским специалистам следует быть только «консультантами при монгольских археологах», поэтому выделять деньги на их полевые работы нет необходимости¹⁰⁹⁵. Совместные предприятия с Комитетом наук в прежнем понимании, когда большую часть финансовой нагрузки и производства работ брала на себя Академия наук, по мнению МИД, противоречили принципам Декларации об отношениях СССР со странами социалистического лагеря (от 30 октября 1956 г.). Вызванному в МИД С.В. Киселеву разъяснили, что планируемая археологическая экспедиция должна быть только монгольской, Академия наук может оказать ей только консультационную помощь. По мнению МИД, «монголы должны сами оплачивать все работы по написанию “Истории”, поскольку “История Монголии” нужна монголам»¹⁰⁹⁶. Подобные разъяснения получил от внешнеполитического ведомства и Главный ученый секретарь Президиума А.В. Топчиев. На его запрос от 21 марта 1957 г. о причинах задержки решения по совместной с Комитетом наук археологической экспедиции ему ответили, также сославшись на Декларацию от 30 октября 1956 г.: «Археологическая экспедиция по сбору необходимых материалов для написания трехтомной “Истории МНР” должна

¹⁰⁹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁰⁹⁵ Об этом, в частности, директор института Б.А. Рыбаков сообщал в Президиум. 27 апреля 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 37.

¹⁰⁹⁶ Письмо С.В. Киселева к А.В. Топчиеву, апрель 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 23–23 об.

быть не смешанной, а монгольской»¹⁰⁹⁷. МИД СССР рекомендовал Академии наук оказать помощь Комитету наук «специалистами, необходимой аппаратурой и приборами для ведения научно-исследовательской работы в указанной экспедиции», а также помочь в организации археологической лаборатории в Улан-Баторе¹⁰⁹⁸. Поскольку изложенная точка зрения внешнеполитического ведомства исключала проведение полевых работ для советских ученых «должным научным образом в должной обстановке и масштабе» и заменяла их на роль советников, то С.В. Киселев отказался участвовать в этом проекте¹⁰⁹⁹. Таким образом, организовать археологическую экспедицию в 1957 г. в соответствии с постановлением Президиума АН от 8 февраля 1956 г. не удалось.

Следует отметить, что начавшееся расширение международных контактов Комитета наук позволило монгольскому научному учреждению приглашать к совместной работе ученых других стран, тем самым создавая определенную конкуренцию в приоритетности тех или иных работ на территории Монголии. Так, С.В. Киселев обратил внимание А.В. Топчиева, что при подписании в Праге монгольско-чехословацкого договора об экономических связях и культурном сотрудничестве чехи включили в договор работу их археологов в МНР. И хотя, как писал С.В. Киселев после общения с монгольским археологом Х. Пэрлээ, пока монгольская сторона трактует это как участие в объединенной (советско-монгольской-чехословацкой) экспедиции, однако «если мы протянем, то получится монголо-чехословацкая экспедиция» и «нам натянут нос»¹¹⁰⁰.

Желание работать в Монголии высказали и ученые Венгрии. В 1958 г. и 1961 г. в Северной Гоби и Гобийском Алтае работала венгерская археологическая

¹⁰⁹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁰⁹⁸ Письмо МИД к А.В. Топчиеву, 12 апреля 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 21.

¹⁰⁹⁹ Письмо С.В. Киселева к А.В. Топчиеву, 27 апреля 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 23–23 об.

¹¹⁰⁰ Письмо С.В. Киселева к А.В. Топчиеву, 27 апреля 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 22. Письмо С.В. Киселева к А.В. Топчиеву, 27 апреля 1957 г.

экспедиция под руководством М. Габори (*M. Gabori*), которая также занималась проблемами каменного века. М. Габори обнаружил шестьдесят две стоянки людей каменного века и составил первую археологическую карту Монголии этого периода¹¹⁰¹. В 1958 г. состоялась также этнографическая экспедиция в Монголию венгерского монголоведа и этнографа А. Рона-Таша (*A. Rona-Tas*)¹¹⁰². Венгерские экспедиция явились первыми, помимо советских, иностранными экспедициями на территории Монголии с начала 1930-х гг.

Советскую археологическую экспедицию в Монголию с участием монгольских исследователей удалось организовать только в 1960 г. Из ранее запланированных направлений остались работы только по палеолиту, которые проводились под руководством А.П. Окладникова. В 1960–1966 гг. отряд советских и монгольских археологов (Х. Сэр-Оджав, Д. Дорж и др.) провели рекогносцировочные исследования на большой территории Монголии (Монгольский Алтай, район озера Орок-Нор (Орог-Нуур), в районе Улан-Батора, в Южногобийском аймаке и др.)¹¹⁰³.

¹¹⁰¹ *Gabori M.* New Data on Palaeolithic Finds in Mongolia // *Asian Perspectives*. 1963. Vol. 7 (1/2). P. 105–112; *Гладышев С.А., Табарев А.В.* Итоги работы Польско-монгольской археологической экспедиции в Южной Монголии в 1968 г. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 26–27. Венгерские археологи в дальнейшем развернули широкие исследования на территории Монголии в рамках совместной Монгольско-Венгерской археологической экспедиции, которая работала до 1990 г. С венгерской стороны ее возглавлял И. Эрдели (*István Erdélyi*).

¹¹⁰² *Рона-Таш А.* По следам кочевников Монголии глазами этнографа. М.: Прогресс, 1964. 388 с.

¹¹⁰³ Первые работы по исследованию древнейшей истории Монголии были проведены в рамках экспедиции Р.Ч. Эндрюса. В ее составе работал археолог Н. Нельсон, который первым описал археологические находки этого периода в Монголии: *Berkey Ch.P., Nelson N.C.* Geology and Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert. *American Museum Novitates*, 1926. № 222. 16 p. (*Гладышев С.А., Табарев А.В.* Итоги работы Польско-монгольской археологической экспедиции в Южной Монголии в 1968 г. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 26).

В отзыве о работе экспедиции в 1960 г. один из авторитетнейших монгольских историков Ш. Нацагдорж отметил «плодотворное дружеское сотрудничество советских и монгольских ученых» и высказал пожелание, чтобы это сотрудничество продолжилось в будущем¹¹⁰⁴. В знак благодарности за помощь в проведении исследований часть найденных коллекций Комитет наук передал А.П. Окладникову. Результаты работы участников экспедиции были отражены в ряде фундаментальных монографий.

Выше уже говорилось о том, что в середине 1950-х гг. наряду с археологическими работами в Монголии советские ученые были заинтересованы продолжить и палеонтологические исследования, начатые экспедициями И.А. Ефремова в 1946–1949 гг. С этой просьбой руководство ПИН АН в июле 1955 г. обратилось к монгольским коллегам. Со своей стороны Комитет наук предложил сделать экспедицию совместной, учитывая, что участие его научных сотрудников в ее работе «будет полезным для дальнейшего исследования страны в области палеонтологии национальными научными кадрами»¹¹⁰⁵. Подготовка монгольских палеонтологов должна стать, по мнению Комитета наук, одной из основных задач совместной экспедиции. Кроме того, для решения кадровой проблемы в этом научном направлении Комитет наук просил ПИН принять двух монгольских исследователей «в целях прохождения предварительной подготовки, а в дальнейшем прикрепить этих товарищей к экспедиции на весь период ее работы»¹¹⁰⁶. Так же как и в случае с археологической экспедицией, Комитет наук просил советских палеонтологов помочь в организации лабораторий для

¹¹⁰⁴ Киселев И.Н. Сотрудничество Академии наук СССР с академиями наук стран – членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974. С. 127–128; Письмо Ш. Нацагдоржа к Е.М. Жукову, 13 октября 1960 г.

¹¹⁰⁵ Письмо Н. Жагварала к А.Н. Несмеянову, 28 июля 1955 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 42.

¹¹⁰⁶ Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 66. В подготовленном проекте Постановления Совмина СССР (Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 69–71) предусматривалось прикомандирование к Палеонтологическому институту АН двух работников Комитета наук с 1 декабря 1956 до конца 1960 г. – на время предполагаемой работы экспедиции.

проведения исследований и «обучить местные кадры препараторов-палеонтологов»¹¹⁰⁷.

Подготовка новой Палеонтологической экспедиции проходила практически одновременно с организацией археологической. Все пожелания Комитета наук Президиум АН внес в проект Постановления Совмина о Палеонтологической экспедиции¹¹⁰⁸. И хотя, так же как и в случае с археологической экспедицией, в начале 1956 г. Палеонтологическая экспедиция была согласована с МИД, с министерством путей сообщения (о предоставлении вагонов для перевозки оборудования и машин), с министерством внешней торговли, с министерством строительного и дорожного машиностроения (бульдозер на тракторе для раскопочных работ), решения Совмина так и не последовало. Мы полагаем, что это было связано с одновременной подготовкой Палеонтологической экспедиции в Китай, на организацию которой и были переброшены основные средства, кадры и внимание директивных органов. Как было указано выше, к идее организации Палеонтологической экспедиции в Монголии вернулись в 1960 г., а реализовать ее смогли только в 1969 г., когда начала работать Совместная советско-монгольская палеонтологическая экспедиция. При этом в 1963–1965 г. в Монголии совместно с тогда уже Монгольской академией наук начала работать Польская палеонтологическая экспедиция, одним из руководителей которой была известный польский ученый З. Келян-Яворовская.

В 1958 г. по просьбе правительства Монголии работала совместная советско-монгольская Гоби-Алтайская экспедиция для изучения последствий мощного, 11–12-балльного, Гоби-Алтайского землетрясения, произошедшего 4 декабря 1957 г. на юго-западе страны¹¹⁰⁹. На ее организацию Президиум АН

¹¹⁰⁷ Письмо Комитета наук в ПИН АН // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 66.

¹¹⁰⁸ Проект постановления Совмина // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 69–71.

¹¹⁰⁹ Солоненко В.П., Тресков А.А., Флоренсов Н.А. Катастрофическое Гоби-Алтайское землетрясение 4 декабря 1957 года. Сейсмогеологический очерк. М.: Гос. науч.-техн. изд-во лит-ры по геол. и охране недр, 1960. 48 с.; Землетрясения и основы сейсмического районирования Монголии / Отв. ред. В.П. Солоненко, Н.А. Флоренсов. М.: Наука, 1985. 224 с.

получил соответствующие распоряжения директивных органов: ЦК КПСС (№ К-8/136 от 17 апреля 1958 г.) и Совмина (№ 1233-РС от 19 апреля 1958 г.). Провести работы вместе с монгольской стороной Постановлением Президиума АН от 7 мая 1958 г. поручалось Восточно-Сибирскому Геологическому институту АН¹¹¹⁰. Первый этап работ был проведен в декабре 1957 – январе 1958 г. Он включал рекогносцировочные исследования и картирование эпицентра зоны землетрясения. В работе принимали участие с советской стороны геофизики А.А. Тресков, Н.А. Флоренсов, В.П. Солоненко, с монгольской – три сотрудника Комитета наук. На основании представленного отчета был составлен план следующего этапа работ, осуществленных в июне – ноябре 1958 г. В этот период была проведена аэрофотосъемка зоны землетрясения, общегеологические исследования, геофизические наблюдения, в которых принимали участие с советской стороны 23 человека (9 научных сотрудников и 14 вспомогательных) и с монгольской стороны – 8 человек (4 научных сотрудника и 4 вспомогательных)¹¹¹¹. В результате работы ученые собрали обширный фактический материал, который в дальнейшем был использован для сейсмического районирования МНР, севера КНР и востока советской Тувы. В ходе экспедиции осуществлялось также обучение молодых монгольских специалистов-геофизиков полевой работе. Президиум Комитета наук выразил благодарность Сибирскому отделению АН СССР и советским ученым, которые участвовали в экспедиции. Кроме того, было принято решение «ходатайствовать перед соответствующим международным органом о включении работ монголо-

¹¹¹⁰ Краткий отчет о советско-монгольской Гоби-Алтайской экспедиции, 1958 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 3.

¹¹¹¹ Краткий отчет о Советско-монгольской Гоби-Алтайской экспедиции, 1958 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 3–5. Международный геофизический год проходил с 1 июля 1957 по 31 декабря 1958 г. В течение этого времени 67 стран в разных частях света проводили геофизические наблюдения и исследования по единой программе и методике.

советской Гоби-Алтайской экспедиции в программу исследований Монголии в период Международного геофизического года»¹¹¹².

Следует особо отметить новое важное направление в развитии научного сотрудничества между СССР и МНР, хотя и не связанное напрямую с Академией наук. Речь идет о создании на основании Соглашения, подписанного 26 марта 1956 г. в Москве представителями правительств одиннадцати стран-учредителей, Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. Его целью являлось обеспечение совместного проведения теоретических и экспериментальных исследований в области ядерной физики и содействия развитию ядерной физики в государствах-членах института. В числе стран-учредителей была и Монголия. Монгольские физики принимали участие в работе ОИЯИ с самого начала его деятельности. Около тридцати из них защитили в Дубне докторские и кандидатские диссертации. Широко известным в научном мире стало имя академика Н. Соднома (1923–2002) – в 1967–1973 гг. вице-директора ОИЯИ. После возвращения в Монголию он стал ректором МонГУ (1973–1984), а позже – президентом Академии наук МНР (1987–1991). Традиционно актуальным для монгольской стороны являлось сотрудничество с Академией наук СССР в области прикладных проблем животноводства, в частности, выведения новых пород скота, методик их содержания, повышения качества кормовых культур и т. п. Причем формы сотрудничества по этому направлению были самыми разнообразными: от передачи в качестве даров препаратов, необходимых для оснащения лабораторий, обучения специалистов и подготовки научных сотрудников, до внедрения результатов исследований. Так, в частности, гельминтологическая лаборатория АН СССР по указанию Президиума АН направила в дар Комитету наук коллекцию паразитических червей (влажные препараты – 38 цилиндров, зафиксированные представители отдельных видов – 200 экз.)¹¹¹³. В апреле 1955 г. научные учреждения Академии

¹¹¹² Постановление Комитета наук, 26 ноября 1958 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. II. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 38.

¹¹¹³ Отчет о работе // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 7.

наук передали некоторые материалы Монгольской сельскохозяйственной экспедиции, в частности: гербарий монгольской флоры (первая партия составляла 300 листов); коллекцию гельминтов, распространенных у домашних животных МНР, – 40 экземпляров, публикации по соответствующим вопросам¹¹¹⁴.

В этом направлении дальнейшим шагом в расширении сотрудничества явилась помощь Академии наук в создании хорошо оснащенных лабораторий в Комитете наук, разработка методик исследований и подготовка специалистов для их проведения. Об этом в частности писал председатель Комитета наук Н. Жагварал¹¹¹⁵ президенту Академии наук А.Н. Несмеянову: «Быстрый рост народного хозяйства и научно-исследовательских работ предъявляет все возрастающее требование к лабораторным исследованиям»¹¹¹⁶. Для получения консультаций по организации лабораторий Комитет наук направил в Президиум АН своего сотрудника, чтобы он познакомился с проектированием лабораторий, оформлением заявок на их оборудование и приобрел необходимые методические пособия для организации лабораторных исследований. Комитет наук просил также командировать в Улан-Батор специалистов для оказания помощи в создании лабораторий по другим исследовательским направлениям. Так, например, в 1957 г. в создании Центральной химической лаборатории Комитета наук участвовал направленный Академией наук кандидат химических наук А.И. Ульянов¹¹¹⁷.

Однако практически все вышеперечисленные контакты Комитета науки и Академии наук носили единичный характер, не имели долгосрочного продолжения. Как было указано выше, при составлении плана сотрудничества на 1957 г. Академия наук указала только на один совместный проект – подготовку трехтомного издания «Истории МНР». Других советско-монгольских совместных

¹¹¹⁴ Там же. Л. 21.

¹¹¹⁵ Н. Жагварал сменил на посту председателя Комитета наук Ц. Дамдинсурэна.

¹¹¹⁶ Письмо Н. Жагварала к А.Н. Несмеянову, 28 июля 1955 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 69. Л. 13.

¹¹¹⁷ Отчет о командировках в 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 74.

проектов в 1957 г. не предполагалось¹¹¹⁸. Однако в итоге и он не был внесен в План культурного сотрудничества между СССР и МНР на 1957 г., составленный министерством культуры¹¹¹⁹. В 1958–1959 гг. значительного расширения сотрудничества с Комитетом наук также не произошло. В план были вновь включены только взаимные приглашения ученых на научные мероприятия, обмен фотокопиями материалов, хранящихся в библиотеках и архивах, совместная камеральная обработка материалов, Гоби-Алтайской экспедиции, приглашение одного советского эколога для участия в экспедиции Комитета наук в Гоби, сотрудничество библиотек Академии наук и Комитета наук по обмену научными изданиями¹¹²⁰.

При этом Комитет наук продолжал инициировать новые совместные проекты, одним из которых мог бы быть академический монгольско-русский словарь, работа над которым была начата в 1930-х гг. в Институте востоковедения в Ленинграде. В 1957 г. в Москве был издан «Монгольско-русский словарь»¹¹²¹, подготовленный учеными Монголии. Учитывая это обстоятельство, вопрос о совместной подготовке большого монгольско-русского словаря был поставлен во время пребывания в Улан-Баторе летом 1958 г. известного востоковеда и тибетолога Ю.Н. Рериха и поддержан монгольским руководством¹¹²². Осенью 1958 г. директор Института языка и литературы Комитета наук Б. Ринчин уже официально обратился в Институт востоковедения АН с предложением

¹¹¹⁸ Письмо А.В. Топчиева в Министерство культуры, 7 января 1957 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 684. Л. 1.

¹¹¹⁹ План культурного сотрудничества между СССР и МНР на 1957 г. (28 января 1958 г.) // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 262–263.

¹¹²⁰ План культурного и научного сотрудничества между СССР и МНР на 1959 г. (20 февраля 1959 г.) // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 352–358.

¹¹²¹ Монгольско-русский словарь / Отв. ред. А. Лувсандэндэв. М.: Гос. изд-во национальных словарей, 1957. 716 с.

¹¹²² Отчет Ю. Рериха, 1958 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 9–15.

организовать работу над словарем как совместную¹¹²³. Руководство Института в целом выразило готовность принять участие в этом проекте и предложило в качестве первого шага передать монгольской стороне подготовленные до войны рукописи и словарные карточки, чтобы монгольские ученые дополнили и расширили их лексикой новейшего времени. С советской стороны предполагалось привлечь к работе в редколлегии словаря известных специалистов-востоковедов: Г.А. Санжеева, Ю.Н. Рериха, Б.И. Панкратова и др.¹¹²⁴

О своем желании поддержать эту инициативу Комитета наук директор Института востоковедения Б.Г. Гафуров (1908–1977) проинформировал А.Н. Несмеянова и обратился с просьбой дать указание Отделу стран народной демократии начать переговоры с Комитетом наук об организации этой работы¹¹²⁵. Однако и этот проект на фоне общего ослабления интереса к монгольскому направлению сотрудничества не получил поддержки Президиума АН. Только в 2001–2002 гг. был издан «Большой академический монгольско-русский словарь», в работе над которым принимал участие весьма значительный коллектив монгольских и российских ученых¹¹²⁶.

Во второй половине 1950-х гг. начали развиваться в соответствии с Соглашением о культурном сотрудничестве 1956 г. индивидуальные научные командировки по эквивалентному (безвалютному) обмену. Одним из первых по этой форме сотрудничества совершил поездку с Монголию в июне – августе 1958 г. Ю.Н. Рерих. Впервые он побывал в Монголии еще в 1927 г., в составе

¹¹²³ ИВ АН СССР к А.Н. Несмеянову, 13 марта 1959 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 497. Л. 29.

¹¹²⁴ Проект письма директора ИВ РАН к Б. Ринчину, март 1959 г. // Там же. Л. 31–32.

¹¹²⁵ Письмо ИВ АН СССР к А.Н. Несмеянову, 13 марта 1959 г. // Там же. Л. 29–30.

¹¹²⁶ Большой академический монгольско-русский словарь / Под. ред. ак. А. Лувсандэндэв и проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Т. 1–4. М.: Academia, 2001–2002. Подробнее см.: Пурэвжав Э. Словарь, созданный монгольскими и российским учеными // Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 81–96.

Центральноазиатской экспедиции своего отца, Н.К. Рериха. Ученый воочию увидел произошедшие за 30 лет перемены в стране и отметил в своем отчете в Президиум АН, что «в настоящее время Улан-Батор имеет необходимую научную и материальную базу, чтобы стать научно-культурным центром и успешно сотрудничать с соседними культурными и научными центрами»¹¹²⁷.

Ю.Н. Рерих был принят высшим партийным и правительственным руководством, в том числе имел встречу с Ю. Цэдэнбалом. Во время беседы был затронут вопрос и об издании трехтомной «Истории Монголии». При этом представители партии и правительства подчеркнули большое значение, которое они придавали участию советских монголоведов в этой работе. Монгольские руководители и ведущие монгольские ученые (Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчин, Ш. Лувсанвандан) высказали Ю.Н. Рериху «некоторое беспокойство» в связи с наблюдающимся в Советском Союзе ослаблением внимания к развитию монголоведения, в то время как в Западной Европе и особенно в США происходит подъем интереса к Монголии, и где «за последние годы, – писал в своем отчете Ю.Н. Рерих, – появилось много крупных работ по монголоведению». Монгольские ученые высказали пожелание принять необходимые меры, «чтобы сохранить первенствующее положение советского монголоведения» на фоне развития этой отрасли знания на Западе, как «в чисто научных целях, так и в целях политических, под прямым руководством антисоветских кругов»¹¹²⁸.

Свидетельством растущего интереса международного научного сообщества к Монголии стал Конгресс монголоведов (монголоведов-филологов, как было указано в его названии), который состоялся 1–8 сентября 1959 г. в Улан-Баторе. Он стал первым крупным международным научным мероприятием, проводившимся в Монголии. Организованный по предложению Комитета наук и поддержанный руководством МНР, он имел не только важное научное, но и

¹¹²⁷ Отчет Ю. Рериха, 1958 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 10.

¹¹²⁸ Там же. Л. 9–15.

политико-идеологическое значение: должен был продемонстрировать международной общественности успехи Монголии на пути строительства социализма при поддержке и помощи СССР. В работе Конгресса приняли участие исследователи из 15 стран: Китая, КНДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Англии, Канады, Индии, Японии, ГДР, Финляндии, США, СССР и Монголии. Самой представительной была американская делегация. Приглашение иностранных ученых из несоциалистических стран монгольские организаторы конгресса согласовывали с Академией наук и МИД СССР¹¹²⁹.

В состав советской делегации входили: специалист по языку пушту Н.А. Дворянков (возглавлял делегацию), сотрудники ИВ АН СССР Г.Д. Санжеев и Ю.Н. Рерих и сотрудник Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР Ц.Б. Цыдендамбаев (1915–1983). Трое последних выступали с докладами. Как отмечал в своем отчете глава советской делегации Н.А. Дворянков, «конгресс проходил в сложной и напряженной идеологической обстановке»¹¹³⁰. Собрать международное сообщество в Улан-Баторе было действительно довольно смелой идеей после более чем 25-летней вынужденной закрытости монгольского общества в связи с нелегитимностью международного положения страны и политическим давлением СССР. Напряженность усиливало также присутствие китайской делегации. В условиях начинающихся противоречий в советско-китайских отношениях была вероятность того, что западные ученые, прежде всего специалисты по современной истории, могли навязать политически острые дискуссии по вопросам, например, независимости Внутренней Монголии и особенно Тибета. Кроме того, весьма непредсказуемым было поведение одного из самых известных монгольских ученых Б. Ринчина, который отличался независимостью своих взглядов. Особенно «антисоветскими» его заявления стали после поездки в 1956–1957 гг. в ряд стран Западной Европы и Азии. По информации Н.А. Дворянкова, «Ринчин опубликовал в Монголии и Западной

¹¹²⁹ Письмо Президиума АН в Дальневосточный отдел МИД, май 1959 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 497. Л. 23–24.

¹¹³⁰ Отчет советской делегации, сентябрь 1959 г. // Архив РАН. Ф. 581. Оп. 3. Д. 109. Л. 7.

Европе ряд статей, содержащих клеветнические нападки на советских ученых и Академию наук СССР»¹¹³¹. Еще до начала Конгресса в центральной монгольской газете «Унэн» («Правда») была помещена явно заказная статья «Решительно бороться с различными проявлениями национализма», осуждающая выступления и публикации Б. Ринчина, где он утверждал, «что в Монголии уничтожают [национальную] культуру». В своих выступлениях после поездки, отмечалось в статье, вместо того чтобы показать, в каких трудных условиях живут там трудящиеся, он рассказывал, что «в этих странах много хорошего, чего нет у нас»¹¹³².

Однако в целом Конгресс прошел на высоком уровне, именно научном, а не идеологическом, как можно было бы предположить, учитывая давление на научное сообщество Монголии со стороны партийных органов¹¹³³. Это подтверждает и отчет советской делегации, в котором в качестве «недостатков» отмечается «абсолютное преобладание тем, далеких от современности и носящих несколько отвлеченный характер». Кроме того, почти ни один доклад, говорилось в отчете, «не был связан непосредственно с практическими задачами в области строительства социалистической культуры»¹¹³⁴.

Доклады, представленные учеными МНР (16 докладов из 43 прочитанных), свидетельствовали о их значительном профессиональном росте. В заключительном слове председатель Комитета наук Н. Цэвэгмид отметил, что

¹¹³¹ Там же.

¹¹³² О некоторых враждебных взглядах Ринчина // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 22–26; «Решительно бороться с различными проявлениями национализма» (Унэн. 1959. 19 августа) // Там же. Л. 27–37.

¹¹³³ Рерих Ю.Н. Первый международный съезд монголоведов-филологов // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 237–241.

¹¹³⁴ Отчет советской делегации, сентябрь 1959 г. // Архив РАН. Ф. 581. Оп. 3. Д. 109. Л. 2–11. Второй Международный конгресс монголоведов состоялся в 1970 г. В его работе приняли участие 150 исследователей (филологи, историки, экономисты, этнографы и др.). На этом конгрессе было решено устраивать такие мероприятия раз в пять лет. Последний на сегодня Конгресс монголоведов прошел в Улан-Баторе в августе 2011 г.

если «раньше монгольские народы были лишь объектом исследования со стороны главным образом европейских ученых, то теперь они сами стали исследователями своего языка и своей литературы и культуры»¹¹³⁵.

Одновременно конгресс высветил проблемы в развитии монголоведения в Советском Союзе, ослабление научных контактов и сотрудничества Академии наук и Комитета наук, прежде всего по гуманитарным направлениям, на фоне складывающегося международного интереса к Монголии. На политико-идеологические недостатки в работе советских монголоведов еще в ноябре 1958 г. в письме в Президиум АН обратило внимание Посольство СССР в Монголии. Так, в частности, по мнению дипломатического учреждения, работы советских монголоведов «страдают отсутствием надлежащей полноты в отражении коренных вопросов социалистического строительства в экономике и культуре», «не уделяют должного внимания борьбе с фальсификацией истории Монголии и отпору клеветническим публикациям на Западе»¹¹³⁶.

Бюро Отделения исторических наук (ОИН) АН, обсудив это письмо на своем заседании 7 июля 1959 г., направило в Президиум ответ на высказанные Посольством претензии. Главной причиной неактуальности работ советских ученых, по мнению Отделения, является отсутствие в течение длительного времени командировок и экспедиций в Монголию. Это при том, что в Монголии начали активно работать немецкие, чешские, венгерские, польские, английские и американские ученые. Негативно также сказывается, по мнению Бюро отделения, сокращение подготовки монголоведных кадров в вузах и ослабление контактов между научными учреждениями СССР и МНР¹¹³⁷.

В качестве мер по изменению создавшейся ситуации ОИН АН, кроме традиционного тезиса о том, чтобы «Институту востоковедения <...> усилить меры по улучшению работы в области востоковедения», предложило в 1959 г.

¹¹³⁵ Отчет советской делегации, сентябрь 1959 г. // Архив РАН. Ф. 581. Оп. 3. Д. 109. Л. 7.

¹¹³⁶ Постановление Бюро ОИН, 7 июля 1959 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 15–17.

¹¹³⁷ Письмо Бюро ОИН в Президиум АН, июль 1959 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 18–21.

организовать совещание представителей Академии наук и Комитета наук для обсуждения и согласования планов НИР на ближайшие годы. Кроме того, перед Президиумом АН был поставлен вопрос о возобновлении экспедиций в Монголию, в частности по историческим, экономическим, лингвистическим проблемам, а также о продолжении работ экспедиции С.В. Киселева и о включении в общеакадемический план зарубежных командировок в МНР на длительный срок не менее 3–4 монголоведов¹¹³⁸.

В план командировок Академии наук по эквивалентному (безвалютному) обмену в Монголию с 1958 г. стали активнее включать гуманитариев. Первым был направлен, как указывалось выше, Ю.Н. Рерих; в 1959 г. – молодой сотрудник Института востоковедения историк С.К. Рошин; в 1960 г. – сотрудники Археологической экспедиции А.П. Окладникова и ряд других.

В 1960 г. по просьбе Комитета наук, также в соответствии с планом научного сотрудничества между Академией наук и Комитетом наук по эквивалентному обмену были командированы Э.М. Мурзаев и А.А. Юнатов. Их приезд был воспринят с большой радостью монгольскими коллегами, которые помнили плодотворную работу этих ученых в Комитете наук в 1940-х гг. Основной целью поездки А.А. Юнатова являлось «ознакомление с состоянием научно-исследовательской и учебной работы в области ботаники и пастбищного хозяйства»¹¹³⁹, а Э.М. Мурзаева – «с исследованиями природных условий МНР в Комитете наук, работой Гидрометеослужб» и, так же как у А.А. Юнатова, с постановкой преподавания в МонГУ, чтение лекций и проведение консультаций¹¹⁴⁰.

Проблемы развития научной и образовательной деятельности в Монголии советские ученые обсуждали с руководителями Комитета наук и ряда министерств, с ректорами МонГУ, Педагогического и Сельскохозяйственного институтов. Перед отъездом Э.М. Мурзаев и А.А. Юнатов были приняты

¹¹³⁸ Постановление Бюро ОИН, 7 июля 1959 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 15–17.

¹¹³⁹ Отчет А.А. Юнатова, 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 196. Л. 46–57.

¹¹⁴⁰ Отчет Э.М. Мурзаева, 27 мая 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 196. Л. 59–67.

премьер-министром Монголии Ю. Цеденбалом, с которым также говорили об актуальных задачах развития науки в Монголии, особенно по решению задач практической направленности, «учитывая бурный подъем народного хозяйства страны и завершение перехода аратского населения на путь производственного кооперирования»¹¹⁴¹.

В своем отчете о командировке Э.М. Мурзаев отметил, что в Комитете наук они «часто слышали тезис, настойчиво повторяющейся при разных встречах, о необходимости восстановления контактов с научными учреждениями СССР, в первую очередь с Академией наук, Академией сельскохозяйственных наук», которые после окончания в 1951 г. работы Монгольской сельскохозяйственной экспедиции были значительно сокращены. Э.М. Мурзаев, искренне заинтересованный в развитии советско-монгольского сотрудничества и по профессиональному интересу, и в связи с тесными контактами с монгольским научным сообществом после нескольких лет жизни и деятельности в Монголии, высказал свои предложения по их восстановлению, которые в целом совпадали с высказанными ранее предложениями Бюро ОИН: командировки советских специалистов как на длительный срок (год – два), так и на непродолжительное время – на несколько месяцев (чтение лекций, консультации), проведение экспедиционных исследований, командировки монгольских ученых в СССР.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на разработанные правовые и нормативные акты и на проведенный комплекс организационных мероприятий, в рамках которых проходило сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР, его интенсивность во второй половине 1950-х гг. заметно снизилась. При этом следует отметить появление нового научного направления взаимодействия – геофизики, а также новых форм: взаимные командировки ученых по эквивалентному (безвалютному) обмену, совместные проекты с участием третьей страны (подготовка 3-томной «Истории МНР» с участием

¹¹⁴¹ Там же.

китайских ученых) и участие монгольских ученых в работе ОИЯИ в Дубне, где Монголия выступила как страна-учредитель этого института.

Особенностью деятельности Комитета наук в 1950-х гг. стало активное расширение его сотрудничества с зарубежными научными обществами и учеными, прежде всего стран социалистического лагеря. Усилилось внимание к Монголии исследователей других европейских стран и Америки. Свидетельством этого стал первый Конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь 1959 г). В то же время Конгресс высветил проблемы в развитии монголоведения в Советском Союзе, ослабление научных контактов и сотрудничества Академии наук и Комитета наук. В связи с этим обстоятельством монгольские ученые выразили обеспокоенность. Руководство Комитета наук считало необходимым сохранить «первенствующее положение советского монголоведения» как «в чисто научных целях, так и в целях политических». Для решения этих вопросов Академия наук приняла ряд мер, в число которых входило возобновление научных экспедиций в Монголию и расширение плана командировок советских монголоведов в МНР в рамках Соглашения 1956 г. о сотрудничестве двух стран.

Таким образом, к 1960 г. сложилась ситуация, когда и монгольские, и советские исследователи настойчиво ставили вопрос о возобновлении активного научного сотрудничества. Внешнеполитическое ведомство в лице советского посольства в МНР также считало необходимым для поддержания влияния СССР в стране сохранить советский приоритет в изучении Монголии, в развитии его научных учреждений на фоне все расширяющихся международных контактов монгольских ученых.

§ 4.6. Создание Академии наук Монгольской Народной Республики

Освещается взаимодействие Комитета наук МНР и Президиума АН СССР по организации Академии наук Монголии; визит делегации Комитета наук для изучения научно-организационной деятельности академических учреждений и заключения нового соглашения о научном сотрудничестве; развитие

сотрудничества с Академией наук СССР в первые годы существования Академии наук МНР.

Ученый секретарь Учкома Монголии Ц.Ж. Жамцарано, представляя программу развития первого монгольского научного учреждения в 1924 г., писал: «Современный Учком, при дальнейшем развитии, преобразуется в национальную Академию наук и художеств»¹¹⁴². Но путь к этому преобразованию оказался достаточно долгим в силу ряда объективных факторов развития монгольского государства в целом и научного сообщества страны в частности. Это понимало и руководство Советского Союза, заинтересованное в экономическом развитии, невозможном без национальных научных институтов, своего геополитически важного партнера на Дальнем Востоке. Только в 1946 г. И.В. Сталин поставил перед официальными представителями Монголии вопрос об организации Академии наук. Во время приема монгольской делегации в Кремле 9 марта 1946 г. в беседе с ректором МонГУ, членом Комитета наук и одновременно секретарем ЦК МНРП Б. Ширендыбом он заметил, что Монголии нужны свои ученые, для чего необходимо готовить создание в стране Академии наук¹¹⁴³.

Однако реализация этой задачи продолжительное время была затруднена отсутствием национальных научных кадров высокой квалификации. Об этом в 1951 г. председатель Комитета наук Ц. Дамдинсурэн писал только что назначенному президентом Академии наук СССР А.Н. Несмеянову¹¹⁴⁴. В качестве

¹¹⁴² См. подробнее: *Юсупова Т.И.* «Современный Учком, при дальнейшем развитии, преобразуется в национальную Академию наук и художеств»: Программа развития Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано // *Mongolica*–XI. СПб., 2013. С. 91–96.

¹¹⁴³ *Роцин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005. С. 115. (С.К. Роцин ссылается на книгу: *Бат-Очир Л.* Чойбалсан (Намтрын нь балархайг тодруулахуй). (Чойбалсан. Неизвестные страницы биографии). Улаанбаатар, 1996. 207 х.).

¹¹⁴⁴ Письмо Ц. Дамдинсурэна к А.Н. Несмеянову, 26 марта 1951 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 24. Л. 65–67.

одной из мер для решения этой проблемы XII съезд МНРП (декабрь 1954 г.) принял постановление о создании при Комитете наук аспирантуры.

Официальная просьба к Академии наук СССР об оказании помощи в подготовке монгольских докторов наук последовала в 1955 г. В письме А.Н. Несмеянову уже другой председатель Комитета наук, Н. Жагварал, напомнил президенту Академии наук, что за последние годы благодаря советским ученым было подготовлено десять монгольских кандидатов наук¹¹⁴⁵. Теперь, писал Н. Жагварал, «сама жизнь настойчиво требует подготовки докторов наук, что имеет первостепенное значение в деле создания Монгольской Академии наук»¹¹⁴⁶. Комитет наук просил Академию наук принять монгольских ученых в докторантуру или разрешить командировать молодых исследователей для получения консультаций у соответствующих советских специалистов, а также для работы в библиотеках СССР. Одними из первых были направлены соискателями в академические институты будущий член-корреспондент АН МНР Ж. Жамсран (в Институт химии) и будущий академик, историк Ц. Пунцагноров (в Институт востоковедения).

Годом раньше, в 1954 г. значительное развитие и расширение научной работы потребовало изменения структуры Комитета наук: вместо кабинетов были образованы сектора, которые объединили кабинеты, близкие друг к другу по научным направлениям: сектор общественных наук (объединил экономистов, историков, языковедов, литературоведов), сектор геологии и географии, сектор сельскохозяйственных и естественных наук, сектор медицины и биологии. Через три года, 9 февраля 1957 г., ЦК МНРП и Совета Министров МНР принял постановление для расширения научно-исследовательской работы, подготовки кадров и улучшения материальной базы Комитета наук в течение 1957–1960 гг. организовать при Комитете наук четыре института: животноводства, общественных наук, естественных наук, медицинских наук. Это постановление

¹¹⁴⁵ Наука // Очерки истории культуры МНР. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1971. С. 296.

¹¹⁴⁶ Письмо Н. Жагварала к А.Н. Несмеянову, 24 мая 1955 г. // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1 доп. Д. 271. Л. 23–24.

утвердило и главную целевую установку деятельности Комитета наук: внедрение достижений науки в производство и сельское хозяйство с целью повышения их эффективности¹¹⁴⁷. В свою очередь, Комитет наук для поощрения результативности деятельности научных сотрудников и усиления их мотивации установил три ежегодные премии за научные достижения.

Однако поступательное развитие и усиление научно-исследовательской работы Комитета наук было замедлено преобразованием его следующим постановлением ЦК МНРП и Совета Министров МНР от 5 июля 1957 г. в Комитет науки и высшего образования. В его состав вошли монгольские, еще, правда, немногочисленные вузы (МонГУ, Педагогический институт, Медицинский институт, Экономический институт). То есть вновь, как и в 1924 г., на Комитет наук возлагались двойные функции: проведение научных исследований и руководство системой высшего образования страны.

Негативные результаты такого объединения отметил А.А. Юнатов в 1960 г. «Это решение, – писал он в своем отчете о пребывании в Монголии, – продиктованное необходимостью улучшить постановку высшего образования в МНР, конечно, положительно сказалось на учебном процессе, но, однако, при общем недостатке профессорско-преподавательского состава привело к значительному сокращению научных исследований», поскольку научные сотрудники оказались чрезмерно загружены преподавательской работой и реальное выполнение НИР резко сократилось¹¹⁴⁸.

В январе 1960 г. вопрос о развитии науки в Монголии был рассмотрен в ЦК МНРП. Результатом высокой партийной проверки стало специальное постановление о работе Комитета наук и высшего образования. Монгольское партийное руководство констатировало, что научно-исследовательская деятельность является «отстающим участком», и перед научным сообществом

¹¹⁴⁷ Наука // Очерки истории культуры МНР. Улан-Удэ, 1971. С. 287–288.

¹¹⁴⁸ Отчет А.А. Юнатова, 28 мая 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 196. Л. 49–50.

была поставлена задача качественного улучшения организации научно-исследовательской деятельности для повышения ее результативности¹¹⁴⁹.

В качестве одного из важнейших условий преодоления выявленных недостатков Комитет наук высказал необходимость укрепления научного сотрудничества с Академией наук СССР, взаимодействие с которой в последние годы значительно ослабло. С этой целью в мае 1960 г. новый председатель Комитета наук Б. Лхамсурен¹¹⁵⁰ направил А.Н. Несмеянову письмо, в котором традиционно подчеркнул, что развитие науки в Монголии проходило, опираясь на поддержку и помощь советских ученых. И сегодня монгольские ученые понимают, отмечал Б. Лхамсурен, что справиться с поставленными перед ними задачами по дальнейшему развитию науки в стране они смогут, только опираясь на «братскую помощь Академии наук и советских ученых»¹¹⁵¹. В связи с этим Комитет наук и высшего образования обратился к Академии наук с предложением заключить соглашение о научном сотрудничестве, подобное тем, какие Академия наук СССР имеет с академиями других стран народной демократии. Комитет наук также просил Президиум АН оказать консультационную помощь по составлению перспективного плана научно-исследовательских работ на 1961–1965 гг., для чего принять монгольскую делегацию в составе 10–12 человек сроком на один месяц.

Одновременно Комитет наук и высшего образования 20 июля 1960 г. обратился к правительству страны с предложением создать Академию наук Монголии, отделив ее от Комитета по делам высшего образования¹¹⁵². Следует отметить, что это предложение было неоднозначно воспринято в монгольском руководстве. В частности, будущий первый президент монгольской Академии

¹¹⁴⁹ Отчет Э.М. Мурзаева, 27 мая 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 196. Л. 66–67.

¹¹⁵⁰ Бадамын Лхамсурен пробыл на посту председателя Комитета наук МНР всего несколько месяцев, с февраля по июнь 1960 г.

¹¹⁵¹ Письмо Б. Лхамсурена в Президиум АН, 20 мая 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1960. Д. 846. Л. 129–130.

¹¹⁵² *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор, 1981. С. 22.

Б. Ширендыб отмечал, что ряд высокопоставленных партийных и государственных функционеров «выразили сомнения в своевременности создания Академии наук и вообще в целесообразности ее существования»¹¹⁵³. В то же время Э.М. Мурзаев, который был приглашен в Комитет наук летом 1960 г. отмечал, что «в настоящее время условия для развития научной работы намного улучшились. В Монголии появились свои квалифицированные научные работники, в том числе 78 кандидатов наук и два доктора наук, а подготовку молодых специалистов ведут монгольские вузы»¹¹⁵⁴.

За организационную модель национальной монгольской Академии была взята, разумеется, Академия наук СССР. Другой не могло быть в условиях продолжительной международной изоляции Монголии и тесного межгосударственного взаимодействия, которое происходило между СССР и Монголией. Кроме того, именно советская модель академии, встроенной в государственную систему, финансируемая только государством, могла обеспечить мобилизацию научных сил на реализацию решений руководства Монголии.

На момент проработки плана создания Академии наук в 1960 г. Комитет наук и высшего образования МНР имел в своем непосредственном подчинении один НИИ (Институт истории, языка и литературы – старейшее структурное подразделение Комитета, в составе 29 научных сотрудников, из них 17 историков и 12 филологов), обсерваторию (со штатом 9 научных сотрудников), научную фундаментальную библиотеку и музеи (Центральный государственный музей, Антирелигиозный музей, музей Д. Сухэбатора и Х. Чойбалсана, краеведческие кабинеты). Помимо этого, Комитет наук «руководил» МонГУ, в состав которого входил Научно-исследовательский медицинский институт, где работали 9 освобожденных от педагогической работы сотрудников, и Институт естественных наук (13 сотрудников – химики, физики, зоологи, географы), а

¹¹⁵³ Там же. С. 23.

¹¹⁵⁴ Отчет Э.М. Мурзаева, 27 мая 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 196. Л. 66–67.

также опытные сельскохозяйственные станции при Министерстве сельского хозяйства¹¹⁵⁵. На 1 сентября 1960 г. председателем Комитета наук являлся Б. Ширендыб¹¹⁵⁶, его заместителем – Б. Дашманц, ученым секретарем – Д. Бадамжав. Президиум состоял из девяти человек (Ц. Дамдинсурэн, Ш. Нацагдорж, Н. Содном и др.). Действительными членами Комитета наук являлись 36 человек, в его состав также входили члены-корреспонденты¹¹⁵⁷.

В ходе обсуждения вопроса об организации Академии наук монгольские директивные органы одобрили это предложение и инициативу Комитета наук послать в Москву делегацию для изучения опыта работы Академии наук СССР. Посол МНР в СССР С. Лувсан (1912–1994) 19 июля 1960 г. посетил Президиум АН и сообщил его руководству желание монгольского правительства создать национальную Академию наук, его одобрение заключения соглашения о сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР и просьбу принять представителей Комитета наук. Через месяц, 18 августа, заступивший на должность председателя Комитета наук Б. Ширендыб также провел переговоры в Президиуме АН о возможно скорейшем визите монгольской делегации. В сентябре 1960 г. Президиум АН посетил первый секретарь Посольства МНР в Москве Б. Дашцарэн и передал подготовленные Комитетом наук материалы по перспективному планированию научно-исследовательской работы в 1961–1965 гг., а также предложения по направлениям и тематике сотрудничества. Президиум АН смог принять решение о приеме

¹¹⁵⁵ Объяснительная записка к проектам НИР Академии наук МНР // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 837. Л. 3.

¹¹⁵⁶ О нем см. *Грайворонский В.В.* К 100-летию со дня рождения Базарын Ширендыба (1912–2001) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 201–203; *Новгородова Э.А.* Сын Хангайских гор. О жизни и творчестве Б. Ширендыба. М.: Наука, 1976. 167 с.; *Shirendev B.* Through the Ocean Waves: The Autobiography of Bazaryn Shirendev / Transl. by T. Onon. Bellingham, Wash.: Center for East Asian Studies at Western Washington University, 1997. 231 p.

¹¹⁵⁷ Справка о Комитете наук, 1960 г. // Там же. Л. 138–139.

монгольских ученых только в октябре, после согласования этого вопроса с директивными органами¹¹⁵⁸. Со своей стороны, Президиум АН, учитывая, что такая представительная делегация монгольского Комитета наук приезжает в СССР впервые, выразил желание принять ее за свой счет (10 человек на 20 дней).

В Монголии придавали большое значение обсуждению в Президиуме АН СССР подготовительных мероприятий по созданию национальной Академии наук. ЦК МНРП 13 октября 1960 г. принял решение создать Академию наук МНР в 1961 г. и 20 октября утвердил поездку делегации Комитета наук в СССР для консультаций по ее организации и для заключения соглашения о сотрудничестве между научными организациями двух стран¹¹⁵⁹.

Отдел стран народной демократии Президиума АН развернул активную подготовку к проведению встречи. В первую очередь отделениям АН и институтам было поручено изучить и подготовить заключение по представленным Комитетом наук проектам пятилетнего плана НИР и соглашения о сотрудничестве между Академией наук и Комитетом наук. В начале ноября начальник отдела С.И. Прасолов встретился с находящимся в Москве Б. Ширендыбом, чтобы составить план пребывания монгольских ученых в СССР и окончательно проработать интересующие Комитет наук вопросы¹¹⁶⁰.

Б. Ширендыб высказал пожелание познакомиться прежде всего с научно-организационной работой Президиума АН. В частности, интерес представляли вопросы формирования НИР, составления сметы научных работ, формы отчетов, порядок их утверждения в вышестоящих органах, существующие количественные нормативы научной работы, меры поощрения ученых, оплата труда академиков и членов-корреспондентов Академии наук. Руководитель Комитета наук высказал также просьбу познакомиться с деятельностью ряда конкретных академических институтов, которые монгольские ученые хотели бы первыми создать в будущей Академии наук (институты: истории, геологии и географии, естественных наук,

¹¹⁵⁸ Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 497. Л. 22.

¹¹⁵⁹ Ширендыб Б. Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор, 1981. С. 23.

¹¹⁶⁰ Стенограмма встречи, 3 ноября 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1960. Д. 846. Л. 78–81.

физики и математики), и соответствующих отделений Академии наук (отделение исторических наук, отделение экономических, философских и правовых наук, отделение филологических наук, отделение физико-математических наук, отделение геолого-географических наук, отделение технических наук), а также с Институтом народов Азии и ОИЯИ в Дубне. Кроме того, Б. Ширендыб считал важным для монгольских ученых побывать в какой-нибудь «молодой союзной академии», познакомиться «с ее ошибками и неудачами», чтобы по возможности не повторять их в Монголии. В планах Комитета наук было также знакомство с особенностями организации и деятельности ВАСХНИЛ, Академии медицинских наук СССР, министерства высшего и среднего образования СССР, некоторых отраслевых министерств и их институтов.

Для приема монгольских ученых Распоряжением Президиума АН от 5 ноября 1960 г. был утвержден состав делегации Академии наук во главе с Главным ученым секретарем Президиума АН академиком Е.К. Федоровым (1910–1981), куда наряду с представителями отделений Академии наук и академическими чиновниками вошли также ученые, имевшие опыт работы в Монголии: С.В. Киселев, Э.Н. Мурзаев, А.А. Юнатов. Этим распоряжением Президиум также обязал академические отделения и научные учреждения предоставить монгольским ученым консультации по всем интересующим их вопросам и подготовить рекомендации по развитию конкретных научных направлений в МНР на основе подготовленных Комитетом наук перспективных планов¹¹⁶¹. В качестве «молодой Академии наук» для знакомства с ее деятельностью была первоначально выбрана АН Туркменской ССР, затем ее заменили на АН Казахской ССР (образована в 1946 г.), которой также были выданы соответствующие распоряжения по приему монгольских ученых.

В состав монгольской делегации вошли десять человек: председатель Комитета наук Б. Ширендыб (глава делегации, доктор исторических наук), ученый секретарь, кандидат географических наук Д. Бадамжав, директор

¹¹⁶¹ Распоряжение Президиума, 5 ноября 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 846. Л. 50–51.

Экономического института, кандидат экономических наук Ч. Сэрэтэр, директор НИИ Медицины при МонГУ, кандидат медицинских наук Т. Шагдарсурэн (1917–1982), заместитель ректора МонГУ, кандидат химических наук Ж. Жамсран (1916–1972), заместитель директора Сельскохозяйственного института, кандидат сельскохозяйственных наук Д. Цэдэв (1912–1987), заведующий кафедрой физики МонГУ, кандидат физико-математических наук Д. Батсуурь (1925–1991), заведующий кафедрой земледелия и почвоведения Сельскохозяйственного института, кандидат сельскохозяйственных наук С. Ичинхорло, научный сотрудник широтной станции Комитета наук Д. Басанжав, директор Центральной научной станции при Министерстве сельского хозяйства, кандидат ветеринарных наук Ч. Цэрэндаш¹¹⁶².

Совместное заседание представителей Комитета наук и высшего образования МНР и Академии наук СССР состоялось 23 ноября 1960 г. Председательствовал академик Е.К. Федоров. Он отметил, что приезд монгольской делегации для изучения опыта по развертыванию научных исследований очень важен не только для МНР, но и «означает также рост и развитие научно-исследовательских возможностей, <...> мощи науки всего нашего социалистического лагеря»¹¹⁶³.

В ответном слове Б. Ширендыб поблагодарил Президиум АН за приглашение и предоставленные широкие возможности для ознакомления с организацией научной и научно-организационной деятельности Академии наук СССР и рассказал о целях приезда монгольской делегации. Он отметил, что «перспективы развития народного хозяйства МНР ставят большие и сложные задачи перед научным сообществом страны». Однако уровень научных исследований и их материально-техническая база в Монголии еще недостаточно высоки. Для коренного перелома сложившейся ситуации руководство страны по

¹¹⁶² Список делегации, ноябрь 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 846. Л. 60–61.

¹¹⁶³ Стенограмма переговоров, 12 декабря 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 846. Л. 110–111; Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. II. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 396–397.

предложению монгольских ученых приняло решение преобразовать Комитет наук в национальную Академию, «чтобы собрать вокруг нее все научные кадры, <...> создать современные научные лаборатории»¹¹⁶⁴. Руководитель монгольской науки выразил уверенность, что эта реорганизация, одобренная директивными органами страны, несомненно, будет содействовать укреплению как монгольского высшего образования, так и науки.

По замыслу инициаторов, Академия наук Монголии будет развиваться постепенно, поэтапно, исходя из кадровых, финансовых и материальных возможностей. В ближайшие два-три года в ее составе предполагалось организовать пять-шесть институтов, в конце пятилетки, к середине 1960-х гг., еще два института. Их состав и структура, объяснял Б. Ширендыб, будут отличаться некоторым своеобразием по сравнению с аналогичными учреждениями Академии наук СССР, что объясняется национальными особенностями развития науки в Монголии: наличием кадров, состоянием материально-технической базы и задачами, которые выдвигает народное хозяйство страны перед научным сообществом.

Монгольские ученые выразили надежду на помощь специалистов из Советского Союза по руководству научными исследованиями в создаваемой Академии наук и в подготовке кадров. С этой целью предполагалось приглашать советских ученых как на длительный срок (2–3 года), так и на короткий – два–три месяца в год.

Среди работ, которые Комитет наук хотел бы провести в сотрудничестве с Академией наук уже в 1961 г., были названы: по ОГГИ – природное районирование МНР, подготовка монографии по географии Монголии, тектонические исследования в районах Хангая и Кэнтэя; по Отделению русского языка – составление лингвистической карты халхаского говора, составление диалектологического атласа МНР (совместно с Институтом языкознания и

¹¹⁶⁴ Стенограмма переговоров, 12 декабря 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 846. Л. 112–113.

Институтом востоковедения АН); по Отделению экономических, философских и правовых наук – обоснование рациональных для конкретных природно-климатических условий специализаций сельского хозяйства; по Отделению биологических наук – организация совместных экспедиций по изучению гельминтов, паразитирующих у диких животных Монголии; по Отделению физико-математических наук – изучение сейсмичности территории МНР для сейсмического районирования страны и др.¹¹⁶⁵ Особенно важным для монгольских ученых по-прежнему являлось решение актуальных народно-хозяйственных проблем, среди которых на первое место выдвигалось развитие топливно-энергетической промышленности и, традиционно, животноводства.

В ходе визита делегация Комитета наук МНР, кроме Президиума АН и ее отделений, провела, как и предполагала, встречи в ВАСХНИЛ, Академии медицинских наук СССР, министерстве высшего образования СССР, в целом ряде академических учреждений Москвы, Ленинграда, а также побывала в столице Казахской ССР Алма-Ате, где познакомилась с национальной Академией наук. Одновременно велась работа по подготовке Соглашения о научном сотрудничестве. В протоколе обсуждения текста Соглашения было отмечено, что переговоры между советской и монгольской делегациями проходили «в обстановке братской дружбы и сердечности, характеризующей взаимоотношения советских и монгольских ученых»¹¹⁶⁶.

Соглашение между Академией наук СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР о научном сотрудничестве на 1961–1965 гг. было подписано 12 декабря 1960 г. от имени Академии наук Главным ученым секретарем Президиума АН академиком Е.К. Федоровым, от имени Комитета наук – его

¹¹⁶⁵ Перспективные планы Комитета наук, май 1960 г. // Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1–1959. Д. 846. Л. 19–20.

¹¹⁶⁶ Протокол переговоров, 12 декабря 1960 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. II. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 395.

председателем Б. Ширендыбом¹¹⁶⁷. Соглашение было составлено в рамках действующего межгосударственного «Соглашения о культурном сотрудничестве» между СССР и МНР от 24 апреля 1956 г. и состояло из шести разделов, в которых были прописаны общие положения, направления сотрудничества (три раздела), финансовые вопросы и заключительные положения, определявшие время его вступления в силу, срок действия (пять лет), порядок внесения изменений и дополнительные сопровождающие взаимодействие акты (ежегодные планы мероприятий и др.) по его реализации. Этот документ выделил три основные формы научного сотрудничества двух стран: координация научных исследований, проведение совместных работ по целому ряду научных направлений и проблем (они будут определяться ежегодными планами мероприятий по сотрудничеству, являющимися составной частью Плана культурного сотрудничества между СССР и МНР) обмен научной литературой и информационно-справочными материалами, в том числе содействие в публикации материалов ученых другой стороны в своих изданиях; научные командировки ученых для совместного проведения исследовательской работы, стажировки, повышения квалификации, участия в научных мероприятиях, чтения лекций, консультирования и экспертиз. Командирование научных сотрудников должно было осуществляться как правило в порядке эквивалентного (безвалютного) обмена. В Соглашении также оговаривался взаимный прием в аспирантуры своих научных учреждений сотрудников другой стороны.

В тот же день, 12 декабря, президент Академии наук А.Н. Несмеянов по случаю подписания Соглашения устроил прием в Президиуме АН, на котором присутствовала делегация Комитета наук Монголии, ведущие советские ученые и руководители академических учреждений.

Таким образом, делегация Комитета наук провела большую работу по изучению организации и функционирования академической науки в СССР, а

¹¹⁶⁷ Соглашение, 12 декабря 1960 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. II. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 398–407.

также деятельности академических учреждений и познакомилась с работой Академии наук Казахской ССР. Приобретенный опыт в дальнейшем был использован в разрешении организационных вопросов при создании Монгольской Академии наук.

Во исполнение решения ЦК МНРП о создании Академии наук в первой половине 1961 г. Указом Президиума Великого Народного Хурала от 16 мая 1961 г. Комитет наук и высшего образования был преобразован в Академию наук Монгольской Народной Республики. Устав и персональный состав новой Академии правительство утвердило 22 мая 1961 г. Устав определял Академию наук как высшее научное учреждение МНР, основная задача которого состояла в оказании помощи «развитию народного хозяйства и культуры путем внедрения достижений науки своей страны, Советского Союза и других братских социалистических стран»¹¹⁶⁸. Согласно основополагающему академическому документу, научные учреждения Монголии в своей деятельности должны были руководствоваться теорией марксизма-ленинизма и политикой МНРП, а «исследования природных, общественных явлений и их закономерностей вести на основе диалектико-материалистической методологии»¹¹⁶⁹.

Первыми монгольскими академиками стали девять человек: филологи Б. Ринчин, Ц. Дамдинсурэн, Ш. Лувсанвандан; историки Б. Ширендыб и Ш. Нацагдорж; философ Д. Томор-Очир (1921–1985); биологи Ц. Тойвгоо и Т. Шагдарсурэн, экономист Н. Жагварал. В состав Академии вошли также 19 человек членов-корреспондентов¹¹⁷⁰. Первая сессия Монгольской Академии наук прошла 22 мая 1961 г. В ходе ее работы был избран президент и Президиум Академии наук, иностранные члены, директора академических институтов. Руководителем Академии наук Монголии стал видный монгольский историк, государственный, политический и общественный деятель академик Б. Ширендыб, который возглавлял высшее научное учреждение Монголии в течение 20 лет

¹¹⁶⁸ Очерки истории культуры МНР. Улан-Удэ, 1971. С. 297.

¹¹⁶⁹ Там же.

¹¹⁷⁰ Ширендыб Б. Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор, 1981. С. 25.

(1961–1981). Признанием его научных достижений явилось избрание Б. Ширендыба иностранным членом Академий наук СССР (1966), Венгерской Народной Республики (1964), Чехословацкой Социалистической Республики (1973) и ряда других академий, а также почетным доктором университета Лидца (*University of Leeds*) по литературе (1970). Первыми иностранными членами Академии наук МНР стали: президент АН СССР академик М.В. Келдыш (1911–1978), Главный ученый секретарь Президиума АН академик Е.К. Федоров, вице-президент Индии, философ С. Радхакришнан (1888–1975) (*S. Radhakrishnan*), президент АН КНР, китайский историк, литературовед Го Можо (*Guō Mòruò*, 1892–1978), венгерский монголовед Л. Лигети (*L. Ligeti*, 1902–1987), президент Польской Академии наук Т. Котарбинский (*T. Kotarbiński*, 1886–1981), вице-президент Венгерской Академии наук, физик Л. Яноши (*L. Jbnossy*, 1912–1978).

Создание Академии наук МНР стало одним из важнейших событий в научной и общественной жизни страны. Свое приветствие Монгольской Академии наук направил президент Академии наук СССР академик М.В. Келдыш. В телеграмме на имя Б. Ширендыба он выразил уверенность, что создание Академии позволит «сплотить все научные силы» для решения наиболее важных проблем развития народного хозяйства Монголии, а тесное сотрудничество между советскими и монгольскими учеными «будет крепнуть и развиваться»¹¹⁷¹. На торжественном собрании, посвященном созданию Академии наук МНР, руководитель страны Ю. Цеденбал справедливо отметил, что «научные организации во главе с Академией наук СССР и советские ученые оказывали и оказывают большую помощь в подготовке наших научных кадров, в организации и развитии научной работы в нашей стране»¹¹⁷².

Изменение государством статуса монгольского научного учреждения означало также и повышение его ответственности за развитие монгольской науки, особенно ее естественных и технических отраслей, направленных на повышение

¹¹⁷¹ Телеграмма М.В. Келдыша, 23 мая 1961 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. II. М.; Улаанбаатар, 1979. С. 424.

¹¹⁷² Цит. по: История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 193.

эффективности монгольской промышленности и сельского хозяйства. Однако качественные результаты не могли быть получены быстро, особенно при недостаточной материальной оснащённости академических институтов и нехватке квалифицированных кадров – перманентной проблеме монгольской науки. На следующий год после образования Академии наук, 9 марта 1962 г., ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление «О некоторых мерах по укреплению научно-производственной базы Академии наук». Самым важным из намеченных мероприятий по государственной поддержке науки явилось решение о включение работ Академии наук МНР в ежегодный государственный план развития народного хозяйства и культуры страны¹¹⁷³, что усиливало государственные гарантии финансирования академических программ.

Следует отметить, что тесные контакты советских и монгольских ученых по подготовке создания Академии наук МНР не обусловили заметного усиления совместных работ. В частности, Дальневосточный отдел МИД СССР выразил Президиуму АН обеспокоенность тем, что «монгольские и советские историки в настоящее время ослабили контакты»¹¹⁷⁴. Сожаление по этому поводу высказал советскому представительству в Монголии директор Института истории Комитета наук Д. Нацагдорж¹¹⁷⁵. И хотя руководство Президиума АН было не согласно с такой постановкой вопроса, несомненно то, что больших значимых совместных проектов между советскими и монгольскими учеными в этот период не было. Исключение составляло только археологическое направление и книгообмен. Как указывалось выше, в 1960 г. монгольские ученые принимали участие в Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова по программе «Палеолит Монголии». В 1961 г. предполагалась стажировка двух монгольских археологов в Москве, в Институте археологии АН по освоению методики и организации полевых исследований.

¹¹⁷³ *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор, 1981. С. 29.

¹¹⁷⁴ Письмо Президиума АН в МИД СССР, 5 мая 1961 г. // АВП РФ. Ф. 111. Оп. 43. Папка 271. Д. 32. Л. 6–7.

¹¹⁷⁵ Там же.

Образование Монгольской Академии наук способствовало качественному изменению структуры научных кадров Монголии, значительному увеличению числа исследователей с учеными степенями. О расширении деятельности Академии наук в первые годы ее существования говорит тот факт, что если в 1961 г. в стране насчитывалось около 180 научных сотрудников (из них 100 человек с учеными степенями) и 20 аспирантов¹¹⁷⁶, то в 1965 г. научных сотрудников было уже более 350 человек, а научного вспомогательного персонала 210 человек (в 1961 г. – 140 человек)¹¹⁷⁷. Возросло до девяти количество научно-исследовательских институтов¹¹⁷⁸. Среди них: Институт языка и литературы, Институт истории, Институт географии и мерзлотоведения, Институт геологии, Институт экономики, Институт физики и химии, Институт общей и экспериментальной биологии, Институт экономики.¹¹⁷⁹ В дальнейшем эти показатели последовательно увеличивались.

Укрепление монгольских научных кадров и рост их профессионализма сказались на развитии новых форм взаимодействия между научными учреждениями двух стран и на характере советско-монгольского сотрудничества – окончательном закреплении его паритетности. Эти изменения нашли отражение в первом де-юре межакадемическом Соглашении о научном сотрудничестве между Академиями наук СССР и МНР, подписанном в апреле 1967 г. В отличие от предыдущих, срок действия этого Соглашения был неограничен. Этот факт подтверждал, что АН СССР рассматривала Монголию как одно из перспективных

¹¹⁷⁶ Например, в Институте народов Азии (так в 1960-х гг. назывался Институт востоковедения) АН СССР в течение 1960 г. проходили подготовку 7 аспирантов из МНР (Письмо Президиума АН в МИД СССР, 5 мая 1961 г. // АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 43. Папка 271. Д. 32. Л. 6–7).

¹¹⁷⁷ *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук. Улан-Батор, 1981. С. 29–30.

¹¹⁷⁸ Монгольская Народная Республика / Отв. ред. Г.С. Матвеева. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1986. С. 358.

¹¹⁷⁹ *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук. Улан-Батор, 1981. С. 34–36.

направлений своей международной деятельности¹¹⁸⁰. Для решения организационных вопросов взаимодействия в 1971 г. «на паритетных началах» была создана Комиссия по научному сотрудничеству Академий наук СССР и МНР, которая занималась планированием и текущими вопросами межакадемических контактов¹¹⁸¹.

В соответствии с Соглашением 1967 г., на территории Монголии в период 1969–1970 гг. начали работать четыре совместных советско-монгольских экспедиции: Геологическая, Биологическая, Палеонтологическая, Историко-Культурная. Первой в 1967 г. была организована Советско-Монгольская геологическая экспедиция АН СССР и АН МНР. Она продолжила работы предшественников, в том числе экспедиций Монгольской комиссии АН. С советской стороны экспедицию возглавил академик А.Н. Яншин. Ее основной задачей являлось изучение геологического строения Монголии и выяснение условий формирования месторождений полезных ископаемых «и выявление пространственных и временных закономерностей» их размещения¹¹⁸². Кроме того, экспедиция должна была оказать помощь Академии наук МНР в подготовке кадров для Геологического института, организованного в 1966 г. в системе Монгольской Академии наук. В рамках экспедиции были составлены и опубликованы общая тектоническая карта Монголии, карта мезозойской и кайнозойских структур, геологические карты отдельных регионов и др. Благодаря усилиям советских и монгольских геологов Монголия стала страной с хорошо развитой горнодобывающей промышленностью.

¹¹⁸⁰ См. подробнее: *Юсупова Т.И.* Российско-монгольское научное сотрудничество: некоторые особенности становления и развития // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 1. С. 63–74.

¹¹⁸¹ *Суринов И.А.* Сотрудничество Академии наук СССР и Академии наук МНР // Вестник АН СССР. 1981. № 6. С. 76.

¹¹⁸² *Яншин А.Л., Зайцев Н.С.* Советско-Монгольской комплексной научно-исследовательской геологической экспедиции 20 лет // Вестник АН СССР. 1967. № 9. С. 112–122.

Чуть позже, в 1969 г., начала свою деятельность совместная палеонтологическая экспедиция, которая работает до сих пор. Советско/Российско-Монгольская палеонтологическая экспедиция продолжила исследования, блестяще начатые экспедицией под руководством И.А. Ефремова в 1946–1949 гг. От АН СССР / РАН ее в разные годы возглавляли известные советские/российские палеонтологи А.Г. Вологдин (1896–1971), Н.Н. Крамаренко (1921–1997), Ю.И. Воронин (1932–1988), Ю.А. Попов, В.А. Сысоев, В.Ю. Решетов (1946–1992), И.Н. Мананков, С.В. Рожнов; с монгольской стороны ее бессменным руководителем является академик Р. Барсболд¹¹⁸³.

В 1970 г. начались исследования Советско-Монгольской биологической экспедиции, которая также продолжает свою деятельность и сегодня под названием «Российско-Монгольская комплексная экспедиция РАН и Академии наук Монголии». Она собрала обширные ботанические и зоологические коллекции, составила карты растительности и почв Монголии, разработала программу восстановления лесных ресурсов, провела большую работу по выработке рекомендаций для различных отраслей сельского хозяйства Монголии. Ее новым исследовательским направлением является изучение экологических проблем изучаемых территорий¹¹⁸⁴.

Совместная Советско/Российско-Монгольская историко-культурная экспедиция работала с 1969 по 1990 г. Ее организация была вызвана необходимостью продолжения выявления памятников монгольских древностей и традиционной культуры и обработки и систематизации уже известных для выяснения «той роли, которую они играют в истории Монголии, в

¹¹⁸³ Рожнов С.В., Розанов А.Ю., Барсболд Р. Палеонтологические исследования в Монголии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 50-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 45–67.

¹¹⁸⁴ Гунин П.Д. и др. Роль совместной Российско-Монгольской комплексной экспедиции РАН и Академии наук Монголии в изучении экологических проблем Внутренней Азии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные проблемы (к 150-летию П.К. Козлова). СПб., 2014. С. 68–84.

этногенетических процессах, происходивших на ее территории и приведших в итоге к образованию современной монгольской нации»¹¹⁸⁵. В состав историко-культурной экспедиции входило три отряда: археологический (по изучению памятников каменного, бронзового и железного веков и средневековых монгольских городов), эпиграфический, специализировавшийся на исследовании древнетюркских рунических надписей и погребальных комплексов (все годы работы экспедиции этими работами руководил С.Г. Кляшторный (1928–2014)), и этнографический отряд (руководителем работ была Н.Л. Жуковская). В работе отрядов участвовали советские и монгольские археологи, этнографы, филологи, историки. Возглавляли экспедицию академик А.П. Окладников (в 1969–1981) и В.В. Волков (в 1982–1990)¹¹⁸⁶.

Несколько позже, в 1986 г., начала работать Советско/Российско-Монгольская геофизическая экспедиция, которая в продолжение исследований 1957–1958 гг., связанных с Гоби-Алтайским землетрясением, выполнила исследования по комплексному глубинному строению, современной геодинамики и сейсмичности территории Монголии¹¹⁸⁷.

¹¹⁸⁵ Жуковская Н.Л. Этнографические исследования в МНР (некоторые итоги и перспективы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции) // Советская этнография. 1972. № 5. С. 103–113.

¹¹⁸⁶ Жуковская Н.Л. Основные направления советских этнографических исследований в Монголии // Известия СО Академии наук СССР. Серия: История. Филология. Философия. 1988. № 16. Вып. 3. С. 30–35; Она же. Страницы монгольского дневника // Вестник Евразии. 2001. Вып. № 3. С. 133–147; Волков В.В. Советско-монгольская экспедиция // Археологические открытия, 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 486–487; Жуковская Н.Л., Конопацкий А.К. Список трудов, опубликованных участниками Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции в 1969–1983 гг. // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 224–232.

¹¹⁸⁷ Кочетков В.М., Зорин Ю.А., Джурик В.И. Комплексные геофизические исследования в Монголии // Геофизические исследования в Восточной Сибири на рубеже XXI века: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука СО, 1996. С. 13–17.

Совместные экспедиции стали прекрасной школой для молодых научных кадров Монголии и помогли им стать высокопрофессиональными специалистами в различных отраслях знания. По материалам экспедиций было защищено большое число докторских и кандидатских диссертаций¹¹⁸⁸. Их работа, опять же, продемонстрировала заинтересованность советского/российского научного сообщества в монгольском территориальном направлении своих исследований. Актуальность работы в Монголии определяется ее уникальным географическим положением и климатическими условиями, благодаря которым в этом регионе, как писал Н.И. Вавилов, находятся «ключи к пониманию многих важнейших современных естественноисторических и культурно-исторических явлений»¹¹⁸⁹.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующее заключение.

Создавая в 1921 г. Ученый комитет – первое научное учреждение Монголии, руководство страны ставило перед собой задачу в будущем преобразовать его в национальную академию наук. При этом сознавая, что для достижения этой цели предстоит пройти достаточно долгий путь в силу объективных условий развития монгольского государства (практически полное отсутствие светского образования в стране, слабое распространение естественнонаучного знания, ее экономическая слабость). Тем не менее преодолеть эти трудности оказалось возможным за относительно короткий в исторической перспективе срок. За сорок лет в Монголии была решена проблема общей грамотности населения, созданы высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения, выросли национальные научные кадры. В этот

¹¹⁸⁸ Так, например, за 20 лет работы Геологической экспедиции монгольские участники защитили более 15 кандидатских диссертаций и четыре докторские (*Янин А.Л., Зайцев Н.С.* Советско-Монгольской комплексной научно-исследовательской геологической экспедиции 20 лет // Вестник АН СССР. 1967. № 9. С. 122).

¹¹⁸⁹ *Вавилов Н.И.* О восточных центрах происхождения культурных растений // Новый Восток. 1924. № 6. С. 292.

процесс важный вклад внесла Академии наук СССР, что неоднократно отмечалось руководством Монголии.

Особенно активно научная работа в Монголии стала развиваться после Второй мировой войны, когда независимость МНР была официально признана мировым сообществом и Комитет наук в 1950-х гг. смог расширить свои международные контакты¹¹⁹⁰. При этом одновременно произошло снижение активности и интенсивности взаимодействия с советскими академическими учреждениями. Одной из причин этого явилось значительное увеличение международных контактов Академии наук СССР, прежде всего, с академиями стран народной демократии Восточной Европы и Китайской Народной Республики. Монгольское направление из особенного, практически единственного в 1930-х – 1940-х гг. стало наряду с другими одним из многих направлений международной деятельности Академии наук СССР. В дальнейшем советско/российско-монгольское научное сотрудничество развивалось на основе типовых межакадемических соглашений и тематических планов, в рамках общей международной деятельности Академии наук СССР.

В конце 1950-х гг. социально-политическое и экономическое развитие Монголии потребовало значительного подъема уровня и результативности научных исследований Комитета наук. В качестве главного организационного шага по укреплению монгольской науки Комитет наук предложил руководству страны преобразовать Комитет наук в национальную Академию наук. При этом руководство Комитета наук подчеркивало, что справиться с поставленными перед ними задачами они смогут, только опираясь на «братскую помощь Академии наук и советских ученых». Это понимало и руководство Советского Союза,

¹¹⁹⁰ Следует отметить, что активное расширение межгосударственных связей МНР с капиталистическими странами началось после 1961 г., когда страна стала членом ООН. Первыми западноевропейскими странами, установившими дипломатические отношения с МНР стали Великобритания (1963) и Франция (1965). (Бойкова Е.В. Отношения МНР с капиталистическими и развивающимися странами. 60–70-е годы. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1982. 175 с.

заинтересованное в экономическом подъеме своего геополитически важного партнера на Дальнем Востоке, невозможном без развития научных институтов.

В качестве организационной модели национальной монгольской Академии была взята Академия наук СССР как государственное учреждение. Финансирование Академии наук МНР было включено в государственный план развития народного хозяйства и культуры страны.

Создание Академии наук МНР стало важным фактором для развития науки в Монголии¹¹⁹¹. Укрепление монгольских научных кадров, рост их профессионализма сказались на развитии новых форм взаимодействия между научными учреждениями СССР и МНР и на характере советско-монгольского сотрудничества, окончательном закреплении его паритетности. Эти изменения нашли отражения в Соглашении о сотрудничестве Академий наук СССР и МНР, заключенном в 1967 г.

Образование Академии наук МНР и повышение внимания руководства страны к проблемам развития науки привели к значительному росту научных исследований, повышению их теоретического уровня и практической значимости, усилению ее общественного значения и влияния на развитие Монголии. Что касается сотрудничества с Академией наук СССР, то оно расширялось не только дисциплинарно и тематически, но и географически, вследствие развития сети региональных научных учреждений советской Академии наук. Особо следует отметить, что на всем протяжении своей истории советско/российско-монгольское научное сотрудничество всегда отличалось плодотворным характером и являлось отражением взаимной заинтересованности научных сообществ двух стран в совместной работе – важной составляющей межгосударственного взаимодействия России и Монголии.

¹¹⁹¹ О реформах в области науки в Монголии в условиях произошедшей смены политического устройства страны см.: *Грайворонский В.В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007. С.118–139.

Заключение

Итогом настоящей диссертационной работы стал впервые проведенный всесторонний детальный анализ проблем становления, развития и основных результатов сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в широком политико-идеологическом и социальном контексте.

В результате выявления и изучения всей совокупности источников и литературы, разных по своему составу и содержанию, было установлено, что исследовательский интерес российских ученых к Монголии начал складываться еще в XVIII в. Он был обусловлен государственным запросом на получение знаний о природе, хозяйстве и населении приграничных с Монголией районов Сибири, а также и самой соседней страны. Благодаря деятельности академических экспедиций, сотрудников Русской православной миссии в Пекине и экспедиций Русского географического общества в Азиатском, Ботаническом, Зоологическом, Геологическом и Минералогическом музеях, в Музее антропологии и этнографии Академии наук и в Санкт-Петербургском Ботаническом саду были накоплены богатые естественнонаучные и археологические коллекции и документальные памятники из Монголии. Необходимость их изучения стимулировала формирование в Академии наук специалистов в разных научных дисциплинах, заинтересованных в продолжении работ в Монголии.

Анализ причин установления сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР показал, что они были связаны с имеющимися у академических учреждений планами по изучению Монголии. Руководство Академии наук, откликаясь на просьбу Ученого комитета МНР об оказании помощи в исследовании страны, использовало сложившуюся политическую конъюнктуру в советско-монгольских отношениях в начале 1920-х гг., чтобы получить «государственный заказ» на изучение Монголии совместно с Ученым комитетом МНР, т. е. финансирование для этой исследовательской

программы Академии наук. Создание особой Комиссии по исследованию Монголии (Монгольской комиссии) при Совнаркомом СССР подтвердило важную роль научного сотрудничества в системе межгосударственных советско-монгольских отношений.

В ходе исследования было выявлено, что в установлении советско-монгольских научных связей особая роль принадлежала непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу и ученому секретарю Ученого комитета Ц.Ж. Жамцарано. Их тесные дружеские отношения, сходное понимание целей и задач сотрудничества определили основные принципы взаимодействия и позволили выстроить его на взаимовыгодной основе.

Создание в составе Академии наук специальной Монгольской комиссии для организации и координации работы с Комитетом наук (Ученым комитетом) обособило советско-монгольское научное взаимодействие относительно других направлений международной деятельности Академии наук. Монгольская комиссия была единственной в ее составе, ориентированной на сотрудничество с зарубежной страной. При этом как академическое учреждение она функционировала на тех же основаниях, что и другие комиссии, но ввиду внешнеполитической направленности ее деятельности находилась под контролем НКВД / МИД СССР. Место Монгольской комиссии в структуре Академии наук изменялось от общеакадемического учреждения при Общем собрании (Президиуме) к комиссии в составе одного из отделений (Отделения геолого-географических наук) Академии наук. Такое перемещение было связано с постепенным снижением значимости сотрудничества Академии наук и Комитета наук в межгосударственных отношениях СССР и МНР и в международной деятельности Академии наук.

В диссертационной работе показано, что на содержание исследовательских программ взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в рамках Монгольской комиссии АН заметное влияние оказывал процесс государственного администрирования их деятельности, необходимость переориентации работ общенаучной, академической направленности на

прикладные исследования, призванные решать текущие задачи хозяйственно-экономического развития Монголии. В 1940–1950-х гг., по мере создания в МНР ведомственных научно-исследовательских учреждений, куда передавались прикладные работы, в совместных проектах Академии наук СССР и Комитета наук МНР произошел возврат к академической тематике.

Характер советско-монгольского научного сотрудничества в хронологических рамках, заданных диссертационным исследованием, изменялся от оказания советскими учеными помощи в изучении Монголии при организационной и незначительной материальной и финансовой поддержке Комитета наук (Ученого комитета) (в 1920–1930-х гг.) – к паритетному участию сторон в совместных работах (в конце 1940-х гг.); от научного взаимодействия в контексте укрепления межгосударственных отношений – к сотрудничеству, определяемому проблемами развития конкретных научных дисциплин. Монгольские исследователи играли важную роль в научном взаимодействии, активно участвуя в формировании и реализации его программ. Их вклад в совместные исследования возрастал по мере развития и кадрового укрепления Комитета наук (Ученого комитета) МНР.

Проведенный анализ основных публикаций советских ученых по результатам работы в Монголии позволил сделать вывод, что идеологическое воздействие на их деятельность со стороны государства не отражалось на методах и научной добросовестности проводимых исследований. Содержание этих публикаций и отчетов соответствовало нормам, принятым в научном сообществе.

В процессе исследования было определено, что взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР строилось в рамках межгосударственных соглашений и оформлялось договорными обязательствами, вначале ежегодными, затем долгосрочными, как общего характера, так и частного – о выполнении отдельных совместных проектов. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества и снимали вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии.

Продолжительное время основной формой сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР являлось проведение экспедиционных исследований по разным научным направлениям. Также в рамках советско-монгольского сотрудничества реализовались совместные исследовательские проекты, осуществлялся книгообмен, взаимные стажировки, оказывалась помощь в обучении монгольских исследователей. Со второй половины 1950-х гг. важной формой научных связей стали взаимные командировки по эквивалентному (безвалютному) обмену. Среди научных направлений наиболее тесные и продолжительные контакты сложились в области археологии, биологии, геологии, истории и источниковедения, лингвистики, палеонтологии, этнографии, геофизики и ряда других научных направлений.

В начале 1950-х гг. вследствие изменения геополитической обстановки и приоритетов советской внешней политики, а также расширения межгосударственных отношений СССР с восточноевропейскими странами и Китаем у Академии наук СССР появились новые коммуникативные возможности. Сотрудничество с Комитетом наук МНР из обособленного стало одним из направлений международных контактов Академии наук СССР со странами социалистического содружества, координация которых осуществлялась Иностранным отделом Президиума Академии наук; оно регулировалось межакадемическими соглашениями и проходило по тематическим планам. Одновременно, после признания международным сообществом независимости Монголии начали расширяться и международные контакты Комитета наук МНР, при этом сотрудничество с Академией наук СССР оставалось важнейшим фактором для дальнейшего развития науки в Монголии.

В результате долговременного взаимовыгодного научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в 1921–1961 гг. был решен целый ряд научных проблем в области истории, археологии, палеонтологии, геологии, биологии и других научных дисциплин; российские и монгольские музеи обогатились значительными, частью уникальными естественнонаучными и археологическими коллекциями; в Монголии были

подготовлены высокопрофессиональные национальные научные кадры и значительно увеличилось количество монгольских научно-исследовательских учреждений. Достигнутые успехи явились основанием для создания Академии наук МНР. Это событие стало главным результатом советско-монгольского научного сотрудничества в рассматриваемых хронологических рамках.

Создание Академии наук МНР стало одним из главных факторов развития науки в стране и свидетельством повышения ее роли в государственном строительстве Монголии. Укрепление монгольских научных кадров и рост их профессионализма привели к расширению советско-монгольских научных связей, их форм, содержания и дисциплинарных направлений в 1960–1980-х гг. Однако в начале 1990-х гг. изменения в политическом устройстве России и Монголии негативно сказались на двухсторонних научных контактах. Они практически прекратились. К счастью, этот период продолжался недолго. Западные аналитики отмечают, что, несмотря на расширение направлений международного сотрудничества монгольских ученых, исторически, политически и «на уровне общественного сознания» Россия ближе Монголии, чем другие государства, поскольку «нет в мире народа, кроме русского, с которым бы монголы были так тесно связаны в XX веке»¹¹⁹².

Сегодня Монголия вновь становится одним из важных международных партнеров России. В новых геополитических условиях научно-техническое сотрудничество между странами активизируется, возрастает разнообразие его организационных форм, расширяется круг участников с обеих сторон. Основные конфигурации этого сотрудничества определяются договорами и соглашениями между Российской академией наук, ее отделениями и Монгольской академией наук, между отдельными академическими учреждениями стран, а также университетами и вузами, совместными программами Министерства образования, культуры и науки Монголии с Российским гуманитарным научным фондом и

¹¹⁹² Гольман М.И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. С. 268.

Российским фондом фундаментальных исследований, Договором о сотрудничестве России и Монголии в области архивов и другими нормативными документами.

Новый этап в развитии российско-монгольского научного взаимодействия характеризуется не только ростом количественных показателей совместных проектов, экспедиций, конференций, публикаций, но и расширением географии сотрудничества. Заметную роль в структуре научных связей с Монголией играют научные учреждения Бурятии, Калмыкии, Иркутска, Новосибирска и других регионов¹¹⁹³. По мнению исследователей, развитие российско-монгольских отношений на современном этапе показывает, что из них окончательно ушла идеологическая составляющая; на ее место пришли национальные интересы¹¹⁹⁴. Все это создает возможности для дальнейшего развития научного взаимодействия между академиями двух стран, его содержательного наполнения. Анализ истории российско-монгольского научного сотрудничества, условий его существования и механизма функционирования дает возможность осознать произошедшие

¹¹⁹³ Расширение географии и форм сотрудничества демонстрируют, в частности, регулярно издающиеся библиографии по монголоведению. См. подробнее: *Юсупова Т.И.* Библиография монголоведения // Библиография. 2012. № 3. С. 30–34; *Она же.* [Рец.]: Е.В. Бойкова. Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. // Письменные памятники Востока. 2007. № 3 (7). С. 305–308. Вопросы истории и современного состояния российско-монгольского научного сотрудничества были рассмотрены на конференции «Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова)», которая прошла в октябре 2013 г. в Санкт-Петербурге. См.: Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова; ред. Т.Ю. Гнатюк. СПб.: Политехника-сервис, 2014. 408 с.; *Юсупова Т.И.* Конференция «Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты» // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 190–196.

¹¹⁹⁴ *Бойкова Е.В.* Россия и Монголия: взаимоотношения в контексте евразийского пространства (вторая половина 19 – начало 20 вв.) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 2. / Отв. ред. А. П. Дервянко. М., 2006. С. 290–294.

изменения и использовать весь накопленный позитивный опыт для дальнейшего развития и углубления научных связей России и Монголии.

Список сокращений

АВП РФ – Архив внешней политики РФ

АН – Академия наук (в зависимости от исторического периода: Императорская Санкт-Петербургская Академия наук; Российская академия наук; Академия наук СССР).

БМ АССР – Бурят-Монгольская АССР

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН

ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина

ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники (журнал)

ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАРФ – Государственный архив РФ

ГиММ – Геологический и минералогический музей Академии наук

Главнаука – Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений Наркомпроса РСФСР

ИВ АН СССР – Институт востоковедения АН СССР

ИВР РАН – Институт восточных рукописей РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры АН СССР / РАН

ИМБТ СО РАН – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

РГО, ИРГО – Русское географическое общество, Императорское Русское географическое общество (до 1917 г.)

КЕПС – Комиссия АН СССР по изучению естественных производительных сил

КЭИ – Комиссия экспедиционных исследований АН СССР

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков

МГУ – Московский государственный университет

МНР – Монгольская Народная Республика

МНРП – Монгольская народно-революционная партия

Нарком – народный комиссар

Наркоминдел, НКИД – Народный комиссариат по иностранным делам СССР
Наркопрос – Народный комиссариат просвещения СССР
ОГГН – Отделение геолого-географических наук АН СССР
ОИиФ – Отделение истории и философии АН СССР
ОНУ СНК СССР – отдел научных учреждений СНК СССР
ОКИСАР – Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик АН СССР
ПИН – Палеонтологический институт АН СССР / РАН
РАН – Российская академия наук
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СНК, Совнарком – Совет народных комиссаров СССР
СО АН – Сибирское отделение АН СССР / РАН
СОПС – Совет по изучению производительных сил
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ЦК – центральный комитет

Список использованных источников и литературы

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 2307 (Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР; Сектор науки наркомата просвещения РСФСР, 1921–1933): Оп. 2. Д. 77, Д. 79, Д. 80.

Ф. 5446 (Совет Министров СССР): Оп. 22а. Д. 328; Оп. 49а. Д. 4397; Оп. 37 (СНК СССР, Отдел научных учреждений, 1922–1934): Д. 10, Д. 33, Д. 34, Д. 36, Д. 37;.

Ф. 7668 (Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного Совета СССР (Ученый комитет, 1925–1938): Оп. 1. Д. 246.

Ф. 8429. (Комиссия СНК СССР по содействию работам АН СССР, 1925–1930): Оп. 2. Д. 12; Оп. 3. Д. 25, Д. 28.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 4372 (Госплан СССР): Оп. 1. Д. 126; Оп. 2. Д. 78.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 (Политбюро ЦК ВКП(б) – КПСС): Оп. 3. Д. 362, Д. 395, Д. 1059; Оп. 116. Д. 268; Оп. 132. Д. 332; Оп. 133. Д. 4; Оп. 137. Д. 411.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Ф. 5 (Секретариат М.М. Литвинова): Оп. 12. Папка 86. Д. 32.

Ф. 111 (Референтура по Монголии): Оп. 7. Папка 116. Д. 28; Оп. 11. Папка 134. Д. 18; Оп. 18. Папка 17. Д. 30 Папка 160. Д. 33; Оп. 19. Папка 163. Д. 34; Оп. 20. Папка 20. Д. 12, Папка 167. Д. 30; Оп. 21. Папка 18. Д. 22; Оп. 24. Папка 25. Д. 12; Оп. 29. Папка 205. Д. 52; Оп. 29. Папка 32. Д. 36; Оп. 32. Папка 218. Д. 48; Оп. 31. Пап. 213. Д. 49.

Ф. 183 (Посольство СССР в МНР): Оп. 4. Папка 107. Д. 28; Оп. 13. Папка 13. Д. 5; Оп. 19. Папка 35. Д. 28.

Архив Российской Академии наук (Архив РАН)

Ф. 2 (Секретариат Президиума АН СССР): Оп. 1а–1941. Д. 148, Д. 154; Оп. 1–1945. Д. 406; Оп. 1–1946. Д. 16, Д. 211, Д. 516; Оп. 1–1948. Д. 350; Оп. 1–1956. Д. 158.

Ф. 277 (Владимир Леонтьевич Комаров): Оп. 3. Д. 278, Д. 284; Оп. 4. Д. 772.

Ф. 339 (Монгольская комиссия Академии наук СССР): Оп. 1. Д. 1, Д. 3, Д. 4; Оп. 3. Д. 283.

Ф. 579 (Управление внешних связей АН СССР): Оп. 1 доп. Д. 13, Д. 24, Д. 36, Д. 69, Д. 271, Д. 684. Оп. 5. Д. 6.

Ф. 602 (Борис Борисович Польшин): Оп. 3. Д. 11.

Ф. 642 (Владимир Афанасьевич Обручев): Оп. 3. Д. 116, Д. 136; Оп. 4. Д. 138, Д. 870.

Ф. 681. (Управление научного сотрудничества с социалистическими странами): Оп. 1. Д. 497, Д. 837; Оп. 3. Д. 24, Д. 109.

Ф. 690 (Нейбург Мария Федоровна): Оп. 4. Д. 1.

Ф. 1712 (Палеонтологический институт АН СССР / РАН): Оп. 1. Д. 18, Д. 73, Д. 124.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН)

Ф. 1 (Конференция РАН / АН СССР): Оп. 1а. Д. 169; Д. 176.

Ф. 2 (Канцелярия Конференции АН (1804–1922); Управление делами Конференции АН СССР 1922–1927; Секретариат АН СССР 1927–1939): Оп. 1–1918. Д. 12; Оп. 1–1923. Д. 1; Оп. 1–1924. Д. 23; Оп. 1–1925. Д. 5; Оп. 1–1926. Д. 58; Оп. 1–1926. Д. 90; Оп. 1–1927. Д. 73; Оп. 1–1930. Д. 36, Д. 84.

Ф. 138 (Комиссия по научным экспедициям АН СССР (1921–1926); ОКИСАР (1926–1928); Комиссия экспедиционных исследований АН СССР (1928–1930)): Оп. 1–1924. Д. 1; Оп. 1–1926. Д. 91; Оп. 1–1927. Д. 89.

Ф. 208 (Сергей Федорович Ольденбург): Оп. 3. Д. 210.

Ф. 339 (Монгольская комиссия АН СССР):

Оп. 1–1926. Д. 1; Оп. 1–1929. Д. 4, Д. 9, 10, 11, Д. 12; Оп. 1–1930. Д. 1, Д. 10, Д. 16, Д. 19;

Оп. 1–1931. Д. 3, 11, 12, 14; Оп. 1–1933. Д. 9; Оп. 1–1932. Д. 1; Оп. 1–1933. Д. 5, Д. 9, Д. 15;

Оп. 1–1934. Д. 2, Д. 3, Д. 8, Д. 14; Оп. 1–1935. Д. 1, Д. 7, Д. 16; Оп. 1–1936. Д. 1, Д. 8, Д. 14, Д. 15, Д. 16; Оп. 1–1937. Д. 7, Д. 14, Д. 8; Оп. 1–1938. Д. 8; Оп. 1–1941. Д. 9.

Архив Русского географического общества (Архив РГО)

Ф. 1 (Канцелярия РГО): Оп. 1–1923. Д. 9; Оп. 1–1925. Д. 9.

Ф. 18 (Петр Кузьмич Козлов): Оп. 1. Д. 154–156, Д. 91; Оп. 2. Д. 107; Оп. 3. Д. 452; Оп. 4. Д. 22.

Ф. 44 (Юлий Михайлович Шокальский): Оп. 2. Д. 220.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (Архив востоковедов ИВР РАН)

Ф. 152 (Азиатский музей (до 1930), Институт востоковедения АН СССР (1930–1950), Сектор рукописей ИВ АН СССР (1950–1956), ЛО ИВ АН СССР (1956–1968), Институт народов Азии АН СССР (1960–1968)): Оп. 1а. Д. 83, Д. 305, Д. 367.

Ф. 104. (Павел Васильевич Погорельский): Оп. 1. Д. 157, Д. 159, Д. 161, Д. 162, Д. 166.

Архив Института археологии РАН

Ф. 12. (Сергей Владимирович Киселев, Лидия Алексеевна Евтюхова): Оп. 1. Д. 40; Раздел 6. Д. 24.

Архив Института востоковедения РАН (Архив ИВ РАН)

Ф. Тихоокеанского ин-та: Оп. 3. Личное дело И.Н. Устюжанинова.

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН

ОФ (Общий фонд). № 1801.

Научный архив ИМБТ СО РАН

№ 1694. Личное дело А.А. Бартановой.

Национальный центральный архив Монголии (НЦА Монголии)

Сх. 23 (Комитет наук / Ученый комитет). Д. 1. Хн. 23, Хн. 27, Хн. 48, Хн. 57, Хн. 73, Хн. 207; Д. 2. Хн. 482; Д. 3. Хн.170.

1.2. Опубликованные источники

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / 1922–1952 [Текст] / Сост. В.Д. Есаков. – М.: РОССПЭН, 2000. – 592 с.
2. *Банников А.Г.* Млекопитающие Монгольской Народной Республики [Текст] / А.Г. Банников. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 670 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 53).
3. *Баранов В.И.* Земледельческие районы на юге Кобдоского аймака Западной Монголии [Текст] / В.И. Баранов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 79 л. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 4).
4. *Беспалов Н.Д.* Почвы Монгольской Народной республики [Текст] / Н.Д. Беспалов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 318 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 41).
5. *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии: Воспоминания, письма [Текст] / А.В. Бурдуков / Отв. ред., предисл. И.Я. Златкин. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. – 417 с.
6. *Грубов В.И.* Конспект флоры Монгольской Народной Республики [Текст] / В.И. Грубов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 308 с. (Отчет Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1952 гг. Вып. 7).
7. Документы по истории Академии наук СССР. 1917-1925 гг. [Текст] / Отв. ред. Б.В. Левшин. – Л.: Наука, 1986. – 384 с.
8. Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году [Текст] / Под. ред Я.Я. Луса. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 432 с.

9. Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы [Текст] / Сост. Н.В. Бойко; отв. ред. П.К. Чудинов. – М.: Наука, 1994. – 286 с. (Научное наследство. Т. 22).
10. Иван Михайлович Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами [Текст] / Отв. ред. В.С. Мясников. Кн. I: 1900–1934. – М.: Наука, 2005. – 579 с. (Научное наследство. Т. 31).
11. Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой [Текст] / Подг. публ., коммент. Яцковской К.Н. // *Mongolica*–VII. Сборник статей / Ред. кол.: И.В. Кульганек, Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 87–101.
12. *Клягина-Кондратьева М.И.* Дневниковые записи [Текст] / М.И. Клягина-Кондратьева // *Mongolica*–V. Сборник статей. Посвящается К.Ф. Голстунскому / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. И.В. Кульганек. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – С. 124–156.
13. *Клягина-Кондратьева М.И.* Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангай Сум, Хийдийн Судалгаа (Монгольская буддийская культура: изучение монастырей и храмов в Кентее и Хангае) [Текст на монгольском и русском языках] / М.И. Клягина-Кондратьева / Ред.-сост. С. Чулуун, Т.И. Юсупова. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2013. – 209 p. (*Senri Ethnological Reports*. Vol. 113).
14. *Козлов П.К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического Общества 1923–1926 гг. [Текст] / П.К. Козлов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – 47 с.: ил.
15. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев [Текст] // П.К. Козлов. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 424 с.
16. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; сост. А.И. Андреев; отв. ред. А.В. Постников [Текст] / П.К. Козлов. – СПб.: Наука, 2003. – 1039 с. (Научное наследие. Т. 30).

17. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1925. – 58 с.
18. *Кушелев Ю.* Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию [Текст] / Ю. Кушелев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 86. – СПб.: Изд. Воен.-учен. ком. Глав. штаба, 1913. – С. 284–374.
19. *Лус Я.Я., Колесник Н.Н., Шульженко И.Ф. и др.* Домашние животные Монголии [Текст] / Я.Я. Лус, Н.Н. Колесник, И.Ф. Шульженко и др. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 432 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 22).
20. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) [Текст] / Ред.-сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 496 с.
21. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках [Текст] / Сост. В.Ф. Гнучева. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 310 с.
22. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947) [Текст] / Под ред. С.И. Вавилова. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 616 с.
23. Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941 гг. [Текст] / Гл. ред. В.А. Куманев; сост. Ю.А. Панцырев. – М.: Наука, 1992. – 368 с.
24. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) [Текст]. Ч. 1 (1919–1929) [Текст] / Науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 527 с.
25. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шастиной (1898–1980) [Текст] / Подг. публ. Яцковская К.Н. // *Mongolica–III: Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX вв.* / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. и автор пред. И.В. Кульганек. – СПб., 1994. – С. 23–25.

26. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. [Текст]. Ч. II: Отчет о научных командировках и экспедициях / Сост. С.Ф. Ольденбург. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 339 с. + XVI с.
27. Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. [Текст]. Ч. II. Отчет о научных командировках / Сост. В.Л. Комаров. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 305 с. + XVIII с.
28. Отчет о деятельности АН СССР за 1930 год [Текст] / Сост. В.П. Волгин. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – 280 с. +XV с.
29. Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 г. [Текст] / Сост. С.Ф. Ольденбург. – Л.: Российская гос. акад. типография, 1924. – 186 с. + 25 с
30. *Першин Д.П.* Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века [Текст] / Д.П. Першин / Подгот. текста, вступ. очерк, послесл., коммент. И.И. Ломакина. – Самара: Агни, 1999. – 280 с.
31. Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой [Текст] / Подг. публ. Юсупова Т.И. // *Mongolica–VII*. Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдорджийна Нацагдорджа. – СПб., 2007. – С. 102–109.
32. *Победимова Е.Г.* Растительность центральной части Монгольского Алтая [Текст] / Е.Г. Победимова. – Л.–М.: Изд-во АН СССР, 1935. – 78 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 19).
33. *Победимова Е.Г.* Рекогносцировочные ботанические исследования в юго-восточной Монголии [Текст] / Е.Г. Победимова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – 66 с.
34. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог [Текст]. – М.: РОССПЭН, 2000–2001. – Т. 1: 1919–1929. – 832 с.; Т. 2: 1930–1939. – 1197 с.
35. Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – 164 с.

36. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – 88 с.
37. Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 131 с.
38. Предварительный отчет геологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 31 с.
39. Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 236 с.
40. Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 74 с.
41. *Рачковский И.П., Лебедева З.А.* Краткий отчет о результатах работ геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно-исследовательского Комитета МНР в 1931 г. [Текст] / И.П. Рачковский, З.А. Лебедева. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 28 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 6).
42. *Решетов А.М.* О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым [Текст] / А.М. Решетов // *Orient. Альманах. Вып. 2–3: Исследователи Центральной Азии в судьбах России / Гл. ред. Е.А. Хамаганова.* – СПб.: Утпала, 1998. – С. 56–89.
43. Сборник работ по палеонтологии Монгольской Народной Республики [Текст]. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 53 с.
44. Северо-Монгольская почвенно-географическая экспедиция: предварительный отчет о поездке в Монголию в 1926 году [Текст]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 149 с.
45. *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии [Текст] / А.Д. Симуков. Т. 1–3 / Сост.: Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. – Осака: Государственный музей этнологии, 2007–2008. Т. 1. – 2007. – 976 с.; Т. 2. – 2007. – 635 с.; Т. 3. Ч. 1 – 2008. – 594 с.; Т. 3. Ч. 2 – 2008. – 327 с. (*Senri Ethnological Reports*: Т. 1. – Vol. 66; Т. 2. – Vol. 67; Т. 3. Ч. 1. – Vol. 74; Т. 3. Ч. 2. – Vol. 75).

46. *Смирнов В.А.* Отчет о работах гидрохимического отряда Монгольской экспедиции 1926 г. [Текст] / В.А. Смирнов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 24 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 2).
47. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы [Текст]. Т. I. 1921–1940 / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. – М.; Улаанбаатар: Международные отношения, 1975. – 560 с.
48. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы [Текст]. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1 / Ред. И.С. Казакевич. – М.; Улаанбаатар: Международные отношения, 1979. – 560 с.
49. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы [Текст]. Т. 2. 1941–1974. Ч. II / Ред. И.С. Казакевич. – М.: Улаанбаатар: Международные отношения, 1979. – 616 с.
50. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов [Текст] / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М.: АИРО-XX, 1995. – 340 с.
51. *Тугаринов А.Я.* Птицы Восточной Монголии по наблюдениям экспедиции 1928 г. [Текст] / А.Я. Тугаринов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 46 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 1).
52. Уставы Академии наук СССР [Текст] / Отв. ред. Г.К. Скрябин. – М.: Наука, 1974. – 208 с.
53. *Цаценкин И.А., Юнатов А.А.* Естественные кормовые ресурсы Монгольской Народной Республики. Восточная часть Гоби [Текст] / И.А. Цаценкин, А.А. Юнатов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 351 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 40).
54. *Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. [Текст] / Г.Ц. Цыбиков // Г.Ц. Цыбиков Избранные труды. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Отв. ред. Р.Е. Пубаев. – Новосибирск: Наука СО, 1991. – С. 121–151.
55. Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения [Текст] / Сост. А.Д. Цендина. – М.: Восточная литература, 2008. – 574 с.

56. *Шубин В.Ф.* Земледелие Монгольской Народной Республики [Текст] / В.Ф. Шубин. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 347 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 52).
57. *Юнатов А.А.* Кормовые растения пастбищ и сенокосов Монгольской Народной Республики [Текст] / А.А. Юнатов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 353 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 56).
58. *Юнатов А.А.* Основные черты растительного покрова Монгольской Народной Республики [Текст] / А.А. Юнатов. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 224 с. (Труды Монгольской комиссии. Вып. 39).
59. *Юсупова Т.И.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 12 сентября 1926 г. [Текст] / Т.И. Юсупова // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 158–165.
60. *Юсупова Т.И.* «Благодаря Вам мне открылся прекрасный мир Центральной Азии»: письма М.И. Клягиной-Кондратьевой к С.Ф. Ольденбургу [Текст] / Т.И. Юсупова // *Mongolica–XIII*: Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 235-летию со дня рождения И.Я. Шмидта (1779–1847) / Ред. кол.: И.В. Кульганек, Л.Г. Скородумова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 71–75.
61. *Юсупова Т.И.* Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой [Текст] / Т.И. Юсупова // *Mongolica–VII* / Ред. кол.: И.В. Кульганек, Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 102–109.
62. Жамсраны Цэвэн. Түүвэр зохиолууд [Текст]. Т. 1 / Сост. С. Идшинноров. – Улаанбаатар, 1997. – 158 с.
63. Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил [Текст] / Отв. ред. Ш. Бира. – Улаанбаатар: «Содпресс» ХХК, 2010. – 316 с. (*Mongolica (An International Annual of Mongol Studies)*. – Vol. 23 (44)).

64. Монгол-зөвлөлтийн соёл, шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (1921–1960). Боть I [Текст] / Отв. сост. Х. Энхвтушин, И.И. Кудрявцев. – Улаанбаатар, 2000. – 681 с.
65. Монголын тухай БХК(б)н-ын баримт бичигт (1920–1952). Баримтын эмхтгэл. Боть 1. 1920–1932 [Текст] / Отв. сост. С. Дамдинсурэн, А.С. Железников, О. Батсайхан, В.Н. Шепелев. – Улаанбаатар, 2002. – 559 с.
66. Shirendev B. Through the Ocean Waves: The Autobiography of Bazaryn Shirendev [Текст] / B. Shirendev; Transl. by T. Onon.– Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies at Western Washington University, 1997. – 231 p.

2. Литература

67. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР [Текст]. – М.: Наука, 1972.– 594 с.
68. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке [Текст] / В.М. Алексеев. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – 536 с.
69. *Алексеев В.М.* Памяти академика Б.Я. Владимирцова [Текст] / В.М. Алексеев // Вестник Академии наук СССР. –1931. – № 8. – С. 11–18.
70. *Алпатов В.М.* Николай – Николас Поппе [Текст] / В.М. Алпатов. – М.: Восточная лит-ра, 1996. – 144 с.
71. *Андреев А.И.* Я.П. Шишмарёв – дипломат, путешественник, исследователь Монголии [Текст] / А.И. Андреев // *Mongolica–VI*. Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. И.В. Кульганек. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 118–120.
72. *Андреев А.И., Гнатюк Т.Ю.* Коллекции центральноазиатской фауны в фондах ЗИН: из истории формирования [Текст] / А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках. Научный и социально-политический контекст / Ред.-сост. Н.В. Слепкова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. – С. 237–248.

73. *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) [Текст] / А.И. Андреев, Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 2. – С. 51–74.
74. *Анучин Д.* Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию [Текст] / Д. Анучин // Новый Восток. – 1923. – № 3. – С. 399–404.
75. Археология и этнография Монголии [Текст] / Отв. ред. А.П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1978. – 222 с.
76. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю, с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим наблюдениям с приложенною притом Генеральною картою Великия сея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук [Текст]. – СПб., 1745. – 44 с.
77. *Балдаев Р.Л., Чимитдоржиев Ш.Б.* Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР [Текст] / Р.Л. Балдаев, Ш.Б. Чимитдоржиев // Культурные и научные связи между СССР и МНР. – М., 1981. – С. 132–160.
78. *Банников А.Г., Мурзаев Э.М., Юнатов А.А.* Очерк природы Заалтайской Гоби в пределах Монгольской Народной Республики [Текст] / А.Г. Банников, Э.М. Мурзаев, А.А. Юнатов // Известия Всесоюзного географического общества. – 1945. – Т. 77. – Вып. 3. – С. 127–144.
79. *Барановская Л.С.* Из истории монгольской астрономии [Текст] / Л.С. Барановская // Труды института истории естествознания и техники. Т. 5. История физико-математических наук. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 321–330.
80. *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории [Текст] / Е.Ю. Басаргина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 245 с.

81. *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки [Текст] / М.С. Бастракова. – М.: Наука, 1973. – 394 с.
82. *Батбаяр Ц.* Монголо-советские отношения в 1930-е годы [Текст] / Ц. Батбаяр // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 133–143.
83. *Батсайхан О.* Монголо-русское соглашение 1912 г. [Текст] / О. Батсайхан // Восток (Oriens). – 2009. – № 3. – С. 60–69.
84. *Батсайхан О.* К вопросу о возможности альтернативного пути развития Монголии в 1920–1930-е годы [Текст] / О. Батсайхан // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: Сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 82–96.
85. *Бекасова А.В.* Изучение российской империи экспедициями 1760–1780 гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах [Текст] / А.В. Бекасова // Историко-биологические исследования. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 13–34.
86. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919) [Текст] / Е.А. Белов. – М.: ИВ РАН, 1999. – 235 с.
87. *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за 100 лет. 1845–1945 [Текст] / Л.С. Берг. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 263 с.
88. *Бертельс Д.Е.* Введение [Текст] / Д.Е. Бертельс // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. – С. 1–79.
89. *Беспалов Н.Д.* Почвы бассейна Орхона и Селенги и их хозяйственное значение [Текст] / Н.Д. Беспалов // Почвоведение. – 1946. – № 5. – С. 280–288.
90. *Бойкова Е.В.* Некоторые проблемы советско-монгольских отношений в 1930-е годы [Текст] / Е.В. Бойкова // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 118–132.
91. *Бойкова Е.В.* Российское военное монголоведение (конец XIX – начало XX века) [Текст] / Е.В. Бойкова // Российское изучение Центральной Азии:

- исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова; ред. Т.Ю. Гнатюк. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – С. 338–353.
92. *Бойкова Е.В., Златкин И.Я.* Монголоведение [Текст] / Е.В. Бойкова, И.Я. Златкин // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 16. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1974. – С. 501–502.
93. *Болдбаатар Ж., Батбаяр Д.* Монголо-советские культурные отношения в период Второй мировой войны [Текст] / Ж. Болдбаатар, Д. Батбаяр // Вторая мировая война и Монголия / Отв. ред. Н. Хишигт. – Улан-Батор: [Б. и.], 2005. – С. 80–93.
94. *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении: Отчет Агента Мин-ва Торговли и Промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. [Текст] / А.П. Болобан. – Пг.: Тип. В.О. Киршбаума, 1914. – 207 с.
95. Большой академический монгольско-русский словарь [Текст]: в 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэв и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – Т. 1–4. – М.: Academia, 2001–2002.
96. *Бретшнейдер Е.В.* О путях по Монголии [Текст] / Е.В. Бретшнейдер // Палладий, архимандрит. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847–1859 гг. / С введ. Е.В. Бретшнейдера и замеч. А. М. Позднеева. – СПб.: Тип. Имп. Ак. Наук, 1892. – С. 23–24.
97. В Монгольской комиссии АН СССР [Текст] // Вестник АН СССР. – 1945. – № 9. – С. 104–105.
98. *Вавилов Н.И.* О восточных центрах происхождения культурных растений [Текст] / Н.И. Вавилов // Новый Восток. – 1924. – № 6. – С. 291–305.
99. *Валеев Р.М.* О.М. Ковалевский – основоположник российского научного монголоведения [Текст] / Р.М. Валеев // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 257–267.

100. *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.) [Текст] / Р.М. Валеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. – 377 с.
101. *Ванчикова Ц.П.* Ц.Ж. Жамцарано – выдающийся российский ученый востоковед, организатор науки в Монголии и Бурятии, просветитель монгольского и бурятского народа [Текст] / Ц.П. Ванчикова // Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции. Сб. науч. тр. Кн. 3. Ч. 1. – Иркутск–Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 320–325.
102. *Васильков Я.В.* Отчеты Ф.И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1928 г. [Текст] / Я.В. Васильков // Orient: Альманах. Вып. 2–3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. – СПб.: Утпала, 1998. – С. 106–112.
103. *Волков В.В.* Советско-монгольская экспедиция [Текст] / Волков В.В. // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – С. 486–487.
104. *Волков В.В., Новгородова Э.А.* Советско-Монгольская экспедиция [Текст] / Волков В.В., Э.А. Новгородова // Археологические открытия 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С. 557–559.
105. *Волкова Е.А.* Изучение растительного покрова Центральной Азии российскими учеными [Текст] / Е.А. Волкова // Историко-биологические исследования. – 2014. – Т. 6. – Вып. 4. – С. 11–28.
106. *Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С.* Тибетоведение [Текст] / М.И. Воробьева-Десятовская, Л.С. Савицкий // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. – С. 149–176.
107. Выдающиеся бурятские деятели XVII – начала XX вв. [Текст]. – Вып. 1 / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 1994. – 144 с.
108. Г.Ф. Миллер и русская культура [Текст] / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. – СПб.: Изд-во «Росток», 2007. – 512 с.

109. *Гаврилов А.М.* Профессор В.Ф. Шубин (1908–1969) [Текст] / А.М. Гаврилов // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. – 2010. – № 2. – С. 191–198.
110. *Ганжуров В.Ц.* Русский язык в Монголии: реальность и перспективы [Текст] / В.Ц. Ганжуров // Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние: Мат. междунар. кругл. стола. – Улан-Батор: Изд-во «Бемби Сан», 2008. – С. 127–137.
111. *Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Горохова Г.С. и др.* [Текст] / Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.С. Горохова // Народы Азии и Африки. – 1971. – № 3. – С. 170–176. – Рец. на кн.: История Монгольской Народной Республики. В 3 т. – Улаанбаатар, 1966–1969.
112. Геохимические исследования в Монголии [Текст] // Природа. – 1925. – № 4–6. – С. 108–109.
113. *Гладышев С.А., Табарев А.В.* Итоги работы польско-монгольской археологической экспедиции в Южной Монголии в 1968 г. [Текст] / С.А. Гладышев, А.В. Табарев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 26–32.
114. *Гнатюк Т.Ю.* Орнитологические исследования Е.В. Козловой в Монголии в 1929 и 1931 годах (по страницам экспедиционных дневников) [Текст] / Т.Ю. Гнатюк // Историко-биологические исследования. – 2014. – Т. 6. – № 4. – С. 60–79.
115. *Гнатюк Т.Ю., Юсупова Т.И.* В свободном полете: Е.В. Козлова – ученый, путешественник, жена [Текст] / Т.Ю. Гнатюк, Т.И. Юсупова // Наука из первых рук. – 2010. – № 1. – С. 48–65.
116. *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.) [Текст] / М.И. Гольман. – М.: ИВ АН СССР, 1988. – 218 с.
117. *Гольман М.И.* Монголоведение на Западе (Центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х годов XX века [Текст] / М.И. Гольман. – М.: ИВ РАН, 2004. – 333 с.

118. *Гольман М.И.* Ц.Ж. Жамцарано глазами западных монголоведов [Текст] / М.И. Гольман // Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность: Докл. и тез. науч. конф., посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. – Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. – С. 81–83.
119. *Грайворонский В.В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии [Текст] / В.В. Грайворонский. – М.: ИВ РАН, 2007. – 252 с.
120. *Горбачева З.И., Иориш И.И.* Полезный труд по истории монгольского народа [Текст] / З.И. Горбачева, И.И. Иориш // Коммунист. – 1955. – № 17. – С. 112–119. – Рец. на кн.: История Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во АН СССР и Комитета наук МНР, 1954. – 423 с.
121. *Горбунов Н.П., Ольденбург С.Ф., Плынов Б.Б.* Предисловие [Текст] / Н.П. Горбунов, С.Ф. Ольденбург, Б.Б. Плынов // Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – С. 3. (Северная Монголия. Вып. 1).
122. Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук: Сб. ст. [Текст]. – СПб.: Европейский Дом. 1996. – 79 с.
123. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1: Описание природы этих стран [Текст] / Г.Е. Грумм-Гржимайло. – СПб.: Невск. тип., 1914. – 569 с.
124. *Гунин П.Д.* Роль совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АН Монголии в решении экологических проблем Внутренней Азии [Текст] / П.Д. Гунин // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – С. 68–85.

125. *Даревская Е.М.* Русский советник правительства Монголии в 1914–1916 гг. С.А. Козин [Текст] / Е.М. Даревская // Даревская Е.М. Три портрета – три судьбы: Исторические очерки. – Улан-Батор: Адмон, 1997. – С. 6–72.
126. *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX– начале XX веков [Текст] / Е.М. Даревская. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. – 400 с.
127. *Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М.* Гомбожаб Цыбигов [Текст] / Ж.Д. Доржиев, А.М. Кондратов. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. – 240 с.
128. Древнемонгольские города [Текст] / Отв. ред. С.В. Киселев. – М.: Наука, 1965. – 371 с.
129. *Дэмбрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в.: сравнительный анализ в историческом контексте XX века [Текст] / К. Дэмбрэл. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 102 с.
130. *Евдокимова Т.Ю., Кульганек И.В.* Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете [Текст] / Т.Ю. Евдокимова, И.В. Кульганек // *Mongolica–VIII*. Сб. ст. Посвящён 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей (СПбФ ИВ РАН) / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 12–27.
131. *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) [Текст] / Н.Е. Единархова. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 250 с.
132. *Единархова Н.Е.* Яков Парфеньевич Шишмарев – русский консул в Монголии [Текст] / Н.Е. Единархова // *Сибирский архив: Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарии. Научно-популярный историко-краеведческий сборник. Вып. 2* / Под ред. Н.К Шестаковой. – Иркутск, 2000. – С. 11–32.

133. *Елихина Ю.И.* Коллекция находок из Каракорума, хранящаяся в Государственном Эрмитаже [Текст] / Ю.И. Елихина // *Mongolica (An International Annual of Mongol Studies)*. – Vol. 19 (40). – Улаанбаатар, 2006. – С. 205–214.
134. *Елихина Ю.И.* С.В. Киселев и его вклад в развитие археологии Монголии [Текст] / Ю.И. Елихина // *Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук* / Ред.-сост С. Чуулун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 153–157.
135. *Есаков В.Д.* Николай Иванович Вавилов: страницы биографии [Текст] / В.Д. Есаков. – М.: Наука, 2008. – 207 с.
136. *Ефремов И.А.* Дорога ветров (Гобийские заметки) [Текст] / И.А. Ефремов. 2-е изд. – М.: Географгиз, 1962. – 336 с.
137. *Ефремов И.А.* Палеонтологические исследования в Монгольской Народной Республике (предварительные результаты экспедиций 1946, 1948 и 1949 гг.) [Текст] / И.А. Ефремов // *Сборник работ по палеонтологии МНР*. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 3–32.
138. *Жамцарано Ц.Ж.* Жалованная грамота Сецен-хана, данная ламе Лубсан-Байдубу [Текст] / Ц.Ж. Жамцарано // *Академик С.Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: Сб. ст.* – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 185–194.
139. *Железняков А.С.* Монгольская цивилизация в XX веке: диалоги с соседями [Текст] / А.С. Железняков // *Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: мат. междунар. науч. конф. (Звенигород, 2–5 июня 2001 г.)* / Отв. ред. В.В. Грайворонский, А.Д. Цендина. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 43–50.
140. *Железняков А.С.* Размышления о внешней политике Монголии в XX веке [Текст] / А.С. Железняков // *Вестник Евразии*. – 2002. – № 2. – С. 165–184.
141. Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России [Текст] / Ред.-сост. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 404 с.

142. *Жуков В.Ю., Кульганек И.В.* С.А. Кондратьев и его деятельность в Ученом комитете Монголии [Текст] / В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 120–127.
143. *Жуковская Н.Л.* Основные направления советских этнографических исследований в Монголии [Текст] / Н.Л. Жуковская // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: История. Филология. Философия. – 1988. – № 16. – Вып. 3. – С. 30–35.
144. *Жуковская Н.Л.* Страницы монгольского дневника [Текст] / Н.Л. Жуковская // Вестник Евразии. – 2001. – Вып. № 3. – С. 133–147.
145. *Жуковская Н.Л., Конопацкий А.К.* Список трудов, опубликованных участниками Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции в 1969–1983 гг. [Текст] / Н.Л. Жуковская, А.К. Конопацкий // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 224–232.
146. *Жуковская Н.Л.* Этнографические исследования МНР (Некоторые итоги и перспективы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции) [Текст] / Н.Л. Жуковская // Советская этнография. – 1972. – № 5. – С. 103–113.
147. *Заятуев Г.Н., Максанов С.А.* Базар Барадийн (1878–1938) [Текст] / Г.Н. Заятуев, С.А. Максанов // Выдающиеся бурятские деятели (XVII в. – начало XX в.) / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 1994. – С. 90–95.
148. *Златкин И.Я.* Борис Яковлевич Владимирцов – историк [Текст] / И.Я. Златкин // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Сост. Г.И. Слесарчук. – М.: Восточная лит-ра, 2002. – С. 13–48.
149. *Илизаров С.С.* Герард Фридрих Миллер (1705–1783) [Текст] / С.С. Илизаров. – М.: Янус-К, 2005. – 95 с.

150. *Иориш И.И.* Монголоведение [Текст] / И.И. Иориш // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1972. – С. 209–234.
151. *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928-1932 [Текст] / А.Е. Иоффе. – М.: Наука, 1969. – 200 с.
152. История Монголии. XX век [Текст] / Отв. ред. Г.С. Яскина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – 448 с.
153. История Монгольской Народной Республики [Текст]. – 2-е изд., перераб и доп. / Гл. ред. Е.М. Жуков, Б. Ширендыб и др. – М.: Наука, 1967. – 537 с.
154. История Монгольской Народной Республики [Текст] / Гл. ред.: Б.Д. Греков, Б. Ширендыб и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 422 с.
155. История Монгольской Народной Республики [Текст]. 3-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. А.П. Окладников, Ш. Бира. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1983. – 661 с.
156. История отечественного востоковедения до середины XIX века [Текст]. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1990. – 440 с.
157. История советско-монгольских отношений [Текст] / Глав. ред. Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. – 352 с.
158. К столетию со дня рождения профессора Г.Ц. Цыбикова: Материалы научной конференции и статьи [Текст] / Гл. ред. А.П. Окладников. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. – 192 с.
159. *Капица М.С., Иваненко В.И.* Дружба, завоеванная в борьбе (Советско-монгольские отношения) [Текст] / М.С. Капица, В.И. Иваненко. – М.: Международные отношения, 1965. – 219 с.
160. *Карамышева З.В.* Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии [Текст] / З.В. Карамышева // Монголо-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Комитета наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 136–152.

161. *Карамышева З.В.* Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии [Текст] / З.В. Карамышева // Монголо-российское научное сотрудничество: От Учкома до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 136–152.
162. *Киселев И.Н.* Советско-китайские научные связи [Текст] / И.Н. Киселев // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 3. – М.: Восточная литература, 1963. – С. 61–92.
163. *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран – членов СЭВ: 1957–1967 [Текст] / И.Н. Киселев. – М.: Наука, 1974. – 208 с.
164. *Киселев С.В.* Монголия в древности [Текст] / С.В. Киселев // Известия АН СССР. Серия истории и философии. – 1947. – Т. IV. – № 4. – С. 355–372.
165. *Клеменц Д.А.* Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. [Текст] / Д.А. Клеменц. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. – 76 с. (Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 2).
166. *Кожевникова М.Н.* Институт буддийской культуры (1928–1930 гг.) [Текст] / М.Н. Кожевникова // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки / Отв. ред. Ю.М. Батулин, ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 495–511.
167. *Кожевникова М.Н.* Значение ботанических результатов российских экспедиций (1870–1920-е годы) для проблемы ботанико-географического районирования Центральной Азии [Текст] / М.Н. Кожевникова // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012 / Отв. ред. Ю.М. Батулин. Ч. II. – М.: Янус-К, 2012. – С. 880–883.
168. *Кожевникова М.Н.* Ученый секретарь Комитета наук МНР М.И. Тубянский [Текст] / М.Н. Кожевникова // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 64–80.

169. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. [Текст] / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев / П.К. Козлов. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 424 с.
170. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. [Текст] / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; сост. А.И. Андреев; отв. ред. А.В. Постников / П.К. Козлов. – СПб.: Наука, 2003. – 1039 с. (Научное наследие. Т. 30).
171. *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция ИРГО в Нагорной Азии 1907–1909 [Текст] / П.К. Козлов. – М.–Пг.: Госиздат, 1923. – 673 с.
172. *Козлов П.К.* Н.М. Пржевальский, первый исследователь Центральной Азии [Текст] / П.К. Козлов. – СПб.: Тип. т-ва п.ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1913. – 149 с.
173. *Козлов П.К.* Северная Монголия – ноин-улинские памятники [Текст] / П.К. Козлов // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 1–12.
174. *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции Русского Географического общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова [Текст] / П.К. Козлов. Т. 1. Ч. I: По Монголии до границ Тибета. – СПб.: Тип. «Герольд», 1905. – 356 с.; Т. 1. Ч. II: Кам и обратный путь. – СПб.: Тип. «Герольд», 1906. – 734 с.
175. *Козырева М.* О путешествии академика Ф.И. Шуберта с посольством Ю.А. Головкина в Китай в 1805 г. (из воспоминаний Ф.И. Шуберта) [Текст] / М. Козырева // Петербургская Академия наук в истории Академий мира / Отв. ред. Э.А. Тропп. Т. 3. – СПб.: СПб НЦ РАН, 1999. – С. 197–208.
176. *Колесник Н.Н.* Животноводственный отряд Монгольской экспедиции [Текст] / Н.Н. Колесник // Вестник Академии наук СССР. – 1932. – № 4. – С. 32–38.

177. *Колчинский Э.И.* «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) [Текст] / Э.И. Колчинский // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 587–664.
178. *Колчинский Э.И.* Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества [Текст] / Э.И. Колчинский // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 440–549.
179. *Колчинский Э.И., Конашев М.Б.* Как «Правда» учила «Ботанический журнал» [Текст] / Э.И. Колчинский, М.Б. Конашев // Вопросы истории естествознания и техники. – 2003. – № 4. – С. 49–74.
180. *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. [Текст] / А.В. Кольцов. – СПб.: Наука, 1997. – 189 с.
181. *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР, 1926–1932 гг. [Текст] / А.В. Кольцов – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1982. – 279 с.
182. *Конашев М.Б.* Экспедиции Лаборатории генетики Академии наук СССР в Среднюю Азию и Монголию (1925–1935) [Текст] / М.Б. Конашев // Историко-биологические исследования. – 2014. – Т. 6. – № 4. – С. 43–59.
183. *Кондратьев С.А.* Музыка монгольского эпоса и песен [Текст] / С.А. Кондратьев. – М.: Советский композитор, 1970. – 248 с.
184. *Кондратьев С.А.* Пятилетний план работы научных экспедиций в Монголии [Текст] / С.А. Кондратьев // Хозяйство Монголии. – 1930. – № 1. – С. 124–127.
185. *Копелевич Ю.Х.* Памирская экспедиция. 1928 г. [Текст] / Ю.Х. Копелевич // Русско-немецкие научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 257–270.
186. *Коростовец И.Я.* От Чингис-хана до Советской республики [Текст] / И.Я. Коростовец. – Улан-Батор: Адмон, 2004. – 559 с.

187. *Котвич В.Л.* Среди монгольских племен [Текст] / В.Л. Котвич // Новый Восток. – 1923. – Кн. 2. – С. 118–125.
188. *Котвич В.Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии [Текст] / В.Л. Котвич. – СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1914. – 44 с.
189. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова [Текст]. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1925. – 58 с.
190. *Кременцов Н.Л.* Советская наука и холодная война [Текст] / Н.Л. Кременцов // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 783–817.
191. *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции [Текст] / С.Л. Кузьмин. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2011. – 742 с.
192. *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е годы XX в.) [Текст] / Ю.В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. – 232 с.
193. *Кузьмин Ю.В.* Н.П. Шастина – историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии [Текст] / Ю.В. Кузьмин // Страны Востока: история, культура, международные отношения. Доклады междунар. науч. конф. (26 ноября 2008 г.). – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2008. – С. 15–51.
194. *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.) [Текст] / А.М. Куликова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. – 448 с.
195. *Кульганек И.В., Васильев Д.Д.* С.А. Кондратьев – Ц. Жамцарано [Текст] / И.В. Кульганек, Д.Д. Васильев // *Mongolica–IV*. 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. И.В. Кульганек. – СПб., 1998. – С. 107–112.
196. *Кульганек И.В., Попова И.Ф., Путинцева Н.Д.* Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН [Текст] / И.В. Кульганек, И.Ф. Попова, Н.Д. Путинцева // *Mongolica–VIII*. Сборник статей. Посвящен

- 190-летию Азиатского музея – Института восточных рукописей (СПбФ ИВ РАН) / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 32–33.
197. *Кульганек И.В.* Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН / И.В. Кульганек [Текст] // *Mongolica–VIII*. Сборник статей. Посвящен 190-летию Азиатского музея – Института восточных рукописей (СПбФ ИВ РАН) / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 28–30.
198. *Куплетский Б.М.* К геологии Восточной Монголии [Текст] / Б.М. Куплетский // *Природа*. – 1925. – № 10–12. – С. 32–50.
199. *Куплетский Б.М.* По Северной Монголии [Текст] / Б.М. Куплетский // *Природа*. – 1925. – № 10–12. – С. 62–71.
200. *Кушелев Ю.* Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию [Текст] / Ю. Кушелев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 86. – СПб.: Изд. Воен.-учен. ком. Глав. штаба, 1913. – С. 284–374.
201. *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства [Текст] / Е.И. Кычанов. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1968. – 359 с.
202. *Лавренко Е.М.* Вклад А.А. Юнатова в познание растительного покрова Центральной Азии [Текст] / Е.М. Лавренко // *Ботанический журнал*. – 1968. – Т. 53. – № 10. – С. 1349–1366.
203. *Левина Е.С.* История и проблемы советско-китайского сотрудничества в 1950-х – начале 1960-х гг. (по материалам российских архивов) [Текст] / Е.С. Левина // *Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития* / Отв. ред. Э.И. Колчинский, ред.-сост. Т.И. Юсупова. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 92–116.

204. Летопись Российской академии наук [Текст]. Т. I: 1724–1802 / Отв. ред. Н.И. Невская. – СПб.: Наука, 2000. – 994 с.
205. Летопись Российской Академии наук [Текст]. Т. II: 1803–1860 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. – СПб.: Наука, 2002. – 621 с.
206. *Лиштованный Е.И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.) [Текст] / Е.И. Лиштованный. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 173 с.
207. *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. [Текст] / С.Г. Лузянин. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 268 с.
208. *Майский И.М.* Монголия [Текст] / И.М. Майский // Новый Восток. – 1922. – № 1. – С. 154–183.
209. *Майский И.М.* Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюза») [Текст] / И.М. Майский. – Иркутск: Государственное издательство, 1921. – 332 с.
210. *Мандрик М.В.* К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П. Рачковского [Текст] / М.В. Мандрик // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова; ред. Т.Ю. Гнатюк. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – С. 122–137.
211. *Мандрик М.В., Захарова И.М.* К истории назначения на должность советника: С.А. Козин на пути в Монголию [Текст] / М.В. Мандрик, И.М. Захарова // *Mongolica–IX: Сборник статей* / Ред. кол.: И.В. Кульганек, Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 17–24.
212. *Мандрик М.В., Захарова И.М.* С.А. Козин – ученый на посту реформатора [Текст] / М.В. Мандрик, И.М. Захарова // *Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора: Мат.*

- междунар. конф. (19–20 апреля, 2013 Санкт-Петербург). – СПб.–Улан-Батор, 2014. – С. 55–68.
213. *Маринов Н.А.* Роль русских и советских геологов в изучении геологии и полезных ископаемых Монголии [Текст] / Н.А. Маринов. – М.: Недра, 1981. – 199 с.
214. *Миллер Г.Ф.* История Сибири [Текст] / Г.Ф. Миллер.– М.: Восточная лит-ра. Т. 1. – 1999. – 631 с.; Т. 2. – М., 2002. – 798 с.; Т. 3. – М., 2005. – 598 с.
215. *Митин В.В.* Географические исследования в послевоенных планах Монгольской комиссии АН СССР [Текст] / В.В. Митин // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 2002. – М.: Диполь-Т, 2002. – С. 442–444.
216. *Митин В.В.* Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941–1953 гг. [Текст] / В.В. Митин // *Mongolica–VI*: Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. И.В. Кульганек. – М., 2003. – С. 55–62.
217. *Митин В.В.* О деятельности Монгольской комиссии АН СССР [Текст] / В.В. Митин // *Российское монголоведение. Бюл. V.* – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 195–207.
218. *Митин В.В.* Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР [Текст] / В.В. Митин // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 2003 / Отв. ред. В.М. Орел. – М.: Диполь-Т, 2003. – С. 193–195.
219. *Молодых И.Ф.* Селенга в пределах Монголии. Краткий отчет о работах Монгольской экспедиции 1919 г. под начальством И.Ф. Молодых [Текст] / И.Ф. Молодых. Вып. 1. – Иркутск: Ленско-Байкальский округ путей сообщения, 1920. – 176 с.
220. *Монголоведение [Текст] // История отечественного востоковедения до середины XIX в.* – М.: Наука, 1990. – С. 275–284.

221. Монголо-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук [Текст] / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – 182 с.
222. *Мурзаев Э.М.* В сердце Азии [Текст] / Э.М. Мурзаев. – М.: Наука, 1990. – 176 с.
223. *Мурзаев Э.М.* Географические исследования Монгольской народной республики [Текст] / Э.М. Мурзаев. – М.–Л.: Географиздат, 1948. – 314 с.
224. *Мурзаев Э.М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание [Текст] / Э.М. Мурзаев.– М.–Л.: Географгиз, 1948. – 314 с.
225. *Мурзаев Э.М.* Наука в Монгольской Народной Республике [Текст] / Э.М. Мурзаев // Труды Московского института востоковедения. Сб. 5. – М.: Изд-во МИВ, 1947. – С. 313–326.
226. *Мурзаев Э.М.* Рассказы об ученых и путешественниках [Текст] / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1979. – 176 с.
227. *Мурзаев Э.М.* Русское географическое общество в истории Российской империи [Текст] / Э.М. Мурзаев // Русское географическое общество. 150 лет / Под общ. ред. А.Г. Исаченко. – М.: АО «Прогресс», 1995. – С. 9–181.
228. Мурзаев Эдуард Макарович [Текст] // Институт географии и его люди: К 90-летию со дня образования / Ред.-сост. Т.Д. Александрова; отв. ред. В.М. Котляков. – М.: Наука, 2008. – С. 120–121.
229. Научно-информационный бюллетень Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории. Вып. 8. (Специальный). – М.: РЦХИДНИ, 1996. – 72 с.
230. Николай Петрович Горбунов: Воспоминания, статьи, документы [Текст] / Отв. ред. Б.В. Левшин. – М.: Наука, 1986. – 238 с.
231. *Новгородова Э.А.* Монгольская наука сегодня (к 15-летию АН МНР) [Текст] / Э.А. Новгородова // Проблемы Дальнего Востока. – 1976. – № 1. – С. 143–151.

232. *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири [Текст] / М.Г. Новлянская. – Л.: Наука, 1970. – 184 с.
233. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии [Текст] // Вопросы истории. – 1949. – № 2. – С. 3–13.
234. *Обручев В.А.* Восточная Монголия. Географическое и геологическое описание. Обзор литературы, орографический и гидрографический очерки [Текст] / В.А. Обручев. В 2 ч. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 350 с.
235. *Обручев В.А.* Краткий геологический очерк караванного пути от Кяхты до Калгана [Текст] / В.А. Обручев // Известия Императорского Русского географического общества. – 1893. – Т. XXIX. – С. 347–407.
236. *Обручев В.А.* Об очередных задачах исследования Монголии [Текст] / В.А. Обручев // Новый Восток. – 1924. – № 6. – С. 287–290.
237. *Овчинникова Т.Н.* П.К. Козлов – исследователь Центральной Азии [Текст] / Т.Н. Овчинникова. – М.: Наука, 1964. – 198 с.
238. *Окладников А.П., Волков В.В.* Советско-монгольская историко-культурная экспедиция [Текст] / А.П. Окладников, В.В. Волков // Вестник АН СССР. – № 9. – 1972. – С. 70–80.
239. *Ольденбург С.Ф.* Работа Российской академии наук за последние три года: 1917–1919 [Текст] / С.Ф. Ольденбург // Наука и ее работники. – 1920. – № 1. – С. 6–13.
240. *Ольденбург С.Ф.* Российская академия наук в 1921 г. Речь неперменного секр. акад. С.Ф. Ольденбурга. Читана в торжественном годовом собрании 29 декабря 1921 г. [Текст] / С.Ф. Ольденбург. – Пг: Рос. гос. акад. тип., 1921. – 16 с.
241. Очерки истории и культуры МНР [Текст] / Ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 509 с.
242. Палеонтология Центральной Азии и сопредельных регионов. Междунар. конф.: К 45-летию Совместной Российско-Монгольской палеонтологической экспедиции, 1969–2014. (12–13 ноября 2014 г., Москва) [Текст]. – М.: ПИН РАН, 2014. – 84 с.

243. *Пархоменко А.А.* Академик Н.П. Горбунов: взлет и трагедия. Штрихи к биографии неперменного секретаря Академии наук СССР [Текст] / А.А. Пархоменко // Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 1. – Л.: Наука, 1991. – С. 408–423.
244. *Пасек Т.С.* С.В. Киселев [Текст] / Т.С. Пасек // Вестник древней истории. – 1963. – № 1. – С. 67–68.
245. *Позднеев А.М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892 и 1893 гг. [Текст] / А.М. Позднеев. Т. 1. Дневники и маршрут 1892 г. – СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1896. – 728 с.; Т. 2. Дневники и маршрут 1893 г. – СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1898. – 517 с.
246. *Поздняков А.А.* О предпосылках формирования интеллигенции в МНР [Текст] / А.А. Поздняков // Проблемы востоковедения. Сб. ст. Вып. 2. – М.: МГИМО, 1972. – С. 129–142.
247. *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган [Текст] / Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов, Д. Цэвээндорж. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 184 с.
248. *Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX и XX веков [Текст] / И.Ф. Попова // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. – СПб.: Славия, 2008. – С. 11–39.
249. *Попова И.Ф.* 190 лет Азиатскому музею – Институту востоковедения РАН [Текст] / И.Ф. Попова // Письменные памятники Востока. – 2008. – № 1 (весна – лето). – С. 5–20.
250. *Постников А.В.* Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования [Текст] / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 460 с.

251. *Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествия Г.Н. Потанина. 1884–1886 [Текст] / Г.М. Потанин. Т. 1–2. – СПб.: Имп. Русск. географ. общ-во, 1893.
252. *Пржевальский Н.М.* Как путешествовать по Центральной Азии / Н.М. Пржевальский [Текст] // Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. – СПб: Тип. В.С. Балашева, 1888. – С. 56–57.
253. *Пурэвжав Э.* Словарь, созданный монгольскими и российским учеными [Текст] / Э. Пурэвжав // Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 81–96.
254. *Раднаев В.Э.* Первый российский монголовед [Текст] / В.Э. Раднаев // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 12. – С. 1131–1133.
255. *Рачковский И.П.* В Монголии. Геологический отряд [Текст] / И.П. Рачковский // Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1932 г. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – С. 239–242.
256. *Рерих Ю.Н.* Первый международный съезд монголоведов-филологов [Текст] / Ю.Н. Рерих // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 1. – С. 237–241.
257. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии [Текст] / Ю.Н. Рерих. – Самара: Агни, 1994. – 480 с.
258. *Решетов А.М.* А.Д. Руднев: жизнь и деятельность на родине и в эмиграции [Текст] / А.М. Решетов // Altaica IX / Ред.-сост. Е.В. Бойкова. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 133–164.
259. *Решетов А.М.* Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова [Текст] / А.М. Решетов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Ред. М. Корусенко. – Омск: Наука, 2003. – С. 17–21.
260. *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано [Текст] / А.М. Решетов // Orient. Альманах. Вып. 2–3. Исследователи Центральной

- Азии в судьбах России / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. – СПб.: Утпала, 1998. – С. 5–55.
261. *Решетов А.М.* Этнография в кругу научных интересов академика Б.Я. Владимирцова [Текст] / А.М. Решетов // *Altaica VII* / Ред.-сост. Е.В. Бойкова. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 122–136.
262. *Рождественский А.К.* На поиски динозавров в Гоби [Текст] / А.К. Рождественский. 3-е изд. – М.: Наука, 1969. – 293 с.
263. *Рожнов С.В., Розанов А.Ю., Барсболд Р.* Палеонтологические исследования в Монголии [Текст] / С.В. Рожнов, А.Ю. Розанов, Р. Барсболд // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (К 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова, ред. Т.Ю. Гнатюк. – СПб.: Политехника-сервис, 2014. – С. 45–67.
264. *Росов В.А.* Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби [Текст] / В.А. Росов. – Кн.1. Великий план. – СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002. – 272 с.
265. Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. [Текст] / Под ред. А.И. Андреева. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 332 с.
266. *Роцин С.К.* Бухарин Н.И. и монгольский вопрос [Текст] / С.К. Роцин // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. Вып. 8. (Специальный). – М.: РЦХИДНИ, 1996. – С. 36–49.
267. *Роцин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии [Текст] / С.К. Роцин. – М.: ИВ РАН, 2005. – 158 с.
268. *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940) [Текст] / С.К. Роцин. – М.: ИВ РАН, 1999. – 327 с.
269. *Савельева Е.А., Щербакова Т.П., Матвеева М.Н.* Историческая тематика в академической периодике XVIII в. / Е.А. Савельева, Т.П. Щербакова, М.Н. Матвеева [Текст] // *Философский век. Альманах 11.* Екатерина и ее время. Современный взгляд / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Центр истории идей, 1999. – С. 177–297.

270. *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР [Текст] / А.Г. Сазыкин. Т. 1. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1988. – 511 с.
271. *Санжеев Г.Д.* Семь лет у Б.Я. Владимирцова [Текст] / Г.Д. Санжеев // Российское монголоведение. Бюлл. IV. – М.: ИВ РАН, 1996. – С. 99–113.
272. *Семенов-Тянь-Шанский А.П.* Зоологические результаты экспедиций П.К. Козлова / А.П. Семенов-Тянь-Шанский [Текст] // Известия Государственного географического общества. – 1937. – Т. LXIX. – Вып. 1.– С. 131–137.
273. *Сизова А.А.* Коллекция И. Иеринга в Институте восточных рукописей РАН [Текст] / А.А. Сизова // З.К. Касьяненко – Учитель и монголовед (посвящается 90-летию): Международная конференция (30 сентября – 1 октября 2015, Санкт-Петербург). – СПб.: ИВР РАН, 2015. – С. 37–38.
274. *Симукова Н.А.* Имя А.Д. Симукова возвращается в науку [Текст] / Н.А. Симукова // *Mongolica*–III. Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX вв. / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. и авт. пред. И.В. Кульганек. – СПб.: «Фарн», 1994. – С. 57–71.
275. *Соболев В.С.* И.Э. Фишер и изучение Сибири [Текст] / В.С. Соболев // Г.Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. – СПб.: Изд-во «Росток», 2007. – С. 293–296.
276. *Уралец П.С.* Советские геологи – монгольскому народу [Текст] / П.С. Уралец // Книга Братства: Лит.-худож. и ист.-публицист. сб. / Сост. А. Гатов, С. Эрдэнэ. – М. –Улаанбаатар, 1971. – С. 221–225.
277. *Солоненко В.П., Тресков А.А., Флоренсов Н.А.* Катастрофическое Гоби-Алтайское землетрясение 4 декабря 1957 года. Сейсмогеологический очерк [Текст] / В.П. Солоненко, А.А. Тресков, Н.А. Флоренсов. – М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1960. – 48 с.

278. Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975) [Текст] / Ред.-сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 134 с.
279. Суринов И.А. Сотрудничество Академии наук СССР и Академии наук МНР [Текст] / И.А. Суринов // Вестник АН СССР. – 1981. – № 6. – С. 74–81.
280. Сытин А.К. Первый исследователь горы Сохондо Никита Петрович Соколов [Текст] / А.К. Сытин // Природа. – 1999. – № 4. – С. 42–53.
281. Сытин А.К. Петр Симон Паллас – ботаник [Текст] / А.К. Сытин. – М.: КМК Ltd, 1997. – 338 с.
282. Тихомиров В.В., Бельская Л.Б. Потери науки. И.П. Рачковский [Текст] / В.В. Тихомиров, Л.Б. Бельская // Известия АН СССР. Серия геологическая. – М., 1962. – С. 108–109.
283. Тихонов И.А. Г.Ф. Миллер как археолог [Текст] / И.А. Тихонов // Г.Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. – СПб.: Изд-во «Росток», 2007. – С. 84–96.
284. У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге [Текст] / Ред.-сост. М.Б. Конашев. – СПб.: Наука, 2002. – 556 с.
285. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – первой половине XX в.: Петербургская школа монголоведов [Текст] / Д.Б. Улымжиев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. – 216 с.
286. Улымжиев Д.Б., Цыцегма Ж. Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931) [Текст] / Д.Б. Улымжиев, Ж. Цыцегма. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. – 168 с.
287. Уставы Академии наук СССР [Текст] / Отв. ред. Г.К. Скрябин. – М.: Наука, 1974. – 208 с.
288. Федченко Б.А. Петр Кузьмич Козлов [Текст] / Б.А. Федченко // Советская ботаника. – 1936. – № 1. – С. 155–156.
289. Феклова Т.Ю. Подготовка экспедиции И.И. Редовского на Камчатку в 1806 г. [Текст] / Т.Ю. Феклова // Наука и техника: Вопросы истории и

- теории. Тезисы XXVII Годи́чной конференции СПб Отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (21–24 ноября 2006 г.) / Отв. ред. Э.И. Колчинский; ред.-сост. Б.И. Иванов. – СПб.: Политехника-сервис, 2006. – С. 92–93.
290. *Ферсман А.Е.* Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи [Текст] / А.Е. Ферсман – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 38 с. (Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 19).
291. *Формозов А.Н.* В Монголии. Очерк путешествия зоологического отряда Монгольской экспедиции АН СССР [Текст] / А.Н. Формозов – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 150 с.
292. *Хишигт Н.* Движение монгольского народа за помощь фронту во время Великой Отечественной войны [Текст] / Н. Хишигт // Вторая мировая война и Монголия / Отв. ред. Н. Хишигт. – Улан-Батор, 2005. – С. 52–66.
293. *Хишигт Н., Цолмон П.* О деятельности А. Амара в области образования и науки [Текст] / Н. Хишигт, П. Цолмон // Агданбуугийн Амарын мэндэлсэний 120 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл (Материалы конференции в честь 120-летия А. Амара). – Улан-Батор, 2007. – С. 43–53.
294. *Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и его труды по монголоведению [Текст] / А.Н. Хохлов // Восток. – 2012. – № 4. – С. 50–61.
295. *Хохлов А.Н.* Поездка А.М. Позднеева в Китай в 1892–1893 гг. [Текст] / А.Н. Хохлов // Россия и Монголия в свете диалога Евразийских цивилизаций / Сост. В.В. Грайворонский, А.Д. Цендина. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 199–214.
296. *Цолмон П.* Сердце, отданное Монголии [Текст] / П. Цолмон // Симуков А.Д. Труды для Монголии и о Монголии / Сост. Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Т. 1. – Осака: Государственный музей этнологии, 2007. – С. 39–40 (Senri Ethnological Reports: Vol. 66).
297. Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность [Текст]: Докл. и тез. науч. конф., посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного

- деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. – Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1991. – 192 с.
298. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. [Текст] / Ш.Б. Чимитдоржиев. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1978. – 216 с.
299. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия [Текст] / Ш.Б. Чимитдоржиев. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1987. – 235 с.
300. *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке [Текст] / С. Чулуун // Монгольско-российские научные связи: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 9–31.
301. *Чулуун С., Тордалай Р.* Онходын Жамьян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1920–1930) [Текст] / С. Чулуун, Р. Тордалай // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 50–63.
302. *Шастина Н.П.* Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения [Текст] / Н.П. Шастина // Очерки по истории русского востоковедения. – Вып. 2. – М., 1956. – С. 181–197.
303. *Шастина Н.П.* История изучения Монгольской Народной Республики [Текст] / Н.П. Шастина // Монгольская Народная Республика. Сборник статей / Отв. ред. Н.Я. Златкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 15–55.
304. *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии [Текст] // Книга Братства: Лит.-худож. и ист.-публицист. сб. / Сост. А. Гатов, С. Эрдэнэ. – М.–Улаанбаатар, 1971. – С. 206–218.
305. *Шафрановская Т.К.* Монголист XVIII века Иоган Иеринг [Текст] / Т.К. Шафрановская // Страны и народы Востока. Вып. IV / Под ред. В.В. Струве и А.В. Королевой. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1965. – С. 155–163.

306. *Шафрановская Т.К.* Кунсткамера и Восток: Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками [Текст] / Т.К. Шафрановская // Кунсткамера: Этнографические тетради. – СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера). – 1993. – Вып. 1. – С. 97–98.
307. *Ширендыб Б.* Более чем полувековое научное сотрудничество [Текст] / Б. Ширендыб // Б. Ширендыб и С.Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей / Отв. ред. В.В. Грайворонский. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 10–11.
308. *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук МНР [Текст] / Б. Ширендыб. – Улан-Батор: Правительственная типография, 1981. – 114 с.
309. *Шубина С.А.* Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.А. Шубина. – Ярославль, 1998. – 25 с.
310. *Эндрюс Р.Ч.* По следам первобытного человека: Экспедиция в Центральную Азию [Текст] / Р.Ч. Эндрюс. – Л.: П. П. Сойкин, 1927. – 111 с.
311. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833) [Текст] / Подг. к изд., вступ. ст. О.Н. Полянской. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2008. – 228 с.
312. *Эрлих В.А.* Русскоязычные издания XVIII века о Востоке и российские немцы [Текст] / В.А. Эрлих // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. – Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000. – С. 167–173.
313. *Юсупова Т.И.* Письма Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 12 сентября 1926 г. [Текст] / Т.И. Юсупова // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Адмон, 2012. – С. 158–165.
314. *Юсупова Т.И.* «Благодаря Вам мне открылся прекрасный мир Центральной Азии»: письма М.И. Клягиной-Кондратьевой к С.Ф. Ольденбургу [Текст] / Т.И. Юсупова // *Mongolica–XIII*: Сборник научных статей по

- монголоведению. Посвящается 235-летию со дня рождения И.Я. Шмидта (1779–1847). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 71–75.
315. *Юсупова Т.И.* Монголо-Сычуаньская экспедиция и открытие Хара-Хото [Текст] / Т.И. Юсупова // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Под. ред. И.Ф. Поповой. – СПб.: Славия, 2008. – С. 112–129.
316. *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – № 4. – С. 26–67.
317. *Юсупова Т.И.* Установление научного сотрудничества между Российской академией наук и Ученым комитетом Монголии (1920-е гг.) [Текст] / Т.И. Юсупова // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию, 2007. – СПб.: Наука, 2008. – С. 103–115.
318. *Юсупова Т.И.* Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2011. – № 4. – С. 200–213.
319. *Юсупова Т.И.* Центральная Азия в истории российско-немецких научных контактов: П.К. Козлов и В. Фильхнер [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – № 1. – С. 42–49.
320. *Юсупова Т.И.* «Очень важно для понимания всей эволюции животного мира...» Организация Монгольской Палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2016. – № 1. – С. 9–26.
321. *Юсупова Т.И.* Вклад русских путешественников в сокровищницу академических музеев: П.К. Козлов [Текст] / Т.И. Юсупова // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / Отв. ред. Ж.И. Алферов. – СПб.: Наука, 2010. – С. 404–422.

322. *Юсупова Т.И.* И.П. Рачковский – исследователь геологии Монголии [Текст] / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXX Международной годичной конференции СПб Отделение национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (23–27 ноября 2009 г.). Вып. XXV / Отв. ред. Э.И. Колчинский; ред.-сост. Б.И. Иванов. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – С. 130.
323. *Юсупова Т.И.* Институт по изучению Монголии: наука и политика [Текст] / Т.И. Юсупова // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001 / Отв. ред. В.М. Орел. – М.: Диполь-Т, 2001. – С. 212–215.
324. *Юсупова Т.И.* Историк изучения Центральной Азии Э.М. Мурзаев [Текст] / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXII Международной годичной конференции СПбО НК ИиФНиТ. Вып. XXVII. СПб.: Политехника-сервис, 2011. – С. 119–120.
325. *Юсупова Т.И.* История не совсем обычного археологического открытия [Текст] / Т.И. Юсупова // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – С. 11–53.
326. *Юсупова Т.И.* К истории первого совместного советско-монгольского научного проекта по подготовке однотомника «История МНР» [Текст] / Т.И. Юсупова // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С.К. Рощина / Науч. ред.-сост. Е.В. Бойкова, ред.-сост. Н. Хишигт, отв. ред. С. Чулуун. – М.; Улаанбаатар: ИВ РАН, Институт истории и археологии АНМ, 2015. – С. 271–293.
327. *Юсупова Т.И.* Международное признание заслуг путешественника П.К. Козлова в изучении Центральной Азии [Текст] / Т.И. Юсупова // Известия Русского географического общества. – 2013. – № 4. – С. 79–84.

328. *Юсупова Т.И.* Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и начало советских научных инициатив в Монголии [Текст] / Т.И. Юсупова // International Symposium on “Dialogue among Civilizations: Interaction between Nomadic and Other Cultures of Central Asia” (Ulaanbaatar, Mongolia, August 15–16, 2001). – Ulaanbaatar, 2001. – P. 456–459.
329. *Юсупова Т.И.* Монголо-Урянхайская экспедиция Академии наук, 1922–1924 гг. [Текст] / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXX Международной годичной конференции СПб Отделение национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (23–27 ноября 2009 г.). Вып. XXV / Отв. ред. Э.И. Колчинский; ред.-сост. Б.И. Иванов. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – С. 128–129.
330. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953) [Текст] / Т.И. Юсупова. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 280 с.
331. *Юсупова Т.И.* Научно-организационная деятельность Академии наук по исследованию Монголии (1923–1941 гг.): Диссертация на соиск. уч. степени канд. ист. наук [Текст] / Юсупова Татьяна Ивановна. – М., 2004. – С. 98–110.
332. *Юсупова Т.И.* Неосуществленная мечта П.К. Козлова [организация экспедиции в Монголию и Тибет в 1927 г.] [Текст] / Т.И. Юсупова // Природа. – 2003. – № 9. – С. 52–56.
333. *Юсупова Т.И.* Организация экспедиционной деятельности в Академии наук: 1921–1930 гг. [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2012. – № 4. – С. 92–107.

334. *Юсупова Т.И.* П.С. Паллас и его роль в развитии монголоведения в России [Текст] / Т.И. Юсупова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII. Тезисы XXVII Годичной конференции СПб Отделения национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (21–24 ноября 2006 г.) / Отв. ред. Э.И. Колчинский; ред.-сост. Б.И. Иванов. – СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2006. – С. 101–102.
335. *Юсупова Т.И.* Подготовка однотомной «Истории МНР» в 1946–1954 гг. (по документам российских архивов) [Текст] / Т.И. Юсупова // Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения – VIII. Мат. Междунар. научно-практ. конф. (Улан-Удэ, 22–23 мая 2014 г.). – Улан-Удэ: ГБУ РЦ «Бэлиг», 2014. – С. 304–312.
336. *Юсупова Т.И.* Поездка П.К. Козлова в Пекин в 1925 г.: биографический факт в историко-научном аспекте (по страницам дневников Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.) [Текст] / Т.И. Юсупова // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 73–82.
337. *Юсупова Т.И.* Премия Французской академии наук русскому путешественнику П.К. Козлову [Текст] / Т.И. Юсупова // Исторический архив. – 2010. – № 6. – С. 200–204.
338. *Юсупова Т.И.* Российско-монгольское научное сотрудничество: некоторые особенности становления и развития [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – № 1. – С. 63–74.
339. *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монгольско-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы [Текст] / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – № 10. – С. 26–67.
340. *Юсупова Т.И.* Сотрудничество путешественника П.К. Козлова с Зоологическим музеем Академии наук [Текст] / Т.И. Юсупова // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках: научный и социально-

- политический контекст / Ред.-сост. Н.В. Слепкова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2012. – С. 249–258.
341. *Юсупова Т.И.* Ц.Ж. Жамцарано – ученый секретарь Ученого комитета Монголии / Т.И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2011. – № 4. – С. 189–202.
342. *Юсупова Т.И.* Экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. и ее вклад в становление Ученого комитета Монголии [Текст] / Т.И. Юсупова // Петербургская Академия наук в истории академий мира: материалы Международной конференции / Отв. ред. Э.А. Тропп. Т. III. – СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. – С. 27–32.
343. *Юсупова Т.И.* «Современный Учком, при дальнейшем развитии, преобразуется в национальную Академию наук и художеств»: Программа развития Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано [Текст] / Т.И. Юсупова // *Mongolica–XI*: Сборник научных статей по монголоведению посвящается 130-летию со дня рождения А.В. Бурдукова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – С. 91–96.
344. *Юсупова Т.И.* Российско-американские встречи в Центральной Азии: П.К. Козлов и Р.Ч. Эндрюс [Текст] / Т.И. Юсупова // Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки: 200 лет российско-американских дипломатических отношений / Отв. ред. Е.Н. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2009. – С. 237–250.
345. *Яншин А.Л., Зайцев Н.С.* Советско-Монгольской комплексной научно-исследовательской геологической экспедиции 20 лет [Текст] / А.Л. Яншин, Н.С. Зайцев // Вестник АН СССР. – 1967. – № 9. – С. 112–122.
346. *Яцковская К.Н.* Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998) [Текст] // *Mongolica–IX*. Сборник статей / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 127–135.
347. *Andrews R. Ch.* The New Conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central Asiatic expeditions in Mongolia and China, 1921–

- 1930 [Текст] / R.Ch. Andrews. – New York: The American Museum of Natural History, 1932. – 678 p.
348. *Andreyev A.* Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. / A. Andreyev. – Leiden; Boston; Brill, 2003. – 433 p.
349. *Baabar B.* From world power to Soviet satellite: history of Mongolia [Текст] / A. Baabar; ed. by C. Kaplonski. – Cambridge : Univ. of Cambridge: White Horse press, 1999. – 448 p.
350. *Barkmann U.* Geschichte der Mongolei oder die Mongolische Frage: die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat [Текст] / U. Barkmann. – Bonn: Bouvier Verlag, 1999. – 468 s.
351. *Bawden C.R.* The Modern History of Mongolia [Текст] / C.R. Bawden. – London: Frederick A. Praeger, 1968. – 615 p.
352. *Berkey C.P., Nelson N.C.* Geology and Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert [Текст] / C.P. Berkey, N.C. Nelson // American Museum Novitates. – 1926. – № 222. – P. 1–16.
353. *Campi A., Baasan R.* The Impact of China and Russia on United States-Mongolian Political Relations in the Twentieth Century [Текст] / A. Campi, R. Baasan. – Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2009. – 572 p.
354. *Gallenkamp Ch.* Dragon Hunter: Roy Chapman Andrews and the Central Asiatic Expeditions [Текст] / Ch. Gallenkamp. – New York: Viking Adult, 2001. – 400 p.
355. *Gmelin J.G.* Expedition ins unbekannte Sibirien [Текст] / J.G. Gmelin / Hrsg., eingeleitet und erl. von D. Dahlmann. – Sigmaringen: Thorbecke, 1999. – 454 S.
356. *Haslund-Christensen H.* Tents in Mongolia (Yabonah). Adventures and Experiences among the Nomads of Central Asia [Текст] / H. Haslund-Christensen. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1934. – 366 p.
357. *Hedin S.* Von Peking nach Moskau [Текст] / S. Hedin. – Leipzig: F.U. Brodhaus, 1924. – 321 S.

358. History of the Mongolian People's Republic / Transl. from the Mongolian and annotated by W.R. Brown and U. Onon [Текст]. – Cambridge: East Asian Research Center, Harvard University Press, 1976. – 897 p.
359. *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands (Herforder Forschungen) [Текст] / P. Hoffmann. – Frankfurt am Main: Lang, 2005. – 393 S.
360. *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller als Geograph [Текст] / P. Hoffmann // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Band 20/2. – Berlin, 1976. – S. 43–59.
361. *Kaplonski Ch.* Prelude to violence: Show trials and state power in 1930s Mongolia [Текст] / Ch. Kaplonski // American Ethnologist. – 2008. – Vol. 35. – № 2. – P. 321–337.
362. *Kojevnikov A.* The Phenomenon of Soviet Science [Текст] / A. Kojevnikov // Osiris. – 2008. – № 23. – P. 115–135.
363. *Krementsov N.* Stalinist Science [Текст] / N. Krementsov. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 371 p.
364. *Larson F.A.* The memoir of Frans August Larson [Текст] / F.A. Larson. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. – 92 p.
365. *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited [Текст] / O. Lattimore. – New York: Oxford University Press, 1962. – 238 p.
366. Mongolian-German Karakorum expedition [Текст]. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the main Road / Ed. by J. Bemann, U. Erdenebat, E. Pohl. – Wiesbaden: Reichert, 2010. – P. 27–38.
367. *Morozova I.* The Comintern and Revolution in Mongolia [Текст] / I. Morozova. – Cambridge: White Horse Press, 2002. – 104 p.
368. *Murphy G.* [Rev.:] Zhivotnovodstvo Mongolskoi Narodnoi Respubliki [Текст] / G. Murphy // Pacific Affairs. – 1956. – Vol. 29. – № 1 (March). – P. 80–82.
369. *Murphy G.* Recent Publications of the Mongolian Commission [Текст] / G. Murphy // Far Eastern Survey. – 1956. – Vol. 25. – № 6 (June). – P. 91–95.

370. *Murphy G.* Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite [Текст] / G. Murphy. – Berkley and Los Angeles: University of California, 1968. – 210 p.
371. *Rupen R.* Buriat intelligentsia [Текст] / A. Rupen // The Far Eastern Quarterly. – 1956. – Vol. XV. – № 3, May. – P. 383–398.
372. *Rupen A.* Cyben Zamcaranovic Zamcarano (1880–1942) [Текст] / A. Rupen // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1956. – Vol. 19. – No. 1/2, Jun. – P. 126–145.
373. *Rupen R.* How Mongolia is Really Ruled [Текст] / A. Rupen. – Stanford University: Hoover Institution Press, 1979. – 225 p.
374. *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century [Текст] / A. Rupen. Part I. – Bloomington: Indiana University, 1964. – 510 p.
375. *Sandag S., Kendall H.* Poisoned Arrows: The Stalin-Choibalsan Mongolian Massacres, 1921–1941 [Текст] / S. Sandag, H. Kendall. – Boulder, Westview Press, 2000. – 228 p.
376. *Simpson G.G.* Concession to Improbable: an Unconventional Autobiography [Текст] / G.G. Simpson. – New Haven: Yale University Press, 1978. – 291 p.
377. *Strong A.* China-Reise mit Borodin durch China und die Mongolei [Текст] / A. Strong. – Berlin: Neuer Deutscher Verlag, 1928. – 214 s.
378. *Tolz V.* Russian's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods [Текст] / V. Tolz. – Oxford: University Press, 2011. – 203 p.
379. *Unkrig W.A.* Das Programm des Gelehrten Comites der Mongolischen Volksrepublik. Transkribierter Text nebst zwei Übersetzungsversuchen und Vokabular [Текст] / W.A. Unkrig // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. – Berlin, 1929. – S. 71–129.
380. *Wolff S.* Mongolian Educational Venture in Western Europe (1926–1929) [Текст] / S. Wolff // The Mongolian Society Bulletin. – 1970. – № 9 (2). – S. 40–100.
381. *Yusupova T.* Russian-American Researches of Central Asia in 1920s: R.Ch. Andrews and P.K. Kozlov [Текст] / T. Yusupova // Russian-American

Links: Leaps Forward and Backward in Academic Cooperation. – SPb., 2012. – P. 226–231.

382. *Yusupova T.* On P.K. Kozlov contribution to Mongolian studies: certain facts and certain doubts [Текст] / Т. Yusupova // *Mongolica (An International Annual of Mongol Studies)*. – 2004. – Vol. 15 (36). – P. 366–371.

**Список советских исследователей,
направленных учреждениями АН СССР в Монголию
в 1922–1961 гг.**

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Алексеев Василий Михайлович (1881–1951), филолог-китаист, акад. (1929), проф. ЛГУ ¹¹⁹⁵	1926 – работа в Ученом комитете МНР	
Амстердамская Людмила Алексеевна (1903–?), аспирант ЛГУ	1927 – в составе экспедиции Монгольской комиссии	<i>Амстердамская Л.А.</i> Восточно-халхаские народные сказки: тексты и перевод. М.; Л., 1940 ¹¹⁹⁶ .
Андреев Геральд Иванович (1926–1970), археолог, студент МГУ, позднее сотрудник Института истории материальной культуры (Института археологии) АН	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева	
Андреев Семен Иванович (1900–1978), почвовед, сотрудник Ленинградского сельскохозяйственного института, с 1935 – Чувашского сельскохозяйственного института	1930 – в составе почвенно-агрономического отряда Монгольской комиссии	<i>Андреев С.И.</i> Почвы дельты реки Буянту и Кобдоское аймачное хозяйство. М.; Л., 1935; <i>Андреев С.И.</i> Материалы к характеристике почв юго-западной части Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1935.

¹¹⁹⁵ Здесь и далее указывается основное место работы накануне экспедиции (поездки) в Монголию.

¹¹⁹⁶ Здесь и далее приводятся только публикации, непосредственно связанные с конкретным пребыванием исследователей в Монголии. Для многих из них материалы, собранные в Монголии, становились основой для разработки научных проблем, которыми они занимались и в дальнейшем.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Аргиропуло Анатолий Иванович (1908–1942), зоолог, сотрудник Зоологического музея / института АН	1928 – в составе зоологического отряда (рук. А.Я. Тугаринов) экспедиции Монгольской комиссии	
Бабынин Н.Н. (1900–1931), студент, затем сотрудник ЛИЖВЯ	1923 – командирован для работы в Ученом комитете Монголии	
Бамбаев Балджи Бамбаевич , студент ЛИЖВЯ, затем сотрудник Ученого комитета Бурятии	1926, 1927 – в составе этнолого-лингвистических отрядов (рук. Б.Я. Владимирцов, 1925, и Н.Н. Поппе, 1927) экспедиций Монгольской комиссии	<i>Бамбаев Б.Б.</i> Отчет о командировки в Монголию летом 1926 года // Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 27–74.
Банников Андрей Григорьевич (1915–1985), биолог выпускник МГУ, затем зав. кафедрой зоологии Московской ветеринарной академии	1942–1947 – работал в Комитете наук МНР, преподавал в МонГУ	<i>Банников А.Г., Мурзаев Э.М., Юнатов А.А.</i> Очерк природы Заалтайской Гоби в пределах Монгольской Народной Республики // Известия ВГО. 1945. Т. 77. Вып. 3. С. 127–144; <i>Банников А.Г.</i> Новый вид сайги из Монголии // Докл. Акад. наук СССР. 1946. Т. 51. № 5. С. 397–399; <i>Банников А.Г.</i> Определитель млекопитающих МНР. М., 1953; <i>Банников А.Г.</i> Млекопитающие МНР. М., 1953.
Баранов Владимир Исаакович (1889–1967), геоботаник, проф. Пермского университета, с 1933 – Казанского университета	1930, 1931 – возглавлял почвенно-агрономические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Баранов В.И.</i> Земледельческие районы на юге Кобдоского Аймака Западной Монголии. Л., 1932; <i>Баранов В.И.</i> Березы западной Монголии. Л., 1934.
Беляев Яков Иванович (1891–1931), астроном, сотрудник Пулковской обсерватории	1930 – возглавлял астрономический отряд экспедиции Монгольской комиссии	<i>Яинов П.И., Беляев Я.И.</i> Отчет об обработке астрономических наблюдений Я.И. Беляева, произведенных Монгольской экспедицией 1930 года. Л., 1934.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Беспалов Николай Денисович (1898–?), почвовед, сотрудник Почвенного института АН	1940–1947 – работал в Комитете наук МНР	<i>Беспалов Н.Д.</i> Почвы Монгольской Народной Республики. М., 1951.
Боровка Григорий Иосифович (1894–1941), археолог, историк искусства, сотрудник Эрмитажа, проф. ЛГУ	1924 – командирован в Монголо-Тибетскую экспедицию П.К. Козлова; 1925, 1926 – возглавлял археологические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Боровка Г.И.</i> Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 23–40; <i>Боровка Г.И.</i> Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927. С. 43–88.
Вехов И.К. , топограф	1927 – в составе почвенно-географического отряда (рук. Н.Н. Лебедев) экспедиции Монгольской комиссии; 1928 – в составе Гобийской экспедиции Ученого комитета МНР (рук. В.А. Смирнов)	
Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931), акад. (1929), монголовед, сотрудник Азиатского музея АН, проф. ЛГУ	1925, 1926 – возглавлял этнолого-лингвистический отряд экспедиции Монгольской комиссии	<i>Владимирцов Б.Я.</i> Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927.
Войтяцкий Борис Петрович , генетик, зоотехник, аспирант кафедры генетики и экспериментальной зоологии ЛГУ	1931 – в составе животноводческого отряда (рук. Я.Я. Лус) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Румянцев Б.Ф., Войтяцкий Б.П.</i> Лошади Монголии // Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году / Под ред. Я.Я. Луса. М.; Л., 1936. С. 195–244.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Воробьев Павел Иванович (1892–1937), востоковед, зам. директора Института востоковедения АН	1936–1937 – работал в Комитете наук МНР, советник, ученый секретарь	<i>Воробьев П.И., Симуков А.Д.</i> Экспедиция в Цаган-Богда // Современная Монголия. 1937. № 4. С. 85–92; № 5. С. 85–94.
Вялов Сергей Степанович (1910–1998), инженер, специалист по мерзлым грунтам, сотрудник Института мерзлотоведения АН	1960 – командирован в Комитет наук для консультаций по инженерной криологии	
Вяткина Капитолина Васильевна (1882–1973), этнограф, сотрудник Института этнографии АН	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева	<i>Вяткина К.В.</i> Археологические памятники в МНР // Советская этнография. 1959. № 1. С. 93–106; <i>Вяткина К.В.</i> Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы Историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.; Л., 1960. С. 159–271. (Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая Серия. Т. LX).
Гарле В. , коллектор	1926 – в составе геологического отряда (рук. З.А. Лебедева) экспедиции Монгольской комиссии	
Горошенко Юрий Леонидович (1906–1995), генетик, сотрудник Лаборатории генетики АН	1931 – в составе животноводческого отряда (рук. Я.Я. Лус) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Горошенко Ю.Л.</i> Монгольская коза // Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году / Под ред. Я.Я. Луса. М.; Л., 1936. С. 175–194.
Гришин Юрий Семенович (1925–2015), студент МГУ, позже сотрудник Института археологии АН	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева; 1959 г. – в составе Монгольской археологической экспедиции Института археологии АН	<i>Гришин Ю.С.</i> Древние памятники среднего течения р. Онона // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 75–110.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Громов Валериан Иннокентьевич (1896–1978), геолог, сотрудник Геологического института АН	1946 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	<i>Громов В.И.</i> Из прошлого Земли. М.; Л., 1951.
Грубов Валерий Иванович (1917–2009), геоботаник, сотрудник Ботанического института АН	В составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг.	<i>Грубов В.И.</i> Конспект флоры Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1955; <i>Грубов В.И.</i> Определитель сосудистых растений Монголии (с атласом). Л., 1982.
Гуляев Т.И. , агроном	1930 – в составе почвенно-агрономического отряда (рук. В.И. Баранов) экспедиции Монгольской комиссии	
Дворянков Николай Александрович (1923–1979), филолог-востоковед, сотрудник Института востоковедения АН	1959 – участвовал в первом Конгрессе монголоведов в Улан-Баторе	
Дебец Георгий Францевич (1905–1969), антрополог, Институт этнографии АН	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева	
Деревянко Павел Андреевич (1898–?), гидролог, сотрудник НКЗ СССР, затем Монгольской комиссии, в 1952 – Лаборатории гидрогеологических проблем АН	В составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг.	<i>Деревянко П.А.</i> Сельскохозяйственное водоснабжение МНР. М., 1959. (Труды Лаборатории гидрогеологических проблем им. Ф.П. Саваренского АН СССР. Т. 21).
Десяткин Николай Лукич (1901–?), геоботаник	1931 г. – в составе почвенно-агрономического отряда (рук. В.И. Баранов) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Десяткин Н.А.</i> Материалы к характеристике сорно-полевой растительности Северной Монголии. М.; Л., 1936; <i>Десяткин Н.Л.</i> Луговые угодья при слиянии рек Орхона и Селенги в пределах МНР. М.; Л., 1936.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Дмитриев Иван Григорьевич (1887–?), экономист, сотрудник Института экономических исследований Госплана, в 1935–1936 директор Исторического музея в Москве	1930, 1931– возглавлял экспедиции Монгольской комиссии	Отчет И.Г. Дмитриева о работе Монгольской экспедиции в 1930 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921– 1940. М.; Улаанбаатар, 1975. С. 238–247.
Добровольский Г.Е. , агроном	1930 – в составе почвенно-агрономического отряда (рук. В.И. Беляев) экспедиции Монгольской комиссии	
Долгушина Н.А. , зоотехник	1930 – в составе почвенно-агрономического отряда экспедиции (рук. В.И. Баранов) Монгольской комиссии	<i>Долгушина Н.А.</i> Материалы к изучению скотоводства на юге Баин-чиндомани-Ула аймака МНР. Л., 1933.
Евтюхова Лидия Алексеевна (1903–1974), археолог, сотрудник Института истории материальной культуры АН	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева	Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965.
Ефремов Иван Антонович (1907–1972), палеонтолог, сотрудник Палеонтологического института АН	Возглавлял Монгольскую палеонтологическую экспедицию в 1946–1949 гг.	<i>Ефремов И.А.</i> Палеонтологические исследования в МНР (предварительные результаты экспедиций 1946, 1948, 1949 гг.) // Сборник работ по палеонтологии МНР. М.; Л., 1954. С. 3–32; <i>Ефремов И.А.</i> Захоронение динозавров в Нэмэгэту (Южная Гоби, МНР) // Вопросы геологии Азии. 1955. Т. П. <i>Ефремов И.А.</i> Дорога ветров (Гобийские заметки). М.: Трудрезервиздат, 1956.
Жуков Владимир Федорович , геолог, зам. директора Института мерзлотоведения АН	1957 – командировка в Комитет наук, консультации по созданию первой геокринологической станции	

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Золотарев Г.И. , топограф	1930 – в составе астрономического отряда (рук. Я.И. Беляев) экспедиции Монгольской комиссии	
Ивакин Вячеслав Степанович , топограф	1931 – в составе геологической отряда (рук. И.П. Рачковский, З.А. Лебедева) экспедиции Монгольской комиссии	
Иванов Александр Иванович (1902–1987), зоолог, орнитолог, сотрудник Якутской экспедиции АН; с 1949 – Зоологического института АН	1928 – в составе зоологического отряда (рук. А.Я. Тугаринов) экспедиции Монгольской комиссии	
Иванов Александр Тимофеевич , гидролог, сотрудник лаборатории гидрогеологических проблем АН	В составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг.	<i>Иванов А.Т.</i> Подземные воды МНР. М., 1958. (Лаборатории гидрогеологических проблем им. Ф.П. Саваренского АН СССР. Т. 19).
Ивашкин Василий Матвеевич (1911–?), биолог, гельминтолог	В составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг.	<i>Ивашкин В.М.</i> Гельминты сельскохозяйственных животных МНР. М.; Л., 1955.
Иконникова-Галицкая В.А. , ботаник, сотрудник Главного ботанического сада АН; Ботанического института АН	1928, 1929 – в составе ботанических отрядов (рук. Н.П. Иконников-Галицкий) экспедиций Монгольской комиссии	
Иконников-Галицкий Николай Петрович (1892–1942), ботаник, сотрудник Главного ботанического сада АН; Ботанического института АН	1926, 1928, 1929 – в составе (1926) и возглавлял (1928, 1929) ботанические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Проханов Я.И., Иконников-Галицкий Н.П.</i> Предварительный отчет о поездке в Монголию летом 1926 года // Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929 .

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Казакевич Владимир Александрович (1896–1937), монголовед, студент, затем преподаватель ЛИЖВЯ, с 1929 сотрудник Азиатского музея / Института востоковедения АН	1923–1925 – работал в Ученом комитете МНР; 1927 – в составе этнолого-лингвистического отряда (рук. Н.Н. Поппе) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Казакевич В.А.</i> I. Намогильные статуи в Даринганге. II. Поездка в Дарингангу. Л., 1930; <i>Казакевич В.А.</i> Современная Монгольская топонимика. Л., 1934.
Калинина Агнесса Васильевна (1899–?), ботаник, сотрудник Ботанического института АН	в составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг.	<i>Калинина А.В.</i> Травосеяние в МНР. М.; Л., 1953; <i>Калинина А.В.</i> Стационарные исследования пастбищ МНР. М.; Л., 1954.
Кирпичников А.А. (1910–?), зоолог, сотрудник Института эволюционной морфологии АН	1946 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	
Кириченко Александр Николаевич (1884–1971), энтомолог, сотрудник Зоологического музея / института АН	1926 – возглавлял зоологический отряд экспедиции Монгольской комиссии	
Киселев Сергей Владимирович (1905–1962), археолог зам. директора Института истории материальной культуры АН	1946 – работал в Комитете наук по выявлению материалов для написания «Истории МНР»; 1948–1949 – возглавлял Монгольскую историко-этнографическую экспедицию	<i>Киселев С.В.</i> Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. IV. № 4. С. 355–372; Участвовал в написании текста «Истории МНР» (М., 1954); <i>Киселев С.В.</i> Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101; <i>Киселев С.В.</i> Каменная черепаха, «бежавшая» из Каракорума // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 65–67; Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Клягина-Кондратьева Мелитина Ивановна (1896–1971), переводчик, историк архитектуры	1926–1930 – работала в Ученом комитете МНР	<i>Клягина-Кондратьева М.И.</i> О юртообразных зданиях Внешней Монголии // Советская этнография. 1935. № 3. С. 14–41; <i>Клягина-Кондратьева М.И.</i> Монголын Бурханы Шашны Соёл: Хэнтий, Хангай Сум, Хийдийн Судалгаа (Монгольская буддийская культура: изучение монастырей и храмов в Кентее и Хангае). Osaka: National Museum of Ethnology, 2013.
Козлов Петр Кузьмич ¹¹⁹⁷ (1863–1935), путешественник, исследователь Центральной Азии	1923–1926 – возглавлял Монголо-Тибетскую экспедицию, деятельность которой преимущественно прошла на территории Монголии	<i>Козлов П.К.</i> Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923–1926 годов. Л., 1928.
Козлова (Пушкарева) Елизавета Владимировна (1892–1975), орнитолог, сотрудник Монгольской комиссии АН, с 1932 – Зоологического института АН	1923–1926 – в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова; 1929, 1931 – возглавляла зоологические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Козлова Е.В.</i> Птицы Юго-Западного Забайкалья. Л., 1930; <i>Козлова Е.В.</i> Птицы Высокогорного Хангая: по наблюдениям Зоологического отряда Монгольской экспедиции 1929 года. Л., 1932; <i>Козлова-Пушкарева Е.В.</i> Птицы и промысловые млекопитающие Восточного Кентея. Л., 1933.
Колесник Николай Никитич (1904–?), генетик, аспирант кафедры генетики и экспериментальной зоологии ЛГУ	1931 – в составе животноводческого отряда (рук. Я.Я. Лус) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Колесник Н.Н.</i> Крупный рогатый скот Монголии и его происхождение // Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году / Под ред. Я.Я. Луса. М.; Л., 1936. С. 235–291; <i>Колесник Н.Н., Шульженко И.Ф.</i> Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году. М.; Л., 1938.

¹¹⁹⁷ Указана только публикация, подготовленная лично П.К. Козловым непосредственно после окончания экспедиции.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Кондратьев Сергей Александрович (1896–1970), географ, композитор	1923–1925 – в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова; 1925–1930 – работал в Ученом комитете МНР	<i>Кондратьев С.А.</i> О работах по изучению монгольской музыки в октябре – декабре 1923 г. в Урге // Известия РГО. 1924. Т. 56. Вып. 1. С. 173–176; <i>Кондратьев С.А.</i> Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970.
Костылева-Лабунцова Екатерина Евтихиевна (1894–1975), минералог, сотрудник Минералогического музея АН (с 1932)	1925 г. – в составе геохимического отряда (рук. Б.М. Кузнецкий) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Костылева Е.Е., Прокопенко Н.М.</i> Пегматитовые жилы Приурганского района Северной Монголии // Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1926. С. 51–84.
Крашениников Ипполит Михайлович (1884–1947), ботаник, сотрудник Главного ботанического сада АН; Ботанического института АН	1925 – в составе почвенного отряда (рук. Б.Б. Полюнов) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Полюнов Б.Б., Крашениников И.М.</i> Физико-географические и почвенно-ботанические исследования в области реки Убер-Джаргалантэ и верховьев Ара-Джаргалантэ// Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1926. С. 85–163.
Крупенин М.П. , топограф, сотрудник «Союззолото», с 1935 – Геологического института АН	1931, 1933 – в составе геологического отряда экспедиции Монгольской комиссии	
Крыжановский Владимир Ильич (1881–1947), минералог, сотрудник Минералогического музея АН	1924 – в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова и в Ученом комитете МНР	<i>Крыжановский В.И.</i> Поездка в Монголию за самоцветами // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 51–58.
Кулик Н.А. (1886–1942), геолог, сотрудник Геологического музея АН, в 1930-х – Геологического института АН	1926 – в составе геологического отряда (рук. З.А. Лебедева) экспедиции Монгольской комиссии	

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Куплетский Борис Михайлович (1894–1965) геолог, минералог, сотрудник КЕПС, Минералогического музея АН	1925, 1926 – возглавлял геохимические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Куплетский Б.М.</i> К геологии Восточной Монголии // Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1926. С. 32–50; <i>Куплетский Б.М.</i> Геологический очерк восточной части Северной Монголии в районе среднего течения р. Керулена // Предварительный отчет геологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929; <i>Куплетский Б.М., Литвин М.А.</i> О некоторых щелочных породах Западной Монголии. М.; Л., 1937.
Лебедев Николай Никифорович (1895–1942), почвовед, сотрудник Почвенного института АН	1925, 1926 – в составе почвенно- географических отрядов (рук. Б.Б. Полынов) экспедиций Монгольской комиссии	<i>Лебедев Н.Н., Неуструев Ю.С.</i> Почвенно-географические исследования 1926 г. в бассейне оз. Ихэ-Тухум-Нора // Предварительный отчет почвенно- географической экспедиции в Северную Монголию. Л., 1930. С. 75–144.
Лебедева Зоя Александровна (1893–1975), геолог, сотрудник Геологического музея; с 1930 – Геологического института АН; в 1937–1950 – Монгольской комиссии АН СССР	1922–1924 – в составе Монголо-Урянхайской экспедиции П.И. Рачковского; 1925, 1926, 1930, 1931, 1933 – возглавляла геологические отряды (партии) экспедиций Монгольской комиссии	<i>Лебедева З.А.</i> Геологические исследования Харкинского массива Северо-Западной Монголии // Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1926. С. 7–30; <i>Рачковский И.П., Лебедева З.А.</i> Краткий отчет о результатах работ Геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно- исследовательского комитета МНР в 1931 году. Л., 1932; <i>Лебедева З.А.</i> К геологии горной группы Гурбан-Сайхан в Гобийском Алтае. Л., 1934.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Лозинский Александр Маркович (1911–2003), астрофизик, заведующий (1957–1992) Зеленоградской станцией наблюдения Института астрономии АН	1959 – командирован в Комитет наук для консультаций по организации станции наблюдений за искусственными спутниками Земли (ИСЗ)	
Лукьянов Н.П., сотрудник Всесоюзного НИИ кормов	1940–1942 – в составе Сенокосно-пастбищной экспедиции	
Лукьянова Мария Федоровна (1906–1979), палеонтолог-преparator, сотрудник Палеонтологического института АН	1946–1949 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	
Лус Янис Янович (1897–1979), генетик, сотрудник Лаборатории генетики АН	1931 – возглавлял животноводческий отряд экспедиции Монгольской комиссии	<i>Лус Я.Я.</i> Работа животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году // Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году / Под ред. Я.Я. Луса. М.; Л., 1936. С. 3–20; <i>Лус Я.Я.</i> Овцы Монголии // Там же. С. 63–174; <i>Лус Я.Я.</i> Сарлыки и хайнаки // Там же. С. 292–350.
Малеев Евгений Александрович (1915–1966), палеонтолог, сотрудник Палеонтологического института АН	1947– 1949 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	<i>Малеев Е.А.</i> Новый анкилозавр из верхнего мела Монголии // Доклады Академии наук СССР. 1952. Т. 87. № 2. С. 273–276; <i>Малеев Е.А.</i> Новый черепахообразный ящер в Монголии // Природа. 1954. № 3. С. 106–108; <i>Малеев Е.А.</i> Панцирные динозавры верхнего мела Монголии. М.: ПИН АН СССР, 1954 (Труды Палеонтологического института. Т. 48); <i>Малеев Е.А.</i> Новый хищный динозавр из верхнего мела Монголии // Доклады Академии наук СССР. 1955. Т. 104. № 5. С. 779–783.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Мерперт Николай Яковлевич (1922–2012), археолог, аспирант, затем сотрудник ИИМК АН	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева	<i>Древнемонгольские города</i> / Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965.
Михайловская Ольга Николаевна (1894–?), почвовед, сотрудник Почвенного института АН	1927 – в составе почвенно-географического отряда (рук. Н.Н. Лебедев); 1928 – возглавляла почвенный отряд экспедиций Монгольской комиссии	<i>Михайловская О.Н.</i> Геоморфология и почвы Восточного Хангая // Михайловская О.Н., Неуструев Ю.С. Геоморфология и почвы Восточного Хангая. М.; Л., 1936. С. 51–223.
Мурзаев Эдуард Макарович (1908–1998), географ, сотрудник Географического института АН	1940–1944 – работал в Комитете наук МНР; 1960 – командировка в Комитет наук МНР по эквивалентному обмену	<i>Банников А.Г., Мурзаев Э.М., Юнатов А.А.</i> Очерк природы Заалтайской Гоби в пределах Монгольской Народной Республики // Известия ВГО. 1945. Т. 77. Вып. 3. С. 127–144; <i>Мурзаев Э.М.</i> Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948; <i>Мурзаев Э.М.</i> Монгольская Народная Республика: Система монгольских географических названий и их чтение. М., 1948.
Нейбург Мария Федоровна (1894–1962), геолог, палеоботаник, сотрудник Геологического музея АН, с 1934 – Геологического института АН	1922–1924 – в составе Монголо-Урянхайской экспедиции И.П. Рачковского; 1926 – возглавляла геологическую партию экспедиции Монгольской комиссии	<i>Нейбург М.Ф.</i> Геологические исследования в районе хр. Батыр-Ханрхан (Северо-Западная Монголия) в 1926 году. Л., 1929.
Неуструев Юрий Сергеевич (1907–1941), геолог, сотрудник Ленинградского геологического управления	1926, 1927 – в составе почвенно-географического отрядов (рук. Б.Б. Полынов, 1926; Н.Н. Лебедев, 1927) экспедиций Монгольской комиссии	<i>Лебедев Н.Н., Неуструев Ю.С.</i> Почвенно-географические исследования 1926 г. в бассейне оз. Ихэ-Тухум-Нора // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию. Л., 1930. С. 75–144; <i>Неуструев Ю.С.</i> Геологический очерк Восточного Хангая // Михайловская О.Н., Неуструев Ю.С. Геоморфология и почвы Восточного Хангая. М.; Л., 1936. С. 9–50.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Новожилов Нестор Иванович (1907–1992), палеонтолог, сотрудник Палеонтологического института АН	1949 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	<i>Новожилов Н.И.</i> Местонахождение млекопитающих нижнего эоцена и верхнего палеоцена Монголии // Сборник работ по палеонтологии МНР. М.; Л., 1954.
Окладников Алексей Павлович (1908–1981), археолог, сотрудник Ленинградского отделения ИИМК, с 1961 – в Новосибирске.	1948–1949 – в составе Монгольской историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева; с 1960 – возглавлял Археологические экспедиции по изучению палеолита Монголии	<i>Окладников А.П.</i> Петроглифы Монголии. Л., 1981.
Орлов Юрий Александрович (1893–1966), акад. (1960), палеонтолог, директор Палеонтологического института АН	1946 – научный руководитель Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	<i>Ефремов И.А., Орлов Ю.А.</i> О Монгольской палеонтологической экспедиции. Отчетный доклад для Общего собрания АН СССР, 8 марта 1949 // Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы. М., 1994. С. 213–226; <i>Орлов Ю. А.</i> Работа советских палеонтологов в Центральной Азии // <i>Природа</i> . 1952. № 6. С. 78–87.
Островецкий Казимир Леонардович (1889–1937), геолог, инженер, с конца 1920-х – работал в Карелии	1927 – возглавлял геохимический отряд экспедиции Монгольской комиссии	
Павлов Николай Васильевич (1893–1971), акад. АН Казахской ССР (1946), ботаник, сотрудник Наркомзема; в 1926–1937 – Института ботаники МГУ	1923–1925 – в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова; 1926 – возглавлял ботанический отряд экспедиции Монгольской комиссии	<i>Павлов Н.В.</i> Хангай и Северная Гоби. Предварительный отчет // Известия РГО. 1925. Т. 57. Вып. 1. С. 111–140; <i>Павлов Н.В.</i> Типы и производительность кормовых площадей Прихангайского района Монголии // Там же. С. 141–168; <i>Павлов Н.В.</i> Введение в растительный покров Хангайской горной страны // Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929; <i>Павлов Н.В.</i> По Монголии. Очерк экспедиции 1923–24 и 1926 гг. Хабаровск, 1930.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Педашенко Александр Иванович геолог, сотрудник «Союззолота»	1930 – в составе и геологического отряда (рук. И.П. Рачковский) Монгольской комиссии	
Победимова Евгения Георгиевна (1898–1973), ботаник, с 1925 сотрудник Главного Ботанического сада СССР, с 1936 – Ботанического института АН	1930, 1931 – возглавляла ботанический отряд экспедиций Монгольской комиссии	<i>Победимова Е.Г.</i> Рекогносцировочные ботанические исследования в юго-восточной Монголии. Л., 1933; <i>Победимова Е.Г.</i> Растительность центральной части Монгольского Алтая. М.; Л., 1935.
Погорельский Павел Васильевич (1899–1955) экономист	1930, 1931 – в составе экономических отрядов экспедиции Монгольской комиссии; в 1947–1949 возглавлял Монгольскую сельскохозяйственную экспедицию	
Полынов Борис Борисович (1877–1952), акад. (1946) почвовед, сотрудник КЕПС, Почвенного института АН	1924 – в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова и в Ученом комитете МНР; 1925, 1926 – возглавлял почвенно-географические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Полынов Б.Б.</i> Исследование почв // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 41–50; <i>Полынов Б.Б., Крашенинников И.М.</i> Физико-географические и почвенно-ботанические исследования в области реки Убер-Джаргалантэ и верховьев Ара-Джаргалантэ// Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1926. С. 85–160; <i>Полынов Б.Б., Лисовский В.И.</i> Рекогносцировочные исследования в области Северной Гоби // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию. Л., 1930. С. 3–74.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Попов Н.А., астрофизик, сотрудник Полтавской гравиметрической обсерватории АН УССР	1959 – командирован в Комитет наук, консультации по работе широтной станции наблюдения в рамках Международного геофизического года	
Поппе Николай Николаевич (1897–1991), монголовед, сотрудник Азиатского музея АН / Института востоковедения АН, с 1949 – жил в США	1926, 1927, 1929 – в составе (1926) и возглавлял этнолого-лингвистические отряды экспедиций Монгольской комиссии	<i>Поппе Н.Н.</i> Отчет о поездке в Орхон летом 1926 года // Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 1–26; <i>Поппе Н.Н.</i> Дагурское наречие. Л., 1930; <i>Поппе Н.Н.</i> Аларский говор. Ч. 1. Л., 1930; <i>Поппе Н.Н.</i> Аларский говор. Ч. 2. Л., 1931; <i>Поппе Н.Н.</i> Материалы по солонскому языку. Л., 1931; <i>Поппе Н.Н.</i> К вопросу о происхождении скотоводства у монголов // Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году / Под ред. Я.Я. Луса. М.; Л., 1936. С. 409–431.
Прокопенко Николай Моисеевич (1899–1955), геолог, сотрудник Белорусского сельскохозяйственного института	1925 – в составе геохимического отряда (рук. Б.М. Куплетский) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Костылева Е.Е., Прокопенко Н.М.</i> Пегматитовые жилы Приургинского района Северной Монголии // Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1926. С. 51–84.
Проханов Ярослав Иванович (1902–1965), ботаник, аспирант ЛГУ, в 1950-х гг. – сотрудник Дагестанского сельскохозяйственного института	1926 – в составе ботанического отряда (рук. Н.В. Павлов) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Проханов Я.И., Иконников-Галицкий Н.П.</i> Предварительный отчет о поездке в Монголию летом 1926 года // Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Пэк А.В. , коллектор	1926 – в составе геохимического отряда (рук. Б.М. Куплетский) экспедиции Монгольской комиссии	
Рачковский Иван Петрович (1878–1961), геолог сотрудник Геологического музея АН и Монгольской комиссии, Геологического института АН	1922–1924 – возглавлял Монголо-Урянхайскую экспедицию АН; 1927, 1930, 1931, 1933 – возглавлял геологические отряды экспедиций Монгольской комиссии; 1935, 1946 – командировки в Комитет наук МНР	<i>Рачковский И.П., Лебедева З.А.</i> Краткий отчет о результатах работ Геологического отряда экспедиции АН СССР и Научно-исследовательского комитета МНР в 1931 году. Л., 1932.
Рерих Юрий Николевич (1902–1960), филолог-востоковед с 1957 – сотрудник Института востоковедения АН	В 1927 – в составе Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха; 1958 – в Комитете наук МНР по эквивалентному обмену; 1959 г. – участвовал в первом Конгрессе монголоведов в Улан-Баторе	<i>Рерих Ю.Н.</i> По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982 (<i>книга написана в 1931 г.</i>).
Рогозов В.В. , препаратор	1926 – в составе зоологического отряда (рук. А.Н. Кириченко) экспедиции Монгольской комиссии	
Рождественский Анатолий Константинович (1920–1983), палеонтолог, сотрудник Палеонтологического института АН	1947–1949 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	<i>Рождественский А.К.</i> Местонахождения верхнетретичных млекопитающих на западе МНР // Сборник работ по палеонтологии МНР. М.; Л., 1954. С. 47–53; <i>Рождественский А.К.</i> Исследования советских палеонтологов в Центральной Азии (Монгольская палеонтологическая экспедиция). М., 1952; <i>Рождественский А.К.</i> За динозаврами в Гоби. М., 1957.
Роцин Сергей Константинович (1930), историк, сотрудник Института востоковедения АН	1959 – командирован в Комитет наук МНР по эквивалентному обмену	

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Санжаев Гарма Данцаранович (1902–1982), филолог-монголовед, сотрудник Института востоковедения АН	1927 – в составе этнолого-лингвистического отряда экспедиции Монгольской комиссии	<i>Санжаев Г.Д.</i> Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930; <i>Санжаев Г.Д.</i> Дархаты: Предварительный отчет о поездке в Монголию в 1927 году. Л., 1930; <i>Санжаев Н.Д.</i> Дархатский говор и фольклор. Л., 1931.
Севко Владимир Максимович, препаратор, с 1930 по 1970 – сотрудник ГИН АН	1926, 1927 – в составе геологического отряда (рук. З.А. Лебедева, И.П. Рачковский)	
Сизова Платонида Петровна (1890–1951), геолог, сотрудник Геологического музея АН	1922–1924 – в составе Монголо-Урянхайской экспедиции И.П. Рачковского; 1931, 1932, 1933 – в составе геологических отрядов экспедиций Монгольской комиссии	<i>Сизова П.П.</i> К характеристике нижнекарбонových разрезов отложений района горы Урмуктуй и гор Хаптагай в Монголии. Л., 1935.
Смирнов Василий Александрович (1874–?) геохимик, сотрудник Геологического музея АН	1926 – возглавлял гидрохимический отряд экспедиции Монгольской комиссии; 1927, 1928 – возглавлял Гобийскую экспедицию Ученого комитета МНР	<i>Смирнов В.А.</i> Отчет о работах гидрохимического отряда Монгольской экспедиции 1926 года. Л., 1932; <i>Смирнов В.А.</i> Аршаны Монголии. Л., 1932; <i>Смирнов В.А.</i> Газы Монголии (По данным Монгольской экспедиции Академии наук 1926 г. и экспедиции Монгольского Ученого комитета 1927 г.). Л., 1933.
Смольянинова Анастасия Лаврентьевна (1892–?) геолог, сотрудник Геологического музея АН с 1935 – Геологического института АН	1931, 1932, 1933 – в составе геологических отрядов (рук. И.П. Рачковский – 1931, 1933; П.П. Сизова – 1932) экспедиций Монгольской комиссии	
Соловьев К.В., студент	1928 – в составе почвенного отряда (рук. О.Н. Михайловская) экспедиции Монгольской комиссии	

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Теплоухов Сергей Александрович (1888–1934), археолог, сотрудник АИМК, Этнографического отдела Русского музея	1924 – в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова	<i>Теплоухов С.А.</i> Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925. С. 13–22.
Тубянский Михаил Израилевич (1893–1937), востоковед, сотрудник Азиатского музея АН	1927–1936 – работал в Комитете наук МНР; в 1930–1936 – ученый секретарь	<i>Тубянский М.И., Беленький С.Ю.</i> К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. 1935. № 3. С. 59–84; <i>Тубянский М.И.</i> Экономические главы из «Наставления» То-Вана // Современная Монголия. № 2. С. 30–48; <i>Тубянский М.И.</i> К вопросу о пастбищном зимовании скота в МНР (Проблемы рационализации кочевничества) // Современная Монголия. 1936. № 4/5. С. 151–168.
Тугаринов Аркадий Яковлевич (1880–1948), орнитолог, сотрудник Зоологического музея / института АН	1926 – в составе зоологического отряда (рук. А.Н. Кириченко), в 1928 возглавлял зоологический отряд экспедиций Монгольской комиссии	<i>Тугаринов А.Я.</i> Из поездки по Монголии // Природа. 1927. № 10. С. 802–813; <i>Тугаринов Л.Я.</i> Северная Монголия и птицы этой страны // Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 145–236; <i>Тугаринов А.Я.</i> Птицы Восточной Монголии по наблюдениям экспедиции 1928 года. Л., 1932.
Устюжанинов Иннокентий Николаевич (1880–1968), историк, композитор сотрудник Тихоокеанского института АН, ответственный секретарь Комиссии Президиума АН СССР по подготовке «Истории МНР»	В 1924–1926 гг. в качестве генерального консула и заведующего консульской частью полпредства СССР; 1946, 1947, 1948, 1949 – участвовал в совместном проекте по подготовке «Истории МНР»	Участвовал в написании текста «Истории МНР» (1954)

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Флеров К.онстантин Константинович (1904–1989), палеонтолог, заведующий Палеонтологическим музеем АН	1946 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	<i>Флеров К.К.</i> Диноцераты Монголии. М., 1957. (Труды Палеонтологического института АН СССР. Т. 67).
Формозов Александр Николаевич (1899–1973), зоогеограф, аспирант Института зоологии МГУ, позже – сотрудник МГУ	1926 – в составе зоологического отряда (рук. А.Н. Кириченко) экспедиции Монгольской комиссии	<i>Формозов А.Н.</i> Млекопитающие Северной Монголии по сборам экспедиции 1926 года // Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Л., 1929. С. 1–144; <i>Формозов А.Н.</i> В Монголии: Очерк путешествия зоологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР. М.; Л., 1928.
Хейсин Евгений Минеевич (1907–1968), генетик, сотрудник Педагогического института им. А.И. Герцена, в 1950-х – Института цитологии АН	1931 – в составе животноводческого отряда (рук. Я.Я. Лус) экспедиции Монгольской комиссии	
Хами А.Ю., химик	1930 – возглавлял гидрогеологический отряд экспедиции Монгольской комиссии	
Цаценкин Иван Афанасьевич (1905–1957) геоботаник, сотрудник Всесоюзного НИИ кормов	1940–1947 – возглавлял Сенокосно- пастбищную экспедицию Наркомзема; работал в Комитете наук МНР	<i>Цаценкин С., Юнатов А.А.</i> Естественные кормовые ресурсы МНР. Восточная часть Гоби. М., 1951.
Цыбиков (Цыбиков) Бимба Доржиевич (1912–2006), историк, сотрудник Бурят- Монгольского НИИ культуры и экономики	1946 – работал в Комитете наук МНР по подготовке материалов для написания «Истории МНР»	

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Цыдендамбаев Цыбикжап Бобоевич (1915–1983), филолог, сотрудник Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР	1959 – участвовал в первом Конгрессе монголоведов в Улан-Баторе	
Шастина Нина Павловна (1898–1964), монголовед, сотрудник Института востоковедения АН (с 1936)	1920–1936 – работала в Комитете наук МНР	<i>Шастина Н.</i> Основная литература о Монголии // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 84–94; № 2. С. 92–105; <i>Шастина Н.П.</i> Материалы по библиографии Монголии // Современная Монголия. 1935. № 4. С. 84–92; <i>Шастина Н.П.</i> Обзор литературы о Монголии за 1935 г. (По материалам библиотеки Ученого комитета МНР) // Современная Монголия. 1935. № 6. С. 94–103.
Шубин Василий Федорович (1908–1968), агроном, сотрудник Всесоюзного института кормов	1940–1945 – в составе Сенокосно-пастбищной экспедиции; работал в Комитете наук МНР	<i>Шубин В.Ф.</i> Земледелие Монгольской Народной Республики. М., 1953.
Шульженко Иван Федосеевич (1900–?), агроном-зоотехник, сотрудник Ленинградского зоотехнического института (до 1941), Плодоовощного института, г. Мичуринск (1941–1944), сотрудник Комитета наук МНР и проректор МонГУ (1944–1949), сотрудник МОНК (с 1948), с 1952 – Физиологического института им. И.П. Павлова	1931 – в составе животноводческого отряда (рук. Я.Я. Лус) экспедиции Монгольской комиссии; 1942–1948 – проректор МонГУ; возглавлял животноводческий отряд Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг.	<i>Шульженко И.Ф.</i> Мясное хозяйство Монголии // Отчет животноводческого отряда экспедиции АН СССР / Под ред. Я.Я. Луса. Л., 1933; <i>Шульженко И.Ф.</i> Состояние и перспективы развития животноводства МНР // Домашние животные Монголии: материалы животноводческого отряда Монгольской экспедиции АН СССР в 1931 году / Под ред. Я.Я. Луса. М.; Л., 1936. С. 24–62; <i>Шульженко И.Ф.</i> Основные результаты экспериментальных работ по животноводству МНР // Продуктивность монгольских пород животных. М.; Л., 1954. С. 5–11; <i>Шульженко И.Ф.</i> Животноводство МНР. М.; Л., 1954.

Фамилия, имя, отчество	Годы и место работы в Монголии	Публикации по результатам работы в Монголии
Эглон Ян Мартынович (1888–1971), художник, скульптор, препаратор, сотрудник Палеонтологического института АН	1946–1949 – в составе Монгольской палеонтологической экспедиции И.А. Ефремова	
Юнатов Александр Афанасьевич (1909–1967), геоботаник, сотрудник Всесоюзного института кормов, с 1948 – Ботанического института АН	1940–1947 – в составе Сенокосно-пастбищной экспедиции Наркомзема; работал в Комитете наук МНР, преподавал в МонГУ; в составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1948–1951 гг.; 1960–1962, 1966 – командировки в Комитет наук МНР по эквивалентному обмену	<i>Банников А.Г., Мурзаев Э.М., Юнатов А.А.</i> Очерк природы Заалтайской Гоби в пределах Монгольской Народной Республики // Известия ВГО. 1945. Т. 77. Вып. 3. С. 127–144; <i>Юнатов А.А.</i> Основные черты растительного покрова Монгольской Народной Республики. М., 1950; <i>Цаценкин С., Юнатов А.А.</i> Естественные кормовые ресурсы МНР. Восточная часть Гоби. М., 1951; <i>Юнатов А.А.</i> Кормовые растения пастбищ и сенокосов МНР. М.; Л., 1954.